

СТЕНОГРАММА
НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

16
ТОМ

МИЛИТЕРА
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Москва 2025

ВНИЦ «Милитера» благодарен редакции портала «Возмездие» за участие в подготовке издания.

С67 Стенограмма Нюрнберга : сб. документов : Том 16 / пер., сост. С.А. Мирошниченко. – 2-е изд., доп. – М. : Милитера, 2025. – 649 с. – (Нюрнберг : материалы).

Том шестнадцатый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний 25 июня — 8 июля 1946. В ходе этих заседаний защита завершила представление доказательств по делу фон Нейрата. Защита представила доказательства по делу Фриче и Бормана. Участники процесса провели допросы подсудимых фон Нейрата и Фриче. Были допрошены свидетели Кёпке, Дикхоф, Фолькерс, Ширмейстер, Аренс, Эйхборн, Оберхойзер, Базилевский, Марков, Прозоровский, Кемпка. Трибунал заслушал свидетелей по Катынскому делу. Защита завершила представление доказательств по делу индивидуальных подсудимых. Защита выступила с речью по общеправовым вопросам дела. С заключительной речью выступили защитники Геринга и фон Риббентропа. Началось выступление с заключительной речью в защиту Кейтеля.

Содержание

Содержание	3
Вторник, 25 июня 1946.....	5
Утреннее заседание	5
Вечернее заседание.....	40
Среда, 26 июня 1946.....	83
Утреннее заседание	83
Вечернее заседание.....	113
День сто шестьдесят пятый	147
Четверг, 27 июня 1946.....	147
Утреннее заседание	147
Пятница, 28 июня 1946.....	175
Утреннее заседание	175
Вечернее заседание.....	204
Суббота, 29 июня 1946	235
Утреннее заседание	235
Понедельник, 1 июля 1946.....	264
Утреннее заседание	264
Вечернее заседание.....	292
Вторник, 2 июля 1946.....	321
Утреннее заседание	321
Вечернее заседание.....	342
Среда, 3 июля 1946	372
Утреннее заседание	372
Четверг, 4 июля 1946	434
Утреннее заседание	434
Вечернее заседание.....	475
Пятница, 5 июля 1946.....	498

Утреннее заседание	498
Вечернее заседание.....	528
Понедельник, 8 июля 1946.....	557
Утреннее заседание	557
Вечернее заседание.....	596

День сто шестьдесят третий

Вторник, 25 июня 1946

Утреннее заседание

[Подсудимый фон Нейрат вернулся на место свидетеля]

Нельте¹: Господин председатель, я бы хотел уведомить трибунал о том, что первая половина рукописи моей заключительной речи в машинописном виде будет готова завтра, а вторая половина к следующей субботе. К сожалению скажу, что лично я смог подготовить только восемь копий, шесть из них забронированы для переводчиков, чтобы облегчить их трудную задачу. Сожалею, что не могу обеспечить больше копий, поскольку лично я не имею никакого мимеографического аппарата. Надеюсь трибунал отметит то, что после заявления в пятницу главного обвинителя от Соединенных Штатов, я не могу требовать никакого технического содействия обвинения.

Поэтому, я прошу трибунал решить о том стоит ли, для того, чтобы ускорить презентацию, иметь перед собой перевод моей речи. В таком случае я бы просил, чтобы была проведена необходимая подготовка. Я готов передать свою рукопись в распоряжение трибунала, с условием объявленном вами, господин председатель. То, что относится ко мне, насколько мне известно, относится к остальным, по крайней мере к большинству защиты. Для того, чтобы ускорить процесс и сократить время потраченное на презентацию заключительных речей, важно внести в это ясность.

Председатель: Доктор Нельте, если вы вручите рукопись о которой говорите, трибунал организует её перевод на разные языки. Думаю это удовлетворит вопрос в отношении вас.

Нельте: Да.

Председатель: Трибунал имеет объявление по теме, о которой я прочитаю. Объявление такое:

«В виду дискуссии которая состоялась 13 июня 1946 по вопросу времени которое займет защита, трибунал высказывает следующее соображение.

Когда защита назвала время которое она пожелала затребовать, трибунал заметил, что некоторым подсудимым потребовалось больше

---

¹ Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

времени чем остальным, и в этой степени они произвели распределение между собой. Трибунал считает, что предложенное время слишком долгое и необходимо предпринять добровольное ограничение.

За исключением нескольких подсудимых чьи дела весьма объемные, трибунал считает, что половина дня на каждого подсудимого достаточное время для презентации его защиты и трибунал надеется, что защитники будут сжимать свою аргументацию и добровольно ограничат себя этим временем. Однако трибунал не допустит никакому защитнику рассматривать вопросы не относящиеся к делу или выступать по делу больше одного дня. Четыре часа будут разрешены в начале аргументации по общим вопросам права и фактам, и защитник должен обращаться со своей аргументацией так, чтобы избежать ненужного повторения».

Как сказано, трибунал хотел бы иметь переводы каждой аргументации на французском, русском и английском языках в начале аргументации. Защитники сами могут подготовить переводы если желают, но если они вручат копии своей аргументации в отдел переводов как можно скорее и не меньше чем за три дня до выступления, для них будет подготовлен перевод и содержание копий не будет раскрыто.

Это всё.

Да, доктор Людингхаузен.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, прошлым вечером мы остановились на различных пунктах предъявленных обвинением. Я бы хотел продолжить и поставить вам следующий вопрос.

Обвинение вменяет вам, что в Протекторате² немцы имели преимущественное положение в сравнении с чехами и в том, что вы были ответственным за это. Пожалуйста, вы это прокомментируете?

Нейрат: Положение немцев в Протекторате не являлось преимущественным положением, которое имело какие-либо реальные льготы и преимущества в сравнении с чехами, но всё было совершенно по-другому. Немцы становились гражданами Рейха и поэтому имели права граждан Рейха, такие как право голосовать на выборах в Рейхстаг³. Чехи не имели права голоса, что понятно в виду существовавших различий – разнице между немецким народом и чешским народом. Никогда не было никаких фактических преимуществ связанных с положением немцев в Протекторате.

² Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

³ Рейхстаг — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а также формально при национал-социалистах.

Усилия получить преимущественное положение, конечно, предпринимались в шовинистических партийных и националистических кругах. Но я всегда решительно им возражал и предотвращал любую практическую реализацию таких усилий. Однако, в связи с этим я бы хотел ещё раз отметить, что чешский народ никоим образом не считал себя низшим в отношении к немецкому народу.

Это был просто вопрос разных людей с которым нужен был подход, политически и культурно, согласно его характеристикам. В этом также заключалась причина сохранения так называемой автономии, которая означала не более чем разделение двух национальностей с целью сохранения чехами собственного образа жизни, и очевидно, что эту автономию нужно было сохранять в определенных рамках, диктуемых преобладающими нуждами Рейха в целом, особенно во время войны.

Людингхаузен: Теперь я бы хотел рассмотреть отдельные пункты предъявленные в чешском обвинительном заключении или даже пункты находящиеся в чешском докладе, который является основой данного обвинения. В этом докладе утверждается, что подавлялась свобода прессы. Это правильно и какую роль господин фон Грегори⁴ играл в обращении с прессой?

Нейрат: Господин фон Грегори был пресс-атташе германской легации в Праге и подчинялся министерству пропаганды. Затем он пришёл, как начальник моего отдела прессы, в мою администрацию и контролировал чешскую прессу согласно указаниям министерства пропаганды в Берлине. Чешская пресса, конечно, не являлась свободной – не более чем немецкая пресса. Контроль за оборотом и остальные меры, особенно цензура были одинаковыми.

Людингхаузен: Чешский доклад дальше предъявляет обвинение в том, что местные чешские административные ведомства во многих случаях распускали, и затем реорганизовывали, и ключевые позиции занимали чиновники и городские советники, которые были немецкими или чешскими коллаборантами. Это верно?

Нейрат: Эти были общины со значительным немецким меньшинством, в частности в Моравии. То, что они тоже должны были иметь представительство в местной администрации казалось мне естественным. Прага, например, имела чешского бургомистра и немецкого помощника бургомистра. Этому вряд ли можно было возражать. В отношении попыток немцев в различных городах и округах принимать участие в местной администрации в степени которая не казалась оправданной в силу численности, я вмешивался и отказывал им. В муниципальных администрациях из чисто чешских округов, таких как Западная Богемия, в основном вообще не было немецких представителей. Но с другой стороны, были немецкоговорящие анклавы, такие как регион Иглау, где немцы количественно преобладали и конечно, таким образом, во влиянии.

---

⁴ Карл фон Грегори (1899 – 1955) – немецкий журналист и дипломат. В 1939-1941 начальник отдела культуры при рейхспротекторе. Умер находясь в советской тюрьме.

Людингхаузен: Чешский доклад обвиняет вас – таким образом и в результате назначения оберландратов – в германизации чешской администрации, и этот доклад основывает свои обвинения на заявлении, которое вы предположительно сделали бывшему ландеспрезиденту Богемии Бинерту⁵, в котором вы сказали: «Всё это переварится за два года».

Нейрат: Я не помню такое заявление. И не могу представить, чтобы сказал такое. Здесь речь идет о взаимодействии с чехами – чехов с германской администрацией. Оберландраты не назначались мной, а это ведомство было создано как контролирующая служба правительства Рейха по указу от 1 сентября 1939 в связи с созданием германских администраций и полиции безопасности. Когда оберландраты являлись ко мне, чтобы докладывать, я говорил им снова и снова о том, что они не должны были сами осуществлять административную работу, а только надзирать. Чешский метод управления часто превосходил германский, я им это говорил.

Людингхаузен: По поводу этого, я бы хотел сослаться на документ номер Нейрат-149 из моей документальной книги, указ об организации администрации и германской полиции безопасности, датированный 1 сентября 1939. В параграфах 5 и 6 более подробно описано распределение обязанностей этих оберландратов. Цитирование из этого документа может быть излишним.

Чешское обвинительное заключение далее содержит заявление господина Бинерта о том, что по проблеме сотрудничества с чешской администрацией вы заметили ему нечто вроде: «Это нужно делать строго, в конце концов это война». В то же время Бинерт заявил в своём допросе, что цель этой меры, то есть взаимодействие чешской и германской администрации, заключалась в том, чтобы обеспечить Германии мирные прилегающие территории во время войны.

Будьте любезны прокомментировать это.

Нейрат: Возможно, что я говорил Бинеру что-то подобное. Однако, сейчас я это не могу вспомнить. Но само собой разумеется, что в сфере управления, как и в любой другой сфере в Протекторате, нужды войны являлись основной заботой. Ограничения автономии чешской национальной администрации следует рассматривать с такой точки зрения. В этом заключалось моё постоянное стремление сохранять в стране покой в интересах Рейха, и такой интерес вряд ли можно предъявлять против меня. Помимо этого, я бы хотел заметить, что введение ограничений автономии уже прямо содержалось в указе о создании Протектората.

Людингхаузен: В связи с этим, я бы хотел сослаться на приказ содержащийся в нашей документальной книге под номером Нейрат-144, документальная книга 5. Приказ был издан фюрером и рейхсканцлером о Протекторате Богемия и Моравия и

---

⁵ Рихард Бинерт (1881 – 1949) — высокопоставленный чешский полицейский и политический деятель. Занимал пост премьер-министра Протектората Богемии и Моравии с 19 января по 5 мая 1945 года. После Второй мировой войны был приговорен к трем годам лишения свободы за сотрудничество с немцами. Освобожден досрочно.

датирован 16 марта 1939. В статье 11 даже предусматривалось, что Рейх мог включать административные ведомства Протектората в свою администрацию. Далее чешский доклад ссылается на заявление сделанное бывшим чешским министром Гавелкой⁶ о преследовании членов Чешского легиона⁷ Первой мировой войны постольку поскольку они занимали общественные посты. Что вы можете сказать нам об этом вопросе легионеров?

Нейрат: Чешский легион был сформирован в России во время Первой мировой войны. Он состоял отчасти из добровольцев, отчасти из остатков чешских полков, которые относились к австро-венгерской армии и стали военнопленными в России. Эти чешские легионеры пользовались определенным исключительным положением в чешской республике. Отчасти они были наполнены сильным шовинистическим негодованием к Рейху, которое шло со времени националистической борьбы. Эта, так называемая ментальность легионеров, являлась модным лозунгом в Богемии; и во времена политического беспокойства она могла обозначать некую политическую опасность. Кстати, преимущественное положение легионеров в Протекторате широко атаковалось самими чехами. Поэтому, в частности Франк⁸ прилагал усилия, чтобы устранять легионеров с общественной службы. Но это имело место в крайних случаях и лишь постольку поскольку эти легионеры вступили в Чешский легион добровольно, то есть, это не относилось к тем, кто являлся военнослужащими австро-венгерской армии. С самого начала я пытался создать такую дискриминацию, которая приблизительно соответствует ситуации — или соответствует разграничению — которое сегодня сделано в Германии между добровольными членами СС и Ваффен-СС.

Людингхаузен: Далее чешское обвинительное заключение вменяет вам поддержку чешской фашистской организации Влайка⁹. Оно основывает обвинения на меморандуме, который вы лично написали о дискуссии которая была у вас с Гахой¹⁰, президентом Чехословакии 26 марта 1940. Согласно данному меморандуму вы говорили Гахе о том, что вам были известны личные и моральные качества руководителей Влайки; в любом случае, вам пришлось подтвердить тот факт, что это движение, эта организация, являлась единственной имевшей положительное отношение к Рейху и к сотрудничеству с Рейхом. Что насчёт этого?

Нейрат: Движение Влайка являлось таким же как коллаборационисты во Франции.

⁶ Ярослав Гавелка (1917 – 2005) – чешский и чехословацкий социал-демократический политик. В послевоенной Чехословакии занимал ряд министерских постов.

⁷ Чехословацкие легионы — добровольческие чешские и словацкие военные формирования, принимавшие участие в Первой мировой войне на стороне Антанты.

⁸ Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнен по приговору чехословацкого суда.

⁹ «Знамя» - чешская националистическая и фашистская организация основанная в 1928.

¹⁰ Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. 13 мая 1945 года арестован за сотрудничество с немцами, в ожидании суда умер в заключении.

Это движение работало с тем, чтобы достичь немецко-чешского сотрудничества, и фактически задолго до создания Протектората. Но лидеры движения, по моему мнению, являлись довольно сомнительными личностями, как я показал в словах Гахе процитированных выше. Эти лидеры среди прочего угрожали и клеветали на президента Гаху и членов чешского правительства. Государственный секретарь Франк знал этих людей с былых времён и хотел поддерживать их учитывая их бывшее сотрудничество с ним. Однако, я отказался делать это, также как я отказывал в различных ходатайствах этих людей о том, чтобы посетить меня.

С другой стороны, возможно, что без моего ведома, Франк поддерживал их из фонда который Гитлер¹¹ передал в его распоряжение и о котором Франк не должен были ничего говорить мне.

Людингхаузен: Какое отношение, вы заняли к роспуску партий – политических партий – и профессиональных союзов?

Нейрат: Это было похоже на контроль за прессой, необходимость которая вытекала из системы, из политической системы Рейха. В любом случае, в результате шага предпринятого президентом Гахой и несмотря на меры принятые Германией, ни одна страна не пострадала меньше чем Протекторат. Чешский народ единственный в центральной и восточной Европе, который смог сохранить своё национальное, культурное и экономическое существование почти в полной мере.

Людингхаузен: Теперь я бы хотел перейти к пункту предъявленному обвинением, который касается предполагаемого культурного подавления. Что вы можете рассказать нам о руководстве чешскими образовательными вопросами?

Нейрат: Чешские университеты и остальные учреждения высшего образования как уже говорили, были закрыты по приказу Гитлера в ноябре 1939. Снова и снова, по просьбе президента Гахи и правительства Протектората, я обращался напрямую к Гитлеру, чтобы открыть эти школы. Но ввиду преобладавшего положения господина Гимmlера¹², я не имел успеха. Следствие закрытия университетов, конечно, заключалось в том, что большое количество молодежи, которая бы иначе стала студентами университетов, теперь вынуждено было искать ручную работу. Закрытие учреждений высшего образования также имело последствия для уровня средней школы. Она уже была тяжко обременена после отделения Судетов¹³ осенью 1938, так как вся чешская интеллигенция из этого региона вернулась в чешскоговорящие районы или туда, что позднее было Протекторатом. Поэтому для

¹¹ Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

¹² Генрих Гимmlер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

¹³ Судетская область, — пограничный регион Чехии, своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

молодежи из средних школ вряд ли оставалась какая-то работа. Это была почти такая же ситуация которая сейчас преобладает в Германии. Касательно закрытия чешских начальных школ и других запланированных усилий ограничить чешскую молодежь в её культурной свободе и образовательных возможностях, мне ничего неизвестно.

Людингхаузен: Лично вы одобряли закрытие чешских учреждений высшего образования приказанное Гитлером?

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, он сказал, что пытался вмешаться и отменить приказ Гитлера.

Людингхаузен: Если этого достаточно для трибунала, тогда нет дальнейшей необходимости отвечать на вопрос.

Председатель: Вы не думаете, что этого достаточно?

Людингхаузен: Да, я лишь хотел снова конкретно выразить это, однако, если трибунал удовлетворён разъяснением данной проблемы, я полностью удовлетворён.

Председатель: От того, что вы скажите это дважды, лучше не будет.

Людингхаузен: Да, если вы – но, достаточно.

[Обращаясь к подсудимому] Вам что-нибудь известно о предполагаемом плане, названном в чешском докладе, превратить чешский народ в массу рабочих и лишить его интеллигенции?

Нейрат: Нет. Только безумец мог бы сделать такое заявление.

Людингхаузен: Чешское обвинительное заключение или доклад, утверждает, что с помощью ваших служб, то есть, с вашего согласия и поддержки, состоялось разрушение и разграбление чешских научных учреждений. На странице 58 немецкого текста, странице 55 английского из этого доклада, СССР-60, сказано:

«Немцы заняли все университеты и научные учреждения. Они немедленно присвоили ценную аппаратуру, инструменты и научные установки в занятых учреждениях. Научные библиотеки систематически и методично грабили. Архивы академического сената - высшего университетского органа, рвали или сжигали, и уничтожали картотеки и развеивали по ветру».

Нейрат: В связи с этим, я могу лишь сказать, что я никогда не слышал ни о каком грабеже и уничтожении подобных описанному в Праге или позднее. Чешская высшая школа, или учреждения высшего образования, были закрыты вместе с университетами в 1939 по приказу Гитлера. Здания и сооружения чешского университета Праги, насколько мне известно, частично находились в распоряжении германского университета, который был раньше закрыт при чехах, поскольку после закрытия чешской высшей школы, их больше нельзя было использовать в чешских научных целях.

Людингхаузен: Вам вообще, что-нибудь известно...

Председатель: Я не понял ответ. Как я это понял: «Здания, частично передали в

распоряжение германских университетов которые закрыли чехи».

Нейрат: В Праге. В Праге был старейший германский университет, он был закрыт чехами после последней войны, и после создания Протектората был открыт заново, и, насколько мне известно, некоторое оборудование и здания использовались для этого германского университета.

Председатель: Продолжайте.

Людингхаузен: Вам что-нибудь ещё известно о вывозе научного оборудования, коллекций, предметов искусства, и тому подобного?

Нейрат: Единственный случай о котором у меня имелись какие-либо сведения касался вывоза исторически ценных гобеленов из Мальтийского дворца в Праге. Они были вывезены сотрудником министерства иностранных дел в Берлин, предположительно по приказу начальника протокола, это было сделано ночью, тайно, и без ведома моего или моих чиновников. Как только я узнал об этом, я связался с министерством иностранных дел, и я немедленно попросил возвращения. Вернули ли, я не знаю, это было в 1941, и тем временем я покинул Прагу.

Людингхаузен: Могу я тут...

Нейрат: Я ничего не знаю об остальных инцидентах. Помимо этого, я особо запретил вывоз предметов искусства из Протектората в Рейх.

Людингхаузен: В связи с этим, я бы хотел представить выдержку из допроса бывшего государственного секретаря Франка датированную 10 июня 1945. Это номер Нейрат-154 из моей документальной книги номер 5, и я бы хотел попросить трибунал принять уведомление о данном заявлении.

[Обращаясь к подсудимому] Что случилось с предметами искусства и мебелью, которые являлись чешской государственной собственностью и с Чернинском дворцом¹⁴ в Праге, который вы использовали как свою официальную резиденцию?

Нейрат: Этот дом был бывшей официальной резиденцией чешского министра иностранных дел, и частично ценная мебель принадлежала чешскому государству. Поскольку не было никакой инвентаризации этих вещей, до переезда осенью 1939, я вызвал чешского директора администрации замка и чешского историка искусства, профессора Штрецки, и я провёл очень точную инвентаризацию. Одна копия этой инвентаризации осталась в моём ведомстве а другая была сдана на хранение администрации замка. После того как я оставил Прагу осенью 1941, с помощью моего смотрителя я снова составил протокол в присутствии представителя администрации замка, профессора Штрецки, о том, что вещи которые перечисляли в инвентаризации на самом деле были там.

Председатель: Я не думаю, что нам нужны подробности инвентаризации, но есть

¹⁴ Чернинский дворец — протяжённый (длина фасада 150 метров) дворец аристократического рода Черниных в Градчанах неподалёку от Пражского Града и Лореты. В здании расположено Министерство иностранных дел Чешской республики.

одна вещь я которой я бы хотел спросить. До меня дошёл перевод о том, что инвентаризацию провели осенью 1938. Это правильно?

Нейрат: 1939. Я лишь хотел упомянуть, что естественно я не брал никаких этих вещей.

Людингхаузен: Ещё один пункт, предъявленный чешским обвинительным заключением касается конфискации в различных городах так называемых домов Масарика¹⁵ и уничтожения памятников Масарику и памятников воздвигнутых другим личностям знаменитым в чешской истории. Что вам известно об этом?

Нейрат: Пока я находился в должности, некоторые из этих домов Масарика были закрыты полицией из-за того, что они являлись центрами агитации против Германии. Разрушение или удаление Масарика или других чешских национальных памятников я особо запретил. Помимо этого, я прямо разрешил возложение венков на могиле Масарика в Ланьи, которое запретил Франк, и это на самом деле происходило с большим размахом.

Людингхаузен: Далее утверждается, что чешскую литературу подавляли и надели намордник в большой степени.

Нейрат: Печатание и распространение чешской антинемецкой литературы было конечно запрещено, также как дальнейшее распространение английских и французских работ было запрещено по всему Рейху во время войны. Помимо этого, со всем этим материалом обращались в соответствии с прямыми приказами министерства пропаганды. Однако, пока я находился в должности, всё же было много чешских книжных магазинов и книгоиздательские концерны которые публиковали книги чешских авторов в больших количествах и распространяли их. Выбор всевозможных чешских книг в книжных магазинах был значительно больше, чем выбор немецких книг.

Людингхаузен: Вы можете что-нибудь сказать о подавлении чешской культурной жизни, театров, фильмов и тому подобное, на что ссылается обвинение?

Нейрат: Вообще не было вопроса ограничения культурной автономии чехов, кроме проблемы университетов. В Праге большое количество крупных чешских театров любого репертуара все время было открыто, особенно чешская опера и несколько театров. С другой стороны был только один постоянный немецкий театр с ежедневными спектаклями. Было постоянное производство многих чешских пьес и опер, и то же самое относилось к музыке. Известный чешский филармонический оркестр Праги преимущественно играл чешскую музыку и было абсолютно независимым в своих программах.

Председатель: Доктор Людингхаузен, нам не требуются подробности. Подсудимый сказал, что театры и кинотеатры были разрешены, и что был только один немецкий

---

¹⁵ Томаш Масарик (1850 — 1937) — чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после создания государства — первый президент Чехословацкой Республики (1918—1935)

театр. Нам не нужны никакие дальнейшие детали об этом.

Людингхаузен: Господин председатель, очень хорошо. Я спросил об этих темах лишь потому, что их довольно широко рассматривали в обвинительном заключении.

[*Обращаясь к подсудимому*] А что насчёт производства фильмов, господин фон Нейрат?

Нейрат: То же самое относилось к производству фильмов. Оно было особенно активным.

Людингхаузен: Итак, я бы хотел перейти к предполагаемому подавлению религиозной свободы, в котором вас обвиняет чешское обвинительное заключение. Чешское обвинительное заключение говорит о волне преследования, которая накрыла церкви и которая незамедлительно началась, когда германские войска вступили в страну. Что насчёт этого?

Нейрат: О систематическом преследовании церквей не может быть и речи. Население было совершенно свободным, что касалось церковных служб, и я точно не потерпел бы никаких таких ограничений. Бывший заместитель государственного секретаря фон Бургсдорф уже дал об этом показания. Может быть правда, что в отдельных случаях паломничество или определенные религиозные процессии запрещались полицией, при том, что лично я об этом четко не помню. Но это происходило лишь потому, что определенные паломничества, состоявшие из многих тысяч людей использовались как политические демонстрации на которых произносили антигерманские речи. В любом случае, это на самом деле происходило несколько раз и доводилось до моего сведения. Правда, что ряд священников были арестованы в связи с акцией в начале войны, которую мы уже упоминали. Но аресты проводили не потому, что люди были священниками, а потому что они являлись активными политическими оппонентами или людьми которые были политическими подозреваемыми. В подобных случаях я прилагал особые усилия, чтобы этих людей освобождали.

Мои личные связи с архиепископом Праги были абсолютно корректными и дружественными. Он и архиепископ Ольмуца особо благодарили меня за моё вмешательство в интересах церкви, что я отчетливо помню. Я предотвращал любые меры против церковных служб евреев. Все синагоги были открыты до времени моего отъезда осенью 1941.

Людингхаузен: В связи с последним положением, я бы хотел задать ещё один вопрос о положении евреев в Протекторате. Что вы можете рассказать нам об этом?

Нейрат: Правовое положение евреев должно было быть согласовано с положением евреев в Рейхе, в соответствии с указаниями из Берлина. Указания об этом были получены мной уже в апреле 1939. С помощью всевозможных запросов адресованных в Берлин, я попытался и добился отсрочки законов до июня 1939, для того, чтобы дать евреям возможность подготовиться к неизбежному введению этих законов.

Так называемые Нюрнбергские законы¹⁶ тоже были тогда введены в Протекторате. Соответственно евреи были устранены из общественной жизни и с ведущих позиций в экономической жизни. Однако масштабных арестов не проводилось. Также не было никаких эксцессов против евреев, за исключением нескольких единичных случаев. Лагерь Терезиенштадт¹⁷ не воздвигли до тех пор пока я находился в должности, и я также предотвратил строительство концентрационных лагерей в Протекторате.

Людингхаузен: Чешский доклад обвиняет лично вас в проведении антиеврейских мер. Он утверждает, что прежде всего, вы поручили чешскому правительству, то есть, автономному правительству, исполнение антиеврейских законов и что, когда министр-президент Элиаш¹⁸ отказался так сделать, вы лично предприняли необходимые шаги.

Нейрат: Как я уже сказал, введение антиеврейских законов произошло по прямому приказу Гитлера, то есть, через компетентные власти в Берлине. Представление...

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, почему вы снова хотите всё это проходить? Подсудимый дал показания о том, что он добился отсрочки законов до июня 1939 и что затем были введены Нюрнбергские законы. Он довёл до нас различные обращения которые? как он говорит, делал; и затем вы читаете ему чешский доклад и пытаетесь, чтобы он снова всё это проходил, как мне кажется. Сейчас четверть одиннадцатого.

Людингхаузен: Хорошо, тогда я считаю, что на первый вопрос ответ достаточный и мы также разберёмся с вопросом конфискаций.

[Обращаясь к подсудимому] Чешский доклад далее обвиняет вас в роспуске организаций YMCA¹⁹ и YWCA²⁰, и конфискации имущества в пользу германских организаций.

Нейрат: Я должен признать, что я вообще не помню эти конфискации. Если роспуск и конфискации произошли до того как я уехал, это должна была быть только полицейская мера.

Людингхаузен: Далее чешский доклад упоминает разрушение чешской

¹⁶ Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта («основные законы») — «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести», провозглашённые по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге.

¹⁷ Терезиенштадт (нем. Theresienstadt, Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим или другие лагеря смерти и были убиты.

¹⁸ Алоиз Элиаш (1890 – 1942) – чехословацкий генерал. С 1939 по 1942 министр-президент Протектората Богемия и Моравия. Расстрелян немцами.

¹⁹ YMCA, ИМКА (от англ. Young Men's Christian Association — «Юношеская христианская ассоциация») — молодёжная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом

²⁰ YWCA, ИКВА (от англ. Young Women's Christian Association – «Христианская ассоциация девушек») – молодёжная организация для девушек. Основана в 1855.

экономической жизни и систематический грабеж чешских запасов сырья, и обвиняет вас в этом. Каковы факты в связи с этим?

Нейрат: С созданием Протектората, чешская экономика почти автоматически была включена в германскую экономику. Экспортная торговля, на которую в значительной степени работали чешские производства, остановилась на время войны, то есть, она должна была торговать с Рейхом.

Чешская тяжёлая промышленность, особенно производства Шкода²¹ и производства вооружений, как непосредственно военные производства, забрали, чтобы дополнить германское производство вооружений делегата четырёхлетнего плана²².

В начале я особенно пытался избежать распродажи Протектората, которая была бы тяжёлой для населения. Эффективное средство для этой цели заключалось в сохранении таможенных границ существовавших между Чехословакией и Германией. После жарких конфликтов с берлинскими экономическими ведомствами, я добился сохранения этого таможенного барьера до октября 1940, ещё на год с половиной, хотя его отменили уже 16 марта 1939.

Мне кажется, меня обвиняют в ответственности за вывоз сырья и подобном. В связи с этим я бы хотел сказать, что ведомство делегата четырёхлетнего плана являлось единственной властью, которое могло предпринимать подобные меры.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел сослаться на указ который уже предъявлен, указ, датированный 16 марта 1939, номер Нейрат-144 из моей документальной книги номер 5. В данном указе я бы хотел обратить особое внимание на статьи 9 и 10.

[*Обращаясь к подсудимому*] Далее вас обвиняют в том, что обменный курс чешской кроны был установлен как 10 к 1, ибо таким образом, как сказано, потворствовали чехословацких товаров. Вы ответственны за установление этого курса?

Нейрат: Нет. В указе от 16 марта 1939 о создании Протектората – указе в подготовке которого я не принимал никакого участия – уже предусматривалось, что обменный курс будет определяться правительством Рейха. Насколько мне известно, такой же курс был привычным на фондовой бирже и в торговле до присоединения Судетов к Рейху как и после. Конечно нужно было установить официальный курс, и это было сделано с помощью указа изданного властями в Берлине.

Людингхаузен: В связи с указом датированным 16 марта 1939, о котором сейчас говорили и который находится под номером Нейрат-144 в моей документальной книге номер 5, я бы хотел обратить ваше внимание особенно на статью 10, которая

²¹ Škoda Holding a.s. (произносится Шкода Холдинг) — одна из крупнейших компаний Чехии, специализирующаяся на машиностроении. Основана в 1859.

²² Четырёхлетний план — совокупность экономико-административных мероприятий, предусмотренных для повышения экономической силы, автаркии и перевода нацистской Германии на военные рельсы.

излагает: «Курс двух валют, чехословацкой и немецкой в отношении друг друга будет установлен правительством Рейха».

[*Обращаясь к подсудимому*] Далее чешский доклад обвиняет вас в том, что железные дороги предположительно разбирали и вывозили в Германию. Вам, что-нибудь известно об этом вопросе?

Нейрат: Я ничего не знаю об этом, и я думаю, это точно ошибка. Мне известно лишь то, что в 1940 году были переговоры между железными дорогами Германского Рейха и чешскими государственными железными дорогами, о взятии в займы железнодорожных вагонов и двигателей за вознаграждение. Но в данном случае регулирование заключалось в том, что подвижный состав можно было сбросить с помощью транспортной системы Протектората. Кроме этого, железные дороги в Протекторате не находились под моим надзором, они напрямую подчинялись министерству транспорта в Берлине.

Людингхаузен: Я бы хотел сослаться на статью 8 указа о котором сейчас говорил, указ который находится под номером Нейрат-144 в моей документальной книге 5.

[*Обращаясь к подсудимому*] Далее утверждается, что уполномоченный Рейха в национальном банке Праги прекратил все выплаты за рубеж и конфисковал все вклады в золоте и иностранных валютах национального банка.

Вы имели какое-нибудь отношение к этому?

Нейрат: Я вообще не имел никакого отношения к этим вопросам. Уполномоченный Рейха для пражского национального банка был назначен напрямую Рейхсбанком в Берлине или даже министерством финансов, и он он получал свои приказы оттуда.

Людингхаузен: Далее чешский доклад заявляет, что вас следует винить или же вы ответственный за конфискацию чешских банков и промышленных предприятий для германской экономики.

Нейрат: Германские банки, и в определенной степени также германские производства, имели реальный интерес в том, чтобы закрепиться в экономической жизни Протектората. Однако, это было тем, что применялось задолго до создания Протектората. Поэтому не было странным, что, в частности, крупные германские банки, воспользовались случаем приобрести чешские запасы и акции, и таким образом контролирующий процент в двух чешских банках вместе с их промышленными концернами передали в германские руки таким способом который был экономически довольно корректным.

Мне кажется в чешском докладе называли «Union Bank», банк который был принят «Deutsche Bank²³»; и в этом случае мне известно, что инициатива исходила не от немецкой стороны, а скорее от самого чешского «Union Bank». Но ни я, ни мои ведомства никак не способствовали подобному развитию. Кроме этого все предприятия имели чешских генеральных директоров и лишь в нескольких случаях

²³ «Deutsche Bank» (Немецкий банк) – немецкий финансовый конгломерат, основан в 1870. К 1933 году крупнейший немецкий банк.

были приняты немецкие чиновники. Значительная часть всех промышленных предприятий по-прежнему оставалась чисто чешской.

Людингхаузен: Какой была ситуация в отношении предполагаемых принудительных мер, которые обвинение утверждает, использовали против чешского сельского хозяйства? Вы можете сказать, что-нибудь об этом и о своём отношении и предпринятых вами мерах?

Нейрат: Эта глава относится к общей схеме планов партии и СС, относительно германизации, о чем уже говорилось. Инструментом такой немецкой переселенческой политики должно было быть чешское земельное ведомство, которое само по себе являлось чешским ведомством, которое осталось от бывшего чешского ведомства аграрной реформы. Гиммлер прежде всего назначил в земельное управление фюрера СС в качестве временного руководителя.

Председатель: Трибунал не хочет знать все эти детали. Видимо чешский доклад предполагает принуждение в сельском хозяйстве. Подсудимый говорит, что это было в виду, если и было, партии и СС, и он не имел к этому никакого отношения. Какая цель приводить нам все эти подробности об истории сельского хозяйства в Чехословакии? Вы должны понимать, что трибунал...

Людингхаузен: Да, но я бы хотел отметить лишь одну вещь.

[Обращаясь к подсудимому] Земельное управление, которое выступало в интересах национал-социализма, подверглось изменению штата из-за вас после долгой борьбы. Я считал, что важно внести в это ясность.

Господин председатель, я бы хотел сделать общее замечание. Вчера я сказал, что мой допрос продлится ещё час. Но вчера, когда я покинул заседание, я нашёл ещё одну документальную книгу обвинительного заключения, что вынудило меня более подробно рассматривать отдельные вопросы. И по этой причине, причине которую я не мог предвидеть, мне нужно занять дополнительное время.

Председатель: Очень хорошо, трибунал сейчас не поднимал вопрос времени.

Зачем вам нужно рассматривать какие-то вопросы – я не знаю какое там слово, «Amt²⁴» - относится к сельскому хозяйству? Почему вы хотите вдаваться в это? Он, подсудимый, сказал, что не имел к этому никакого отношения.

Людингхаузен: Да, господин председатель, он был связан с этим, постольку поскольку эти сельскохозяйственные усилия предпринимались через земельное управление.

Председатель: Если он был связан с ним позвольте ему объяснить это. Я думал он сказал, что партия и СС делали это.

Людингхаузен: Да, но через земельное управление, и он предотвратил это.

Вероятно вы можете рассказать нам об этом, господин фон Нейрат.

Нейрат: Мне кажется, что согласно заявлениям председателя суда, это вряд ли необходимо. Фактически, я не имел никакой прямой связи с земельным

²⁴ «Ведомство» (нем.)

управлением. Я лишь добился устранения довольно неприятного руководителя данного ведомства, члена СС.

Людингхаузен: В периода вашей службы рейхспротектором, существовали какие-нибудь принудительные перевозки рабочих в Рейх?

Нейрат: Нет. В связи с этим я буду краток.

Пока я находился в Протекторате обязательного труда вовсе не существовало. Был закон о чрезвычайной службе, который был принят правительством Протектората и применялся к молодым людям, которых использовали на срочно необходимых работах в интересах общества в Протекторате. Принудительных депортаций рабочих в Рейх в моё время не было. Напротив, многие молодые люди являлись для добровольной работы в Германии, потому что условия труда и заработные платы были тогда лучше в Рейхе чем в Протекторате.

Людингхаузен: Как состоялась ваша отставка с должности – это мой последний вопрос – ваш уход с должности рейхспротектора?

Нейрат: Прежде всего, я бы хотел рассказать вам почему я оставался столько сколько мог, несмотря на все эти происшествия и трудности. Причина заключалась в том, что я был убеждён, и убеждён сегодня, что я должен был оставаться столько сколько мог примиряя это со своей совестью, для того, чтобы предотвратить, чтобы страна которая была доверена Германии оказалась под явным преобладанием СС. Всё, что случилось со страной после моего отъезда в 1941 я на самом деле предотвращал своим присутствием; и даже если моя работа была настолько ограниченной, мне кажется, что оставаясь, я оказывал услугу не только своей стране, но также и чешскому народу, и в таких обстоятельствах я бы не поступил по-другому даже сегодня.

Помимо этого я верил в то, что особенно во время войны, я должен оставить такую сложную и ответственную должность лишь в случае высшей необходимости. Экипаж корабля не спускается под палубу и засовывает руки в карманы если кораблю угрожает опасность.

То, что я не мог выполнять пожелания чехов на 100 процентов это нечто, что поймет каждый, кто занимался политикой на практике, а не просто в теории. И мне кажется, что оставаясь в должности я предотвращал больше страданий, которые пали на чешский народ после моего отъезда. Это мнение также разделяло большое количество чешского населения, как я смог понять из многочисленных писем которые позже направляли мне чехи.

Людингхаузен: И как получилось, что вы ушли, что вы ушли в отставку с должности?

Нейрат: 23 сентября 1941 мне поступил звонок от Гитлера просившего немедленно прибыть в штаб-квартиру. Там он сказал мне, что я был слишком мягок с чехами и что такое положение дел не может продолжаться. Он сказал мне, что он решил

придерживаться суровых мер против чешского движения сопротивления, и что с этой целью печально известный обергруппенфюрер Гейдрих²⁵ будет отправлен в Прагу. Я сделал всё в своей власти, чтобы разубедить его в этом, но безуспешно. Потому я попросил разрешение уйти в отставку, поскольку я никогда не мог быть ответственным за любую деятельность Гейдриха в Праге. Гитлер отказал в мне в отставке, но позволил мне уйти в отпуск. Я вылетел обратно в Прагу и на следующий день я продолжил своё путешествие домой. В тот же час, когда я покинул Прагу, прибыл Гейдрих.

Затем я написал Гитлеру из своего дома и снова немедленно попросил отставку. Когда несмотря на напоминание я не получил никакого ответа, я повторил свою просьбу и тогда же объяснил, что я ни при каких обстоятельствах не вернусь в Прагу, что я распустил своё ведомство и с этого времени отказывался выступать как рейхспротектор. Меня официально не освобождали от должности до октября 1943.

Людингхаузен: Господин председатель, я бы хотел завершить свой допрос подсудимого краткой цитатой из чешского обвинительного заключения.

Председатель: Минуточку, ваш уход в отпуск стал публичным?

Нейрат: Да.

Людингхаузен: Да, я собирался процитировать это, господин председатель. В этом тексте чешское обвинительное заключение говорит:

«Когда наконец во второй половине сентября подпольные чешские комитеты, с помощью «ВВС²⁶» - начали успешную кампанию бойкота против находящейся под контролем немцев прессы, германские власти ухватились за возможность нацелить сильный удар на чешское население. 27 сентября 1941 радиостанция Праги объявила:

«Рейхсминистр барон фон Нейрат, рейхспротектор Богемии и Моравии, счёл необходимым попросить у фюрера длительный отпуск для того, чтобы восстановить своё подорванное здоровье».

Затем в заключении сказано:

«В таких обстоятельствах фюрер согласился на просьбу рейхспротектора и поручил обергруппенфюреру СС Гейдриху руководство ведомством рейхспротектора Богемии и Моравии на время болезни рейхсминистра фон Нейрата».

Господин председатель, на этом мой допрос завершён.

Председатель: С сентября 1941 по октябрь 1943, вы жили в своём поместье, или как?

²⁵ Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) рейхспротектора Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.

²⁶ BBC (от англ. British Broadcasting Corporation — Британская вещательная корпорация, Би-би-си) — британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация. Основана в 1922.

Нейрат: Да, господин председатель.

Людингхаузен: Мой допрос завершен.

Председатель: Мы прервёмся.

[Объявлен перерыв]

Председатель: Кто-нибудь из защитников подсудимых желает задать свидетелю какие-либо вопросы?

Кубушок: Вам известно, что непосредственно перед выходом Германии из Лиги Наций²⁷, фон Папен направился к Гитлеру в Мюнхен, чтобы убедить его в том, что надо остаться в Лиге Наций?

Нейрат: Да, это мне известно. Фактически, я сам убедил его сделать это.

Кубушок: В течение времени, когда он был вице-канцлером, в 1933 и 1934, фон Папен протестовал в кабинете против недружественных актов германской политики к Австрии, например такого как, введение эмбарго на 1000 марок?

Нейрат: Да, этой линии он постоянно следовал и остальные министры и естественно я сам тоже.

Кубушок: Гитлер упоминал вам, что такое отношение фон Папена к австрийской проблеме заставило его передать миссию в Вене Папену, после убийства Дольфуса²⁸?

Нейрат: Да, Гитлер говорил об этом.

Кубушок: Гитлер обсуждал с вами причины, почему он направил Папену письмо от 26 июля 1934, объявлявшее об отправке Папена в Вену?

Нейрат: Да, но то как это случилось было следующим: когда Гитлер сказал мне о своём намерении направить Папена в Вену, я напомнил ему, что, для того, чтобы придать последнему какой-то вес, он прежде всего должен был после событий 30 июня²⁹, внести ясность в отношения между собой - Гитлером и Папеном, и внести ясность публично. Это письмо которое читали в суде можно отнести к этому.

Кубушок: В 1937 вы нанесли визит австрийскому правительству, который привёл к демонстрациям. Вы и фон Папен удивились этим демонстрациям, и вы согласились с ними?

Нейрат: Демонстрации были для меня полной неожиданностью, особенно из-за их огромного размаха. Они разумеется меня не обрадовали, потому что они бросали определенную тень на дискуссии между господином фон Шушнигом³⁰ и мной.

²⁷ Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. Существовала в 1919 – 1946.

²⁸ Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

²⁹ «Ночь длинных ножей» (нем. Nacht der langen Messer; Путч Рёма — нем. Röhm-Putsch) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча

³⁰ Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер

Кубушок: Тогда, последний вопрос: перед формированием правительства Шлейхера³¹ было заседание кабинета 2 декабря 1932. За день до него, Гинденбург³² дал Папену приказы отправить парламент на каникулы и сформировать новое правительство. Правильно, что Папен докладывал об этом кабинету и что Шлейхер, как министр Рейхсвера, сделал заявление о том, что это приведёт к гражданской войне и что силы Вермахта были слишком слабыми, чтобы справиться с такой гражданской войной?

Нейрат: Да, я помню эти события очень чётко. Все мы были вообще-то удивлены заявлением Шлейхера. Однако оно было настолько обоснованно, что мы приняли его как правду.

Кубушок: Спасибо.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников желает задать какие-нибудь вопросы?

[Ответа нет]

Председатель: Обвинение?

Максвелл-Файф: В то же самое время, о котором, доктор Кубушок спросил вас, во второй половине 1932, вы знали о том, что президент фон Гинденбург, подсудимый фон Папен и генерал фон Шлейхер обсуждали и рассматривали какой метод будет лучшим, чтобы справиться с нацистской партией?

Нейрат: Нет. Как я уже свидетельствовал, у меня не было никакой связи в данном отношении. Я абсолютно ничего не знал о всех этих переговорах.

Максвелл-Файф: Я хочу это выяснить, я не предполагаю, что вы были на переговорах. Но вы не знали о том, что проблема о том, как разобраться с нацистской партией занимала умы президента и подсудимого фон Папена и генерала фон Шлейхера; то есть, по их мысли это была очень срочная проблема?

Нейрат: Да, я это знал.

Максвелл-Файф: Подсудимый, и снова, не подумайте, что я предполагаю, что вы находились на переговорах. Вы можете это принять – что же, я разъясню все предположения.

Вы знали, что окончательным методом, который прельстил президента фон Гинденбурга, подсудимого фон Папена и генерала фон Шлейхера, был тот, что должно было быть правительство с Гитлером в качестве рейхсканцлера, но хорошо укомплектованное консервативными элементами; мягкими консервативными

Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

³¹ Курт фон Шлейхер (1882 — 1934) — рейхсканцлер Германии с декабря 1932 по январь 1933 года, предшественник Гитлера на этом посту и, таким образом, последний глава правительства Веймарской республики. В 20-е годы начальник ряда ведомств в Рейхсвере. Убит в ходе подавления путча Рёма.

³² Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). президент Германии (1925—1934). Первый и единственный в истории Германии человек, избранный главой государства на всенародных выборах.

элементами; таким был окончательный план? Я полагаю, вы это прекрасно знали, не так ли?

Нейрат: Да, этот план не совсем был таким. Тогда, в то время, о котором вы говорите, было лишь упоминание о том факте, что мы были обязаны привести нацистскую партию в правительство.

Максвелл-Файф: Но впоследствии, когда нацистская партия пришла, 30 января 1933, план заключался в том, чтобы смягчить её консервативными элементами. Это являлось задумкой президента фон Гинденбурга, не так ли?

Нейрат: Да.

Максвелл-Файф: И вы являлись одним из консервативных стабильных элементов, если я правильно вас понял; не так ли?

Нейрат: Да. Здесь объяснялось, что это являлось особой волей президента фон Гинденбурга, чтобы я остался в правительстве.

Максвелл-Файф: С целью сохранить правительство Гитлера миролюбивым и уважаемым. Так честно это представить?

Нейрат: Да, для того, чтобы в целом предотвратить революционное движение Гитлера от осуществления своих методов также и в правительстве.

Максвелл-Файф: Подсудимый вы нам сказали, что до этого времени были дипломатом. Когда вы стали министром, вы не думали о том, что вы имели некоторую ответственность за то, чтобы сохранять правительство уважаемым и миролюбивым будучи рейхсминистром?

Нейрат: Конечно, но вопрос заключался лишь в том насколько это было в моей власти.

Максвелл-Файф: Я не хочу слишком сильно вдаваться в работу вашего ума, я лишь хочу выяснить. Понимали ли вы, что как министр иностранных дел, и фигура хорошо известная всем канцеляриям Европы, что ваше присутствие в правительстве будут воспринимать в Европе как то, что вы одобряете проводимую правительством политику и разделяете ответственность за все действия этого правительства, не так ли?

Нейрат: Я очень сомневаюсь в этом. Может быть, на это надеялись.

Максвелл-Файф: Вплоть до ноября 1937 года вы были вполне удовлетворены миролюбивыми намерениями правительства и его респектабельностью?

Нейрат: Я был уверен в мирных намерениях правительства, об этом я уже говорил. Был ли я удовлетворен методами...

Максвелл-Файф: А что вы скажете о респектабельности? Под «респектабельностью» я подразумеваю те общепринятые нормы благопристойности и порядочности, которых должно придерживаться любое правительство, если оно желает, чтобы его народ был счастлив и доволен. Были ли вы удовлетворены в этом отношении?

Нейрат: Я ни коим образом не был согласен с методами, в особенности с методами,

применяемыми в области внутренней политики.

Максвелл-Файф: Сейчас я хочу остановиться на данном вопросе. Знали ли вы о «коричневом терроре», который имел место в марте 1933 года, через шесть недель после того, как было сформировано правительство?

Нейрат: Я знал только о бойкоте по отношению к евреям, больше я ничего не знал.

Максвелл-Файф: Помните ли вы письменное показание, данное под присягой американским консулом Гейстом³³ документом PS-1759, экземпляр USA-420?

Нейрат: Я хотел бы посмотреть на этот документ.

Максвелл-Файф: Что же, я вам сейчас напомним об этом документе. Это длинные письменные показания, и есть только одна или две части, которые я хочу вам представить.

Господин Гейст подробно повествует о жестоком обращении, избиениях, оскорблениях евреев, что имело место уже в марте 1933 года. Вы знали об этом?

Нейрат: Я знаю об этих фактах. Мне не известны данные письменные показания, но я знал о происшествиях по жалобам зарубежных дипломатических представителей. И согласно им – и согласно своему отношению к данным событиям - я неоднократно обращался по этому поводу к Гитлеру и просил его позаботиться о том, чтобы это прекратилось, но деталей всего этого я не знаю.

Максвелл-Файф: Сейчас, не обращаясь к этому письменному показанию, скажите следующее: получали ли вы как министр иностранных дел краткие обзоры или отчеты о том, что печатали в иностранной прессе?

Нейрат: Да, конечно, но я не знаю, получал ли я все сообщения по этому вопросу.

Максвелл-Файф: Давайте я приведу вам пример. Вы были послом при дворе святого Джеймса³⁴ с 1930 по 1932, если мне не изменяет память, не так ли?

Нейрат: Да.

Максвелл-Файф: И вы знали, что лондонские «Times»³⁵ и «Manchester Guardian»³⁶ были очень влиятельными газетами в Англии. Не правда ли? Независимо от этого, были ли вы согласны с тем, что в них печаталось, или нет?

Нейрат: Да, да.

Максвелл-Файф: Знали ли вы, что в апреле 1933 года обе эти газеты были полны самых ужасных историй о жестоком обращении с евреями, социал-демократами и коммунистами в Германии?

Нейрат: Да, это вполне возможно. Я теперь не припоминаю этого. Но именно на

³³ Реймонд Гейст (1885 – 1955) – американский дипломат. Консул и первый секретарь посольства США в Берлине в 1929 – 1939.

³⁴ Двор Святого Джеймса — официальное название двора британских монархов. Название происходит от дворца Святого Джеймса, который с 1698 официально является главным королевским дворцом Великобритании. Иностранные дипломаты находящиеся в Великобритании считаются аккредитованными при королевском дворе.

³⁵ «Таймс» (англ. The Times переводится как «Времена») — ежедневная газета в Великобритании, одна из самых известных мировых газет. Выходит в печать с 1785 года.

³⁶ «Страж Манчестера» — ежедневная газета в Великобритании, основана в Манчестере в 1821 году под названием The Manchester Guardian. В 1959 году сменила название на «Guardian», а в 1964 году редакция переехала в Лондон.

подобные случаи я указывал Гитлеру, обращая его внимание на то, как реагирует на эти события заграница.

Максвелл-Файф: Я хочу показать вам, как эти газеты отзывались об этих событиях. В «Manchester Guardian» уже 12 апреля 1933 г. говорится:

«Стоит только немного внимательнее присмотреться к жизни, которая случайному наблюдателю может показаться вполне нормальной и спокойной, как вы обнаружите в любом городе и в любой деревне следы варварства и зверств, совершенных коричневорубашечниками, причем таких зверств, подобных которым нет в наше время» - описывая их как «орудие бессмысленного, но систематически проводимого террора, бессмысленность которого заключается в том, что он не вызывается явной необходимостью, что и отличает их террор от революционного террора, а систематичность — в том, что он является органической частью гитлеровского режима».

Знали ли вы, что подобные отзывы печатались в ответственных британских газетах?

Милорд, это D-911, который в собрании выдержек и с письменными показаниями господина Вюрма³⁷, будет экземпляром GB-512.

[Обращаясь к подсудимому] Знали ли вы, что эта взятая ими линия в политике проводилась систематически, ибо это являлось органической частью гитлеровского режима?

Нейрат: Нет, в таком смысле я этого не знал.

Максвелл-Файф: Знали ли вы, что в английской газете «Manchester Guardian», писали следующее: «Один видный немецкий консерватор, который был тесно связан с национал-социалистами — членами германского правительства, и, без сомнения, сочувствовал в большей степени правым, чем левым, указал, что число жертв в апреле составило 20 тысяч человек»? Вы знали о том, что названная цифра была такой высокой?

Нейрат: Нет, и я в это не верю.

Максвелл-Файф: Давайте посмотрим, что печаталось в германской прессе.

24 апреля 1933 в «Times» было перепечатано заявление из гамбургской газеты «Hamburger Fremdenblatt»³⁸, в котором говорится о том, что согласно данным, полученным из официальных источников, в тюрьмах Германского Рейха находится 18000 коммунистов, а в Пруссии имеется 10000 заключенных, в том числе много социал-демократов и интеллигентов.

Могла ли бы гамбургская газета «Hamburger Fremdenblatt» долго

³⁷ Теофил Вюрм (1868-1953) — протестантский священник, с 1933 по 1948 епископ евангелической церкви Вюртемберга.

³⁸ «Гамбургский зарубежный вестник» - одна из виднейших газет в Гамбурге в XIX и XX вв.

пользоваться успехом как газета, если бы она неправильно печатала данные, полученные из официальных источников при вашем правительстве в апреле 1933 года, и неправильно бы излагала положение вещей? Конечно, нет, не правда ли?

Нейрат: Этого я не знаю, но я знаю, что много проблем всегда возникает из-за завышенных цифр.

Максвелл-Файф: Подсудимый, эти цифры, насколько я знаю, процитированы гамбургской газетой как официальные данные, и затем они были вновь процитированы лондонской газетой «Times», которая является основной газетой Англии. Не являлись ли сообщения газет для вас достаточно серьезными данными, чтобы поднять этот вопрос в правительстве?

Нейрат: Я очень сожалею, но при всем моем уважении к этим газетам, в том числе и к лондонским газетам, я все-таки должен сказать, что они не всегда говорят правду.

Максвелл-Файф: Нет. Это вполне разумное замечание. Газеты, так же как и люди, могут быть неправильно информированы. Но после того как эти сведения об ужасных условиях получили широкое распространение — и при этом приводились такие громадные цифры — разве вы, будучи одним из влиятельных лиц в данном правительстве, не считали, что следовало бы поднять этот вопрос в кабинете и выяснить, насколько эти сведения соответствуют действительности?

Нейрат: Как вы узнали, что я этого не делал?

Максвелл-Файф: Это то, о чем спрашиваю. Вы поднимали это, и каким был результат?

Нейрат: Я уже ранее сказал, что вносил протесты об этом Гитлеру — не кабинету, а Гитлеру.

Максвелл-Файф: Я вас не об этом спрашиваю. Послушайте, подсудимый, мой вопрос заключается в следующем: почему вы не подняли этого вопроса на заседании кабинета? Был учрежден кабинет, в который входили консервативные элементы, для того, чтобы он вызывал уважение. Почему вы не подняли этого вопроса в кабинете и не попытались добиться поддержки господина фон Папена, господина Гугенберга³⁹ и всех других представителей консервативных элементов, входящих в кабинет, о которых мы уже слышали? Почему вы не подняли этого вопроса?

Нейрат: По очень простой причине — потому, что мне казалось, что будет гораздо более действенным, если я скажу это Гитлеру.

Максвелл-Файф: Вы заявляете трибуналу, что в апреле 1933 года, спустя приблизительно два месяца после создания правительства, вы уже считали бесполезным ставить какие-либо вопросы на обсуждение в рейхскабинете? Разве через два месяца после прихода Гитлера к власти принцип фюрерства стал настолько доминирующим, что вы не могли ставить этот вопрос на обсуждение в

---

³⁹ Альфред Гугенберг (1865 — 1951) — влиятельный немецкий предприниматель и политик. Министр первого кабинета Адольфа Гитлера в 1933 году.

кабинете?

Нейрат: Я повторяю, что один лишь я мог судить об этом, а я находил, что гораздо большее действие будет иметь, если я информирую об этом Гитлера лично.

Максвелл-Файф: Понимаю. Что же, я лишь хочу знать - как я полагаю, вы не интересовались этим, но знали ли вы о заключении в концентрационные лагеря кого-либо из лиц, которых я назвал Папену, а именно господина фон Осецки⁴⁰, господина Мюзам⁴¹, доктора Германа Дюнкера⁴² или кого-либо из других писателей, адвокатов и политических деятелей левого крыла? Знали ли вы, что они были посланы в концентрационный лагерь, откуда они никогда не возвратились?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Вы вообще не знали?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Во всяком случае, из ваших документов видно, что когда вы отправились в Лондон, в июне, вы очень хорошо знали о том, как было настроено общественное мнение за границей против Германии из-за обращения с евреями и членами оппозиционных партий. Разве вы этого не знали, когда поехали на международную экономическую конференцию в июне?

Нейрат: Да. Я это показывал в моем докладе, который здесь оглашался.

Максвелл-Файф: Сейчас вы говорите, что ваша реакция заключалась в том, что вы собирались пойти к Гитлеру и выразить ему свой протест. Сейчас я хочу, чтобы вы обратили свое внимание на имеющиеся у нас документы, которые показывают, как вы в действительности поступали. Прежде всего, разберем документ, датированный апрелем. Вы посмотрите на документ D-794?

[Документ был передан подсудимому]

Милорд, это документальная книга 12а, страница 8. Это будет экземпляр GB-513.

Это ваше письмо Гитлеру, датированное 2 апреля 1933 г.:

«Вчера вечером итальянский посол позвонил по телефону и сообщил мне о том, что Муссолини⁴³ заявил, что он готов

⁴⁰ Карл фон Осецкий (1889 — 1938) — радикальный немецкий пацифист, антифашист и лауреат Нобелевской премии мира 1935 года.

⁴¹ Эрих Мюзам (1878 - 1934) — поэт, драматург и видный представитель богемы. Анархист. В конце Первой мировой войны — один из ведущих агитаторов Баварской Советской республики. Однако мировую известность он получил уже в годы Веймарской республики (1919—1933) как автор работ, высмеявших Адольфа Гитлера и осуждающих нацистов ещё до их прихода к власти в 1933 году. Умер от пыток в концентрационном лагере Ораниенбург.

⁴² Герман Дюнкер (1874 – 1960) – немецкий политик и профсоюзный деятель. Сооснователь коммунистической партии Германии. В 1933 некоторое время находился в превентивном заключении в Германии.

⁴³ Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

отрицать через итальянские делегации за границей все новости относительно преследования евреев в Германии, которые были искажены пропагандой, если мы считаем, что это будет для нас полезным. Я поблагодарил господина Черрути⁴⁴ от вашего имени и сказал ему, что мы будем рады принять его предложение.

Я считаю этот дружеский жест со стороны Муссолини достаточно важным, чтобы уведомить вас об этом».

Что, по вашему мнению, было искажено пропагандой?

Нейрат: Да, пожалуйста прочитайте эту часть. Здесь сказано: «Новости, искаженные пропагандой», — о них и идет речь.

Максвелл-Файф: Именно это меня и интересует, подсудимый. Что, по вашему мнению, было искажено, и каков был объем тех сведений, которыми вы располагали, с тем, чтобы решить, были ли эти сообщения искажены или нет?

Нейрат: Право, сейчас я уже не могу этого сказать.

Максвелл-Файф: Вам было известно о том, что евреев избивали, убивали, отрывали от семей, бросали в концентрационные лагеря, что их собственность уничтожали и начали распродавать ниже стоимости? Вы знали обо всем этом, не так ли?

Нейрат: Нет, в то время, конечно, не знал. Я слышал, что их там избивают, но тогда евреев не убивали, хотя, может быть, какой-либо единичный случай имел место.

Максвелл-Файф: Итак, вы говорите, что «Times» и «Manchester Guardian» в то время писали только о случайных примерах типичных убийств евреев. Вы должны были видеть это, вы должны были знать, о чем писала иностранная пресса. Почему вы думаете, что эти сведения были искажены? Что вы предприняли для того, чтобы выяснить, действительно ли они были искажены?

Нейрат: Кто – кто – кто - кто сообщал мне об – об - об убийствах?

Максвелл-Файф: Я говорю вам, что об этом писали в иностранной прессе. Я привел два примера, взятые из прессы моей страны, и, очевидно, на основании слов синьора Муссолини, об этом писала и пресса других стран. Вы же должны были знать об этом. Что вы предприняли для того, чтобы выяснить, соответствовало ли все это действительности или нет?

Нейрат: Да, я сделал это тем, путем, который был мне доступен, а именно через соответствующие полицейские учреждения.

Максвелл-Файф: Спрашивали ли вы Гимmlера или подсудимого Геринга об этом?

Нейрат: Скорей всего, нет.

Максвелл-Файф: Что? Вы спрашивали Гимmlера? Или вы спрашивали подсудимого Геринга? Почему же нет? Почему нет? Ведь он был главой, который как раз в то время придумал Гестапо и концентрационные лагеря. Он был именно тем человеком, которого следовало спросить об этом, не так ли?

⁴⁴ Витторио Черрути (1881 – 1961) – итальянский дипломат. Посол Италии в Германии в 1932 – 1935.

Нейрат: Человек, который мог дать мне такую информацию, был начальником и высшим главой полиции, и это было никак не лично...

Максвелл-Файф: Спрашивали ли вы подсудимого Фрика?

Нейрат: Во всяком случае, я не спрашивал его лично.

Максвелл-Файф: Итак...

Нейрат: Безусловно не лично.

Максвелл-Файф: Могу я предложить вам, я не хочу занимать этим время? Почему вы не попытались спросить Геринга или Фрика, или кого либо другого, кто мог бы вам дать соответствующую информацию по этому вопросу?

Обратите внимание на документ PS-3893.

[Документ был передан подсудимому]

Максвелл-Файф: Трибунал найдёт его на странице 128 документальной книги 12а. Милорд, это будет экземпляр GB-514.

Это «*Volkischer Beobachter*⁴⁵» цитирует вас 17 сентября 1933 г, по еврейскому вопросу:

«Министр не сомневался в том, что эта глупая болтовня за границей относительно событий внутри Германии как, например, разговоры по еврейскому вопросу, скоро будет прекращена, если будет осознано, что необходимая чистка общественной жизни должна временно повлечь за собой некоторые лишения для отдельных лиц, но это тем не менее послужит укреплению правосудия и закона в Германии».

Действительно ли, в сентябре 1933 года вы рассматривали действия, направленные против евреев и против всех, кто все еще оставался в рядах приверженцев левого крыла, как «необходимую чистку общественной жизни», которая, без сомнения, повлечет за собой «отдельные случаи лишений», и как необходимое мероприятие для более прочного установления авторитета «правосудия и закона в Германии»? Такова была ваша точка зрения?

Нейрат: Я сказал вам во время – во время – во время – думаю, это было позавчера в ответ на вопрос в чём заключалось моё отношение к еврейской проблеме, что ввиду проникновения и преобладания евреев в общественной жизни Германии которое возникло в ходе прошлой войны, я считал абсолютно правильным устранение или ограничение таких вещей. Вот на что я ссыался.

Максвелл-Файф: Итак, это правильно — я имею в виду, что вы не отказываетесь от того, что сказали 17 сентября 1933, а именно от того, что вы думали, что обращение с евреями в 1933 году было вызвано «необходимостью очистить общественную

⁴⁵ «Народный обозреватель» - немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag.

жизнь» в Германии? Должны ли мы считать, что вы сейчас придерживаетесь того же мнения и нисколько не изменили своей точки зрения? Правильно?

Нейрат: Моя точка зрения и сегодня совершенно такая же, разве вы не видите, но я считаю, что это следовало проводить другими методами.

Максвелл-Файф: Хорошо. Что же, мы не вдаёмся в обсуждение этого.

Следует ли понимать вас так, что вы знали о разгроме политической оппозиции и одобряли это?

Нейрат: Нет, это...

Максвелл-Файф: Что же, тогда разберём это по этапам. Считали ли вы правильным то, что коммунистическая партия была объявлена вне закона?

Нейрат: В те дни, скорее всего, потому что вы слышали, не так ли, что мы стояли перед гражданской войной.

Максвелл-Файф: Очень хорошо. Вы согласны с этим. Были ли вы согласны с разгромом профсоюзов и объявлением их вне закона?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Что вы сделали для того, чтобы протестовать против разгрома профсоюзов?

Нейрат: Это была сфера — данная сфера вообще меня не касалась. Я же был министром иностранных дел, а не министром внутренних дел.

Максвелл-Файф: Понимаю. Хорошо, я не намереваюсь спорить с вами по этому вопросу. Вы считали совершенно правильным оставаться на посту министра иностранных дел, оказывать поддержку правительству и давать ему возможность использовать ваш авторитет при проведении такого мероприятия, которое вы не одобряли, как разгром профсоюзов. Так вас следует понимать?

Нейрат: Да. Вы когда-нибудь слышали о том, что министр...

Максвелл-Файф: Итак, что насчёт...

Нейрат: Я хочу сказать, вы когда-нибудь слышали, чтобы министр уходил из кабинета министров потому, что он не согласен с каким-либо отдельным мероприятием?

Максвелл-Файф: Любой министр правительства, пользующийся моим уважением, вышел бы из состава правительства, если бы оно проводило такое мероприятие, которое он в нравственном отношении не одобрял. Насколько я понимаю, вы морально не одобряли разгрома профсоюзного движения. Если я ошибаюсь, поправьте это. Если вы не одобряли, то так и скажите.

Нейрат: Я не думал, что это было аморальным. Это было политической мерой, но не аморальной.

Максвелл-Файф: И, наконец, возьмем третий момент. Это — социал-демократическая партия, партия, которая принимала большое участие в работе правительства Германии и Пруссии в послевоенные годы. Считали ли вы правильным, с моральной точки зрения, объявить эту партию вне закона и лишить

ее возможности дальнейшего участия в управлении страной?

Нейрат: Нет, конечно. Но я вообще не знаю

Максвелл-Файф: Давайте внесем ясность. Считали ли вы, что это было правильным, или нет?

Нейрат: Я сказал, что нет, но я вообще не знаю хотите ли вы...

Максвелл-Файф: Что вы сделали для того, чтобы протестовать против этого? Что вы сделали для того, чтобы протестовать против роспуска социал-демократической партии?

Нейрат: По поводу этого роспуска я мог лишь высказать свои возражения.

Максвелл-Файф: Кому вы высказывали свои возражения против роспуска социал-демократической партии?

Нейрат: Опять-таки Гитлеру.

Максвелл-Файф: Снова и снова вы не поднимали вопрос роспуска партий, оппозиционных партий? И вы никогда не поднимали этого вопроса на заседании кабинета, не так ли?

Нейрат: Я не припоминаю, обсуждался ли этот вопрос кабинетом, я уже не знаю.

Максвелл-Файф: Понимаю. Хорошо. Давайте перейдем к другому аспекту 1933. Я хочу, чтобы вы сейчас припомнили, что произошло в 1933 году. Знали ли вы, что приказы о военной подготовке, где предусматривалась возможность ведения войны, составлялись только после того, как вы объявили, что Германия оставляет Конференцию по разоружению⁴⁶ и выходит из Лиги Наций.

Нейрат: Нет, в 1932—1933 я ничего не слышал об этом.

Максвелл-Файф: В 1933 — да, это началось — в документе C-140, USA-51, 25 октября 1933 г. Итак, подсудимый, тогда вы были министром иностранных дел. Заявляете ли вы сейчас трибуналу о том, что ни Гитлер, ни маршал Бломберг⁴⁷, который был тогда Reichswehrminister⁴⁸, не сказали вам о том, что в результате этих действий «нам следует закончить приготовления на случай, если будут применены санкции, включая и военные санкции, против Германии». Разве никто из них вам не говорил, что это будет являться результатом вашей внешней политики?

Нейрат: Нет. Мы не опасались никаких активных действий.

Максвелл-Файф: Понимаю. Что же, хорошо, но вы согласитесь со мной, что весьма странно не информировать министра иностранных дел о возможных последствиях его политики в то время, когда уже велись военные приготовления, для противодействия этим последствиям. Не правда ли, весьма странно при любой системе управления государством: тоталитарной, демократической или какой-либо другой, — чтобы министру иностранных дел не сообщали о военных

⁴⁶ Конференция по снижению и ограничению вооружений Лиги Наций проходившая с 1932 по 1934 в Женеве. В октябре 1933 Германия покинула конференцию.

⁴⁷ Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал, в 1933—1938 годах министр обороны Рейха (с 1935 — военного министерства) Германии.

⁴⁸ Рейхсминистр обороны (нем.)

приготовлениях, предпринимаемых для противодействия возможным последствиям его политики, не так ли?

Нейрат: Решать вопрос о том, грозит ли опасностью выход из Лиги Наций, то есть решать вопрос о том, будет ли это иметь последствия, должен был я сам. Военные круги имели свое собственное мнение, и, по-видимому, хотя я этого точно не знаю, в генеральном штабе происходило какое-то обсуждение.

Максвелл-Файф: Что же, я хочу суммировать для 1933 и хочу сделать это быстро. Правильно ли я вас понял, что до конца 1933 года, за исключением тех событий, о которых я спрашивал вас, вы были вполне удовлетворены миролюбивыми намерениями вашего правительства, это правильно?

Нейрат: Так точно.

Максвелл-Файф: Сейчас перейдем к 1934 году. Вы помните свою беседу с Доддом⁴⁹, американским послом, беседу, о которой вы упоминали в вашей книге документов номер 1 на странице 54? Это было 21 мая 1934 г. и господин Додд, очевидно, сообщил вам о том, что он сказал Гитлеру относительно того, как американцы пытаются контролировать спекуляцию крупных финансистов. Он сказал, что был рад – затем он говорит, что вы заявили, что были рады, когда он информировал Гитлера, и затем Додд добавил, что «канцлер со мной не согласился». Далее он говорит:

«Фон Нейрат молчал в течение нескольких минут после моего замечания, и было ясно, что он разделял мое мнение. Он просил меня сообщить в Вашингтон, что всплеск совершенно противоречит целям германского правительства. Но он не мог поручиться за Гитлера».

Что вы имели в виду, говоря: «...что всплески против евреев совершенно противоречат целям германского правительства...»?

Нейрат: Этим я хотел сказать, что члены кабинета в подавляющем большинстве были против этих методов. Кроме того, я могу добавить, что я сам просил Додда поехать лично к Гитлеру для того, чтобы он убедился, что я высказывал Гитлеру свои доводы. Я сам его привел к Гитлеру.

Максвелл-Файф: Разве вы не знали, что в мае 1934 года германское правительство проводило систематическую политику воинствующего антисемитизма? Разве вы этого не знали?

Нейрат: Об антисемитской пропаганде я знал главным образом из речей Геббельса⁵⁰.

Максвелл-Файф: Давайте сейчас перейдем к более конкретному вопросу. Были ли у вас какие-либо причины для того, чтобы относиться с неприязнью к генералу фон

⁴⁹ Уильям Додд (1869 — 1940) — американский историк и дипломат. Посол США в Германии в 1933-1937.

⁵⁰ Иозеф Геббельс (1897-1945) - немецкий политик, один из ближайших сподвижников Адольфа Гитлера. С 1926 года гаулейтер Берлина и с 1930 года начальник управления пропаганды НСДАП. С 1933 по 1945 год министр пропаганды и президент палаты культуры Рейха. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

Шлейхеру и генералу фон Бредов⁵¹?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Какое впечатление на вас произвело убийство этих двух господ и фрау фон Шлейхер во время кровавой чистки 30 июня 1934?

Нейрат: Вряд ли нужно даже отвечать на этот вопрос. Само собой разумеется, что я крайне отрицательно относился к этому. Я уже говорил, что, к сожалению, при таких восстаниях всегда страдают также и невинные.

Максвелл-Файф: Понимаю. Но давайте выясним этот вопрос. На днях вы заявили трибуналу, что вы считаете — и у вас есть основания для этого, — что в СА существовало движение, руководимое Ремом⁵² и Эрнстом⁵³ и, как я полагаю, другими лицами, которых вы считали нежелательным элементом. Какие есть у вас основания предполагать, что генерал фон Шлейхер и генерал фон Бредов участвовали в каком-либо заговоре?

Нейрат: У меня не было никаких причин. Я даже и сейчас не верю, что они составляли какой-то заговор.

Максвелл-Файф: Слышали ли вы о том, каким трагичным образом фон Папен терял своих секретарей в то время. Вы помните об этом, не правда ли?

Нейрат: Да, я слышал об этом.

Максвелл-Файф: Знаете ли вы о том, что господин фон Бозе⁵⁴ и Юнг⁵⁵ были убиты, а фон Чиршки вместе с двумя другими господами был арестован? Вы слышали об этом?

Нейрат: Да, я об этом услышал от господина фон Папена.

Максвелл-Файф: Рассматривали ли вы кровавую чистку 30 июня лишь как дополнительный элемент в этой необходимой чистке общественной жизни?

Нейрат: Нет, в таких масштабах, в каких производилась эта чистка, со всеми эксцессами и убийствами невинных людей, конечно, нет.

Максвелл-Файф: Почему же вы оставались членом правительства, которое прибегало к убийству в качестве орудия политического воздействия?

Нейрат: Я здесь уже дважды говорил, что, к сожалению, при таких революциях всегда бывают перегибы.

Максвелл-Файф: Давайте сейчас перейдем к другой области вашей деятельности в 1934 году. Вы знали о террористических актах, имевших место в Австрии в мае и июне 1934 года, не так ли? Я хочу, чтобы вам было совершенно ясно, что я

⁵¹ Фердинанд фон Бредов (1884 — 1934) — немецкий генерал, был главой абвера, а также исполнял обязанности министра обороны в кабинете Курта фон Шлейхера. Убит нацистами под предлогом подавления мятежа СА.

⁵² Эрнст Рём (1887 — 1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА. Вместе с другими руководителями СА был убит по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей».

⁵³ Карл Эрнст (1904 — 1934) — немецкий политик, деятель НСДАП и группенфюрер СА. Убит в ходе подавления путча Рёма.

⁵⁴ Герберт фон Бозе (1893 — 1934) — германский чиновник, референт по политическим вопросам Франца фон Папена.

⁵⁵ Эдгар Юнг (1894-1934) — немецкий адвокат. Консервативный противник нацизма.

подразумеваю под террористическими актами. Я имею в виду взрывы на австрийских общественных предприятиях, железных дорогах и т. д. Я говорю о динамите, а не о чем-либо отвлеченном. Вы знали, что такие действия имели место в Австрии в мае и июне 1934 года, не так ли?

Нейрат: Да, я знал об этом и всегда выступал против этого, потому что я знал, что эти террористические акты — это я хочу еще раз подчеркнуть — в большинстве случаев проводились австрийскими нацистами.

Максвелл-Файф: Какую должность занимал господин Кёпке⁵⁶ в вашем министерстве 31 мая 1934?

Нейрат: Он был министриальдиректором.

Максвелл-Файф: Министриальдиректор. Это весьма ответственная должность, не так ли?

Нейрат: Да.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, что фон Кёпке докладывал вам 31 мая 1934 г. о посещении им барона фон Вехтера⁵⁷?

Нейрат: Нет, я не припоминаю этого.

Максвелл-Файф: Барон фон Вехтер был одним из руководителей путча против Дольфуса, который произошёл шесть недель спустя, то есть 25 июля. Разве вы не помните, что фон Кёпке представил вам отчет, который вы затем передали Гитлеру.

Нейрат: Нет, я не припоминаю этого.

Максвелл-Файф: Давайте освежим вашу память, если вы забыли. Посмотрите на документ D-868? Это будет GB-515. Взгляните на него. Я прочитаю его, но посмотрите, пожалуйста, на этот документ и обратите особое внимание на подписи. И если вы будете любезны, посмотреть на верхнюю часть документа, то я думаю, что вы найдете в самом подлиннике ваши собственные инициалы. И на левой стороне есть пометка: «Рейхсканцлер проинформирован 6/6» Это 6 июня. Там инициал «Л» Ламмерса⁵⁸ — доктора Ламмерса. Затем ниже есть пометка, что «От рейхсканцлера 6 июня», также я думаю с инициалами Ламмерса. И на другой стороне вы увидите, что есть пометка, которая точно с инициалом «Ламмерс»: «Хабихт⁵⁹ прибывает сегодня...Л 6/6». И в тот же день этот меморандум был возвращен рейхсканцлером в министерство иностранных дел. Сейчас посмотрим, что за отчеты вы получали из Австрии и передавали Гитлеру. Если вы особенно не

⁵⁶ Герхард Кёпке (1873 – 1953) – немецкий дипломат. В 1921-1934 занимал различные должности в МИД Германии.

⁵⁷ Отто Вехтер (1901 – 1949) – австрийский юрист и нацистский политический деятель. Группенфюрер СС. В 1939-1944 занимал должности губернатора ряда дистриктов в Генерал-губернаторстве.

⁵⁸ Ганс Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобожден в 1951.

⁵⁹ Теодор Хабихт (1898 – 1944) – нацистский политик. Глава нацистской партии Австрии в изгнании в 1933-1934. Убит на Восточном фронте.

возражаете, то мы опустим параграф 1, где дается описание внешности барона фон Вехтера, моложавый вид. Но далее говорится, что:

«Его заявления были, очевидно, даны в полном сознании громадной ответственности, лежащей на нем. Его оценка всего происходящего и тех лиц, о которых он упоминал, являлась ясной и определенной. Господин фон Вехтер также нарисовал мне картину положения в Австрии, которое по его описанию было даже более мрачным и более серьезным, чем это нам казалось до сих пор. Повстанческие тенденции национал-социалистов в Австрии неуклонно возрастают. Число террористических актов также растет. Независимо от того, кто действительно производит эти разрушения и совершает террористические акты в отдельных случаях, каждый такой акт вызывает новую волну отчаянных поступков. Господин фон Вехтер неоднократно с сожалением подчеркивал, что в действиях не хватало единого руководства. СА делали все, что хотели, и все, что они считали необходимым. Политическое руководство в это время стало проводить такие мероприятия, которые в некоторых случаях приводили к противоположным результатам. Таким образом, крупный террористический акт, в результате которого были взорваны железнодорожные линии, ведущие в Вену, был, несомненно, совершен не марксистами, а членами австрийской организации СА, против желания политического руководства, которое, как он считал, не принимало никакого участия ни в самом совершении этого акта, ни в приготовлении к нему. Такова картина, описанная в целом. Если говорить несколько подробнее, то следует указать, что в отдельных провинциях, округах царит еще большая неразбериха».

Далее он говорит о том, что главным очагом беспорядков является Каринтия, где в этом отношении дела обстоят хуже всего. И далее он говорит:

«Господин фон Вехтер считает необходимым навести полный порядок в самые кратчайшие сроки, а именно — объединить под единым руководством всех действующих в интересах национал-социализма в самой Австрии и вне ее. Личные вопросы не должны играть здесь никакой роли. Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер. Он же, Вехтер, полностью согласен с господином Хабихтом по всем этим вопросам. Насколько он знает, господину Хабихту уже удалось иметь сегодня короткую беседу с канцлером».

Остановимся ненадолго на этом факте. Примерно в то время господин

Хабихт был назначен пресс-атташе при германском посольстве в Вене. Это назначение господина Хабихта на пост пресс-атташе должно было исходить от вас или было произведено с вашего одобрения, не так ли? Это входило в ведение вашего министерства?

Нейрат: В данный момент я не знаю этого точно, но я припоминаю, что господин Хабихт был национал-социалистическим ландесляйтером Австрии в Мюнхене, и не знаю ничего о том, был ли он вообще назначен в Вену в качестве пресс-атташе.

Максвелл-Файф: Вы можете поверить мне, что он действительно поехал в Вену в качестве пресс-атташе в мае 1934 года, а сейчас я хочу вас спросить лишь о том, по вашему ли приказу или с вашего согласия он был назначен на пост, который дал ему дипломатический иммунитет в разгар его заговорщической деятельности?

Нейрат: Если господин Хабихт и был в Вене, то без моего ведома и без моего утверждения. Очевидно, он был назначен туда министерством пропаганды, которому подчинялись работники прессы.

Максвелл-Файф: Вы, подсудимый, конечно, согласитесь со мной в том, что это весьма неприятный документ. Разрешите напомнить вам о том, что этот документ поступил к вам от вашего министериальдиректора и был передан фюреру, а затем этот документ был возвращен Ламмерсом с примечанием: «Хабихт зайдет сегодня». Разумеется...

Нейрат: К фюреру?

Максвелл-Файф: Да.

Нейрат: Кроме того, господин обвинитель, я обращаю ваше внимание на то, что здесь все время речь ведется об австрийских национал-социалистах. К ним я не имел никакого отношения.

Максвелл-Файф: Я хочу указать вам лишь на то, что этот документ, документ министерства иностранных дел, был переслан рейхсканцлеру, а возвращен он был 6 июня со следующим примечанием Ламмерса: «Хабихт зайдет сегодня». Вы должны были знать о Хабихте 6 июня. Об этом упоминается в данном отчете.

Нейрат: Вовсе нет. Я получил от Ламмерса записку, показывающую, что Хабихт был у рейхсканцлера. Я послал этот отчет моего министериальдиректора рейхсканцлеру для того, чтобы он убедился в том, каково положение в Австрии. Вот какова была причина.

Максвелл-Файф: Но вы помните, что несколько дней назад господин фон Папен давал свои показания, и когда я спросил его о том, кто были эти видные деятели Рейха, которые оказали влияние на путч в Австрии в июне 1934 года, то он после долгого раздумья смог припомнить только одного из них, который оказывал влияние на путч⁶⁰, а именно господина Хабихта?

Нейрат: Да.

---

⁶⁰ 25 июля 1934 года около полутора сотен членов СС штандарта 89, для маскировки одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. При попытке к бегству Дольфус был ранен выстрелом в горло.

Максвелл-Файф: Хорошо, я заявляю вам о том и хочу, чтобы вы подтвердили это, что вы прекрасно знали, что 6 июня 1934 г. господин Хабихт, этот видный деятель Рейха, согласно показаниям подсудимого фон Папена, организовал революцию в Австрии.

Нейрат: Но как вы приходите к такому выводу? Хабихт вообще никогда не был у меня, а был у рейхсканцлера.

Максвелл-Файф: Вы видели этот отчет вашего министерияльдилятора, я только что зачитал высказывания фон Вехтера.

Нейрат: Но там ни слова не сказано о господине Хабихте.

Максвелл-Файф: Да, я только что зачитал вам это. Разрешите напомнить вам;

«Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер, Он же, Вехтер, полностью согласен с господином Хабихтом по всем этим вопросам»,

Другими словами, в сообщениях, которые Вехтер передавал министерству иностранных дел, он высказывал не только собственное мнение, но и мнение Хабихта.

Нейрат: Да, там сказано об этом. Так вот, обо всех этих террористических актах и беспорядках, которые здесь описываются, я лично довел до сведения рейхсканцлера.

Максвелл-Файф: Обратите внимание на то, что написано в этом отчете в конце страницы:

«Но так как тем временем ничего не последовало и с другой стороны, меры австрийской администрации с каждым днём становились все более и более жестокими, то вновь выступили радикальные элементы с заявлением о том, что канцлер издал свой приказ, исходя только из тактических соображений, в то время как внутренне он одобрял любое мужественное действие со стороны оппозиции, и что он своей истинной политической целью считал лишь ослабление ненавистной системы Дольфуса, но таким путем, чтобы другие страны, по возможности, не смогли говорить о каком-либо постороннем вмешательстве. Сейчас они руководствуются в своей работе этим принципом».

Послушайте следующую выдержку, его совет вам — наиболее близкое к истине предупреждение об опасности, которым когда-либо располагал любой министр иностранных дел:

«В ходе обсуждений приходится постоянно сталкиваться с этой идеей, которая тайно распространяется. В ближайшее время должны быть сделаны соответствующие изменения и установлено единое руководство. В противном случае, — как господин фон Вехтер заканчивает свое выразительное описание, — каждый день может произойти такая катастрофа, которая

приведет к самым худшим последствиям с точки зрения внешней политики не только для Австрии, но прежде всего и для Германии».

Затем, драматически, в середине разговора, господину фон Вехтеру вручают телефонограмму, в которой говорится, что для него будет лучше, если он не возвратится в Вену, в противном случае он будет арестован по приезду, а через шесть недель он начал путч, и канцлер Дольфус бы застрелен. Вы помните об этом? Разве в начале июня 1934 года не знали о том, что существовала очень серьезная угроза восстания и больших бедствий для Австрии?

Нейрат: Совершенно очевидно. По этой причине я и послал отчет канцлеру. Я не мог вмешиваться в дела Австрии.

Максвелл-Файф: Может быть, вы ответите на тот вопрос, на который не смог ответить подсудимый фон Папен. Кто, по вашему мнению, были эти другие видные деятели Германского Рейха, которые стояли за путч, направленный против правительства Дольфуса в Австрии? Вы заявляете, что вы не принадлежали к числу этих деятелей. Кто же, по вашему мнению, были эти личности, о которых упомянул фон Папен как о лицах, стоящих за путч, направленный против Дольфуса?

Нейрат: Я вообще никого не знаю. Я знал только Хабихта как личность, против которой я все время протестовал перед Гитлером, так как он занимался натравливанием. Какого-либо другого немца из Германии я не знал. Все остальные — это австрийские национал-социалисты, которые здесь очень часто упоминаются, но которых я не знал.

Максвелл-Файф: Я о них не говорю. Я говорю о тех видных деятелях Германского Рейха, о которых говорил подсудимый фон Папен, а сейчас я пытаюсь выяснить, кто были эти деятели. И вы продолжаете утверждать, что единственное лицо, которое вы помните, это пресс-атташе Хабихт? Это все, что вы можете сказать в помощь трибуналу?

Нейрат: Я уже сказал — и это должно быть достаточно - я никого не знаю.

Максвелл-Файф: Придерживаетесь ли вы того мнения, что ваш сотрудник министерства Рит⁶¹ ничего не знал об этом, несмотря на то, что сказал господин Мессерсмит⁶² по этому поводу? Вы думаете, что доктор Рит ничего не знал об этом путче?

Нейрат: Я не знаю, насколько был осведомлен господин Рит, но вы знаете, что я тотчас же отозвал его, когда он вмешался в это дело. Вообще я всегда запрещал послам и посланникам вмешиваться в такие дела.

Максвелл-Файф: Вы все-таки не сомневаетесь в том, что Рит знал о готовившемся

⁶¹ Курт Рит (1881 – 1969) – немецкий дипломат. Посол Германии в Австрии в 1931-1934.

⁶² Джордж Мессерсмит (1888 – 1960) – американский дипломат. Генеральный консул США в Берлине в 1930-1934. Посланник США в Австрии в 1935-1937.

путче?

Нейрат: Нет, я очень сомневаюсь в том, что он точно знал о нем. Я не думаю этого, потому что он не был таким человеком.

Максвелл-Файф: Во всяком случае, вы знали о том, что 25 июля австрийские нацисты провели этот путч и убили Дольфуса?

Нейрат: Но это же не было тайной.

Максвелл-Файф: Нет, я это знаю. Многие из этих событий не были тайной. Меня интересует ваша осведомленность, а именно — когда вы об этом узнали?

Нейрат: После этого, да.

Максвелл-Файф: Но разве после этого вы не колебались, следует ли вам дальше оставаться в правительстве, которое распространяло свою политику убийства из своей страны за границу с помощью своих партийных элементов в Австрии?

Нейрат: Если бы я был ответственным за каждого отдельного убийцу, за каждого отдельного немецкого убийцу, действовавшего за границей, то у меня, вероятно, было бы слишком много работы, не правда ли?

Максвелл-Файф: Вы знали господин фон Нейрат, и я вам напомним сейчас о том, что австрийская НСДАП была в тесном контакте с Гитлером и все время действовала согласно приказам Гитлера, все время пока Гитлер стоял во главе вашего правительства? Вы это отлично знали, не так ли?

Нейрат: Но он же был главой НСДАП, руководителем этой партии, и то, что они с ним сотрудничали, — это вполне естественно.

Максвелл-Файф: Да. Итак, есть ещё одно положение...

Нейрат: Да. Я хочу рассказать вам кое-что ещё: я постоянно протестовал Гитлеру, вместе с господином фон Папеном, о том факте, что этот господин Хабиخت делал такие вещи.

Максвелл-Файф: Сейчас мы это рассмотрим. Я лишь хотел отметить один факт. Он соответствует вашим воспоминаниям: я изучил все доклады подсудимого фон Папена; и кроме трёх личных докладов, двух касавшихся фон Чиршки и один о нападке от Гитлера, у которого нет политического значения, мы имеем 28 докладов. Девятнадцать из этих докладов отмечены как копии для министерства иностранных дел. Вашим воспоминаниям соответствует, что три четверти докладов господина фон Папена поступили к вам?

Нейрат: Так поздно, я этого не скажу.

Максвелл-Файф: Господин фон Нейрат, вы совершенно правы. Вам неизвестно, сколько поступило к вам, но вы говорите, что видели значительное количество докладов господина фон Папена. Я думаю было 19; Я уверен вы можете принять, что они помечены — 19 помечены «направлено министерству иностранных дел».

Нейрат: Мне кажется, да; но вопрос в том, сколько было представлено мне, так как я не получал каждый отдельный доклад от каждого посла или посланника за рубежом. Иначе бы я утонул в бумагах.

Максвелл-Файф: Я полностью согласен, но то, о чём я вас спросил, вы получали их от господина фон Папена, который предполагался как находящийся в достаточно особом положении для решения сложной проблемы? Вы получили значительное количество докладов господина фон Папена Гитлеру как переданные вам.

Нейрат: Я могу вам сказать, лишь то, что я получал некоторые доклады но точно не все. Сегодня я не могу сказать вам большего.

Максвелл-Файф: Милорд, вероятно, было бы удобно прерваться?

Председатель: Мы прервёмся.

[Объявлен перерыв до 14 часов]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Подсудимый, я хочу выяснить два-три факта, относящиеся к 1935 году прежде чем задам вам некоторые вопросы.

10 марта Германия заявила о создании воздушного флота, а 16 марта вы, по-моему, в числе других подписали закон об обязательной воинской повинности. Вы уже говорили об этом, и я не хочу снова возвращаться к этому вопросу. Я лишь хочу спросить вас относительно, секретного закона об обороне Рейха от 21 мая 1935. Посмотрите на замечания генерала Томаса⁶³, касающиеся этого вопроса.

Милорд, это на странице 52 документальной книги 12. Это почти, что страница 71 немецкой документальной книги.

Председатель: Номера 12а или b?

Максвелл-Файф: Милорд, номер 12. Это оригинал; милорд, страница 52:

«Общая централизация верховной власти в Рейхе, которая была декретом установлена на случай войны, повлияла на развитие и организацию военной экономики в такой степени, что необходимо обсудить этот вопрос подробно. Основа для организации централизованной верховной власти в Рейхе на случай войны была заложена еще до 1933 года в большом числе декретов и резолюций совещаний, но она радикальным образом была изменена, когда национал-социалисты пришли к власти, и в особенности после смерти рейхспрезидента Гинденбурга. Новые положения были сформулированы в законе об обороне Рейха от 21 мая 1935. Он должен был быть объявлен только: в случае войны, но был введен в действие уже во время проведения

⁶³ Георг Томас (1890 — 1946) — генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии. В 1938-1942 начальник управления военной экономики и вооружений ОКВ.

подготовки к войне. Поскольку этот закон определял обязанности вооруженных сил и других властей Рейха на случай войны, он также являлся основным распоряжением, на основе которого должна была развиваться деятельность организаций, ведающих военной экономикой». (Документ PS-2353)

Помните ли вы, что в тот же день подсудимый Шахт был назначен уполномоченным по вопросам военной экономики?

Вы понимали в то время, подсудимый, что этот закон являлся основой для развития деятельности организации, ведавшей военной экономикой?

Нейрат: Да, но только на тот случай, если начнется война, то есть на случай мобилизации.

Максвелл-Файф: Видите ли, я пытаюсь вам пояснить то, что этот закон был введен в действие для проведения подготовки к войне. Разве вы не понимали тогда, что это был большой шаг вперед в деле военной подготовки?

Нейрат: Ни в коей мере. Это вовсе не было большим шагом вперед. Это была лишь констатация необходимости, которая могла возникнуть в случае войны. Как и в любой другой стране, необходимо было гарантировать сотрудничество всех учреждений на случай нападения.

Максвелл-Файф: Такова ваша точка зрения? Правильно ли будет сказать, что в то время, до мая 1935 года, министерство иностранных дел Германии все еще было укомплектовано дипломатами старой школы и поэтому еще не было наводнено продуктами из бюро Риббентропа⁶⁴? Так ли это?

Нейрат: Да, это так.

Максвелл-Файф: Вы получали какое-либо предупреждение от вашего собственного персонала относительно событий в Австрии или о вооружении, о введении воинской повинности и создании воздушного флота?

Нейрат: Меня уведомили о событиях в Австрии, как можно видеть из отчета который мне предъявили. Воссоздание вооруженных сил было решением которое было принято кабинетом и я, конечно, знал об этом.

Максвелл-Файф: Да, но – я извиняюсь, возможно, я не придал правильного акцента слову. Когда я сказал предупреждение, я имел в виду официальное предупреждение от ваших сотрудников об этих событиях, создающих к Германии отношение как к кровожадной и воинственной. Вы получали какие-либо предупреждения от своих сотрудников?

Нейрат: Разумеется, нет, так как не в этом дело, и если какие-либо утверждения и делались за рубежом, они точно не являлись правдой.

Максвелл-Файф: Посмотрите на документ PS-3308. Это письменное показание, -

⁶⁴ Бюро Риббентропа - созданный в апреле 1933 внешнеполитический отдел НСДАП во главе с Иоахимом фон Риббентропом, призванный действовать параллельно с министерством иностранных дел Германии. Представлял из себя группу экспертов по вопросам внешней политики при канцелярии Рудольфа Гесса, ведущие посты в котором занимали функционеры аппарата СС.

данное под присягой переводчиком Паулем Шмидтом⁶⁵.

Милорд, это страница 68 документальной книги 12а, и страница 65 или 66 немецкой версии, параграф 4.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, позвольте мне зачитать вам параграфы 4 и 5, вот что говорит Пауль Шмидт:

«4. Попытка провести путч в Австрии и убийство Дольфуса 25 июля 1934 г. серьезно обеспокоили сотрудников министерства иностранных дел, потому что эти события дискредитировали Германию в глазах всего мира. Было общеизвестно, что путч проводился партией, и практически эта попытка провести путч так непосредственно следовала за кровавой чисткой в Германии, что приходилось думать об однотипности нацистских методов как внутри страны, так и вне ее. Эта озабоченность последствиями попытки путча вскоре усилилась признанием того факт, что эти эпизоды привели к франко-советскому консультативному пакту от 5 декабря 1934, оборонительной договоренности к которой нацисты не прислушались как к предупреждению».

Подсудимый, я попрошу вас сказать, правильно ли говорит Шмидт о том, что попытки совершить путч и убийство Дольфуса серьезно обеспокоили кадровых сотрудников министерства иностранных дел?

Нейрат: Это обеспокоило не только кадровых сотрудников моего министерства, но и меня самого.

Максвелл-Файф: И взяв последнюю фразу:

«Эта озабоченность» - то есть волнение из-за путча - «последствиями попытки путча вскоре усилилась признанием того факт, что эти эпизоды» - кровавая чистка и путч - «привели к франко-советскому консультативному пакту от 5 декабря 1934, оборонительной договоренности к которой не прислушались как к предупреждению...»

Правильно ли, что беспокойство среди ваших сотрудников усилилось в результате признания того обстоятельства, что кровавая чистка и путч обеспокоили Францию и Советский Союз в отношении позиции, занимаемой Германией?

Нейрат: Нет, это частное мнение переводчика Шмидта.

Максвелл-Файф: Нет, подсудимый, это не о вас. То, что говорил переводчик Шмидт являлось мнением вашего опытного штата министерства иностранных дел и это я представляю вам. Он не прав говоря, что ваш опытный штат был обеспокоен этими событиями в отношении консультативного пакта?

⁶⁵ Пауль Шмидт (1899 — 1970) — переводчик Министерства иностранных дел Третьего Рейха (1924—1945), руководитель бюро министра, официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935), штандартенфюрер (с 1940).

Нейрат: Никак нет.

Максвелл-Файф: Что, же в любом случае...

Нейрат: Я могу лишь повторить, две вещи не связаны друг с другом.

Максвелл-Файф: В последнем заявлении он прав, что к этой договоренности нацисты не прислушались как к предупреждению?

Нейрат: Это я не могу сказать, я не знаю.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, посмотрите на следующий параграф.

«За объявлением в марте о создании германских воздушных сил и введении призыва последовало заключение пакта о взаимопомощи⁶⁶ между Францией и Советским Союзом. Кадровый персонал министерства иностранных дел отнёсся к этому как к очень серьезному предупреждению о потенциальных последствиях германской внешней политике, но нацистские лидеры лишь ужесточили своё отношение к западным державам, заявив, что их не запугать. Тогда кадровые сотрудники по крайней мере выражали свою озабоченность министру иностранных дел, Нейрату. Я не знаю выражал или нет Нейрат такие выражения озабоченности Гитлеру»

Итак, просто рассмотрим это. Вы – согласны, что кадровый персонал министерства иностранных дел относился к франко-советскому пакту как дальнейшему очень жесткому, очень серьезному предупреждению о потенциальных последствиях германской внешней политики?

Нейрат: Я не знаю имени тех из штата о ком господин Шмидт сделал эти заявления. Но я, в любом случае, ничего не слышал от своего штата о выражении таких мнений.

Максвелл-Файф: Что же, здесь господин Шмидт говорил: «Кадровые сотрудники, по крайней мере, выражали свою озабоченность министру иностранных дел, Нейрату». То есть вам.

Нейрат: Да.

Максвелл-Файф: Утверждаете ли вы, что господин Шмидт, который, в конце концов, был вашим штатным сотрудником, хотя он в течение долгого времени и был переводчиком, пишет неправильно, когда заявляет, что ваши сотрудники высказывали свои опасения вам?

Нейрат: Да, утверждаю самым решительным образом. Откуда господин Шмидт, будучи совсем незначительным чиновником, может знать, что мне говорил мой кадровый состав и дополнительно, как может Шмидт судить об этом? И я также хочу добавить, что Шмидт говорил здесь, суду, что данные письменные показания,

---

⁶⁶ Франко-советский пакт о взаимопомощи — соглашение о военной помощи между Францией и СССР, заключённое 2 мая 1935 года. Договор знаменовал существенный сдвиг в советской политике от позиции противодействия Версальскому договору к более прозападной политике.

или чтобы то ни было, были представлены ему после серьезной болезни и что лично он не знал абсолютно ничего о содержании. Это...

Максвелл-Файф: Вы можете быть уверены, трибунал поправит меня, если я ошибаюсь, в том, что я представил данные параграфы господину Шмидту, и он согласился с ними давая показания трибуналу.

Но давайте посмотрим на ещё одно заявление в конце шестого параграфа. Мы прочитаем шестой абзац, я хочу спросить вас о последней его части.

«Ремилитаризации германскими вооруженными силами Рейнской области⁶⁷ предшествовала дипломатическая подготовка нацистов, проведенная в феврале. Германское коммюнике от 21 февраля 1936 подтвердила, что франко-советский пакт о взаимопомощи не был совместим с Локарнскими договорами⁶⁸ и уставом Лиги. Гитлер в одной из своих бесед утверждал, что не существует действительных оснований для конфликта между Германией и Францией. Если сравнить эти высказывания с некоторыми высказываниями в «Mein Kampf⁶⁹», которые были направлены против Франции, обстоятельства были таковы, что можно было предположить, что готовилась почва для оправдания каких-то действий в будущем. Я не знаю, когда именно было принято решение о вступлении войск в Рейнскую область. Я лично знал об этом и обсуждал этот вопрос примерно за две или три недели до этих событий. Высказывались серьезные опасения, в особенности в военных кругах, относительно риска, связанного с проведением этого мероприятия. Подобные же опасения испытывали многие сотрудники министерства иностранных дел. В министерстве иностранных дел было, однако, известно, что Нейрат в тех правительственных кругах, с которыми консультировался Гитлер, был единственным человеком, который был уверен в том, что Рейнская область может быть ремилитаризована без вооруженного противодействия со стороны Великобритании и Франции. Позиция Нейрата в течение всего этого времени была такова, что она должна была вызвать у Гитлера больше доверия к нему (Нейрату), чем ко всем остальным дипломатам старой

⁶⁷ Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

⁶⁸ Локарнские договоры 1925 года — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций.

⁶⁹ «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

школы, которыми Гитлер обычно пренебрегал».

Итак, если этот мелкий чиновник, о котором вы только что говорили, знал о вступлении войск в Рейнскую область и обсуждал этот вопрос за две или три недели до того, как оно произошло, то когда именно до вступления вы обсуждали этот вопрос?

Нейрат: Господин Шмидт оказался, очевидно, ясновидцем, так как я сам не знал об этом за две или три недели. Я узнал об этом лишь за неделю до того, как Гитлер вынес решение. И если здесь написано, что в министерстве иностранных дел было общеизвестно, что единственным советником Гитлера в правительственных кругах был я, и что я был уверен в том, что Рейнская зона может быть занята войсками без вооруженного сопротивления со стороны Британии или Франции, — так ведь я, в конце концов, был прав.

Максвелл-Файф: Вы были правы... Но действительно ли вы были единственным человеком в правительственных кругах, который считал, что можно было оккупировать Рейнскую область без вмешательства Великобритании и Франции? Это правильно?

Нейрат: Я не могу сказать, был ли я единственным человеком. Во всяком случае, я был убежден в этом на основании того, что я знал о международных отношениях.

Максвелл-Файф: Таким образом, каково бы ни было положение переводчика Пауля Шмидта, он по крайней мере, знал, какое положение вы занимали в то время. Разве он был неправ, говоря в последней фразе о том, что занимаемое вами положение в тот период было таково, что Гитлер прислушивался к вашему мнению скорее, чем к мнению всех других пронацистских дипломатических кругов из министерства иностранных дел, потому что вы были человеком, который одобрял его. Разве не таково положение вещей?

Нейрат: Я его вовсе не одобрял. Правда, я ему изложил свое мнение об общей ситуации. То, что я был тогда прав, впоследствии подтвердилось.

Максвелл-Файф: Я хочу рассмотреть еще один вопрос; правда, он относится к 1936 году, но, поскольку мы уже затронули вопрос об Австрии, рассмотрим сейчас и этот вопрос.

Вы сказали раз или два, что вы очень серьезно возражали против того, что договор между Австрией и Германией, заключенный 11 июля, называли маскировкой или ширмой. Вы очень серьезно возражали против такой точки зрения. Ведь это правильно?

Нейрат: Да.

Максвелл-Файф: Известно ли вам, что Гитлер дал инструкции гауляйтерам австрийской НСДАП продолжать борьбу в то же самое время, когда подписывался этот договор?

Нейрат: Нет, это мне неизвестно.

Максвелл-Файф: Разрешите вам напомнить. Я не хочу, делать то, что выглядит

нечестным.

Милорд, это документальная книга 12, страница 97.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это отчет доктора Райнера⁷⁰, которого трибунал имел возможность увидеть. Прошу посмотреть на конец первого абзаца. Он гласит:

«На соглашение от 11 июля 1936⁷¹ сильное влияние оказала деятельность этих двух лиц (то есть подсудимого Зейсс-Инкварта и полковника Гляйсе-Хорстенау⁷²). Папен упомянул фюреру о Гляйсе-Хорстенау как о человеке, которому можно доверять.

Теперь следующий абзац:

«Тогда фюрер пожелал встретиться с руководством партии...»

Председатель: Сэр Дэвид.

Максвелл-Файф: Милорд, извиняюсь.

Председатель: Вы говорите 97 из документальной книги 12?

Максвелл-Файф: Да, милорд. Да, милорд, да; это третий абзац и начинается «Тогда...»

Председатель: О да, я вижу.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости:

«Тогда фюрер хотел пожелал встретиться с руководством партии в Австрии для того, чтобы сообщить им свое мнение относительно того, что должны делать австрийские национал-социалисты». (документ номер PS-812)

Председатель: Боюсь, это было другое «тогда» на которое мы смотрели. Вы можете дать нам какое-то другое указание?

Максвелл-Файф: Милорд, это в середине.

Председатель: Это 98 в нашей.

Максвелл-Файф: Милорд, извиняюсь. Должно быть, отличается нумерация. Я прошу прощения у вашей светлости.

[*Продолжая*] «Тогда фюрер хотел пожелал встретиться с руководством партии в Австрии для того, чтобы сообщить им свое мнение относительно того, что должны делать австрийские национал-социалисты. В то же самое время Хинтерлейтер⁷³ был арестован, а Райнер стал его преемником...

Обратите внимание, это — тот самый человек, который дает эти показания.

⁷⁰ Фридрих Райнер (1903 — 1947) — партийный деятель НСДАП, Гауляйтер Зальцбурга в 1938-1941, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору югославского суда.

⁷¹ Имеется в виду Соглашение о взаимном признании суверенитета Австрии и Германии.

⁷² Эдмунд Гляйсе-Хорстенау (1882 — 1946) — австрийский политик и военный. Министр внутренних дел Австрии в 1936 — 1938. Находясь в американском плену покончил жизнь самоубийством.

⁷³ Оскар Хинтерляйтер (1891 — 1978) — австрийский нацист. Занимал ряд должностей в органах экономического руководства Австрии

«...преемником и руководителем австрийской партии. 16 июля 1936 г. Райнер и Глобочник⁷⁴ посетили фюрера в Оберзальцберге, где им было весьма ясно объяснено положение вещей, а также были сообщены желания фюрера. 17 июля 1936 г. все гауляйтеры, находившиеся на нелегальном положении, встретились вблизи Зальцбурга, где они получили полнейший отчет от Райнера относительно заявления фюрера и его политические инструкции о ведении борьбы. На этом же самом совещании гауляйтеры получили также организационные инструкции от Глобочника и Хидлера».

Разве Гитлер не говорил своему министру иностранных дел, который наблюдал за заключением этого договора, что он собирался дать гауляйтерам, находившимся на нелегальном положении, инструкции о дальнейшем ведении борьбы? Разве он не говорил вам об этом?

Нейрат: Нет, об этом он мне не сообщал, но я помню — кажется это был тот же доктор Райнер который появлялся здесь в качестве свидетеля — который заявил, что Гитлер вызвал его и остальных гауляйтеров и сказал им, что в будущем они должны строго соблюдать соглашения 1936. Кстати, предмет который вы упоминали вообще не упоминался в документах представлявшихся мне.

Максвелл-Файф: Нет, этого не упоминалось. То, что упоминали это политические инструкции по осуществлению борьбы и организационные инструкции для Глобочника. В любом случае, вы ничего не знали об этом?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Что же, достаточно сложно для вас судить о том был ли договор искренним, если вам не знакомы инструкции данные нелегальной партии в Австрия Гитлером, не так ли?

Нейрат: Да, естественно.

Максвелл-Файф: А теперь давайте разберемся с одним-двумя другими пунктами. Я хочу обратить ваше внимание на заявление господина Мессерсмита, сделанное им в конце 1935 года. Вы помните это заявление? В нем говорится следующее:

«...Европа не сможет избавиться от мифа о том, что фон Нейрат, Папен и Макензен⁷⁵ являются дипломатами старой школы, а не опасными людьми. На самом деле, они являются лишь послушным орудием режима, и именно потому, что внешний мир смотрит на них как на безвредных людей, они могут работать

⁷⁴ Одило Глобочник (1904 — 1945) — государственный и политический деятель нацистской Германии австрийского происхождения, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1942). Гауляйтер Вены (1938—1939). Уполномоченный рейхсфюрера СС по созданию структуры СС и концлагерей на территории Генерал-губернаторства (оккупированной Польши) (17 июля 1941 года — 31 января 1942 года). Покончил жизнь самоубийством после ареста английскими войсками.

⁷⁵ Ганс Георг фон Макензен (1883 — 1947) — немецкий государственный деятель. Капитан (1919). Группенфюрер СС (1942). Государственный секретарь министерства иностранных дел Германии в 1937-1938.

более эффективно. Они могут сеять раздор просто потому, что они распространяют миф о том, что они не поддерживают режим».

Можете ли вы указать нам на какую-либо инструкцию Гитлера, которая была издана до того времени, когда Мессерсмит сделал это заявление, то есть до 10 октября 1935 г., и которую вы не выполнили?

Нейрат: Я не совсем понял. Единственная инструкция...

Максвелл-Файф: Милорд, я извиняюсь; я неправильно изложил ссылку. Это документальная книга 12, страница 107. Такая ссылка.

[*Обращаясь к подсудимому*] Поймите, господин Мессерсмит здесь говорит, что вы и подсудимый фон Папен и фон Макензен являлись послушными инструментами режима. Скажите трибуналу, какое поручение, данное вам Гитлером до 10 октября 1935, вы отказались выполнить. Какое было самое серьезное поручение, от которого вы отказались?

Нейрат: Не одно, а несколько. Я свидетельствовал о том, что много раз я возражал Гитлеру, и я высказался тут о предположениях господина Мессерсмита – о важности письменных показаний господина Мессерсмита.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я представляю это таким образом: что вы скажете трибуналу до 10 октября 1935, было самой серьезной вещью о которой Гитлер приказал вам и вы отказались это исполнять. Что было самым серьезным – наибольшей значимости?

Нейрат: Что же сгоряча я не могу ответить на данный вопрос. Как я могу знать, по какому самому серьезному вопросу я возражал? Я возражал всем подобным вещам.

Максвелл-Файф: Если вы не можете вспомнить о том, что было самым серьезным, я больше вас этим не затрудняю, но я хочу...

Нейрат: Что же, представьте их мне, но не берите предположения с потолка, не давая мне шанса их опровергнуть.

Максвелл-Файф: Я попросил вас рассказать нам, но я перехожу к тому, что представил ещё один американский дипломат. Я хочу спросить вас относительно отчета господина Буллита⁷⁶, с которым, как мне кажется, вы согласны. Милорд, это L-150, и это страница 72 документальной книги 12.

Милорд, я надеюсь тут нет разницы в нумерации – у меня 72.

Председатель: Да, это 74.

Максвелл-Файф: Да, это 74. Милорд, я извиняюсь.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, это второй абзац. Заявив, что он беседовал с вами, он пишет дальше:

«Фон Нейрат сказал, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы не предпринимать активных мер в

⁷⁶ Уильям Буллит младший (1891 — 1967) — государственный и политический деятель США, стал первым послом США в Советском Союзе после того, как США признали Советский Союз в 1933 году.

области внешней политики до тех пор, пока не примирятся с присоединением Рейнской области». Далее он объясняет, что этим он хотел сказать, что до тех пор, пока не будут построены укрепления на бельгийской и французской границах, германское правительство будет делать все возможное для того, чтобы, наоборот, предотвратить, а не поощрять всякий бунт нацистов в Австрии, и будет вести умеренную политику в отношении Чехословакии. Как только наши укрепления будут построены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вступить на территорию Германии, когда она этого захочет, все эти страны будут иначе проводить свою внешнюю политику, и создастся новая группировка сил».

Вы согласны с тем, что вы говорили это?

Нейрат: Да, конечно. Вчера или позавчера я подробно свидетельствовал о том, что это означает. Более того, нет никакой разницы.

Максвелл-Файф: Я хочу спросить, согласны ли вы с моим пониманием этого высказывания. Вы хотели сказать, что как только ваши фортификации на западной границе будут приведены в должный порядок, вы постараетесь добиться аншлюса⁷⁷ Австрии и получить от Чехословакии обратно Судетскую область. Разве не это означают ваши слова?

Нейрат: Нет, нет, вовсе нет. Это совершенно ясно в документе. Я хотел сказать и сказал, что эти страны, в частности Чехословакия и Франция, изменят свою политику по отношению к Германии, так как они уже не могут больше так легко пройти через ее границы.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы заметили, что я вам представил? Я думаю это довольно ясно — что тогда, когда вы поставили западные державы перед ремилитаризацией Германии и Рейнланда — то есть в 1935 и 1936 — затем вы дали гарантии Австрии, что сделал Гитлер в мае 1935, и вы заключили этот договор в 1936. Как только вы сделали свои первые шаги, вы повернули против Австрии и Чехословакии в 1938. Я предполагаю, вы понимаете, что вы говорили истинную правду и проповедовали с точностью Кассандры⁷⁸. Вот что я предполагаю — что вы знали о том, какими являлись эти намерения.

Нейрат: Какими?

Максвелл-Файф: Вы скажете, не так ли?

Нейрат: Вообще нет, вообще нет, вообще нет! Это предположение с вашей стороны

⁷⁷ Аншлюс (нем. Anschluss — присоединение, союз) — включение Австрии в состав Германии, состоявшееся 12—13 марта 1938 года.

⁷⁸ Кассандра — в древнегреческой мифологии дочь последнего троянского царя Приама и его второй супруги Гекубы. Получила пророческий дар от влюбившегося в неё Аполлона, однако за то, что она, обманув, не ответила ему взаимностью, он сделал так, что предсказаниям Кассандры никто не верил. Трагическим пророчествам Кассандры не внимали, её осмеивали и принимали за безумную. Но предсказанное воплотилось в гибели её семьи и разрушении Трои.

не имеющее абсолютно никакого подтверждения.

Максвелл-Файф: Мы далее не спорим про это, потому что мы переходим к ещё одному положению, прежде чем перейдём в 1937.

Вы говорили трибуналу, не раз, что вы не поддерживали нацистское отношение к христианским церквям, подавление церкви. Я правильно вас понял, не так ли?

Нейрат: Да, именно так.

Максвелл-Файф: Итак, и вы говорите, что вы сопротивлялись и активно вмешивались против репрессий к церкви. Посмотрите на документ PS-3758.

Милорд, это станет экземпляром GB-516. Милорд, ваша светлость найдёт это в документальной книге 12а, страница 81.

[*Обращаясь к подсудимому*] Эта запись, которая должна быть честна уже в 1936 в дневнике рейхсминистра юстиции:

«Рейхсминистр иностранных дел передал, с личной запиской для конфиденциального сведения, письмо от государственного секретаря, кардинала Пачелли⁷⁹» - то есть нынешнего папы – «германскому послу в Ватикане, в котором он призывает к помилованию главного викария Зельмайера. Он, рейхсминистр иностранных дел, заметил на это, что после тяжких нападков на германскую юстицию со стороны святого престола в ноте от 29 января, по его мнению не имеется причины демонстрировать какое-либо почтение к Ватикану. Однако, он рекомендовал, по причинам внешней политики не позволять нашим хорошим личным отношениям охладиться».

Итак, подсудимый, вы расскажите мне что-нибудь о том, что показывало малейший личный интерес в судьбе отца Зельмайера, или вы заботились лишь в демонстрации твёрдого фронта Ватикану и не утрате своих хороших отношений с кардиналом Пачелли?

Людингхаузен: Господин председатель, мне сейчас предъявили документ, у меня вообще не было возможности просмотреть документ и ознакомиться с ним. Также, я не знаю о том, чтобы во время данного процесса говорилось о дневнике рейхсминистра юстиции. Поэтому, я не в состоянии судить о том, как рейхсминистр юстиции вообще мог сделать такую запись.

Поскольку эти записи видимо, вырваны из контекста, мне невозможно сформировать какую-либо картину о значимости записи в целом, и естественно это ещё меньше возможно для подсудимого.

Поэтому я вынужден протестовать против допустимости данного вопроса

⁷⁹ Пий XII (до интронизации — Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли (1876 — 1958) — Папа Римский с 2 марта 1939 года по 9 октября 1958 года. Провозгласил догмат о Вознесении Девы Марии и символически посвятил мир Непорочному сердцу Марии в 1942 году. 18 октября 1967 Папа Павел VI начал процесс беатификации Пия XII. Стал первым папой, избранным из государственных секретарей.

и против предъявления этого документа.

Максвелл-Файф: Это совершенно подходящий захваченный документ. Это копия из подлинника дневника рейхсминистра юстиции, и поэтому допустима против подсудимого.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, вы можете увидеть оригинал.

Максвелл-Файф: Милорд, действительно, мне только, что сказали мои американские коллеги, что данный дневник использовался ранее, что отрывки предъявили в деле против подсудимого фон Шираха.

Нейрат: Господин председатель, у меня нет возражения...

Председательствующий: Минуточку.

Людингхаузен: Я не могу понять ни слова, господин председатель. Я извиняюсь, я не могу понять. Теперь я слышу.

Председатель: Когда вы заявляете возражение, следите за тем, чтобы аппарат работал.

Я сказал о том, что вы можете посмотреть на оригинальный документ. И мне сейчас сказали, что оригинал документа использовался ранее, и что поэтому ничего не мешает использовать данный документ в перекрёстном допросе. Это захваченный документ, и вы можете видеть оригинал.

Людингхаузен: Господин председатель, я этого не знал.

Максвелл-Файф: То, что я вам представил подсудимый, это то, что министр юстиции не волновался за отдельного священника, о котором пожаловались; это просто касалось ваших отношений с Ватиканом и кардиналом Пачелли, которым он тогда являлся. Это типично для ваших вмешательств? Это типично для ваших вмешательств за священников с которыми плохо обращались?

Нейрат: Я естественно не могу больше вспомнить данный случай, но то как это представлено в записи было совершенно оправданным. Согласно записи, я сказал, что у нас нет причины показывать какое-либо особое почтение после того как государственный секретарь, кардинал или папа атаковали германскую юстицию, но что как министр иностранных дел я считал важным не беспокоить наши отношения с Пачелли. Я не могу понять какие выводы, вы хотите из этого сделать.

Максвелл-Файф: Что же, я не хочу вторгаться на поле моих советских коллег, но вы знаете, что чешский доклад обвиняет вас, с полной беспристрастностью в том, что касалось сект, ваше правительство плохо обращалось с католиками, протестантами, чешской национальной церковью и даже греческой церковью в Чехословакии. Вам известно о том, что все эти церкви страдали во время вашего протекторства – вы согласны в том, что все эти церкви пострадали при вашем протекторстве.

Нейрат: Нет, вообще нет.

Максвелл-Файф: Хорошо. Я не хочу вдаваться в подробности, но я предположу вам, что ваша забота о различных религиозных конфессиях не заходила слишком

далеко.

Нейрат: Это вновь утверждение с вашей стороны, которое вы не можете подтвердить.

Максвелл-Файф: Что же, я хочу представить вам одну вещь. Вы помните, что говорили трибуналу этим утром о превосходных отношениях которые были у вас с архиепископом Праги?

Нейрат: Я сказал, что у меня были хорошие отношения с архиепископом.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы взглянули на эту копию.

Милорд, это копия, но генерал Эчер⁸⁰ гарантировал мне, что он сможет получить оригинал из дел чешского правительства. Я получил его лишь полчаса назад. Генерал Эчер, который здесь от Чехословакии, сказал, что он может поручиться за оригинал.

Я бы хотел, чтобы подсудимый взглянул на это. Это письмо которое вы получили от архиепископа?

Милорд, это документ D-920, и он будет экземпляром GB-517:

«Ваше превосходительство, глубокоуважаемый господин рейхспротектор:

Ваше последнее письмо доставило мне столь много печали, потому что я не смог из него почерпнуть, что даже ваше превосходительство готово поверить мне — что я потерял сознание и должен был вызвать профессора университета доктора Ирасика⁸¹, который оставался у моей кровати час — он снова прибыл сегодня, вместе со специалистом по внутренним болезням...»

И затем он приводит имя.

«Ваше превосходительство может быть уверен в том, что я всегда делаю все, что могу, чтобы услужить вам. Но пожалуйста, пощадите меня, и не требуйте того, чтобы я действовал вопреки законам церкви.

Ваш, и т.д., кардинал Карл Кашпар⁸², князь-епископ».

Вы это помните?

Нейрат: Я не могу сказать, к чему это относится. У меня нет идеи; в нём нет ничего, и я не могу сказать вам, к чему это относится.

Максвелл-Файф: Вы не можете вспомнить тот повод, по которому князь-епископ написал вам и сказал вам о том, что он заболел, что он страдал и умолял вас не просить его делать нечто против законов церкви? Это не осталось в вашей памяти,

⁸⁰ Богуслав Эчер (1893 – 1954) – чехословацкий генерал юстиции, профессор права.

⁸¹ Арнольд Ирасик (1887 – 1961) – известный чешский хирург, популяризатор медицины.

⁸² Карел Кашпар (1870 — 1941) — чехословацкий кардинал. Титулярный епископ Бетсаиды и вспомогательный епископ Градец-Кралове с 8 марта 1920 по 13 июня 1921. Епископ Градец-Кралове с 13 июня 1921 по 22 октября 1931. Архиепископ Праги с 22 октября 1931 по 21 апреля 1941.

не так ли?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Хорошо, мы оставим это. А теперь, я хочу, чтобы вы мне сказали, перед тем как перейдём к событиям 1937. Вы помните, что вы вчера разбирались с вашим выступлением — я думаю, она была перед Академией германского права⁸³. Вы помните речь в августе 1937? Я могу привести вам ссылку. Вы хотите посмотреть на неё?

Нейрат: Мне требуется только ссылка на то, где я говорил.

Максвелл-Файф: Вы помните её, я лишь хотел сэкономить время. Вы не помните? Я представлю вам её если хотите. Это речь от 29 августа 1937, и я сейчас дам вам ссылку. О чём я хотел вас спросить — вы сказали:

«Единство расовой и национальной воли которые будут созданы нацизмом с беспрецедентным *elan*⁸⁴ позволят внешнюю политику которая разрушит путы Версальского договора⁸⁵».

Что вы имели в виду под «единством расовой воли» предоставленной нацизмом?

Нейрат: Под этим я подразумевал, что все немцы были едины больше чем раньше. В настоящую дату я уже не могу сказать вам, что это означало. Но вместе с тем я просто установил факт.

Максвелл-Файф: Я понял. Теперь скажите мне. Это было в августе 1937. Вы говорили трибунала о том, что слова Гитлера от 5 ноября 1937, повлияли на вас, и ваш защитник представил заявление баронессы фон Риттер. После этих слов...

Нейрат: В ноябре?

Максвелл-Файф: Да, ноябрь 1937.

Нейрат: Именно так.

Максвелл-Файф: Итак, после этих слов оказавших такой эффект, с кем вы обсуждали их среди людей которые присутствовали в беседе Хоссбаха⁸⁶?

Нейрат: С этой речь выступили вообще не в Берхтесгадене. Это ошибка, это было в Берлине, это выступление.

Максвелл-Файф: Я не сказал Берхтесгаден, я сказал на совещании Хоссбаха. Мы

⁸³ Академия германского права, научное учреждение. Создана 26.6.1933 по инициативе Г. Франка, который и стал её президентом. Законом 11.7.1934 определена цель Академии: разработка новых принципиальных основ германского законодательства "в общих областях права и хозяйства". В 1937 в составе Академии насчитывалось 5 комитетов по различным областям права, в ней работало более 300 сотрудников. Членами Академии были все ведущие германские юристы, а также политические и государственные деятели, имевшие отношение к законотворчеству.

⁸⁴ Импульсом (фр.)

⁸⁵ Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

⁸⁶ Протокол Хоссбаха — протокол заседания, состоявшегося 5 ноября 1937 года с участием Адольфа Гитлера, а также военного и внешнеполитического руководства Третьего рейха, на котором Гитлер изложил свои экспансионистские планы в Европе. Своё название протокол получил по имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера полковника графа Фридриха Хоссбаха; Кроме Гитлера и Хоссбаха, на заседании присутствовали министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Эрих Редер и главнокомандующий военно-воздушными силами Герман Геринг. Протокол датирован 10 ноября 1937 года.

называем это совещание Хоссбаха потому, что он вёл протокол.

Нейрат: Я уже говорил вам вчера, с кем я говорил, генералом фон Фричем⁸⁷ и с Беком⁸⁸, который тогда являлся начальником генерального штаба; и также я свидетельствовал, что мы согласовали, что тогда совместно возразим Гитлеру и тенденции которая открылась в этом выступлении.

Максвелл-Файф: Вы говорили о ней с Гитлером?

Нейрат: Да. Я вчера подробно свидетельствовал, что у меня не было шанса поговорить с Гитлером до 14 или 15 января, потому что он покинул Берлин, и я не мог увидеть его. Это была там самая причина, почему я попросил тогда отставку.

Максвелл-Файф: Вы говорили об этом с Герингом или Рёдером?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы оказали мне в нескольких словах относительно тайного кабинетного совета, в который вы были назначены после того, как покинули министерство иностранных дел.

Не посмотрите ли вы только на первые две фразы о заседании 5 ноября?

Милорд, это страница 81 в английской документальной книге 12 и страница 93 немецкой документальной книги.

Это всего лишь первые две фразы, подсудимый:

«Фюрер вначале заявил, что вопрос, который будет разбираться на сегодняшнем совещании, является настолько важным, что детальное его обсуждение, безусловно, потребовало бы в другом государстве обсуждения на совещании кабинета в полном составе. Однако он, фюрер, решил не обсуждать этот вопрос в широком кругу рейхскабинета именно потому, что он является столь важным».

Затем, если вы посмотрите на список присутствовавших, вы увидите, что там был фюрер, военный министр, три главнокомандующих, а также министр иностранных дел.

Подсудимый, предположим, что в феврале или марте 1938 года Гитлер захотел бы обсудить вопрос об Австрии на совещании кабинета в таком же узком кругу лиц. Давайте посмотрим, кто бы занял места тех, кто присутствовал на этом совещании. Вместо Бломберга и фон Фрича присутствовали бы подсудимый Кейтель как начальник ОКВ⁸⁹ и фон Браухич⁹⁰ как командующий сухопутными

⁸⁷ Вернер фон Фрич (1880—1939), генерал-полковник Вермахта, первый генерал немецкой армии, погибший во Второй мировой войне. В 1933 – 1938 главнокомандующий сухопутными войсками Германии.

⁸⁸ Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян после провала заговора против Гитлера

⁸⁹ ОКВ от нем. OKW — (Oberkommando der Wehrmacht) - Верховное главнокомандование вермахта - центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

⁹⁰ Вальтер фон Браухич (1881 — 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер в госпитале для военнопленных

силами, не так ли?

Нейрат: Да, я полагаю, что так.

Максвелл-Файф: В действительности Геринг и Рёдер сохраняли свои посты. Подсудимый фон Риббентроп занял ваш пост, а вы являлись председателем тайного кабинетного совета. Ламмерс был секретарем из кабинета, а Геббельс занял более важный пост — министра пропаганды.

А теперь, я хочу, чтобы вы посмотрели кто были люди составлявшие тайный кабинетный совет.

Ваша светлость, найдёт это на странице 8 документальной книги 12, и это страница 7 немецкой документальной книги.

[Обращаясь к подсудимому] Вы видите, кто сюда входят? подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, заместитель фюрера Гесс, доктор Геббельс, начальник рейхсканцелярии Ламмерс, фон Браухич, Рёдер и Кейтель. Вы говорите, насколько я вас понял, что этот тайный кабинетный совет фактически не существовал и в действительности вообще не собирался. Так по-вашему?

Нейрат: Да.

Максвелл-Файф: Почему тогда вы как председатель тайного кабинетного совета имели специальные фонды на получение дипломатической информации?

Нейрат: Я ничего не получал. Я бы хотел знать...

Максвелл-Файф: О, неужели?

Нейрат: Нет.

Максвелл-Файф: Тогда я попрошу вас посмотреть на это. Посмотрите на документ PS-3945?

Милорд, это 129 в документальной книге 12а. Это будет экземпляр GB-518.

Взгляните на письмо от 28 августа 1939 г. от Ламмерса вам.

«В соответствии с вашей просьбой, я передал советнику Кёппену сумму в 10000 рейхсмарок, которая предоставлена в ваше распоряжение для специальных расходов на получение дипломатической и политической информации.

Я прилагаю проект отчета, демонстрирующий как были использованы деньги, с просьбой направить мне проект после исполнения, как позднейшее в конце финансового года».

И если вы перевернёте на следующую страницу, 131, вы увидите, что в конце марта, что было ближе к концу финансового года, вы подписали расписку, которая гласила:

«Я получил 10000 рейхсмарок из рейхсканцелярии для специальных расходов на получение дипломатической информации».

Скажите нам теперь, почему вам выдавались специальные суммы на

получение дипломатической информации?

Нейрат: Да, это я вам могу сказать. Это выражение я употребил по просьбе Ламмерса, руководившего казначейством рейхсканцелярии, для того, чтобы получить деньги на содержание моего бюро, а именно для оплаты машинистки и секретаря. И для того, чтобы обосновать это – я не знаю какой орган, как назывался орган, министерству финансов – я не имел никакого специального бюджета – господин Ламмерс попросил меня, чтобы я употребил это выражение. Это можно видеть из расписки.

Максвелл-Файф: Я сошлюсь еще на другие письма. Но я хочу только знать, почему было необходимо, чтобы расходы на машинистку и секретаря не подвергались проверке? Как видно на этих страницах...

Милорд, страницы 134 и 135.

Нейрат: Я уже сказал, что...

Максвелл-Файф: На странице 143 вы найдете ваше письмо, адресованное Ламмерсу. Вы пишете: «Для моего бюро нужны специальные дотации на расходы, которые, как мне кажется, не следует подвергать контролю».

Почему вы считали, что не следует контролировать расходы на секретаря и машинистку?

Нейрат: Я в настоящий момент не могу этого сказать. Но я не расходовал никаких средств на получение дипломатической информации. Это лишь расходы на бюро, которые здесь изложены. И для этого в конце письма которое вы мне представили есть...

Максвелл-Файф: А теперь...

Нейрат: Пожалуйста, позвольте мне закончить моё заявление.

Максвелл-Файф: Разумеется.

Нейрат: Здесь есть доклад мне, от меня – от этого секретаря, в котором он говорит – нет, это не то письмо, о котором я подумал.

Максвелл-Файф: Что же, а теперь, если вы закончили, я ожидал того, что вы скажете, что это были канцелярские расходы. Я прошу вас посмотреть на документ PS-3958.

Милорд, это будет экземпляр GB-519.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я представлю то, что показывает, что ваши канцелярские расходы производились из обычного бюджета. Это письмо от 8 апреля 1942 г., адресованное вам.

Председатель: В этой книге?

Максвелл-Файф: Да, милорд; я извиняюсь. Это 140. Я прошу прощения у вашей светлости.

[*Обращаясь к подсудимому*] В этом письме, адресованном вам, говорится: «Рейхсминистр финансов дал свое согласие на то, чтобы ваши запросы на бюджет на 1942 год были предусмотрены в

специальном плане 1. Поэтому я не возражаю против того, чтобы ваши необходимые запросы были удовлетворены даже до того, как будет утвержден этот специальный план 1, в пределах следующих сумм:

На личные административные расходы до 28 500 марок, на официальные административные расходы до 25 500 марок, итого 54 000 рейхсмарок».

Суммы на личные расходы и расходы по содержанию аппарата вы получили в тот же самый период, когда вы получили эти дополнительные суммы. Таким образом, если эта сумма в 10000 марок, которую вы получали время от времени, не предназначалась на содержание аппарата, то я хочу, чтобы вы сказали трибуналу, для чего же в действительности она предназначалась?

Нейрат: Да, я был бы очень благодарен, если бы мне тоже сказали об этом, так как я уже я не знаю.

Максвелл-Файф: Это ваши письма, и вы получали деньги. Разве вы не можете сказать трибуналу, для чего вы их получали?

Нейрат: Нет. Прямо сейчас, нет. Может быть потом.

Максвелл-Файф: Может быть, для получения дипломатической информации, как об этом говорится в письмах –

Милорд, доктор фон Людингхаузен, отмечает, что представленное мной письмо было в 1939. Конечно, были и другие письма. Я не затрудняю трибунал каждым, но есть другое письмо, в котором есть ссылка на платежи от 9 мая 1941, и конечно, другая ссылка на платёж от 30 июня 1943. Милорд, это страницы 133-134. Я извиняюсь; я не привёл подробности. Вероятно, я должен указать это.

Председатель: Письмо на странице 137, которые может иметь некоторое значение, это письмо от человека, подписавшегося «К» - от человека который делал предыдущие обращения?

Максвелл-Файф: Да.

Посмотрите, пожалуйста, подсудимый, на документ PS-3945. Это письмо от 14 июля 1943. Оно подписано буквой «К»:

«Когда я разбирал вопрос о специальных фондах, компетентные лица в рейхсканцелярии проявили полнейшее понимание этого вопроса и попросили вас представить письменное ходатайство, ваше превосходительство. Когда я ответил, что я не хочу представлять такого ходатайства до тех пор, пока успех не будет гарантирован, они попросили предоставить им еще некоторое время для дальнейшего обмена мнениями. Через несколько дней я получил указание, что я могу без всяких колебаний представить ваше ходатайство, после чего я передал письмо, которое я ранее придержал. Требуемая сумма была вручена мне сегодня, и я внес

эту

сумму на свой специальный счет».

Нейрат: Да, но несмотря на это...

Максвелл-Файф: Помогает ли это вам вспомнить сейчас факты? Можете ли вы сказать трибуналу, каковы были специальные расходы для получения дипломатической информации, на которые вы получили эти суммы?

Нейрат: Я крайне сожалею; я абсолютно не могу – я уже вообще не помню предмет. Примечательно то, что письмо датировано 14 июля 1943, когда я больше вообще не имел никаких функций, когда я окончательно ушёл. Сейчас я не знаю.

Максвелл-Файф: Знаете ли, это очень странно, еще в одном письме, документ PS-3958 от 8 января 1943 г., а также и в последующих письмах — от 4 марта и 20 апреля — объясняется ваш отъезд из дома № 23 по Рейнбабеналлее и прекращение ваших расходов, когда вы уехали из города. Я хочу задать вам несколько вопросов по поводу этого дома. Посмотрите на письменное показание американского консула Гейста.

Милорд, это документ PS-1759, экземпляр USA-420.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я ссылался на них этих утром и выдержка, о которой я хочу вас спросить, находится в середине абзаца.

Милорд, это внизу страницы 11 письменных показаний в английской версии.

Председатель: Вы имеете отдельный документ?

Максвелл-Файф: Да, милорд, внизу страницы 11. Абзац начинается:

«Ещё один подобный пример случился в отношении моего арендодателя...»

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Милорд, если ваша светлость продолжит на 10 строчек после того как он говорит, что арендодатель его квартиры вынужден был отдать свой дом СС, он заявляет:

«Я знаю, что во многих случаях, когда считали необходимым усилить давление, будущего покупателя или его агента обычно сопровождали одетые в форму СС или СА. Я знаю об этом потому, что жил по соседству, и знаю лиц, которых это касалось. Я знаю, что фон Нейрат, одно время бывший министром иностранных дел Германии, таким образом получил дом одного еврея. Он был моим соседом в Далеме. Дом Нейрата стоил примерно 250 000 долларов».

[*Обращаясь к подсудимому*] Скажите, этот дом находился на Рейнбабеналлее, 23?

Нейрат: Да, да...

Максвелл-Файф: Скажите, пожалуйста, кто приобрел его для вас с тем, чтобы председатель несуществующего тайного кабинетного совета мог пользоваться этим

домом как своей официальной резиденцией? Кто приобрел этот дом?

Нейрат: Я не понял. Кто, что сделал?

Максвелл-Файф: Кто приобрёл Рейнбабеналлее 23? Кто?

Нейрат: В 1937 году, когда Гитлер строил здание для своей новой рейхсканцелярии, он мне однажды заявил, что я должен переселиться из моего старого дома, который находился за зданием министерства иностранных дел, так как он хочет включить сад при этом доме в участок своей рейхсканцелярии, а дом будет снесен.

Он сказал, что дал указание строительной администрации Рейха предоставить мне новый дом. Строительная администрация Рейха предложила мне несколько домов, причем это были конфискованные еврейские виллы. Однако я от этого отказался. Я должен был сам искать себе дом. Мой домашний врач, которому я об этом сообщил, сказал, что он знает один дом в Далеме. Это и есть как раз дом 23 на Рейнбабеналлее. Мой врач был также домашним врачом в семье владельца этого дома. Дом принадлежал подполковнику Глотцу, брату моего близкого друга. Я сообщил об этом строительной администрации Рейха и попросил вступить в переговоры. В результате переговоров которые вела строительная администрация Рейха, был составлен договор по цене которую цитировал господин Гейст, причем цена была установлена не в долларах, а в марках. Эта сумма по просьбе подполковника Глотца была выплачена наличными, а впоследствии по его желанию — я добился этого у министра финансов — была переведена в Швейцарию.

Я хочу отметить, что тогда я еще был министром иностранных дел. После этого я остался в этом доме по той причине, что я не получил другого дома, и мой преемник Риббентроп поселился в старом президентском дворце.

В 1943 году этот дом был разрушен. Я и до сих пор не могу объяснить, что это была за сумма, о которой вы говорите. Может быть, это была сумма, предоставленная казначейством Рейха. Этого я сказать не могу при всем своем желании. Однако эти показания Гейста совершенно неправильны. Я этот дом купил не у еврея, а купил его у христианина, подполковника Глотца.

Максвелл-Файф: Вы говорите нам, что перевели деньги на его текущий счет в Швейцарию?

Нейрат: Я? Да, так как господин Глотц уехал в Швейцарию; мне кажется, между прочим, что его жена была не арийка.

Максвелл-Файф: Понимаю. Я хотел бы прочитать еще следующую фразу, после чего я закончу рассмотрение этого документа:

«Я знаю также, что Альфред Розенберг, который жил со мной на одной улице, получил дом от еврея точно таким же образом».

Вам известно что-нибудь по этому поводу?

Нейрат: Я вообще не знаю, каким образом господин Розенберг получил свой дом.

Максвелл-Файф: Итак, подсудимый, теперь я хочу перейти к марту 1938. Вероятно, я смогу коротко это разобрать, если я правильно вас понял. Вам известно,

что обвинение ссылалось на ваш ответ британскому послу относительно аншлюса? Насколько я вас понял, вы, теперь не утверждаете, что данный вами тогда ответ являлся правильным, а заявляете, что это было все, что вы могли тогда сказать на основе имевшейся у вас информации, это правильно?

Нейрат: Да, совершенно правильно. Это правда. Это было неправильное заявление, но я большего не знал, вы понимаете?

Максвелл-Файф: Вы сказали, что вы не слышали ни от Гитлера, ни от Геринга ни единого слова относительно ультиматума, предъявленного сначала Шушнигу⁹¹, а потом президенту Микласу⁹². Вам ничего об этом не говорили. Вы об этом заявляете здесь?

Нейрат: Нет, тогда я об этом не знал. Я узнал об этом позже.

Максвелл-Файф: Милорд, я собираюсь оставить это. Я не собираюсь вдаваться в подробности данного инцидента — мы проходили это несколько раз — в виду того, что подсудимый не оспаривает точность.

Председатель: Я хочу знать, когда он услышал о подлинных фактах

Максвелл-Файф: Премного благодарен.

[Обращаясь к подсудимому] Когда вы узнали о действительном положении вещей относительно аншлюса?

Нейрат: Подробности вообще я узнал здесь, когда мне был предъявлен доклад советника миссии Хевеля⁹³. Я уже раньше слышал, что на господина Шушнига было оказано давление. Но точные подробности всего этого я узнал только здесь, в Нюрнберге.

Максвелл-Файф: Я просто хочу выяснить. Вы говорите, что в период между 11 марта и вашим приездом в Нюрнберг, вы ничего никогда не слышали относительно угрозы вступления немецких войск в Австрию, которая содержалась в высказываниях подсудимого Геринга, Кепплера⁹⁴ или генерала Муффа⁹⁵ от его имени? Вы никогда не слышали об этом?

Нейрат: Нет, тогда я ничего не слышал.

Максвелл-Файф: Тогда я хочу спросить вас относительно заверений, которые вы дали чешскому посланнику Мастны⁹⁶ в Берлине. Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ ТС-27 который находится в документальной книге 12, странице 123

⁹¹ Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

⁹² Вильгельм Миклас (1872 — 1956) — австрийский политик. Президент Австрии с 1928 года до аннексии Австрии Германией в 1938 году.

⁹³ Вальтер Хевель (1904 — 1945) — немецкий дипломат во время Второй мировой войны и в межвоенный период, активный член НСДАП. Представитель МИД Германии в ставке Гитлера. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

⁹⁴ Вильгельм Кепплер (1882-1960) — немецкий государственный деятель, промышленник и дипломат. В 1936 г. стал советником Г. Геринга по вопросам четырехлетнего плана. Участвовал в подготовке и осуществлении аншлюса Австрии (1938); затем назначен на пост рейхскомиссара Вены. Американским трибуналом был приговорён к 10 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

⁹⁵ Вольфганг Муфф (1880 — 1947) — немецкий генерал и дипломат. Военный атташе Германии в Австрии в 1934-1938.

⁹⁶ Войцех Мастны (1874 — 1954) — чешский дипломат и преподаватель. Посол Чехословакии в Германии в 1932-1939.

документальной книги. Выдержка, о которой я хочу спросить вас, находится в параграфе 6, После того как вы рассматриваете вопрос о беседе с подсудимым Герингом относительно мобилизации в Чехословакии, вы далее говорите:

«Мастны собирался дать ему определенные и весьма связывающие заверения по этому вопросу», то есть по поводу мобилизации в Чехословакии, «и сегодня», то есть 12 марта, «он говорил с фон Нейратом, который, между прочим, заверил его от имени Гитлера в том, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года».

Вы сказали трибуналу, и мы, кроме того, слышали показания баронессы фон Риттер о том, что совещание 5 ноября обеспокоило вас, даже вызвало у вас тяжелый сердечный приступ. Один из вопросов, которые обсуждались на этом совещании, касался нападения не только на Австрию, но и на Чехословакию, для того чтобы обеспечить немецкие фланги. Почему вы думали 12 марта, что Гитлер будет считать себя связанным германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, которая предусматривала, что всякие разногласия между Германией и Чехословакией должны были передаваться на рассмотрение Совета Лиги Наций или Международного суда? Почему же вы тогда считали возможным, что Гитлер будет передавать свои разногласия с Чехословакией на рассмотрение одной из этих организаций?

Нейрат: Это я могу вам сказать совершенно точно. Я вчера уже показывал, что Гитлер 11-го числа вечером вызвал меня к себе по причинам, которые я еще и сегодня не могу объяснить, и заявил мне, что вступление войск в Австрию должно произойти ночью. На мой вопрос или на мое замечание о том, что это вызовет в Чехословакии большое беспокойство, он заявил, что он не имеет в настоящий момент никаких намерений в отношении Чехословакии и что он даже надеется, что после вступления войск в Австрию или занятия Австрии отношения с Чехословакией значительно улучшатся.

Из этой фразы, из этого заверения о том, что ничего не произойдет, я сделал вывод, что все останется так, как есть, и что мы считаем себя связанными договором 1925 года. Поэтому я мог заверить господина Мастны в этом с абсолютно чистой совестью.

Максвелл-Файф: Верили ли вы хоть одному слову из того, что сказал Гитлер 12 марта 1938 г.?

Нейрат: Да, тогда еще верил.

Максвелл-Файф: Я думаю фон Фрич был вашим другом, не так ли?

Нейрат: Кто?

Максвелл-Файф: Генерал-полковник фон Фрич, он был вашим другом?

Нейрат: Именно так.

Максвелл-Файф: Вы не верили в то, что он был виновен в гомосексуализме, на так ли?

Нейрат: Нет, никогда.

Максвелл-Файф: Что же, они не знали — они не знали, что его подставили в январе 1938?

Председатель: Пожалуйста, отвечайте на вопрос вместо качания головой.

Нейрат: Да, конечно, знал, и узнал об этом и том, что эти обвинения были сфабрикованы Гестапо, а не Гитлером, по крайней мере, по моему мнению.

Максвелл-Файф: Что же, вы не знали — что эти отвратительные вещи⁹⁷ касавшиеся фельдмаршала фон Бломберга и генерал-полковника Фрича были подделаны членами нацистской банды, которые являлись вашим коллегами в правительстве?

Нейрат: Да. Подробности, конечно, мне были неизвестны.

Максвелл-Файф: Вы помните, что в период Мюнхена⁹⁸, когда вы на некоторое время снова вернулись к делам, президент Бенеш⁹⁹ написал меморандум, в котором напоминал о конвенции, об арбитраже, а Гитлер просто отложил его в сторону. Вы это помните? В сентябре 1938?

Нейрат: Нет, я этого не знаю, так как тогда я не находился в должности и вообще не вникал в эти вопросы. Я не знал об этом.

Максвелл-Файф: Вы не знаете, конечно, но ведь об этом писали и в германской прессе и во всех прочих газетах мира, везде писали, что он написал меморандум, напоминая об этой конвенции, а Гитлер отказался даже взглянуть на этот меморандум.

Однако вы утверждаете, что 12 марта вы искренне верили в то, что Гитлер будет действительно придерживаться этой конвенции. Вы действительно это утверждаете?

Нейрат: Да, тогда у меня не было никаких сомнений.

Максвелл-Файф: Милорд, было бы удобным прерваться.

[Объявлен перерыв]

Максвелл-Файф: Подсудимый вчера вы говорили о меморандуме генерал-лейтенанта Фридрици¹⁰⁰, и вы помните, что в этом меморандуме он ссылался на

⁹⁷ Дело Фрича — Бломберга (нем. Fritsch-Blomberg-Affäre) — политический кризис, возникший в 1938 году в высших кругах Третьего рейха, который привёл к изменению формы командования вооружёнными силами государства и значительному усилению влияния НСДАП на внешнюю и внутреннюю политику государства. В результате завершения этого кризиса Гитлер, став верховным главнокомандующим, получил полную свободу действий в реализации своих планов, нацеленных на экспансию.

⁹⁸ Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

⁹⁹ Эдвард Бенеш (1884 — 1948) — государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии). Второй президент Чехословакии в 1935—1948 годах (фактически в период с 1935 по 1938 и с 1945 по 1948 год, в 1938—1945 годах за границей, в 1940—1945 годах как президент в изгнании).

¹⁰⁰ Эрих Фридрици (1885 — 1964) — немецкий генерал. В 1939-1941 представитель Вермахта при рейхспротекторе

ваш меморандум, в котором вы говорите о том, как следует поступить с Чехословакией?

Теперь я хотел бы, чтобы вы обратились к документу номер PS-3859 с тем, чтобы трибунал на основе ваших собственных слов мог увидеть ваше отношение к чехам.

Милорд, это страница 107 из документальной книги 12a

[*Обращаясь к подсудимому*] Я вначале зачитаю ваше письмо к Ламмерсу от 31 августа 1940 г.

Милорд, это будет экземпляр GB-520.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы говорите:

«Дорогой господин Ламмерс:

К настоящему письму я прилагаю меморандум, о котором я уже упоминал в своем письме от 13 июля 1940... по вопросу о будущей организации Богемии и Моравии. Я прилагаю к письму еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим государственным секретарем К. Г. Франком независимо от меня; выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме». Прошу вас обратить внимание на следующие слова: «и я с ним полностью согласен». Будьте добры представить оба эти меморандума фюреру и договоритесь, пожалуйста, о дне, когда фюрер может лично принять меня и моего государственного секретаря Франка. Как я слышал из неофициальных источников, ряд отдельных партийных и прочих ведомств намерены представить фюреру предложения относительно разделения территории вверенного мне протектората, не сообщив мне подробностей этих проектов. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы назначили дату моей беседы с фюрером, пока еще не поздно для меня; я как рейхспротектор, компетентный в этих вопросах, и как человек, хорошо разбирающийся в чешских проблемах, а также мой государственный секретарь должны получить возможность представить фюреру свои соображения по этому поводу до того, как ему будут представлены всевозможные планы и проекты со стороны других лиц.

Итак, я хочу рассмотреть то, что я надеюсь, будет сутью вашего меморандума. Если вы перевернёте – это ваш меморандум – рассмотрим первый параграф, раздел I:

«Все соображения по поводу будущей организации Богемии и

Моравии с национально-политической (staatspolitisch) и этническо-политической (volkspolitisch) точки зрения должны основываться на одной цели, которую мы должны поставить перед собой.

С точки зрения национально-политической может существовать только одна цель — окончательное объединение этих территорий с великогерманским Рейхом. С этническо-политической точки зрения эту территорию следует заселить немцами».

Затем вы говорите, что указываете на путь к достижению этих целей. Прошу вас перейти к разделу II вашего меморандума; вы найдете дополнительный параграф, который начинается словами —

Милорд, это вверху страницы 109 копии вашей светлости:

«Эти 7,2 миллиона чехов, из которых 3,4 миллиона живут в городах и поселениях с численностью населения более 2000 человек в каждом и в деревне, находятся под руководством и влиянием интеллигенции, которая в этой стране составляет слишком большую прослойку по отношению к размерам страны. Эта часть населения, также пыталась после изменения конституционной обстановки в этих районах более или менее открыто саботировать или, во всяком случае, добиваться отсрочки в проведении необходимых мер, которые были намечены для того, чтобы приспособить существующие в стране условия к новому положению вещей. Остальная часть населения, мелкие ремесленники, крестьяне и рабочие, лучше приспособились к новым условиям жизни».

Затем, если вы продолжите с параграфом 3, вы говорите:

«Однако, если бы на основании этого мы пришли к заключению, что правительство и население вели себя лояльно потому, что они в душе примирились с потерей независимости своего государства и включением его в состав великогерманского Рейха, мы совершили бы фатальную ошибку. На немцев продолжали смотреть как на непрошенных захватчиков, и среди народа было широко распространено стремление вернуть прежнее положение вещей, хотя народ и не решался открыто выразить подобные чувства.

Постепенно население начинало признавать новый порядок, но это объясняется лишь тем, что люди либо обладали необходимой рациональной дальновидностью, либо боялись последствий, которые могло повлечь за собой неповиновение. Они, безусловно, поступали так, не исходя из своих убеждений. Такое

положение вещей будет иметь место в течение некоторого времени,

«Однако» - продолжая с разделом III – «пока дело обстоит таким образом, что следует прийти к решению, как нужно поступить с чешским народом, чтобы достичь нашей цели — присоединения их страны к Германии и заселения ее немцами как можно скорее и по возможности в больших масштабах.

Самое радикальное и окончательное разрешение этой проблемы в теоретическом отношении заключается в том, что из этой страны следует совершенно выселить всех чехов и на их место расселить немцев».

Далее вы говорите, что это невозможно, так как нет достаточного количества немцев, чтобы немедленно заселить всю страну.

Затем, если вы перейдете к параграфу 2, вторая половина, вы говорите — милорд, это последние шесть строчек страницы 110:

«Разрешение этой проблемы в отношении чехов будет выражаться в том, что, с одной стороны, следует путем отбора выделить тех чехов, которые могут быть подвергнуты германизации, и оставить их в стране и, с другой стороны, — выселить тех чехов, которые с расовой точки зрения не могут быть использованы или являются врагами Рейха; последнее касается интеллигенции, которая за последние двадцать лет сильно продвинулась в своем развитии. Если мы будем применять такие методы, германизация может быть проведена успешно».

Подсудимый, вы знаете, что в обвинительном заключении настоящего процесса вы и остальные подсудимые среди других преступлений обвиняетесь в геноциде, который мы определяем как истребление наций и рас и который профессор Лемкин¹⁰¹ в своей широко известной книге называет «координированной атакой на основы жизни национальностей и рас с окончательной целью уничтожения расовых групп и наций». Вы хотели избавиться от учителей, писателей и певцов Чехословакии, людей, которых вы называете интеллигенцией, людей, которые должны были бы передать последующим поколениям историю и традиции чешского народа. Это были те люди, которых вы, исходя из того, что сказано в вашем меморандуме, хотели уничтожить, не так ли?

Нейрат: Это не совсем так. Здесь...

Максвелл-Файф: Перед тем как отвечать на этот вопрос, скажите, предусматривалось ли «...выселить тех чехов, которые с расовой точки зрения не

¹⁰¹ Рафаэль Лемкин (1900 — 1959) — польский и американский юрист еврейского происхождения, автор термина «геноцид» и проекта Конвенции ООН о предупреждении и наказании преступления геноцида.

могут быть использованы или являются врагами Рейха; последнее касается интеллигенции, которая за последние двадцать лет сильно продвинулась в своем развитии», — вы действительно имели в виду то, что тогда говорили? Говорили ли вы правду, заявляя, что необходимо изгнать интеллигенцию?

Нейрат: На это я могу сказать только одно: и «да» и «нет», — но предварительно я должен заявить о том, что из этого отчета следует, что меморандум был составлен Франком, я же согласился с тем, что там было написано. Это было 31 августа 1940 г. Меморандум, который упомянут в отчете Фридрици, относится к более позднему периоду времени. Сейчас я точно этого не знаю.

Максвелл-Файф: Думаю, вы найдете - я сейчас передам вам письмо от Зимке, в котором излагаются взгляды Гитлера. Я думаю, вы сейчас обнаружите, что Гитлер основывался именно на этом меморандуме. Сейчас я покажу вам меморандум Франка. Я утверждаю, что, как вы заявили Ламмерсу, вы приложили к письму свой меморандум, а также и другой меморандум, наиболее важные части которого я вам сейчас оглашу, — меморандум Карла Германа Франка. Но это...

Нейрат: Они оба от Франка.

Максвелл-Файф: Я вам их сейчас покажу — нет, но я хотел бы, чтобы вы вначале обратились к своему письму от 31 августа, где вы говорите: «К настоящему письму я прилагаю меморандум», — и далее вы продолжаете: «Я прилагаю к письму еще один меморандум..., который был составлен моим государственным секретарем К. Г. Франком независимо от меня, ...и я с ним полностью согласен». Я предполагаю, вам известно, что это ваш — это на ваш меморандум ссылаются в документе Фридрици...

Милорд, это страница 132 из документальной книги 12.

[*Обращаясь к подсудимому*] ...где Фридрици говорит: «После продолжительных обсуждений рейхспротектор изложил в этом меморандуме свою точку зрения на различные проекты и планы». Я предполагаю, что вы послали Ламмерсу для передачи фюреру именно свой меморандум. Вы действительно хотите заявить трибуналу, что это не ваш меморандум?

Нейрат: Нет, я этого не хочу утверждать. Сейчас я действительно не помню об этом. Этот меморандум был составлен не мною, но я был согласен с содержанием этого меморандума. Об этом как раз и говорится в письме к Ламмерсу.

Максвелл-Файф: Однако, если вы были согласны с содержанием этого меморандума, что же вы в таком случае имели в виду, говоря, что нужно изгнать интеллигенцию, если вы не намеревались сломить чехов как национальное единство и изгнать из нее людей, которые могли сохранить историю страны, ее традиции и язык? Разве вы не этим руководствовались, намереваясь изгнать интеллигенцию из пределов страны?

Нейрат: Я никогда не говорил об «уничтожении», а сказал о том, что интеллигенцию...

Максвелл-Файф: Я сказал «изгнать»...

Нейрат: Понимаю.

Максвелл-Файф: ...которое было вашим собственным словом.

Нейрат: Интеллигенция представляла собой самое большое препятствие для осуществления сотрудничества между немцами и чехами. Для достижения этого сотрудничества мы должны были в какой-то степени уменьшить эту прослойку и главным образом уменьшить влияние интеллигенции, и в этом смысл моего объяснения.

Максвелл-Файф: Вы сказали, что это необходимо для проведения в жизнь вашей политики, но под проведением в жизнь вашей политики вы имеете в виду уничтожение чешского народа как национальной единицы, со своим языком, историей и традициями, и присоединение его к великогерманскому Рейху. Такова была ваша политика, не так ли?

Нейрат: Моя политика заключалась в том, чтобы ассимилировать чехов в такой степени, в какой это окажется возможным. Но окончательных результатов такой политики можно было ожидать ещё очень не скоро. Поколения прошли бы, пока такая цель была бы достигнута, вначале же было необходимо добиться сотрудничества, чтобы воцарилось спокойствие и порядок.

Максвелл-Файф: Сейчас, перед тем как я представлю вам меморандум Франка, с которым вы были полностью согласны, я хочу чтобы вы обратились к параграфу 7 вашего собственного меморандума.

Милорд, это страница 113 из документальной книги 12а.

[*Обращаясь к подсудимому*] В разделе VII вы говорите:

«Если заняться рассмотрением тех колоссальных задач, которые встанут перед германской нацией после завершения победоносной войны, совершенно ясной станет необходимость тщательного и рационального использования немцев. Имеется так много задач, за разрешение которых необходимо взяться одновременно и самым тщательным образом, что перед нами встает необходимость привлечения к проведению этих задач в жизнь всех немцев, способных принять в этом участие.

Великогерманский Рейх должен будет в очень большой степени использовать помощь иностранцев во всех областях и сферах жизни. Однако совершенно необходимо будет придерживаться того правила, чтобы на ответственные должности назначались немцы и чтобы немцы взяли в свои руки бразды народного правления во всех случаях, когда затрагиваются интересы Рейха...».

В этом меморандуме вы вчерне составляли планы того, каким образом следует поступить с чехами после войны, исходя из того, что победу одержит

Германия. Вы считаете, что чехи должны исчезнуть как нация и войти в состав Германского Рейха? Разве вы не намеревались осуществить это?

Нейрат: Заставить чехов исчезнуть, как нацию вообще не было возможно. Они должны были лишь установить еще более тесные связи с Рейхом. Вот что я подразумевал под словом «ассимилироваться».

Более того, в меморандуме также сказано – раньше, гораздо раньше – что с расовой точки зрения – если вы хотите использовать такое неприятное выражение – в Чехословакии были чрезвычайно много немцев.

Максвелл-Файф: Обратитесь к следующей странице и посмотрите на меморандум вашего государственного секретаря, с которым вы полностью согласны.

Милорд, ваша светлость найдёт начало этого в приложении номер 2 на странице 115.

[*Обращаясь к подсудимому*] Здесь государственный секретарь излагает эту проблему. Он говорит во второй фразе:

«Вопрос о том, в состоянии ли протекторат во главе с рейхспротектором разрешить чешскую проблему, и следует ли его в этих целях сохранить или он должен уступить место какой-либо иной форме правления, поднимается уже очень многими людьми и составляет содержание этого меморандума. Этот документ ставит себе целью кратко:

- a) изложить характер чешской проблемы,
- b) проанализировать те пути, при помощи которых она разрешается в данное время,
- c) изучить предлагаемые в этой связи изменения с точки зрения их приемлемости и, наконец,
- d) выразить независимое мнение по всему этому вопросу»

А теперь, я хочу, чтобы вы посмотрели на независимое мнение вашего государственного секретаря, с которым вы полностью соглашались.

Председатель: Не следует ли прочесть две последних строки?

Максвелл-Файф: О, да, милорд, извиняюсь.

«От принятия правильного решения по этому вопросу зависит разрешение чешской проблемы. Мы, таким образом, несем на себе всю ответственность на протяжении будущих веков».

Милорд, теперь я обращусь к странице 121 раздела D меморандума с которой начинается изложение личного мнения Франка и которая начинается словами:

«Цели политики Рейха в Богемии и Моравии должны сводиться к окончательной германизации как территории, так и людей. Для достижения этого имеются две возможности.

I. Полная эвакуация чехов из Богемии и Моравии на территорию,

расположенную вне Рейха, и заселение немцами освобожденных от чехов территорий, или

II. Если оставить в Богемии и Моравии большинство чехов, то по отношению к ним следует применять целый ряд самых разнообразных методов в целях их германизации в соответствии с десятилетним планом.

Подобная германизация обеспечит: 1) Изменение национальности чехов, отвечающих расовым требованиям; 2) Изгнание непригодных в расовом отношении чехов и интеллигенции, которая является врагом Рейха, или применение к этим и прочим подрывным элементам «специального обращения»; 3) Колонизацию освобожденной таким образом территории представителями свежей германской крови».

Теперь я хочу, чтобы вы обратились к тому месту, где ваш государственный секретарь переходит к конкретным предложениям в отношении политики германизации. Не забывайте, что в письме к Ламмерсу вы выражаете полное согласие с этими предложениями.

Если ваша светлость перейдет к странице 123, где имеется заголовок «Молодежь», «Проведение фундаментальных изменений в области образования — уничтожение чешского исторического мифа».

[*Обращаясь к подсудимому*] Это первый пункт. Разрушить всякое представление, которое имеется у чехов в отношении истории их страны, начиная со времени святого Вацлава¹⁰², то есть около тысячи лет назад». Это ваш первый пункт.

«Образование в направлении идеи Рейха. Никакого продвижения без совершенного знания немецкого языка; сначала избавиться от средних школ, позднее и от начальных; никогда никаких чешских университетов только временная «Collegium Bohemicum¹⁰³» при германском университете в Праге; два года обязательной трудовой службы.

Масштабная земельная политика, создание германских островков и перешейков, в частности продвижение германских национальных земель с севера до окрестностей Праги.

Кампания против чешского языка который должен стать просто диалектом, подобно тому, как это имело место в XVII и XVIII столетиях, и полнейшее его исчезновение как языка официального.

Брачная политика после предварительного расового

¹⁰² Святой Вацлав (907 — 935) — чешский князь (924—935/936) из рода Пржемысловичей; святой, почитаемый как католиками, так и православными (дни памяти — 17 марта и 11 октября по новому стилю), патрон Чехии.

¹⁰³ «Коллегия Богемии» (нем.) — общество чешско-немецких культурных связей.

обследования.

В попытках ассимиляции к Рейху, пограничные гау следует исключить.

Помимо постоянной пропаганды германизации и раздачи некоторых милостей в качестве стимула, следует применять строжайшие полицейские методы, включая ссылку и «специальное обращение» для всех саботажников. Принцип: «Zuckerbrot und Peitsche¹⁰⁴». – что такое «Zuckerbrot und Peitsche»?

Применение всех этих методов может быть успешным только в том случае, если единственный орган власти Рейха во главе с одним человеком будет осуществлять планирование, руководство и исполнение. Прямое подчинение «хозяина Богемии» фюреру разъясняет политический характер должности и предотвращает возможность превращения политической проблемы в проблему административную».

Другими словами, весьма значительным фактором этой политики является необходимость того, чтобы вы сохранили свой пост рейхспротектора, а Франк — должность вашего государственного секретаря, а также что гауляйтер Дуная не имел возможности вмешаться в эту политику и забрать себе Брно в качестве столицы своего гау.

Итак, подсудимый, можете ли вы подтвердить трибуналу, что вы говорили Ламмерсу, а именно что вы полностью согласны с этими, как я утверждаю, ужасными, бездушными и беспринципными предложениями? Вы согласны с этими предложениями?

Нейрат: Нет, ни в коем случае.

Максвелл-Файф: Почему же вы в таком случае заявили Ламмерсу, что вы с ними согласны? Почему, когда все шло гладко, вы сказали Ламмерсу, что согласны с этими предложениями?

Нейрат: После этого я делал фюреру доклад по этому вопросу, впрочем, из того, что вы сейчас зачитали, ясно вытекает, что этот первый меморандум был составлен Франком, который составил затем и второй меморандум. Если вы в конце сказали, что цель, которую я преследовал, заключалась в том, чтобы остаться на посту рейхспротектора, то в ответ на это я могу вам сказать, что если и существовала вообще какая-нибудь цель в связи с этим, то лишь следующая: Франк хотел стать рейхспротектором. Что же касается содержания, то я сегодня не могу согласиться с

---

¹⁰⁴ Метод поощрения и наказания, широко известный как метод «кнута и пряника» — метод совмещения различных способов воздействия или стимулирования: негативного («кнут») и позитивного («пряник») Метод поощрения и наказания применяется в педагогике, однако также используется в политике («жесткая сила»), управлении (менеджменте), психологии и других областях жизнедеятельности. В расследовательской практике правоохранительных органов метод «кнута и пряника» известен как «добрый и злой следователь (полицейский)».

ним. Я не был согласен с ним и в то время, когда делал доклад фюреру. Это стало ясно из показаний которые я дал вчера. Эти показания...

Максвелл-Файф: Что же, меня не интересуют ваши вчерашние показания. Я в данную минуту говорю о том, что вы писали в 1940 году. Вы тогда писали — я вновь зачитаю ваши слова, я оглашал их здесь уже три раза.

«Я прилагаю еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим государственным секретарем Франком независимо от меня; выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме, и я с ним полностью согласен».

Почему вы...

Нейрат: Я сейчас сказал вам, что я сегодня не согласен с этими заявлениями и когда я выступал с докладом у фюрера по поводу содержания этого меморандума, я также не поддерживал его. Я сделал предложения, о которых я объяснял вчера и на которые я получил его согласие.

Председатель: Сэр Дэвид, эти документы правильно копированы? Потому что вы видите, что в письме от 31 августа 1940 есть рукописная ссылка «приложение 1; приложение 2»

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Председатель: Следовательно, письмо идентифицирует документ.

Максвелл-Файф: Да, милорд, это так. То о котором я говорю — подсудимого, другое Франка.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Вы упомянули здесь о том, подсудимый, что вы иначе рассматривали их у фюрера. Я утверждаю, что это неправда; неправда то, что вы иначе рассматривали их у фюрера. Я самым решительным образом заявляю, что это неправда.

Нейрат: В таком случае к сожалению вынужден сказать, что лжете вы. Ибо я — я должен знать. В конце концов, мне лучше знать, говорил я с фюрером или нет. Я лично делал ему доклад, причем Франк при этом не присутствовал.

Максвелл-Файф: Хорошо, давайте обратимся к отчету, к вашему собственному отчету. Ваша светлость найдет это на странице 7.

Мы посмотрим, правда ли это.

Председатель: Какая страница?

Максвелл-Файф: Милорд, страница 7. Это документ D-739 из той же книги, 12а; это экземпляр GB-521.

Документ представляет собой секретный меморандум представителя министерства иностранных дел при рейхспротекторе, датированный 5 октября.

[Обращаясь к подсудимому] Вы припомните, что ваше письмо было от 31 августа. Там сказано:

«В связи с приемом рейхспротектора и государственного секретаря Франка у фюрера я из достоверных источников узнал следующее:

Министр юстиции Гюртнер¹⁰⁵ вначале составил отчет по поводу движения сопротивления чехов, и в этом отчете он упомянул о том, что дело четырех главарей чешского движения сопротивления будет слушаться в Народном суде.

Фюрер возражал против этого и заявил, что для чешских повстанцев и мятежников вполне будет достаточно расстрельного взвода. Было ошибкой создавать мучеников в результате юридических приговоров, что подтвердили случаи Андреаса Хофера¹⁰⁶ и Шлагетера¹⁰⁷. Чехи так или иначе любой приговор будут рассматривать как несправедливость. Однако, ввиду того что рассмотрение этого дела уже началось в рамках законного судопроизводства, оно должно далее вестись тем же путем. Процесс должен был быть отложен до конца войны, когда во время торжеств по случаю победы он прошел бы незамеченным. Могут быть вынесены только смертные приговоры, но впоследствии их можно заменять пожизненным заключением или высылкой.

В связи с вопросом о судьбе протектората в будущем фюрер коснулся следующих трех возможностей разрешения этого вопроса:

1. Продолжить существование автономии чехов, при которой немцы будут жить в протекторате в качестве сограждан чехов, пользуясь равными с ними правами. Эта возможность, однако, исключается, так как нам приходится принимать во внимание возможность интриг со стороны чехов.
2. Вывоз чехов из страны и германизация территории Богемии и Моравии путем заселения ее немцами. Эта возможность также исключается, так как на осуществление этого потребовалось бы сто лет.
3. Германизация Богемии и Моравии путем германизации чехов, то есть путем их ассимиляции в великогерманский Рейх. В отношении большей части чешского народа последнее возможно.

¹⁰⁵ Франц Гюртнер (1881— 1941) — министр юстиции в кабинете Гитлера в 1933 — 1941.

¹⁰⁶ Андреас Хофер (1767 — 1810) — тирольский народный герой, организатор и руководитель партизанской войны против французских и баварских оккупантов в 1809 году. Расстрелян французами по приговору военного трибунала.

¹⁰⁷ Альберт Шлагетер (1894 — 1923) — немецкий лейтенант в отставке, член фрайкора и партизан периода после Первой мировой войны, один из главных мучеников в нацистском мариологе. Казнен по приговору французского суда за организации диверсий во время оккупации Рурской области.

Из этих мероприятий по ассимиляции придется исключить тех чехов, против которых имеются возражения с расовой точки зрения, или тех, у которых замечаются антигерманские настроения. Эту категорию лиц придется удалить.

Фюрер принял решение в пользу третьего варианта. Он через рейхсминистра Ламмерса отдал приказ о прекращении многочисленных проектов раздела протектората. Фюрер далее решил, что в целях проведения однородной политики по отношению к чехам центральное управление Рейхом всей Богемией и Моравией должно находиться в Праге.

Таким образом, настоящее положение в протекторате остается неизменным».

Посмотрим теперь на последнюю фразу:

«Решение фюрера следует чертам меморандума представленного протектором и государственным секретарем Франком».

Подсудимый, хотя вы довольно резко только что ответили мне, из этого документа все же явствует, что после приема рейхспротектора и государственного секретаря представитель министерства иностранных дел в вашем ведомстве заявил, что решение фюрера следовало чертам, которые были изложены в меморандумах, представленных ему вами и вашим государственным секретарем Франком. Почему вы утверждаете, что фюрер следовал иным принципам? Ведь все это изложено в данном документе.

Нейрат: На это я дам следующий ответ: прежде всего, документ, показывает, что фюрер затронул три следующих вероятности относительно вопроса будущего Протектората. Это три возможности, которые как я вчера сказал, я предложил. Документ также показывает, хотя и косвенно, что причина совещания у фюрера была в целом совершенно другой нежели просто решение вопроса Протектората. На беседе присутствовал министр юстиции. Во время этой беседы был поднят вначале вопрос чисто юридического порядка, а именно вопрос об обращении с участниками движения сопротивления. Вот, что послужило поводом. Для этого в Берлин прибыл и Франк. Я побывали в Берлине раньше и обсуждал с фюрером не меморандум, который я имел на руках, а свои сомнения в целом и о будущем нашей политики в Протекторате. Мой отчет включал те предложения которые указаны здесь как 1, 2 и 3.

В конце сказано: «Решение последовало в чертах меморандума представленного протектором и государственным секретарём Франком» Данное замечание было добавлено господином Зимке или кем бы то ни было кто написал этот документ, но то, что я вчера говорил о политике правильно. И даже если я признаю, что тогда в письме Ламмерсу я отождествил себя с этими приложениями то несмотря на это всё это отбросили в сторону.

Максвелл-Файф: Что же, я хочу напомнить вам, что в том отрывке из вашего меморандума, на который я сослался, вы выдвигали на первое место организацию великогерманского Рейха. Я понимаю это таким образом. Вы представили себе, что после победы Германии в войне чешская часть Чехословакии останется частью великогерманского Рейха.

Нейрат: Нет, прошу прощения. Она уже была присоединена. Здесь прямо сказано, что протекторат должен остаться в таком состоянии, то есть иметь особое устройство.

Максвелл-Файф: А теперь, я просто – вы сказали, что ваша политика, после данного периода – это было осенью 1940 – что вашей политикой к чехам была симпатия?

Нейрат: Я не думаю, что она поменялась за исключением того, что там были сильные движения сопротивления.

Максвелл-Файф: А теперь, почему вы запретили, в середине 1941, любую ссылку на руководство – обсуждение руководства и обращения со всеми вопросами относительно германо-чешской проблемы. Почему вы запретили обсуждать это?

Нейрат: Для предотвращения проблем, которые снова и снова вызывали появление меморандума, а именно, проблемы отрыва отдельных частей от Протектората и их присоединения к Нижнему Дунаю или Судетам при всеобщем переселении. Это являлось целью моего доклада фюреру, как я вчера объяснял, для того, чтобы прекратить эту дискуссию раз и навсегда.

Максвелл-Файф: Но вы также – вы особо запретили, не так ли, любые публичные заявления адресованные чешскому населению? Что же, посмотрим на документ.

Это документ номер PS-3862, милорд. Ваша светлость найдёт его на странице 126 документальной книги 12а. Милорд, он станет экземпляром GB-522.

[Обращаясь к подсудимому] Это рассылка в ваши разные ведомства и вы говорите:

«По указанной причине, я приказываю, что в будущем, при подготовке различных публикаций о немецко-чешской проблеме, взгляды всего населения больше чем когда-либо направлялись на войну и её потребности, в то время как нужно подчеркивать долг чешской нации выполнять военные задачи возложенные на неё совместно с великогерманским Рейхом.

Иные вопросы о немецко-чешской проблеме не уместны для общественного обсуждения в настоящее время. Я желаю указать на то, что без ущерба для моих приказов, административного руководства и обращения со всеми вопросами о германо-чешской проблеме следует избегать».

Затем последний абзац:

«Необходимые публичные заявления о политических вопросах

Протектората и в частности, адресованные чешскому населению являются исключительно моим делом и будут опубликованы в соответствующее время».

Почему вы так сурово хотели запретить выступать с любыми публичными заявлениями к чешскому населению?

Нейрат: Это адресовано не только к чешскому населению, но в особенности к немцам, и именно по этой причине – было какое-то особое событие которое я уже не помню – здесь сказано: «по указанной причине» - когда снова была дискуссия о будущем Протектората или о чём-то опубликованном. Это была причина и указывал на то, почему это запрещается.

Максвелл-Файф: А теперь, я предлагаю вам, что предложения ваши и Франка говорят сами за себя. Я хочу, чтобы вы помогли мне в другом вопросе.

Вы помните после закрытия университетов возник вопрос о том, что делать со студентами? Было около 18000 студентов, которые конечно, были безработными, потому что они не могли...

Нейрат: Я прошу прощения, я прошу прощения. Так много не было; как самое большее было 1800.

Максвелл-Файф: Нет, поймите – при всём уважении так или иначе ошибаетесь или вы или ваше ведомство. Согласно записке из отдела X вашего ведомства:

«По данным находящимся в моём распоряжении число студентов на которых повлияло закрытие» - я думаю это включает также высшую школу – «на 3 года чешских университетов 18998.

По сообщениям прессы, датированным с 21-го числа сего месяца только 1200 лиц было арестовано в связи с событиями 15-го числа сего месяца».

И затем ваше ведомство продолжает говорить о процессе исключения этих 17800. Теперь вы столкнулись с их занятостью.

Милорд, это страница 104, документ PS-3858. Экземпляр GB-523.

Нейрат: Я не хочу отрицать заявления своих сотрудников. Он должен был знать это лучше меня. Я просто был удивлён тем, что было 18000 студентов в двух чешских университетах, в стране с населением в 7 миллионов.

Председатель: Не лучше ли вам проверить оригинал?

Максвелл-Файф: Милорд, да. Крайне обязан вашей светлости. Что же, милорд, это из обеих цифр достаточно ясно – эти цифры, и это 18998, и затем сверка, и вам нужно убрать 1200, остаётся 17800. Милорд, если бы было всего 1800, вторая цифра не могла бы возникнуть.

Людингхаузен: Господин председатель, в чём-то есть ошибка. В самое лучшее время в Чехословакии было на два университета больше чем в Берлине. В Берлине было максимум 8000-9000 в год и случае нации в 7 миллионов предполагается 18000 студентов в двух университетах. Это не может быть правильно.

Максвелл-Файф: Милорд, может быть, тут есть три возрастные группы. Ваша светлость понимает, что «по данным находящимся в моём распоряжении число студентов на которых повлияло закрытие на 3 года чешских университетов 18000». Может быть это включает 2 года, кроме нынешних студентов.

[*Обращаясь к подсудимому*] Во всяком случае, это цифра; и это проблема которой занималось ваше министерство. Может быть, что это включает определенные высшие школы, но во всяком случае, это документы вашего министерства, и я хочу знать, что случилось. Как я понял это был протокол от Деннлера¹⁰⁸, доктора Деннлера, который был главой отдела группы X вашего ведомства, Бургсдорфу¹⁰⁹, который имел вышестоящую должность; и если я могу подытожить это, данное письмо от 21 ноября 1939 предлагает, что студентов должны были принудительно забрать из Чехословакии в старый Рейх и направить на работу в старом Рейхе; и потом, дальше – 25 ноября, вы заметите, что в параграфе 2 сказано – автор, Бургсдорф, говорит, что он разбирался с меморандумом X 119/39, что меморандум Деннлера; и Бургсдорф говорит, что он не хочет, чтобы они уехали в Рейх, потому что там в Рейхе была некоторая безработица, и предлагает, что они должны заниматься принудительным трудом на дорогах и каналах в Чехословакии. Итак, это были два предложения вашего ведомства.

Милорд, второй документ PS-3857, который будет экземпляром GB-524.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что случилось с несчастными студентами?

Нейрат: С ними вообще ничего не случилось.

Максвелл-Файф: А теперь, так или иначе эти предложения доктора Деннлера о принудительной работе в Рейхе и Бургсдорфа о принудительной работе в Чехословакии, они к вам приходили?

Нейрат: Ничего из этого.

Максвелл-Файф: Они приходили к вам за решением? Они приходили к вам за решением?

Нейрат: Я думаю, их мне представляли, но я не скажу точно.

Максвелл-Файф: Что же, вы согласны со мной, или вероятно вы сможете поправить мои сведения, о том, что это самое раннее предложение – вы сказали оно не вступило в силу – но самое раннее предложение о принудительном труде исходившее от сотрудника вашего ведомства? Вам известно какое-то другое ведомство Рейха которое предлагало принудительный труд уже в ноябре 1939?

Нейрат: Нет никакой связи и больше того, если вы должны просматривать предложения всех своих подчиненных, тогда можно найти какое-то предложение в

¹⁰⁸ Вильгельм Деннлер (1902 - 1960) – Бригадефюрер СА. С 1939 по 1942 сотрудник ведомства протектора Богемии и Моравии.

¹⁰⁹ Курт фон Бургсдорф (1886 — 1962) — немецкий нацистский деятель и функционер, бригадефюрер СА, губернатор дистрикта Краков (с 23 ноября 1943 по 18 января 1945), юрист. Высокопоставленный чиновник во время «аншлюсса», оккупационного режима Чехословакии и Польши. Военный преступник. Польским судом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

котором вы впоследствии отказали. Предложения внесенные консультантом вообще ничего не значат.

Помимо этого, возможно я могу пояснить эту цифру в 18000. Тут сказано: «По данным находящимся в моём распоряжении число студентов на которых повлияло закрытие на 3 года чешских университетов будет 18000». Следовательно, три раза по 6000, не так ли? Что приблизительно 18000.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я уже выдвинул такое предположение, около 10 минут назад, но я покорно соглашусь с вами. Это тот вопрос, в котором у нас нет разногласий.

А теперь, поймите, что я предполагаю. Это то, что данные предложения возникли в вашем ведомстве, потому что они полностью согласовывались с меморандумом, который я сейчас зачитал трибуналу, по которому, следовало не только избавиться от чешского высшего образования, но и получить принудительную рабочую силу. Вы помните, что находилось в меморандуме государственного секретаря? Я предполагаю, что это являлось идеей вашего ведомства – идея принудительного труда – уже 21 ноября 1939.

Итак, подсудимый, у меня есть лишь один вопрос, и я надеюсь, так как это вопрос факта, вы сможете согласиться со мной. Вы предположили этим утром, что германский университет в Праге был закрыт после основания Чехословакии в 1919. Так это до нас дошло. По памяти, вы не знаете, что продолжалось то, что многие тысячи студентов учились в германском университете Праги между 1919 и 1939?

Нейрат: Насколько мне известно, это было подразделение чешского университета, немецкая часть чешского университета, насколько мне известно.

Максвелл-Файф: Но он существовал – существовал как университет?

Нейрат: Да, существовал, но как чешский университет.

Максвелл-Файф: Да, но немецкие студенты поступали туда и могли получать свою степень на немецком языке? Это был разрешённый язык? Я предположу вам, что были тысячи людей которые ехали в него из Австрии и старого Рейха – ехали туда как немцы для получения своей степени на немецком языке.

Нейрат: Да, только старый германский университет, так называемый Карлов университет¹¹⁰, был закрыт чехами. Но немецкое отделение или как бы его ни называли, оставалось. Немцы обучались и сдавали там экзамены.

Максвелл-Файф: Я думаю, вопрос ясен. Я не собираюсь спорить с вами о действительном положении вещей, но с тем, что существовал германский университет, в котором могли обучаться немецкие студенты, вы согласны.

Председатель: Обвинение желает провести дальнейший перекрёстный вопрос?

Рагинский: Скажите, пожалуйста, подсудимый в бытность вашу министром

¹¹⁰ Карлов университет в Праге (также часто упоминается как Пражский университет) — главный университет Чехии, старейший университет Центральной и Восточной Европы и один из старейших классических университетов мира, был основан королём Богемии Карлом IV Люксембургом в 1348 году.

иностранных дел, имело ли место вмешательство Розенберга во внешнеполитические дела Германии?

Нейрат: Это вопрос?

Рагинский: Да, вопрос.

Нейрат: Так точно.

Рагинский: Имело. Не скажите ли вы кратко, в какой форме это вмешательство выражалось?

Нейрат: Сообщением фюреру своих собственных идей во внешней политике, не представляя их мне для рассмотрения.

Рагинский: Хорошо. Вчера вы здесь утверждали, что в 1936 году еще у вас были серьезные расхождения с Гитлером, и в связи с этим 27 июля 1936 г. просили освободить вас от поста министра. Этот документ вчера здесь приводился. Но вы разве не писали тогда Гитлеру...

Нейрат: Да.

Рагинский: Я зачитаю одну фразу, последнюю фразу вашего письма:

«И даже в том случае, если я не буду больше министром, — я всегда к вашим услугам, если вы этого пожелаете, со своим советом и со своим многолетним опытом в области внешней политики»?

Вы писали так в своем письме Гитлеру?

Нейрат: Так точно.

Рагинский: И вы обещания, которые дали Гитлеру, выполнили? Всегда, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные действия Гитлера, как это имело место при захвате Судетской области, вторжении в Чехословакию и т. д., вы приходили к Гитлеру на помощь своим опытом, не так ли?

Нейрат: Это большая ошибка. Наоборот, как я уже говорил здесь, Гитлер лишь один раз призвал меня к себе. Это было в последние дни перед присоединением Австрии. На этом моя деятельность закончилась, но в конце 1938, чтобы быть точным, я пошёл к нему по собственной инициативе, удержав его от начала войны. Такой была моя деятельность.

Рагинский: Это мы уже слышали. Я хочу вам задать еще один вопрос по меморандуму Фредерици, не повторяя то, что здесь уже говорилось по поводу этого меморандума. В этом меморандуме, как вы помните он недавно был представлен суду, в заключительной части этого меморандума, указывается. Это предпоследний абзац меморандума Фридрици. Там говорится:

«Если управление Протектората будет находиться в твердых и надежных руках и руководствоваться только приказом фюрера от 16 марта 1939 г., — территория Богемии и Моравии станет постепенно неотъемлемой частью Германии».

Скажите, для этой цели Гитлер именно вас назначил протектором?

Нейрат: Об этом не может быть и речи, это вовсе не было причиной, подробности я описал вчера.

Рагинский: Да. Мы не будем повторять причины, вы вчера о них говорили.

Значит, вы отрицательно отвечаете на этот вопрос, что вы были именно тем человеком, который должен был завершить захват Чехословакии?

Скажите...

Нейрат: Это вопрос?

Рагинский: Да, это вопрос.

Нейрат: На это я могу ответить только «нет».

Рагинский: Хорошо. Вы признаете, что вы являлись в протекторате единственным представителем фюрера и имперского правительства и непосредственно подчинялись Гитлеру?

Нейрат: Да, это правильно. Это сказано в указе Гитлера.

Рагинский: Да, да, здесь об этом сказано. Я не буду зачитывать этот декрет, чтобы не затягивать допрос. Этот декрет имеется в распоряжении суда, полный текст этого декрета.

Вы признаете, что все учреждения власти и органы империи в Протекторате, за исключением вооруженных сил, подчинялись вам?

Нейрат: Нет. К сожалению, я должен сказать, что это — ошибка. В том же самом декрете от 1 сентября 1939 г. об этом также сказано. Кроме того, имелся целый ряд инстанций Рейха, которые мне не подчинялись, помимо полиции.

Рагинский: О полиции мы отдельно поговорим. Значит, вы считаете, что ошибкой в декрете этого не говорится или вы толкуете декрет иначе? Я тогда зачитаю параграф 1 декрета от 1 сентября 1939 г. Здесь говорится:

«Все учреждения власти и органы Рейха в протекторате Богемия и Моравия, за исключением вооруженных сил, подчиняются имперскому протектору».

И параграф второй:

«Имперский протектор осуществляет надзор».

И параграф третий:

«Ведомство имперского протектора компетентно за все отрасли администрации».

Председатель: Вы говорите слишком быстро.

Рагинский: Как видите, здесь совершенно четко и определенно указывается, что все имперские органы власти подчиняются вам, а вы, в свою очередь, подчинены непосредственно Гитлеру.

Нейрат: Я должен еще раз сказать: административные органы — да, но кроме них существовал и целый ряд инстанций Рейха, которые мне не подчинялись, как, например, четырехлетний план.

Рагинский: А теперь перейдем к вопросу о подчиненности полиции. Вчера, на

вопросы вашего защитника вы сообщили трибуналу, что параграф 13 этого же декрета от 1 сентября, подписанного Герингом, Фриком и Ламмерсом, что этот параграф 13 вам был непонятен. Обратимся к другим параграфам этого раздела, устанавливающего подведомственность полиции.

Параграф 11:

«Органы германской полиции безопасности в протекторате Богемия и Моравии обязаны расследовать все враждебные государству и народу настроения на территории протектората, бороться с ними, собирать результаты этих расследований и делать из них соответствующие выводы, осведомлять имперского протектора, а также его подчиненные учреждения и держать их в курсе важных для них событий и давать им советы».

И параграф 14 этого же декрета:

«Имперский министр внутренних дел, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции с ведома имперского протектора Богемии и Моравии издает правовые и административные положения».

Таким образом, из этого декрета полностью устанавливается, что полиция и СС обязаны были вас осведомлять о всех своих мероприятиях, и, более того, все административные и правовые акты и мероприятия проводились с вашего ведома. Вы это признаете?

Нейрат: Нет, это неправильно. Вначале следует сказать, что в этом декрете говорится о том, что они должны меня осведомлять, но это не проводилось в жизнь, и Гиммлер просто запретил это делать. И ещё, второе правило о том, что административные меры – или как это называлось – могли или должны были осуществляться с моего одобрения, никогда не применялось.

Рагинский: Вы это отрицаете?

Нейрат: Да.

Рагинский: Да. Я вам предъявляю сейчас показания Карла Германа Франка от 7 марта 1946 г. по этому вопросу, по вопросу о подчиненности полиции.

Господин председатель, я представляю эти показания как документ под номером СССР-494.

Председатель: Они есть в английской книге, вам это известно?

Рагинский: Нет, господин председатель, это документ который я сейчас предъявляю, подлинник за подписью Франка.

[Обращаясь к подсудимому] Карл Герман Франк при допросе показал:

«После издания приказа о структуре германской администрации в Протекторате и германской полиции безопасности все германские власти и учреждения, за исключением вооруженных сил в Протекторате, а также вся полиция формально подчинены

имперскому протектору и обязаны выполнять его директивы. Вследствие этого полиция безопасности должна была выполнять принципиальные политические установки, даваемые имперским протектором. Приказы о проведении государственно-политических мероприятий в основном давались главным управлением имперской безопасности в Берлине через командующего полицией безопасности. Если имперский протектор хотел самостоятельно провести какое-нибудь государственно-полицейское мероприятие, то он должен был получить на это согласие главного управления имперской безопасности в Берлине. То же самое относилось к директивам по проведению государственно-полицейских мер, данных высшим руководителям СС и полиции командующему полицией безопасности».

Я прошу обратить внимание на этот абзац, который я сейчас зачитаю:

«Такой порядок служебного подчинения и дачи директив имел силу во все время существования Протектората и применялся в таком виде Нейратом в Протекторате. В общем, имперский протектор имел возможность по своей собственной инициативе давать директивы государственной полиции через командующего полицией безопасности.

Что касается службы безопасности, которая не имела исполнительной власти, то право имперского протектора в отношении дачи директив для СД было значительно шире и не зависело ни при каких обстоятельствах от согласия главного управления имперской безопасности».

Вы подтверждаете эти показания Франка?

Нейрат: Нет.

Рагинский: Нет, не подтверждаете. Хорошо.

Нейрат: Я отсылаю вас к заявлению того же Франка, о котором я узнал здесь, которое было сделано в прошлом году, во время которого он сказал нечто совершенно иное. Он сказал, что вся полиция не подчинялась рейхспротектору, но подчинялась главе полиции в Берлине, а именно, Гиммлеру. Оно где-то здесь – данное заявление.

Рагинский: А вы не беспокойтесь, я вернусь ещё к тем показаниям тоже несколько позже.

Скажите, кто был у вас политическим референтом?

Нейрат: Политическим референтом?

Рагинский: Да, да политическим референтом.

Нейрат: В целом у меня были разные политические референты.

Рагинский: Чтобы не терять время, я вам сейчас покажу документ. Очень небольшой. Мы его зачитаем:

Начальник полиции безопасности 21 июля 1939 г. обратился с письмом к вашему статс-секретарю и старшему СС и полицай фюреру Карлу Герману Франку следующего содержания:

«Своим приказом от 5 мая 1939 г. господин рейхспротектор Богемии в Моравии назначил СД-фюрера и уполномоченного полиции безопасности своим политическим референтом. Как мною установлено, приказ этот до настоящего времени еще не опубликован и не проведен в жизнь. Прошу обеспечить проведение этого приказа в жизнь.

Подписал: доктор Бест¹¹¹».

Вы вспомнили сейчас свой приказ?

Нейрат: В настоящий момент я не могу вспомнить об этом приказе. Я могу вспомнить лишь о том, что он никогда не был проведен в жизнь, так как я не хотел иметь у себя на должности политического референта — фюрера СД.

Председатель: Было бы удобное время прерваться.

Рагинский: Господин председатель, позвольте ещё одну минуту, ещё одну минуту, чтобы закончить этот вопрос, а потом объявим перерыв.

Председатель: Да.

Рагинский: [*Обращаясь к подсудимому*] Но вы издали такой приказ от 5 мая. Независимо? Я сейчас не хочу касаться...

Нейрат: Я уже не могу сказать вам об этом — но возможно это правда.

Рагинский: Но это сказано в документе.

Нейрат: Я не хочу этого отрицать, я уже не знаю.

Рагинский: Хорошо. Я, полагаю, что господин председатель, что сейчас можно объявить перерыв. Мне потребуется ещё минут 30-40.

Председатель: Очень хорошо.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 26 июня 1946*]

¹¹¹ Вернер Бест (1903 — 1989) — официальный юрист нацистской партии, обергруппенфюрер СС (20 апреля 1944), уполномоченный Рейха в оккупированной Дании (1942—1945). Датским судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Досрочно освобождён в 1951.

День сто шестьдесят четвертый

Среда, 26 июня 1946

Утреннее заседание

Председатель: Трибунал не будет заседать в четверг в открытом режиме, а будет заседать в закрытом режиме. То есть, мы будем заседать завтра в четверг, с 10 до часа в открытом режиме, и вечером будет заседать в закрытом режиме.

Утром в субботу трибунал будет заседать в открытом режиме с 10 до часа.

Рагинский: Господин председатель, мне стало известно, что вчера, при предъявлении мною документа СССР-494, не было передано суду необходимое количество копий этого документа. Я очень сожалею о случившемся, и прошу сейчас принять это количество копий документа.

[Подсудимый фон Нейрат вернулся на место свидетеля]

Рагинский: Вернемся подсудимый, к вашему предупреждению от августа 1939. Если я вас правильно понял, вы заявили суду, что это предупреждение было издано в связи с военной обстановкой. Так это?

Нейрат: В связи с военной обстановки тогда ничего не случилось; абсолютно никаких политических трений не замечалось, поэтому, это не было напрямую связано с военной обстановкой. Тогда разумеется ещё не было ничего неправильного.

Рагинский: Не зависело от военной обстановки, хорошо. Вы признаете, что этим вашим приказом, или предупреждением, вы установили систему заложников?

Нейрат: Я не понял вопрос.

Рагинский: Я повторю свой вопрос. Я вас спрашиваю, признаете ли вы, что своим предупреждением от августа 1939 года — этот документ я представляю как доказательство под номером СССР-490 — вы своим приказом установили систему заложников?

Нейрат: Я не понял.

Рагинский: Неправильно вам перевели?

Нейрат: Да, не прошёл перевод последнего вопроса, или даже последняя фраза. Я не понял последнюю фразу.

Рагинский: Документ вам известен. Хорошо, я вам поставлю...

Нейрат: Да, но я не понял последнюю фразу вашего вопроса.

Рагинский: Я постараюсь сказать так, чтобы вы поняли. В этом приказе, в

предпоследнем абзаце сказано: «Ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население. Это значит, что не виновные персонально наказываются, а устанавливается наказание и для невиновных». И этот ваш приказ послужил началом массового террора против чехословацкого народа.

Нейрат: Никоим образом. Это лишь означало, что моральная ответственность за эти деяния должна была возлагаться на чешский народ.

Рагинский: А разве в Лидице¹¹² не было применение на практике этого вашего приказа? Разве речь шла только о моральной ответственности?

Нейрат: Да, да.

Рагинский: В этом приказе вы указываете следующее: «Кто не учтет важность этих мероприятий, будет признан врагом Рейха». Вы разве с врагами Рейха расправлялись, только моральной ответственностью?

Нейрат: Да. Если кто-нибудь не подчинялся приказу, то его, естественно, наказывали.

Рагинский: Вот это я и хочу установить. И поэтому и задал вам вопрос. Что, этим своим приказом от августа 1939 года вы положили начало массовому террору и наказанию лиц невиновных.

Нейрат: Что же, я не знаю, как вы можете делать такой вывод из этого предупреждения.

Рагинский: А вот мы сейчас перейдем к основаниям для таких выводов. В докладе чехословацкого правительства, который был представлен как документ СССР-60, доклад который является итогом расследования преступлений совершенных вами и ваших сообщников, там приводятся все эти основания. Всем этим документальным данным, вы противопоставляете голословное отрицание. Я не намерен с вами спорить по поводу этого документа, а сейчас оглашу вам некоторые свидетельские показания и попрошу ответить, подтверждаете вы эти показания или вы их отрицаете. Я оглашаю выдержку из показаний бывшего министра финансов Иосифа Кальфуса¹¹³ от 8 ноября 1945 г. Господа судьи, найдут эти выдержки на странице 12 английского текста, документа СССР-60. Кальфус показал:

«Экономическая система, введенная Нейратом и после него бывшим немецким режимом, была ни что иное, как систематически организованный грабеж. Что касается занятия важнейших постов в чешской промышленности и финансовой отрасли, нужно отметить, что вместе с Нейратом была введена обширная экономическая машина, которая немедленно захватила

¹¹² Лидице — шахтёрский посёлок в Чехии, в 20 км к западу от Праги и к юго-востоку от города Кладно, 10 июня 1942 уничтоженный по требованию немецкого правительства. Непосредственным поводом для расправы явилось убийство Рейнхарда Гейдриха, протектора Богемии и Моравии, совершённое 27 мая 1942 в Праге. По указу группенфюрера СС Карла Германа Франка, начальника СС и полиции Праги, жители посёлка были обвинены в укрывательстве чехословацких патриотов, совершивших покушение.

¹¹³ Иосиф Кальфус (1880 – 1955) – министр финансов Чехословакии и Протектората с 1937 по 1945.

главнейшие посты в производстве. Заводы Шкода, военные заводы в Брно, сталелитейные заводы в Витковицах, важнейшие банки — «Чешский банк», «Дисконтовый банк», «Чешский объединенный банк», «Земский банк» — были также захвачены».

Вы подтверждаете эти показания?

Нейрат: Я подробно вчера обсуждал этот вопрос, и я отсылаю вас к своему заявлению, сделанному вчера. Мне нечего добавить.

Рагинский: Вы, значит, не подтверждаете? Хорошо.

Нейрат: Нет, никак.

Рагинский: Бывший президент Чехии Рихард Бинерт на допросе от 8 ноября 1945 г. показал, господин председатель, эта выдержка имеется на странице 13 английского текста, документ СССР-60:

«Когда мы познакомились с ним ближе, мы заметили, что он, Нейрат, немилосерден к чехам. Как чешский областной президент, я знал, что это Нейрат подчинил политическую администрацию в Чехии и Моравии немецкому контролю, как администрацию государственную, так и местные управления. Я помню также, что Нейрат распустил школьные областные советы и вместо них назначил немецких школьных инспекторов. Он приказал распустить институты областных представителей: по его побуждению чешские рабочие посылались в Германию с апреля 1939 года на работы для военного аппарата Германии. Он приказал закрыть университеты и многие средние и начальные школы. Он распустил чешские гимнастические объединения и организации «Сокол¹¹⁴», «Орел», приказал конфисковать все имущество этих гимнастических обществ, он закрыл чешские дома отдыха и санатории для молодых рабочих и студентов, и распорядился конфисковать их имущество. Гестапо производило аресты, но по распоряжению рейхспротектора. Лично я был арестован 1 сентября 1939 г.».

Вы эти показания также не подтверждаете?

Нейрат: Нет, нет. О всех вопросах приведённых здесь, я вчера подробно говорил. Я не намерен повторять всё снова и снова. Более того, мне кажется странным, что господин Бинерт из тех людей которые хорошо знали о том, что я должен был приказывать и какими были мои отношения с Гестапо и так далее, чтобы господин Бинерт мог говорить такие вещи.

Рагинский: Хорошо. Посмотрим другие показания: бывший премьер так

---

¹¹⁴ Сокольское движение (чеш. Sokol) — молодёжное спортивное движение, основанное в Праге в 1862 году Мирославом Тырше. С перерывами продолжает работать по настоящее время. Хотя официально движение является неполитическим, оно было важным носителем и распространителем идей чешского национализма и панславизма.

называемого «правительства» Протектората доктор Кречи¹¹⁵ на допросе 8 ноября 1945 г., показал.

Господин председатель, эта выдержка имеется на странице 17 английского текста документа СССР-60. Семнадцать:

«Я знаю» – показывал Кречи – «что гимнастические организации были распущены, их имущество конфисковано по распоряжению рейхспротектора и их денежные фонды и оборудование было передано немецким организациям СС, СА, «Гитлерюгенд»¹¹⁶ и т. д... 1 сентября 1939 г., когда немецкая армия напала на Польшу, были произведены аресты в широком масштабе, главным образом были арестованы офицеры, интеллигенция и выдающиеся политические деятели. Аресты производило Гестапо, но они не могли быть сделаны без одобрения рейхспротектора».

И на следующей странице выдержка:

«Что касается еврейского вопроса, то рейхспротектор принуждал правительство Протектората к действиям против евреев, но, так как это давление не имело успеха, то немцы из канцелярии рейхспротектора стали преследовать евреев согласно немецким законам. Результатом явилось то, что десятки тысяч евреев были казнены и лишены жизни и имущества».

Вы будете отрицать и эти показания?

Нейрат: Относительно упомянутых вами вначале приказов о гимнастических обществах я хочу сказать следующее. Это было мероприятием, проведенным полицией и не по моей инициативе; и затем я еще раз повторяю, как говорил вчера, что аресты в начале войны проводились Гестапо по прямым приказам из Берлина, причем я о них вообще ничего не знал. Я узнавал об этом впоследствии. Наконец, что касается упомянутой вами еврейской проблемы, то содержащееся в обвинительном заключении утверждение о том, будто я просил правительство Чехословакии ввести германские законы против евреев, является неправильным. Я или мой государственный секретарь, насколько я помню, не говорили с господином Элиашем, я никогда не говорил с ним. Я говорил потом лишь с господином Гаха по другому поводу, а именно тогда, когда пытались ввести расовые законы в отношении чехов. Господин Гаха возражал этому, и я ему заявил, что я беру на себя ответственность за это и ему не нужно этого делать.

Введение законов против евреев было, однако, проведено согласно моим указаниям, так как я уже в начале апреля 1939 года. получил распоряжение ввести

¹¹⁵ Людвик Кречи (1880 – 1972) – чехословацкий генерал. Начальник генерального штаба.

¹¹⁶ Гитлерюгенд (сокращенно, НГ; ГЮ — Hitler-Jugend) — молодёжная организация НСДАП. Включала в себя собственно Гитлерюгенд для юношей от 14 до 18 лет, организацию подростков Гитлерюгенда от 10 до 14 лет, а также союз немецких девушек.

эти законы в присоединенном к Рейху Протекторате. Я все время оттягивал введение этих законов путем различных запросов в Берлине, чтобы дать евреям время как-нибудь устроиться за этот период. Вот таковы факты.

Рагинский: Скажите, вам известен доктор Гавелка?

Нейрат: Да, я знаю господина Гавелка.

Рагинский: Он был в курсе ваших переговоров с Гаха?

Нейрат: В какой степени он был осведомлен обо всем этом, я не знаю. Господин Гавелка был у меня раза два или три. Он был, кажется, министром транспорта.

Рагинский: Совершенно правильно, он был министром транспорта, но до этого он был начальником канцелярии Гаха.

Нейрат: Да.

Рагинский: Гавелка при допросе его 9 ноября прошлого года, дал следующие показания.

Эти показания, господин председатель, имеются на страницах 18 и 19 английского текста документа СССР-60. Я цитирую выдержку:

«Он, Нейрат, не был заинтересован в чешском народе, а потому все ходатайства кабинета министров и доктора Гаха, отстаивавших чешские требования, были в общем безрезультатны.

Имеются следующие факты:

Арест чешских офицеров, интеллигенции, чешских легионеров Первой мировой войны и политических деятелей, во время нападения Германии на Польшу было арестовано от 6 до 8 тысяч человек, — они явились заложниками. Сами немцы называли их «почтенными заключенными». Большинство из этих заложников вовсе не было допрошены, и все шаги, предпринятые в канцелярии рейхспротектора в пользу этих несчастных людей, не имели результатов. Нейрат, как единственный представитель германского правительства на территории Протектората Чехии и Моравии, несет ответственность за казнь девяти студентов 17 ноября 1939 г. Казнь произошла вскоре...»

Председатель: Генерал Рагинский, не будет ли лучше и вероятно честнее к подсудимому задавать ему один вопрос за раз? Вы зачитываете длинные отрывки из этих документов, которые содержат много вопросов. Вероятно, вы можете взять эти два параграфа об аресте офицеров и спросить его скажет ли он, что это правда или нет. Ему очень сложно отвечать на большое число вопросов одновременно.

Рагинский: Господин председатель, у него эти документы имеются, он знаком с этим показанием, но я учитываю высказанные вами соображения и приму их к исполнению, а студентов я лучше коснусь в дальнейшем комплексе в целом.

[Обращаясь к подсудимому] Вы подтверждаете, подсудимый, эту часть

показаний, которую я огласил, относительно ареста заложников?

Нейрат: Об арестах членов так называемой «Влайки» в начале сентября 1939, я говорил ранее, и подробно об этом говорил вчера.

Я сказал и повторяю еще раз, что эти аресты производились Гестапо без моего ведома. Утверждение господина Гавелка о том, что в отношении большинства этих заложников с моей стороны не было принято никаких шагов в их пользу, — неправильно. Он должен знать, что я непрерывно боролся за этих людей и что большое их количество освободили в результате моих усилий.

Рагинский: Хорошо, перейдем к следующим вопросам. Здесь, на суде, приводился неоднократно документ под номером СССР-223. Это дневник Франка.

Я, господин председатель, имею в виду не Карла Германа Франка, который по приговору суда казнён за свои преступления, а я имею в виду подсудимого Франка. В этом дневнике указывалось - эта цитата тоже приводилась. Я хочу в связи с этой цитатой задать вопрос подсудимому. Там была такая запись. Во время интервью с корреспондентом «Volkischer Beobachter» 6 февраля 1940 г. подсудимый Франк указал:

«В Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно семь чехов. Тогда я сказал себе: «Если бы я захотел отдать приказ о том, чтобы вывешивали плакаты о каждом семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы изготовить бумагу для таких плакатов».

Скажите, пожалуйста, что в Праге действительно вывешивались эти красные плакаты?

Нейрат: Я вчера сказал, что на этом плакате злоумышленно была поставлена моя подпись, я его предварительно даже не видел. Это тот самый красный плакат.

Рагинский: Ну если вы не видели, то тогда посмотрите. Вам сейчас передадут этот плакат.

Нейрат: Я хорошо знаю этот плакат.

Председатель: Генерал Рагинский, он не сказал, что не видел его. Он сказал, что это было сделано без его ведома.

Рагинский: Господин председатель, я к этому вернусь, я сейчас хочу установить только, что именно об этих красных плакатах писал Франк в своём дневнике, этот плакат я представляю суду как доказательство под номером СССР-489.

Я хотел бы огласить это сообщение. Оно небольшое и немного времени займет. Текст его следующий:

«Несмотря на неоднократные серьезные предупреждения, с некоторых пор группа чешской интеллигенции в сотрудничестве с эмигрантскими кругами за границей делает попытки путем небольших и крупных актов сопротивления нарушить покой и порядок в Протекторате Богемия и Моравия. При этом удалось

установить, что зачинщики этих актов сопротивления находятся, в частности, в чешских высших школах. Ввиду того что 28 октября и 15 ноября эти элементы позволили увлечь себя на активную борьбу против отдельных немцев, были на три года закрыты чешские высшие школы, расстреляно девять виновников и арестовано большое количество участников.

Подпись: имперский протектор Богемии и Моравии барон фон Нейрат, Прага, 17 ноября 1939 г.».

Значит, вы утверждаете, что не подписывали это объявление?

Нейрат: Так точно. Я рассказал, при каких обстоятельствах было издано это сообщение, а именно: оно было издано во время моего отсутствия.

Рагинский: Повторять не следует то, что вы говорили уже.

Я оглашу показания Карла Германа Франка от 26 ноября 1945 г. по этому вопросу. Эти показания имеются на странице 46 и 47 русского текста, английский текст будет передан. Карл Герман Франк, давая показания об этом самом объявлении, текст которого я только что зачитывал, указал:

«Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов...»

Людингхаузен: Господин председатель, могу я обратить ваше внимание на кое-что связанное с этим документом. Документ ни датирован ни подписан, по крайней мере в моей копии. Вообще не ясно, откуда исходит документ, и я хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы протестовать оглашению данного документа.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, у документа нет сертификата?

Людингхаузен: Не в моей копии.

Председатель: Что же...

Рагинский: Господин председатель, разрешите мне разъяснить это недоразумение. Доктор Людингхаузен имеет в своём распоряжении полный текст документа СССР. Английский текста, которого имеется также и у суда. Этот документ вчера им цитировался и там имеется удостоверение подлинности этого протокола, подписанное уполномоченным чехословацкого правительства. Имеется и дата этого допроса, стоит только обратиться к этому документу, который имеется в распоряжении защитника.

Сейчас для удобства пользования, доктору Людингхаузену был дан ещё один экземпляр этого протокола показания Франка. Так что я утверждаю, в этом очень легко можно убедиться, что имеется документ о подлинности этих показаний, имеется дата, я её назвал, 17 ноября 1939.

Людингхаузен: Я бы хотел сказать об этом следующее: когда я получил длинное обвинительное заключение от полковника Эчера из чешской делегации, документ не имел никаких дополнений или приложений, за исключением текста законов.

Поэтому я стремился получить эти дополнения, потому что на них делались ссылки. Затем я получил лишь одно дополнение к приложению, или дополнение «номер 2»; остальное я получил в таком же виде как имею здесь.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, вы подождёте минуту? Будьте любезны, сказать нам на какой документ вы ссылаетесь?

Людингхаузен: Это СССР-60.

Председатель: СССР-60 – что же, это чешский доклад, не так ли?

Людингхаузен: Этот чешский доклад приблизительно такой толщины [*показывает*] на немецком языке, он обсуждается. К нему также были подготовлены приложения, и эти приложения, повторяю, мне не предоставили; то есть, я прилагал личные усилия, чтобы получить их, но я получил лишь одно, которое не тождественно этому документу и которое я получил гораздо позже в таком же виде как то, что имею на руках, то есть, без заголовка, без подписи и без даты, и совершенно без какого-либо удостоверения о том, когда, где и кем, было взято это предполагаемое заявление Франка.

Председатель: Давайте послушаем, что скажет генерал Рагинский.

Как я понимаю генерала Рагинского, он говорит, что есть удостоверение документа и то, что вам предоставили это просто копия, которая может не иметь даты, и может не иметь сертификата к ней, но которая является такой же, как и документ который удостоверен.

Генерал Рагинский, так вы сказали?

Рагинский: Да.

Председатель: Сейчас вы можете показать доктору фон Людингхаузену сертификат и документ который удостоверен?

Рагинский: Совершенно верно, господин председатель. Сертификат подлинности этого документа имеется на странице 44 русского текста, в приложении к документу СССР-60. Он подписан «за полковника доктора Эчера» лейтенант-полковником генерального штаба Новак. Этот сертификат имеется в том документе, который в своё время был представлен нами трибуналу.

Председатель: Требуется занимать время трибунала этим конкретным документов? Мне это кажется большой тратой времени.

Людингхаузен: В конце концов, это важно. В противном случае я не смогу понять подлинник ли это. Это определено моё право.

Председатель: Я спросил генерала Рагинского, о том настаивает ли он на использовании документа. Это нужно? Я не знаю, что это за документ или что он говорит.

Рагинский: Господин председатель. Этот документ очень важный и я считаю, что он должен быть представлен, тем более, что он уже представлен трибуналу несколько месяцев тому назад. Это документ СССР-60, который был представлен трибуналу много времени тому назад и принят трибуналом. И я не понимаю,

собственно говоря, возражение доктора Людингхаузена.

Председатель: Почему вы не покажете доктору фон Людингхаузену то, что есть сертификат который относится к документу который вы держите в руке?

Рагинский: Конечно, господин председатель, у меня это удостоверение на русском языке, потому что я цитирую русский текст. Я могу представить доктору Людингхаузену, чтобы он убедился. Подлинный документ представлен трибуналу и имеется в делах трибунала.

Председатель: Что же, нет немецкого перевода сертификата и сертификат не удостоверяет документ? Есть немецкий перевод сертификата?

Рагинский: У меня сейчас здесь нет, но я могу во время перерыва представить подлинный документ на немецком языке.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, трибуналу сказали, что этот документ был представлен ранее и тогда был выдан сертификат генерала Эчера, удостоверяющий то, что этот документ часть чешского доклада. В таких обстоятельствах трибунал разрешит использовать документ.

Людингхаузен: Господин председатель, тогда у меня есть ещё одно возражение использованию данного документа.

Как известно, если представляют расшифровки допроса или письменные показания свидетелей, защита имеет право вызвать этих свидетелей для допроса. Однако, бывшего государственного секретаря Франка, который сделал это заявление как известно нет в живых. Поэтому, я также возражаю по этой причине использованию этого документа.

Рагинский: Господин председатель...

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, этот документ был представлен и принят в качестве доказательства во время жизни этого человека К.Г. Франка. В этом причина его принятия.

Документ допустим согласно статье 21 устава, и был представлен согласно данной статье и нет никакого правила о том, что, как вы сказали, защита вправе проводить перекрестный допрос любого лица, которое дало письменные показания. Данный вопрос находится полностью в рамках усмотрения трибунала и следовательно возражение отклоняется.

Рагинский: Господин председатель, я не хочу больше задерживать ваше внимание на этом эпизоде. Я хотел только указать, что напрасная трата времени, ведь доктор Людингхаузен сам в своей книге документов, представлял некоторые показания Франка.

Я зачитываю показания Франка. Этот документ, повторяю, речь идёт об этом самом объявлении, которое мы здесь демонстрировали, был датирован 17 ноября 1939 года, подписан фон Нейратом, который не протестовали ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагеря, а также не требовал никаких других

изменений.

[Обращаясь к подсудимому] Вы слышали эти показания?

Нейрат: Да, я прочитал их.

Рагинский: Вы отрицаете?

Нейрат: Категорически. У меня вообще не было никакой возможности сделать это, потому что я не был в Праге и соответственно не мог иметь каких-либо сведений об этом, ни подписать ни передать это.

Рагинский: Хорошо. Вы продолжаете утверждать, что полиция никогда вас не информировала о проводимых арестах и других полицейских мерах, вы это утверждаете?

Нейрат: Я не сказал, что полиция никогда меня не информировала. Я хочу сказать, что она всегда информировала меня потом. Моя информация всегда приходила из чешских источников.

Рагинский: А не было такого положения, чтобы полиция регулярно вам докладывала о важнейших событиях?

Нейрат: Нет, ни в коем случае. В частности, я никогда не узнавал о том, что она задумала или намеревалась сделать. Если я и узнавал об этом, то только позже или в том случае, если я узнавал об этом от чешских кругов, а затем уже сам наводил справки об этом в полиции.

Рагинский: Хорошо. Я вам зачитаю выдержку из показаний Карла Германа Франка от 7 марта 1946 г. Эти показания вчера представил суду и частью протокола зачитал.

Дайте подсудимому показания.

«Имперский протектор, — показывает Франк, — фон Нейрат регулярно заслушивал доклады относительно важнейших событий в Протекторате, имевших отношение к полиции безопасности, как от меня, так и от статс-секретаря, а также от командующего полицией безопасности. Так, например, Нейрат получил информацию о специальном случае демонстрации в Судетской области в ноябре 1939 года от меня и от командующего полицией безопасности. В этом случае речь шла о прямом приказе Гитлера, который требовал расстрела всех зачинщиков, количество зачинщиков было установлено пражским Гестапо и сообщено имперскому протектору. В данном случае определение зачинщиков было предоставлено государственной полиции, то есть было отдано на утверждение имперского протектора. Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением, доводившем до сведения о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал объявление. Если он тем самым не был согласен и

потребовал бы изменения, например, смягчения на что имел право, — то я должен был присоединиться к его мнению».

Вы и эти показания отрицаете?

Нейрат: Да, я не знаю сколько раз я уже сказал вам о том, что меня тогда вообще не было в Праге.

И кроме того я не знаю под какого рода давлением находился Франк, чтобы мог сделать такие заявления. Он не приводит дату, но вы просто сказали, что он сделал это заявление 7 апреля, следовательно несколько дней спустя после своей казни.

Рагинский: Я обращаю внимание суда, что вы сознательно извращаете факты. Я несколько раз повторял, что эти показания были даны 7 марта, а не за два дня до казни и не 7 апреля.

Перед вами лежит этот документ, и вы дату то могли посмотреть.

Хорошо оставим этот вопрос.

Я бы хотел...

Нейрат: Хорошо, тогда 7 марта вместо 7 апреля. Я думаю, я сказал 7 апреля, потому что не увидел дату вверху. Но как я сказал — я думаю, я уже сказал вам три раза — я вообще не мог иметь к этому какого-либо отношения, потому что меня там не было.

Рагинский: Хорошо. Вы очень много путаете. Вы количество студентов тоже спутали, когда вчера давали показания суду?

Нейрат: Я не могу вспомнить, что я говорил вчера, но я вряд ли сделал столько много ошибок, я не знаю было их одна или две.

Рагинский: Я вам напомним. Вчера на вопрос сэра Дэвида, который предъявил документ PS-3858, из этого документа явствовало, что после закрытия высших школ, осталось вне школ 18000...

Председатель: Требуется снова проходить перекрёстный допрос сэра Дэвида? Уверен, мы говорили, что не хотим проходить одно и то же дважды.

Рагинский: Господин председатель, я бы не хотел возвращаться к этой теме, и не намерен дополнять сэра Дэвида, который очень обстоятельно произвел допрос. Я только хотел восстановить истину. Когда вчера подсудимый указывал, что в этом документе который сэр Дэвид предъявил имеется ошибка, что в Праге всего было два высших учебных заведения и не могло быть арестовано 1200 студентов то это была неправда, ведь дело касалось не только закрытия двух пражских университетов, но на основании этого приказа который я упоминал от 17 ноября 1939 года, был закрыт Чешский университет в Праге, Чешский университет в Брно, Чешская высшая школа в Брно, Высшая техническая школа в Праге...

Председатель: Мы всё это слышали вчера, и мы не хотим снова это слушать. Мы услышали всё о закрытии университетов в Праге.

Рагинский: Хорошо, господин председатель, я не буду тогда на этом останавливаться. Я только констатирую, что были закрыты не два университета, а

около десяти высших учебных заведений.

У меня осталось всего несколько вопросов.

[Обращаясь к подсудимому] Вы были награждены Гитлером рядом наград, как вы об этом и сами говорили, и как это видно из документов. В частности вы были награждены, 22 сентября 1940 военным крестом за боевые заслуги. За какие заслуги вас Гитлер наградил?

Председатель: Уверен, мы проходили это вчера, не так ли, в перекрёстном допросе сэра Дэвида, или основном допросе, я забыл в каком? Я думаю это было в основном допросе – все эти награды приводились подсудимым.

Рагинский: Господин председатель, я не хочу возвращаться к этим орденам, я хочу только спросить за какие заслуги в 1942 году подсудимый был награжден орденом.

Председатель: Хорошо, спросите его.

Нейрат: К сожалению я не могу вам сказать. Я не могу сказать вам какого рода заслуги я предположительно имел. Награда этого ордена за заслуги в целом давалась всем высшим чиновникам, которые тогда находились на службе.

Рагинский: Хорошо я не буду настаивать, чтобы вы ответили, я только констатирую, что вы были награждены в 1940 году, после проведения массового террора. Скажите...

Нейрат: Мне неизвестно, что я предположительно осуществлял массовый террор.

Рагинский: Ну хорошо, раз вы не понимаете, мы не будем и касаться этого вопроса.

В феврале 1943 года в связи с вашим юбилеем в очень многих газетах были опубликованы специальные статьи, посвященные вам. Я не собираюсь предъявлять суду все эти газеты или их цитировать, я только хочу две выдержки процитировать здесь из одной газеты, из газеты «Frankischer Kurier¹¹⁷» от 2 февраля 1943 г. Вам передадут экземпляр один, вы следите за тем, как я буду зачитывать.

Эту газету я представляю трибуналу под номером СССР-495.

В связи с вашим юбилеем было указано:

«Самыми яркими политическими событиями, после прихода к власти, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются: уход с Конференции по разоружению в Женеве, возвращение Саарской области, денонсирование Локарнского договора».

И далее:

«Имперский протектор барон фон Нейрат за его выдающуюся работу неоднократно награжден фюрером, он получил золотой почетный партийный значок, получил звание группенфюрера СС, является обладателем германского Ордена орла и золотого значка «За верную службу».

¹¹⁷ «Курьер Франконии» - газет а издававшаяся в Нюрнберге с 1834 по 1944.

Признавая его особые заслуги в деле осуществления военных задач, фюрер наградил его, имперского протектора Богемии и Моравии, Крестом за военные заслуги первого класса».

Скажите, правильно освещены в этой статье факты?

Нейрат: Если бы я выяснял правильность каждой статьи написанной некими журналистами или другими, мне бы пришлось много сделать. Эти заявления — мнение журналиста и ничего больше.

Председатель: Это не вопрос. Вопрос был о том правильно ли это фактически сказано. Вы можете на это ответить.

Нейрат: Да — Нет.

Председатель: Что вы имеете в виду «да» или «нет»?

Нейрат: То, что сказано о наградах, — правильно, все остальное — неправильно.

Рагинский: У меня нет больше вопросов.

Председатель: Доктор Людингхаузен, вы желаете повторно допросить?

Людингхаузен: Господин председатель, вчера вечером у меня сложилось впечатление, наверное не без причины, что господин фон Нейрат заметно устал и переутомлён после предыдущего допроса, и что он больше не в состоянии правильно судить о вопросах которые ему ставят. Это, в конце концов неудивительно, если учесть, что господину фон Нейрату семьдесят четыре года и кроме этого он также страдает от довольно серьезного сердечного заболевания. Поэтому, я считаю себя обязанным, вернуться к различным пунктам вчерашнего перекрестного допроса и задать ему несколько вопросов.

[Обращаясь к подсудимому] Господин фон Нейрат, вчера вы заявили, что из-за эксцессов СА и остальных радикальных групп в 1933 и позднее, вы часто протестовали Гитлеру. В чём заключалась причина заявлять протесты Гитлеру напрямую и не заявлять своих возражений на заседаниях кабинета, которые тогда ещё были?

Нейрат: Я уже узнал по личному опыту, что Гитлер не терпит никаких противоречий, и что он не поддастся никакому обращению если его заявили в довольно широком кругу, потому что тогда у него всегда возникал комплекс, что он столкнулся с некого рода оппозицией от которой был вынужден защищаться. Другое дело, когда встречался с ним наедине. Тогда, по крайней мере, в более ранние годы можно было уговорить его разумной аргументацией, и можно было много добиться в результате смягчения радикальных мер.

Более того, я бы хотел снова сказать, что сразу после эксцессов указанных в письменных показаниях господина Гейста, было заседание кабинета, в ходе которого сильные протесты заявили повторению таких событий различные министры, включая нацистских министров. Тогда Гитлер полностью согласился с этими возражениями и заявил, что таким эксцессам не позволят повториться. Вскоре после этого он также выступил с речью в которой публично высказал заверение в

этом. С тех пор до июня 1934 больше не было никаких эксцессов.

Людингхаузен: Но в апреле 1933 был хорошо известный антиеврейский бойкот, который длился 24 часа, если я не ошибаюсь?

Нейрат: Да, это была одна из провокаций господина Геббельса. Но в действительности в этом случае вообще не было эксцессов и актов насилия. Это ограничилось просто бойкотированием.

Более того, тот факт, что не возникло дальнейших беспорядков был результатом совместного вмешательства господина фон Папена, моего у Гитлера и особенно у Гинденбурга. Совершенно верное описание данного эпизода находится, насколько помню, в статье «Time» за апрель 1933, которая также содержится в моей документальной книге.

Людингхаузен: Господин председатель, она была предъявлена в моей документальной книге, документ номер Нейрат-9

[Обращаясь к подсудимому] В связи с событиями случившимися тогда, арестами, и тому подобным, вчера сэр Дэвид особенно ссылался на арест известного писателя Осецки. Вы помните, что этот Осецки уже был приговорён к довольно длительному тюремному сроку германским судом даже до захвата власти?

Нейрат: Да, я вспомнил об этом потом. Я помню, что ещё до захвата власти – я не знаю при каком правительстве – господин Осецки был приговорён судом Рейха к довольно длительному сроку за государственную измену, но он ещё не отбыл его, и соответственно был снова арестован.

Людингхаузен: Теперь я бы хотел задать вам ещё один вопрос в связи с докладом предъявленным вчера обвинением. Это письмо министра-директора Кёпке от 31 мая 1934. Это документ D-868. В этом докладе, по информации записанной господином Кёпке вы видите какое-либо подтверждение, того, что министерство иностранных дел было втянуто в подпольную деятельность австрийских нацистов?

Нейрат: Нет, вообще нет. Это имеет отношение к докладу который министра-директор Кёпке подготовил мне о визите господина Вехтера, которого он описал как австрийца с чувством ответственности. Этот господин Вехтер пытался установить связи с министерством иностранных дел и с Гитлером с целью обратить внимание на опасности возникающие из роста радикализма австрийских нацистов. Глава политического департамента, господин Кёпке, отождествляет себя с Вехтером в отношении этих опасений и согласился сделать устный доклад об этом.

Не думаю, что кто-то может сомневаться в том, что моё отношение было не совсем таким как у господина Кёпке и я передал этот доклад Гитлеру для того, чтобы обратить его внимание на этот вопрос.

Людингхаузен: Обвинение – или же скорее сэр Дэвид – вчера ссылался на доклады которые рассматривают ваше обращение и Франка с чешской проблемой. Это документ PS-3859, письмо которое вы направили начальнику рейхсканцелярии

Ламмерсу, 31 августа 1940, для подготовки вашего устного доклада Гитлеру. Эти доклады, то есть, тот, что подготовлен Франком, были идентичны меморандуму упомянутому в документе Фридрици от 15 октября?

Нейрат: Да, видимо это одинаковые доклады.

Людингхаузен: Итак, в ходе вашего допроса вы говорили о документе Фридрици, который как вы сказали, был основан на плане СС, различных партийных кругов и гауляйтера района Нижний Дунай, о депортации чехов на восточные территории. Вы продолжили говорить, что для того, чтобы остановить эти планы, которые вы сами описали как бессмысленные, вы добились от Франка подготовки меморандума в котором рекомендовалось менее радикальное решение, которое позднее в некоторой степени было одобрено Гитлером и в реальности ничего не случилось, что было тем, что вы планировали, и эта идея о присоединении практически была похоронена. Это правильно?

Нейрат: Да, это правда. Всё это дело и происхождение этих меморандумов чрезвычайно трудно объяснить. Это можно понять только из всего внутривластного развития. Усилия гауляйтеров окружающих районов разделить Протекторат продвинулись довольно далеко. Все они представляли меморандумы и господин Гиммлер поддерживал их. Все эти меморандумы предусматривали радикальное решение этих проблем; это означало, что была причина опасаться, что Гитлер выполнит эти желания гауляйтеров. Чтобы прекратить это я должен был внести несколько предложений, о которых я сам говорил как непрактичных, и я отождествлял себя с ними в основном для того, чтобы объявить их позднее абсурдом.

Это единственное объяснение происхождения данного меморандума. Лично я не готовил данный меморандум, но это было сделано в моём ведомстве, точнее, по моим указаниям.

Однако, это был, и я бы хотел прямо это подчеркнуть, чисто тактический манёвр, чтобы добраться до Гитлера, потому что я опасался, что он последует за радикальными предложениями внесёнными Гиммлером и его сотрудниками. Я на самом деле смог добиться, чтобы Гитлер принял строгий приказ, о котором я попросил, о том, чтобы все эти планы больше не обсуждались, и остался только так называемый план ассимиляции, который можно было осуществить за годы, и фактически, больше ничего не случилось, и именно в этом заключалась моя цель.

Людингхаузен: Вчера обвинение предъявило указ, который было принят германскими властями в Протекторате, относительно публичного обращения с германо-чешской проблемой. Это документ PS-3862, датированный 27 июня 1941. Он каким-либо образом связан с этим меморандумом или дискуссией, которую вы имели об этом с Гитлером?

Нейрат: Да, он больше всего связан, и я думаю так и сказал вчера. В следующем году эта самая агитация о германизации и разделе Протектората началась снова, и я

возражал этому, и как только вопрос был решен, я запретил возобновлять это обсуждение.

Людингхаузен: Вчера был предъявлен документ СССР-487, начальник полиции безопасности обращался к государственному секретарю Франку, 21 июля 1943, то есть, после вашей отставки. Из этого документа обвинение попыталось сделать вывод о том, что согласно указу от 5 мая 1939, вы назначили фюрера СД и полиции безопасности в Праге в качестве своего политического референта.

Как в этом качестве выступал последний? Он вообще работал?

Нейрат: Нет, не работал; так и есть. Это ясно видно из письма напоминания, датированного 21 июля 1943, что он никогда не являлся активным.

Рагинский: Господин председатель, я должен отметить, что вопрос неправильно поставлен. Этот документ не 1943 года и не 1942 года, а 21 июля 1939 года.

Нейрат: Могу я заметить, что это не делает никакой разницы, так как ничего не случилось. Я не назначил никакого политического референта.

Людингхаузен: Какие меры последовали за документами PS-3851 и PS-3858, которые были представлены вчера обвинением, и которые являлись предложениями различных ведомств и глав вашей администрации об использовании рабочей силы студентов, которые стали безработными в результате закрытия чешских университетов?

Нейрат: Вчера я уже сказал вам, что это видимо касалось предложения консультанта, которое до меня так и не дошло, но было отклонено моим государственным секретарём до того, как это дошло до меня. Как я могу быть ответственным за содержание проекта представленного консультантом, я не могу понять.

Людингхаузен: Теперь я бы хотел поставить ещё один вопрос о германо-австрийском соглашении от июля 1936. Как упоминалось в докладе доктора Райнера Бюркелю, который обвинение уже предъявило – я ссылаюсь на документ PS-812 – верно, что Гитлер, сразу после подписания данного соглашения, лично заявил доктору Райнеру и руководителю австрийских нацистов Глобочнику о том, что соглашение от 11 июля 1936 было подписано им искренне и честно, и что австрийские национал-социалисты должны были в любом случае строго придерживаться этого соглашения, и что они должны были позволить, чтобы он направлял их поведение в отношении австрийского правительства?

Нейрат: Да, это верно. Как я думаю, я сказал вам это вчера, мне кажется я могу также вспомнить, что Райнер подтвердил это, когда он давал здесь показания.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен.

Людингхаузен: Я хочу задать последний вопрос...

Председатель: Он отвечал на эти вопросы совершенно чётко, согласно своим взглядам вчера.

Людингхаузен: Да, я заканчиваю. Я хочу задать ему ещё лишь один вопрос в

закключение всего допроса своего клиента.

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение и также сэр Дэвид вчера выдвинули против вас обвинение: они обвинили в том, что хотя по вашему собственному признанию вы не соглашались с нацистским режимом и его методами, и хотя вы считали происходящие вещи, которые случались достойными порицания и аморальными и презирали их, вы не ушли в отставку, но остались в правительстве. Пожалуйста, вы объясните это ещё раз?

Нейрат: В начале я уже упоминал, что я дал обещание Гинденбургу войти в правительство и оставаться в нём до тех пор, пока для меня было возможно следовать курсу не благоволящему любому использованию насилия и чтобы защищать Германию от воинственных осложнений. В этом заключалась моя задача и ничего более. Но не только обещание которое я дал Гинденбургу, но и моё чувство долга, и моё ощущение ответственности за немецкий народ, защита его от всех воинственных осложнений до тех пор пока было возможно, связывала меня с этой должностью. Кроме этих соображений все мои личные желания, которые весьма отличались, должны были занимать второе место.

К сожалению, моя власть и влияние как министра иностранных дел не заходила настолько далеко, чтобы я мог предотвращать пагубные и аморальные поступки в других областях, как например, внутренней политике, хотя я пытался во многих случаях, и не только в еврейском вопросе.

Однако, я считал, что моим высочайшим долгом было выполнять работу назначенную мне и не пытаться сбежать, даже если в иной области в которой я не имел влияния, случались вещи, которые наиболее глубоко ранили меня и мои чувства.

Может быть есть много людей, у которых были другие мысли и другое отношение, чем у меня. Я испытывал подобные нападки, когда я предоставил себя в распоряжение социал-демократического кабинета в 1919 году после первой революции; тогда, на меня тоже предпринимали самые серьезные нападки.

Людингхаузен: При этом лично вы тяжело боролись со своей совестью, как вы часто мне говорили.

Нейрат: Да, конечно. Не просто принадлежать к правительству с такими тенденциями с которыми ты не согласен, и за которые тебя потом сделают ответственным.

Людингхаузен: Господин председатель, этим завершается мой допрос. Я предлагаю прерваться, и затем я могу начать допрос своих свидетелей.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Хорн, вы имеете какие-то вопросы?

Хорн: Господин председатель, я прошу разрешения моему клиенту отсутствовать сегодня с вечернего заседания и завтра, потому как мне нужно обсудить с ним важные вопросы.

Председатель: Подсудимый фон Риббентроп?

Хорн: Фон Риббентроп, да.

Председатель: Да, разумеется.

Хорн: Благодарю.

Тома¹¹⁸: Господин председатель, вчера вечером генерал Рагинский спросил, вмешивался ли Розенберг во внешнюю политику Нейрата. Переводчик только, что сказала мне, что она неправильно это перевела. Она перевела: «Вмешивался ли Риббентроп в политику Нейрата». На данный вопрос, поэтому, ещё не ответили; соответственно, я прошу разрешения спросить барона фон Нейрата о том, вмешивался ли Розенберг во внешнюю политику Нейрата.

Нейрат: Нет, никоим образом. Я никогда не говорил с Розенбергом о вопросах внешней политики.

Тома: Тогда я прошу, чтобы протокол был соответственно исправлен, чтобы не звучало «вмешивался ли Риббентроп в политику Нейрата», а «вмешивался ли Розенберг в политику Нейрата».

Председатель: Протокол будет исправлен.

Биддл¹¹⁹: Я хочу задать вам несколько вопросов. Вспомните, что баронесса фон Риттер сказала, что после 5 ноября 1937 вы поняли – я хочу зачитать точно:

«Когда господин фон Нейрат впервые понял из заявления Гитлера 5 ноября 1937, что последний хотел достигнуть своих политических целей воспользовавшись силой к соседним государствам, он был настолько сильно потрясён, что испытал несколько сердечных приступов»

Это правильное описание, не так ли, того что вы поняли?

[Подсудимый утвердительно кивает]

Биддл: Итак, вы заявили, что сразу после этой встречи переговоры с генералом Беком и генералом фон Фричем. Вы помните?

Нейрат: Да.

Биддл: И я думаю, вы сказали сэру Дэвиду о том, что вы не говорили с подсудимым Герингом. Я спрашиваю вас о том, говорили ли вы о том, что сказал Гитлер с кем-нибудь ещё в течение 2 или 3 месяцев. Вы кому-нибудь говорили в министерстве иностранных дел?

¹¹⁸ Альфред Тома – защитник подсудимого А. Розенберга в Международном военном трибунале.

¹¹⁹ Фрэнсис Биддл (1886 — 1968) — американский юрист и правовед. Член судебной коллегии Международного военного трибунала от США. Генеральный прокурор США в 1941-1945.

Нейрат: Я говорил со своим государственным секретарем.

Биддл: И с кем ещё из министерства иностранных дел?

Нейрат: Ни с кем, так как Гитлер изложил условие, что нужно хранить тишину о всех этих встречах и по этой причине я не говорил об этом со своими сотрудниками. Они ничего не знали. От военных они тоже ничего не узнали.

Биддл: Вы говорили с подсудимым фон Папеном при следующей встрече?

Нейрат: Нет. Мне кажется, я его вообще тогда не видел.

Биддл: И вы обсуждали это с кем-нибудь ещё до своей отставки?

Нейрат: Нет.

Биддл: Итак, у меня ещё один вопрос. Вы понимали, не так ли, что Гиммлер будет использовать методы которые не одобряли, правильно?

Нейрат: Да, но лишь постепенно, этого нельзя было предвидеть вначале.

Биддл: Это именно то, что я хотел знать. Когда вы впервые это поняли? Когда вы впервые начали говорить, так как могли? Примерно, когда вы поняли, что представлял из себя Гиммлер.

Нейрат: Это было очень сложно понять, потому что Гиммлер был двуликим; он был совершенным Янусом¹²⁰, вообще нельзя было сразу понять какими были его мысли.

Биддл: Я не спрашиваю вас о том, каким он был. Если вы просто попытаетесь вспомнить, вы разумеется поняли это в какое-то время. Вы знали это в 1937? Вы знали это в 1937 или 1938? Разумеется в 1938, не так ли?

Нейрат: Возможно в 1938, но мне трудно сейчас привести дату.

Биддл: Я не хочу точную дату. Моё положение в том, что вы знали это до того как пришли в Протекторат, вы конечно знали, что представлял собой Гиммлер до прихода в Протекторат? В этом нет вопроса, не так ли?

Нейрат: Да, разумеется.

Биддл: На этом всё.

Никитченко: Скажите, подсудимый, вы, когда-либо выступали открыто против политики гитлеровского правительства?

Нейрат: Извиняюсь, но перевод плохой.

Никитченко: В своих объяснениях на суде вы говорили, что не согласны были с политикой гитлеровского правительства или по отдельным вопросам или в целом, верно?

Нейрат: Да.

Никитченко: Вы когда-либо выступали открыто с заявлением о своём несогласии с политикой гитлеровского правительства?

Нейрат: Я делал так не раз.

Никитченко: Каким образом это делалось? Я спрашиваю об открытом выступлении

---

¹²⁰ Янус (лат. Janus) — двуликий бог в древнеримской мифологии. Изначально был богом-демиургом. Затем уступил место верховного божества Юпитеру. Почитался как божество всех начинаний, дверей, входов и выходов, в связи с чем получил атрибуты сторожа — ключи и посох, дабы отгонять непрошенных гостей.

в печати или на каких-либо собраниях?

Нейрат: Нет. Так или иначе это было невозможно озвучить в прессе, или собрать митинг. Об этом не может быть и речи. Я мог только лично переговорить с Гитлером или в начале, протестовать в кабинете против такой политики. Больше не было никакой свободы прессы, не больше чем в России. Точно также был невозможен митинг. Соответственно...

Никитченко: Я вас спрашиваю не о России, а о ваших выступлениях. Значит таких выступлений не было.

Нейрат: Нет.

Никитченко: И таким образом никто в Германии не мог знать, и не знал, о том, что вы не разделяете политику гитлеровского правительства?

Нейрат: Я всегда высказывался совершенно безошибочно об этом, но не в статьях, и не на митингах, но иначе я всегда четко высказывался об этом.

Никитченко: Ясно, но с глазу на глаз Гитлеру, только лично Гитлеру. Если вы это говорили?

Нейрат: Нет, говорю вам, я говорил это всем, кто хотел слушать, но я не мог сделать этого на публичных собраниях, в речах, или в статьях.

Никитченко: Вы оставались в составе правительства, несмотря на то, что вы не согласны были с политикой правительства. Так?

Нейрат: Да, по этой самой причине.

Никитченко: Для того, чтобы противодействовать этой политике?

Нейрат: Да.

Никитченко: Так. Вам известны результаты такого рода противодействия?

Нейрат: Я не понял это.

Никитченко: Каковы результаты вашего противодействия политике гитлеровского правительства?

Нейрат: Что же, я не в состоянии дать подробности этого.

Никитченко: В частности по вопросу об агрессии, вы были против присоединения Австрии. Так?

Нейрат: Так точно.

Никитченко: Германское правительство присоединило Австрию. Так?

Нейрат: Мне кажется, здесь прямо высказали, что Гитлер сделал это в последний момент.

Никитченко: Вы были против захвата Чехословакии? Так?

Нейрат: Да.

Никитченко: Германское правительство захватило Чехословакию?

Нейрат: Я больше не являлся членом правительства тогда.

Никитченко: Но вы как политический деятель, с которым, по вашему мнению, должны были считаться, выражали своё мнение против?

Нейрат: Всегда.

Никитченко: Вы были против нападения на Польшу?

Нейрат: Да.

Никитченко: И всё же Германия напала на Польшу.

Нейрат: Повторяю, я больше не являлся членом правительства. Я узнал об этом в последний момент.

Никитченко: Да, это известно. Вы были против нападения на Советский Союз?

Нейрат: Да, больше всего, я всегда хотел прямо противоположного. Я хотел сотрудничества с Советским Союзом. Я сказал это уже в 19...

Никитченко: И всё же Германия напала на Советский Союз?

Нейрат: Так точно, да.

Никитченко: Судя по вашим объяснениям, Гитлер должен был знать о ваших настроениях оппозиционных. Так? И о вашем несогласии с его политикой? Так? Правильно?

Нейрат: Он очень хорошо это знал, ибо по этой причине я ушёл в отставку в 1938.

Никитченко: Да. Вам известно как Гитлер расправлялся со своими политическими противниками, с оппозицией?

Нейрат: В Рейхе, да.

Никитченко: В отношении вас несмотря на то, что вы считали себя находившемся в оппозиции, ничего подобного не было, верно?

Нейрат: Я не понял.

Никитченко: В отношении вас, несмотря на то, что вы считали себя находившемся в оппозиции, ничего подобного не было?

Нейрат: Нет, но я всегда этого ожидал.

Никитченко: Вы не сможете сказать, Невилл Гендерсон¹²¹, в своей книге «Провал миссии», правильно излагает факты касающиеся вас лично? Вы считаете, что Невилл Гендерсон правильно излагает факты касающиеся вас лично?

Нейрат: Я должен откровенно признать, что я читал эту книгу сэра Невилла Гендерсона лишь однажды, 3 или 4 года назад. Я не могу вспомнить, как он говорил обо мне. Я слышал выдержки из неё здесь раз или два, но я не могу сказать, что он пишет про меня.

Никитченко: Но полагаю, что вы знакомы с теми выдержками, которые представлены вашим защитником в его книге?

Нейрат: Да.

Никитченко: Вот то, что изложено в этих выдержках в отношении вас, вы считаете правильным?

Нейрат: Я полагаю так, да.

Никитченко: Таким образом, правильно и то, что он пишет в отношении вашей партийной принадлежности? Он пишет, что: «сам барон фон Нейрат оставался ещё со времени режима Гинденбурга, ещё не являлся членом нацистской партии». Это

¹²¹ Невилл Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939 гг.

верно?

Нейрат: Да, мне кажется, я непрерывно это говорил последние несколько дней.

Никитченко: И дальше он сообщает, что он стал членом партии позже.

Нейрат: Я уже объяснял, как это случилось. В 1937 я получил золотой партийный знак без моего...

Никитченко: Да, это мы слышали уже, нет ну это правильно, что вы позже стали членом партии, так как указывает Гендерсон?

Нейрат: Нет, я...

Никитченко: Значит эта часть неправильная?

Нейрат: Я получил золотой партийный знак с заявлением Гитлера о том, что это не включало никаких обязательств к партии.

Никитченко: Это слышали уже. Значит, таким образом, в изложении сэра Невилла Гендерсона не всё правильно сообщается о вашей личности?

Нейрат: Я не знаю. При всём желании, я не могу вспомнить, что сэр Невилл Гендерсон писал обо мне.

Никитченко: Последний у меня вопрос, относительно вашего меморандума: я не совсем понял ваши объяснения которые вы давали сэру Дэвиду и затем позже своему защитнику. Препровождая меморандум Франка, вы в письме на имя Ламмерса, писали, что вы считаете, этот меморандум совершенно правильным. Верно?

Нейрат: Да, это правда. Я хочу рассказать вам причины. Данный меморандум...

Никитченко: Нет, вы объясняли уже причины здесь. Я только хотел установить, что вы действительно так писали.

Нейрат: До сих пор я не сказал причину, почему я написал это Ламмерсу. Причина, почему я написал письмо Ламмерсу, заключалась в том, что он был тем кто представил этот меморандум фюреру. Поэтому я должен был написать тоже самое.

Председатель: Есть два предмета о которых я хочу спросить вас и первый относится к письму, написанному вами 31 августа 1940. Это письмо, на которое только, что ссылался генерал Никитченко, вы это помните?

Нейрат: Так точно.

Председатель: И вы помните, что вы сказали в этом письме, что полностью согласны с меморандумом, который ваш государственный секретарь Франк подготовил независимо от вас. Он сказал, что: «германизация обеспечит изменение национальности чехов, отвечающих расовым требованиям; во-вторых, изгнание непригодных в расовом отношении чехов и интеллигенции, которая является врагами Рейха, или применение к этим и прочим подрывным элементам «специального обращения». Вопрос такой: что вы понимали под «специальным обращением?»

Нейрат: Что же, сколько бы я не читал эти отрывки всё время, я никоим образом не думал о термине «особое обращение» как о нём стало известно во время процесса. Я

разумеется вообще не соглашался с этим отношением Франка как представлено в докладе, и я имел только намерение воспрепятствовать всему этому делу для того, чтобы спустить его на тормоза. Содержание этих докладов предназначалось, чтобы представить это Гитлеру на языке Гитлера, или на языке Гимmlера и других, для того, чтобы разубедить его в этом.

Председатель: Это не было заблуждением писать господину Ламмерсу имея в виду, что оно должно быть передано Гитлеру, говоря, что вы полностью согласны с меморандумом с которым вы не соглашались?

Нейрат: Господин председатель, о том как было дело, я не мог написать Ламмерсу. Я не намеревался ничего осуществлять из того, что здесь написано, но поскольку Ламмерс должен был представить это Гитлеру, сначала я должен был сказать ему, что я с этим согласен. Потом я докладывал Гитлеру и дал ему объяснение на личном совещании в ходе встречи с Франком и Гюртнером о котором здесь говорили.

Председатель: Тогда ваш ответ о том, что вы не знаете, что означало «специальное обращение»?

Нейрат: Нет, ни в коем случае я не знал об этом тогда.

Председатель: Итак, есть ещё один вопрос, который я должен вам задать. Вы помните, когда вы были вызваны 11 марта 1938, во время аншлюса Австрии, и вы написали письмо от 12 марта 1938, в ответ на меморандум полученный от британского правительства через сэра Невилла Гендерсона. Вы достаточно хорошо знали сэра Невилла Гендерсона, не так ли?

Нейрат: Да.

Председатель: И в этом письме вы сказали:

«Неправда, что Рейх использовал силовое давление для достижения такого развития; особенно утверждение, которое распространялось позднее бывшим канцлером, о том, что германское правительство представило федеральному президенту ультиматум под условием, полная выдумка. Согласно ультиматуму, он должен был назначить предложенного кандидата в качестве канцлера и сформировать кабинет, в противном случае вторжение в Австрию германских войск можно было ожидать в перспективе».

И затем вы продолжаете говорить, то, что вы предполагаете было правдой. Сейчас вам известно, не так ли, что ваши заявления в этом письме были совершенной неправдой?

Нейрат: Это не прошло.

Председатель: Вы слышали какую-нибудь часть вопроса который я вам задал?

Нейрат: К сожалению нет.

Председатель: Жаль, что вы не сказали это раньше. Вы помните 11 марта 1938 и вызов в министерство иностранных дел, и вы сказали мне только, что о том, что

хорошо знали сэра Невилла Гендерсона довольно хорошо?

Нейрат: Да.

Председатель: И вы помните письмо, которое написали 12 марта 1938?

Нейрат: Да.

Председатель: И вы признали сэру Дэвиду Максвелл-Файфу, что заявления в письме были неправдой?

Нейрат: Неправдой, да — не полностью. Они были представлены неправильно.

Председатель: Какие шаги вы предприняли, что понять, правда, это или нет?

Нейрат: Я узнал о неправильности такого представления гораздо позже.

Председатель: Это не ответ на мой вопрос. Я сказал: «Какие шаги вы предприняли, чтобы понять правильным ли было данное заявление?»

Нейрат: Заявление которое мне сделал Гитлер я сначала просто предположил как правдивое. Я разумеется никак не мог это проверить.

Председатель: Почему вы должны были считать его правдой, когда это противоречило тому о чём заявило британское правительство?

Нейрат: У меня не было никаких других сведений о событиях которые случились и поэтому я мог сказать только то, что знал.

Председатель: У вас был протест британского правительства, не так ли?

Нейрат: Да.

Председатель: Вы прекрасно знали сэра Невилла Гендерсона?

Нейрат: Да.

Председатель: И затем вы написали это письмо противоречащее заявлениям, которые были сделаны от имени британского правительства; это правильно, разве нет?

Нейрат: Да.

Председатель: И вы не предприняли никаких шагов, чтобы проверить факты, о которых вам заявил Гитлер? Ответьте на это, пожалуйста?

Нейрат: Да. Ваша светлость, как я должен был это сделать? Не было никого кто бы знал об этом. Это лишь то, что Гитлер поручил мне сказать министерству иностранных дел. Проект этой ноты был подготовлен министерством иностранных дел согласно информации полученной мною от Гитлера. Я не имел никакого другого шанса выяснить это.

Председатель: Были вообще другие лица, которые занимались вопросом, с которыми вы могли связаться, но ваше заявление о том, что вы ничего не сделали?

Нейрат: Я могу лишь повторить, что у меня не было возможности получить какую-либо иную информацию. Никто не знал об этом за исключением Гитлера.

Председатель: Вы говорите трибуналу, что Геринг не знал об этом?

Нейрат: Вероятно, Геринг знал об этом.

Председатель: На этом всё, подсудимый может вернуться на скамью.

Людингхаузен: Господин председатель, я прошу разрешения вызвать первого

свидетеля, бывший министриальдиректор, главу политического отдела министерства иностранных дел, доктора Кёпке.

[Свидетель Кёпке занял место свидетеля]

Председатель: Назовите пожалуйста своё полное имя?

Кёпке: Герхард Кёпке.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом — всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Вы можете садиться.

Людингхаузен: Доктор Кёпке, как долго вы знаете господина фон Нейрата?

Кёпке: Я знал господина фон Нейрата более 40 лет. Его карьера хорошо известна. Следовательно я могу ограничить себя, сказав о том, что мы работали вместе как вице-консулы в Лондоне, как легационные советники в министерстве иностранных дел, и позднее, когда господин фон Нейрат стал министром в 1932, до моей отставки в 1935. Между тем фон Нейрат был в Копенгагене, Риме, Лондоне, и некоторое время дома, и наконец в Праге. Мы встречались лишь случайно, когда я был в Берлине, и мы поддерживали сравнительно оживленную переписку другу с другом как старые друзья. Лично я, работал весь период в министерстве иностранных дел. С 1921 я был директором правового департамента, и с 1923 я был директором политического, так называемого западного департамента, которым я руководил до выхода со службы. Я добровольно подал в отставку в конце 1935.

Людингхаузен: Что вам известно об отношении, фундаментальном отношении господина фон Нейрата к внутренней и внешней политике, но только в общих чертах?

Кёпке: Во внутренней политике, господин фон Нейрат был близок к консервативным кругам, но никогда не был членом консервативной партии. Из такого консервативного отношения и также из-за своей выдающейся характерной верности долгу и надежности, он имел доверие рейхспрезидента фон Гинденбурга, и сохранял их без перерыва до смерти последнего. Господин фон Гинденбург уважал фон Нейрата как осторожного, умеренного, надежного дипломата. Люди других партийных склонностей тоже доверяли фон Нейрату. Я могу назвать лишь покойного рейхспрезидента Эберта¹²², который призвал Нейрата на должность в

¹²² Фридрих Эберт (1871 — 1925) — немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер её правого, «ревизионистского» крыла. Первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарская республика, 1919—1925).

период своей службы.

Людингхаузен: Что вам известно о назначении фон Нейрата рейхсминистром иностранных дел летом 1932?

Кёпке: Назначение господина фон Нейрата рейхсминистром иностранных дел было основано на личном пожелании президента фон Гинденбурга. Нейрат не стал министром иностранных дел в кабинете фон Папена, а стал министром иностранных дел как доверенное лицо президента фон Гинденбурга.

Людингхаузен: Тогда как получилось, что фон Нейрат остался министром иностранных дел в новом гитлеровском правительстве?

Кёпке: Фон Нейрат не принимал участия, насколько мне известно в переговорах с Гитлером о приходе к власти. Если я могу полагаться только на собственную память, он лежал в больнице с заболеванием сердца в решающие дни, но он остался министром иностранных дел, снова по особому желанию фон Гинденбурга.

Людингхаузен: Вы можете рассказать нам, что-нибудь об отношении, взаимоотношениях Нейрата с Гитлером?

Кёпке: Я бы хотел заметить в качестве введения, что я не могу свидетельствовать об этом по собственному наблюдению. Я никогда не присутствовал на совещаниях господина фон Нейрата с Гитлером. Но, согласно собственному описанию Нейрата, и согласно информации которую я получал от других важных личностей в ходе времени, у меня сложилось впечатление, что особенно в первые годы, Гитлер обращался с господином фон Нейратом заботливо и вежливо. В какой мере это было уважением к рейхспрезиденту, отношение которого к фон Нейрату, конечно было известно Гитлеру, я не могу сказать. В любом случае, Нейрат никогда не пользовался доверием Гитлера и не находился в небольшом кругу приближенных к Гитлеру, могущественных людей из партии. После смерти президента фон Гинденбурга, фон Нейрат остался, потому что он обещал сделать это рейхспрезиденту. В следующий период, Нейрат тоже пытался оказывать своё умеренное и успокаивающее влияние на партию. Однако, я знаю, что так как разочарования и разногласия множились, господин фон Нейрат много раз пытался порвать с Гитлером. В связи с этим я вспоминаю два повода по которым он вручал свою отставку, и одно из этих заявлений он показывал мне. Оно было в письменном виде и должно быть датировано началом 1936 года. В это время я уже ушёл в отставку и посетил господина фон Нейрата как друг чисто в частном порядке.

Людингхаузен: Вы может дать нам краткую картину отношения Нейрата к национал-социалистической партии?

Кёпке: Сначала господин фон Нейрат занял сдержанное отношение к партии и в частности к её ведущим людям. По моим сведениям он вряд ли был лично знаком с кем-то из этих людей, на самом деле, он прожил большую часть времени за рубежом. Нейрат был убеждён, что по причине своих лет опыта как старого дипломата и поддержки его доверенного положения при рейхспрезиденте, и

умеренным влиянием последнего, он мог работать в соответствии со своей политикой, которая была направлена на компромисс и понимание.

Мне, и кажется другим своим коллегам, Нейрат часто ссылался на подобный опыт который он имел с фашизмом в Риме. Он между прочим говорил, что подобным революционным элементам нужно позволять расти, и что эти горячие головы придут в чувство если им дать время и возможность самим оказаться на ответственных постах.

Кстати, Нейрат также разделял мнения государственного секретаря фон Бюлова¹²³ об этом. Он оставил этого государственного секретаря от рейхсканцлера Брюнинга¹²⁴ и также защищал его до его смерти от посягательств партии, чтобы избавиться от него.

Больше того, я бы хотел отметить небольшую деталь, которая была очень ценной для нас в ведомстве в то время. Когда государственный секретарь фон Бюлов, который был в целом популярен, внезапно умер, Нейрат смог добиться от Гитлера присутствия на похоронах в мемориальной церкви кайзера Вильгельма¹²⁵. Старые сотрудники министерства иностранных дел увидели в этом знак благодарности и гарантию сильной позиции нашего министра в отношении партии. Это событие, которое само по себе незначительное, случилось ровно 10 лет назад.

Людингхаузен: Как глава политического департамента министерства иностранных дел, вы были одним из самых ближайших сотрудников фон Нейрата и можете точно нам рассказать о том, в чём заключалась преобладающая тенденция внешней политики Нейрата.

Кёпке: Политическое отношение Нейрата в целом заключалось, в соответствии с его характером и его годами опыта в политике, в склонности к компромиссу, ожиданию, переговорам. Меры поддерживаемые ультиматумами и попытками насильственного решения не подходили к темпераменту фон Нейрата. Нейрат был ни игрок ни боец по натуре.

Людингхаузен: Теперь я перехожу к отдельным важным политическим событиям которые случились в течение периода, когда вы работали в подчинении господина фон Нейрата и были главой политического отдела.

В октябре 1933 Германия покинула Конференцию по разоружению и Лигу Наций. Теперь, я бы хотел спросить вас, был ли основан этот шаг Германии по выходу из Конференции и Лиги Наций на каких-либо агрессивных или

¹²³ Бернхард фон Бюлов (1885 – 1936) – немецкий дипломат. В 1930-1935 государственный секретарь министерства иностранных дел Германии.

¹²⁴ Генрих Брюнинг (1885 - 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики (1930-1932).

¹²⁵ Мемориальная церковь кайзера Вильгельма — Гедехтнискирхе, среди жителей Берлина получил неофициальное название «Полый зуб» (Hohler Zahn) — протестантская церковь в Берлине на площади Брайтшайдплац, где начинается улица Курфюрстендамм. Была сооружена по проекту архитектора Франца Швехтена в 1891—1895 годах в честь первого германского кайзера Вильгельма I по поручению его внука, последнего кайзера Германии Вильгельма II. Старое здание церкви пострадало в ходе воздушного налета союзников в 1943 году.

воинственных тенденциях в тот момент или на будущее?

Кёпке: Нет. Постольку поскольку картина событий названная защитником была ясной для нас, экспертов, она была следующей: никто из нас в министерстве иностранных дел не думал о воинственных планах или подготовке войны. Это было сделано лишь, чтобы провозгласить как можно впечатлительнее, что Германия больше не позволит считать себя нацией без равноправия и равных обязательств с другими народами.

Таким же образом, милитаризация Рейнланда не была основана ни на каком агрессивном намерении, ни в тот момент ни на будущее.

Людингхаузен: В следующие несколько лет, в 1935, германский военный суверенитет был возобновлен и год спустя, демилитаризованная Рейнская зона была ремилитаризована. Я бы хотел прочесть вам одну фразу из письменных показаний бывшего посланника и переводчика Пауля Шмидта из министерства иностранных дел. Он говорит следующее в отношении событий весны 1935:

«За объявлением в марте о создании германских воздушных сил и введении призыва 2 мая 1935 последовало заключение пакта о взаимопомощи между Францией и Россией»

Будьте любезны дать нам краткий обзор исторического развития этих вопросов, которые привели к возобновлению военного суверенитета в 1935 и ремилитаризации Рейнланда в марте 1936?

Кёпке: Мне кажется...

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, мы снова и снова имели историческое развитие этих вопросов. Разумеется мы не хотим это от этого свидетеля.

Людингхаузен: Очень коротко, только даты, в надлежащем порядке, господин председатель, никаких пояснений. Я бы хотел снова решительно подчеркнуть то как отдельные события связаны друг с другом.

Председатель: Трибунал имеет даты в уме. Мы на самом деле имеем в уме эти даты несколько месяцев.

Людингхаузен: Очень хорошо. Если суд считает, что его не нужно информировать об этом, я должен, конечно, отказаться от этого. Тогда я перехожу к последнему...

Председатель: Что же, вы можете задать любой вопрос который хотите задать об этом, но вы сказали: «Дадите нам историческое развитие событий с 2 мая 1935?» Мы снова и снова это слышали.

Людингхаузен: Да, господин председатель. Меня интересует только следующее: из письменных показаний господина Шмидта которые я сейчас цитировал, можно сразу перейти...

Председатель: Задайте вопрос, который вы хотите задать об этих письменных показаниях.

Людингхаузен: Тогда я сформулирую вопрос следующим образом:

[Обращаясь к свидетелю] Я прочитал эту фразу господина Шмидта и

также сказал вам, что можно прочитать из неё, а именно, что заключение франко-русского пакта от 2 мая 1935 являлось результатом восстановления военного суверенитета. Это правда и так было дело?

Кёпке: На этот вопрос трудно ответить, если просто рассматривать два события в хронологическом порядке. Заключение франко-русского пакта было 2 мая 1935, восстановление военного суверенитета было уже в марте 1935.

Однако, переговоры об этом договоре о взаимопомощи шли давно, и я бы хотел напомнить то, что критический этап в который вошли эти переговоры начался до восстановления военного суверенитета, это ясно видно в отчете докладчика французского военного комитета в котором последний совершенно открыто говорит о тесном согласии двух наций. Это было 23 ноября 1934.

Людингхаузен: Теперь я перехожу к ещё одному вопросу и хотел бы спросить вас о том, известны ли вам мнения и отношение фон Нейрата по австрийскому вопросу, хотя бы в ваше время?

Кёпке: Я знал отношение господина фон Нейрата гораздо дольше чем период, когда мы работали вместе, когда он был министром, ибо как южный немец он всегда особо интересовался проблемой, и я помню много бесед которые вел с ним, даже, когда я был вице-консулом. Его отношение и намерение всегда заключались в том, чтобы создать между Германией и Австрией отношения в экономической области, в основном в интересах Австрии, и политически гарантировать похожую политику в результате договоров, но никак иначе не посягать на независимость Австрии, это то, что мы в министерстве иностранных дел уже знали несколько лет до того как он стал министром, из нашего опыта по таможенному союзу, который в то время на самом деле предназначался только в экономическом смысле. То, что эта попытка в целом считалась политическим союзом, давало паузу для мысли и должно было быть предостережением всем кто решил снова тронуть этот горячий металл. Таким образом, Нейрат, в период пребывания в должности, всякий раз обсуждая со мной проблему и работая над этим, думал в таких чертах.

Я бы хотел добавить, что критическое время австрийского вопроса наверное было после моего ухода с должности. Более того, даже Гитлер изначально разделял умеренную концепцию Нейрата, как видно из его беседы с Муссолини летом 1934. Однако, особо интересны замечания, которые Гитлер сделал по проблеме аншлюса сэру Джону Саймону¹²⁶ в ходе переговоров в Берлине в марте 1935. Тогда Гитлер высказался английскому государственному деятелю следующим образом:

Если бы люди в Лондоне знали Австрию так как он, они бы поверили в его заверение о том, что он не хочет увеличивать наши экономические проблемы

---

¹²⁶ Джон Саймон (1873 — 1954) — английский государственный деятель. Министр иностранных дел Великобритании в 1931-1935. Начав свою карьеру как либерал, в 1931 году он вошёл в национальное правительство, создав либерально-национальную партию.

добавляя ещё одну область экономических трудностей. Германия вообще не хотела вмешиваться в эту страну. Он прекрасно знал, что любое вмешательство в австрийские дела, даже если бы это отвечало желанию самого австрийского народа об аншлюсе, нельзя было легализовать. Так тогда считал Гитлер.

Нейрат тоже отвергал всякое вмешательство во внутриавстрийские дела и сильно осуждал попытки которые можно было заметить в партийных кругах, оказывать прямую поддержку австрийским национал-социалистам. В моё время Нейрат делал всё, что мог, чтобы держать министерство иностранных дел в стороне от внутривнутриполитической борьбы в Австрии.

Людингхаузен: Ещё один вопрос. До времени вашей отставки в начале 1936, когда-либо был какой-нибудь разговор в министерстве иностранных дел о нападении на Чехословакию или несоблюдении существовавших договоров с Чехословакией?

Кёпке: Никогда, ни так ни иначе. Наши экономические и политические отношения с Чехословакией были, пока я находился в должности, очень хорошими. Мы вообще не имели никакого повода менять их, даже малейшего.

Людингхаузен: И последний вопрос. Вы можете сказать нам, что-нибудь об отношении господина фон Нейрата к расовому вопросу?

Кёпке: В этом вопросе Нейрат полностью возражал отношению партии. В связи с этим я бы хотел вспомнить опыт о котором Нейрат рассказывал мне лично.

Когда должны были объявить еврейское законодательство, рейхсминистр юстиции Гюртнер пришёл к нему в сильном волнении и сказал фон Нейрату, что он, Гюртнер, безуспешно предупреждал Гитлера по поводу объявления этих совершенно невозможных законов. Он сильно призывал господина фон Нейрата как министра иностранных дел отметить огромные угрозы которые это безумие могло посеять за рубежом. Нейрат сказал мне о том, что он сделал это немедленно, но все его усилия были безуспешны.

Личное отношение Нейрата к еврейской проблеме было полностью примирительным и разумным, соответствуя его в целом доброй личности и его религиозному отношению. В числе многих примеров, я бы хотел сослаться на один, который следующий:

В то время, когда мы были вместе в Лондоне, еврейский врач в посольстве был также одним из самых близких друзей семьи Нейрата. Когда он был вынужден уехать из Лондона во время мировой войны и был бездомным и безработным, Нейрат сразу предпринял активные шаги, чтобы помочь своему старому другу.

И как рейхсминистр, фон Нейрат всегда помогал неарийским коллегам, хотя это часто приводило к нападкам на него из партийных кругов и не всегда было просто.

Людингхаузен: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников хочет задать какие-либо вопросы?

[Ответа нет]

Председатель: Обвинение желает задать какие-либо вопросы?

Максвелл-Файф: Милорд, трибунал конечно не будет считать, что обвинение приняло все заявления свидетеля, но я не думаю, что будет польза от выделения времени на перекрёстный допрос. Поэтому, я не буду задавать никаких вопросов.

Председатель: Минуточку, сэр Дэвид. Сэр Дэвид, не будет ли для вас удобно и для защитников обсудить вопросы о дополнительных ходатайствах о свидетелях и документах в 2 часа?

Максвелл-Файф: Разумеется, милорд, для меня это будет очень удобно. Не думаю, что есть много серьезных вопросов о которых будет серьезная дискуссия.

Председатель: Нет, я думал, что не было. Очень хорошо, мы сделаем это.

Свидетель может удалиться.

Доктор фон Людингхаузен, вызовите следующего свидетеля, и тогда мы приведем его к присяге до перерыва.

Людингхаузен: Можно попросить, чтобы доктору Дикхофу¹²⁷ позволили быть после доктора Кёпке?

[Свидетель Дикхоф занял место свидетеля]

Председатель: Пожалуйста назовите своё полное имя?

Дикхоф: Ганс-Генрих Дикхоф.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Теперь будет объявлен перерыв.

[Объявлен перерыв до 14 часов]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Если угодно вашей светлости, милорд, первое ходатайство от имени подсудимого фон Нейрата в отношении господина Франсуа-Понсе¹²⁸. Это рассматривали, это закрыто.

Затем, милорд, следующее ходатайство доктора Маркса от имени подсудимого Штрайхера о предъявлении письменных показаний издателя,

¹²⁷ Ганс-Генрих Дикхоф (1884–1952) – немецкий дипломат. В 1937-1938 посол Германии в США.

¹²⁸ Андре Франсуа-Понсе (1887 – 1978) – французский дипломат. С 1931 по 1938 посол Франции в Германии.

господина Гасснера из «Der Stürmer»¹²⁹. Милорд, издатель предназначен рассмотреть вопрос издания и тиража «Der Stürmer» в 1933-1935 годах. Обвинение уже сообщило трибуналу, что оно не думает, что это относится к делу, когда заявляется ходатайство о вызове господина Гасснера в качестве свидетеля. Обвинение занимает такую же позицию. Милорд, это о письменных показаниях, и мы оставляем на трибунал то, хочет ли он письменные показания, но обвинение не может увидеть какого-либо отношения к делу этого доказательства.

Председатель: Доктор Маркс хочет, что-нибудь сказать об этом?

Маркс: Господин председатель, я сейчас обсудил вопрос с подсудимым Штрайхером, и он говорит мне, что свидетель, господин Гасснер, которого я предложил и чьи письменные показания я предложил, сможет сказать о цифрах издания «Der Stürmer» только с 1941. Конечно это вообще не представляет интереса для защиты. Поэтому я отказываюсь от письменных показаний и полагаюсь на то, что сказал об этом свидетель Гимер¹³⁰. Следовательно, вовсе не требуется предоставлять письменные показания.

Максвелл-Файф: Милорд, следующее ходатайство от доктора Кранцбюлера от имени подсудимого Дёница о дальнейшем рассмотрении допуска письменных показаний бывшего флотского судьи Еккеля, по причине перекрёстного допроса.

Милорд, думаю удобнее всего будет, если обвинение не будет возражать ходатайству в этот раз, но оставит право, когда доктор Кранцбюлер воспользуется тем чем желает из письменных показаний, рассмотрим будем ли мы возражать.

Председатель: Это на самом деле доказательства в опровержение, не так ли?

Максвелл-Файф: Да, в опровержение пунктов затронутых в перекрёстном допросе. Очень трудно решить нужно ли заявлять окончательное возражение пока не известно как этим воспользуется доктор Кранцбюлер. Я предлагаю, чтобы мы не возражали на данном этапе.

Председатель: Что же, эти ходатайства и приказы трибунала одобряющие свидетелей всегда принимаются под условием.

Максвелл-Файф: Если угодно вашей светлости, тогда обвинение не имеет никакого возражения.

Милорд, затем есть два ходатайства от имени подсудимого фон Нейрата, просьба о протоколе допроса...

Председатель: Оба отозваны, не так ли?

Максвелл-Файф: Ах, отозваны? Я не был уверен в этом.

Милорд, затем доктор Тома заявляет ходатайства от имени подсудимого Розенберга по трём вопросам: переписка между доктором Леом и подсудимым, запись доктора Штраубера 27 мая 1944, и третье, записка министерства доктора

¹²⁹ «Der Stürmer» (дословно — Штурмовик) — еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами). Издавался в Нюрнберге гауляйтером Франконии Юлиусом Штрайхером.

¹³⁰ Эрнст Гимер (1900-1974) — немецкий писатель. В 1938-1942 главный редактор «Der Stürmer».

Бейля.

Милорд, обвинение чувствует, что эти документы кумулятивные и трибуналу остается данное предложение – что дело уже хорошо охвачено. Не знаю желает ли доктор Тома, сказать, что-то ещё.

Тома: Уважаемый суд, я бы хотел довольно кратко сослаться на это, видимо есть ошибка в вопросе доктора Бейля. Здесь вопрос опросного листа. Я направил Бейлю опросный лист который пока не вернулся. Иначе, я ничего об этом не знаю, но я заявил ходатайство которое пока не упоминалось. Я заявил ходатайство о некоторых сочинениях Розенберга «Традиции и современность», новые речи и переводы подлежат включению в документальную книгу, так как они рассматривают вопросы которые обсуждались в связи с образовательными дискуссиями и собраниями в гау и которые также рассматривают такие вопросы как мирное сосуществование наций Европы, религиозную терпимость, его выступление за идеал гуманизма, и похожие сочинения. Я прошу о том, чтобы эти статьи допустили. Кроме этого, у меня нет никаких дальнейших ходатайств, и в остальном я конечно оставляю решение за трибуналом.

Председатель: Если я понял, что вы сейчас сказали, доктор Тома, вы не ссылались ни на какие ходатайства которые мы имеем. Ходатайства которые перед нами о переписке между доктором Леем и подсудимым осенью 1944, ещё одно запись доктора Штраубера, и третьё записка доктора Бейля, вы на них не ссылались, не так ли?

Тома: Да, это правильно. Я вынужден признаться, что эти ходатайства для меня совершенно новые. Эти ходатайства должно быть Розенберг подготовил по собственной инициативе, потому что я не смог найти ни следа от них. Или же ошибка возникала в меморандуме трибуналу. Я не знаком с ходатайствами.

Председатель: Что же, доктор Тома, копии ходатайств перед нами, и они кажется подписаны и подсудимым Розенбергом и вами.

Тома: В таком случае, это должно быть было месяцы назад. Я не могу вспомнить, это от 3 июня.

Председатель: В любом случае, вы их не хотите?

Тома: Ходатайство номер 3 урегулировано.

Я прямо сейчас перечитал ходатайства, и я их помню. Я прошу принять решение в пользу подсудимого.

Максвелл-Файф: Милорд, следующие ходатайства о ряде документов от имени подсудимого фон Папена, и обвинение не имеет им возражения.

Председатель: Сэр Дэвид, много из них – разумеется номера 3, 5 и 13 – так или иначе допущены или отклонены, я думаю.

Максвелл-Файф: Так, милорд. Я поставил пометку напротив 13. Думаю их рассматривали, милорд, они в книгах, и я не думаю, что требуется дальнейшая дискуссия.

Председатель: Все они в книгах?

Максвелл-Файф: Думаю так, милорд, я не знаю, - доктор Кубушок говорит, что согласен со мной.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Если угодно вашей светлости, следующее ходатайство от имени подсудимого Бормана, просьба об указе Гитлера и указе изданном Борманом в 1944. Милорд, обвинение не имеет этому возражения.

Председатель: Я не совсем понимаю смысл последнего. Вы можете сказать, что это означает?

Максвелл-Файф: Милорд, лично я понимаю, что это было «в СД», вместо «из СД» - члены главного управления национал-социалистической партии относящиеся из СД. Боюсь, что такое предложение не встретит одобрения.

Бергольд: Милорд, это касается указа Бормана в котором он запрещает членам партийной канцелярии принадлежать к СД. Этот указ Бормана применялся к партийной канцелярии.

Председатель: Спасибо.

Максвелл-Файф: Милорд, оставшиеся ходатайства от имени подсудимого Геринга, допуск письменных показаний барона фон Герсдорффа¹³¹ и книга Юзефа Чапски¹³². Милорд, мой советский коллега рассмотрел это в письменном виде 20 июня. Я не предлагаю ничего дальше говорить об этом милорд. Полковник Покровский здесь, если ваша светлость хочет его дальше выслушать.

Председатель: Я думал, мы уже распорядились насчет этого.

Максвелл-Файф: Да, ваша светлость.

Председатель: Мы, видимо распорядились 9 июня, о том, что для подсудимого Геринга можно предоставить трех свидетелей как лично...

Вероятно лучше выслушать об этом доктора Штамера.

Штамер: Господин председатель, я так понял решение трибунала. Я ходатайствовал о пяти свидетелях. Трибунал распорядился, что я могу представить только трёх из пятерых свидетелей.

Председатель: Правильно.

Штамер: О письменных показаниях ничего не говорилось, насколько я могу вспомнить, в этом конкретном решении, поэтому я полагал, что я буду волен попросить допустить письменные показания постольку поскольку трибунал сочтет их необходимыми.

Председатель: Доктор Штамер, после принятия трибуналом решения об ограничении свидетелей до трёх, вы не получали сообщение, на которое вы ответили, думаю, предлагавшее, что возможно вы можете быть откажетесь от

¹³¹ Рудольф-Кристоф фон Герсдорф (1905 —1980) — активный участник немецкого движения Сопротивления и планов покушения на Гитлера. В 1941-1943 сотрудник разведки группы армий «Центр» в СССР.

¹³² Юзеф Чапский (1896 —1993) — польский художник и писатель, племянник городского головы Минска К. Чапского, двоюродный брат Г. Чичерина. В сентябре 1939 – сентябре 1941 являлся военнопленным в СССР.

фактических устных свидетелей и частично сделаете это с помощью письменных показаний.

Штамер: Да, господин председатель, я получил это сообщение, и я уже провел переговоры по данному вопросу с русским обвинением. Однако мы не достигли договоренности, и поэтому я заявил письменное ходатайство трибуналу несколько дней назад.

Председатель: Да, но это не договоренность к которой вы пытаетесь прийти, что только три письменных показания должны быть представлены с каждой стороны? Или же было больше трёх?

Штамер: Нет. Вопрос который остается и который мы не согласовали, о том предоставят ли мне возможность огласить немного из письменных показаний.

Председатель: Понимаю. Доктор Штамер, думаю положение такое, что пока вы не пришли к договоренности с советским обвинением, мы будем придерживаться нашего предыдущего решения.

Штамер: Очень хорошо.

Председатель: Примите меры, чтобы прийти к договоренности с советским обвинением и дайте знать трибуналу.

Штамер: Сделаю.

Максвелл-Файф: Меня интересует, извинит ли меня ваша светлость за упоминание трёх экземпляров. Все они ссылаются на дневник адмирала Ассмана¹³³, милорд, который был представлен в ходе дел подсудимых Дёница и Рёдера. Речь идет о трёх экземплярах.

Первый документ D-879. Мы думали, что будет полнее если вставить связанную страницу ради полноты экземпляра. Милорд, с этой целью, обвинение просит отозвать экземпляр GB-482, чтобы предъявить две страницы которые первоначально были в нём вместе со связанной страницей. Это просто дополнение связанной страницей, милорд.

Второй документ D-881...

Председатель: Есть какое-либо возражение этому со стороны защиты?

Максвелл-Файф: Не думаю, милорд, я ничего не слышал.

Председатель: К чему вы говорите относятся документы?

Максвелл-Файф: Дневник адмирала Ассмана, который был при штабе подсудимого Рёдера.

Председатель: Ах, да.

Максвелл-Файф: Милорд, это всего лишь вопрос приведения экземпляра в подобающий вид.

Второй документ, милорд, D-881, который ещё один отрывок из этого же дневника за 23 февраля 1941. Я обещал вашей светлости, что я должен буду приобщить экземпляр рассматривая дневник в перекрёстном допросе, и милорд,

¹³³ Курт Ассман (1883 – 1962) – немецкий адмирал. В 1937 – 1943 руководитель военно-морского архива Германии

экземпляры готовы, и я хочу приобщить это под номером GB-475. То есть, документ D-881 станет экземпляром GB-475.

Третий такой же как и второй, документ D-892. Этот экземпляр готов и станет экземпляром GB-476. Копии доступны подсудимым и будут вручены им после дачи одобрения суда.

Председатель: И копии, конечно, будут обеспечены для суда?

Максвелл-Файф: Конечно, милорд. Они ждут формального одобрения суда и будут предъявлены.

Председатель: Да, сэр Дэвид, хорошо.

Тогда, сэр Дэвид, мы рассмотрим ещё один вопрос.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Председатель: Очень хорошо.

Да, доктор Тома.

Тома: Господин председатель, я просто хотел пользуясь случаем предъявить трибуналу письменные показания Роберта Шольца¹³⁴, начальника айнзацштаба Розенберга. Их перевели на английский и французский языки, и я бы хотел предъявить их трибуналу как экземпляр номер 41. Я уже показывал их господину Додду и он не возражал.

Председатель: Очень хорошо.

Краус: Господин председатель, я хотел уточнить можно ли и до какой даты после этого заседания мы можем предъявлять письменные показания и документы. Причина в том, что недавно я получил два письменных показания и документ об относимости которого к делу пока четко не решено.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал хочет знать, когда защита и обвинение думают будет лучше всего рассмотреть эти вопросы которые остались в стороне и любые доказательства которые обвинение и защита могут пожелать предъявить в опровержение.

Максвелл-Файф: Да, милорд, я не имел случая обсудить это с кем-то из защитников, но я должен думать, что в конце доказательств. Можно разумно надеяться на то, что доказательства завершатся на этой неделе. Может быть можно будет рассмотреть их в субботу или понедельник и удобнее для защиты, и конечно решать трибуналу.

Председатель: Да. Трибунал, я думаю, будет ожидать от защиты и обвинения быть готовыми, сразу после завершения доказательств, рассмотреть все эти дополнительные вопросы которые остались и также любые ходатайства которые они могут иметь в связи с опровержением.

Максвелл-Файф: Если вашей светлости угодно, да.

---

¹³⁴ Роберт Шольц (1902 – 1981) – немецкий историк искусства. Начальник отдела изящных искусств при ведомстве Розенберга в НСДАП. В 1940-1945 заведующий отделом Запад айнзацштаба Розенберга. Французским судом был приговорен к 10 годам лишения свободы.

Председатель: Я хотел, чтобы это ясно поняли, что он будет ожидать, что это будет сделано сразу после завершения доказательств. Думаю это ответ доктору Краусу о письменных показаниях и документах. Это будет самое подходящее время.

Сэр Дэвид, вы имеете понимание сколько это займет?

Максвелл-Файф: Милорд, думаю очень короткое время. Я должен думать, что 2 дня или приблизительно хватит. Я обсуждал это с господином Доддом и такой взгляд мы имеем.

Председатель: Да. За два дня вне суда.

Максвелл-Файф: Да, вне суда, милорд.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Если угодно вашей светлости.

[Свидетель Дикхоф вернулся на место свидетеля]

Людингхаузен: Свидетель, с какого времени вы знакомы с господином фон Нейратом?

Дикхоф: С 1913, я встретил его, когда я поступил в министерство иностранных дел. Он был легационным советником в министерстве иностранных дел в то время. Затем я встречал его в Константинополе и там я имел с ним контакт. Затем я не встречал его до 1930.

Людингхаузен: В каком качестве вы имели дела с господином фон Нейратом начиная с 1930?

Дикхоф: Господин фон Нейрат, тогда был, с 1930 по 1932, послом в Лондоне, а я был главой отдела «Англия-Америка» в министерстве иностранных дел.

Людингхаузен: Каким было ваше взаимодействие в то время между министерством иностранных дел – то есть, вами – и господином фон Нейратом, который тогда был послом в Лондоне.

Дикхоф: Взаимодействие было превосходным.

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно о назначении господина фон Нейрата на пост рейхсминистра иностранных дел.

Дикхоф: Я помню, что большинство ведущих чиновников из министерства иностранных дел сильно волновались внезапному уходу Брюнинга, чью твердую и умеренную политику мы одобряли в то время. Мы смирились с заменой персоны министра иностранных дел лишь потому, что Брюнинга заменил Нейрат, и мы знали, что господин фон Нейрат человек высоких стандартов и опытный дипломат. Кроме того, мы знали, что он представлял политику Брюнинга в Лондоне, и мы ожидали, что как министр иностранных дел он будет продолжать политику Брюнинга.

Я приветствовал господина фон Нейрата, думаю это было 2 июня на станции в Берлине, когда он прибыл в Германию. Из бесед с ним у меня сложилось

впечатление, что ему сильно не нравилось покидать Лондон и принимать министерство иностранных дел. Но он сказал: «Не думаю, что могу отказать желанию пожилого господина». Это конечно был рейхспрезидент фон Гинденбург.

Людингхаузен: Какой пост вы сами занимали в то время, когда работали при господине фон Нейрате в министерстве иностранных дел?

Дикхоф: Сначала я оставался главой отдела Англия-Америка до 1936. Потом в апреле 1936, я принял воссозданный политический департамент. В июне скончался государственный секретарь фон Бюлов, и в августе 1936 я был назначен исполняющим обязанности государственного секретаря министерства иностранных дел. Я оставался на этой временной должности до марта 1937 и затем я стал послом в Вашингтоне.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, как министр иностранных дел, оставил старых сотрудников министерства иностранных дел?

Дикхоф: Он оставил старых сотрудников практически на всех ведущих постах и во внутренней и внешнеполитической службе. Например государственный секретарь фон Бюлов остался на 4 года, до своей смерти, на той же должности в министерстве иностранных дел.

Он направил посла фон Хёша¹³⁵ в Лондон как своего преемника, и направил посла фон Хасселя¹³⁶ в Рим, и посла Кёстера¹³⁷ в Париж – всё это были старые дипломатические сотрудники.

Людингхаузен: Вы можете сказать по собственному опыту в ходе вашей деятельности в чём заключались цели внешней политики Нейрата?

Дикхоф: Цель господина фон Нейрата заключалась в том, чтобы поддерживать хорошие отношения со всеми государствами и соответственно постепенно восстановить для Германии статус равноправия который мы утратили в 1919. Это была такая же политика которую преследовал Штресеман¹³⁸ и Брюнинг. Господин фон Нейрат знал о трудностях в позиции Германии. Он постоянно говорил со мной об этом. Он в этом не заблуждался. Он видел вещи реалистично. Его тенденция заключалась в том, чтобы примирять.

Людингхаузен: Что вам известно о приходе господина фон Нейрата в правительство Гитлера, которое было сформировано 30 января 1933?

Дикхоф: Я знаю об этом лишь то, что мне сказал государственный секретарь фон Бюлов, когда я вернулся из отпуска в начале февраля 1933. Согласно этому, господин фон Нейрат не принимал никакого участие в формировании нового кабинета, то есть, кабинета Гитлера. Кроме этого, он в это время был болен. Он

¹³⁵ Леопольд фон Хёш (1881 – 1936) – немецкий дипломат. Посол Германии в Великобритании в 1932-1936.

¹³⁶ Ульрих фон Хассель (1881 – 1944) – немецкий дипломат. Посол Германии в Италии в 1932-1938. Участник заговора против Гитлера. Казнен за участие в заговоре.

¹³⁷ Роланд Кёстер (1883 -1935) – немецкий дипломат. В 1932-1935 посол Германии во Франции.

¹³⁸ Густав Штресеман (1878 — 1929) — немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики.

услышал о плане сделать Гитлера рейхсканцлером и сформировать новое правительство. Он хотел обсудить это с рейхспрезидентом фон Гинденбургом для того, чтобы сделать для себя определенные оговорки, но он пришёл слишком поздно и не смог получить эти оговорки. Несмотря на это, он остался министром иностранных дел в новом кабинете, потому что он не хотел отказывать желанию рейхспрезидента.

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно об отношении господина фон Нейрата к национал-социалистической внутренней политике?

Дикхоф: Я знаю, что господин фон Нейрат, вскоре после 30 января 1933 смотрел с волнением на внутреннюю политику, в основном, потому что ощущал, что она сильно влияла на нашу внешнюю политику. Когда, в июне 1933, я посещал его в Лондоне, где он присутствовал на конференции как глава германской делегации, он сказал мне о своих переживаниях, но он думал, что эти вещи сойдут на нет и что развитие будет похожим на фашистскую Италию, где сначала были очень дикие вещи, но они потом угомонились. Он надеялся на то, что тоже самое случится в Германии.

Людингхаузен: Я перехожу к 1936 году. Одним из принципиальных вопросов которые преобладали в тот год была австрийская проблема. Вы можете рассказать нам в чём заключалось отношение господина фон Нейрата к повторявшимся вмешательствам немецких кругов во внутренние дела Австрии?

Дикхоф: Да. Господин фон Нейрат считал такое немецкое вмешательство во внутренние дела Австрии не только недопустимым, но и вредным. Он постоянно мне об этом говорил. Он стремился к улучшению экономических отношений с Австрией и соответственно старался постепенно улучшать также и политические отношения. Он хотел оставить нетронутым суверенитет Австрии. В этом также заключалась цель соглашения от 11 июля 1936 между Германией и Австрией, то есть экономическое укрепление Австрии и соответственно создание хороших политических отношений между двумя странами.

Людингхаузен: До марта 1938 вы, что-нибудь слышали, о том, что Гитлер имел намерение присоединить Австрию к Германии, при необходимости силой?

Дикхоф: Нет.

Людингхаузен: До 1938, вы, когда-нибудь слышали, что-нибудь о том, что Гитлер намеревался решить судетскую проблему силой или даже напасть на Чехословакию?

Дикхоф: Нет.

Людингхаузен: Вам известно, полностью ли Гитлер соглашался до ноября 1937 с мирной политикой, которую преследовал господин фон Нейрат в отношении Австрии и Чехословакии, а также в отношении других европейских стран?

Дикхоф: До отставки господина фон Нейрата в феврале 1938 я всегда предполагал, что Гитлер соглашался с мирной политикой преследуемой господином фон Нейратом, я никогда не слышал и не знал чего-то обратного.

Людингхаузен: Вам известно в чём заключались мысли, соображения господина фон Нейрата в 1935 в отношении вопроса перевооружения, то есть, воссоздания германского военного суверенитета?

Дикхоф: Я знаю, что господин фон Нейрат придерживался взгляда, что Германии, в результате заявления западных держав 11 декабря 1932 одобрили равноправие, и он считал её имевшей бесспорное право перевооружаться после того как не удались все попытки к разоружению.

Людингхаузен: Я бы хотел задать вам тот же самый вопрос в отношении соображений и отношения господина фон Нейрата к ремилитаризации демилитаризованного Рейнланда.

Дикхоф: Я знаю о том, что господин фон Нейрат понимал серьезность проблемы, ибо он знал, что проблема ремилитаризации Рейнланда была взаимосвязана с Локарнским пактом, но я знаю, что он видел нарушение Локарнского пакта во франко-русском соглашении о взаимопомощи заключенном в мае 1935, и что в результате ратификации этого пакта, или его вступления в силу, он твердо верил в то, что Германия имела право восстановить военный суверенитет в Рейнланде.

Людингхаузен: Какой в те дни была общеполитическая обстановка? Принимая её во внимание, не было обоснованной рано или поздно прийти к мирному решению проблемы Рейнланда в любом случае?

Дикхоф: В любом случае, фактическое развитие после 7 марта 1936 показало, что западные державы, хотя и не согласились с ремилитаризацией Рейнланда, вместе с тем быстро смирились со свершившимся фактом.

В то время, во второй половине марта 1936 я был 2 недели в Лондоне по поручению правительства Рейха, и я имел возможность обсудить этот вопрос со многими англичанами, и взгляд который я обнаружил в самых широких кругах заключался в том, что так как Германии одобрили равноправие нельзя было отрицать её право ремилитаризовать Рейнланд. В некоторых кругах я даже выяснил взгляд на то, что ремилитаризация Рейнланда вызвала облегчение, в том, что случилось бы раньше или позже, прошло так быстро и сравнительно безболезненно.

Людингхаузен: А теперь последний вопрос. Что вам известно об отставке господина фон Нейрата с поста рейхсминистра иностранных дел в феврале 1938?

Дикхоф: В это время я был послом в Вашингтоне и был совершенно удивлен внезапным уходом министра иностранных дел фон Нейрата. Я знал, что было много вещей с которыми он не соглашался, и что он несколько раз просил разрешить уйти в отставку. Я также знал, что он болел, он страдал от невротического сердца. Я также знал, что он перешагнул свой шестьдесят пятый день рождения, что давало ему право уйти на пенсию. Но все же удивление было велико, в частности, потому что я тогда не знал деталей. Я сожалел об отставке министра иностранных дел, к чьей мирной политике я имел большое доверие. Я помню, что официальные круги в Вашингтоне тоже сожалели об уходе господина фон Нейрата, ибо заместитель

государственного секретаря Самнер Уэллес¹³⁹ обратился ко мне спустя несколько дней после этого события и сказал, что американское правительство сожалело уходу человека который преследовал умеренную политику.

Людингхаузен: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Остальные защитники желают задать какие-либо вопросы?

Кубушок: Свидетель, единственный вопрос. Вы сказали, что если фон Нейрат принял должность министра иностранных дел, вы ожидали, что он продолжит политику Брюнинга и Штреземана. По вашим сведениям он на самом деле продолжал эту политику Брюнинга после того как стал министром иностранных дел?

Дикхоф: Да.

Кубушок: Спасибо.

Максвелл-Файф: Милорд, на той же основе, что я намекал в отношении прошлого свидетеля, обвинение не желает занимать время задавая какие-либо вопросы.

Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

Людингхаузен: Господин председатель, могу я получить ваше разрешение вызвать своего третьего и последнего свидетеля, доктора Фолькера¹⁴⁰, для дачи показаний.

[Свидетель Фолькерс занял место свидетеля]

Председатель: Назовите, пожалуйста, своё полное имя?

Фолькерс: Ганс Герман Фолькерс.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом — всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Вы можете сесть.

Людингхаузен: Свидетель, вы дважды были личным советником господина фон Нейрата, сначала в его должности министра иностранных дел и позже на его посту рейхспротектора Богемии и Моравии, правильно?

Фолькерс: Да, с 1920 я был сотрудником министерства иностранных дел, и я проводил всё свое время за рубежом. При Штреземане я провел 4 года в Женеве в качестве генерального консула и как постоянный представитель Германии в Лиге Наций, и в 1932 я был вызван в министерство иностранных дел и стал личным советником вновь назначенного министра иностранных дел, господина фон

¹³⁹ Самнер Уэллес (1892 — 1961) — дипломат Соединённых Штатов Америки, заместитель государственного секретаря (1937—1943), публицист.

¹⁴⁰ Ганс-Герман Фолькерс (1886 – 1977) – немецкий дипломат. В 1920-1939 находился на дипломатической службе. В 1939-1942 управляющий делами рейхспротектора Богемии и Моравии.

Нейрата. Я оставался на этом посту год, и затем по моей просьбе, меня направили в Мадрид в качестве советника посольства, и позднее я стал посланником в Гаване. В 1939 меня вернули в министерство иностранных дел, чтобы выступать личным советником с титулом начальника аппарата господина фон Нейрата который тем временем был назначен рейхспротектором в Праге.

Людингхаузен: Это назначение личным советником господина фон Нейрата в Праге состоялось на основе каких-либо взаимоотношений или по профессиональным причинам?

Фолькерс: Только по профессиональным причинам. До того как я стал его атташе в Берлине я не знал господина фон Нейрата.

Людингхаузен: В чём заключалось отношение сотрудников министерства иностранных дел к назначению господина фон Нейрата министром иностранных дел?

Фолькерс: У меня сложилось впечатление, что сотрудники министерства иностранных дел в целом были весьма довольны, что в виду сложной внутривластной обстановки старый кадровый дипломат и эксперт принял руководство министерством иностранных дел, потому что они видели в этом гарантию твердого внешнеполитического курса, к тому же было известно, что господин фон Нейрат имел особое доверие рейхспрезидента фон Гинденбурга и потому он пользовался, ввиду своей личности и своей невозмутимости, особым признанием и почтением всех сотрудников министерства иностранных дел.

Когда Гитлер пришёл к власти у меня сложилось впечатление, что он был скептичен и сдержан в его отношении. Он не принадлежал к кругу ближайших соратников Гитлера, и в то время, когда я был с ним он никогда не присутствовал на вечерних совещаниях с Гитлером в рейхсканцелярии в те дни.

Однако, постепенно, давление на министерство иностранных дел возрастало сильнее и сильнее. Была создана зарубежная организация¹⁴¹, и бюро Риббентропа начало соревнование к которому призвали самых разных людей за границей. Они готовили разнообразные доклады которые шли напрямую фюреру без контроля министерства иностранных дел. Позднее глава зарубежной организации был поставлен уполномоченным в министерство иностранных дел в то время как принц Вальдек¹⁴² был переведен в кадровый департамент министерства иностранных дел. На этом этапе давление стало таким сильным, что наконец больше

¹⁴¹ Зарубежная организация НСДАП (NSDAP-Auslandsorganisation; АО) — особая структурная единица НСДАП, занимавшаяся руководством над проживавшими за рубежом членами НСДАП и воспитанием в национал-социалистическом духе находившихся за границей немцев. По своим правам и обязанностям была приравнена к гау и возглавлялась гауляйтером.

¹⁴² Йоэиас, наследный принц Вальдек-Пирмонтский (1896 — 1967) — наследный принц Вальдек-Пирмонта, один из высших офицеров СС (6 октября 1938 года — 8 мая 1945 года), высший руководитель СС и полиции «Фульда-Верра» (Кассель), командующий оберабшнитом СС «Фульда-Верра» (1 января 1937 года — 8 мая 1945 года), глава Дома Вальдек и Пирмонт (26 мая 1946 года — 30 ноября 1967 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года), генерал полиции (8 апреля 1941 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года). Американским трибуналом был приговорен к пожизненному заключению. В дальнейшем освобожден досрочно.

с ним нельзя было бороться.

Но то, что министерство иностранных дел столь долго изолировало себя и что оно всё ещё избегало давления партии, это, я думаю, разумеется заслуга тогдашнего министра иностранных дел и его государственного секретаря фон Бюлова. Когда еврейские законы вводили и в министерстве иностранных дел, я знаю, что господин фон Нейрат как мог защищал своих сотрудников. Я был в Стокгольме в течение последних 2 лет войны и встретил там двух бывших своих коллег которые были близкими друзьями. Один министриальдиректор Рихард Майер¹⁴³ который был ответственным за восточный департамент и который вынужден был вскоре уйти и который часто говорил мне в Стокгольме, как он был благодарен господину фон Нейрату не только за то, что тот позволил ему забрать с собой свою семью и мебель и все остальное, когда он уезжал за рубеж, что господин фон Нейрат до краха, продолжал платить ему его ежемесячную пенсию в шведских кронах.

Людингхаузен: Каким был ваш пост и ваша деятельность в Праге в правительстве Протектората?

Фолькерс: Мой пост в Праге в правительстве Протектората был приблизительно таким же, что я имел 7 лет раньше, когда был личным советником министра иностранных дел в министерстве иностранных дел в Берлине, с тем исключением, что в министерстве иностранных дел есть специальный протокольный отдел и начальник протокола, в то время как в Праге я был ответственным за все протокольные и церемониальные дела, и это на самом деле являлось моим основным занятием. Я был главой так называемого аппарата рейхспротектора, не путать с принципиальной властью, к которой я не имел никакого отношения. Когда я приехал в Прагу летом 1939 аппарат уже функционировал несколько месяцев. Моим предшественником был некий легационный советник фон Кессель¹⁴⁴ из министерства иностранных дел. Кроме меня ещё два сотрудника министерства иностранных дел, которые подчинялись мне, принадлежали к аппарату рейхспротектора, также некто граф Вальдбург, чья мать была чешкой и который был привлечен рейхспротектором потому что с его помощью он хотел создать хорошие отношения с чехами.

Ведомство было ответственным, помимо общих и обычных рутинных вопросов, за частную переписку и руководство личными обращениями. С течением времени нам пришлось создать специальный отдел, потому что позднее, когда состоялось много арестов, мы получали столько обращений, большинство из которых были адресованы лично рейхспротектору...

¹⁴³ Рихард Майер (1886 – 1956) – немецкий дипломат. Возглавлял восточный департамент министерства иностранных дел с 1931 по 1935 год. Из-за своего еврейского происхождения он был уволен с дипломатической службы во времена нацизма и бежал из Германии.

¹⁴⁴ Альбрехт фон Кессель (1902 – 1976) – немецкий дипломат. Сотрудник посольства Германии в Чехословакии в 1938-1939. Участник заговора против Гитлера в 1944. После войны находился на дипломатической службе в ФРГ.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, разумеется это весьма далеко от того, что мы рассматриваем, и все предыдущие показания этого свидетеля даны как кумулятивные, которые ранее не проходили перекрёстный допрос и то, что он сейчас говорит весьма далеко от того, что нам нужно рассматривать.

Людингхаузен: Фактически, я уже заканчиваю, господин председатель. Я лишь хотел показать, что он в состоянии ответить на следующие вопросы по собственным сведениям.

[*Обращаясь к свидетелю*] Что вы можете рассказать по собственным наблюдениям и опыту об отношении господина фон Нейрата к чехам?

Фолькерс: Я могу привести вам лишь общее впечатление. Как я уже сказал, я не имел никакого отношения к фактической деятельности аппарата, но был приставлен к господину фон Нейрату только для его личных дел и всех церемониальных вопросов. Но я знаю, и он говорил мне, что, когда он принял пост рейхспротектора, он сделал это с намерением как можно справедливее и достойнее обращаться с чешским населением, чтобы создать, сглаживая разногласия, здоровую основу мирной жизни бок бок двух наций. Он часто говорил мне о том, что он был назначен рейхспротектором, то есть, протектором чехов, и мы знали, что последний германский посол в Праге, доктор Эйзенлор¹⁴⁵, часто докладывал о том, что последнее чехословацкое правительство, готово к аншлюсу с Германией. Он был оппонентом использования военных средств и господин фон Нейрат сказал мне, когда я приехал в Прагу – думаю это был сентябрь 1938, что он высказывался довольно сильно против их использования и что вместе с Герингом он посещал Гитлера в Мюнхене для того, чтобы разубедить его.

В моём ведомстве я снова и снова видел, что господин фон Нейрат – продолжу – был очень открытым в отношении чехов по поводу обращений. Он имел много симпатии и понимания, он изучал каждый отдельный случай, и это было хорошо известно среди чехов. И так как, мы в отделе имели возможность доводить каждую просьбу и обращение чехов напрямую самому высокому начальнику, чешские жалобщики очень часто и с радостью использовали этот канал, потому что перспективы положительного решения по их частным просьбам и обращениям через самого высокого местного начальника обещали больше пользы чем если бы они быстро обрабатывались заинтересованными властями в правительстве. В частности такая практика привела нас к конфликту с государственным секретарем...

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, этот свидетель просто произносит речи, знаете ли. Вы вообще не задаете ему никаких вопросов. Он просто продолжает...

Людингхаузен: Свидетель, что вам известно о личных и официальных отношениях между фон Нейратом и президентом Гаха?

Фолькерс: По моим наблюдениям, личные и официальные отношения между рейхспротектором и президентом Гаха были превосходными, и мне кажется, что это

¹⁴⁵ Эрнст Эйзенлор (1882 – 1958) – немецкий дипломат. Посол Германии в Чехословакии в 1936-1939.

был не просто формальный вопрос, у меня сложилось впечатление, что господину фон Нейрату по-настоящему и искренне нравился президент, потому что он считал его очень достойным и стойким человеком, который в существовавших обстоятельствах...

Председатель: Свидетель, когда вы видите, что ваш защитник услышал достаточно, конечно вы можете остановиться...

Фолькерс: Хорошо.

Людингхаузен: Какими были взаимоотношения между господином фон Нейратом и государственным секретарем при нём, Франком?

Фолькерс: Очень плохими. Господин фон Нейрат уже тогда, когда я принял должность говорил мне, что он имел с ним значительные трудности, ввиду его явно античешского отношения, как судетского немца – отношения которое немцу из Рейха непросто понять. Однако, он всегда надеялся, что Франк, который не был гражданским служащим, а посторонним, постепенно будет следовать его политике и приспособиться к штату гражданских служащих. Но, к сожалению это было невозможно. Я не знаю, когда...

Людингхаузен: Свидетель, вы можете кратко описать в чем заключались фактические полномочия господина фон Нейрата и Франка в отношении друг друга?

Фолькерс: Господин фон Нейрат был вышестоящим начальником государственного секретаря. Государственный секретарь был ответственным за всю внутреннюю администрацию, которая была очень крупной. Заместитель государственного секретаря фон Бургсдорф, которого я думаю здесь допрашивали перед высоким трибуналом, работал в его подчинении. Кроме государственного секретаря Франк был также высшим руководителем СС и полиции.

Людингхаузен: Итак, господин фон Нейрат имел какое-то влияние на деятельность Франка, то есть, как высшего руководителя СС и полиции?

Фолькерс: В тех условиях он практически не имел никакого влияния. Я не знаю был ли вопрос в самом начале юридически урегулирован. Однако, на практике полиция и государственный секретарь были полностью независимы от господина фон Нейрата в отношении полицейских мер. Это имело некоторую взаимосвязь с ситуацией в Рейхе где Гиммлер тоже возглавляя всю полицию и СС, забрал полицейские полномочия у министерства внутренних дел. Насколько помню, вопрос был юридически урегулирован осенью 1939 о том, что полиция была независимой и, что господина фон Нейрата должны были информировать впоследствии о всех предпринятых мерах.

Людингхаузен: Этим вы имеете в виду, указ об организации администрации и германской полиции безопасности в Протекторате от 1 сентября 1939?

Фолькерс: Да, думаю он самый. Первая часть ссылалась на администрацию, а вторая часть на полицию.

Людингхаузен: Господин председатель, могу я вам напомнить, что формулировка

этого указа содержится в моей документальной книге под номером Нейрат-149.

Председатель: Он предъявлен в качестве доказательства?

Людингхаузен: Да, я просто хотел напомнить вам о том, что представил его.

[*Обращаясь к свидетелю*] Господина фон Нейрата хотя бы впоследствии информировали, в соответствии с указаниями о полицейских акциях которые самостоятельно проводил Франк?

Фолькерс: Начальником полиции был эсэсовец по имени Бёме¹⁴⁶. Он докладывал рейхспротектору несколько раз каждую неделю. Мне не кажется, что он заранее информировал его о планируемых полицейских акциях. Мы никогда не слышали ничего подобного. Докладывал ли он о подобных акциях потом и полностью, об этом я не могу сказать. Как правило было так, что рейхспротектор посылал ему, для комментария, различные обращения родственников чехов которых арестовали, что Бёме приносил их, когда являлся на доклад. В целом так рейхспротектора информировали впоследствии.

Людингхаузен: А теперь, когда господина фон Нейрата позже информировали о подобных полицейских мероприятиях, независимо от того как, он предпринимал попытки приостановить аресты или как-либо ограничить и смягчить подобные полицейские меры?

Фолькерс: Как я уже вам сказал, мы создали в небольшом аппарате рейхспротектора специальный отдел с целью получения таких ходатайств. Этот отдел, который конечно напрямую находился в компетенции рейхспротектора, делал всё возможное, для того, чтобы успокаивать родственников и приводить к освобождению арестованных людей. Работа была особенно трудной, потому что эти местные отделы, местное полицейское начальство, а также государственный секретарь Франк обычно занимали негативное отношение. Снова и снова рейхспротектор обращался напрямую к Гиммлеру и очень часто к самому фюреру. Я знаю и помню, что была очень волнительная переписка с Гиммлером, и что господин фон Нейрат постоянно жаловался фюреру на это.

Людингхаузен: Свидетель, вы можете судить или можете сказать нам насколько господин фон Нейрат, как рейхспротектор, кроме полиции и полицейских мер, был свободным и независимым в своих политических и экономических мерах и приказах, или же как он зависел от Берлина?

Фолькерс: Когда я приехал в Прагу там были разнообразные ведомства помимо рейхспротектора. Например, был рейхскомиссар по экономике который, как я помню и слышал в то время, уже начал осуществлять свои функции, когда ещё не было создано ведомство рейхспротектора. Затем был уполномоченный четырехлетнего плана и был уполномоченный вооруженных сил который имел

¹⁴⁶ Хорст Бёме (1909 – 1945) – сотрудник германской полиции. Штандартенфюрер СС. Начальник полиции безопасности Протектората Богемия и Моравия в 1939-1942. Один из организаторов карательной акции в деревне Лидице в Чехословакии. Пропал без вести в Кенигсберге в апреле 1945.

большой штаб. Даже партийные ведомства не были централизованы. Прага и север относились к гау Судеты в подчинении гауляйтера Генлейна¹⁴⁷, вся Моравия относилась к гау Нижний Дунай, в подчинении доктора Юри¹⁴⁸, и запад относился к третьему гау. Все эти гау в свою очередь со своей стороны...

Председатель: Защитник, это все детали, не так ли, и совершенно ненужные детали?

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно об отношении фон Нейрата к многочисленным планам германизации чехов?

Фолькерс: Нет, я ничего об этом не знаю. Я помню только то, что с начала войны, господин фон Нейрат говорил мне о том, что вся структура Протектората рассматривалась им как временное решение, и что мир должен был решить окончательную судьбу Чехословакии.

Людингхаузен: Что же, тогда, как вы наверное помните, осенью 1939 были первые демонстрации в Праге в связи с днем независимости Чехословакии 28 октября 1939.

Фолькерс: Что же, я не могу вспомнить детали. Были демонстрации на чешский национальный праздник в октябре. Насколько могу вспомнить, они состоялись на Венцельплац, и Народной улице. Лично я...

Людингхаузен: Что вам известно о последствиях новых демонстраций в частности со стороны студентов в Праге, когда раненый студент умер и был похоронен 15 ноября? Что вам известно об этих демонстрациях и что случилось сразу же в начале этих демонстраций?

Фолькерс: Перед второй демонстрацией, насколько я помню, было указание проявлять сдержанность. Демонстрации в целом, как мне сказали позже, не особо тревожили. Несмотря на это, Франк сообщил об этом в Берлин. В любом случае, рейхспротектор и Франк и генерал Фридрици были вызваны в Берлин на совещание с Гитлером в рейхсканцелярию. Я сопровождал рейхспротектора. Хвальковско¹⁴⁹, чешского посланника в Берлине тоже пригласили. Я присутствовал, когда Гитлер очень нервно и очень грубо упрекал посланника из-за событий, за которые он объявил ответственным чешское правительство. Обсуждалось ли в связи с этим закрытие университетов, я не могу вспомнить, и не могу вспомнить, что слышал от него угрозу расстрелять или арестовать студентов. То как Гитлер обращался с посланником было для нас самым отвратительным. Потом посланник вышел из комнаты не сказав ни единого слова. Насколько могу

¹⁴⁷ Конрад Генлейн (1898 — 1945) — немецкий нацистский политический деятель Судетской области. Лидер чехословацких фольксдойче, основатель Судето-немецкой партии в Чехословакии. Покончил жизнь самоубийством после попадания в американский плен.

¹⁴⁸ Хуго Юри (1887 — 1945) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер и рейхсштатгальтер Нидердонау (Нижний Дунай), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Покончил жизнь самоубийством при наступлении Красной армии в Австрии.

¹⁴⁹ Франтишек Хвалковский (1885 — 1945) — чехословацкий политический, государственный и дипломатический деятель. Министр иностранных дел Второй Чехословацкой Республики. С 1939 представитель Протектората Богемии и Моравии в Германии. Был убит во время битвы за Берлин.

вспомнить, тему больше не упоминали. Мы пообедали, и когда прощались, Гитлер сказал Франку, что он хотел поговорить с ним ещё.

Господина фон Нейрата не попросили остаться и я помню, что идя с ним домой он был очень разгневан этим. На следующий день, я поехал обратно с господином фон Нейратом в то время как Франк уже уехал той же ночью в Прагу. Я помню, что, когда я шел в кабинет в Праге, я увидел красный плакат объявлявший, что из-за демонстраций приказывали расстрел зачинщиков и арест студентов и закрытие университетов, плакат имел подпись Нейрата. Так как я не знал, что тем временем случилось в Праге, я был совершенно удивлен, потому что я ничего не слышал об этих мерах в Берлине, и я подозревал интригу Франка и пошёл с этим вопросом к Нейрату. У меня сложилось впечатление, что господин фон Нейрат был глубоко потрясен и точно также как я неприятно удивлен, и что он ничего об этом заранее не знал. Вскоре после этого Франк проходил через мой кабинет в кабинет Нейрата, неся под рукой красный плакат. Я не знаю послал ли за ним фон Нейрат или же он пришёл по собственной инициативе.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат потом, по крайней мере после этого неприятного случая, использовал своё влияние для освобождения студентов которых арестовали?

Фолькерс: Он сразу использовал своё влияние, но не смог даже получить список имен арестованных студентов. Лишь после обращения к чехам, мы получили от чешского правительства полный список имен. Несмотря на это, господин фон Нейрат сразу же работал над их освобождением, и он, фактически, имел превосходные результаты в связи с этим с течением времени.

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно о том, что было сделано, чтобы поселить или трудоустроить тех студентов, которые из-за этих демонстраций и последующего закрытия университетов стали более или менее безработными?

Фолькерс: Нет, я ничего об этом не знаю, и не имел к этому никакого отношения.

Людингхаузен: Но вам известно, просил ли господин фон Нейрат Гитлера заново открыть университеты?

Фолькерс: Да, я помню, что канцлер Росны из чешского университета, которого я хорошо знал, однажды попросил меня об этом и сообщил об этом господину фон Нейрату и господин фон Нейрат снова прилагал усилия в то время, но насколько мне известно, до тех пор пока мы были в Праге университеты не открыли.

Людингхаузен: Вы помните чешскую фашистскую организацию «Влайка»? Я не знаю, правильно я сказал название.

Фолькерс: Да, но я очень мало об этом знаю. Я лишь знаю, что мы получили в ведомство от членов движения ряд заявлений о верности, и я также знаю, что чешские источники проинформировали нас о том, что эти люди частично были преступники и малозначительными. Господин фон Нейрат занял довольно общий взгляд о том, что это было внутреннее дело чехов, и что в конце концов, те люди

которые хотели работать вместе с нами. Но он, со своей стороны, отказал в любом взаимодействии, и на подобные клятвы и письма, как мне кажется, наше ведомство не отвечало...

Людингхаузен: Господин фон Нейрат также был, кроме рейхспротектора, председателем тайного кабинетного совета. Вы, поскольку вы частично работали с перепиской более личного характера, замечали, что-нибудь, что отмечало, что господин фон Нейрат выступал в качестве председателя тайного кабинетного совета?

Фолькерс: Нет, пока я был в Праге, господин фон Нейрат никогда не выступал. Напротив, как то он сказал мне о том, что Гитлер, назначив его, сказал ему, что он не должен думать, что он когда-либо будет созывать заседание совета кабинета.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат также был членом так называемого совета обороны. Он, когда-либо имел к этому отношение в Праге?

Фолькерс: Нет, я не знал, что он был членом совета обороны. Фундаментальные приказы из Берлина о Протекторате часто подписывались советом министров по обороне Рейха – кажется таким было название, но Нейрат никогда не подписывал и не контрассигновал их.

Людингхаузен: Как вам хорошо известно, господин фон Нейрат был назначен почетным группенфюрером СС и позже, почетным обергруппенфюрером СС. Господин фон Нейрат во время, когда был в Праге, когда-либо надевал эту форму?

Фолькерс: Как правило, он носил форму рейхсминистра. Был также сделан портрет в этой форме. Он много использовал гражданскую одежду. Может быть однажды он носил черную форму СС, в связи с парадом СС, но я уже точно не знаю. В противном случае он её не носил.

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно об обстоятельствах и причинах касательно отбытия господина фон Нейрата из Праги в сентябре 1941?

Фолькерс: Когда господину фон Нейрату приказали явиться в ставку в сентябре, он был в сопровождении своего военного адъютанта. Я встретил его на аэродроме, и в машине он сказал мне о том, что Гитлер был в ярости из-за актов саботажа в Протекторате и хотел отправить Гейдриха, чтобы применить показательное наказание. Он, Нейрат заявил, что не хотел иметь к этому никакого отношения и попросил освободить себя от должности. Тогда Гитлер приказал ему, что сначала он должен уйти в отпуск, и поэтому он сделал это. Он отбыл в один из следующих дней.

Людингхаузен: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Господин председатель, можно заявить одну просьбу в конце своего дела. Я пока не предъявил все документы, потому что пока не получил все переводы. Могу я оставить за собой право предъявить несколько оставшихся документов, вероятно в конце дела моего коллеги доктора Фрица?

Председатель: Вам не нужно ждать перевод. Вы можете приобщить документы в

качестве доказательств сейчас. Подайте в виде списка с номерами.

Людингхаузен: Господин председатель, боюсь я не взял их с собой. Вероятно, если можно, я могу сделать это завтра или в день, когда закончит доктор Фриц.

Председатель: Разумеется.

Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-либо вопросы?

[Ответа нет]

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Максвелл-Файф: Милорд, обвинение не желает проводить перекрёстный допрос по тем же основаниям.

Милорд, могу я сослаться на сборник документов которые в нашей документальной книге 12b, сборник антиеврейских указов в Протекторате. Все они из «Verordnungsblatt¹⁵⁰» Протектората, и обвинение просит трибунал вынести судебное уведомление о них как официальной публикации. Сборник просто для удобства и доступности трибуналу.

Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

Тогда на этом ваше дело закончено доктор Людингхаузен.

Трибунал прервется.

[Объявлен перерыв]

Председатель: Я вызываю защитника подсудимого Фриче.

Фриц: Господин председатель, я намерен представить дело подсудимого Фриче следующим образом:

Во-первых, я бы хотел вызвать подсудимого Фриче для дачи показаний, и затем свидетеля фон Ширмейстера¹⁵¹. В ходе этих двух допросов я намерен представить трибуналу несколько письменных показаний, и сослаться на них и остальное содержание из моих двух документальных книг.

Своим решением от 8 марта 1946 трибунал одобрил в качестве свидетелей по моему делу: первым - господина фон Ширмейстера, вторым - доктора Крига; и в качестве документов: тексты всех речей по радио подсудимого Фриче с 1932 по 1945 и архивы «Deutscher Schnelldienst¹⁵²» министерства пропаганды. Из всех доказательств, несмотря на усилия генерального секретаря, к сожалению, сюда смогли доставить лишь свидетеля фон Ширмейстера. Поэтому, я вынужден изменить своё дело и попросить извинения трибунала если где-то пройду больше

¹⁵⁰ «Собрание распоряжений» (нем.)

¹⁵¹ Мориц фон Ширмейстер (1901 – 1946) – сотрудник министерства пропаганды и народного просвещения Рейха в 1933-1944.

¹⁵² «Германская оперативная служба» (нем.) – подразделение управления новостей министерства пропаганды и народного просвещения Рейха.

деталей чем изначально планировалось при допросе подсудимого Фриче и свидетеля фон Ширмейстера.

С одобрения трибунала сейчас я вызываю подсудимого Фриче для дачи показаний.

[Подсудимый Фриче занимает место свидетеля]

Председатель: Пожалуйста, вы назовёте своё полное имя?

Фриче: Ганс Фриче.

Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[Подсудимый повторяет присягу]

Председатель: Вы можете сесть.

Фриц: Господин Фриче, пожалуйста, вы кратко опишите свою карьеру до 1933 года?

Фриче: Что касается этого, могу я сослаться на свои письменные показания, документ PS-3469, пункты 1 и 3-8? Дополнительно я смогу ограничить общим очерком.

Фриц: Господин председатель, в начале допроса я бы хотел заметить, что мои документальные книги, которых у меня две, пока полностью не перевели. Письменные показания, которые подсудимый сейчас упоминал, также находятся в документальной книге обвинения. Я не знаю, есть ли сейчас у трибунала документальная книга.

Председатель: Что же, вы можете продолжать.

Фриче: Я родился 21 апреля 1900. Мой отец был гражданским служащим. Я посещал гимназию, чтобы изучать классику. Затем я был солдатом в Первую мировую войну, вернулся в школу, и потом изучал философию, историю и национальную экономику в разных университетах.

После Первой мировой войны моя жизнь и работа определялись бедствием моего народа. Мы называли это бедствие «Версаль». О Версальском договоре здесь сказано достаточно. Мне ничего не нужно добавлять к сказанному.

Фриц: Значит своей журналистской работой до 1933 вы стремились изменить Версальский договор?

Фриче: Да, конечно.

Фриц: Вы предусматривали такое изменение с помощью войны?

Фриче: Нет, я стремился к этому с помощью законных средств, политики и экономического здравого смысла, которые в то время были на германской стороне. Вместе с этим, было бы желательным определенное восстановление мощи

Германского Рейха, потому что я видел в слабости Рейха потенциальную угрозу войны. Но изменение Версальского договора с помощью войны не казалось мне возможным, подходящим, ни желаемым. Такие же чувства преобладали позднее при правительстве Гитлера.

Адольф Гитлер дал две гарантии именно по этому пункту, которые для меня и миллионов остальных немцев были особо впечатляющим. Первой была гарантия: «Я сам был простым солдатом и поэтому знаю, что значит война». Вторым было заявление: «Во всех кровавых войнах прошлых тысяч лет даже победители не получали столько же сколько принесли жертв». Две этих гарантии звучали для немца как священные и обязательные клятвы. Всякий раз, когда гитлеровская политика нарушала эти две гарантии это было предательством немецкого народа.

Фриц. Когда, как и почему вы пришли в НСДАП?

Фриче: После своего прихода в министерство пропаганды я вступил в партию. Я снова ссылаюсь на свои письменные показания PS-3469, пункты 9-13.

Я вступил в НСДАП не из-за партийной программы, и не из-за книги Гитлера «Mein Kampf»; ни вступил, из-за личности Гитлера, чья сила убеждения, которую здесь часто упоминали, меня миновала. Я отвергал грубый радикализм методов партии. Этот грубый радикализм противоречил привычкам всей моей жизни и моим личным принципам. Ввиду такой вульгарной практики я даже вступил в конфликт с партией в 1932.

Я вступил в партию, когда она, без сомнения, склонила на свою сторону большинство немецкого народа. Эта партия преодолела раскол немецкого народа и привела его к единству после провала великой попытки Брюнинга восстановиться на демократической основе, не из-за сопротивления немецкого народа, а в связи с внешнеполитической оппозицией. После неспособности кабинетов найти опору в народе, назначение Гитлера рейхсканцлером, означало возврат к демократическим принципам. Здесь многое было сказано об этом. Я прошу разрешения привести одно обстоятельство, которое по моим сведениям, здесь ещё не упоминалось и которое имеет определенное значение.

Когда я вступал в НСДАП, мне не верилось, что я на самом деле вступал в партию в подлинном смысле слов, ибо НСДАП не имела партийной теории похожей на те, что развили и взрастили марксистские партии; всех теоретиков партии оспаривали. Теоретические сочинения Готфрида Федера¹⁵³ запрещались. Теоретик Розенберг оспаривался в партии до самого конца. Недостаток теории для партии был настолько велик, что даже просто печатание партийной программы запрещалось в немецких газетах. Немецким газетам даже было запрещено спустя

¹⁵³ Готфрид Федер (1883–1941) Немецкий экономист. Национал — социалистический экономический теоретик. В качестве государственного секретаря министерства экономики входил в первое правительство А.Гитлера. После 1934 отошёл от политики.

несколько лет после 1933 самовольно цитировать какую-либо часть из «Mein Kampf» Гитлера.

В то время, тогда, я не верил в то, что я вступал в узконаправленную партию, а я думал, что присоединяюсь к движению которое сочетало в себе такие контрасты как имелись между Леем и Функом, между Розенбергом и епископом Рейха; движение которое отличалось в выборе своих методов; которое одно время запрещало женский труд, а в другое выступало за такой женский труд. Я верил, я присоединился к подобному движению, потому что одна группа в НСДАП видела во флаге свастики ничего кроме нового сочетания черного, белого и красного цветов, в то время как другая группа видела в этом знамени красный флаг со свастикой. Это факт, что были целые группы из бывшей Германской национальной партии¹⁵⁴ в НСДАП или из бывших коммунистов в НСДАП. Таким образом, я надеялся найти в этом широком движении форум для интеллектуальных дискуссий, которые больше не велись бы с убийственной враждебностью, которая раньше правила в Германии, а которые можно было вести с определенной дисциплиной и преобладание националистических и социалистических концепций.

По этой причине и делая постоянные компромиссы, я отодвигал в сторону собственные желания, собственные сомнения, собственные политические убеждения. Во многих беседах, я советовал своим друзьям делать то же самое, когда они жаловались на то, что им и их интересам не дают подобающего внимания во время нацификации. Я пришёл к убеждению, что миллионы немцев присоединялись к партии только по этой причине и с таким ожиданием. Они думали, они служили хорошей идее. Из чистого идеализма они были готовы пожертвовать всем ради этой идеи, за исключением чести. Между тем, я вынужден был признать, что лидер этой идеи принял жертву этих идеалистов, что он развеял её, и что, кроме того, он запятнал их честь бессмысленным и бесчеловечным убийством, уникальным в истории – убийством, которое не могло быть оправдано никакой военной необходимостью, для которого даже нельзя найти ни одну причину любой военной необходимости.

Фриц: Итак, обвинение обвиняет вас в наличии – и я цитирую: «...принесение установленной присяги безоговорочной верности Гитлеру» в 1933. По какой бы причине вы это не сделали, факт в том, что вы приняли данную присягу правда, не так ли?

Фриче: Да, я также присягал дважды, присягая Веймарской конституции в 1933 и 1938. Позвольте мне кое-что добавить. Моё убеждение заключается в том всегда было и есть в том, что никакая присяга не освобождает человека от общих обязанностей перед гуманизмом. Никого нельзя делать безответственным орудием присяги. Моя присяга никогда бы не заставила меня выполнять приказ, если бы я

¹⁵⁴ Немецкая национальная народная партия — националистическая и консервативная немецкая политическая партия основанная в 1918. Члены партии входили в состав первого правительства А. Гитлера. Распущена в 1933.

понял, что он преступный. Никогда в своей жизни я ничего слепо не соблюдал. По этой причине, я не ссылаюсь ни на какие свои поступки как обязанность выполнять долг.

Фриц: Вы сдержали принятую присягу?

Фриче: Да. От меня не ждали никаких поступков, которые я мог бы считать преступными или нарушавшими писанные или неписанные законы. Более того, я сдержал присягу, которую принял, но не Гитлеру, а немецкому народу.

Фриц: Как долго вы хранили присягу?

Фриче: Я хранил её до конца. Тогда, это правда, я остался в Берлине, в нарушение приказа который мне отдали. Когда Гитлер и его окружение выбрали путь самоубийства или бежали на Запад, по моим сведениям я был единственным высокопоставленным чиновником оставшимся в Берлине. Тогда я собрал вместе сотрудников высших органов Рейха, которых оставили на произвол судьбы, в руинах своего ведомства. Гитлер оставил после себя приказ сражаться. Командующего в Берлине было не найти. Поэтому, как гражданский, я чувствовал обязанность предложить русскому маршалу Жукову¹⁵⁵ капитуляцию. Так как я отправил посланцев, которые перешли линию фронта, явился последний военный адъютант Гитлера – генерал Бургдорф¹⁵⁶ – и пытался застрелить меня, выполняя приказ Гитлера. Вместе с тем, мы капитулировали, хотя это было подписано командиром, которого тем временем нашли. Таким образом, мне кажется, я сдержал свою присягу, присягу которую я взял перед немецким народом в лице Гитлера.

Фриц: Вы занимали должность в партии?

Фриче: Нет.

Фриц: Вы были политическим руководителем?

Фриче: Нет.

Фриц: Вы были в СА или СС или любой другой обвиняемой здесь организации?

Фриче: Нет.

Фриц: Вы когда-либо принимали участие в партийном съезде?

Фриче: Нет.

Фриц: В одном из празднований 9 ноября в Мюнхене?

Фриче: Нет.

Фриц: Тогда, пожалуйста, кратко опишите своё положение и свою работу с 1933 по 1945.

Фриче: Тут, опять, я могу сослаться на свои письменные показания, PS-3469, то есть, остальное в письменных показаниях. Таким образом, я могу снова ограничить себя очень кратким представлением в дополнение к тому, что сказано в письменных

¹⁵⁵ Жуков Георгий Константинович (1896 — 1974) — советский полководец в годы Великой Отечественной войны. Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа», множества других советских и иностранных орденов и медалей. Министр обороны СССР (1955—1957).

¹⁵⁶ Вильгельм Бургдорф (1895 — 1945) — немецкий офицер, генерал пехоты. Главный адъютант А. Гитлера в 1944-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

показаниях.

При захвате власти национал-социализмом, я оставался там, где был раньше, главным редактором «*Drahtloser Dienst*¹⁵⁷». Так называлась германская служба радионовостей. Я занимал эту должность ещё 5 лет.

В мае 1933 эта радиослужба, которая являлась частью Радиокompании Рейха, была присоединена к отделу прессы министерства пропаганды. Так как я был специалистом в службе журналистских новостей, вскоре мне поручили агентства новостей, сначала небольшие такие как «*Transocean*¹⁵⁸» и «*Europapress*¹⁵⁹» или «*Eildienst*¹⁶⁰». Позднее мне было доверено крупное «*Deutsches Nachrichtenburo*¹⁶¹».

Тогда, я не имел полномочий отдавать приказы агентствам, так как я всё же был сотрудником министерства, и при этом не чиновником. Я также не имел никакого права определять содержание новостей. Я имел только организационный надзор, но мне кажется, что мой совет тогда уважали. В те дни я также давал другие советы журналистского характера. Затем в декабре 1938 я стал начальником отдела германской прессы. Я стал министриальдиректором. Будучи чиновником я всё ещё ощущал себя журналистом, которым я был десятилетия. Я продолжал руководить отделом германской прессы до весны 1942.

Тогда я не согласился, среди прочего, с приукрашенными докладами прессы моего вышестоящего начальника, начальника управления прессы Рейха доктора Дитриха¹⁶². По этой причине я стал солдатом и пошёл на Восточный фронт. Осенью 1942 меня вернул обратно доктор Геббельс. Доктор Геббельс одобрил мою предыдущую критику, о которой он знал. Он предложил мне руководство радиоотделом своего министерства. Я ответил, что смогу вернуться в министерство пропаганды только если у меня будет уверенность в том, что завершение войны будет достигнуто политическими средствами и что не будут стремиться к тотальной военной победе, которую с первого дня войны я считал невозможной. Тогда я буквально сказал доктору Геббельсу: «Я не собираюсь принимать участие как пропагандист в борьбе за самоуничтожение подобной борьбе готов на горе Везувий¹⁶³».

Доктор Геббельс ответил, что Гитлер и он тоже, искали прекращения войны дипломатическими средствами на основании достижения некого рода

¹⁵⁷ Акционерное общество «Радиослужба» - служба радионовостей Германии в 1923-1932 при рейхсминистерстве внутренних дел.

¹⁵⁸ «Трансокеанская служба новостей» — немецкая телеграфная служба новостей, существовала с 1914 по 1945.

¹⁵⁹ «Европресса» (нем.)

¹⁶⁰ «Эспресс-служба» (нем.)

¹⁶¹ «Германское информационное агентство» (нем.) — германский информационный концерн существовавший в 1934 — 1945.

¹⁶² Отто Дитрих (1897 — 1952) государственный и партийный деятель партийный и государственный деятель нацистской Германии, рейхсляйтер, пресс-секретарь НСДАП, шеф прессы НСДАП, пресс-секретарь правительства Рейха, государственный секретарь министерства народного просвещения и пропаганды Рейха. Американским трибуналом был осужден к 7 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

¹⁶³ Битва при Везувии или битва на «Молочной горе» — последняя битва византийско-готских войн, состоявшаяся в октябре 552 года.

договоренности. Он пообещал мне, что он сообщит мне если он заметит, что фюрер изменил эти намерения. Доктор Геббельс повторял это обещание с интервалом в несколько месяцев до конца войны и каждый раз повторяя это, он всегда приводил мне обоснованные указания на прогресс политических усилий в тот момент. Сегодня я ощущаю, что он нарушил своё обещание.

Что же, тогда я принял радиоотдел министерства пропаганды, и стал министриальдиректором.

Фриц: Такими были ваши официальные должности. Но они были менее известны публике. Лучше известны ваши речи по радио. Что насчёт них?

Фриче: С 1932 я выступал раз в неделю, 10-15 минут, на некоторых германских станциях и по «Deutschlandsender¹⁶⁴». В начале войны я выступал ежедневно на всех станциях, мне кажется 3 или 4 месяца. Затем я выступал три раза в неделю, затем дважды в неделю, и наконец, опять раз в неделю. Сначала данные речи по радио являлись обзором газетных статей, то есть, собранием цитат из местных и зарубежных газет. Однако после начала войны, эти выступления, конечно, стали полемическими на основе по большей части иностранных газет и зарубежных радиостанций.

Фриц: Ваши выступления имели официальный характер? Обвинение говорит, что они, конечно же, находились под контролем министерства пропаганды.

Фриче: В такой форме это неправильно. Речи не являлись официальными. Вначале они являлись чисто личными соображениями. Конечно, я не мог предотвратить, так как шло время, того, чтобы частные речи человека занимавшего должность в министерстве пропаганды больше не рассматривались как личные, но полуофициальными.

Фриц: Вы только, что сказали «личные соображения», которые позднее считали «полуофициальными». Чтобы внести ясность я спрашиваю, можно было критиковать эти выступления или за это арестовывали?

Фриче: Критика не только позволялась, но и была на самом деле. У меня была обширная переписка с моими критиками, хотя и теми, кто подписывался своим именем. Также были, конечно, анонимные критики, но я могу добавить, что анонимные критики имели только общие жалобы.

После начала войны южногерманское управление прокуратуры и позднее министерство юстиции, предлагали определенную защиту моим публикациям, видимо признавая, что они были полуофициальными. Мне предложили выступать соистцом в возможных делах о клевете. Я категорически отказался, сказав, как я часто делал в частном порядке и публично, что людям нужно позволять о чем-нибудь ворчать. Если им запрещалось критиковать государство и правительство, тогда им хотя бы должны были разрешать критиковать прессу, радио и меня.

Фриц: Как вы готовили эти речи? Они заранее излагались в письменном виде и

¹⁶⁴ «Радио Германии» (нем.) - система радиовещательных станций в Германии с 1926 по 1993.

подвергались цензуре?

Фриче: Я всегда отказывался позволять их предварительно цензурировать. Материал собирался достаточно аккуратно. Он хранился в так называемом «Archiv-Schnelldienst¹⁶⁵» о котором заявили ходатайство одобренное трибуналом, чтобы доставить его сюда, но не смогли найти.

Материал состоял из газетных вырезок, докладов новостных агентств и докладов зарубежного вещания. Изучением сомнительных вопросов занимался специальный сотрудник. Черновой проект выступления затем надиктовывался и затем свободно произносился. Поэтому данная процедура отличалась от написания статьи, каждую фразу не надо было полировать, потому что в газетном номере каждое слово на весу, в то время как в выступлении больше является решающим общее впечатление.

Фриц: Итак, вы работали в министерстве пропаганды, доктор Геббельс был министром. Его имя часто упоминалось здесь в связи с его разными постами как министра пропаганды, руководителя пропаганды НСДАП, делегата по тотальной войне и гауляйтера Берлина. В каких из этих качеств вы имели дело с доктором Геббельсом?

Фриче: Исключительно как с министром пропаганды.

Фриц: Вы были там его представителем?

Фриче: Нет. В последние 2 ½ года я был его уполномоченным по радиовещанию и дополнительно главой одного из 12 управлений его министерства. Представителями доктора Геббельса были его государственные секретари. Самым последним был доктор Науманн¹⁶⁶, который был один день его преемником.

Фриц: Доктор Геббельс был вашим единственным и непосредственным вышестоящим начальником?

Фриче: Нет. Между ним и мной было сначала много ведомств, а потом все же несколько. Впервые здесь на скамье подсудимых, я без официального начальства.

Фриц: Кстати, кого из подсудимых вы знали или с кем вы имели официальные или личные отношения?

Фриче: У меня было две или три официальных беседы, вскоре после 1933, с Функом, который тогда был государственным секретарём в министерстве пропаганды, в основном по экономическим и организационным вопросам. Я обсуждал с ним финансовые планы реорганизации службы новостей.

Затем, я однажды беседовал с гросс-адмиралом Дёницем по техническому вопросу. Я звонил Зейсс-Инкварту в Гаагу, и Папену в Стамбул. Я знал всех остальных только мельком и впервые познакомился с ними лично во время процесса.

¹⁶⁵ «Архив оперативной службы» (нем.)

¹⁶⁶ Вернер Науман (1909 — 1982) — государственный деятель Германии, журналист, бригадефюрер СС. Государственный секретарь министерства пропаганды и народного просвещения в 1944-1945.

Фриц: Что насчёт Гитлера?

Фриче: Я никогда с ним не беседовал. Однако, в ходе 12 лет, я конечно видел его, несколько раз в Рейхстаге по крупным поводам или приёмам. Однажды я был в его штаб-квартире и был приглашён на ужин вместе с большим количеством людей. Иначе, я получал указания от Гитлера только через доктора Дитриха или его представителя или через доктора Геббельса и его различных представителей.

Фриц: Какими были ваши отношения с доктором Геббельсом? Вы находились с ним в дружеских отношениях? Вы часто с ним встречались?

Фриче: Никак нельзя сказать, что мы были друзья. Отношения строились на официальной основе, сдержанной и в определенной степени формальной. Лично я бывал с ним даже реже чем другие помощники доктора Геббельса моего ранга. Но казалось, я замечал, что он обращался со мной с большим уважением, чем с остальными своими сотрудниками. В такой мере, я занимал, некое особое положение. Я ценил интеллигентность доктора Геббельса и его способность, по крайней мере, иногда, менять собственное мнение в пользу более хорошей аргументации. Я видел его приблизительно дважды в год первые 5 лет. Когда я был главой управления я видел его возможно раз в месяц. После начала войны я видел его ежедневно в ходе совещания с 30-50 сотрудниками; дополнительно, раз в неделю у меня было с ним совещание по специальным темам.

Фриц: Теперь мы переходим к теме пропаганды. Вы можете обрисовать систему пропаганды в Третьем Рейхе?

Фриче: Я постараюсь. Было три типа пропаганды. Первым была неорганизованная агитация радикальных фанатиков в партии. Она присутствовала во всех сферах, в сферах религии, расовой политики, искусстве, общей политике и ведении войны. Со временем Мартин Борман все больше и больше становился лидером такой неорганизованной агитации.

Вторым типом пропаганды было управление пропаганды НСДАП. Его главой был доктор Геббельс. Оно пыталось поставить агитацию радикалов на более презентабельную основу.

Третьим типом была государственная организация рейхсминистерства пропаганды.

Фриц: Обвинение вначале утверждало, что вы также были главой радиоотдела управления пропаганды НСДАП. Что насчёт этого?

Фриче: Обвинение отозвало это утверждение. Оно сказала, что не имело никаких доказательств. Было бы корректнее сказать, что это утверждение оказалось ложным. Я ссылаюсь на свои письменные показания PS-3469, пункт 37. Там я говорю, что я не был — насколько мне известно в отличие от всех моих предшественников — главой радиоотдела министерства и одновременно главой радиоотдела партии. Сегодня я дополняю это заявление говоря о том, что я вообще не занимал никакой должности в партии.

Фриц: Вас обвиняют в оказании помощи доктору Геббельсу в погружении мира в кровавую баню агрессивной войны. Это правда? Доктор Геббельс, когда-либо говорил с вами об агрессивных планах?

Фриче: Нет, я никогда не слышал ни о каком намерении вести агрессивные войны, ни от доктора Геббельса ни от кого-либо другого.

Фриц: В ходе данного процесса упоминались некоторые совещания на которых, как говорили, обсуждались различные агрессивные планы; например, перед нападением на Чехословакию, перед нападением на Польшу и Норвегию, и Россию. Вы принимали участие в этих совещаниях? Вы слышали о них?

Фриче: Я не принимал участия ни в одном из этих совещаний. Я услышал о них впервые здесь в этом зале суда.

Фриц: Итак, в случае если никакие планы нападения не обсуждались на этих совещаниях, были какие-нибудь разговоры о войне или возможности войны?

Фриче: Нет, но опасность войны упоминалась уже в 1933 – опасность войны ввиду одностороннего разоружения одного государства среди других государств, которые были сильно вооружены. Такую диспропорцию между вооружением и не вооружением нужно было считать заманчивой для нападения.

Германская пропаганда после 1933 подчёркивала это соображение и это предположение как одну из основных причин, во-первых, требовать разоружения от других держав и потом германское требование равенства в вооружении. Мне это казалось полностью логичным. Но никогда не говорили об угрозе войны, одновременно не делая ссылку на немецкое желание мира. Это мне казалось честным.

Летом 1939, когда угроза войны становилась все более и более неминуемой, я встречал доктора Геббельса чаще, чем когда-либо раньше. Я вручил доктору Геббельсу ряд небольших меморандумов в качестве, так сказать, вклада моей области работы, службы новостей. Они были анализом общественного мнения в западных странах, и они постоянно указывали на то, что Англия решилась воевать в случае конфликта с Польшей. Я припоминаю, что доктор Геббельс был глубоко впечатлён, когда я однажды вручил ему один из таких меморандумов. Он выразил свою озабоченность и немедленно решил лететь к Гитлеру. Он сказал мне буквально: «Поверьте мне, мы бы не работали успешно 6 лет, чтобы теперь рисковать всем ради войны».

Кроме того, летом 1939, я знал о некоторых серьезных брешах в германском вооружении, которые уже отчасти упоминались здесь в зале суда. Поэтому я был убеждён в честности мирных намерений политики Гитлера.

Если во время процесса предъявлены документы которые указывают на то, что Гитлер тайно думал по-другому или поступал иначе, тогда я не могу сформировать суждение, поскольку документы противоположной стороны пока не опубликованы. Но будь это так, как говорят предъявленные здесь документы, я

должен сказать, что я был обманут целями германской политики.

Фриц: Господин председатель, в начале своего дела я заявил о том, что мы не смогли предоставить здесь выступления по радио подсудимого Фриче. Я пытался получить их от германских радиостанций и смог получить по крайней мере небольшую часть за 1939 и 1940 годы. Я отобрал несколько из этих выступлений, которые я хотел бы предъявить трибуналу как экземпляр номер Фриче-1.

В поддержку только, что сказанного подсудимым, я бы хотел процитировать лишь одну фразу из выступления Фриче по радио 15 ноября 1939:

«Единственная причина войны, которая вообще может быть у нации, которая в целом никогда не жаждет войны, - единственная причина войны которая также морально оправдана - угроза существованию, жизни этой нации».

И такой линии подчёркнутой подсудимым Фриче в начале войны, он придерживался также и во время войны. Как доказательство этого, я бы хотел процитировать ещё один отрывок из этого же самого документа, из выступления Фриче по радио 23 июля 1940:

«Мы, немцы, испытали в ходе своей истории, и особенно 30 лет назад, довольно крови и слёз и смерти, чтобы теперь честно смотреть на вещи. Мы знали, что значит война и поэтому мы не хотели войны. И точно также зная это и ощутив это на себе, фюрер 6 октября и 19 июля предлагал заключить мир».

Вы каким-либо образом имели какое-нибудь отношение к военным приготовлениям интеллектуального и организационного характера?

Фриче: Не прямо, а, наверное, косвенно. Я требовал разоружения остальных, и затем равенства в вооружениях, и я выступал за милитаризацию немецкого народа. Выражение «милитаризация» можно неправильно понять, во всяком случае, легко неправильно перевести. Я бы хотел четко определить это как способность к самообороне. Немецкому народу снова и снова обещали, часто в моём лице, что восстановление военного суверенитета будет предназначено только для оборонительных целей.

Фриц: Как и где вы пропагандировали эту идею?

Фриче: В скромной области своих выступлений по радио, делая обычные ремарки. Я был патриотом, но я ощущал себя свободным от шовинизма, то есть, преувеличенного национализма. Мне, как историку, уже тогда было ясно, что особенно в узких рамках Европы, старый национализм был анахронизмом, и что он был несовместим с современными коммуникациями и вооружениями. Тогда мне казалось, я видел в доктрине Гитлера также определенные элементы нового типа взаимопонимания между народами. В частности постоянно повторялся тезис, что только национализм одного народа может понять национализм другого народа.

Лишь сегодня я понял идеологически — но в частности, конечно

материально – в результате дальнейшего развития вооружений, что время национализма в прошлом, если человечество не хочет совершить самоубийство, и что настал период интернационализма, хорошего или плохого.

Однако, тогда, национализм не считался преступлением. Каждый выступал за него. Можно видеть, что за него также выступают и сегодня, и я тоже выступал за него.

Фриц: Итак, обвинение отмечает, что перед каждым нападением в Германии запускали кампанию в прессе, цель которой заключалась в том, чтобы ослабить жертву запланированного нападения и психологически подготовить немецкий народ к новой акции. При том, что обвинение сказав об этом пока не ссылалось лично на вас и даже при том, что в отношении вас не предъявлено никакое прямое обвинение в организации этих кампаний прессы, вместе с тем обвинение очень сильно подчеркивает вашу связь с данной практикой.

Итак, какие факты вам есть высказать о вашей роли в этой журналистской полемике?

Фриче: Во-первых, я могу лишь отметить, что я описал пропагандистские акции в своих письменных показаниях, документе номер PS-3469, пункты 23-33, начиная с оккупации Рейнланда до нападения на Советский Союз. Эти описания также содержат информацию о типе и степени моего участия в этих акциях. Кроме того, я могу подчеркнуть, что в описании, сделанном в моих письменных показаниях, отсутствует какая-либо ссылка на вопрос о праве в каждом случае. Все попытки политического оправдания недостаточны. Я бы хотел прямо подчеркнуть, что в каждом случае, в каждой акции, мне казалось, я представлял хорошую и справедливую идею. Это бы завело нас слишком далеко если бы мне пришлось объяснять здесь каждый случай, постольку поскольку здесь много обсуждали эти случаи. Я полагаю, или даже надеюсь, что обвинение задаст вопросы о данном предмете, ибо я утверждаю, что, каковы бы не были факты в отдельных случаях, в каждый момент с аншлюса Австрии до нападения на Россию информация которую предоставляли мне и через меня немецкой публике не оставляла никакого сомнения в законности или срочной необходимости немецкой акции; и я, как единственный выживший осведомитель немецкой публики, считаю своим долгом быть доступным здесь для любого расследования корректности моего заявления, которое особенно важно для немецкой публики.

Фриц: Указаны некоторые газетные заголовки в ваших письменных показаниях, которые считают типичными для разных состояний напряженности перед отдельной акцией. Что вы на это скажете?

Фриче: Заголовки без исключения взяты из «Volkischer Beobachter». Эти заголовки мне предъявляли и конечно, я должен подтвердить их правоту; но я могу подчеркнуть, что «Volkischer Beobachter» не являлся типичным результатом моей политики прессы. «Volkischer Beobachter» в целом имел собственные прямые

контакты с штаб-квартирами и Гитлером. Типичными продуктами моей политики прессы были такие газеты как «Deutsche Allgemeine Zeitung¹⁶⁷», «Munchener Neueste Nachrichten¹⁶⁸» и «Hamburger Fremdenblatt», называя лишь некоторые из них.

Фриц: Однако обвинение считает, что вы также подстрекали к войне своей внутренней пропагандой постольку, поскольку вы пытались возбудить враждебность в немецком народе к другим народам Европы и мира. В судебном обзоре капитана Шпрехера сказано, например, что такие термины как «антагонизм против народов Советского Союза» и «атмосфера бесчувственности и ненависти» создавались вами или что вы подстрекали немцев слепо ненавидеть. Вы делали это?

Фриче: Нет, я этого не делал. Я никогда не пытался возбуждать ненависть к англичанам, французам, американцам или русским, и т.д. Нет ни одного слова такого типа в наверное тысяче выступлений с которыми я выступил у микрофона. Я выступал сугубо против правительств, членах правительств, правительственных системах, но я никогда не проповедовал ненависть в целом и не пытался пробуждать её косвенно как в случае — и я прошу прощения за пример из зала суда — в момент, когда здесь был показывали фильм и были сказаны слова: «Здесь вы видите немцев смеющихся над повешенными югославами». Я никогда не пытался пробудить ненависть в такой общей форме и могу отметить, что на протяжении лет многие антинационал-социалистические заявления определенных стран, который тогда ещё были нейтральными оставались без ответа.

Фриц: Ваши вышестоящие начальники требовали, чтобы вы накладывали на свою пропаганду печать антагонизма или побуждали ненависть?

Фриче: Да, так часто случалось, но не требовалось, чтобы антагонизм или ненависть следовало направлять на народы. Это прямо запрещалось, потому что мы хотели склонить эти народы на свою сторону, но снова и снова меня просили возбуждать ненависть, против отдельных лиц и против систем.

Фриц: Кто просил вас делать это?

Фриче: Доктор Геббельс, доктор Дитрих, и часто оба по прямым приказам Адольфа Гитлера. Постоянно упрекали в том, что германская пресса и германское радио вообще не возбуждали ненависть к Рузвельту¹⁶⁹, Черчиллю¹⁷⁰ или Сталину¹⁷¹, но, что она сделала эти три личности известными как умелых людей. По этой причине,

¹⁶⁷ Deutsche Allgemeine Zeitung (DAZ, «Немецкая всеобщая газета») — газета на немецком языке, издававшаяся в Берлине в 1861—1945 годах. До 1918 года называлась Norddeutsche Allgemeine Zeitung («Северонемецкая всеобщая газета»). Придерживалась правой националистической ориентации в период Веймарской республики, содействуя возвышению нацизма.

¹⁶⁸ «Ежедневная газета Мюнхена» - крупнейшая южногерманская газета в период с 1848 по 1945.

¹⁶⁹ Франклин Делано Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США в 1933-1945.

¹⁷⁰ Уинстон Черчилль (1874 — 1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах; военный (полковник), журналист, писатель, почётный член Британской академии (1952), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

¹⁷¹ Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия — Джугашвили 1879 — 1953) — российский революционер грузинского происхождения, советский политический, государственный, военный и партийный деятель, Генералиссимус Советского Союза (1945). С конца 1920-х — начала 1930-х годов до своей смерти в 1953 году Сталин был лидером Советского государства.

немецкой прессе годы было запрещено называть эти три имени если только в отдельном случае, не давалось разрешение с точными инструкциями.

Фриц: Вы хотите сказать, что вы отказали в просьбе изменить свою пропаганду, чтобы подстрекать антагонизм и возбуждать ненависть и не делали этого?

Фриче: Я бы хотел очертить то, что я делал. Когда накапливались упреки доктора Геббельса и доктора Дитриха, я собирал все карикатуры Первой и Второй мировой войны – из Англии, Соединенных Штатов Америки, Франции и немного из России. Дополнительно, я собирал все фильмы с антигерманской пропагандой до которых мог добраться. Затем на пяти или шести показах по несколько часов каждый, я представлял эти карикатуры и эти фильмы немецким журналистам и немецким радиоведущим. Лично я выступал для введения только 2 или 3 минуты. Вполне возможно, что я создавал ненависть в результате таких показов, но я бы хотел оставить суждение о таком средстве создания ненависти в разгар войны трибуналу. В любом случае, доктор Геббельс позднее говорил, что он был неудовлетворён и мы «растяпы».

Я могу добавить одно заявление. Я бы имел средства исполнения своих приказов о возбуждении ненависти, то есть, не одно средство, а целую группу методов, то это было бы, приводя только один пример, немецкое издание последних двух томов серии «Тарзан¹⁷²», приключенческой серии, которая тогда была очень популярной в Германии, и которая в двух последних томах были сильно антигерманской. Мне не нужно это описывать здесь. Я никогда не указывал на такие ранние продукты антигерманской пропаганды. Я всегда осознанно игнорировал подобные методы.

Фриц: Если вы говорите, что вы опускали ненависть и антагонизм в своей пропаганде, какие средства вы использовали в своей пропаганде во время войны?

Фриче: Во время войны я вёл пропаганду почти исключительно с концепцией необходимости и обязанности сражаться. Я постоянно очень мрачно приукрашивал результаты поражения и систематически приводил цитаты из прессы и радио стран противника. Я постоянно цитировал вражеские требования безоговорочной капитуляции. Я часто использовал выражение «сверх Версаль» и – я подчёркиваю это – описывал последствия проигранной войны очень пессимистично. Сегодня не следует проводить сравнение с реальностью.

Фриц: Но вы не могли не знать из передач противника, что борьба союзников не была направлена против немецкого народа, но лишь против его руководства? Вы скрывали это от немецкого народа?

Фриче: Напротив, я не скрывал это, но постоянно цитировал это. Однако, я называл это «невероятным». Например, я однажды использовал приём цитирования

---

¹⁷² Тарзан — вымышленный персонаж, созданный писателем Эдгаром Райсом Берроузом и впервые появившийся в книге «Тарзан, приёмный обезьян» (англ. Tarzan of the Apes). Журнальная публикация романа состоялась в 1912 году, в 1914 г. он вышел отдельной книгой, за которой последовало двадцать три продолжения.

средневековой формулировки объявления войны, в которой уже говорилось о том, что война была объявлена только королю Францию, но что ею хотели принести свободу французскому народу.

Председатель: Было бы удобное время прерваться?

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 27 июня 1946]

День сто шестьдесят пятый

Четверг, 27 июня 1946

Утреннее заседание

[Подсудимый Фриче вернулся на место свидетеля]

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что подсудимый фон Риббентроп отсутствует.

Фриц: Господин председатель, уважаемый суд, сначала очень короткое пояснение: вчера я постоянно упоминал обвинительное заключение и намерен делать так в ходе допроса. Соответственно я имею в виду представление дела Фриче капитаном Шпрехером на утреннем заседании 23 января 1946.

Господин Фриче, вчера вы говорили о своих выступлениях по радио по поводу союзнической пропаганды – мой последний вопрос: своей пропагандой вы пытались расколоть фронт союзников?

Фриче: Конечно, я пытался сделать это. Я прорабатывал все идеологические и все практические контрасты или разногласия между отдельными союзными нациями. Я считал это допустимым методом ведения войны. Тогда я хотел раскола между союзниками точно также, как сегодня хочу их единства, поскольку Германия будет первой жертвой любого конфликта.

Фриц: Итак, вас обвиняют в содействии установления нацистского контроля над Германией. Вы агитировали против демократии?

Фриче: Я никогда не агитировал против демократии как таковой. Я атаковал демократию 36 партий, демократию, которая раньше преобладала в Германии, демократию при которой, например, даже сильные группы, такие как марксистские партии, были беспомощными. Я критиковал зарубежную демократию лишь по двум пунктам: во-первых, элементы которые ограничивали основную концепцию демократии – кажется это лишнее и вероятно будет неправильно сегодня перечислять их. Во-вторых, я критиковал требования зарубежных демократий навязать нам свою форму правления. По моим сведениям и информации в то время, это мне казалось неоправданным.

Фриц: Что же, вы считали диктатуру более лучшей формой правительства?

Фриче: Я бы хотел подчеркнуть, что тогда, в существовавших условиях и лишь на временный чрезвычайный период, я так считал; сегодня, конечно, нет. После тоталитарной формы правительства приведшей к катастрофе убийства 6 миллионов,

я считаю такую форму правления ошибкой в чрезвычайные времена. Мне кажется любого рода демократический контроль, даже ограниченный демократический контроль, сделал бы такую катастрофу невозможной.

Фриц: Кроме того вас обвиняют в распространении доктрины «высшей расы». Обвинение косвенно вменяет вам это. Что насчёт этого?

Фриче: Я никогда не создавал и не озвучивал теорию «высшей расы». Я даже избегал этот термин. Я прямо запретил использовать этот термин немецкой прессе и немецкому радио, когда я был ответственным за то и другое. Мне кажется, что термин «высшая раса» играл большую роль в антинационал-социалистической пропаганде, нежели в самой Германии. Я не знаю, кто придумал этот термин. По моим сведениям, публично это упоминалось только людьми подобными доктору Лею, ибо например, людьми – и я должен объяснить это прямо и откровенно – который никто не принимал всерьёз в связи с этим. Однако, правда, что этот термин играл большую роль, не выражаясь открыто, среди СС ввиду их расовой исключительности, но интеллигентные люди, с тактом и проницанием, и с некоторыми сведениями о мире, очень аккуратно избегали использования этого слова.

Фриц: Господин председатель, пользуясь этой возможностью, я бы хотел приобщить трибуналу письменные показания доктора Шарпинга¹⁷³ от 17 мая 1946. Доктор Шарпинг до конца был правительственным советником в министерстве пропаганды. Из этих письменных показаний я сейчас процитирую лишь одну фразу со страницы 13. Я цитирую:

«В связи с этим можно объяснить то, что Фриче всегда возражал термину «высшая раса». Он даже прямо запретил использование этого слова по радио».

[*Обращаясь к подсудимому*] Но обвинение цитировало отрывок в одной из ваших речей по радио, чтобы доказать это утверждение.

Фриче: Цитата верная, но я прошу просто её внимательно прочитать. Термин «высшая раса» отвергался в этой цитате для еврейского и немецкого народа. Цитату нельзя понимать неправильно.

Фриц: Господин председатель, это в выступлении капитана Шпрехера от обвинения, английский текст, страницы 31 и 32.

[*Обращаясь к подсудимому*] Но вы вели пропаганду не только в Германии, но также за рубежом. В чём была разница?

Фриче: В моих выступлениях по радио, не было никакой разницы. До начала войны я делал небольшую разницу в выступлениях для Германии и для других стран просто потому, что аудитория была разной, и потому что я должен был предполагать другой уровень знаний. Во время войны мои выступления на

¹⁷³ Карл Шарпинг (1908 – 1969) – немецкий журналист. В 1939 – 1945 сотрудник министерства пропаганды и народного просвещения Рейха.

немецком радио просто передавали коротковолновые станции. То, что говорилось для Германии или для других стран могли контролировать обе стороны. Больше того, за 12 лет в течение которых я выступал по германскому радио, я никогда не позволял переводить свои речи, поскольку это всегда включало разницу в акцентах. Можно было переводить письменные статьи, вероятно, также официальные выступления, но не довольно лёгкие и полуимпровизированные разговоры.

Фриц: Ваше передачи за рубеж подвергали критике в мире?

Фриче: Да, очень часто. Во время войны часто была ежедневная критика от той или иной страны. Я собирал эту критику. Я просил её в качестве документов, но в моём ходатайстве суд отказал. Насколько мне известно, меня не обвиняли в подстрекательстве к войне в этой критике.

Фриц: Итак, вы выступали не только как рупор пропаганды, но также как её организатор. Вас обвиняют в оказании помощи в создании важного инструмента для предполагаемого заговора. Обвинение говорит, что 13 лет вы помогали в создании машины пропаганды, который так пригодились заговору. Вы создали организацию прессы национал-социалистического государства?

Фриче: Нет, я не создал эту организацию и не принимал никакого участия в её создании. Она была создана доктором Геббельсом, доктором Дитрихом и рейхслайтером Амманом¹⁷⁴. Когда, зимой 1938, я стал главой так называемого отдела германской прессы, я попытался ослабить рамки наложенные на германскую прессу. Я предпринимал это в материальной и кадровой области. Например, я позвал обратно на работу в прессу сотни редакторов из других партий, которых уволили в 1933 и 1934. Сегодня они будут злиться на меня. Тогда я имел самые лучшие намерения. В дополнение к официальным пресс-конференциям, которые очень строго контролировали, также, что касалось их протоколирования, моими начальниками, я также готовил так называемые дополнительные конференции на которых я встречался с представителями 50 или 60 самых важных газет и более свободно обсуждал возможности их работы. Я придумал лозунг, который часто использовали здесь: «Вы можете писать в германских газетах любую критику какую хотите при условии, что такую критику не будут показывать на крупных заголовках, а она будет закопана где-то в тексте в элегантной форме». Очень многие немецкие журналисты пользовались такой возможностью прошлые 12 лет. Я был бы рад если бы эта работа, которая являлась скрытой работой, получила бы сегодня какие-то почести в интересах тех людей которые, отчасти, вернулись в свою профессию как журналисты только из личного доверия ко мне. Конечно, я должен добавить, что возможность критики не была неограниченной.

Фриц: Господин председатель, по этому поводу, с одобрения обвинения, я

---

¹⁷⁴ Макс Аманн (1891 — 1957) — партийный деятель НСДАП, руководитель печати Рейха, рейхслайтер (2 июня 1933 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года). Немецким судом был приговорён к 10 годам трудового лагеря

предъявляю трибуналу документ как документ номер Фриче-4. Это отрывок из письма немецкого генерал-лейтенанта Диттмара¹⁷⁵, который часто комментировал военную обстановку по германскому радио во время войны и который находится в британском плену. Хорошо известный английский радиокomentатор господин Лиддел-Гарт¹⁷⁶, направил отрывок из письма британскому обвинению. Я бы хотел кратко процитировать данный меморандум, который мне направили. Могу я процитировать этот отрывок?

Председатель: Да, можете.

Фриц: Диттмар пишет, что возможность сохранять критическое отношение в его радиокomentариях была в основном ввиду молчаливого одобрения и защиты Ганса Фриче, директора политического радио. Он верит в то, что Фриче был тайным противником режима, что он был рад возможности найти комментатора, который благоразумно выражал идеи, которые сочетались с его собственными и которые подспудно уменьшали доверие к режиму.

После этой цитаты, есть ещё одна цитата из письменных показаний доктора Шарпинга, которые я уже предъявил как документ номер Фриче-2. Это на странице 11 этих письменных показаний. Я цитирую:

«Деятели радио и журналисты довольно хорошо знали о терпимости Фриче. Постоянно случалось, что, например, Фриче на своём совещании держал в руке копию из «*Volkischer Beobachter*» и иронично комментировал антиеврейскую статью. Я вспоминаю, как однажды он высказал свою критику такими словами:

«Берлинская газета» - тогда он взял в руки «*Volkischer Beobachter*» для того, чтобы каждый мог её видеть» - снова, в редакционной статье допустила больше двух глупостей. Вероятно, издатель уже нажал на нужную струну.

С такими ироничными замечаниями Фриче всегда имел одобрение слушателей, но для него была и определенная опасность, ибо Геббельс ежедневно читал протоколы этих пресс-конференций».

Господин Фриче, после заявления генерал-лейтенанта Диттмара, один вопрос: лично вы ощущали себя противником системы или как генерал Диттмар пришёл к такому заявлению?

Фриче: Я не был противником системы. Было бы смешно и низко пытаться утверждать это сегодня. Но я был явным оппонентом всякого злоупотребления системы. Самое очевидное, что я замечал больше всего, потому что это была моя

¹⁷⁵ Курт Диттмар (1891 – 1959) – немецкий генерал. Официальный комментатор Вермахта в 1941-1945.

¹⁷⁶ Бэзил Лиддел-Гарт (1895 — 1970) — английский военный историк и теоретик, оказавший большое влияние на развитие механизированной войны в XX веке, а также на теорию стратегии в целом.

область работы, было обеление новостей во время войны. Цель всей моей новостной политики заключалась в реализме, и видимо это имеет в виду генерал Диттмар в той части своего заявления, которую здесь прочитали.

Я встретил генерала Диттмара в декабре 1942 или январе 1943, в тот момент, когда германская 6-я армия под Сталинградом уже была окружена, но когда этот факт все ещё скрывали от немецкого народа. Вместе с генералом Диттмаром, перед лицом запрета, я публично объявил о том, что 6-я армия окружена под Сталинградом. Тогда это вызвало сенсацию.

В следующие месяцы и годы я всегда защищал генерала Диттмара и его реалистическое представление военной обстановки от всех нападков, особенно нападков партии, но также от нападков министерства иностранных дел, которое непрерывно отмечало, что эти печальные презентации Диттмара имели плохое влияние на союзников Германии.

В связи с этой борьбой за реалистическую службу новостей, позже – и я прошу разрешения коротко это упомянуть – я вёл отчаянную борьбу против безответственной пропаганды чудо-оружия. Только год спустя после того доктор Геббельс упомянул будущее чудо-оружие, я впервые упомянул новый тип вооружения. Шпеер упоминал штандартенфюрера СС Берга, который как говорилось, вёл секретную пропаганду чудо-оружия в связи с министерством пропаганды. Он написал статью в «Das Reich»¹⁷⁷ которая привлекла много внимания, с сенсационным и самым многообещающим заголовком «Мы носители секретов». Я был вынужден бороться с такими вещами.

Ещё один поразительный пример был таким: ещё другой член СС, Гернау, написал, в момент успеха вторжения, статью, в которой он представлял ситуацию так, как если бы эвакуация из Франции была секретной уловкой германского командования, которая предоставляет возможность особенно сильного контрудара. Я запретил эту статью в своей области и постоянно возражал безответственным слухам, которые в тайне распространялись о загадочном оружии. Я сделал так публично, и я прямо заявил о своей точке зрения по радио против такой пропаганды.

С другой стороны я могу отметить, что в каждый момент войны мои вышестоящие начальники всегда давали мне хорошо обоснованные обещания, сначала о каком-то военном наступлении, которое почти готово; например, удар из Восточной Пруссии на юг, удар из Верхней Силезии к Висле, удар из Эльзаса на север, и тому подобное. Рука об руку с этими обещаниями, которые были подробными, были политические обещания, которые кратко упоминались вчера, то есть, описания даваемые доктором Геббельсом о том, что шли внешнеполитические переговоры с противником с той или другой стороны.

Фриц: Ещё один вопрос: Кто был ответственным за политику прессы?

¹⁷⁷ «Рейх» (Das Reich) — немецкая еженедельная газета, издавалась с 1940. В газете в том числе печатались редакторские статьи Й. Геббельса. Освещала широкий круг общественно-политических вопросов.

Фриче: Начальник управления прессы Рейха, доктор Дитрих. Он давал очень конкретные указания, по большей части с точной формулировкой, так называемый «лозунг начальника управления прессы Рейха»

В целом он даже давал формулировку комментариев, которое должны были добавлять на пресс-конференции.

По большей части доктор Дитрих находился в штаб-квартире фюрера и получал указания напрямую от Гитлера. Представителями доктора Дитриха были Зюндерман¹⁷⁸ и Лоренц¹⁷⁹. Вторым решающим фактором для германской прессы был рейхслайтер Амман, который являлся главой организации издателей. Третьим фактором был доктор Геббельс как министр пропаганды. Дитрих и Амман номинально подчинялись ему, на самом деле, оба имели такую же власть, как и он, и я всегда вынужден был сглаживать разногласия или координировать эти три власти.

Фриц: Вы создали организацию журналистской новостной службы?

Фриче: Да, я создал эту организацию. В принципе, это исходило от меня. Я могу сослаться на свои письменные показания PS-3469, пункт 17. Я был ответственным за службу журналистских новостей с 1934 по 1938. Я был горд тем, что в начале войны даже противник признавал хорошее функционирование такого механизма новостей. Однако, тогда я больше не возглавлял так называемый отдел службы новостей. Как эксперт я создал эту организацию в мирное время не думая о возможности использовать её во время войны. Вывод обвинения о том, что я также определял содержание новостей неверный.

Фриц: Обвинение сказало, что министерство пропаганды было самой сказочной фабрикой лжи всех времён. Что вы об этом скажете?

Фриче: Во-первых, для себя лично, я бы хотел дать понять следующее. Я заявлю под присягой: по реально серьезным вопросам политики и ведения войны я не совершил не единой фальсификации и ни разу сознательно не лгал.

Как часто я сам становился жертвой фальсификации или лжи, я не могу сказать после откровений этого процесса. То же самое, правда, насколько мне известно, в отношении всех моих коллег, но я ни коим образом не хочу отрицать, что я и мои коллеги выбирали новости и цитаты следуя определенной тенденции. Бич пропаганды во время войны, в том что можно работать только с чёрным и белым. Лишь немногие великие умы остаются независимыми. Мне кажется, что такое раскрашивание в чёрное и белое роскошь, которую уже нельзя позволить.

Что касается самого министерства пропаганды, как такового, я должен сказать, что я могу судить лишь об одной двенадцатой, то есть одном управлении за которое я был ответственным в любое время. Но по моим сведениям это ошибка считать, что министерство пропаганды выпускало тысячи малой лжи. В деталях мы

¹⁷⁸ Гельмут Зюндерман (1911 – 1972) – немецкий журналист. Оберштурмбаннфюрер СС. В 1942-1945 заместитель начальника управления прессы Рейха.

¹⁷⁹ Хайнц Лоренц (1913 – 1982) – немецкий журналист. В 1942-1945 главный редактор Германского агентства новостей.

работали довольно чисто и честно, технически даже превосходно. Если бы мы лгали по тысячам небольших вещей, противник мог бы справиться с нами проще чем было на самом деле. Однако решающее для подобной машины новостей не детали, а окончательная фундаментальная основа на которой базируется пропаганда. Решающее - вера в неподкупность руководства государства, на которую каждый журналист должен полагаться и эта основа поколеблена тем, что сегодня стало известно о массовых убийствах, о бессмысленных жестокостях, и она поколеблена сомнениями в честности воззваний Гитлера к миру, о фактических деталях которых я не в состоянии судить.

Фриц: На этом процессе отмечали, что нет никакого регулирования в международном праве о методах пропаганды во время войны и мира.

Фриче: Я очень хорошо знаю, что международное право не накладывает никаких запретов на пропаганду, особенно пропаганду во время войны. Я также очень хорошо знаю, что лишь в очень немногих редких отдельных договорах между государствами есть правила об использовании пропаганды; например в германо-польском¹⁸⁰ договоре и в германо-советском¹⁸¹ договоре. Однако, за всю свою журналистскую жизнь я подчёркивал, что отсутствие международных правил о пропаганде не оправдывает ложь. Я всегда подчёркивал моральную ответственность журналиста или новостника. Я делал так задолго до войны на международной дискуссии с радио Люксембурга, но это бы увело нас слишком далеко.

Если в прошлом мае я не искал смерти, одной из причин этого было моё желание — я хотел дать отчет о том где, при какой системе, были чистый идеализм и героические жертвы миллионов, и где была ложь и жестокость которые не избегали совершать преступления.

Фриц: Пожалуйста, приведите нам примеры, в которых вы чувствовали себя обманутым.

Фриче: На этом процессе обсуждали новости, которые циркулировали о начале польской войны о нападении на радиостанцию в Гляйвице¹⁸². Тогда я твёрдо верил в правду германских официальных новостей. Мне не требуется ничего говорить об этом случае.

Потом в декабре прошлого года, здесь в тюрьме Нюрнберга, я понял из разговора с гросс-адмиралом Рёдером, что на самом деле германская подводная

¹⁸⁰ «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» (называемая также Договор о ненападении между Германией и Польшей, Пакт Пилсудского — Гитлера) — совместная декларация, подписанная Германией и Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

¹⁸¹ Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом также известен как пакт Молотова — Риббентропа — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

¹⁸² Гляйвицкий инцидент, или Гляйвицкая провокация, также операция «Консервы» — инсценирование нападения Польши на немецкую радиостанцию в городе Гляйвице (ныне Гливице), проведённое СС в рамках широкомасштабной «операции Гиммлер», и послужившее одним из поводов к нападению Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, ставшему началом Второй мировой войны.

лодка потопила «Athenia»¹⁸³. До этого времени я был твёрдо убеждён в правдивости германского официального доклада о том, что поблизости не находилось никаких германских подводных лодок. Я попросил своего защитника выбрать самые едкие заявления, сделанные мною в своих выступлениях по радио о случае с «Athenia» и включить их в мою документальную книгу. Они - высказывания, которые на самом деле будут говорить против меня, но которые с другой стороны показывают, что я работал не в одиночку на основе германских официальных новостей, но о том, что я также собирал новости, которые поддерживали германскую официальную версию; например, факт, который сначала не сделали публичным и поэтому он был подозрительным, что обломки «Athenia», через день после катастрофы потопили обстрелом британских эсминцев, что само собой разумелось в интересах судоходства, но, что тогда показалось мне поводом для подозрения. Я также использовал американские новости об этой теме. Однако самые впечатляющие ложные новости, жертвой которых я был выпускали в последние несколько дней войны. Я должен описать, чтобы внести ясность.

В дни, когда Берлин был окружён русской армией, берлинцам говорили о том, что спасительная армия, армия генерала Венка¹⁸⁴, маршировала к Берлину, о том, что на Западном фронте нет боёв. Давали новости о том, что Риббентроп прибыл на Западный фронт и заключил там договор, и в Берлине были напечатаны листовки в которых содержалось приблизительно следующее: «Солдаты армии Венка, мы берлинцы знаем, что вы уже в Потсдаме. Торопитесь, быстрее приходите, помогите нам». Эти листовки печатались тогда, когда армия Венка уже не существовала и уже сдалась. Эти листовки видимо случайно разбрасывали над Берлином и должны были вселять в берлинцев новую отвагу. Это происходило в те дни, когда Гитлер, согласно показаниям Шпеера, уже сказал своему окружению, что не было никакой пользы делать, что-нибудь для оставшегося немецкого народа.

Фриц: Господин председатель, два выступления по радио, которые подсудимый Фриче упоминал по поводу случая «Athenia» в документе номер Фриче-1, который я предъявил вчера. Я ссылаюсь только на содержание этих выступлений по радио.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, приведите примеры неправды о которой вы знали и которую вы не считали ложью.

Фриче: Один пример, это так называемое движение «V»¹⁸⁵. Полковник Бриттон¹⁸⁶, британский полковник объявил это движение «V», это движение «Победа» на

¹⁸³ «Атениа» - британский пассажирский лайнер. 3 сентября 1939 года, всего через несколько часов после объявления правительством Соединённого Королевства войны Германии, подводная лодка U-30 под командованием оберлейтенанта Фрица-Юлиуса Лемпа потопила «Атению»

¹⁸⁴ Вальтер Венк (1900 — 1982) — немецкий генерал. Принимал участие в Битве за Берлин как командующий 12-й армией.

¹⁸⁵ Пропагандистская кампания Великобритании на оккупированные страны Европы в 1941-1945 берущая начало от популяризации буквы V — первой буквы в английском слове Victory — победа.

¹⁸⁶ Дуглас Ричи (1905 — 1967) — редактор немецкоязычных новостей радио Би-Би-Си, использовал псевдоним полковник Бриттон.

британском радио. В тот же вечер я стоял перед германским микрофоном и сказал, видимо безобидно: «У нас будет движение «V»; «V» означает «Победу».

Затем полковник Бриттон сказал, что я украл у него «V». Я сказал, что это не так, что я первым подумал об этом.

Фриц: Если вы думали, что оперировали только правдой, почему ваш резкий язык, почему запрет прослушивания зарубежных радиостанций?

Фриче: Я уже подчёркнул в своих письменных показаниях, что по моему мнению резкость моего языка была всегда меньше чем у моих оппонентов. Запрет прослушивания зарубежных радиостанций был решительно принят вопреки моей воле. Этот запрет был только помехой для моих дискуссий с моими зарубежными оппонентами в разных странах. Ввиду этого запрета мой противник, так сказать, находился в полутени, я не мог говорить с ним официально, но с другой стороны, я знал о том, что многие мои слушатели слушали его.

Могу я здесь сказать, что я всегда выступал за мягкие приговоры нарушителям данного запрета на прослушивание зарубежных радиостанций. Юридические власти, часто консультировались со мной как с экспертом. Я могу подчеркнуть, что в частности после Сталинграда, я создал собственную службу прослушивания русского радио, для того, чтобы узнавать имена немецких солдат взятых в плен в Сталинграде, которые упоминались на русском радио и сообщать их родственникам, потому что мне казалось жестоким лишать родственников такого источника информации о судьбе своих близких.

Больше того, была единственная альтернатива запрету слушать радио. Это либо конфисковать всё радио и остановить всю германскую радиосистему – партия часто требовала это – или запрет прослушивания зарубежных радиостанций, что казалось мне меньшим из двух зол.

Наконец, мы находились в войне, и противник не был разборчив в своих методах. Я бы хотел привести пример. Это была станция «Густав Зигфрид 2»¹⁸⁷, которая с начала своей работы собирала слушателей в Германии историями, которые я не хочу характеризовать более подробно, но которая вынудила меня запретить моим собственным станциям принимать эту передачу.

Фриц: Вас обвиняют в призыве к политике безжалостной эксплуатации оккупированных территорий. Вы признаете такую политику?

Фриче: Нет. Целью всей моей пропагандистской работы в Европе было, и должно было быть, склонение народов Европы к германской идее. Всё остальное было бы нелогичным. Все радиопередачи на всех европейских языках, которые готовили под моим руководством, годами имели одну единственную цель: это было склонение к добровольному сотрудничеству, особенно на оккупированных территориях, для борьбы за Рейх.

¹⁸⁷ «Густав Зигфрид» – пропагандистская радиостанция Великобритании, имитировавшая работу подпольной немецкой радиостанции вещавшей от имени некоего полковника германской армии.

Фриц: Вы считали, что германская администрация на оккупированных территориях вербовала к добровольному сотрудничеству?

Фриче: В начале, безусловно, с одним единственным исключением. Это был Кох¹⁸⁸ в Украине. Иначе, насколько я мог видеть, все администрации на оккупированных территориях добивались такого сотрудничества более или менее умело. Я видел гигантские усилия, которые прилагали союзники, чтобы вмешиваться в эту германскую политику сотрудничества, которая была для них очень опасной. Я видел, что в этих усилиях союзники вначале использовали свои средства пропаганды. Только это, не сработало бы. Потом я увидел, что они используют другие средства для таких усилий, то есть, беспорядки и саботаж. Последнее имело большой успех. Беспорядки всегда вызывали репрессалии¹⁸⁹, а репрессалии всегда вызывали новые беспорядки.

Я надеюсь это не поймут неправильно, и не будет циничным, если я скажу следующее: я, как пропагандист, рассматривал пример убийства Гейдриха малым успехом. Уничтожение Лидице осуществленное немцами, однако, являлось огромным успехом для союзников. Другими словами, я всегда был и должен был быть противником всевозможных репрессалий.

Фриц: Вы знали о репрессалиях? Как вы обращались с ними в пропаганде?

Фриче: Я узнал о Лидице, которую сейчас назвал, лишь спустя несколько месяцев, потому что тогда я находился на Восточном фронте. Я узнал – и это существенно – лишь о разрушении домов Лидице и угоне жителей. Я узнал только здесь в зале суда об убийстве части жителей. Я знал, что брали заложников, но не о том, что их убивали. Убийства заложников предавались огласке только на оккупированной территории. Если повсюду происходили расстрелы, мне говорили о том, что они лица, приговорённые к смерти из-за беспорядков или заговора.

Указ «Nacht und Nebel»¹⁹⁰ также был мне неизвестен. С другой стороны, я часто узнавал о штрафах, налагаемых на города или округа. В своей пропаганде, мы всегда ссылались на такие случаи репрессалий.

Фриц: И как вы описывали работу германских администраций в своей пропаганде?

Фриче: Я всегда ссылался на конструктивную работу, которую, несмотря на все трудности и всё сопротивление, проводили на различных оккупированных территориях, особенно и более того, работу по интенсификации сельского хозяйства, а затем по увеличению промышленного производства. Я ссылался на

¹⁸⁸ Эрих Кох (1896 — 1986) — деятель НСДАП и Третьего Рейха. Гауляйтер (1 октября 1928 — 8 мая 1945) и оберпрезидент (сентябрь 1933 — 8 мая 1945) Восточной Пруссии, начальник гражданского управления округа Белосток (1 августа 1941—1945), рейхскомиссар Украины (1 сентября 1941 — 10 ноября 1944). Рейхскомиссар Остланда (1944). Польским судом был приговорён к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

¹⁸⁹ Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

¹⁹⁰ «Ночь и туман» (нем. «Nacht und Nebel») — директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, подписанная и приведенная в исполнение начальником ОКВ Вильгельмом Кейтелем. Директива разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны.

снабжение оккупированных территорий продовольствием, часто, как я бы хотел подчеркнуть, из скудных немецких запасов. У меня были доклады о создании школ, и я временами получал очень впечатляющие доклады и прорабатывал их, например, о снабжении городов, таких как Париж, несмотря на саботаж противником железнодорожных путей или других путей снабжения. Я собирал такие доклады в постоянные папки и готовил выступления и целые серии выступлений об этом. Было много таких докладов. Я должен подчеркнуть, что насколько я знаю, ни на одной оккупированной Германией территории не было детской смертности в 80 процентов, и нигде не было заброшенных полей, это просто неправда, как обвинение говорило здесь однажды, хотя и увлекаясь, что Германия и немцы были хорошо накормлены и радостны во время войны, в то время как на оккупированных территориях голодали. Это неправда.

Фриц: Что вы знали о плохих условиях на оккупированных территориях?

Фриче: Прежде всего, провал призыва к населению о самоуправлении и нехватка решающих политических уступок странам, которые самоуправлялись. Сразу после французской кампании, я непрерывно требовал создания Великой хартии вольностей¹⁹¹ для Европы, излагающей основные права европейских народов. Я подготовил много меморандумов по этой теме, которые брал доктор Геббельс и передавал Гитлеру, и когда осенью 1942 я решил вернуться в министерство пропаганды, одно из обещаний которые дал мне доктор Геббельс заключалось в том, что наконец эта Великая хартия вольностей для Европы будет провозглашена.

Фриц: Господин председатель, по данному поводу, я бы хотел процитировать отрывок из письменных показаний Шарпинга, документ номер Фриче-2, страница 13 письменных показаний:

«После оккупации различных европейских стран, Фриче дал указания для выпусков новостей о том, что народы Европы должны сформировать лигу государств на основе равноправия с Германией. Он сказал мне проработать серию выступлений об этом, в которой данная точка зрения должна была играть решающую роль и которые в то же время должны были дать властям намеки на здоровое восстановление на оккупированных территориях».

[Обращаясь к подсудимому] Вам известно, что здесь сказало обвинение о деятельности полиции на оккупированных территориях?

Фриче: Нет.

Фриц: В данном месте я бы хотел изменить вопрос: я уже спрашивал свидетеля

¹⁹¹ Великая хартия вольностей — политико-правовой документ, составленный в июне 1215 года на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному и защищавший ряд юридических прав и привилегий свободного населения средневековой Англии. Состоит из 63 статей, регулировавших вопросы налогов, сборов и феодальных повинностей, судостроительства и судопроизводства, прав английской церкви, городов и купцов, наследственного права и опеки.

Паулюса¹⁹² о вашем поведении, после того, как вы узнали про приказ о комиссарах¹⁹³. Что насчёт этого?

Фриче: Я узнал о приказе расстреливать взятых в плен советских комиссаров в начале мая 1942, когда я прибыл в 6-ю армию. Я сразу же возражал этому. Исполняли его или нет, мне неизвестно. Фельдмаршал Паулюс, несомненно прав, когда он сказал, что он уже предотвратил исполнение данного приказа в своей армии. В любом случае, я занялся тем, чтобы отменить такой приказ, и добился этого. Шестая армия, по моему совету, предоставила определённую информацию высшему командованию Вермахта или оперативному штабу вооружённых сил. Более того, я убеждён в том, что многие армейские руководители поступали точно также как как руководитель 6-й армии и просто не выполняли приказ. В любом случае, впоследствии он был прямо отменён.

Фриц: Обвинение цитирует два абзаца из вашей речи по радио 5 июля 1941.

Господин председатель, это в английском протоколе капитана Шпрехера, страницы 32 и 33.

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение из этой презентации делает вывод, что вы агитировали за безжалостные меры против населения Советского Союза. Сказано, что вы поносили народ Советского Союза.

Председатель: Мы не можем найти это. Какой номер PS?

Фриц: Господин председатель, это в расшифровке.

Председатель: У нас нет здесь расшифровки. У нас есть документальная книга. Документальная книга не содержит страницы 32 и 33. Она содержит только 32 или 31 и немного...

Фриц: Я могу привести документальный номер, который PS-3064, экземпляр USA-723 и...

Председатель: Это страница 14 нашей книги. Что же, вы сказали 5 июля?

Фриц: 5 июля 1941.

Председатель: Что же, у меня есть 7-е и 10-е июля, но не 5-е. Какая страница стенографических записей? Вы знаете?

Фриц: На странице 32, странице 33 английской расшифровки. У меня есть здесь английская расшифровка.

Председатель: Что же, вам лучше прочитать это.

Фриц: Данная цитата из выступления капитана Шпрехера от обвинения гласит:

«Письма с фронта, кинооператоры, роты пропаганды, которые придавались германской армии, где бы она ни была, —

¹⁹² Фридрих Паулюс (1890 — 1957) — немецкий военачальник (с 1943 года — генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом. Один из авторов плана Барбаросса.

¹⁹³ Приказ о комиссарах был издан верховным командованием вермахта (нем. Oberkommando der Wehrmacht) 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны Германии против Советского Союза. Приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии как «носителей сопротивления».

репортеры РК¹⁹⁴ и солдаты на отпуске свидетельствуют о том, что в этой борьбе на Востоке не один политический строй сражается против другого, не одно мировоззрение против другого, а культура, цивилизация и человеческое достоинство борются против дьявольских принципов мира «недочеловеков».

Фриче: Я бы хотел заявить следующее: данным заявлением я не призывал ни к безжалостным мерам против населения Советского Союза, ни хотел поносить народ Советского Союза. Я ссылаюсь на полный текст выступления от 5 июля. Я не желаю читать эту речь, но я прошу разрешения её кратко подытожить.

Фриц: Господин председатель, в моей документальной книге 1 – я не знаю, имеет ли её уже трибунал – у меня есть все выступления по радио...

Председатель: Нет, у нас её нет.

Фриц: У меня есть все эти выступления подсудимого Фриче из которых обвинение цитировало отрывки против него, в моей документальной книге их полный текст.

Председатель: Мне её сейчас передали. Какая это страница?

Фриц: Страницы 8-13, выступление по радио от 5 июля 1941?

[Обращаясь к подсудимому] Вы продолжите?

Фриче: Я прошу разрешения очень кратко подытожить содержание.

Я говорю о докладах, которые немецкая публика получал о том, что немецкие солдаты видели при своём продвижении в Советском Союзе, особенно в связи с заключенными в тюрьмах в разных городах. Я не описывал эти вещи ещё раз; я лишь напоминал о них из докладов, которые тогда давали. Из них я делал вывод о том, что теперь можно понять необходимость борьбы против системы, при которой возможны такие жестокости. Для народов Советского Союза я прямо высказал слова сострадания и симпатии.

Фриц: В связи с этим же, и с такой же тенденцией, обвинение затем цитирует фразу из абзаца вашего выступления по радио от 10 июля 1941.

Господин председатель, это в документальной книге 1 – выступление от 10 июля 1941 – также её полный текст на страницах 14-19.

[Обращаясь к подсудимому] Что вы скажете на это обвинение.

Фриче: То, что я сейчас сказал, становится ещё яснее в этой цитате, и во всём этом выступлении. Я снова ссылаюсь на вышеуказанные доклады. Я также ссылаюсь на описания поступавшие от зарубежных корреспондентов. Тогда я довольно откровенно сообщал об отношении Москвы к этим событиям и сказал довольно честно: «Радио Москвы говорит о данных жестокостях как о факте, но утверждает, что эти жестокости совершили немцы, а не русские».

В виду такого отношения Москвы, я так сказать, входил в доверие публики. Я призвал миллионы немецких солдат как свидетелей; я призвал как свидетелей их матерей и отцов, и жён. Я формально вызвал свидетелями жителей

¹⁹⁴ Аббр. с нем. Propaganda Kompanie – роты пропаганды Вермахта.

оккупированных территорий на которых тогда немцы имели власть, и на которых, как я сказал, они подчинялись только моральным законам в своей груди. Затем я сделал вывод: эти немецкие солдаты не могли совершить жестокости, которые одинаково описывали Москва и Берлин.

Обвинение утверждало, что эта попытка приписать немецкие жестокости русским была смехотворной. Я не считаю её смехотворной, я считаю её трагической. Это ясно показывает, как я это понимаю, абсолютную чистоту и честность всего немецкого ведения войны. Я и сегодня верю в то, что убийства и насилие зондеркомманд¹⁹⁵ остались куском инородного тела, фурункулом, в морально крепком теле немецкого народа и его вооруженных силах.

Фриц: Наконец, обвинение цитирует отрывок из вашего выступления от 9 октября 1941, ещё одна цитата, которую взяли откуда-то.

Господин председатель, это документальная книга Фриче номер 1; полный текст выступления на страницах 20-25. Цитаты из обвинения суммированы в документе в документальной книге обвинения о Фриче. Я думаю трибуналу легко это сопоставить.

[Обращаясь к свидетелю] Обвинение делает вывод из данной цитаты о том, что вы одобряли политику нацистских заговорщиков в её безжалостной эксплуатации оккупированных территорий. Что вы на это скажете?

Фриче: Нет никакого вопроса безжалостности ни в цитате приведенной обвинением, ни в остальном тексте выступления от 9 октября 1941. Я ссылаюсь на свои письменные показания PS-3469, параграф 39, параграф который обвинение довольно честно процитировало в данной связи.

Дополнительно, могу я ещё раз очень кратко суммировать смысл этого выступления.

Это было время, когда немецкие солдаты стояли от Черного моря до Бискайского залива. Я говорю о возможности эксплуатации ресурсов этой огромной территории. Я сказал: «Возможности данного континента столь значительны, что они смогут обеспечить потребности войны и мира». Я сказал, в связи с этим, что о голодной блокаде, такой которая была предпринята в 1914-1918 не могло быть и речи. Я говорю о возможностях организации Европы, которая могла начаться в разгар войны...

Фриц: В разгар войны?

Фриче: ...в разгар войны, и я имел в виду организацию равноправных европейских наций. Без всяких сомнений, тогда я не думал о безжалостной эксплуатации оккупированных территорий, но лишь о том как политически и экономически склонить их на свою сторону после того как развеется буря войны.

¹⁹⁵ Айнзацгруппы полиции безопасности и СД (нем. Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, сокр. EGr, рус. «целевые группы», «группы развёртывания») — военизированные эскадроны смерти нацистской Германии, осуществлявшие массовые убийства гражданских лиц на оккупированных ею территориях стран Европы и СССР. Играли ведущую роль в «окончательном решении еврейского вопроса».

Фриц: Господин председатель, теперь я перехожу к другому предмету, так что вероятно будет хорошее время, чтобы прерваться.

Председатель: Да.

Тома: Господин председатель, у меня просьба. Я бы хотел, чтобы моего клиента освободили от остальной части дня, потому что я хочу с ним переговорить.

Председатель: Разумеется.

[Объявлен перерыв]

Фриц: Что вы знали о вывозе евреев из оккупированных стран?

Фриче: Я ничего не знал об их вывозе, но я слышал, что некоторых людей арестовывали, евреев и неевреев.

Фриц: Что вам известно о теме, которую мы здесь обсуждали, о рабском труде?

Фриче: Я знал, что миллионы зарубежных рабочих работали в Рейхе. Я не считал их рабами, так как я видел их ежедневно гулявшими свободно по улицам всех городов.

Фриц: Что вам известно об обращении с ними, об их жилищных условиях и их заработной плате?

Фриче: Доклады об этих вещах направлялись мне или моим сотрудникам из ведомства Заукеля и Германского трудового фронта¹⁹⁶. Из этих докладов, помимо прочего, я помню то, что зарубежные рабочие получали во всех отношениях такое же обращение как немецкие рабочие. Дальше я вспоминаю, что слышал о том, что первоначальное плохое отношение к восточным рабочим ушло прочь. Я получал много сообщений от слушателей с жалобами на то, что якобы у зарубежных рабочих положение было лучше чем у немецких рабочих и в связи с этим я помню ссылку на то, что зарубежным рабочим разрешалось отправлять домой деньги в валюте.

Я также много раз беседовал с зарубежными рабочими. Я не слышал никаких особых жалоб. С другой стороны, в министерстве пропаганды, через официальные каналы, я много слышал об уходе, предоставляемом зарубежным рабочим даже в культурных чертах. Часто ко мне обращались Заукель или Германский трудовой фронт – я не помню, как это было – с просьбой иметь радиопередачи для той или иной группы зарубежных рабочих. Ко мне также обращались с просьбой передать в лагеря радиоприемники для зарубежных рабочих, и т.д.

Фриц: Вы знали о том, что большинство из них не приехали в Германию добровольно?

Фриче: Именно об этом я не знал. Здесь на процессе упоминалось, что Заукель на том или ином совещании заявил о том, что лишь небольшой процент приехал

¹⁹⁶ Германский трудовой фронт - в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей. Существовал с 1933 по 1945 гг.

добровольно. Это было мне неизвестно.

Я слышал дальнейшие жалобы: прежде всего, что в момент вербовки иностранных рабочих давали экстравагантные обещания, которые потом не сдерживали. В интересах своей пропаганды я заявил этому возражения через управление пропаганды в своём министерстве, когда услышал об этом. Затем, я помню о том, что слышал жалобы из Польши о том, что работодатели «пиратили» польских рабочих друг у друга.

Фриц: Заукель свидетельствовал о том, что в связи с этим он сотрудничал с министерством пропаганды и о том, что у него было много дискуссий с министерством пропаганды. Вы участвовали в таких дискуссиях?

Фриче: Нет, я не участвовал в таких совещаниях. Я думаю, что впервые встретил Заукеля здесь. Он напомнил мне о нашей встрече весной 1945 в доме доктора Геббельса, когда проходило какое-то вечернее собрание.

Фриц: Вы имели какое-нибудь отношение к пропаганде, используемой при вербовке зарубежных рабочих в оккупированных странах?

Фриче: Нет.

Фриц: Какое отношение вы имели к пропаганде, которая распространялась в оккупированных странах?

Фриче: Данная пропаганда, так как она применялась на оккупированных территориях, не подчинялась мне, даже в отделах прессы и радио. Эта пропаганда находилась под руководством и надзором местного рейхскомиссара, военного командующего или губернатора. Однако, я оказывал влияния на данную пропаганду в оккупированных странах по двум, трём или четырём поводам, когда эта пропаганда в оккупированных странах противоречила директивам которые применялись к Рейху. Я обычно узнавал об этом в результате эхо за границы. Я помню отдельный случай, который привлек особое внимание. Некий человек по имени Фридрих нападал на папу по германскому радио в Париже. Я заменил этого Фридриха. Такой была степень моего влияния.

Однако, доктор Геббельс оказывал гораздо больше влияния на пропаганду в оккупированных странах, особенно через свой зарубежный отдел или управление зарубежной прессы или через офицера связи с ОКВ.

Фриц: Вы не делали никаких радиопередач в оккупированных странах?

Фриче: Да, передачи двух типов. Пример первого типа следующий: во время оккупации, «Radio Paris¹⁹⁷» находилось под германским влиянием. Несмотря на это, я сохранил старое немецкого вещание на французском языке через радио Штутгарта. Я хотел дать понять, что оккупация являлась ненормальной и временной ситуацией и всё, что происходило во время оккупации не имело никакого

¹⁹⁷ Радио Париж (фр. Radio Paris) — первая частная коммерческая радиостанция во Франции, вещавшая в 1922—1944 годах. Национализирована 17 декабря 1933 года. 17 июля 1940 года передана под контроль оккупационного Департамента пропаганды во Франции, став рупором нацистской пропаганды.

отношения к, скажем так, германо-французским беседам, которые вели две родные страны.

Второй пример следующий: он касается немецкого вещания на испанском и португальском языках. Я передавал его через три станции в южной Франции, ибо так было проще получать эти передачи на Пиренейском полуострове. Основой для моей работы в связи с этим был контракт, который мы имели с этими станциями и платежи регулярных взносов. Переговоры об этом контракте шли через министерство иностранных дел.

Фриц: Теперь я перехожу к другой теме. Вас обвиняют в антисемитских заявлениях. Вы были антисемитом, и каким образом вы принимали участие в антисемитской пропаганде?

Фриче: Я не являлся антисемитом в смысле шумного антисемитизма. Обвинение утверждало, что все подсудимые – то есть, включая меня – кричали: «Германия проснись - иудаизм погибни». Я скажу под присягой, что я никогда не поднимал такой клич или похожий на это. Я не был антисемитом в смысле так или иначе радикальных теорий или методов начиная с Теодора Фрича¹⁹⁸ до Юлиуса Штрайхера.

Обвинение заявило даже о том, что подсудимый Штрайхер, основной антиеврейский агитатор всех времён, вряд ли превосходил Фриче в клевете на евреев. Я протестую против такого заявления. Мне не кажется, что я заслуживаю такое обвинение. Я никогда не выпускал пропаганду про ритуальные убийства, каббалу¹⁹⁹, и так называемые секреты сионских мудрецов²⁰⁰. За всё время своей жизни я считал их махинациями довольно примитивной агитации. По гуманистическим причинам, я сожалею о том, что я вынужден сделать дальнейшее заявление, но я не могу воздержаться от такого заявления в интересах правды.

Мои сотрудники и я, в прессе и радио, я бы сказал, без исключения, радикально отвергали «Der Sturmer». Лично я никогда не цитировал данную газету. «Der Sturmer» также никогда не цитировала германская пресса. Редакторы не относились к союзу журналистов и издатели не относились к организации издателей за время моей службы. Как дело обстояло позже, я не знаю.

Как я уже заявил в своих письменных показаниях, я дважды пытался запретить «Der Sturmer». Однако, не смог. Я хотел запретить издание «Der Sturmer», не только из-за того, что просто дословное воспроизведение страницы газеты «Der Sturmer» было самой эффективной антигерманской пропагандой, которая когда-

¹⁹⁸ Теодор Фрич (1852 – 1933) – немецкий публицист и журналист. Антисемитские произведения Фрича повлияли на немецкую общественность в конце XIX – начале XX века.

¹⁹⁹ Каббала — религиозно-мистическое и эзотерическое течение в иудаизме, появившееся в XII веке и получившее распространение в XVI веке

²⁰⁰ «Протоколы сионских мудрецов» — подложный антисемитский документ, в котором излагаются планы евреев по установлению мирового господства и разрушению христианского мира. Впервые опубликован на русском языке в 1903 году под видом отчёта о тайных собраниях сионистов в Базеле. Текст «Протоколов» стал предлогом для антисемитов начала XX столетия и сыграл важную роль в обосновании теории «иудеомаасонского заговора»

либо существовала, но я хотел запретить «Der Sturmer» просто по причинам хорошего вкуса. Я хотел запретить его как источник радикализма, с которым я боролся везде где мог.

Большой секрет внезапного роста обращения «Der Sturmer» после 1933 на полмиллиона, уже названный на этом суде, лежит во внезапном росте таких организаций как СА.

Партия в 1933 заблокировала приток новых членов и многие люди попытались как-нибудь попасть в неё, если не напрямую в партию, то в организации связанные с партией, такие как вероятно СА. Или они пытались показать симпатию к национал-социалистическим идеям подписавшись на «Der Sturmer» и выражали это так. Поэтому, в таком смысле, я не был антисемитом.

Но я был антисемитом в таком смысле: я хотел ограничения преобладающего влияния еврейства в германской политике, экономике и культуре, такого как проявило себя после Первой мировой войны. Я хотел ограничения основанного на соотношении евреев к немцам. Я публично провозглашал такой свой взгляд по поводам, но я не эксплуатировал такие взгляды в обширной систематической пропаганде.

Те антисемитские заявления, в которых меня обвиняют, имеют другую связь. Факты следующие: после начала войны я постоянно ссылался на то, что еврейские эмигранты сразу после 1933, были первыми кто подчёркивал необходимость войны против национал-социалистического германского государства; например, Эмиль Людвиг²⁰¹ или Георг Бернхард²⁰² или «Pariser Tagblatt»²⁰³. Насколько я помню, только в связи с этим я делал различные антисемитские заявления. Я не могу говорить об этом не попросив разрешить мне подчеркнуть ещё один пункт. Только на этом процессе, я узнал о том, что осенью 1939 на кону стоял больше чем один город и дорога через коридор²⁰⁴; по правде и фактически был, по крайней мере подготовлен, новый раздел Польши и только здесь на процессе я узнал, что Гитлер ужасным образом подтвердил предупреждения евреям приказом убивать их. Если бы я знал в то время обе эти вещи, то я бы изображал роль еврейской пропаганды до начала войны совершенно по-другому.

Фриц: Господин председатель, в связи с этим, я бы хотел сослаться на документ, который уже предъявлен, документ номер Фриче-2, письменные показания доктора Шарпинга, со ссылкой на страницы 9-11. Я не знаю, предъявлена ли эта документальная книга высокому трибуналу.

²⁰¹ Эмиль Людвиг (1881 — 1948) — немецкий писатель, известный биограф. С 1940 эмигрант.

²⁰² Георг Бернхард (1875 – 1944) – немецкий автор. Известный автор статей по финансовым вопросам.

²⁰³ «Ежедневная газета Парижа» - немецкоязычная газета издававшаяся во Франции с 1933 по 1940.

²⁰⁴ Польский коридор также известный как (Поморское воеводство) и Данцигский коридор) — в период между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.), наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Территория Польского коридора была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору.

Председатель: Да, есть.

Фриц: Страницы 9-11. Я ссылаюсь на содержание из данного документа.

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение цитировало отрывок из книги Мюллера²⁰⁵ о министерстве пропаганды. Согласно этому, помимо прочего, задача министерства заключалась в просвещении населения по еврейскому вопросу. Согласно картине нарисованной обвинением, дело обстоит так, что вам одному была поручена задача такого просвещения, это правильно?

Фриче: Нет. «Еврейский» отдел был частью управления пропаганды, которое осуществляло так называемую активную пропаганду в отличие от специальных или административных управлений. Я никогда не руководил управлением пропаганды.

Фриц: Я бы хотел изменить вопрос. Подсудимый Штрайхер, 29 апреля, заявил о том, что министерство пропаганды издавало национал-социалистическую корреспонденцию, которая направлялась также в «Der Sturmer» и которая содержала в каждом номере несколько антисемитских статей. Это правда?

Фриче: Нет. Национал-социалистическая корреспонденция издавалась не министерством пропаганды, а управлением прессы НСДАП, однако, у меня не сложилось впечатления о том, что характерная политика «Der Sturmer» формировалась этими статьями. С другой стороны «Der Sturmer» мог публиковать те или иные статьи направленные НСК.

Фриц: Обвинение процитировало отрывок из выступления по радио 18 декабря 1941. Это выступление полностью находится в моей документальной книге номер 1, страницы 26-32. В данном случае, вы сказали, что судьба еврейства в Европе довольно неприятная и что эта судьба по всей вероятности будет уходить в новый мир. Обвинение считает, что это было объявлением дальнейших акций преследования евреев. Что вы можете сказать об этом?

Фриче: В этой цитате, я обсуждал неприятную судьбу еврейства в Европе. Согласно тому, что мы знаем сегодня, это должно выглядеть как будто я имел в виду убийство евреев. Но в связи с этим, я бы хотел заявить, что тогда я не знал об этих убийствах; поэтому я не мог иметь их в виду. Я даже не имел в виду эвакуацию евреев, ибо её не проводили в Берлине по крайней мере ещё год или два.

То, что я имел в виду было просто устранением евреев из политической и экономической жизни. Выражение «неприятные» намекает на это; иначе неоскорбительность этого термина нельзя объяснить. И теперь к вопросу, почему я говорил про евреев Америки в связи с этим. Фраза процитированная обвинением неразрывно связана с предыдущим сообщением, говорившем о том, что национальный еврейский совет выразил президенту Рузвельту своё желание вступить в войну. Даже не это сочетание мыслей, которое наверное теперь понятно, использовалось мной без надобности. Большая часть спорной речи, вероятно девять

²⁰⁵ Георг Вильгельм Мюллер (1909-1989) – немецкий журналист. Оберфюрер СС. В 1934-1940 сотрудник министерства пропаганды Рейха. В 1940-1945 начальник управления пропаганды в рейхскомиссариате Норвегии.

десятих из её, фактически, касается комиссии по расследованию созданной в Соединенных Штатах для расследования причин Пирл-Харбора²⁰⁶.

Председатель: Здесь много страниц.

Фриц: Господин председатель, документальная книга номер 1, страницы 26-32.

Председатель: Да, я хотел знать страница ли это 31.

Фриц: Он ссылается в своих заявлениях которые сейчас делает на всё содержание выступления, господин председатель. Обвинение процитировало только самый последний абзац из этого выступления.

[Обращаясь к подсудимому] Пожалуйста, продолжайте.

Фриче: В этом полемическом обращении я не только предложил расследовать были ли беспечными стражи флота Соединенных Штатов, но я также рекомендовал проверить американскую политику, на предмет не заинтересован ли кто-нибудь в начале войны. В связи с этим, я напомнил, что комитет по расследованию американского Сената, 20 лет спустя после Первой мировой войны, расследовал причины вступления Соединенных Штатов в войну в 1917. Я сказал дословно: «Этот сенатский комитет подтвердил, что Вильсон²⁰⁷, вступая в войну, знал, что он был жертвой нескольких ястребов». Я сожалел...

Председатель: Комитет американцев о вступлении в прошлую войну? Он не сильно ушел назад?

Фриц: Господин председатель, мне кажется, что подсудимый может остановиться этом. Он лишь хотел показать, что цитата из последнего абзаца приведенная обвинением для того, чтобы инкриминировать его была вырвана из контекста.

[Обращаясь к подсудимому] Вторая цитата использованная обвинением фрагмент из вашего выступления по радио от 18 марта 1941. Обвинение посчитало, что это также являлось разжиганием преследования евреев, и оно далее сказала, что это было доказательством вашей пропаганды с термином «высшая раса».

Господин председатель, это выступление от 18 марта 1941 находится в моей документальной книге номер 1, страницы 2-7.

[Обращаясь к подсудимому] Обвинение процитировало только первый абзац из этого выступления. Что вы можете сказать нам в связи с этим?

Фриче: Я не желаю зачитывать данную цитату. Я скорее попрошу, чтобы вы сами аккуратно её прочитали, и после того как вы её прочитаете, вы поймете, что я полностью соглашался с господином Рузвельтом, когда он сказал, что не было никакой высшей расы. Я одобрял верность такой фразы не только в отношении немецкого народа, но и еврейства. Обвинение сделало из этой фразы вывод, что это

²⁰⁶ Пирл-Харбор (англ. Pearl Harbor — «Жемчужная гавань») — гавань на острове Оаху (Гавайи). Большая часть гавани и прилегающих территорий заняты центральной базой тихоокеанского флота военно-морских сил США. 7 декабря 1941 года Япония совершила нападение на Пирл-Харбор, что послужило поводом вступления США во Вторую мировую войну.

²⁰⁷ Вудро Вильсон (1856 — 1924) — 28-й президент США (1913—1921). Известен также как историк и политолог. Лауреат Нобелевской премии мира 1919 года, присуждённой ему за миротворческие усилия.

было оправданием поступков совершенных в еврейских преследованиях в прошлом и что это было предчувствием ещё больших грядущих преследований. Я не понимаю такой вывод, он вообще ни на чём не основан.

Председатель: В нашей копии нет даты вверху страницы 2 вашего тома I – да, я вижу её в индексе. На какой странице отрывок который цитирует обвинение?

Фриц: Господин председатель, на странице 5 под пунктом 5.

Председатель: Да. Очень хорошо.

Фриц: Она начинается со слов «Но венцом...» и тому подобное. Эту цитату использовало обвинение.

[*Обращаясь к подсудимому*] Третья цитата использованная обвинением отрывок из выступления от 9 октября 1941.

Господин председатель, всё выступление находится в документальной книге номер 1, страницы 20-25.

[*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение также процитировало лишь один абзац из этого выступления.

Господин Фриче, в этом абзаце, вы говорите о новой волне международной еврейско-демократически-большевистской агитации. Что вы можете сказать нам об этом?

Фриче: Мне мало, что сказать об этом. Это выступление было подготовлено в те дни осени 1941, когда начальник управления прессы Рейха объявил о решающей германской победе на Востоке. Я предупреждал всю германскую прессу от безоглядного принятия такого лозунга. Я не верил в такое решение, которое предположительно состоялось. Я предложил всем немецким газетам, чтобы они говорили о продолжительной войне. Я этом моём выступлении я хотел ослабить впечатление от официальной победной репортажи Поэтому в этом своём выступлении, и вероятно впервые в Германии, я назвал три фактора, которые, фактически, позднее определили войну на Востоке против Германии: прежде всего, партизаны; во-вторых, международная помощь вооружениями и боеприпасами; и в третьих, пропаганда. Лишь эта последняя часть цитировалась обвинением. Как я уже сказал, эта последняя часть вполне соответствовала сведениям и мнению которых я тогда придерживался.

Фриц: Следующая цитата, использованная обвинением это отрывок из выступления 8 января 1944.

Господин председатель, полное выступление находится в моей документальной книге номер 1. Это выступление номер 7, находящееся на страницах 40 и 45.

[*Обращаясь к подсудимому*] В этом выступлении вы говорите о том, это не новая форма правительства или новая форма социализма привели к войне, а скорее агитация евреев и плутократов были ответственными за это? Как вы пришли к такому заявлению?

Фриче: Чтобы обосновать это, я бы хотел также сослаться на всё, что уже сказал и кроме того, я бы хотел подчеркнуть, что это довольно едкое обвинение не было взято мной с потолка или просто потому, что я хотел возбуждать. Это подтверждается контекстом.

Если мне разрешать сделать это, я бы хотел коротко высказать связь в этом случае. Темой этой речи были разногласия во мнениях, которые существовали тогда, между польским правительством в изгнании в Москве, - скорее в Лондоне – и советским правительством в Москве. Там стоял вопрос территориальных требований, в которых они расходились, и по этому поводу я процитировал лондонскую «Times» слово в слово. Лондонская «Times» сказала, о том, что «уступка польских регионов, как требовала Россия, была небольшой и умеренной ценой за абсолютно надёжную гарантию помощи Польше со стороны Советского Союза». Данное заявление, сделанное лондонской «Times» я посчитал само собой разумеющимся для полемического заявления в котором я сказал: «Что же, если бы «Times» написало такое в напряжённом августе 1939, что это был всего лишь город или дорога, тогда разумеется не было бы никакой войны» и так далее.

По данному поводу я бы хотел заявить о том, что все эти цитаты, почти без исключения, показывают лишь сочетание концепции еврей, плутократ, большевик. Расовый вопрос не было основным, однако дело было в том, что как казалось это была идеологическая борьба.

Фриц: Следующие цитаты, использованные обвинением некоторые выдержки из вашего выступления 13 января 1945.

Господин председатель, это выступление номер 8, содержащееся полностью в документальной книге номер 1, находящееся на страницах 46-51. Обвинение в данном случае процитировало лишь два абзаца, один на странице 50 моей документальной книги, абзац 2.

[*Обращаясь к подсудимому*] В этих отрывках вы упоминаете еврейское влияние на британскую политику. Как вы могли сделать такие заявления? В чём заключались ваши причины?

Фриче: Обвинение этой цитатой предполагает, что это было введением для дальнейшего преследования евреев и их полного уничтожения. Однако, такой вывод, ни оправдан ни словами, ни в смысле, когда рассматривается в свете контекста...

Я опущу в данном случае картину взаимосвязи, даже в кратком изложении. Это можно понять, прочитав спорное выступление.

Однако я не понимаю где там можно найти призыв к уничтожению евреев.

Фриц: Формируя часть общих обвинений в преступлениях против человечности вам обвиняют в побудительной клевете против евреев, логическим результатом которой, как сказано, являлись дальнейшие преследования.

Поэтому, я хочу спросить вас об убийстве евреев. Вы знали о

распоряжении Гитлера, как дал показания свидетель Хёсс²⁰⁸, распоряжении согласно которому евреев должны были убивать?

Фриче: Я бы хотел заявить под присягой, что я не знал об этом приказе Гитлера. Если бы я знал об этом, я бы ни часа не служил лицу, отдавшему такой приказ. Я бы хотел далее заявить о том, что очевидно это распоряжение, как и вся акция, особенно скрывали от меня и моих сотрудников, потому что однажды я узнал о его существовании.

Фриц: Вы получили какое-нибудь указание на убийство большого количества невинных людей?

Фриче: Да. В феврале или марте 1942 я получил письмо от фюрера СС среднего ранга из Украины. Я не помню имя этого человека. Содержание письма было о том, что автор был командиром подразделения СС, и о том, что он получил приказ убивать евреев и украинскую интеллигенцию в своём районе. Получив этот приказ, у него случился нервный срыв и теперь он оказался в госпитале. Ему казалось, что для него жалоба по официальным каналам была совершенно невозможной, вероятно я мог как-нибудь помочь. Он попросил меня не называть его имя, так как он ценой своей жизни должен был хранить молчание.

Без раздумий и сразу после получения этого письма я позвонил Гейдриху, обергруппенфюреру, тогдашнему руководителю РСХА или Гестапо. Я вряд ли знал его лично, но он высказал готовность меня немедленно принять. Я посетил его и спросил напрямую: «Ваши СС там, с целью совершения массовых убийств».

Гейдрих был довольно возмущен этим вопросом, и сказал, что крупные или небольшие подразделения СС придавались им для полицейских задач различным министерствам, рейхскомиссарам и так далее. Эти особые подразделения эсэсовцев по разным поводам неправильно использовали, и он подумал, что это может относиться к части переданной в распоряжение гауляйтера Коха. Он сказал мне о том, что немедленно начнет расследование.

На следующий полдень он позвонил мне, как он сказал, из штаб-квартир, и дал мне знать, что попытка такой акции на самом деле была предпринята по приказу Коха. Кох со своей стороны ссылаясь на фюрера. Однако, фюрер пока не ответил. Гейдрих сказал, что я получу дальнейшие подробности.

Два дня спустя Гейдрих попросил меня зайти и посетить его, и сказал о том, что Гитлер прямо заявил о том, что не отдавал такого приказа, Кох теперь сказал, о том, что было недопонимание. Дальше мне сказали о том, что началось расследование в отношении Коха. В любом случае, я особенно хорошо помню одну фразу, которая была использована в дискуссии, слова использованные Гейдрихом: «Господин Фриче, поверьте мне, любому у кого есть репутация жестокого, не

²⁰⁸ Рудольф Хёсс (1900 — 1947) — комендант концентрационного лагеря Освенцим (4 мая 1940 — 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943 — 1945), заместитель главного инспектора концентрационных лагерей в Главном административно-хозяйственном управлении СС, оберштурмбаннфюрер СС (18 июля 1942). Казнён по приговору польского суда.

обязательно быть жестоким, он может поступать гуманно».

Вскоре после этого, я стал солдатом и попросил отправку в 6-ю армию, и был отправлен на Украину.

Фриц: Вы...

Председатель: Минуточку. Я не понял последнюю фразу. Гейдрих сказал: «Господин Фриче, поверьте мне...» и потом...

Фриче: Могу я повторить: «...любому у кого есть репутация жестокого, не обязательно быть жестоким, он может поступать гуманно».

Председатель: Да, но потом вы продолжили говорить о 6-й армии?

Фриче: Да, вскоре после этого я стал солдатом...

Фриц: Господин председатель, он добавил, что вскоре после этой встречи с Гейдрихом, он лично, то есть подсудимый Фриче, стал солдатом и особенно попросил направить его в 6-ю армию которая тогда дислоцировалась на Украине.

Председатель: Какой была дата этого инцидента?

Фриче: Февраль-март 1942.

Фриц: Когда вы были солдатом в Украине, вы попытались проверить заявления Гейдриха на их правильность?

Фриче: Я не имел никаких официальных полномочий, но как старый журналист я, конечно, провёл собственное расследование.

Прежде всего, я расследовал в Киеве, с местной германской радиостанцией. Ответом было: да несколько расстрелов на самом деле состоялось, особенно после подрыва определенных кварталов домов в Киеве, в связи с чем много немецких солдат погибли. Однако, это были расстрелы в соответствии с приговорами вынесенными военно-полевыми судами.

Потом, 3 дня я ездил по всем направлениям между Киевом и Полтавой. В основном я ездил в одиночку. Я обнаружил население в полнейшем спокойствии, вообще не было никаких признаков террора и кстати, меня очень хорошо принимали.

Под Полтавой я проверял у офицеров и солдат. По этим поводам, мне также сказали: «Да, были какие-то военно-полевые приговоры. Причиной этих приговоров был саботаж».

Потом в самом Харькове, я посетил командование СС дислоцированное там, и я переговорил со штурмфюрером Рехлихом. Он отрицал какие-либо расстрелы. Он показал мне тюрьму и там было вероятно 50 заключенных, не больше. Я спросил его о лагерях, и он заявил о том, что никаких не было.

Затем я навещил украинскую семью, я опрашивал немецкого сельскохозяйственного руководителя в Белгороде, и я получал одинаковый результат в каждом случае, не было никаких расстрелов.

Фриц: До этого письма, которое фюрер СС направил вам, вы не имели никаких подозрений, вероятно из союзных радиопередач которые были вам доступны?

Фриче: Эти радиопередачи были мне доступны. Я специально собирал тогда доклады о жестокостях и выбирал из большого числа вражеских радиопередач, которые мы принимали каждый день, и потом расследовал и проверял эти сообщения.

Фриц: Кто занимался их проверкой?

Фриче: Компетентный специалист, оберрегинрунгсрат Кёрбер, ответственный за отдел новостей управления прессы, или один из его сотрудников или я сам.

Фриц: Где это проверяли?

Фриче: Мы запрашивали РСХА, так как в большинстве этих докладов упоминалось о жестокостях СС или Гестапо как тех кто совершал убийства.

Фриц: В какие из многих органов данного ведомства вы обращались?

Фриче: Мы запрашивали различные компетентные службы, и я не сомневаюсь, что мы запрашивали Эйхмана²⁰⁹, которого упоминали на процессе. Кроме этого, мы запрашивали штурманбаннфюрера Шпенглера²¹⁰ или его заместителя фон Кельпински²¹¹ оба являлись сотрудниками ведомства, которое позднее принял Олендорф²¹², который также явился сюда в качестве свидетеля. Часто мы запрашивали управления главного управления безопасности Рейха, также так называемые отделы контроля государственной полиции, особенно если были сообщения из особого района.

Фриц: Какие ответы вы получали?

Фриче: Мы всегда получали ответ, что спорное сообщение было либо полностью ошибочным или было выдумкой, или что сообщение имело то или это законное основание.

Часто цифры и детали, о которых сообщали в свою очередь были обезоруживающими.

Фриц: Есть какие-нибудь записи об этом?

Фриче: Да. Более важные вопросы и ответы отмечались, и даже воспроизводились и направлялись в различные ведомства внутри и вне министерства пропаганды. Весь материал собирался в архивах вышеназванной «службы новостей», о которых я заявил ходатайство и которое было мне одобрено, но не найдено.

Фриц: И вы просто верили в эти ответы?

Фриче: Да, я верил им, ибо в конце концов, это была информация, которую давали

²⁰⁹ Адольф Эйхман (1906—1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Заведовал отделом Гестапо IV В 4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». Оберштурманбаннфюрер СС. После войны скрылся от суда в Южной Америке. Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был судим, приговорён к высшей мере наказания и казнён

²¹⁰ Вильгельм Шпенглер (1907 – 1961) – штандартенфюрер СС. Начальник отдела III С (пресса и культура) РСХА. Судом по денацификации был приговорен к 2 года трудовых лагерей.

²¹¹ Вальтер фон Кельпински (1909 – 1946) – оберштурманбаннфюрер СС. Начальник сектора III С 4 РСХА занимавшегося вопросами культуры и пропаганды. Казнен по приговору советского трибунала.

²¹² Отто Олендорф (1907 — 1951) — деятель германских спецслужб, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Начальник III управления РСХА (1939—1945), занимавшегося сбором сведений о положении дел внутри страны, начальник айнзацгруппы D (1941—1942). Казнён по приговору американского военного трибунала

мне официальные источники, и кроме этого я много раз испытывал, что аутентичность подобных сообщений из этих источников решительно подтверждалась.

Фриц: Что вы имеете этим в виду?

Фриче: Возможно, я могу привести вам пример. Первой пропагандистской акцией войны было сообщение Варшавы об уничтожении картины «Чёрная Мадонна²¹³» из Ченстохова. Это сообщение передали по всему миру. Мы взяли немецких и зарубежных журналистов в Ченстохов, которые смогли воочию убедиться в том, что это сообщение неправда.

Но я должен быть здесь достаточно честен и сказать, что я на самом деле хотел привести другой пример в ответ на данный вопрос поставленный моим защитником, который на самом деле произвел для меня свой удивительный последующий эффект в этом зале суда 2 или 3 дня назад. Британская газета «News Chronicle²¹⁴» 24 сентября 1939 напечатала сообщение о том, что немецкие...

Председатель: Какая доказательственная ценность у «News Chronicle» за 1939?

Фриц: Подсудимый хочет подтвердить высокому трибуналу, что он узнавал, что много сообщений из-за рубежа, о немецких жестокостях, на самом деле были ложными, поэтому...

Председатель: Что же, нам не нужны эти подробности. Несомненно, часто были сообщения которые были неточными. Мы не хотим, что бы вдавались в детали.

Фриче: Я хотел подтвердить лишь одной новостью то как в то, что мир верил можно было опровергнуть и тогда, в тени этого опровержения, совершенно незамеченного немецкой публикой, случилось нечто подобное большой волне арестов или похожее дело.

Председатель: Он может заявлять о фактах, но ему не требуется вдаваться в подробности о конкретном газетном номере.

Фриц: Господин Фриче, лишь однажды вы узнали о ложности подобных зарубежных передач?

Фриче: Нет, это происходило довольно часто.

Фриц: Господин Фриче, пожалуйста, будьте кратким.

Фриче: Один из моих сотрудников собирал необходимый материал для статьи под названием «107 случаев лжи за 8 недель войны». Я бы хотел сказать об этом лишь одно. Подборка таких ложных сообщений приводимых нашим противником давала мне чувство морального превосходства над подобным типом сообщений, и это чувство преобладало в моей дальнейшей работе, которую нельзя объяснить без такого чувства.

Фриц: Вас не поразило, что подобные ложные сообщения случались только в

²¹³ Ченстоховская икона Божией Матери — чудотворная икона Богородицы, написанная, по преданию, евангелистом Лукой (подобное предание существует и о Владимирской иконе, и о ряде других). Главная святыня Польши и одна из самых почитаемых святынь центральной Европы. Из-за тёмного оттенка лика также известна как «Чёрная мадонна».

²¹⁴ «Хроника новостей» - английская газета издававшаяся с 1872 по 1960.

начале войны?

Фриче: Нет, такая мысль никогда не приходила мне. Вначале доклады были столь многочисленными, и я также мог замечать их в следующие годы. Некоторые влияли на меня лично.

Фриц: Насколько они влияли лично на вас? Вы можете очертить это в нескольких словах?

Фриче: Лишь одно из многих заявлений: сводка вражеской фронтовой пропаганды обвинила меня в том, что 600000 шведских крон...

Председатель: Что он теперь говорит? В чём цель этого?

Фриц: Он хочет привести пример, о том, как ложные заявления применяли лично к нему. Он хотел коротко высказаться об этом.

Председатель: Что же, как я уже сказал, несомненно, были ошибочные заявления, сделанные в зарубежной прессе и любой прессе. Мы не можем исследовать подобные вопросы.

Фриц: Тогда я перехожу к другому вопросу.

[Обращаясь к подсудимому] Вы как опытный журналист новостной службы, не ощущали, что нет дыма без огня? Вы не верили, что хотя бы что-нибудь из вражеских сообщений об убийствах и тому подобном должно было быть правдой в районах под германским владычеством?

Фриче: Именно потому, что я был профессиональным новостником у меня не было такого чувства. Снова и снова я думал — я непрерывно напоминал публике — об одном ошибочном сообщении Первой мировой войны. Я прошу трибунал дать мне разрешение кратко упомянуть это, потому что это также часть фундаментальных основ пропаганды, которую я проводил.

Председатель: Нет, я уже указал на то, что мы признаем, что были разные ошибки. Нам не требуются подробности.

Фриц: Тогда я перехожу к другому вопросу.

[Обращаясь к подсудимому] Но вам было точно известно о том, что евреев эвакуировали из Рейха; вы должны были замечать, что они исчезали с улиц?

Фриче: Да, я замечал это, хотя это происходило очень постепенно. Помимо этого я слышал, как доктор Геббельс по случаю министерского совещания говорит, что как гауляйтер Берлина он требовал эвакуации евреев.

Фриц: Куда, по вашему мнению, забирали этих евреев, и что вам говорили о таких вещах?

Фриче: Доктор Геббельс говорил мне о том, что их забирали в резервации в Польше. Никогда не возникало подозрения о том, что их забирали в концентрационные лагеря или о том, что их даже убивали.

Фриц: Вы запрашивали об этих резервациях, в которые предположительно забирали евреев?

Фриче: Конечно, я так делал. Например, я узнавал о разных вещах от моего

бывшего коллеги, который был переведён в администрацию Генерал-губернаторства²¹⁵ и который имел административную должность в регионе Бяла-Подляска. Он говорил, что район под его контролем стал еврейским районом, и он постоянно изображал прибытие и размещение этих перевезённых. Он также упоминал сложности и трудоустройство евреев как рабочих или на плантациях. Всё его описание свидетельствовало о его гуманной точке зрения. Он сказал мне о том, что при нем с евреями обращались лучше, чем в Рейхе.

Фриц: Как зовут этого человека?

Фриче: Оберрегинрунгсрат Хуберт Куль²¹⁶.

Фриц: Вы слышали неблагоприятные доклады об этих депортированных евреях?

Фриче: Да. Штурмбаннфюрер Радке из штаба рейхсфюрера СС сообщал, возможно зимой 1942, о том, что смертность евреев в восточных гетто была аномально высокой в результате смены умственной работы на ручной труд. Он упоминал, что даже были отдельные случаи тифа.

Помимо этого, доктор Таубер²¹⁷, который был главой отдела занимавшегося еврейскими вопросами в управлении пропаганды, сказал мне в 1941, если я правильно помню, что были погромы во время оккупации Львова и Ковно, но, что они осуществлялись местным населением. Он тогда же заверял меня в том, что немецкие власти предприняли шаги против этих погромов. Вместе с тем, ссылки на такие вещи заставляли меня жёстко критиковать такие дела, даже при том, что сегодня эти вещи выглядят почти несущественными в сравнении с тем, что нам известно сегодня. Моя критика была направлена против моих вышестоящих начальников, в частности доктора Геббельса, и также против коллег и сотрудников Гестапо и партии. Я непрерывно ссылаясь на правовую, политическую и моральную необходимость защиты этих евреев, которые в конце концов, были доверены нашей заботе.

Фриц: Вы, узнавали, что-нибудь ещё о судьбе этих евреев?

Фриче: По нескольким поводам евреи или родственники, или друзья евреев обращались ко мне, из-за дискриминации или арестов. Большое число неевреев тоже делали это, так как моё имя было хорошо известно публике. Без исключения, я делал их просьбы своими и пытался помогать через различные ведомства, такие как РСХА, через кадровый отдел моего министерства, через отдельных министров и гауляйтеров, и т.д.

Фриц: Почему вы обращались к столь многим властям и ведомствам?

Фриче: Было очень много запросов, и если моё имя появлялось слишком часто в

²¹⁵ Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

²¹⁶ Хуберт Куль (1903-1942) — В 1934 — 1939 сотрудник рейхсминистерства пропаганды. Руководитель района в Генерал-губернаторство в 1939-1942. Вместе с женой был убит партизанами.

²¹⁷ Эберхард Тауберт (1907 — 1976) — немецкий юрист. Сотрудник рейхсминистерства пропаганды в 1933-1945, руководитель антикоммунистического направления пропаганды министерства. После войны сотрудничал с британскими и американскими спецслужбами.

одном и том же ведомстве его эффективность быстро исчерпывалась.

Фриц: Случалось, что вы отказывали в таких просьбах?

Фриче: Нет, ни в одном случае, и я бы хотел подчеркнуть, что в частности из-за письма адресованного мне в эту тюрьму, не переданного мне, но опубликованного в прессе. Это было письмо, в котором женщина утверждала, что отказал в прошении о помиловании. Я особенно помню тот случай, и я бы хотел коротко подчеркнуть, что в данном случае я прямо призвал рейхсминистра юстиции ...

Председатель: Ему не достаточно сказать, что он в них не отказывал. Нам не требуется один пример о том, что кто-то написал ему.

Как долго вы будете продолжать доктор Фриц?

Фриц: Мне кажется, я смогу завершить всё дело Фриче завтра утром.

Господин председатель, я слышал о том, что открытого заседания не будет этим вечером...

Председатель: Да.

Фриц:... иначе я смог бы завершить всё дело Фриче сегодня. Однако, я надеюсь, что смогу завершить допрос подсудимого по своему делу и свидетеля фон Ширмейстера. Я надеюсь, что завтра в полдень я смогу закончить.

Председатель: Трибунал тоже на это надеется, потому что, как я указал вам, мы не хотим вдаваться в такие развёрнутые подробности. Вы вдавались, по мнению трибунала, в слишком мелкие подробности, и мы хотим более общего рассмотрения предмета.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 28 июня 1946]

День сто шестьдесят шестой

Пятница, 28 июня 1946

Утреннее заседание

[Подсудимый Фриче вернулся на место свидетеля]

Фриц: Господин председатель, уважаемый суд, подсудимый Фриче, в конце вчерашнего утреннего заседания дал показания о том как он пытался помочь

преследуемым лицам, в рамках своих ограниченных возможностей. Для того, чтобы завершить эту тему, и с одобрения обвинения, я предъявляю документ номер Фриче-6, письменные показания графа Вестарпа, которые находятся в моей документальной книге номер 2 на страницах 23-25, датированные 15 июня 1946. Я прошу трибунал принять судебное уведомление о содержании данного документа.

Кроме того, как ещё одно доказательство, я бы хотел приобщить еще одни письменные показания госпожи Крюгер, Берлин, которые будут документом номер Фриче-8. Эти письменные показания ещё не включены в мою документальную книгу. Однако, оригинал был подготовлен госпожой Крюгер на немецком и на английском, и обе копии были заверены и приведены к присяги. Я бы хотел сослаться на содержание этих письменных показаний, особенно на два последних параграфа. Из предпоследнего параграфа, можно увидеть, что кроме индивидуальных случаев госпожа Крюгер имела общие сведения о деятельности подсудимого. И последний параграф довольно интересный, он касается образа жизни подсудимого Фриче.

Помимо этого, я также ссылаюсь здесь на всё содержание данной статьи, и я прошу высокий трибунал принять судебное уведомление о данном документе.

Наконец, в связи с этим, я бы хотел сослаться на письменные показания данные доктором Шарпингом, которые часто цитировали, документ номер Фриче-2, который находится в документальной книге Фриче номер 2, страницы 6-15. Я особо ссылаюсь на страницу 13 внизу страницы и вверху страницы 14.

Господин Фриче, я бы хотел поставить два более общих вопроса по данной теме. В течение последнего периода войны, вы не пытались выяснить, что-нибудь об окончательной судьбе евреев?

Фриче: Да. Я сделал всё, что мог из возможности на которую я кратко сошлюсь позднее. Я спросил коллегу обергруппенфюрера Глюкса²¹⁸, в Ораниенбург-Заксенхаузене²¹⁹ о евреях. Коротко суммируя, его ответ был следующим: евреи находились под особой охраной рейхсфюрера СС, который желал сделать их предметом политического торга. Он смотрел на них как некоего рода заложников и не желал, чтобы с их голов упал хотя бы один волосок.

Фриц: Некоторые из свидетелей обвинения утверждали в ходе процесса о том, что немецкая публика знала об этих убийствах. Итак, я хочу спросить вас как журналиста работавшего в национал-социалистическом государстве, в чём заключалось, насколько вам известно, отношение широких масс немецкого народа к евреям? Народ знал об убийствах евреев? Пожалуйста, будьте кратким.

Фриче: Оставив в стороне все вопросы которые упоминали на этом процессе, я бы

²¹⁸ Рихард Глюкс (1889 — 1945), руководитель системы нацистских концентрационных лагерей (3 марта 1943 года — 8 мая 1945 года), группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС (9 ноября 1943 года). Главный инспектор концентрационных лагерей в 1943-1945. Покончил жизнь самоубийством.

²¹⁹ Заксенхаузен — нацистский концентрационный лагерь, расположенный рядом с городом Ораниенбургом в Германии. Освобождён советскими войсками 22 апреля 1945 года.

хотел упомянуть лишь несколько наблюдений, которые кажутся мне важными. Я опускаю период сразу после Первой мировой войны, который уже описывали, в течение которого определенные антисемитские чувства были популярными в Германии. Я бы хотел заявить лишь о том, что в 1933 во время еврейского бойкота организованного НСДАП, симпатии немецкого народа явно повернулись в пользу евреев. Так, ряд лет партия с трудом пыталась отговорить публику от покупок в еврейских магазинах. Наконец, она даже была вынуждена прибегнуть к угрозам. Обоснованным и решающим фактором в таком развитии являлось принятие Нюрнбергских законов. Как результат, эту борьбу против евреев первое время воспринимали как область чистой агитации, то есть, такой вид агитации от которой можно было оставаться в стороне и переносить в область государственной полиции.

В то время глубокое ощущение страха пробежало по немецкому народу, так как теперь раскол прошёл даже по отдельным семьям. В то время это приводило ко многим человеческим трагедиям, которые были очевидны многим, наверное, каждому, и было лишь одно оправдание этим расовым законам. Для них было лишь одно оправдание и одно объяснение, это было утверждение надежды: что же, теперь хотя и болезненно проводилось разделение населения, и ввиду этого разделения мир будет там, где раньше царил беспорядок.

Когда евреев заставили носить эмблему звезды и когда, например, в Берлине было запрещено занимать места в трамваях, немецкий народ открыто принял сторону евреев, и случалось снова и снова, что евреям настойчиво предлагали места. В связи с этим я слышал несколько заявлений доктора Геббельса, который был чрезвычайно удручён таким нежелательным эффектом обозначения евреев.

Я, как журналист, работавший в этот период, твёрдо убеждён в том, что немецкий народ не был осведомлен о массовых убийствах евреев и утверждения об этом считал слухами, и сообщения доходившие до немецкого народа извне снова и снова официально опровергали. Так как у меня нет этих документов, я не могу по памяти цитировать отдельные случаи опровержений, но один случай я помню особенно чётко. Это был момент, когда русские после того как возвратили Харьков, начали судебные слушания²²⁰, во время которых убийство газом упоминалось впервые.

Я прибежал к доктору Геббельсу с этими сообщениями. Он заявил о том, что ему нужно было изучить вопрос и обсудить это с Гиммлером и Гитлером. На следующий день он направил мне записку с опровержением. Данное опровержение не являлось публичным, и указанная причина заключалась в том, что в немецких судебных процессах необходимо гораздо более ясно излагать вопросы, требующие

²²⁰ 15 декабря 1943 года в Харькове начался первый в мире открытый процесс над нацистскими преступниками. На скамье подсудимых находились трое немецких палачей: капитан В. Лангхельд, Г. Риц, Р. Рецлав. Рядом с ними сидел советский предатель — их подручный М. Буланов.

разъяснения. Однако, доктор Геббельс откровенно сообщил мне о том, что газовые машины упоминавшиеся в русских процессах были чистой выдумкой и что не было никакого подтверждения этого.

Не без причины люди, которые управляли этими газовыми машинами, находились под строжайшей секретностью. Если бы немецкий народ узнал об этих массовых убийствах, он бы точно не поддерживал Гитлера. Он бы наверное принёс в жертву 5 миллионов, но никогда не пожелал бы победы убив 5 миллионов человек.

Я бы хотел далее заявить, что данное распоряжение Гитлера об убийстве кажется мне концом каждой расовой теории, каждой расовой философии, любого рода расовой пропаганде, так как после этой катастрофы любое дальнейшее оправдание расовой теории будет равнозначно одобрению в теории дальнейшего убийства. Идеология, во имя которой были убиты 5 миллионов, это теория, которая не может продолжать существовать.

Фриц: Теперь я перехожу к другой теме. Вас обвиняют в разжигании жестокостей, и что результаты вашей пропаганды охватывали каждый этап заговора, включая ненормальное и бесчеловечное обращение и поведение. Поэтому в связи с этим, я должен спросить вас по вопросу концентрационных лагерей.

Вы знали о существовании концентрационных лагерей?

Фриче: Да, факт их создания был объявлен публично, мне кажется в 1933; и позднее концентрационные лагеря упоминались в официальных коммюнике.

Фриц: В чем, по вашему мнению, заключалось предназначение этих лагерей?

Фриче: Как я припоминаю, люди которых должны были забирать в эти лагеря были теми кого нельзя было удерживать от активного участия против нового государства. Говорилось о том, что причиной для создания этих лагерей была ненормальная внутривнутриполитическая ситуация преобладавшая в то время; слабая центристская партия и две сильных крайних партии, одна из которых теперь получила власть. Предпринимались шаги, что поставить дело на подобающую законную основу. Лишь позднее упоминалось, что рецидивистов тоже должны были помещать в концентрационные лагеря, чтобы помешать им возвращаться к преступной жизни.

Фриц: Вы, что-нибудь знали о количестве концентрационных лагерей, которые были созданы с течением времени?

Фриче: До войны я слышал о трёх лагерях. Во время войны я подозревал, что было пять-шесть, и схема с большим количеством, которую здесь вешали, была для меня довольно удивительной.

Фриц: Вы знали, что-нибудь о количестве заключенных в этих лагерях?

Фриче: Ничего определенного. В начале войны, зарубежные доклады упоминали миллионы заключенных. Тогда, вместе с несколькими журналистами я попросил обергруппенфюрера Гейдриха подготовить интервью с сотрудниками местной и зарубежной прессы для того, чтобы обсудить вопрос. Он это сделал. Насколько я помню, он не дал никаких чётких цифр, но скорее он сравнил их с числом

заключенных в тюрьмах и исправительных учреждениях в былые дни. Это сравнение не показалось тревожным. Это было зимой 1940 или 1941.

Фриц: У вас были какие-нибудь сомнения в точности этих цифр?

Фриче: Тогда нет.

Фриц: Вы, что-нибудь знали об условиях в концентрационных лагерях? Вы говорили с кем-либо, кто когда-либо находился в концентрационном лагере?

Фриче: Да. Уже в 1933 или 1934 я говорил с журналистом, который был интернирован на несколько недель в концентрационный лагерь Ораниенбург²²¹, который был старым лагерем Ораниенбург. Он сообщил мне о том, что лично его не пытали, но что он видел и слышал о том как остальных избивали и как их пальцы специально прижимали дверью.

Фриц: Вы просто приняли эти сообщения и ничего не предпринимали по этому поводу?

Фриче: Совершенно наоборот! Я делал довольно многое. Тот журналист — мне кажется, его звали Штольценберг, насколько я помню — не желал, чтобы называли его имя. Я написал три письма, одно доктору Геббельсу — и он сообщил мне о том, что он изучит вопрос — ещё одно письмо Фрику как министру внутренних дел, и одно Герингу как прусскому министру-президенту.

Старшие сотрудники из этих дух ведомств позвонили мне и сказали мне о том, что проводится расследование. Вскоре я услышал о том, что этот старый лагерь Ораниенбург был распущен и о том, что коменданта приговорили к смерти. Такой доклад представил мне господин фон Лютцов, который был пресс-секретарём Дильса²²² или Диля, который тогда был главой государственной полиции.

Фриц: После этого первого успешного протеста против плохого обращения, вы получали какие-нибудь дальнейшие доклады о жестокостях в концентрационных лагерях?

Фриче: Нет. Я не получал никаких дальнейших докладов о плохом обращении. Напротив, я часто делал отдельные запросы сотрудникам Гестапо или отделу прессы рейхсфюрера СС. Все отдельные лица, которых я спрашивал, заявляли следующее: зверства в концентрационных лагерях случались только в 1933 или в начале 1934, в то время, когда лагеря охраняли члены СА, у которых не было профессии — то есть, такими членами СА, которые имели в своём распоряжении целый день, и некоторые из них были далеки от самого лучшего типа людей. В связи с этим мне далее сказали, что 30 июня означало, что состоялась чистка. 30 июня устранили тех гауляйтеров и тех руководителей СА, которые злоупотребляли своей властью. Они наконец заявляли, что теперь концентрационные лагеря

²²¹ Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

²²² Рудольф Дильс (1900 — 1957) — первый руководитель гестапо, тайной государственной полиции Третьего рейха, с момента создания в 1933 до апреля 1934 года. Оберфюрер СС.

охраняли СС, которые использовали профессиональных охранников, профессиональных администраторов и официальных экспертов занимавшихся уголовными делами и чиновников по контролю за тюрьмами. Мне сказали о том, что должно было быть гарантией от злоупотреблений.

Фриц: Вы делали запросы об определенных людях, которые находились в концентрационных лагерях?

Фриче: Конечно, я делал запросы о хорошо известных личностях, таких как отче Нимеллёр²²³ или Шушниг, также о Липкенсе, личном секретаре Гесса, которого арестовали, и в каждом случае я получал информацию, которая была обнадеживающей.

Фриц: Они, конечно, могли быть исключениями, потому что они являлись хорошо известными и видными людьми. Вы не пытались поговорить с другими людьми, которые были в концентрационных лагерях?

Фриче: Да. В апреле 1942 я встретил бывшего функционера коммунистической партии по имени Рейнтген. Мы 6 месяцев были солдатами вместе, и поэтому он сообщал мне довольно откровенно ничего не скрывая. Он сказал о том, что с ним плохо обращались в 1933, избивая плетью по спине, но не потом. Эта информация полностью совпадала с моими наблюдениями.

Фриц: Вы лично посещали концентрационные лагеря?

Фриче: Нет, я никогда не находился на площадке концентрационного лагеря. Однако зимой 1944-45 я часто бывал в административном здании возле лагеря Ораниенбург-Заксенхаузен. Помимо этого, я говорил с заключенными так часто как мог, если получалось увидеть их либо на марше или на работе.

Фриц: С кем вы говорили об Ораниенбурге?

Фриче: С коллегой обергруппенфюрера Глюкса и дважды с ним лично. Они сказали мне о том, что зарубежные доклады о жестоком обращении были ложными. Они сказали мне о том, что обращение было не только гуманным, но решительно хорошим, так как, в конце концов, заключенные были ценными работниками. Довольно долго я говорил о рабочем времени, так как тогда было принято довольно глупое распоряжение о всеобщем увеличении рабочего времени. Отношение Глюкса было очень разумным, а именно, что увеличенное рабочее время не обязательно приводит к более высокой производительности. Поэтому рабочее время от 8 до 10 часов в день оставалось, как и раньше. Он ничего не упоминал об уничтожении в результате работы. Это то, о чём я впервые услышал в суде.

Фриц: И что насчёт ваших вопросов которые вы задавали напрямую заключенным?

Фриче: Что же, прежде всего, там всегда присутствовал охранник и вполне естественно, что заключенные были подозрительными, но в результате я всегда получал положительные ответы на положительные вопросы. Короче, суть этих

²²³ Мартин Нимёллер (1892 — 1984) — немецкий протестантский богослов, пастор протестантской евангелической церкви, один из самых известных в Германии противников нацизма, президент Всемирного совета церквей,

ответов всегда была одинаковой, что их несправедливо арестовали. Их еда на самом деле была лучше, чем в тюрьме и я часто слышал фразу: «Что же, всё равно мы здесь не солдаты». Оружием охранников были только винтовки или револьверы, я не видел никаких дубинок.

Фриц: Вы не становились более и более подозрительным об этих концентрационных лагерях, после прослушивания вражеских сообщений по радио?

Фриче: Недолгое время, по причинам которые я приводил вчера. Сообщения английских членов парламента о случае Бухенвальда²²⁴ впервые упоминались в апреле 1945. Но это дело было настолько недавним, что краткости ради, мне не требуется описывать подробности инцидентов которые происходили в министерстве пропаганды.

Фриц: Как вы объясните тот факт, что преступления и самое худшее плохое обращение, несомненно, имели место в концентрационных лагерях?

Фриче: Я нахожусь между молотом и наковальней, поскольку я услышал первые достоверные доклады о таких вещах здесь в тюрьме. Лишь часть об этих ужасных условиях, которые оказывается существовали можно объяснить в результате остановки перевозок и коммуникаций в конце войны. Остального более чем достаточно. Очевидно, распоряжение о тайном массовом убийстве людей ожесточало в ужасной степени тех людей которым поручили исполнение этого распоряжения.

Председатель: Трибунал не знает, имеет ли это объяснение какую-нибудь ценность как доказательство. Мы уже слышали всё об этом предмете. Он дал нам своё объяснение о том, почему он говорит, что не знал.

Фриц: Господин председатель, у меня есть ещё два вопроса которые я хотел бы задать подсудимому.

Господин Фриче, здесь в суде сказано о том, что условия в концентрационных лагерях были общеизвестными немецкому народу. Как журналист, вы приведете своё мнение и причины на чём оно основано.

Председатель: Он нам это уже не рассказывал?

Фриц: Господин председатель, нет, я прошу прощения. Он приводил своё мнение, когда это был вопрос плохого обращения и уничтожения евреев, но по теме уничтожения евреев, я спрашивал его...

Председатель: Что же, вы спросили его о том, в чём заключалось его мнение как журналиста. Я не понимаю какое это имеет для нас значение.

Фриц: Господин председатель, я буду благодарен, если вы позволите мне задать вопрос, так как это мой предпоследний вопрос. Я ожидаю ответа от подсудимого, ответа который поможет суду в формировании суждения.

---

²²⁴ Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

Председатель: По какому вопросу вы хотите его мнение как журналиста?

Фриц: Подсудимый Фриче хочет повторить несколько заявлений, таких которые, например, делал доктор Геббельс.

Председатель: Хорошо, вы можете задать вопрос.

[Обращаясь к подсудимому] Вы поняли вопрос?

Фриче: Мне кажется, возникла путаница, постольку поскольку я не желаю цитировать доктора Геббельса по этой теме, но скорее во взаимосвязи с нашей последней серией вопросов, которая кажется, мне более важной чем тот вопрос, который вы мне сейчас задали.

Фриц: В любом случае, я бы хотел, чтобы вы дали мне короткий ответ на мой вопрос. Мне повторить вопрос?

Фриче: Спасибо, не надо. В связи с этим я бы хотел кратко сослаться на заявления, которые я уже сделал об убийствах, о том, что было много слухов, но эти слухи опровергали. Несомненно, стальное кольцо молчания окружало эти ужасные вещи и единственная вещь которую я заметил в ходе своей работы, и которая кажется мне важной, то, что в РСХА и некоторых её подразделениях должны были существовать группы которые систематически работали над сокрытием этих жестокостей давая заверяющие заявления и опровержения ведомствам которые представляли публику.

Фриц: Теперь я бы хотел задать последний обширный вопрос. В ходе своего допроса, вы сделали заявления о Гитлере и его политике, которые полностью отличаются от тех которые вы давно делали в своих радиопередачах, и т.д. Вы можете кратко рассказать нам о дате и причине изменения вашего мнения?

Фриче: Я хочу ответить на данный вопрос очень точно. Первый краеугольный камень на пути к такому пониманию не кроется в немецком поражении ибо правое или ошибочное не зависит от победы или поражения. Факт заключался в том, что Гитлер пытался использовать это поражение для уничтожения немецкого народа, как теперь ужасно подтвердил Шпеер и я мог наблюдать на последнем этапе конфликта в Берлине, когда обманом лелея ложные надежды, мальчиков 15, 14, 13 и 12 лет экипировали лёгким оружием для борьбы с танками и звали в бой, мальчиков которые в противном случае могли быть надеждой для будущего восстановления. Гитлер нашёл спасение в смерти, оставив за собой приказ продолжать сражаться. Он также оставил после себя официальное сообщение о гибели в бою.

Я узнал о том, что он совершил самоубийство, и таким образом моё последнее публичное заявление 2 мая 1945, заключалось в том, чтобы дать знать каждому об этом самоубийстве, ибо я хотел убить легенду о Гитлере в зародыше.

Затем, в тюрьме, я услышал от сокамерника, немецкого майора по имени Шфорнер, о том, что он был арестован Гестапо, о том, что его пытали с целью заставить его признаться, и что в его, присутствии избивали его жену. Это было вторым камнем.

Третий этап касался, ещё одного сокамерника, всемирно известного

географа генерала Нидермайера²²⁵, который подтвердил мне, что причины приведённые Гитлером для нападения на Россию, были ложными, по крайней мере в одном важном пункте. После его беседы с переводчиком он смог сказать мне о том, что на решающей дискуссии Молотова²²⁶ и Риббентропа в 1941, Молотов не выдвигал никаких новых требований, но скорее требовал, чтобы гарантии данные в 1939 вступили в силу. Поэтому, часть приведённых причин – и я подчёркиваю данное положение – о том, что наше нападение на Россию должно было предотвратить русское нападение, уже не были верными.

Четвёртым фактором было доказательство, предъявленное здесь в суде об убийстве 5 миллионов евреев. Я уже высказывался об этом.

Я считаю своим единственным долгом дать показания о ещё одном заявлении, которое доктор Геббельс сделал в моём присутствии в субботу 21 апреля 1945. Доктор Геббельс, который находился в состоянии высочайшего возбуждения, говоря о последнем решающем прорыве русских рядом с Берлином, сказал:

«В конце концов, немецкий народ не хотел по-другому. Немецкий народ большинством в результате плебисцита решил о выходе из Лиги наций и против политики уступок и выбрал, вместо этого, политику отваги и чести; этим» - заключил доктор Геббельс – «сам немецкий народ выбрал войну, которую теперь проиграл»

Это были последние слова, которые я услышал от доктора Геббельса и эти слова неправда. Я заявляю под присягой: доктор Геббельс никогда раньше не придавал подобного значения плебисциту. Он никогда не давал такой интерпретации. На самом деле было прямо противоположное. Во время плебисцита, немецкому народу снова открыто дали торжественное заверение в воле к миру со стороны Гитлера и его соратников.

Поэтому, я убеждён в том, что Гитлер, и по крайней мере его коллеги умышленно лгали народу в решающие моменты, с самого начала своей политической карьеры, и кое-что не такое важное для истории, лично я, тоже ощутил себя обманутым.

Фриц: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к подсудимому Фриче.

Председатель: Кто-нибудь из защитников подсудимых желает задать какие-нибудь вопросы?

Штамер: Свидетель, вы когда-нибудь слышали или убеждались, в начале, когда организовывали концентрационные лагеря, что в дополнение к обычным лагерям

²²⁵ Оскар фон Нидермайер (1885 — 1948) — немецкий военный деятель, разведчик. В 1942-1944 командовал т.н. туркестанскими частями сформированными из советских военнопленных. В СССР был приговорен к 25 годам лишения свободы. Умер в тюрьме.

²²⁶ Молотов Вячеслав Михайлович (1890 — 1986) — российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

существовали так называемые «дикие лагеря» созданные руководством СА без сведений компетентных властей?

Фриче: Нет. Я ничего об этом тогда не слышал. Я услышал о такой разнице в концентрационных лагерях впервые здесь в суде.

Штамер: На основе ваших нынешних знаний, вы можете утверждать, случались ли злоупотребления которые вы описали в этих «диких» лагерях?

Фриче: Я могу дать вам очень точный ответ на этот вопрос. Эти злоупотребления, о которых я узнал, происходили в старом лагере Ораниенбург, лагере расположенном на Берлинерштрассе. Я не знаю, к какой категории относился этот лагерь. Однако, эти злоупотребления прекратились, и я подчёркнул в своих показаниях, что почти сразу как я направил письмо прусскому министру-президенту, меня вызвал министриальрат или министриальдиректор, и меня заверили в том, что будет проведено расследование – обещание, которое сдержали – но в любом случае я не помню, был ли направлен мне окончательный доклад из этого ведомства.

Штамер: У меня больше нет вопросов.

Кубушок: В июне 1934 была запрещена публикация марбургской речи фон Папена. Правильно сказать, что с этого времени, любое заявление со стороны подсудимого фон Папена можно было опубликовать только с предварительного одобрения министерства пропаганды?

Фриче: Это верно, и даже близко по смыслу. Конфискация марбургской речи, как я отчётливо помню, проводилась по инициативе Берндта²²⁷, который позднее стал министриальдиректором. Этот человек обратил внимание доктора Геббельса на речь. В отношении любых других заявлений Папена, принцип заключался в том, что даже не министерство пропаганды имело право выпускать их для публикации, а скорее, оно должно было передавать это либо лично министру или фюреру.

Кубушок: В своих показаниях вы упомянули о том, что вы некоторое время знали подсудимого фон Папена, и что вам удалось узнать его, когда вы посещали Турцию. Когда вы посещали Турцию?

Фриче: В январе, мне кажется, это был 1944.

Кубушок: В чём заключалась цель вашего визита?

Фриче: Я выступал перед немецкой колонией в Стамбуле и Анкаре по случаю 30 января.

Кубушок: Господин фон Папен имел какое-нибудь отношение к данной речи и торжествам.

Фриче: Нет, чуть менее чем никакое. Я получил официальную просьбу из Берлина проследить за тем, чтобы господин фон Папен не уклонялся от празднования 30 января, как он хотел сделать. Я не пытался убедить господина фон Папена остаться, и поэтому он уехал из своего ведомства и поехал кататься на лыжах.

²²⁷ Альфред Берндт (1905 - 1945) – немецкий журналист. Сотрудник министерства пропаганды и народного просвещения Рейха в 1936-1943. Был убит в ходе боев на Восточном фронте.

Кубушок: На этом всё.

Клефиш: Свидетель, вы сейчас сказали о том, что вам сообщали, что в конце 1933 и начале 1934 безработные люди СА охраняли определенные концентрационные лагеря и, что наверное злоупотребления относились к этому факту. У меня есть один вопрос: кто сообщил вам об этом? Кто был автором данного доклада?

Фриче: Тогдашний начальник прессы или эксперт по прессе рейхсфюрера СС Гиммлера, по имени Герхард Радке.

Заутер: Свидетель, позавчера вы заявили о том, что подсудимый Функ не занимался пропагандой в министерстве пропаганды, но что в основном он занимался организационными и финансовыми вопросами. Теперь я бы хотел попросить вас ответить на несколько вопросов о деятельности Функа в министерстве пропаганды.

Свидетель, вам известно, что в начале было управление прессы правительства Рейха, и это было государственное учреждение. Как долго существовало это управление прессы, и чем оно стало?

Фриче: Оно существовало довольно немного времени, по крайней мере до марта 1933, когда оно было органом министерства иностранных дел. С тех пор оно стало органом министерства пропаганды и имело двоякую задачу: прежде всего, быть управлением прессы министерства и во-вторых, продолжать функционировать как управление прессы правительства Рейха.

Заутер: Свидетель, вы можете сказать мне, кто, начиная с марта 1933 – то есть с включения управления прессы в министерство пропаганды – являлся начальником этого управления прессы и, во всех практических смыслах, был начальником системы прессы? Это был Функ или был кто-то ещё?

Фриче: Нет, это был министриальрат Янке²²⁸, предшественник министриальдиректора Берндта. Это управление прессы затем было разделено на три отдела: немецкая пресса...

Заутер: Свидетель, меня это не интересует, меня интересует знать лишь о том, был ли начальником этого отдела подсудимый Функ или же правильно сказать, что он не имел никакого отношения к этим вопросам.

Фриче: Номинально, конечно, он был начальником, но к практической деятельности он не имел никакого отношения. Об этом заботились доктор Геббельс, Ханке²²⁹ и Янке.

Заутер: И позднее Берндт?

Фриче: Да.

Заутер: Свидетель, есть ещё один вопрос. Кто руководил политикой прессы в министерстве пропаганды? Я всё ещё ссылаюсь на государственный орган. Подсудимый Функ имел какое-нибудь отношение, или кто это был? Кто руководил

²²⁸ Курт Янке (1898 – 1962) – немецкий журналист и государственный деятель. В 1933 – 1936 начальник пресс-службы правительства Рейха и начальник отдела печати рейхсминистерства пропаганды.

²²⁹ Карл Ханке (1903–1945) — государственный и партийный деятель Германии, обергруппенфюрер СС (30 января 1944), последний рейхсфюрер СС (1945). Пропал без вести.

политикой прессы?

Фриче: В то время доктор Геббельс лично осуществлял эту функцию. Позднее это был начальник управления прессы Рейха, доктор Дитрих.

Заутер: Подсудимый Функ был государственным секретарём министерства пропаганды или по крайней мере имел титул государственного секретаря. Итак, глядя на данный предмет достаточно общо, меня интересует знать: он, фактически, имел положение государственного секретаря и осуществлял власть как таковую, или другой чиновник осуществлял функцию государственного секретаря как постоянного заместителя министра?

Фриче: Само собой, естественно он имел положение, власть, престиж, и содержание государственного секретаря, но практическая работа на него мало распространялась.

Заутер: Как это происходило?

Фриче: Я уже упоминал это. Практически, Функ занимался организацией и финансами, так как они относились к гигантскому культурному концерну, который развивался в то время, в то же время саму политику создавал доктор Геббельс с начальником своего министерского аппарата Ханке, который был преемником Функа в качестве государственного секретаря.

Заутер: Свидетель, у меня есть последний вопрос, относящийся к другой теме.

Вам известно, что министр доктор Геббельс, в ноябре 1938 или позднее, сказал о еврейских погромах 9 ноября 1938²³⁰, в отношении подсудимого Функа?

Фриче: Гораздо позднее доктор Геббельс заявил в моём присутствии о том, просто нужно предпринимать радикальные меры, например, когда Функ постоянно заявлял о том, что евреев нельзя было устранять из экономической жизни, однако, он, доктор Геббельс, должен был доказать Функу, что это можно сделать в результате организации мятежей 8 ноября.

Заутер: В связи с этим он говорил, что-нибудь о том, что эта еврейская акция, за которую был ответственным доктор Геббельс, была также инициирована с целью дискредитировать доктора Функа и поставить его перед свершившимся фактом? Он заявлял, что-нибудь такое?

Фриче: В этом был смысл ответа, который я только, что вам дал.

Симерс: Господин Фриче, в этом суде мы услышали тяжкие обвинения предъявленные подсудимому Рёдеру из-за статьи в газете «Volkischer Beobachter». Статья, на которую я ссылаюсь «Черчилль потопил «Athenia», которая была опубликована 23 октября 1939.

Господин председатель, это документ PS-3260 или экземпляр GB-218.

Я бы хотел поставить несколько вопросов относящихся к случаю с «Athenia». Господин Фриче, когда министерство пропаганды получило доклад о

²³⁰ Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин — погром (серия скоординированных атак) против евреев во всей нацистской Германии и части Австрии 9—10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами.

торпедировании «Athenia» и по каким каналам?

Фриче: Я не могу привести точную дату по памяти, но я знаю, что мы получили этот доклад по радио; то есть, мы слышали об этом в зарубежной передаче.

Симерс: Это сообщение по радио пришло вскоре после потопления «Athenia», это верно?

Фриче: Без сомнения.

Симерс: Министерство пропаганды связывалось с высшим командованием флота, чтобы узнать подробности этого?

Фриче: Да, я лично сделал это, потому что у меня в ведомстве оказался посредник от высшего командования флота по вопросу цензуры.

Симерс: С кем вы связывались в высшем командовании флота, и что вы узнали?

Фриче: Прежде всего, я переговорил с офицером, который находился со мной, которого я сейчас называл, капитан-лейтенантом Ханом. Потом он позвонил и по всей вероятности я тоже позвонил в ОКМ²³¹. Насколько я помню, я говорил с корветтен-капитаном Вольфом.

Симерс: И что вам сказал корветтен-капитан Вольф?

Фриче: Он сказал мне уже на том раннем этапе, что ни одной германской подводной лодки не было в спорном районе.

Симерс: Я бы хотел напомнить вам о том, что «Athenia» была потоплена 4 сентября 1939.

Что делало министерство пропаганды после заявления высшего командования флота о том, что германская подводная лодка не топила корабль?

Фриче: Потом этот доклад был обнародован.

Симерс: Господин Фриче как получилось, что спустя почти 6-7 недель вышла статья «Черчилль потопил «Athenia», которая была опубликована 23 октября 1939? Вам показать статью?

Фриче: Спасибо, не надо. Я особенно хорошо помню данный инцидент, так как я проверял свою память об этом с того времени как дело снова впервые подняли в суде.

Я знаю, что лично Гитлер приказал напечатать данную статью, дав подробные указания. Приказ написать статью пришёл по двум разным каналам: во-первых, через телефонный звонок начальника управления прессы Рейха, доктора Дитриха; и во-вторых, через телефонный звонок доктора Геббельса или одного из его сотрудников - я не смогу сказать кого из двух. Этот приказ должны были передать в «Volkischer Beobachter».

Теперь мы переходим к обстоятельствам, ход которых я помню в подробностях. Когда я сказал одному из своих сотрудников проинформировать «Volkischer Beobachter», он вернулся ко мне с докладом, что это не требовалось,

²³¹ ОКМ (нем. Oberkommando der Marine; нем. ОКМ) — верховное командование кригсмарине, высший орган управления ВМФ Германии до и во время Второй мировой войны.

потому что «Volkischer Beobachter» уже услышал необходимые подробности напрямую от штаб-квартиры фюрера.

Симерс: Когда приказ был отдан Гитлером или даже Геббельсом?

Фриче: Я полагаю за день до его выхода.

Симерс: Какое-нибудь ведомство высшего командования флота имело какую-либо связь с этой статьей?

Фриче: По моим сведениям, нет.

Симерс: До опубликования данной статьи, вы говорили с гросс-адмиралом Рёдером об этой статье или уведомили его о приказе отданном Гитлером об этом?

Фриче: Нет, мне кажется, что высшее командование флота вообще не имело никаких сведений о статье. Статья вышла так как я это сейчас вам описал.

Симерс: Когда-либо вы с кем-нибудь говорили в высшем командовании флота, или с гросс-адмиралом Рёдером об этом случае?

Фриче: Только здесь, в тюрьме.

Симерс: Господин Фриче, правильно, что в сентябре 1939 «Times» заявила о том, что в Чехословакии немцы убили 10000 чехов в Праге, включая мэра?

Фриче: Я не знаю, было ли это опубликовано в «Times», но в любом случае это было опубликовано в «News Chronicle».

Симерс: Как министерство пропаганды отреагировало на это?

Фриче: Немецких и зарубежных журналистов взяли в Прагу. Если я не ошибаюсь, один из зарубежных журналистов который поехал в Прагу в одиночку присутствует в этом зале суда.

Симерс: Что выяснили эти зарубежные журналисты?

Фриче: Они взяли интервью у мэра Праги, которого предположительно был убит; они путешествовали по стране и соответственно докладывали.

Симерс: Согласно этому, сообщение было явной неправдой?

Фриче: В то время данный доклад показался мне достаточно ложным. Однако, я должен добавить, что с понедельника этой недели, с показаний господина фон Нейрата, мне стало совершенно ясно, что под прикрытием этого сильного и эффектного опровержения, акция арестов действительно прошла в Чехословакии. Я должен добавить это; я должен внести ясность. И если бы...

Председатель: Доктор Симерс, как это влияет на Рёдера?

Симерс: Господин председатель, мне кажется это неким образом параллельно случаю в статье в «Volkischer Beobachter», которую обвинение подчёркивает по причинам непонятным мне.

Председатель: Трибунал думает о доказательстве как недопустимом.

Симерс: Господин Фриче, вам известно в чём заключалось отношение доктора Геббельса к гросс-адмиралу Рёдеру?

Фриче: Из нескольких заявлений, которые Геббельс сделал о гросс-адмирале Рёдере можно было понять, что он имел к нему враждебное отношение.

Его причина, часто высказываемая, заключалась в, отрицательном отношении Рёдера к партии и к пожеланиям партии, и его положительное отношение к церковным вопросам, включая защиту которую он предоставил флотским священникам, которые подвергались нападкам со стороны партии.

Симерс: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Хорн: Свидетель, вы заявили о том, что генерал Нидермайер присутствовал на совещании, которое состоялось между Молотовым и Риббентропом. Откуда вы получили эту информацию?

Фриче: В вашем вопросе есть ошибка. Я не сказал, что генерал Нидермайер принимал участие в данном совещании. Что я сказал – и я буду более откровенен – что во время своего заключения я узнал это от генерала Нидермайера, который недели или месяцы до этого, делил камеру с переводчиком, у которого была задача переводить дискуссию Молотова и Риббентропа.

Хорн: Генерал Нидермайер назвал вам имя этого переводчика?

Фриче: Несомненно, но я не пытался это вспомнить.

Хорн: У меня есть ещё один вопрос. После последней дискуссии 30 августа 1939 между британским послом сэром Невилем Гендерсоном и тогдашним министром иностранных дел фон Риббентропом, в которой довели до публики условия переговоров с Польшей, эти условия на следующий день были опубликованы в «Daily Telegraph»²³²; и предположительно этот номер был отозван. Что вам известно об этой статье?

Фриче: Прежде всего, я бы хотел поправить еще одну ошибку которая вкралась в ваш вопрос. На следующее утро, «Daily Telegraph» не опубликовал условия или ноту, но опубликовал доклад о том, что во время предыдущей ночи британское правительство консультировалось о германских требованиях к Польше, условиях которые передал им их посол в Берлине. Поэтому из статьи можно понять – по-другому это нельзя интерпретировать – что эти условия были известны Лондону.

Хорн: Большое спасибо.

Тома: Господин Фриче, вчера вы заявили о том, что в течение войны «Volkischer Beobachter», находился на прямой связи с фюрером и с штаб-квартирой фюрера. На каких отдельных членов штата «Volkischer Beobachter» вы ссылались?

Фриче: Я не ссылался конкретно на людей в «Volkischer Beobachter»; я в основном думал о людях в штаб-квартире фюрера. Значит, доктор Дитрих и его делегаты занимались тем, что напрямую звонили в «Volkischer Beobachter».

Тома: Вам известно, что после 1937 Розенберг больше не был главным редактором «Volkischer Beobachter»?

Фриче: Я убежден, что ещё до этого времени он занимал этот пост только своим именем

²³² «Дейли телеграф» (англ. The Daily Telegraph, иногда просто The Telegraph) — ежедневная британская газета, основанная в 1855 году.

Тома: Свидетель, вы можете сказать суду, что касалось действий партии – например сожжения книг, бойкота в апреле 1933, погрома в ноябре 1938 – кто был движущей силой всех этих акций?

Фриче: Сегодня я твердо убеждён в том, что это был доктор Геббельс.

Тома: Свидетель, вам известно, что Геббельс всякий раз, когда Гитлер находился в Берлине, был гостем Гитлера?

Фриче: Это не соответствует правде. За годы до войны, доктор Геббельс видел Гитлера, несомненно, очень редко.

Тома: У меня ещё один вопрос. Вам известно, что Геббельс имел прямой телефон к Гитлеру?

Фриче: Это для меня новость. Я впервые слышу об этом.

Председатель: Доктор Тома это не имеет никакого отношения к Розенбергу, тот факт, что у Геббельса была прямая линия с Гитлером?

Тома: Господин председатель, я лишь хотел спросить Фриче о том имел ли Розенберг такую же связь с Гитлером как и Геббельс.

Фриче: Я не знаю, какие телефонные линии имел Розенберг, но я знаю, что я часто слышал о том, что Розенберг редко посещал Гитлера.

Тома: Большое спасибо.

Председатель: Кто-нибудь из защитников подсудимых желает задать вопросы?

[Ответа не последовало]

Председатель: Тогда мы прервёмся.

[Объявлен перерыв]

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Руденко: Я хочу начать ваш допрос с выяснения роли, которую играла немецкая пропаганда в преступной деятельности гитлеровского правительства. Скажите, вы признаете, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию и внедряла в сознание немецкого народа идеи превосходства немецкой расы? Вы признаете это?

Фриче: Вопрос затрагивает две проблемы. Могу я ответить на обе? Я признаю, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию, но я отрицаю, что немецкая пропаганды распространяла теорию «высшей расы».

Руденко: Вы это не признаёте?

Фриче: Нет.

Руденко: Хорошо. Вы признаёте, что немецкая пропаганды возбуждала в немецком народе расовую ненависть к евреям и пропагандировала необходимость их истребления?

Фриче: Снова две проблемы содержатся в данном вопросе. Могу я ответить на обе?

Руденко: Простите, вы можете это не подчеркивать. Вы отвечайте на эти вопросы: два, отвечайте на эти два вопроса. Пожалуйста.

Фриче: Я признаю, как я сделал в ответе на ваш первый вопрос, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию, но я категорически отрицаю, что немецкая пропаганда готовила или призывала к массовым убийствам евреев.

Руденко: Но вы не отрицаете, что немецкая пропаганда возбуждала в немецком народе расовую ненависть к евреям? Вы это не отрицаете?

Фриче: Я даже это не могу безоговорочно подтвердить. Это причина, почему, в своём ответе на второй вопрос, я сделал небольшое различие. Немецкая пропаганда, и под ней я понимаю официальную немецкую пропаганду, даже не проповедовала расовую ненависть. Она говорила о расовых различиях, и что немного другое, но я признаю, что был определенный тип немецкой пропаганды, которая выходила за эти рамки и которая проповедовала явную и примитивную расовую ненависть.

Руденко: Вы признаёте, что деятельность немецкой пропаганды была также направлена на преследование церкви?

Фриче: Нет, даже это я вынужден отрицать.

Руденко: Что немецкая пропаганда не была направлена на преследование церкви?

Фриче: Это именно то, что я хотел сказать. Официальная немецкая пропаганда не преследовала церкви. С другой стороны, для того, чтобы пояснить вам это, здесь снова была неофициальная, незаконная пропаганда, которая проповедовала против церкви. Однако государство и его организации, во время борьбы с церковью, делали много высказываний и заявлений, которые могли создать впечатление о том, что они принимали участие в борьбе против церквей. Под этим я подразумеваю, процессы против священников, которым придавали сенсационное значение.

Руденко: Очень хорошо. Вы признаете, что проводившаяся гитлеровским правительством пропаганда, связанная с так называемой проблемой расширения жизненного пространства Германии, развивала и культивировала в немецком народе милитаристские стремления?

Фриче: Это тоже я категорически отрицаю.

Руденко: Вы признаете, что немецкая пропаганда использовала провокационные методы, ложь и клевету для того, чтобы замаскировать агрессивные планы гитлеровского правительства?

Фриче: Господин обвинитель, мне сложнее всего отвечать на данный вопрос, после того как я добровольно дал показания вчера в этом зале суда. Если мне нужно попытаться очень коротко суммировать, тогда я скажу вот, что: я утверждаю, что немецкая пропаганда во время проведения всех мероприятий, начиная с занятия Рейнланда и кончая нападением на Советский Союз, представляла немецкому народу положение таким образом, чтобы он верил в правоту своего дела, но, с другой стороны, и я уже подчеркивал, когда это произошло, я понял, что все здание этой аргументации покоилось на фундаменте, который был неустойчив.

Руденко: То есть на фундаменте лжи и клеветы?

Фриче: Нет. Позвольте мне извиниться, но ваш способ представлять это так не кажется достаточно верным.

Руденко: Вы станете отрицать, что немецкая пропаганда прибегала к методам лжи и клеветы, вы это отрицаете?

Фриче: Так точно, я это отрицаю, руководствуясь своими подробными сведениями о немецкой пропаганде; и я бы хотел, чтобы вы позволили мне дать очень короткое пояснение в связи с этим.

Руденко: Пожалуйста, дайте объяснение, только по существу моего вопроса дайте объяснение.

Фриче: Конечно. Глядя на это сегодня, несчастьем немецкого народа было то, что его пропаганда, в частности в отношении тех деталей которые можно было проверить и проконтролировать, была настолько чистой, что мы полностью упускали из вида то, что в своих трёх основных принципах было три основных ошибки. Я не могу быть более откровенен.

Руденко: О каких ошибках вы говорите?

Фриче: Во-первых, доверие в гуманность Адольфа Гитлера, которая была уничтожена приказом убить 5 миллионов человек; во-вторых, вера в моральную чистоту системы, которая уничтожалась приказами применять пытки; и в-третьих, абсолютная вера в мирные намерения Адольфа Гитлера, потрясённая тем, что было предъявлено в этом зале суда.

Руденко: Хорошо, мы ещё коснемся этих вопросов, когда будем касаться вашего личного участия в проведении немецкой пропаганды. Сейчас я вас хочу спросить о следующем: вам, конечно, было известно, что в ОКВ существовал специальный отдел пропаганды подчиненный непосредственно подсудимому Йодлю?

Фриче: Это было мне известно, но вы ошибаетесь, если у вас сложилось впечатление о том, что отдел подчинялся подсудимому Йодлю. Он находился в компетенции генерала фон Веделя²³³, и он был преемником штандартенфюрера Гюнтера д'Алкена²³⁴.

Руденко: Хорошо. Я сейчас не намерен уточнять это обстоятельство. Меня интересует другое, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и ОКВ?

Фриче: Я не могу сказать вообще, каковы были отношения между министерством пропаганды и ОКВ. Но зато я могу дать самые точные показания об отношениях между министерством пропаганды и только что упомянутым вами отделом пропаганды ОКВ. От этого отдела имелся специальный представитель в министерском аппарате Геббельса, который ежедневно присутствовал на

²³³ Хассо фон Ведел (1898 – 1961) – немецкий генерал. Сотрудник ОКВ в 1938-1945.

²³⁴ Гюнтер д'Алкен (1910 — 1998), журналист, главный редактор центрального органа СС — газеты «Черный корпус» («Das Schwarze Korps»; 1 марта 1935 года — 8 мая 1945 года), штандартенфюрер СС (30 января 1937 года).

совещаниях в министерстве. По существу он всегда находился вблизи Геббельса.

Руденко: Кем давались пропагандистские задания и установки для ОКВ?

Фриче: Я могу себе это представить только следующим образом. Я думаю, что пропагандистские задания в ОКВ формулировались на основании указаний Геббельса и на основании указаний начальника ОКВ, то есть Кейтеля или Йодля.

Руденко: Как использовалась общегерманская пропаганда в связи с пропагандистскими мероприятиями проводившимися ОКВ?

Фриче: Боюсь, я не совсем понял смысл вашего вопроса.

Руденко: Как общегерманская пропаганда использовалась в связи с мероприятиями пропагандистскими, ОКВ проводившимися?

Фриче: Очевидно, эта пропаганда просто включалась в пропагандистские мероприятия ОКВ, так как доктор Геббельс был настолько влиятельной личностью, что он никогда не допустил бы игнорирования своих пропагандистских установок.

Руденко: Хорошо. Я попрошу ответить, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и министерством иностранных дел?

Фриче: Взаимоотношения иногда бывали напряженными, но за последние годы войны представитель министерства иностранных дел всегда принимал участие в так называемых министерских совещаниях в министерстве пропаганды.

Руденко: Какую роль играло министерство иностранных дел в проведении пропагандистских мероприятий, в особенности касавшихся подготовки и осуществления агрессивных войн?

Фриче: Я хотел бы ответить на этот вопрос следующее: в тот момент, когда начиналось какое-либо мероприятие или война, всегда появлялся представитель министерства иностранных дел с готовой книгой документов, так называемой «Белой книгой»²³⁵. Как создавались эти «Белые книги», мне неизвестно. Во всяком случае, они составлялись не в министерстве пропаганды, и в некоторых случаях я позднее кое-что узнавал о том, как они разрабатывались в министерстве иностранных дел.

Руденко: Правильно будет сделать такой вывод, что министерство иностранных дел принимало самое непосредственное и активное участие в разработке пропагандистских заданий и установок? Это правильно?

Фриче: Это без сомнения правильно, хотя бы потому, что министр иностранных дел оставлял за собой в области пропаганды решающий голос в вопросах, касающихся внешней политики, а также в вопросах той пропаганды, которая была предназначена для заграницы.

Руденко: Вот о роли министра, вы вот здесь не назвали. Вы имеете в виду подсудимого Риббентропа?

Фриче: Само собой разумеется.

²³⁵ Сборники дипломатических и иных документов, как немецких так и захваченных призванные оправдать ведение войны Германией. Публиковались с 1939.

Руденко: Очень хорошо. Вы подтверждаете, что подсудимый Риббентроп лично давал пропагандистское задание объяснять войну с Советским Союзом как превентивную войну?

Фриче: На этот вопрос нельзя ответить просто «да» или «нет». Нужно коротко осветить факты. Тогдашний министр иностранных дел фон Риббентроп принял представителей иностранной и немецкой печати рано утром в тот день, когда начался поход на Россию. Он представил им «Белую книгу», произнес речь, разъясняющую положение вещей, а в заключение подчеркнул:

«Исходя из всех этих причин Германия была вынуждена начать это нападение на Советский Союз для того, чтобы предотвратить советское нападение. Я прошу вас, господа из прессы, пожалуйста, представляйте дело таким образом».

Руденко: Я хотел бы именно этим установить, что пропагандистское задание давалось именно подсудимым Риббентропом. Это я хотел обстоятельство установить. Это вы подтверждаете?

Фриче: Я прошу прощения, но я признал именно то, что вы сказали. Ваш последний вопрос – вывод основанный на том, что я сказал, и с этим я не хочу соглашаться.

Руденко: Да, но вы раньше на предыдущий мой вопрос ответили о решающей роли подсудимого Риббентропа в вопросах проведения пропаганды внешнеполитической. Это правильно?

Фриче: Совершенно верно.

Руденко: Хорошо. Достаточно на этом вопросе. Скажите, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и так называемым министерством восточных оккупированных территорий? Объясните в связи с этим, каким образом осуществлялась связь между этими двумя министерствами?

Фриче: Имелся человек, постоянно осуществлявший связь, который одновременно был сотрудником министерства пропаганды и сотрудником министерства по делам оккупированных восточных территорий. Кроме того, имелось особое учреждение, которое было создано обоими министерствами, и управление его осуществлялось также этими министерствами. Это учреждение под названием «Винета»²³⁶ осуществляло всю пропаганду на Востоке.

Руденко: Понятно. В каком порядке и кем именно разрабатывались пропагандистские пароли или лозунги, как это было принято у вас называть, для оккупированных восточных территорий? Кем именно разрабатывались?

Фриче: Я не могу показать этого под присягой, так как я не знаю этого точно. Но я предполагаю, что они разрабатывались на основе тех принципов, которые существовали для общей пропаганды доктора Тауберта которого упоминали, и его

²³⁶ Винета (особый отдел Министерства пропаганды Третьего Рейха, также Восточный отдел) — подразделение, отвечавшее за идеологическое и пропагандистское обеспечение нападения нацистской Германии на СССР. Отделу было дано название «Винета» по имени мифического города в устье Одера, поглощённого морем в XI–XII веках за грехи его обитателей.

сотрудников, в этом учреждении Винета.

Руденко: Хорошо, но вы, очевидно, знаете и скажете об этом — руководящее влияние министерства пропаганды в этих мероприятиях сохранилось?

Фриче: Непременно. Здесь министерство пропаганды, без сомнения, имело перевес в области инициативы и влияния.

Руденко: Ясно. Скажите, какое влияние оказывал на немецкую пропаганду подсудимый Борман, какая роль принадлежала ему?

Фриче: Эта роль чрезвычайно значительна. Я знаю, что неодобрительно, когда такие заявления делаются здесь о человеке, который предположительно мёртв. Вместе с тем в интересах исторической правды, я скажу вам следующее...

Руденко: Это ещё не известно, умерший. Мы знаем, что Борман отсутствует на скамье подсудимых и является подсудимым по настоящему делу. Поэтому я вас именно и спрашиваю. Пожалуйста, продолжайте.

Фриче: Влияние подсудимого Бормана было необычайно сильным не только во всех остальных сферах, но также и в секторе пропаганды. Это выражалось в следующем:

Во-первых, в целом тип партийной агитации, который я упоминал вчера, был наиболее радикальным. Сообщение по телетайпу от Бормана доктору Геббельсу, имело, скажем, следующее содержание: я слышал жалобы партийных кругов на то, на это или на другое, и они всегда вызывали ускорение работы механизма доктора Геббельса.

Во-вторых — это нечто, что я не могу высказать под присягой, другими словами — доктор Геббельс явно опасался Мартина Бормана. И он всегда скрупулезно старался оправдываться в глазах Бормана за любые поступки которые могли быть неправильно интерпретированы радикальными элементами в партии.

Руденко: Может быть, вы скажите, кто ещё из подсудимых, которые здесь не были названы во время моего допроса, активно участвовал в пропагандистской деятельности и в какой форме? Может быть вам будет удобно сказать о присутствующих здесь подсудимых.

Фриче: Я бы, конечно, не хотел, но я отвечу.

Руденко: Пожалуйста.

Фриче: Кстати, самое благотворное влияние на пропаганду оказывало одно из подразделений подсудимого Кальтенбруннера. Был ли он ответственным за это я не знаю, но вот факты: во время борьбы за реалистическую службу новостей, которую я вчера упоминал, я непрерывно сталкивался с сопротивлением партии и министерства иностранных дел, но я нашёл самую полезную поддержку в отделе РСХА название которого забыл. Этот отдел использовался для подготовки докладов про общий ход мысли или настроение немецкого народа, и эти доклады распространялись различным верховным властям Рейха. В этих докладах показывающих настроение народа часто хвалили реалистические новости, ту самую

вещь, с которой боролись две стороны, которые я назвал.

Руденко: Вы назвали учреждение Кальтенбруннера. Ещё кого из подсудимых можете назвать?

Фриче: Никто из остальных не играл роли в немецкой пропаганде.

Руденко: Подсудимый Гесс, он сейчас отсутствует, правда. Он какое-нибудь оказывал влияние?

Фриче: К большому сожалению нет.

Руденко: Почему именно «к сожалению»?

Фриче: В течение периода, когда он ещё находился в должности, он выполнял очень полезную задачу. Он был, скажем, так, «ведомством для жалоб» по всем недостаткам в партии и государстве. Я желал, чтобы он мог продолжать...

Руденко: Ну, хорошо. Не будем на эту тему распространяться. Теперь перейдем к выяснению вашей личной роли и вашего личного участия в деятельности немецкой пропаганды. Я бы просил вас уточнить, в каких взаимоотношениях вы находились с Геббельсом? Кратко. Вы вчера излагали подробно.

Фриче: Самая краткая формулировка это: лично, незначительно; официально, с течением времени, сильнее и сильнее.

Руденко: Хорошо. Вам известно имя генерал-фельдмаршала Фердинанда Шёрнера²³⁷?

Фриче: Да, я знаю имя.

Руденко: Я сейчас оглашу выдержки из его показаний. Этот документ, господа судьи, я представляю под номером СССР-472.

[*Обращаясь к подсудимому*] Сейчас вам дадут этот документ. Для удобства, абзацы которые я намерен огласить, подчеркнуты красным карандашом. Я буду оглашать выдержку номер 1 – следите по тексту. Читаю:

«Всем было известно, в том числе и мне, что Фриче не только ближайший соратник Геббельса, но и любимец его. Он завоевал эти симпатии Геббельса тем, что в своей политической деятельности во многом копировал его, часто цитировал отдельные выражения Геббельса в своих выступлениях. Геббельс в своих печатных и устных выступлениях ссылался на выводы и прогнозы Фриче, придавая им значение правительственных суждений».

Конец цитаты. Скажите подсудимый Фриче, это соответствует действительности?

Фриче: Могу я спросить, какую цитату вы прочитали, 1, 2 или 3?

Руденко: Я вам сказал первую.

²³⁷ Фердинанд Шёрнер (1892 - 1973) — немецкий генерал-фельдмаршал. В 1944-1945 командующий рядом групп армий. Советским трибуналом был приговорен к 25 годам лишения свободы. В 1955 выдан ФРГ. Немецким судом был приговорен к 4,5 годам лишения свободы за расстрелы собственных солдат.

Фриче: Согласно моему тексту, первая говорит:

«Всем было известно, в том числе и мне, что Фриче не только ближайший соратник Геббельса, но и любимец его».

Руденко: Правильно, правильно. Это именно, я и процитировал. Я вас спрашиваю, это соответствие действительности?

Фриче: Я бы так не выразился, и я думаю это вопрос вкуса. Данное заявление...

Руденко: Я понимаю вас.

Фриче: Минуточку. Мне есть кое-что добавить.

Руденко: Пожалуйста.

Фриче: Выражение «ближайший соратник Геббельса» ошибочное, объективно понятно, и «любимец» – что же, я так не думаю.

Руденко: Ну хорошо. Перейдем дальше.

Вы пользовались полным и безграничным доверием Геббельса и проводили свою работу в министерстве пропаганды, имея широкие полномочия? Вы это признаете?

Фриче: Непременно.

Руденко: Очень хорошо. Таким образом, пользуясь доверием и располагая широкими полномочиями, вы в своих выступлениях целиком и полностью отражали требования гитлеровского правительства, предъявляемые им к немецкой пропаганде? Это правильно?

Фриче: Так точно, как раз в том объеме, о котором я говорил вчера.

Руденко: Сейчас я оглашу выдержки из ваших показаний от 12 сентября 1945 г. Этот документ я представляю под номером СССР-474. Я буду оглашать выдержку номер 1.

Фриче: Могу я, пожалуйста, получить документ?

Руденко: Обязательно, вам дадут сейчас. Следите, выдержка номер один, там отчеркнуто красным карандашом. Я читаю:

«На протяжении длительного времени я являлся одним из руководителей германской пропаганды».

Немного пропуск и далее:

«Надо сказать, что Геббельс ценил меня как убежденного национал-социалиста и способного журналиста, вследствие чего в аппарате германской пропаганды я являлся его доверенным человеком».

Конец цитаты. Это правильно?

Фриче: Господин обвинитель, это неправильно. Я знаю, что подписал данный протокол, но в тот самый момент, подписывая его в Москве, я заявил:

«Вы можете делать всё, что хотите с этим протоколом. Если вы опубликуете его, никто в Германии в это не поверит и ни один интеллигентный человек в других странах тоже, потому, что это

не мой язык».

Я заявляю, что ни один из вопросов, содержащихся в данном протоколе мне не задавали в такой же форме, и я заявляю, что ни один из ответов в этом протоколе не был дан мной, и я подписал его по причинам которые я объясню вам, если вы это хотите.

Руденко: Следовательно, вы не признаете этих показаний.

Фриче: Нет, правда только подпись.

Руденко: Хорошо, только подпись, очень хорошо.

Стало быть, запомним, что в этой выдержке, которую я огласил и которую вы отрицаете, говорится о том, что вас Геббельс ценил как убежденного национал-социалиста и способного журналиста и что вы в аппарате германской пропаганды являлись доверенным человеком. Так, существо, содержание этой цитаты правильно? Вы это не признаете? Одну минуточку, я вам напомню.

Фриче: Да, генерал, это я признаю, я признаю эти факты.

Руденко: Вы это признаете?

Фриче: Так точно.

Руденко: Значит это правильно?

Фриче: Так точно. Я говорю о протоколе, который мне полностью представили.

Руденко: Я вас сейчас спрашиваю конкретно по цитате, которую я огласил. Вы это не отрицаете? Вы это признаёте?

Фриче: Я не буду подтверждать цитату, но я ещё раз подтверждаю содержание которое вы сейчас подытожили.

Руденко: Очень хорошо. Это содержание ни чуть не расходится с цитатой. Оно как раз и вытекает из этого, но в связи с этим, я хочу вас спросить о следующем или вернее, напомнить вам выдержку...

Председатель: Минуточку. Подсудимый, что вы сказали? Вы сказали о том, что не подписывали документ или что вы сделали?

Фриче: Господин председатель, я подписал документ, хотя его содержание не соответствует моим собственным заявлениям.

Председатель: Почему вы это сделали?

Фриче: Я поставил подпись после очень сурового одиночного заключения, которое длилось несколько месяцев, и я поставил эту подпись, потому что один из моих сокамерников, с которым я однажды вступил в контакт, сказал мне о том, что почти каждый месяц суд выносил приговоры просто на основе таких протоколов и без допроса, и я надеялся, что хотя бы так я получу приговор и таким образом закончу своё заключение.

Чтобы не было недопонимания я бы хотел подчеркнуть, что никакой силы не использовалось, и что со мной обращались очень гуманно, даже при том, что мой арест был очень строгим.

Руденко: Хорошо. Вы конечно, не предполагали, подсудимый Фриче, что после

совершенных действий, вам представят дом отдыха, очевидно вы должны были попасть в тюрьму. А тюрьма есть тюрьма. Но этот так, между прочим.

Я хочу вас спросить о следующем: вы говорили здесь, что подписали в 1945 в связи со строгим режимом. Хорошо. Скажите, когда вы прибыли в Нюрнберг, вы были допрошены 3 ноября 1945 года, здесь в Нюрнберге...

Фриче: Так точно.

Руденко: ...генералом Александровым?

Фриче: Так точно.

Руденко: Правильно? Очень хорошо. Я вам напомним некоторые из ваших ответов. Вам задан был вопрос: «Вы давали показания 12 сентября 1945 года. Помните эти показания?»

Вы отвечаете: «Меня очень часто допрашивали и я не знаю, какие показания имеются ввиду».

Вам генерал Александров предъявил показания от 12 сентября, вы ответили: «Этот документ мне известен».

Вас спросили: «Я попрошу вас посмотреть на этот документ, помнили ли вы эти показания?»

Вы ответили: «Безусловно».

И далее: «Вы подтверждаете этот документ, с которым вы ознакомились и который вами подписан?»

Вы ответили: «Безусловно».

Вы помните такое показание, здесь в Нюрнберге?

Фриче: В заявлении, которое вы цитировали, пропущены все те страницы, где я снова и снова заявлял о том, что протокол, представленный мне полный и составленный с целью получения моей подписи. Я пожелал внести 20 или 30 изменений. Некоторые из них разрешили, но исчезли отрывки, в которых я сказал в Нюрнберге о том, что некоторые ответы в этом протоколе содержали определенную правду, но что ни один из них не представляет мои собственные ответы.

Руденко: Очень хорошо. Я сейчас хочу напомнить вам выдержку из вашего заявления от 7 января 1946 года.

Это господа судьи, документ PS-3469. Он в моей книге документов отсутствует, так как он предъявлен защитой. Я цитирую из этого, это очень краткое место.

[Обращаясь к подсудимому] Это параграф 39 вашего заявления: «Однажды доктор Геббельс попытался заставить меня представлять мои тексты на предварительный просмотр. Я отклонил это требование. Объяснение: что я обычно диктую краткий конспект моих речей непосредственно перед выступлением, и что, следовательно, я говорю, почти импровизируя. Он отказался от своей мысли, но при условии, что

если он этого пожелает, я впредь буду говорить на определенные темы».

Это правильно?

Фриче: Так точно.

Руденко: Это свидетельствует о том доверии которое вам оказывалось Геббельсом? Не так ли?

Фриче: Несомненно, он имел ко мне большое доверие, и я это не отрицал.

Руденко: Хорошо. Пойдем дальше.

В этом же документе, который я только что вам назвал, то есть, заявление от 7 января 1946, в параграфе 35 есть такое выражение, это вами собственноручно написано, кажется, на вопросы вашего защитника. Вы говорите: «В постоянно увеличивающейся степени в области радио я становился единственным органом власти в министерстве».

Это соответствует действительности? Я не слышу ответа.

Фриче: К сожалению, я не расслышал конец вашего вопроса, но вы верно процитировали отрывок, и я это написал.

Руденко: И это соответствует действительности, я говорю?

Фриче: Так точно.

Руденко: Хорошо. Стало быть, вы признаёте, что в аппарате немецкой пропаганды, вы после Геббельса занимали наиболее видное место?

Фриче: Нет, мой предыдущий ответ не содержит такое заявление.

Руденко: Я вас спрашиваю...

Фриче: Я признаю, что я имел самое влиятельное положение в германском радио, главой которого я являлся.

Если теперь вы задаете новый вопрос, спрашивая, кто занимал вторую позицию во всём аппарате пропаганды после доктора Геббельса, я отвечу: доктор Дитрих - государственный секретарь или государственный секретарь доктор Науман²³⁸...

Руденко: Один момент. Я не сказал второе место, я сказал наиболее видное место. Против этого вы будете возражать?

Фриче: Я не возражаю использованию вами слова «влиятельное», но это не меняет мой ответ.

Руденко: Очень хорошо, ещё сильнее, именно «влиятельное». Хорошо. Перейдем дальше.

В этом же заявлении от 7 января у вас указывается – это в параграфе 15: «В течение всего периода времени с 1933 по 1945 задачей «отдела немецкой прессы» являлся надзор за отечественной печатью... Более 2300 немецких газет подлежало этому надзору».

²³⁸ Вернер Науман (1909 — 1982) — государственный деятель Германии, журналист, бригадефюрер СС (апреля 1943). Государственный секретарь министерства пропаганды и народного просвещения в 1944-1945.

И далее:

«При проведении данного мне доктором Геббельсом задания, я согласно инструкциям министерства пропаганды, охватил своей деятельностью всю область снабжения информацией, всей германской прессы и всего германского радио».

Это правильно?

Фриче: Я не знаю, правильно ли вы процитировали последнюю фразу, но я полностью признаю первые фразы. Это мои письменные показания документ PS-3469. Слово в слово они соответствуют правде.

Руденко: Хорошо. Совершенно правильно. Скажите, вы организовали в составе руководимого вами отдела немецкой прессы специальную службу «Schnelldienst» - служба скорости, которая снабжала немецкую прессу провокационным материалом. Вы это признаете?

Фриче: Если вы согласитесь вычеркнуть выражение «провокационным» и заменить его выражением «материалом для пропаганды», то я это признаю.

Руденко: Хорошо. Я думаю, что оценку этому даст трибунал. Не будем полемизировать на эту тему.

Теперь последний вопрос из этой группы вопросов. Скажите, ваши выступления по радио, которые именовались: «Ганс Фриче говорит», воспринимались как правительственные и официальные? Это так?

Фриче: Я вчера объяснял вам это. Это были, сами по себе, личные мои работы, но эти личные работы, оглашаемые публично, причем работы министриальдиректора из министерства пропаганды и руководителя немецкого радио, разумеется, воспринимались как официозные, не как полностью официальные, и с этим фактом приходилось считаться, и я считался с этим.

Руденко: Хорошо. Сейчас я хочу вновь обратиться к показаниям Фердинанда Шёрнера, которые я уже представил суду под номером СССР-472. Я хочу огласить выдержку номер 2. Это выдержка номер 2. Вы нашли, подсудимый Фриче?

Фриче: Да.

Руденко: Я оглашаю...

Председатель: Генерал Руденко, трибунал хочет увидеть весь этот документ или, во всяком случае, хочет посмотреть на вопросы, на которые были эти ответы.

Руденко: Господин председатель, он представлен полностью.

Председатель: О, я вижу. Вы имеете в виду, что у нас есть на английском языке только те части, которые перевели на английский язык?

Руденко: Совершенно правильно. Я оглашаю выдержку номер 2:

«Мне известно, что Фриче был видным работником министерства пропаганды, весьма популярным в национал-социалистских кругах и в германском народе. Широкую известность он приобрел своими еженедельными военно-политическими

международными обзорами по радио. Мне приходилось часто слушать выступления Фриче как в мирное время, так и во время войны. Его выступления, проникнутые фанатической преданностью фюреру и национал-социализму, я воспринимал как директивы партийного и правительственного руководства».

Вы согласны с такой оценкой?

Фриче: Я не могу заявить никаких возражений этой цитате, но кроме этого...

Председатель: Генерал Руденко, документ под присягой?

Руденко: Этот документ оформлен в соответствии с процессуальными нормами, которые действуют в Советском Союзе.

Председатель: Где они были взяты?

Руденко: В Москве.

Председатель: Человек, который сделал данное заявление — он находился на свободе или он находился в тюрьме?

Руденко: Он находился в то время в плену.

Председатель: Человек, который предположительно сделал данное заявление, подписал его?

Руденко: Конечно.

Председатель: Продолжайте.

Руденко: Благодарю вас. И так вы...

Фриче: Могу я добавить, что мне известно о том, что на отдалённых фронтах, или например, в немецких колониях за рубежом, мои речи по радио считались, скажем так, политическим компасом.

Руденко: Понимаю. Я хочу ещё вам представить и ознакомить с одним документом

Я сейчас, господа судьи, представляю под номером СССР-471 показания Ганса Фосса²³⁹.

Подсудимый Фриче, вам знакомо это имя вице-адмирала Ганса Фосса?

Фриче: Имя мне известно, но этого человека я не знаю.

Фриц: Господин председатель, я извиняюсь. Может быть, заявление генерал-фельдмаршала Шёрнера не заслуживает столько внимания, но во всяком случае я не смог установить из документа где его составили.

Председатель: Генерал Руденко сказал, что он был составлен в Москве.

Фриц: Но протокол, сам протокол, это не показывает, и потом я также заметил, что фотокопия, которая есть у меня, не показывает подпись фельдмаршала. Просто

²³⁹ Ганс-Эрих Фосс (1897-1969) — немецкий военно-морской деятель; вице-адмирал (1944). С 1939 г. офицер Адмирал-штаба в штабе командования группой ВМС «Восток». С 1939 г. начальник Командного отдела (с января 1942 г. — Управленческой группы) Командного управления ОКМ. С 1 марта 1943 г. состоял представителем Главнокомандующего ВМФ гросс-адмирала К. Дёница в Ставке А. Гитлера. 30 апреля (по другим данным, 6 мая) 1945 г. взят в плен советскими войсками. Военным трибуналом Московского военного округа 16 февраля 1952 г. приговорен к 25 годам тюремного заключения. 22 декабря 1954 г. досрочно освобожден и 17 января 1955 г. передан властям ГДР.

сказано «подписано». Далее справа рукописная приписка, но я не знаю является ли этот документ допустимым с юридической точки зрения.

Председатель: Вы можете посмотреть подлинник и сравнить это.

Руденко: Итак, я говорю о документе 471, это письменные показания Ганса Фосса. Обратите внимание выдержка номер 1. Также подчеркнуто. Я читаю:

«Будучи полностью предан Гитлеру и национал-социалистской партии, Фриче оказал им неоценимые услуги в смысле распространения в Германии национал-социализма».

Конец цитаты. Это соответствует действительности?

Фриче: Во всяком случае, я не буду возражать против этого.

Руденко: То есть, вы согласны с этим?

Фриче: Как я вам сказал, я не возражаю, я не хочу говорить, что я согласен.

Руденко: Но вы не возражаете против такой оценки?

Фриче: Нет, я третий раз говорю, что я не заявляю никаких возражений.

Руденко: Понятно. Хорошо. Пойдем дальше. Далее. Я теперь вас хочу спросить, по вопросам вашего отношения к расовой теории. Вы вчера подробно объяснялись по этому поводу на вопросы вашего защитника, поэтому я поставлю два-три вопроса, и прошу вас ответить кратко.

Вы разделяли эту теорию. Расовую?

Фриче: Так точно, и именно в той мере как описывал вчера.

Руденко: Хорошо. По радио 6 февраля 1940 было передано ваше выступление касавшееся Польши.

Это документ, господа судьи, СССР номер 496. Я не намерен оглашать этого документа, с тем, чтобы не пропагандировать этих взглядов, но вы дайте подсудимому для ознакомления.

Я попросил вас ознакомиться с выдержкой номер 1 которая помещена, в этом документе, очерчено красным карандашом. Это вопрос, как вы оцениваете польский народ.

Я только вас хочу спросить. Это ваше выступление?

Фриче: Мне невозможно узнать свою речь по радио, когда я вижу отрывок только из 20 строчек, учитывая то, что я выступал около тысячи раз, как я говорил вчера. В таком случае, позвольте мне получить полную речь, для того, чтобы я мог узнать свою линию мысли.

Руденко: Но вы ознакомились сейчас с выдержкой этого документа? У вас же полный фотостат этого документа находится. Это полный текст вашего выступления, которое состоялось 6 февраля 1940 в 18 часов 45 минут по радиостанции «Deutschland Sender».

Фриче: Генерал, здесь 20 строчек. Они начинаются со слов: «Значительные усилия были необходимы для...»

Руденко: Правильно, совершенно правильно. Довольно цитировать. Это правильно

и этот документ и есть. Я вас спрашиваю, это вам принадлежит эта речь?

Фриче: Вполне возможно, но если вы приводите мне только 20 строчек из этой речи, я могу лишь подтвердить: в то время, когда я видел официальные германские документы о жестокостях совершенных против немцев в Польше я говорил об этом с сильным отвращением по радио, говорил о том, что видел в этих документах.

Председатель: Мы прервёмся?

Руденко: Очень хорошо.

Тома: Я прошу дать возможность отсутствовать подсудимому Розенбергу в суде вечером, потому что мне нужно провести с ним важное совещание.

Председатель: Да.

[Объявлен перерыв до 14 часов]

Вечернее заседание

Руденко: Подсудимый Фриче, вам сейчас передадут выдержку из вашего выступления 7 июля 1941 года, по поводу сопротивления которое встретили немецко-фашистские войска, вторгшиеся на территорию СССР.

Это, господин председатель, документ PS-3064, представленный уже защитой.

Вы ознакомьтесь с пунктом 7 последним в абзаце, я не намерен его оглашать.

Фриче: Да, я заметил его.

Руденко: Хорошо. Вы признаёте, что вы так именно говорили?

Фриче: Так точно, я признаю это, и я хотел бы подчеркнуть, не цитируя это, в связи с чем было сделано это заявление.

Руденко: Хорошо, хорошо. Я просто хочу вас спросить о следующем: когда, вы в своих выступлениях называете польский народ, советский народ «недочеловеками», оскорбляете их, разве это не есть выражение человеконенавистнической теории?

Фриче: Господин обвинитель, я бы хотел заявить, что я никогда не называл русский или польский народы недочеловеками.

Руденко: Хорошо. Я не намерен с вами спорить, документы говорят сами за себя.

Руденко: Я хочу возвратиться вновь к показаниям Ганса Фосса. Это документ СССР-471. Я его уже предъявлял. Вы обратите внимание на выдержку номер 2. Там подчеркнуто. Я буду читать. Это небольшая выдержка. Читаю:

«Фриче умело влиял на умы немцев, убеждая их, что именно они, немцы, являются высшей расой и поэтому должны управлять другими народами как своими рабами».

Конец цитаты. Это соответствует действительности?

Фриче: Нет, это не соответствует действительности, скорее это противоречит фактам во всех пунктах.

Руденко: Противоречит вашим утверждениям.

Хорошо. Я вам поставлю следующий вопрос. Вам известно имя генерал-лейтенанта Райнера Штаэль²⁴⁰? Это бывший комендант города Варшавы?

Фриче: Я не знаю этой фамилии.

Руденко: Не знали? Хорошо. Сейчас вам дадут документ.

Этот документ, господин председатель, СССР-473; это — показание Райнера Штаэля от 15 сентября 1941 г. Я оглашу первую выдержку. Она у вас отмечена. Я читаю:

«Геббельс и Фриче принимали все меры к тому, чтобы популяризировать среди немцев расовую теорию и убедить их в том, что немцы являются господствующей расой, а остальные народы как низшие должны быть подчинены германской расе господ.

Для того чтобы убедить в этом немцев и заставить их поверить в эту теорию, руководимое Геббельсом и Фриче министерство пропаганды выпустило до войны большое количество кинофильмов, книг, брошюр, журналов и другой литературы, в которой авторы старались доказать превосходство немцев над другими нациями.

Нужно сказать, что в результате деятельности Геббельса и Фриче расовая теория заняла довольно прочное место в сознании значительной части немецкого народа. Это способствовало тому, что в ходе войны германские солдаты и офицеры, усвоившие наставления руководителей германской пропаганды, совершали злодеяния над мирным населением».

Конец цитаты. Скажите, Райнер Штаэль правильно освещает вашу роль в пропагандировании расовой теории?

Фриче: Нет, я бы хотел добавить, что уровень данного заявления даже ниже чем другие заявления предъявленные мне. Я был бы рад если бы хотя бы один из людей чьи показания предъявили мне в такой форме, мог лично явиться сюда для того, чтобы дать показания о документальной основе своего заявления.

Руденко: Я полагаю, что за 6 месяцев процесса, вы достаточно слышали этих свидетельских показаний здесь. Хорошо, пойдем дальше.

Фриче: Нет, я должен сделать это наблюдение: мне не предъявили никакие свидетельские показания по теме обсуждавшейся здесь.

Руденко: Вы надеюсь, помните показания свидетеля Хёсса об уничтожении миллионов людей.

²⁴⁰ Райнер Штаэль (1892 — 1955) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал-лейтенант. В 1943 – 1944 являлся военным комендантом Рима, Вильнюса, Варшавы, Бухареста. Советским судом был приговорен к 25 годам лишения свободы. Умер в плену.

[Ответа не последовало]

Руденко: Я говорю, вы надеюсь, помните показания Хёсса, коменданта лагеря Освенцима²⁴¹ об уничтожении миллионов людей.

Фриче: Я не забыл эти показания, и ни минуты не упустил их из памяти.

Руденко: Хорошо. Я только напомнил. Я не намерен по этому вопросу вас спрашивать. Я перехожу к вопросам, связанным с пропагандой в связи с подготовкой агрессивных планов гитлеровской Германии. Чтобы сократить допрос, я оглашу часть ваших собственных показаний от 12 сентября 1945 которые уже предъявлены трибуналу под номером СССР-474. Найдите выдержку номер два. Она подчёркнута.

Фриче: Я возражаю чтению из этой цитаты точно также как я возражал предъявлению целых протоколов допросов, и я отсылаю вас к тому, о чём я дал показания несколько часов назад о возникновении этого протокола.

Руденко: Вы уже дали объяснение по этому поводу трибуналу и трибунал оценит эти объяснения. Но этот документ предъявлен, и я намерен процитировать вам эту часть показаний. Следите по тексту, выдержка номер 2:

«Для того» - я читаю - «чтобы оправдать этот агрессивный акт» — речь идет об аншлюсе — «Гейбельс дал указание повести против Австрии враждебную кампанию, в частности, он поручил мне изъять из архива старые материалы, компрометирующие в какой-либо мере австрийское правительство, и опубликовать в печати. При этом Гейбельс подчеркивал, что публикуемые материалы должны, прежде всего, свидетельствовать о том, что австрийский народ имеет желание присоединиться к Германии, и о том, что австрийцы, ориентирующиеся на Германию, австрийским правительством преследуются. Кроме того, Гейбельс говорил, что германская пресса должна показать, что немцев, проживающих в Австрии, австрийское правительство систематически притесняет и даже проводит против них массовые репрессивные мероприятия».

И далее:

«При оккупации Германией Чехословакии, Бельгии, Дании, Польши, Норвегии и Балканских стран я, по указанию Гейбельса, также организовывал...».

Председатель: Генерал Руденко, уверен было бы лучше спрашивать его, в связи с

²⁴¹ Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим,

одним из этих параграфов: он говорил это? – нежели сразу предъявлять ему весь документ.

Руденко: Господин председатель, у меня остался один абзац, я имел в виду зачесть его и поставить именно этот вопрос. Если трибунал...

Председатель: Я этому не возражаю. Я лишь предлагаю, что было бы лучше если бы вы предъявляли ему каждый параграф по очереди, а не предъявляли все три или четыре параграфа в одном вопросе.

Руденко: Хорошо, господин председатель. Я так и сделаю.

Я спрашиваю вас, подсудимый Фриче, оглашенный мною абзац в отношении аншлюса вы признаете?

Фриче: Нет, и я утверждаю, что это не то о чём я свидетельствовал. В этом отрывке скорее содержатся мысли, которые имел в виду допрашивавший русский офицер по поводу моих показаний. После составления, протокол был представлен мне для подписи.

Председатель: Минуточку! Что вы в них отрицаете? Возьмём первый параграф.

Фриче: Господин председатель, я протестую всему, в частности выражениям примененным здесь, которые я никогда не использовал. Во время своих допросов в Москве, я заявлял тоже самое, что я заявил вчера на процессе, позавчера и сегодня или как я изложил в своих письменных показаниях.

Председатель: Возьмите первый параграф. Первый параграф вам сейчас прочитали: «Для того чтобы оправдать этот агрессивный акт...». Вам задавали какой-нибудь вопрос об этом, и вы давали какой-нибудь ответ?

Фриче: Так точно. На многих допросах, которые проводили поздно ночью, мне задавали подобные вопросы, и на темы сжатые в этом одном вопросе я отвечал следующее:

Я не помню дату, но когда должна была начаться австрийская акция, меня вызвали к доктору Геббельсу. Доктор Геббельс сказал мне, что австрийское правительство Шушнига имело планы такого-то характера – их здесь довольно подробно описывали – что разразился правительственный кризис, что Зейсс-Инкварт принял правительство, что призыв о помощи пришёл из Австрии, и что теперь состоится поход в Австрию.

Председатель: Сейчас вы говорите нам то, что вы сказали русскому дознавателю или вы говорите нам то, что происходило на самом деле в Германии в момент аншлюса?

Фриче: Я говорю о том, что я сказал русскому офицеру, и именно это происходило в министерстве пропаганды в спорный день.

Председатель: Значит, вы говорите, что первый параграф полностью выдуман, не так ли?

Фриче: Нет, я бы не хотел использовать выражение «выдуман», но я бы хотел сказать – и я прошу разрешения сделать это – какие части в этом параграфе

правильные. Прежде всего, пункт о том, что была враждебная кампания против правительства Шушнига; такая кампания на самом деле была инициирована в германской прессе, было ли это в момент его отставки или незадолго до его отставки я сейчас не помню.

Кроме того, правильно, как изложено в этом параграфе, что предполагалось показать, процитировав как можно более индивидуальные случаи, что при правительстве Шушнига тех кто симпатизировал Германии преследовали. Эти пункты правильные.

Руденко: Собственно говоря, вы этим самым, подтвердили, то, что мною процитировано?

Фриче: Нет, нет, господин обвинитель.

Руденко: Хорошо.

Фриче: Есть существенная разница.

Руденко: Понимаю. С вашей точки зрения. Но, я думаю, вы не отрицаете, того обстоятельства, что вы проводили пропаганду, направленную против австрийского правительства, основной смысл этого вопроса.

Фриче: Это я тоже должен отрицать. Эту пропаганду проводил не я, а мой предшественник, начальник управления германской прессы.

Руденко: Значит, если я вас правильно понимаю, вы отрицаете своё личное участие в этой пропаганде, но не отрицаете по существу такой пропаганды?

Фриче: Вы поймете меня правильно, если под термином «пропаганда» в данном случае подразумевать перечисление мер использованных правительством Шушнига против немецких интересов в целом.

Руденко: Хорошо. Я вам хочу огласить ещё следующий абзац, из этих же показаний, где говорится:

«При оккупации Германией Чехословакии, Бельгии, Дании, Польши, Норвегии и Балканских стран я, по указанию Геббельса, также организовывал аналогичные клеветнические кампании. В каждом таком случае я выискивал какие-либо старые архивные материалы, компрометирующие правительство этих стран перед Германией, и, снабжая их своими комментариями, пытался, таким образом, оправдать тот или иной агрессивный акт Германии».

Конец цитаты. Это вы тоже отрицаете?

Фриче: Так точно, в такой форме я это отрицаю.

Руденко: Но вы также не станете отрицать, что против всех этих стран, перечисленным в этом показании, действительно велась пропаганда в целях агрессии?

Фриче: Я оспариваю ваше последнее замечание. Я признаю факт пропаганды и я описал в подробностях отдельные акции и своё участие в них в моих письменных

показаниях, документе PS-3469.

Руденко: Понятно. Хорошо. Я не намерен больше вас спрашивать по этому вопросу, так как это достаточно освещено также и в вашем заявлении от 7 января 1946, в ряде пунктов, в документе PS-3469, которые по существу не находятся в противоречии с изложенным. Правильно?

Фриче: Я вижу существенную разницу. Но этот документ PS-3469 абсолютно правильный.

Руденко: Правильными. Очень хорошо. Я хотел бы в дополнение к этому огласить показания Фердинанда Шёрнера, это уже представленный мной документ СССР-472, это я имею в виду выдержку номер 3. Он говорит в своих показаниях. Я читаю:

«Политическая деятельность Фриче на посту правительственного радиокомментатора была подчинена главной задаче национал-социализма — развязать мировую войну против демократических народов и всеми средствами способствовать победе германского оружия. Главным методом Фриче, который он применял на протяжении многих лет своей деятельности, как я впоследствии понял, был сознательный обман германского народа. Я потому говорю об этом, что мы, солдаты, особенно остро чувствовали этот обман, так как, вопреки лживым причитаниям Фриче, мы знали действительное соотношение сил на фронте, знали подлинную обстановку. Основная вина таких людей, как Фриче, заключается в том, что они знали истинное положение вещей, однако, несмотря на это, исходя из преступных побуждений гитлеровского правительства, заведомо преподносили народу ложь».

Конец цитаты. Скажите, подсудимый Фриче, такая оценка и характеристика деятельности немецкой пропаганды соответствует действительности?

Фриче: Это полная бессмыслица и получается, что я могу частично доказать это. Господин Шёрнер говорит о деятельности военного корреспондента генерала Диттмара как начавшей агрессивные войны. Генерал Диттмар впервые выступил по радио зимой 1942-1943. Это первый пункт.

Второй пункт следующий: Шернера я никогда не видел, я его не знаю и не говорил с ним. Я удивился бы, если бы он мог дать оценку того, сознательно или неосознанно я говорил где-нибудь что-либо ложное. Однако — и это я должен добавить — во время последних нескольких дней в Берлине я получил косвенно, через государственного секретаря доктора Науманна доклад от генерал-фельдмаршала с инструкцией о том, что на моё усмотрение оставалось, как её использовать. Он докладывал, что он находился в Богемии с армией, которая была целой и что он мог, если бы он захотел удерживать эту территорию неограниченное

время. Мы в Берлине не должны были терять отваги; он мог даже прийти к нам на помощь. Я не знаю, действительно ли Шёрнер сделал данное заявление, но я думаю было бы уместно вызвать генерал-фельдмаршала Шёрнера сюда в качестве свидетеля, чтобы спросить его о том, чем он обосновывает своё суждение.

Руденко: Хорошо. То, что вы не знаете Фердинанда Шёрнера это ещё не является опровержением этого показания, ибо вы сами заявили здесь трибуналу, что вас знали очень многие в Германии как официального представителя правительства, вы же не могли знать всех, это правильно?

Фриче: Обвинитель, если вы мне позволите, я бы хотел обратить ваше внимание на кое-что нелогичное. Даже не зная меня, любому очень просто высказать мнение про вещи о которых я говорил, но каждому невозможно судить о том делал ли я такие заявления из хороших или плохих побуждений. Я уверен, что вы сами понимаете эту разницу.

Руденко: Это опять-таки вы говорите о вашем личном участии, но не отрицая по существу клеветнического характера немецкой пропаганды?

Фриче: И снова я не могу ответить «да» на вопрос поставленный таким образом. Этим утром я дал вам основу для вопросов, которые мне можно поставить. Я вносил свой вклад, в историческую ясность, пытаюсь показать, что был чистый идеализм и были ложные представления, теперь эти вещи путают.

Руденко: Я ставлю вопросы не на основании базиса, который вы говорите дали мне, а на основании тех документов, которыми располагает обвинение.

Перейдем дальше. Я спрашиваю вас, известны вам были документы о проведении операции «Grun²⁴²» против Чехословакии, документы о нападении на Польшу, о нападении на Югославию и в связи с этим проведении пропаганды?

Фриче: С документами по плану «Зелёный» я ознакомился впервые здесь. Но так как вы снова пытаетесь связать меня с пропагандистскими мерами, для меня очень сложно следовать им раздельно. Вероятно, вашей задаче послужит, если я отвечу, что ни в случае с Чехословакией, ни в случае с Польшей ни в любом другом случае я не знал о германских нападениях до часа или получаса до их объявления немецкой публике.

Руденко: За час или полтора часа, вы говорите?

Фриче: Я не желаю ограничивать себя часом и полутора часами. Я вспоминаю, что в случае России у меня были сведения, вероятно, за 5 или 6 часов, от доктора Геббельса.

Руденко: Хорошо. Вам сейчас дадут документ номер СССР-493 о вашем выступлении по радио в связи с нападением на Польшу. Это выступление состоялось 29 августа. Оно было направлено уже заранее на объяснение причин нападения Германии на Польшу. 29 августа. Я не намерен оглашать его, но смысл

²⁴² План «Грюн» (нем. Fall Grün — Зеленый план) — кодовое наименование военной операции немецкого руководства по ликвидации Чехословакии до начала Второй мировой войны.

заключается в том, что уже тогда, 29-го, вы говорили о готовности в любой момент к серьезной неожиданности. Вы ознакомились с этим документом?

Фриче: Так точно.

Руденко: Вы не отрицаете, что вы именно 29 августа 1939 г. выступали с этим заявлением?

Фриче: Нет, этого я, конечно, не оспариваю и не отрицаю. Я хочу лишь сослаться на факт...

Руденко: Пожалуйста, простите, вы ответьте на мои вопросы, потом вы будете иметь возможность дать объяснение. Это было 29 августа? Вы этого не оспариваете.

Фриче: Да.

Руденко: Я вас спрашиваю, вы лично верили в эти объяснения неизбежности войны с Польшей? Вы лично верили этим объяснениям, тогда?

Фриче: О том, считал ли я в тот момент, что война будет неизбежна, — этого я не в состоянии сейчас сказать. Но я смогу рассказать вам одну вещь: мне не казалось, что нужно было винить Германию. Если такая напряженность должна была привести к войне...

Руденко: Достаточно.

Фриче: Я прошу позволения добавить...

Руденко: Я попрошу вас, короче.

Председатель: Генерал Руденко, дайте человеку ответить.

Руденко: Пожалуйста.

Фриче: В то время меня сильно удовлетворило то, что в следующие недели я смог понять из советско-русской прессы, что Советская Россия и её правительство разделяли немецкое мнение по вопросу вины за войну.

Руденко: Я думаю, что вам сейчас об этом не следует говорить. И я не просил вас по этому вопросу объяснений, вы по существу мне не ответили, но я перейду к следующему вопросу. Вы, 9 апреля 1940 г. выступили с объяснением причин возможной оккупации Норвегии. Сейчас вам передадут выдержку из этого вашего выступления.

Господин председатель, это документ СССР-496.

Он у вас находится, подсудимый Фриче, этот документ. Выдержка номер 4.

Фриче: Нет, у меня этого нет. Так точно, я нашёл. Это на странице 4.

Руденко: Очень хорошо. Правильно. Это выдержка четвертая. Я оглашу небольшой абзац этого выступления:

«Тот факт, что германские солдаты были вынуждены выполнять свои обязанности в связи с нарушением Англией норвежского нейтралитета, не привел к войне, а окончился мирными действиями. Никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и ежедневный труд текли обычным путем».

Конец цитаты. Это была ложь? Вы это признаете или станете отрицать?

Фриче: Нет, это была не ложь, так как я сам только, что побывал в Норвегии и видел эти вещи. И всё будет ясно, если вы позволите мне прочитать следующую фразу, которая гласит – следующая фраза гласит следующее...

Руденко: Подсудимый Фриче, один момент. Вы подождите. Вы сумеете прочитать.

Председатель: Но генерал Руденко, вы должны позволить человеку объяснить. Он хочет зачитать следующую фразу, чтобы объяснить эту фразу.

Фриче: Следующая фраза гласит:

«Даже там, где норвежские войска, введенные в заблуждение норвежским правительством оказали сопротивление, это вряд ли повлияло на гражданское население, ибо норвежцы сражались вне городов и деревень...»

Руденко: Хорошо, хорошо. А теперь я вам предъявлю документ «Правительственный доклад норвежского правительства», который уже представлен трибуналу французским обвинением под номером RF-72.

Там, господин председатель, в моей книге документов ошибочно значится этот документ под номером СССР-78. Это документ PS-1800 и представлен французским обвинением под номером 72.

[*Обращаясь к подсудимому*] Послушайте, подсудимый Фриче, как вы правдиво освещали положение в Норвегии. Послушайте, как говорится в правительственном отчете норвежского правительства. Я цитирую это место:

«Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 г. ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения, исчисляющиеся в 250 миллионов крон».

И далее:

«Более 40 тысяч домов было повреждено и разрушено и около тысячи человек из числа гражданского населения убито».

Конец цитаты. Так обстояло положение в действительности. Вы признаете, что ваши выступления 2 мая 1940 г. были очередными клеветническими выступлениями?

Фриче: Нет, я этого не признаю. Я констатирую, что вы, господин обвинитель, при предъявлении этой выдержки не посчитались с тем, что в своем выступлении я говорил о том, что я видел сам при своей поездке в долину Гульбранд и я помню пребывание у Атты. Таким образом, мое описание совершенно не противоречит утверждению норвежского правительства о том, что во время этой акции, Норвегии был нанесен такой значительный ущерб и имели место такие потери.

Руденко: Я думаю, норвежский народ и норвежское правительство достаточно испытали на себе гнёт фашистских оккупантов и отчёт правительственный излагает то, что было, а не так как вы пытаетесь осветить в духе пропаганды вашей, но это

документ представленный в порядке статьи 21 как бесспорное доказательство, и я не намерен с вами спорить. Трибунал оценит эти доказательства. Я имею к вам несколько вопросов в связи уже достаточно освещавшимся здесь фактом. Это о случае с «Athenia». Я не буду вас подробно допрашивать по этому факту, он достаточно ясно установлен. Я спрашиваю вас: вы признаёте сейчас, что фашистская пропаганда клеветнически и лживо преподнесла общественному мнению этот случай с «Athenia».

Фриче: Делала ли это фашистская пропаганда в Италии, мне неизвестно. Национал-социалистическая пропаганда делала это из хороших побуждений, как я четко описал.

Руденко: Я говорю, что хоть сейчас, на основе того, что произошло здесь и установлено, вы признаете, что это было клеветническое выступление или вы и сейчас это отрицаете.

Фриче: Нет, я уже признал это, и я также чётко показал, о том как возникли эти заявления.

Руденко: Хорошо. Меня только интересует в этом вопросе ваша личная роль, почему именно вы так активно выступали по этому вопросу, и почему именно вы первый начали распространять эту клевету?

Фриче: Мне не кажется, что я был первым, кто довёл это до публики. Однако, это факт, что я очень часто выступал о случае «Athenia», на основе официальных докладов, которым я верил. Я говорил об этом случае, потому что получилось так, что я был тем самым человеком, который в начале войны выступал вечерами по радио.

Руденко: Вы, что пытаетесь утверждать, что первое сообщение об «Athenia» появилось в «Volkischer Beobachter» в октябре 1939?

Фриче: Я никогда это не заявлял.

Руденко: Хорошо, тогда я вам напомним, что уже вы выступали по вопросу «Athenia» в сентябре 1939, это правильно?

Фриче: Да, конечно, вопрос «Athenia»...

Руденко: Значит, вы выступали ещё до опубликования этого в «Volkischer Beobachter»?

Фриче: За много недель до этого, да.

Руденко: Значит, вы первый начали распространять это клеветническое измышление?

Фриче: Нет, я не могу подтвердить это, но скорее...

Руденко: Ну хорошо. В связи с этим один только вопрос. Вы не станете отрицать, что и в 1940 вы продолжали распространять эту версию? Я повторю вопрос. Я спрашиваю, вы не станете отрицать, что и в 1940 вы продолжали пропагандировать эту клевету?

Фриче: Суть любой формы пропаганды в том, что она повторяет хорошие и

эффективные вещи как можно чаще и как можно дольше. Я уже объяснял, что в декабре 1945, впервые лишь здесь в тюрьме, я услышал от гросс-адмирала Рёдера, что на самом деле германская подводная лодка потопила «Athenia».

Руденко: Хорошо. Я перейду к группе вопросов, связанных с вашим участием в проведении пропаганды в связи с подготовкой нападения на Советский Союз. Вы утверждаете, что о подготовке нападения на СССР вы ничего не знали до того момента как в 5 часов утра 22 июня – то есть, когда немецкие войска уже вторглись на территорию СССР, вы были вызваны Риббентропом в министерство иностранных дел на пресс-конференцию. Так я понял ваши показания?

Фриче: Нет, уже за несколько часов до этого, то есть вечером предыдущего дня, доктор Геббельс вызвал отдельных руководителей управления министерства пропаганды к себе на дом в Ванзее и сообщил им об этих фактах и запретил им уходить и звонить по телефону. Вот, когда я впервые по-настоящему узнал о предстоящих событиях.

Руденко: Хорошо. Вы утверждаете также, что об агрессивных целях нападения Германии на СССР вам стало известно в результате ваших личных наблюдений лишь в 1942 году? Это правильно?

Фриче: Я не знаю, что вы имеете этим в виду. Этим утром я попытался прояснить, что у меня были некоторые сомнения в правильности кое-каких германских официальных обоснований этого нападения, впервые такие сомнения у меня возникли в тюрьме. Я объяснял это утром. Второе положение, которое я подчёркивал ранее в Москве, когда меня допрашивали, было о том, что я наблюдал в 1942 – может быть в 1941 – после начала войны с Советским Союзом, о том, что приготовления всех видов проводились довольно длительное время до 22 июня.

Руденко: Я вам напомним один абзац из вашего заявления. Это документ, который вы полностью здесь подтверждаете. Это номер PS-3469. Здесь в параграфе 42-м говорится. Здесь небольшой абзац:

«В начале 1942 года, будучи солдатом на восточном театре военных действий, я увидел, что ранее были произведены большие приготовления для занятия и управления территорией, простирающейся вплоть до Крыма. Основываясь на моих собственных наблюдениях, я пришел к заключению, что планы для войны против Советского Союза подготавливались задолго до ее начала».

Это правильное ваше заявление?

Фриче: Так точно.

Руденко: Я не имею больше по этому поводу к вам.

Я хотел бы вам напомнить еще два документа, связанных с проведением пропаганды в связи с подготовкой и нападением на Советский Союз. Я имею в виду протокольную запись совещания у Гитлера от 16 июля 1941 года.

Это документ, господин председатель, L-221 он уже представлен.

[Обращаясь к подсудимому] Сейчас вам дадут этот документ, и я процитирую один абзац или два. Цитирую два абзаца на первой странице:

«Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром, — это, к тому же, вовсе не нужно. Ни в коем случае не следует осложнять наш путь излишними объяснениями. Подобного рода объяснения являются излишними, ибо мы можем сделать все, поскольку у нас хватит власти, а что лежит за пределами нашей власти, мы и без того сделать не можем».

И дальше:

«Мотивировка перед миром наших действий должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь точно таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях и впредь мы также будем умными и не будем этого делать».

Вам было известно о подобного рода установках Гитлера?

Фриче: Нет, о таких указаниях мне не было известно, но... тот факт, что такие замечания и указания были представлены на этом процессе, заставил меня осознать, как я уже сказал, то, что некоторые предпосылки нашей пропаганды не имеют оснований.

Руденко: Хорошо. Вам также не были известны указания о применении пропаганды в районе «Барбаросса»²⁴³, изданные ОКВ и подписанные подсудимым Йодлем?

Фриче: План «Барбаросса» до настоящего процесса не был для меня определенным понятием.

Руденко: Хорошо, дайте документ. Господин председатель, это документ номер С-26 он уже предъявлен трибуналу. Я хочу коснуться только в связи с вопросами пропаганды. 477 в вашей книге документов или С-26 там есть также.

[Обращаясь к подсудимому] Я вам процитирую, подсудимый, один только абзац. Здесь говорится в этих указаниях:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза. В различных частях Советского Союза пропаганда должна пользоваться наиболее распространенным языком. Это, однако, не должно приводить к тому, чтобы характер отдельных пропагандистских текстов преждевременно давал бы повод преждевременно к заключению

²⁴³ Операция «Барбаросса» (Директива № 21. План «Барбаросса»; нем. Weisung Nr. 21. Fall Barbarossa, в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Барбаросса) — разработанный в 1940-1941 гг. план нападения Германии на СССР и одноимённая военная операция, осуществлявшаяся в соответствии с этим планом на начальной стадии Великой Отечественной войны.

о намерениях расчленить Советский Союз».

Конец цитаты. Вы были в курсе дела этих указаний?

Фриче: Я не знал ни документа, ни содержания этих указаний, которые вы только что зачитали.

Руденко: Но я надеюсь, вы не будете отрицать, что именно в таком духе и проводилась пропаганда?

Фриче: Нет, поскольку я мог наблюдать за тем, как проводилась пропаганда в Советском Союзе, я могу сказать следующее: эта пропаганда старалась призвать отдельные национальности к независимости: Украину, Белоруссию, Прибалтику и т. д.

Руденко: Хорошо. Теперь я хочу вас спросить, когда вы впервые встретились с подсудимым Розенбергом и получили от него информацию о задачах немецкой пропаганды на Востоке?

Фриче: Я сомневаюсь в том, что до этого процесса я вообще когда-либо говорил с Розенбергом. Но мне кажется, что в обществе я иногда с ним встречался. Каких-либо деловых или служебных разговоров у меня с ним никогда не было.

Руденко: Хорошо. Вам сейчас дадут документ номер PS-1039. Это отчет Розенберга о подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы. Этот документ уже предъявлялся подсудимому Розенбергу, и он не отрицал, а подтвердил этот документ.

Я хотел, чтобы вы обратились к цитате второй, которая очерчена. Я первую не буду зачитывать, с тем, чтобы не затягивать допрос. В этом отчете говорится:

«Кроме этих переговоров, которые были освещены выше» - я упустил этот абзац – «я принял ответственных представителей всей пропаганды, а именно: министра-директора Фриче, посланника Шмидта, имперского интенданта радиовещания Гласмайера²⁴⁴, доктора Гроте от ОКВ и других. Не входя в подробности политического направления, я доверенно информировал указанных лиц о необходимой позиции с просьбой без каких-либо высказываний соответствующим образом следить за всей терминологией прессы.

В моем аппарате появились для специальной обработки восточных вопросов давно подготовленные работы, которые я передал представителям пропаганды».

Закончим на этом цитату.

Правильно осветил подсудимый Розенберг события, которые были в 1941 году, до нападения еще на Советский Союз?

Фриче: Нет, я не помню, чтобы я когда-либо был принят Розенбергом. Ни в коем случае нельзя утверждать, что я получил от Розенберга или кого-нибудь из его

²⁴⁴ Хейнрих Гласмайер (1892-1945) – немецкий деятель радиовещания.

сотрудников до 22 июня какие-либо сообщения о намеченном нападении на Советский Союз.

Напротив, — это, может быть, несколько разъяснит положение вещей, — я вспоминаю, что один из сотрудников Розенберга довольно часто бывал у меня или у моих сотрудников; я помню его имя; это был руководитель группы прессы, раньше он был редактором «Volkischer Beobachter», майор Кранц. Он часто бывал у меня и у моих сотрудников и передавал пожелания Розенберга в вопросах пропаганды в прессе. Но, во всяком случае, это не было до 22 июня.

Руденко: Значит, то, что написано в отчете подсудимого Розенберга, является в отношении вас неправдой?

Фриче: Неправда—это было бы слишком сильно сказано. Очень может быть, что все эти сообщения, которые он здесь делает, относятся просто к более позднему времени. Я не могу судить, так как не читал весь документ. Кроме того, можно предположить, что Розенберг при составлении этого отчета не придавал большого значения точности сведений относительно этого приема ответственных работников всей германской пропаганды.

Руденко: Так. Хорошо. Я в этой связи хотел бы два вопроса вам поставить. Прежде всего, я хочу сослаться на письменные показания Ганса Фосса, это документ 471, он у вас находится. Выдержка номер 3, документ СССР-471, выдержка номер 3. Вы нашли?

Фриче: Да, я нашёл.

Руденко: Я читаю. Вот, что свидетельствует Ганс Фосс:

«После поражения германских войск под Сталинградом и начавшегося общего наступления советских войск по всему фронту Геббельс и Фриче прилагали все усилия для организации германской пропаганды таким образом, чтобы наиболее эффективно помочь Гитлеру выправить положение на фронте. Пропаганда строилась в расчете на то, что немцам удастся подольше продержаться. Немцев запугивали русским солдатом, для чего распространялись клеветнические сведения о зверствах русских солдат, о намерениях Советского Союза истребить германский народ.

И далее:

На последнем этапе войны германская пропаганда, возглавляемая Геббельсом и Фриче, сделала еще одну попытку услужить Гитлеру и организовать немецкое сопротивление советским войскам».

Конец цитаты. Это правильно?

Фриче: Это не только неправильно, это бессмыслица.

Руденко: Вы уже неоднократно прибегали к такой терминологии. Это очевидно,

ещё и ваша профессия сказывается в этом смысле. Ну хорошо, я не намерен полемизировать.

Я хочу, чтобы вы посмотрели свои показания от 12 сентября 1945 г. Это СССР-474. Третья выдержка. Вы нашли это место? Я процитирую ваши объяснения по этому вопросу.

Фриче: Всё это не мои заявления. Обвинитель, на какой отрывок вы ссылаетесь?

Руденко: Я имею в виду выдержка номер 3, очерчено там, которая начинается словами «военное нападение на Советский Союз».

Фриче: Так точно.

Руденко: Следите пожалуйста:

«Военное нападение на Советский Союз в связи с заключением договора подготавливалось Германией тайно. Поэтому никакой пропагандистской работы в период подготовки к войне с СССР мы не вели, в связи с этим, активная антисоветская кампания органами германской пропаганды была начата лишь после начала военных действий на восточном фронте.

В данном случае следует указать, что основная задача, которая была поставлена Геббельсом перед всем пропагандистским аппаратом, сводилась к тому, чтобы оправдать захватническую политику Германии против Советского Союза.

Исходя из этого, я как руководитель германской прессы и радиовещания организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаюсь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз.

И далее:

Должен, однако, заявить, что никаких оснований к тому, чтобы обвинять Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было.

В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевизма, и утверждал, что якобы только фашистская Германия является оплотом европейских стран против англо-американской «плутократии» и «красного империализма».

Конец цитаты. Вы это признаете?

Фриче: Здесь снова подлинные заявления сделанные мной искажены. Если можно, я хочу дать вам кратко фактическую основу по разным положениям.

Совершенно правильно, я говорил в Москве, что войне с Советским Союзом не предшествовала пропагандистская подготовка, поскольку эта война началась внезапно и неожиданно. Далее, правильно, что после нападения на Советский Союз главная задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы

оправдать необходимость этого нападения, то есть все время подчеркивать, что мы лишь предвосхитили нападение Советского Союза. Далее, правильно то, что я сказал, что следующая задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы излагать почти то же самое, то есть все время подчеркивать, что не Германия, а Советский Союз ответственен за эту войну. К сожалению, в этом протоколе опущен самый важный аргумент, который я привел тогда, а именно констатация того, что я и вместе со мной миллионы немцев верили тогда официальным сообщениям германского правительства, потому что тогда казалось абсолютно бессмысленным и невозможным во время еще незаконченной войны на западе добровольно идти на риск, начиная войну на востоке.

Я продолжу. Также правильно то, что материалы в «Белой книге», которая была издана в то время министерством иностранных дел, были сравнительно скудны. И, затем, также правильно то, что германская пропаганда должна была нагнать на Европу страх перед большевизмом и, в заключение, правильно то, что германская пропаганда все время подчеркивала, что Германия является единственной крепостью в борьбе с советской всемирной революцией.

Руденко: Хорошо. Теперь я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на выдержку номер 4 этого же документа, который находится у вас, это в связи с пропагандой поддерживающей дух сопротивления в немецком народе, несмотря на все данные о явном поражении Германии. Я хочу огласить этот небольшой абзац, этот документ тоже 474, выдержка 4.

«Начиная с 1943 года в германской пропаганде по радио я пытался утверждать, что Германия располагает таким оружием, перед которым содрогнутся наши противники. При этом я использовал вымышленные данные о работе германской военной промышленности, которыми меня снабжал имперский министр вооружения и боеприпасов Шпеер».

Это правильно?

Фриче: Одна часть ошибочная, а о другой правильной части неправильно сказано.

Начнём с последней части: правильно, что ко мне поступали сведения из министерства вооружения, которые вселяли в меня большие надежды на успех, так, например, цифровые данные о месячном производстве самолетов, затем данные о новых, особенно эффективных истребителях. Между тем, путём прямых вопросов к Шпееру, я удостоверился в том, что эти цифры были совершенно правильными тогда и что также самолёты использовались ошибочно как, например в Арденнском наступлении²⁴⁵ вместо защиты страны или о том, что они не могли использоваться

²⁴⁵ Наступление в Арденнах — операция немецких войск на Западном фронте в ходе Второй мировой войны. Проведена 16 декабря 1944 — 29 января 1945 в Арденнах (юго-запад Бельгии) с целью изменить обстановку на Западном фронте, разгромив англо-американские вооружённые силы в Бельгии и Нидерландах, по возможности склонить США и Англию к сепаратным переговорам о мире и прекращении боевых действий на Западе, тем самым высвободить силы для Восточного фронта.

из-за нехватки бензина. Однако первая половина...

Руденко: Слишком подробно, подсудимый Фриче. Вы вторгаетесь в такие детали, которые уже освещались здесь и которые не имеют к вам никакого отношения.

Я бы хотел предъявить вам показания подсудимого Шпеера который был допрошен советским следователем, здесь в Нюрнберге, 14 ноября 1945 г. Я предъявляю этот документ как СССР-492. Я хочу зачитать под протокол только часть из документа, которая касается проведения пропаганды в этот конкретный период. Я цитирую:

«В сентябре 1944 года доктору Геббельсу я написал письмо.

Пропуск следует. Далее:

В этом письме я предупреждал Геббельса, что он проводит неправильную пропаганду о новом вооружении и тем самым будит напрасную надежду среди германского народа. Это была пропаганда, которая проводилась Геббельсом с той целью, чтобы внести в немецкий народ надежду на благоприятный исход войны».

Конец цитаты. Это соответствует действительности?

Фриче: Только частично. Верно то, что Геббельс лично за год до начала использования первого «V²⁴⁶» оружия сообщал о них в своей пропаганде. С другой стороны, Шпеер между тем заявлял в своих показаниях здесь, что ему известен тот, кто являлся действительным источником пропаганды относительно «чудо-оружия», а именно штандартенфюрер Шварц фон Берк²⁴⁷. Наконец, доктор Геббельс в последние месяцы 1944, также попытался замять эту пропаганду «чудо-оружия» которую сам он однажды начал.

Руденко: Теперь я хочу напомнить вам о вашей личной роли и лично вами проводимой пропаганде с угрозами о применении нового вида оружия с целью внедрить в немецкий народ уверенность в успешности сопротивления союзным войскам.

Я вам предъявляю документ СССР-496. Он у вас есть. Он у вас находится. Это ваше выступление по радио 1 июля 1944 г.

Председатель: Генерал, вы собираетесь скоро закончить или нам прерваться?

Руденко: Я думаю, господин председатель, что следует объявить перерыв, у меня ещё будет полчаса примерно допроса.

[Объявлен перерыв]

²⁴⁶ Оружие возмездия (нем. Vergeltungswaffe; V-Waffen) — название ряда авиационных и ракетно-артиллерийских проектов нацистской Германии по созданию оружия для более действенных бомбардировок английских городов и вновь планируемых атак на США, как «возмездие» за налеты союзников.

²⁴⁷ Ганс Шварц фон Берк (1902 – 1973) – немецкий журналист. В 1939-1945 сотрудник рейхсминистерства пропаганды Германии.

Руденко: Вам предъявили выдержку номер 6 документа СССР-496. Это ваше выступление, 1 июля 1944. Я оглашу её:

«Мы, немцы, очень сдержанно высказывались по поводу эффекта, произведенного новым видом оружия. Мы могли позволить себе эту сдержанность, зная, что раньше или позже Британия нарушит то молчание, которым она в первое время пыталась прикрыть действия, производимые «V-1»²⁴⁸. И мы были правы. Отчеты, получаемые из Британии в течение последних дней и, в особенности, сегодня, доказывают, что действие этого первого удара, нанесенного Британии новым видом вооружения, становится слишком очевидным. Сейчас для Британии не может быть и речи о том, чтобы она могла жаловаться на то, что из Германии против Британских островов поднимается волна ненависти. На пятый год войны бесполезно говорить о чувствах, хотя о них можно было бы сказать очень много».

Конец цитаты. Вы признаете, подсудимый Фриче, что подобной пропагандой вы обманывали немецкий народ и подстрекали его к дальнейшему бессмысленному сопротивлению?

Фриче: Напротив, в этом случае я говорил значительно сдержаннее и значительно скромнее, чем это делала немецкая пресса о результатах использования «V-1» По данному вопросу прямо следующее предложение говорит: «Мы можем лишь повторить, что для нас V-1 это средство, которым мы можем сломить вражеский террор».

Руденко: Хорошо. Теперь, я хочу напомнить вам, подсудимый Фриче, ваши показания от 12 сентября 1945 г. по поводу деятельности организации «Вервольф»²⁴⁹. Это документ опять же СССР-474, выдержка номер 5. Вы нашли это?

Фриче: Да, я нашёл.

Руденко: Я сейчас прочту:

«В конце февраля 1945 года статс-секретарь министерства пропаганды доктор Науманн передал мне указание Геббельса разработать план организации секретного радицентра.

И далее:

«Науманн объяснил, что германским правительством принято решение о переводе членов национал-социалистской партии на

²⁴⁸ «Фау-1», V-1 (A-2, Fi-103, «Физелер-103», FZG 76) — самолёт-снаряд (крылатая ракета), состоявшая на вооружении армии Германии в середине Второй мировой войны. Это название происходит от нем. Vergeltungswaffe-1 («оружие возмездия-1»). Фау-1 была оснащена пульсирующим воздушно-реактивным двигателем (ПуВРД) и несла боевую часть массой 750—1000 кг. Дальность полёта — 250 км, позже была доведена до 400 км.

²⁴⁹ Вервольф (нем. Werwolf — волк-оборотень) — немецкое ополчение для ведения партизанской войны в тылу наступающих войск противника, созданное в самом конце Второй мировой войны. Оно также было задействовано при обороне городов. Формировалось по типу Фольксштурма из стариков и подростков в возрасте 14—16 лет.

нелегальное положение и о создании подпольной организации, условно именуемой «Вервольф». Через радицентр, который мне надлежало организовать, как заявил Науманн, должно осуществляться руководство всеми подпольными группами «Вервольф».

Конец цитаты.

Как видно из ваших показаний, вы возражали против создания такого радицентра, говорили по этому поводу с Геббельсом, но радицентр все же был создан и ведение радиопередач было поручено бывшему руководителю имперского управления пропаганды Шлезингеру. Это правильно?

Фриче: Нет. Здесь смешаны две вещи. Во-первых, план описанный в параграфе который вы прочитали о создании передатчика «Вервольф» предусматривал создание передвижного передатчика. Этот передатчик не был создан. Правда, во время моего отсутствия 1 апреля 1945 г. по прямому указанию Геббельса так называемая «старая немецкая радиостанция» была переименована в передатчик «Вервольф».

Руденко: Хорошо. Я хочу вам предъявить, чтобы не спорить по этому вопросу, ваше собственное выступление 7 апреля 1945 г. Это тот же документ СССР-496, выдержка номер 7. Вы нашли? Я читаю.

Фриче: Так точно.

Руденко: Вы говорили тогда по радио:

«Однако в результате превосходства в людях и в материальных резервах врагу удалось проникнуть далеко в глубину германской территории и в настоящее время он собирается осуществить по отношению к нам свою программу уничтожения».

Пропуск. Далее:

«Пусть никто не удивляется, если жажда сильных сердец к мести за нарушенные человеческого права не требует даже небольшого перерыва для временного восстановления, а вспыхивает немедленно и, поднимаясь ярким пламенем, переходит в активность. Пусть никто не удивляется, если кое-где в только что оккупированных районах в борьбе принимает участие гражданское население или даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье. Если без подготовки и без организации из самого инстинкта к жизни возникло это исключительное явление, мы сегодня назовем его «Вервольф».

Конец цитаты. Что вы теперь скажите?

Фриче: Хотя эта цитата также вырвана из контекста, я её хорошо знаю. К сожалению, пропал отрывок в котором я говорил о правоте и сказал: «Правота

чувствительная концепция, которая имеет свои корни в традиции и этической сознательности». Сейчас...

Руденко: Простите, я вас прерву, подсудимый Фриче, я вас прерву. Я не намерен вас просить, чтобы вы так подробно объясняли. Я хотел только один установить факт, это то, что вы не возражали, а призывали к созданию организации «Вервольф». Это меня только интересует.

Это правильно?

Фриче: Это совершенно неверно. Это — не пропаганда в пользу «Вервольфа», это — извинение за случаи активности «Вервольфа».

Руденко: Хорошо. Оставим этот вопрос. Вам известно, кто возглавлял организацию «Вервольф»?

Фриче: Здесь уже было сказано, что высшей главой был Борман. В его подчинении находился еще один высший командир СС и полиции, имя которого я уже напрасно пытался вспомнить в Москве. Однако я знал одного из его сотрудников — Гюнтера д'Алкина.

Руденко: Хорошо. Перед тем как вам задать несколько последних вопросов, я хочу вас спросить, разве не является фактом, что Розенберг и Штрайхер имели большое влияние на германскую пропаганду?

Фриче: Их влияние было незначительным. Штрайхер вообще не имел влияния на официальную германскую пропаганду и Розенберг лишь в степени, которая была для меня незаметной.

Руденко: Хорошо. Я имею к вам несколько последних вопросов. Вы заявили здесь трибуналу, что если бы вам были известны приказы Гитлера об убийствах людей, вы бы не пошли тогда с Гитлером. Правильно я вас понял?

Фриче: Вы меня прекрасно поняли.

Руденко: То есть, я иначе говоря, понимаю так, что вы пошли бы против Гитлера?

Фриче: Сложно сказать, чтобы я сделал. Конечно, это вопрос о котором я много раздумывал.

Руденко: Я хочу вас спросить: в начале 1942 года, как вы здесь сообщили трибуналу, вы получили сведения, что на Украине, оккупированной немцами, в одном округе готовится истребление евреев и украинской интеллигенции только потому, что они — евреи и украинская интеллигенция. Вы получили такое сообщение, вы говорили об этом. Правильно?

Фриче: Правильно.

Руденко: Это было в начале. В мае 1942 года вы были в 6-й армии. Вы в 6-й армии узнали о существовании приказа об убийстве советских комиссаров. Это правильно?

Фриче: Так точно.

Руденко: Вы считали, что этот кровавый приказ не должен применяться. Это правильно?

Фриче: Правильно.

Руденко: Вы знали, что этот приказ исходит от Гитлера?

Фриче: Да, я мог полагать это.

Руденко: Значит, в 1942 году вы знали, что существовали приказы Гитлера об убийствах, и тем не менее вы шли с Гитлером?

Фриче: Вы сравниваете две несравнимые вещи. Большая разница — обращался ли я с комиссарами не как с военнопленными или же я давал приказ об уничтожении пяти миллионов евреев.

Руденко: Значит, вы этот приказ считали возможным и допустимым в условиях ведения войны германской армией. Так я понимаю вас, если вы не выступили против Гитлера?

Фриче: Нет. Я считал его невозможным и поэтому активно выступал против этого приказа, а не только пассивно, как другие.

Руденко: Но продолжали поддерживать Гитлера?

Фриче: Так точно.

Руденко: Последний вопрос. Скажите, вам приходилось когда-либо за время войны сталкиваться с вопросами, касающимися подготовки биологической войны?

Фриче: Никогда.

Руденко: Вам известна фамилия майора фон Пассаванта?

Фриче: Эта фамилия мне известна.

Руденко: Он являлся представителем ОКВ в министерстве пропаганды?

Фриче: Нет, не совсем так. Он был специалистом по радио в отделе пропаганды ОКВ.

Руденко: Вам сейчас передадут копию вашего письма от 19 октября 1944, на котором имеется ваш личный гриф, майору фон Пассаванту в ОКВ. Это — небольшой документ, я оглашу его:

«Руководителю отдела радиовещания господину майору фон Пассаванту. ОКВ.

Слушатель Густав Отто, руководитель предприятия из Рейхенберга, направляет мне при сем предложение о проведении биологической войны. Я пересылаю вам это предложение с просьбой передать его в соответствующее учреждение, ведающее этими вопросами.

Хайль Гитлер! Фриче».

Вы помните этот документ?

Фриче: Конечно, я не помню этого документа. Одновременно я заявляю, что он, без сомнения, является подлинным.

Руденко: Хорошо. Ради бога. Я последний вопрос ставлю. Таким образом, вы были за подготовку и проведение Германией биологической войны? Так?

У меня все вопросы, господин председатель.

Фриче: Но я должен иметь возможность ответить на последний вопрос. Я желаю заявить, что я никоим образом не выступал за биологическую войну, но ситуация была просто такой: каждый день тюки писем приходили ко мне от слушателей и один отдел передавал их в ведомство компетентное заниматься этим вопросом и сопроводительное письмо которое состояло из двух-трёх строчек подавали мне на подпись. Как правило, я не читал содержание писем.

Председатель: Доктор Фриц, вы хотите провести повторный допрос?

Фриц: Господин Фриче, прямо сейчас во время перекрёстного допроса генерала Руденко, вас спросили о выступлении по радио 2 мая 1940 в котором, вы говорили о своей поездке в Норвегию. Вы можете сказать мне более точно, когда вы поехали в эту поездку?

Фриче: Боюсь не смогу точно сказать вам дату, но если я не ошибаюсь это был конец апреля.

Фриц: Вам был предъявлен официальный доклад норвежского правительства о военном ущербе после оккупации Норвегии немцами. Здесь сказано, что борьба, которая привела к данному ущербу не могла быть раньше того как вы уже завершили свою поездку? Это правда?

Фриче: Это вполне возможно, но я бы хотел сказать это: в выдержке которую русский обвинитель прочитал не цитируя начало, я точно описал, что я видел в чётко определенных местах; Лилехаммер и Годенталь это названия которые сейчас пришли мне в голову. Сравнивать эти заявления с заявлениями сделанными норвежским правительством об общем ущербе не больше чем пытаться измерить жидкость метровой линейкой или наоборот.

Фриц: Я имею ещё один вопрос в связи с этим. Эта ваша поездка проходила до британской высадки в Норвегии или после?

Фриче: Я лично имел возможность наблюдать бой с британскими войсками. Я думаю это было к югу от места по названию Оттар в Булдрентале.

Фриц: Господин председатель, генерал Руденко, во время своего перекрёстного допроса, предъявил три протокола допросов. Одним был Фосс, СССР-471, один от Шёрнера, СССР-472 и один от Штаэля, СССР-473. Между тем я просмотрел эти три протокола и хочу попросить высокий трибунал тоже сравнить эти три протокола. Я удостоверился в том, что в этих трёх протоколах, из заявлений трёх разных лиц, части ответов повторяются, и совпадают слово в слов. Например, говорится...

Председатель: Вы не получаете это от свидетеля, вы приводите нам аргументацию, и вы должны делать это в другое время.

Фриц: Господин председатель, я лишь хотел заявить ходатайство. Если эти три протокола используют для выводов суда, тогда я желаю заявить ходатайство, чтобы, по крайней мере, одно из этих лиц, которых допрашивали, доставили сюда лично для цели перекрёстного допроса.

Председатель: Смысл в том, что вы должны увидеть, или мы должны исследовать,

все три письменных показания, или вы имеете в виду, что вы хотели, чтобы один из людей который дал письменные показания прибыл сюда для того, чтобы дать показания и быть перекрёстно допрошен? Что вы имеете в виду?

Фриц: Господин председатель, последнее. Я бы хотел попросить вызвать всех троих.

Фриче: Всех троих. Я могу просить только о том, чтобы вызвали всех троих.

Председатель: Трибунал рассмотрит ваше ходатайство.

Фриц: Господин председатель, помимо этого, я не желаю проводить какой-либо дальнейший повторный допрос.

Председатель: Подсудимый есть одна вещь. Вы ссылались на распоряжение о комиссарах или приказ, и вы говорили об этом как если бы это был приказ, не обращаться с комиссарами как с военнопленными. Это был не такой приказ, не так ли? Приказом было убивать их?

Фриче: Приказом, о котором я узнал в 6-й армии был приказ, говоривший о том, что захваченных комиссаров следовало расстреливать.

Председатель: Да. Это совершенно другая вещь, чем не обращаться с ними как с военнопленными. Ответ который вы дали заключался в том, что представляли, что приказ о комиссарах пришёл от Гитлера, но это совсем другая вещь, приказ не обращаться с комиссарами как с обычными военнопленными и убить 5 миллионов евреев. Это было нечестное сравнение, не так ли?

Фриче: В данном случае я должен признать, что то как я высказался об этих комиссарах был неправильным.

Председатель: Есть ещё одна вещь, я которой я хочу вас спросить. В октябре 1939 данное неправдивое заявление об «Athenia» было опубликовано в немецкой газете. Это правильно, не так ли?

Фриче: В октябре 1939? В течение всего сентября и октября неправдивые заявления об «Athenia» делались в немецкой прессе, а также по немецкому радио.

Председатель: Да. Но 23 октября 1939 особенно неправдивое заявление приписывающее потопление «Athenia» господину Уинстону Черчиллю было сделано в немецкой газете. Вы сказали нам об этом.

Фриче: Да.

Председатель: И вы продолжали передачу ссылаясь на эти предполагаемые факты некоторое время, не так ли?

Фриче: Конечно, потому что тогда я всё ещё находился под впечатлением, что они были правдой и мои...

Председатель: Это то о чём я хотел вас спросить. Вы имели военно-морского офицера связи в своём ведомстве?

Фриче: Да.

Председатель: Какие запросы вы сделали?

Фриче: Этот военно-морской офицер на самом деле не был офицером связи между

нами и высшим командованием флота. Он был офицером по цензуре для всех вооруженных сил. Вместе с тем я естественно пользовался его услугами в связи с военно-морскими вопросами. И несколько раз я приказывал ему, или скорее, просил его выяснить у высшего командования флотом о том как идет расследование случая «Athenia». Ответ всегда был одинаковым: «Положение такое, что никакой германской субмарины не было возле места катастрофы».

Председатель: И вы сказали, что этот офицер связи флота сказал вам это после 23 октября 1939?

Фриче: Да.

Председатель: Он продолжал говорить вам это?

Фриче: Да.

Председатель: На этом всё. Он может вернуться на скамью подсудимых.

Да, доктор Фриц?

Фриц: Сейчас, с разрешения трибунала, я бы хотел вызвать свидетеля, господина фон Ширмейстера.

[Свидетель фон Ширмейстер занял место свидетеля]

Председатель: Назовите пожалуйста своё полное имя?

Ширмейстер: Мориц фон Ширмейстер.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Вы можете садиться.

Фриц: Свидетель, прежде чем начать ваш допрос, я бы хотел попросить вас давать ответы довольно общим образом и как можно короче.

Пожалуйста, очень коротко опишите трибуналу подробности вашей карьеры, для того, чтобы трибунал мог больше узнать о вас.

Ширмейстер: Я выходец из семьи офицеров и гражданских служащих, изучал теологию три семестра, 10 лет сотрудник банка, 5 из них в Южной Америке, затем редактор до моего назначения в Берлин, 1 октября 1931 я стал членом партии, гауптштурмфюрер СС в общих СС, во время войны четыре раза солдат, последний раз с 31 июля 1944, 22 сентября 1944 военнопленный в британских руках, с тех пор я нахожусь в Великобритании.

Фриц: Когда я несколько дней назад обсуждал с вами тему вашего допроса, вы сказали мне, что ваше бывшее положительное отношение к национал-социализму никак не мешает вам сделать здесь правдивые заявления, это правда?

Ширмейстер: Я уже сказал вам, что я верю в эту идею, что я пожертвовал всем

ради неё, что я всё потерял из-за неё. Для меня это было очень горько. Но сегодня я знаю, что я служил плохой идее. Я полностью освободился от неё. В моём последнем лагере в Англии мне разрешили принять участие в перевоспитании моих товарищей. Там мне разрешили быть редактором лагерной газеты. И если бы я только мог, тогда бы я сегодня буду помогать восстанавливать демократическую Германию.

Фриц: Когда вы познакомились с подсудимым Фриче?

Ширмейстер: 1 июля 1938.

Фриц: Кем вы тогда были? Какой пост вы занимали?

Ширмейстер: Я был редактором в Брауншвейге и меня призвали в министерство пропаганды для того, чтобы стать личным экспертом доктора Геббельса по прессе.

Фриц: Какой пост вы на самом деле занимали в министерстве пропаганды?

Ширмейстер: До 1 июля 1943 я был личным экспертом по прессе доктора Геббельса, потом я был личным экспертом государственного секретаря доктора Гуттерера²⁵⁰ до 1 апреля 1944, затем я пошел с ним на 3 месяца в UFA²⁵¹ которая контролировала все кинокомпании. Затем 31 июля 1944 я пошёл на фронт.

Фриц: Вы имели ежедневный контакт с доктором Геббельсом?

Ширмейстер: Да, с начала войны. Позвольте мне описать, в чём заключалась моя основная деятельность.

Фриц: Очень коротко, пожалуйста.

Ширмейстер: В течение войны я должен был просматривать весь новостной и пропагандистский материал поступавший от вражеских вещательных станций и регулярно представлять выборки из него Геббельсу. Эти фрагменты формировали основу для указаний по пропаганде доктора Геббельса, которые он лично издавал каждое утро. После обеда и вечером я должен был звонить им в отдел печати и радиоотдел. Поэтому во время войны, за исключением того, когда меня замещали, я был с доктором Геббельсом в его квартире, я принимал с ним пищу, спал в его доме, сопровождал его в поездках, и так далее.

Фриц: Какой пост в то время занимал Фриче?

Ширмейстер: Господин Фриче в те дни был заместителем начальника в отделе внутренней прессы.

Фриц: Будьте любезны описать характер и значение положения Фриче в министерстве пропаганды в следующий период. Пожалуйста, очень коротко.

Ширмейстер: Я должен был познакомиться с работой отдела отечественной прессы. Условия там были настолько плохими как только можно. Начальник, господин Берндт, следовал неприкрытой тактике стукачества по столу. Он доходил до командного лая и массовых увольнений редакторов.

²⁵⁰ Леопольд Гуттерер (1902 – 1996) – немецкий политик. В 1941-1944 государственный секретарь рейхсминистерства пропаганды. После войны немецким судом по денацификации был приговорен к году исправительных работ.

²⁵¹ УФА (UFA, «Universum Film AG», — немецкая киностудия основанная в 1917 году. С 1933 по 1945 находилась под контролем нацистской партии.

В способностях и знаниях ответственные чиновники был хуже среднего редактора. Единственным стабилизирующим влиянием был господин Фриче, он был единственным экспертом. Он знал нужды и потребности прессы. С одной стороны он был вынужден подставлять спину по которой господин Берндт постоянно бил, а с другой стороны он пытался заменять неэффективных чиновников в организации на более хороших.

Фриц: Не будет ли поэтому правильнее сказать, что подсудимый Фриче не был назначен как выходец из партии, а как эксперт?

Ширмейстер: Только как эксперт. Экстремистские партийцы в министерстве не воздавали Фриче должное. Но как эксперт он тогда был хорошим духом прессы.

Фриц: Фриче был одним из сотрудников министерства, который имел регулярные совещания с Геббельсом?

Ширмейстер: Эти регулярные совещания ещё не начали проводить в те дни, и Фриче в любом случае не принимал в них участия.

Фриц: Значит с ним не консультировались, до тех пор пока он не стал начальником отдела?

Ширмейстер: Да, лишь тогда, когда такие совещания проводились, но на самом деле только с начала войны.

Фриц: Каким образом доктор Геббельс совещался со своими сотрудниками?

Ширмейстер: После начала войны были ежедневные совещания в 11 часов, под личным председательством доктора Геббельса, на которых он давал все необходимые пропагандистские установки.

Фриц: Сколько людей присутствовало этих одиннадцатичасовых совещаниях?

Ширмейстер: В начале, то есть, до начала русской кампании, примерно 20 человек. Позже круг увеличился до 50 человек.

Фриц: Во время этих совещаний были дискуссии или более-менее это было изданием приказов?

Ширмейстер: Не было никакой дискуссии во время этих совещаний. Прежде всего, офицер связи из ОКВ давал сводку военной обстановки и затем доктор Геббельс давал свои указания о пропаганде, в основном для прессы, радио и кинохроники.

Фриц: Кто председательствовал на совещаниях если доктора Геббельса не было?

Ширмейстер: Обычно государственный секретарь.

Фриц: А кто председательствовал, когда государственного секретаря тоже не было?

Ширмейстер: Обычно господин Фриче, иногда также глава отдела иностранной прессы или зарубежного отдела, но в основном господин Фриче.

Фриц: В таких случаях Фриче давал указания о ежедневной пропаганде по собственной инициативе или как это делалось?

Ширмейстер: Нет, если министра не было в Берлине, его продолжали информировать о новостном материале поступавшем из заграницы. Тогда он давал указания мне или одному из его заместителей точно также как делал во время

совещаний. Я должен был передавать эти указания по телефону. В Берлине их записывали стенографисты и затем зачитывали на совещании дословно как указания поступившие от министра. Кстати, это можно видеть по стенограммам заседаний. Они всегда назывались «указания министра».

Фриц: Если Фриче использовал письменные указания подобные тем как вы описали, данные доктором Геббельсом, он пытался выяснять вопросы которыми не занимался Геббельс, поднимая их для обсуждения?

Ширмейстер: Когда доктор Геббельс был дальше от Берлина, могло случаться, что самые последние новости не могли дойти до него вовремя. В таких случаях господин Фриче поднимал их для обсуждения, рассматривая за и против и затем давал указания по собственной инициативе. Это записывали, министр читал это впоследствии и либо одобрял или изменял это.

Фриц: Но тогда, разумеется кроме больших совещаний с 30 или 50 присутствующими на которых Геббельс давал свои указания также должны были быть и более конфиденциальные совещания.

Ширмейстер: Утром, естественно, отдельные начальники отделов тоже приходили на официальные дискуссии с министром.

Фриц: Фриче тоже вызывали на эти более конфиденциальные совещания?

Ширмейстер: В общем, нет. Министр использовал совещания на которых были представлены все управления, чтобы подытоживать всё, что он должен был сказать прессе, радио и кинохронике. Главы тех управлений чьи специальные функции не представляли интереса для других, приходили на индивидуальные совещания.

Фриц: Как часто господин Фриче консультировался в сравнении, скажем с государственными секретарями – Ханке, Гуттерером и доктором Науманом?

Ширмейстер: Государственные секретари всегда могли присутствовать на этих индивидуальных совещаниях и так могли делать личные консультанты которые всегда были там. Господин Фриче очень редко присутствовал на индивидуальных совещаниях.

Фриц: В чем заключалось положение 12 глав управлений министерства пропаганды, одним из которых был подсудимый Фриче?

Ширмейстер: Этих глав управлений можно классифицировать как экспертов с одной стороны, как например, главу бюджетного управления доктора Отта²⁵² и зарекомендовавших себя партийцев с другой стороны, как например, господин Берндт. Официально они не имели и части полномочий которые обычно осуществляет глава управления в министерстве. Было общеизвестно, что министр использовал их как инструменты и что, когда он больше в них не будет нуждаться он выбросит их прочь. Это относилось не только к главам управлений. Я помню недостойную манеру в которой он вышвырнул государственного секретаря

---

²⁵² Карл Отт (1891 – 1977) – немецкий государственный деятель. Начальник бюджетно-финансового управления рейхсминистерства пропаганды Германии в 1933-1945.

Гуттерера, когда тот ему надоел.

Фриц: Обвинительное заключение вменяет Фриче создание из германских новостных агентств, радио и прессы инструмента который сыграл важную роль в руках так называемых заговорщиков в осуществлении их планов. Фриче был ответственным за организацию прессы в национал-социалистическом государстве и что вы можете сказать на это обвинение?

Ширмейстер: Когда Фриче пришёл в министерство, создали управление прессы и некоторое время это организовывали. Больше того, я могу также сказать, что даже самого доктора Геббельса нельзя относить к кругу заговорщиков, как определяет обвинительное заключение, ибо, в конце концов, он не хотел втягивать нас в войну, а всегда выступал за завоевание стран без кровопролития.

Фриц: Значит организация уже была создана, когда Фриче принял управление германской прессы зимой 1938-1939?

Ширмейстер: Да, уже полностью организована.

Фриц: Как глава этого управления Фриче был самостоятельным? Если нет, кто был его начальником?

Ширмейстер: К сожалению, Фриче не только подчинялся как начальник управления доктору Геббельсу, но также находился меж двух огней. С одной стороны был начальник прессы Рейха, доктор Дитрих и вся германская пресса знала об этом разладе между этими двумя. При том, что начальник прессы Рейха, как государственный секретарь являлся штатным сотрудником министерства пропаганды, вместе с тем он требовал право самостоятельно отдавать приказы как начальник прессы Рейха. Следовательно, если министр и начальник прессы Рейха не соглашались в чем-то, тогда несчастному начальнику управления германской прессы приходилось нести на себе это бремя.

Фриц: Каким способом Фриче принимал участие в организации прессы? Он затягивал гайки или пытался их ослабить?

Ширмейстер: Я уже сказал о том, что господин Фриче был единственным реальным экспертом любого калибра который работал в управлении прессы. Он знал потребности, заботы и требования прессы. Он знал, что редактор мог работать только если вы давали ему определенную степень свободы, и таким образом всегда и при каждой возможности он боролся за ослабление гаек. Он делал гораздо больше чем было видно внешнему миру, ибо министр принимает такое-то решение, а внешний мир узнает только о том, что хотел министр.

Председатель: Думаете он ответил на вопрос?

Фриц: Доктор Геббельс имел какие-нибудь возражения работе прессы? Она не была достаточно агрессивной для него? Пожалуйста будьте очень кратким.

Ширмейстер: Нет, она не была достаточно агрессивной и ожесточенной для него.

Фриц: Вы можете назвать несколько имен журналистов или газеты которых Фриче пытался защитить указанным образом?

Председатель: Доктор Фриц, зачем ему приводить имена отдельных журналистов и газеты? Не слишком ли это подробно, вдаваться в это?

Фриц: Очень хорошо, но господин председатель, могу я, в таком случае, по крайней мере приобщить письменные показания по данному вопросу как документ номер Фриче-5. Это в моей документальной книге номер 2 на странице 22. Они исходят от редактора «Frankfurter Zeitung»²⁵³, доктора Венделина Гехта²⁵⁴, и я бы хотел очень кратко их процитировать:

«Настоящим даю следующие письменные показания для предъявления Международному военному трибуналу в Нюрнберге:

1. Правда, что подсудимый Ганс Фриче несколько лет также помогал защищать «Frankfurter Zeitung» от запрета, скрывая копии «Frankfurter Zeitung» от ставки фюрера.

2. В многочисленных нападках направленных на «Frankfurter Zeitung» ввиду политического отношения, подсудимый Ганс Фриче постоянно вмешивался в пользу продолжения издания «Frankfurter Zeitung».

Лейткирх, 6 марта 1946. Доктор Венделин Гехт»

Какие другие влиятельные люди, кроме доктора Геббельса, были в министерстве пропаганды?

Ширмейстер: После ухода государственного секретаря Ханке был лишь один человек в министерстве пропаганды который имел какое-либо реальное влияние на министра, единственный человек с которым доктор Геббельс имел какие-то личные отношения, и это был его первый личный консультант доктор Науман, который позже стал его государственным секретарём.

Фриц: Фриче часто приходил к вам, чтобы больше узнавать о взглядах министра, потому что министр не информировал подсудимого Фриче?

Ширмейстер: Очень часто, потому что господин Фриче знал о том, что я тоже много беседовал с министром, и он всегда жаловался на то, что он оставался в неведении и смятении, и он просил меня, не мог ли я рассказать ему о взглядах министра на тот или другой вопрос. Мне удавалось помогать ему, между прочим организуя его приглашение к доктору Геббельсу на частные встречи на которых я говорил открыто о нуждах господина Фриче.

Фриц: Геббельс держал радио строго под своим контролем?

Ширмейстер: В течение войны радио являлось для доктора Геббельса важнейшим инструментом пропаганды. Он так строго не присматривал ни за одним ведомством как за радиоотделом. На встречах где он был председателем, он лично решал вплоть до последней детали художественной программы...

Фриц: Довольно, свидетель. Фриче на самом деле был ведущим человеком в

²⁵³ Франкфуртская газета («Frankfurter Zeitung») – немецкая газета издававшаяся с 1856 по 1943 во Франкфурте. В период с 1933 по 1934 сохраняла относительную редакционную независимость от государства. После 1938 полностью перешла под контроль государства.

²⁵⁴ Венделин Гехт (1894 - 1947) – немецкий газетный деятель. Директор газеты «Frankfurter Zeitung» в 1934 – 1943.

немецком радиовещании, как казалось внешнему миру?

Ширмейстер: Никоим образом. Ведущим человеком был сам доктор Геббельс. Кроме этого, Фриче снова здесь сидел на двух стульях, потому что с другой стороны приходили требования из министерства иностранных дел по поводу зарубежных передач.

Фриц: Фриче в своих выступлениях по радио вероятно тоже был вялым для доктора Геббельса?

Ширмейстер: Лично я, по приказу министра, постоянно вынужден был упрекать Фриче, потому что министр заявлял, что его передачи были слишком слабыми.

Фриц: Доктор Геббельс также хвалил его? И если так, каким образом?

Ширмейстер: Если, как часто бывало, министр хвалил Фриче...

Председатель: Нас никак не интересует хвалил ли его Геббельс.

Фриц: Тогда другой вопрос: подсудимый Фриче, когда-либо перечил министру?

Ширмейстер: Господин Фриче был одним из немногих людей в министерстве пропаганды, который перечил министру, как во время совещаний так и в его квартире. Он всегда был спокойным и решительным и часто это производило определенный эффект.

Фриц: Господин председатель, могу я получить ваше разрешение обратить ваше внимание на это положение в документе, письменных показаниях Шарпинга, документ номер Фриче-2, который уже часто упоминали. Это в конце страницы 7 и начало страницы 8 в моей документальной книге номер 2. Можно мне вероятно процитировать одну короткую фразу: «На так называемых совещаниях в министерстве только Фриче перечил Геббельсу в политических вопросах».

Свидетель, кто был ответственным за явно ложные или преувеличенные новости в германской прессе во время судетского кризиса?

Ширмейстер: Это был Альфред Ингемар Берндт, глава управления. В то время он проводил ночи над картами генерального штаба, директивами и списками имен, используя их, чтобы фабриковать сообщения о жестокостях в Судетах. Господин Фриче смотрел на это с тревогой. Он однажды пришёл и спросил меня: «Куда это клонит? Нас клонит к войне? Если бы только знать, что они реально хотят на верху и что за всем этим стоит».

Фриц: И ещё один вопрос по этой же теме. Геббельс в связи с любыми военными и политическими акциями, которые проводили или должны были проводить, когда-либо заранее консультировался с подсудимым Фриче?

Ширмейстер: Он не только не консультировался с господином Фриче, но и вообще ни с кем. Министр никогда не имел никаких подобных консультаций.

Фриц: Фриче утверждает, что он не слышал о том, что доктор Геббельс возбудил антисемитские эксцессы в ноябре 1938 до более позднего времени, замечаниями самого доктора Геббельса. Это звучит не очень убедительно, потому что, в конце концов подсудимый Фриче был близким сотрудником доктора Геббельса. Вы

можете дать нам объяснение?

Ширмейстер: В 1938 разумеется никто из нас в министерстве не понимал, что доктор Геббельс был инициатором. В спорную ночь доктора Геббельса не было в Берлине. Насколько я помню, прямо перед этим он пошёл на встречу с фюрером и он ещё находился в южной Германии. Беседа которую вы назвали не состоялась до середины войны. Она состоялась в Ланке, где министр имел дом и по этому поводу был приглашен также господин Фриче. Кто-то задал министру прямой вопрос о причине этих эксцессов в ноябре 1938. Тогда доктор Геббельс сказал, что национал-социалистическое экономическое руководство должно было прийти к выводу о том, что устранение еврейства из экономики Германии нельзя было дальше проводить...

Фриц: Свидетель, простите меня, этого достаточно. Мы уже слышали об этом сегодня. Фриче позднее – кажется это предположительно было в июне 1944 – обсуждал с вами своё общее отношение к еврейской проблеме?

Ширмейстер: В мае или июне 1944 я обсуждал с Фриче в его квартире то, что в дни этих волнений он сказал мне: «Ширмейстер, как можно принимать участие в подобных вещах и оставаться достойным человеком?» - и потом господин Фриче сказал мне: «Знаете, я всегда был антисемитом, но лишь в том смысле, в каком были сами евреи». И он назвал еврейскую газету, кажется также C.V. Zeitung²⁵⁵...

Фриц: Довольно, свидетель. Тогда как вы объясните антисемитские заявления Фриче в его различных выступлениях по радио?

Ширмейстер: О них приказывал министр. Мы видели из британской прессы, что в Британии нарастало определенное антисемитское течение, но закон в Англии останавливал появление этого в британской прессе. Теперь министр пытался найти общий фактор против которого можно было направить нашу пропаганду за границей. Этим общим фактором был еврей.

Чтобы оказать поддержку Рейха зарубежной пропаганде, господин Фриче получил приказ, что и в Германии он тоже должен был затрагивать эту тему в некоторых своих передачах.

Председатель: Сколько вы думаете продолжать с делом подсудимого Фриче?

Фриц: Думаю три-четверти часа как самое большее, господин председатель.

Председатель: Что же, тогда после этого трибунал рассмотрит дело подсудимого Бормана завтра до часа.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 29 июня 1946]

²⁵⁵ «Газета центральной организации» - немецкая газета. Печатный орган центральной организации немецких граждан еврейской веры. Выходила в 1922 – 1938.

День сто шестьдесят седьмой

Суббота, 29 июня 1946

Утреннее заседание

Председатель: Я рассмотрю дополнительные ходатайства о документах.

Первое ходатайство в этом списке от имени подсудимого фон Нейрата и его рассмотрели.

Второе от имени подсудимого Штрайхера. Его отозвали.

Третье от имени подсудимого Дёница о письменных показаниях бывшего флотского судьи Еккеля. Это ходатайство удовлетворено.

Следующие два, 4 и 5, были от имени подсудимого фон Нейрата. Они отозваны.

Следующие три, 6, 7 и 8 от имени подсудимого Розенберга - отказано.

Следующее, от имени подсудимого фон Папена, все рассмотрены во время презентации защиты от имени фон Папена.

Следующие два от имени подсудимого Бормана - одобрены.

Последние три, 12, 13 и 14 от имени подсудимого Геринга являются предметом возможной договоренности по вопросу о том должны ли быть представлены письменные показания или вызваны свидетели и поэтому ходатайство откладывается.

На этом всё.

Максвелл-Файф: Милорд, перед тем как трибунал перейдет к делам этого дня, я бы хотел сообщить трибуналу о результатах моих запросов об отсутствующих свидетелях и вероятно это сможет сделать любой ученый защитник который захочет.

Милорд, как я могу понять, есть три свидетеля которых называл ваша светлость, от подсудимого Геринга по вопросу Катини.

Милорд, следующие свидетели которые отсутствуют это трое которых трибунал позволил при желании вызвать для перекрёстного допроса по делу подсудимого Кальтенбруннера. Я сейчас переговорил с доктором Кауфманном и он говорит, что ему не требуются свидетели Тифенбахер, Штейнбауэр и Штроп²⁵⁶ для перекрёстного допроса.

Насколько я владею информацией, следующий - адмирал Бём²⁵⁷ по делу подсудимого Рёдера.

Председатель: Сэр Дэвид, прежде чем перейти к этому, в списке который я имею был свидетель по имени Штроп для Кальтенбруннера.

Максвелл-Файф: Да, милорд, трое, Тифенбахер, Штейнбауэр и Штроп. Доктор Кауфманн говорит мне, что ему они не нужны.

Председатель: Очень хорошо. Значит вы выскажетесь о подсудимом Рёдере.

Максвелл-Файф: Милорд, есть вопрос по адмиралу Бёму. Доктор Симерс собирался дать обвинению письменные показания, и я пока их не видел, но, милорд, я не ожидаю, что обвинению потребуется этот свидетель если письменные показания не будут сильно отличаться от того, что я ожидаю.

Милорд, единственные свидетели о которых мне известно, трое о которых заявил вчера ходатайство доктор Фриц представляя дело. Трибунал это рассмотрит.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Милорд, это, как я могу понять, полный перечень отсутствующих свидетелей, если я кого-то не пропустил.

Председатель: 26 июня было ходатайство о свидетелях от подсудимого Бормана?

Максвелл-Файф: Что же, я спрашивал Бергольда этим утром. У него есть только

²⁵⁶ Юрген Штроп (1895 — 1952) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции (9 ноября 1943) и генерал-лейтенант войск СС (1 октября 1944). Один из руководителей подавления восстания в Варшавском гетто. Казнён по приговору польского суда.

²⁵⁷ Герман Бём (1884 — 1972) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 апреля 1941 года).

один свидетель для вызова, как он мне сказал, который к сожалению сегодня не здесь.

Председатель: Что же, мне сказали, что он только, что прибыл.

Максвелл-Файф: Милорд, информация вашей светлости позже моей.

Председатель: Это пришло только сейчас.

Но, что касается остальных, есть лишь один кого хочет вызвать доктор Бергольд?

Максвелл-Файф: С позволения суда, прибыл лишь один свидетель. Но я направил ещё несколько запросов о которых пока не решили, и не могу сказать, явятся ли эти свидетели, когда-нибудь и можно ли их найти. Дело Бормана характерно тем, что нельзя найти не только подсудимого, но и почти всех свидетелей тоже. В ходе сегодняшнего заседания по делу Бормана я бы хотел заявить специальное ходатайство высокому трибуналу, которое я не желаю заявлять сейчас.

Председатель: Один момент. Вы конкретно скажите нам, на каких свидетелей вы ссылаетесь?

В своём письме от 29 июня вы отзывали своё ходатайство о госпоже Кристиан²⁵⁸.

Бергольд: Да, господин председатель.

Председатель: Доктор Клопфер²⁵⁹, свидетель который сейчас прибыл в Нюрнберг.

Бергольд: Да. Ещё есть свидетели Купфер и Раттенхубер²⁶⁰ которого пока здесь нет, а также свидетельница Кристиан.

Председатель: Что же, Гельмут Фридрих²⁶¹ не обнаружен?

Бергольд: Нет, не найден.

Председатель: Вы ждете госпожу Кристиан?

Бергольд: Она тоже пока не прибыла. Она была в лагере Оберурзель. Она получила отпуск и в отпуске исчезла – очевидно она сбежала.

Председатель: Вы имеете ваше ходатайство от 26 июня или заявили ходатайство от 26 июня?

Бергольд: Да, я заявил ходатайство.

Председатель: О ком вы просите?

Бергольд: Минуточку, я должен посоветоваться со своим секретарем.

Максвелл-Файф: Госпожа Кристиан и доктор Гельмут Фридрих.

Председатель: Что же, доктор Клопфер и Фридрих.

²⁵⁸ Герда Кристиан (1913 —1997) — личный секретарь Адольфа Гитлера в 1937 - 1945.

²⁵⁹ Герхард Клопфер (1905—1987) - партийный функционер НСДАП, государственный секретарь рейхсканцелярии (1942—1945) и государственный секретарь партийной канцелярии (1944—1945), бефельсляйтер НСДАП (1944), группенфюрер СС (9 ноября 1944 года), доктор юридических наук (1927). Судом по денацификации был приговорен к денежному штрафу.

²⁶⁰ Ганс Раттенхубер (1897 —1957) — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции и войск СС (24.2.1945), начальник личной охраны Гитлера и начальник службы безопасности Рейха. Судом в СССР был приговорен к 25 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

²⁶¹ Гельмут Фридрихс (1899 — 1945) — фюрер СС, начальник отдела в штабе заместителя фюрера Рудольфа Гесса. Депутат Рейхстага. Пропал без вести.

Максвелл-Файф: Да, и госпожа Кристиан, милорд.

Бергольд: 26 июня я заявил ходатайство о свидетелях Валькенхорсте²⁶², Раттенхубере и Кемпке²⁶³. Я могу отказаться от Валькенхорста если буду иметь вместо него доктора Клопфера.

Председатель: Что же, доктор Клопфер единственный кто прибыл, как я понимаю.

Бергольд: Да, единственный кто прибыл, господин председатель.

Председатель: Трибунал хочет знать скольких вы хотите сейчас вызвать, и в связи с остальными вам лучше отозвать их если вы не можете их найти.

Бергольд: Очень хорошо, ваша светлость, я хотел заявить ходатайство об отсрочке. Свидетель доктор Клопфер прибыл только сейчас. До сих пор я не имел возможности переговорить с ним и я считаю несправедливым для него, давать здесь показания впервые. Более того, он не готов, он не знает документы которые представлены обвинением, и лично я не знаю, имеет ли он, какие-нибудь сведения о тех вещах о которых я хочу его спросить. Следовательно, я бы хотел ходатайствовать об отсрочке дела Бормана до 10 часов понедельника, чтобы дать мне возможность выслушать моего единственного свидетеля и обсудить с ним дело. Я даже не знаю, хочу ли я допрашивать этого свидетеля, ибо может быть он сделает заявление не относящиеся к делу. Не моя вина, что я не мог выслушать его до сих пор. Я много месяцев тому назад ходатайствовал о его доставке сюда, и я бы не нашел его до сих пор, если бы в последний момент мне не оказало очень любезное содействие американское обвинение. Мне кажется – я также переговорил с сэром Максвелл-Файфом – отсрочка до 10 часов понедельника будет вполне достаточной для того, чтобы хотя бы дать мне время подготовиться, если нет – мой подсудимый не здесь и мои свидетели не здесь, и я ничего не смогу подготовить.

Председатель: Что же, доктор Бергольд, вы имели много месяцев готовя своё дело, и трибунал уже откладывал вопрос довольно долгое время и данный свидетель теперь здесь. Вы можете незамедлительно встретиться с ним, и трибунал думает, что вам следует продолжать. Вам должно было быть известно, что дело наступит, точно также как наступало каждое другое дело, в соответствующее время, с учётом предоставленного вам права отложить дело в самый конец и все ваши ходатайства о свидетелях и документах отложить на самое позднее время, и свидетель здесь, и мы имеем некоторое время, чтобы рассмотреть свидетелей и документы Фриче.

Трибунал думает, что в таких обстоятельствах вам следует продолжать.

Бергольд: Господин председатель, совершенно верно, что я имел в распоряжении месяцы, но если я не мог получить никаких свидетелей и никакой информации – я прошу трибунал поставить себя на моё место. Какая мне польза ждать впустую много месяцев, месяцев во время которых я ничего не мог делать. Свидетеля здесь

²⁶² Генрих Валькенхорст (1906 – 1972) – партийный функционер НСДАП. В 1943-1945 начальник управления кадров партийной канцелярии НСДАП.

²⁶³ Эрих Кемпка (1910—1975)— личный шофёр Адольфа Гитлера с 1932 по 1945 год.

не было, никто не мог сказать мне, где можно найти свидетеля Клопфера. Он был найден в самый последний момент. Я не могу обсудить всё дело за 15 минут. Я прошу об очень короткой отсрочке до утра понедельника. Трибунал в результате этого потеряет всего несколько часов. Не моя вина, что мне назначили такого необычного подсудимого, единственного кто не присутствует.

Председатель: Доктор Бергольд, единственная вещь, что вы предлагаете доказать этим свидетелем предположительно то, что Борман мертв и любые доказательства которые он может дать об этом. Вот, что говорит ходатайство.

Бергольд: Нет, с позволения суда, это ошибка. Свидетель Клопфер не может дать показаний об этом. Он может высказать своё мнение об остальном обвинительном заключении, а именно виновен Борман или нет. Только свидетели Кристиан, Люгер и Раттенхубер могут предоставить доказательства о смерти подсудимого Бормана. Но свидетель Клопфер может дать показания по поводу обвинительного заключения.

Председатель: Где ходатайство о Клопфере? Где ваше ходатайство?

Бергольд: Это моё ходатайство от 26 мая.

Председатель: Позвольте мне посмотреть. Оно у вас здесь? Доктор Бергольд, у вас нет ничего из документов и доказательств с чем вы можете продолжать не вызывая этого свидетеля Клопфера?

Бергольд: Милорд, то, что я имею настолько мало и скудно, что я сам не знаю относится ли это к делу, пока я не спросил свидетеля. До сих пор я зависел от чистого предположения. Я не мог получить или достать никакой эффективной информации. Все это юридические конструкции которые можно сделать неоспоримыми одним словом свидетеля.

Додд: Господин председатель, я имею возражение любой отсрочке данного дела. Как отметил суд, защитник имел месяцы и имел всевозможное содействие от нашего ведомства, и по документам и в поиске своих свидетелей, и если он прекратит говорить и пойдет и поговорит со своим свидетелем, который здесь, я думаю он сможет подготовиться к своему делу.

Председатель: Доктор Бергольд, трибунал сейчас продолжит с делом подсудимого Фриче, и тем временем, вы получите возможность встретиться с этим свидетелем Клопфером, и если после встречи с ним вы пожелаете заявить дальнейшее ходатайство, вы можете это сделать, но трибунал надеется, что, если вы сможете убедиться в характере его показаний, то вы сможете продолжить с этим.

Теперь у меня есть ваше – оно только на немецком языке передо мной – но я имею ваше ходатайство на английском языке о свидетеле Клопфере, и итог такой, что он был главой третьего отдела партийной канцелярии, и он может рассмотреть проекты и разработку законов, и что он может дать показания, что деятельность Бормана при объявлении законов и указов было полностью подчиненной. Это единственная причина почему вы предполагаете, что хотите вызвать его в своём

ходатайстве.

Бергольд: Это мое предположение. Может быть, что свидетель, конечно, на самом деле знает гораздо больше, ибо он был одним из основных сотрудников. Я готовил свои ходатайства очень аккуратно, потому что как адвокат, я не хотел предъявлять суду фантазию.

Председатель: Что же, я сказал, что вы можете сослаться на Клопфера, и вы всё ещё просите вызвать Валькенхорста?

Бергольд: Я могу решить об этом только переговорив со свидетелем Клопфером. По всей вероятности я откажусь от вызова свидетеля Валькенхорста.

Председатель: Что же, вы слышали, что я сказал, доктор Бергольд. Вы сейчас можете увидеть свидетеля Клопфера.

Максвелл-Файф: Милорд, я лишь хотел, чтобы трибунал знал, что это было положение в отношении свидетелей, и когда ваша светлость спросил меня, я сказал, что процесс завершения со свидетелями может занять два дня. Милорд, с учётом свидетелей по Катыни, это может быть короче, как меня сейчас уведомили.

Председатель: Да. И, когда нам сообщат о том какое положение по свидетелям Катыни, о том есть ли договоренности об использовании письменных показаний или вызове свидетелей.

Максвелл-Файф: Милорд, я сделаю запросы и попытаюсь дать вашей светлости до конца заседания.

Председатель: Я понимаю, что мы не сможем рассмотреть это этим утром.

Максвелл-Файф: Не думаю. Кроме того, есть определенные отсутствующие опросные листы на которые защита захочет сослаться перед трибуналом, но это единственный вопрос о котором я знаю. С точки зрения обвинения, может быть немного документов которые ещё предъявят, чтобы прояснить положения возникшие в ходе дела, нежели формальные доказательства и опровержения. Их будет довольно мало и они не займут много времени.

Председатель: Есть какие-нибудь документы от имени подсудимого фон Нейрата которые нужно будет рассмотреть?

Максвелл-Файф: Мои воспоминания о том, что есть один или два опросных листа, но кроме этого я не знаю о других.

Председатель: Наверное лучше рассмотреть эти вопросы утром в понедельник.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Председатель: Что же, трибунал надеется, что защитники подсудимых понимают, что трибунал ожидает от них быть готовыми к своим выступлениям от имени подсудимых сразу после завершения доказательств.

Максвелл-Файф: Милорд, нужно попытаться дать какое-то указание на время, чтобы я стремился вникнуть этим утром.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Как я понимаю, предложение в том, чтобы сначала профессор

Яррейс выступил со своей речью.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Я понимаю, что профессор готов к этому и подумал, что было бы полезно если будет известно, что это может быть уже в понедельник.

Председатель: Да. Тогда, доктор Фриц, вероятно вы продолжите с вашим свидетелем.

[Свидетель фон Ширмейстер занял место свидетеля]

Фриц: Господин председатель, уважаемый суд, я прошу позволить продолжить допрос свидетеля фон Ширмейстера.

Свидетель, вчера в конце заседания мы остановились на моменте антисемитизма высказанного подсудимым Фриче в своих выступлениях по радио, в связи с этим, я имею дальнейший вопрос. По заявлению доктора Геббельса куда должны были эвакуировать евреев?

Ширмейстер: До первого года русской кампании, доктор Геббельс на совещаниях где он председательствовал, постоянно упоминал план Мадагаскар. Позже он изменил это и сказал, что еврейское государство должно быть сформировано на Востоке, куду должны будут забрать евреев.

Фриц: Вам известно, при рассмотрении сообщений из за рубежа о предполагаемых германских жестокостях, не только к евреям, но и к другим народам, Фриче всегда делал запрос в РСХА или другие заинтересованные ведомства?

Ширмейстер: Да. Не только в отношении сообщений о жестокостях, но по всем сообщениям пропаганды из за рубежа, которые возмущали нас. Он делал запросы иногда Мюллеру²⁶⁴, в РСХА в Берлине, иногда он запрашивал власти непосредственно связанные с этими делами.

Фриц: И что были за ведомства, кроме РСХА, в которые он мог направлять запросы?

Ширмейстер: Например, министерство продовольствия и сельского хозяйства, министерство вооружений, ОКВ, зависело от случая.

Фриц: Вам известно, давали ли на такие запросы четкие и совершенно правдоподобные опровержения, или как обращались с подобным вопросом?

Ширмейстер: Не всегда были опровержения, не всегда, очень часто мы имели четкие ответы. Например, если утверждали, что в Богемии-Моравии забастовка, тогда ответ был: «Да, на такой-то фабрике состоялась забастовка». Но всегда и без исключения было очень четкое опровержение жестокостей в концентрационных лагерях и тому подобном. Вот почему именно в эти опровержения так широко

²⁶⁴ Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина

верили. Я должен подчеркнуть, что это была наша единственная возможность получать информацию. Эта информация не предназначалась для публики, а для министра, и снова и снова приходил ответ: «Нет, в этом нет ни слова правды». Даже сегодня я не знаю каким образом мы могли бы получить информацию.

Фриц: Вы можете, что-нибудь сказать об отношении Фриче к церковным вопросам?

Ширмейстер: Господин Фриче разделял взгляды министра во время войны. В начале войны, министр потребовал полного прекращения раздора в этом вопросе, ибо всё, что могло посеять рознь в немецком народе имело бы дурное влияние. Я не знаю нужно ли мне вдаваться в детали.

Фриц: Нет, я перехожу к еще одной важной теме. Вам известно какие причины приводил Геббельс своим помощникам о различных военных акциях Германии?

Ширмейстер: Он вообще не приводил никаких причин. Он лишь добавлял комментарии к объявлениям приходившим от фюрера.

Фриц: Чтобы привести некоторые примеры, вы можете коротко сказать знал ли заранее подсудимый Фриче о том, что военные нападения планировали, первое – на Польшу; второе – Бельгию и Голландию; третье – Югославию.

Ширмейстер: В случае с Польшей, мы конечно знали о том, что вопрос Данцига и коридора ждал своего решения. Однако, сам доктор Геббельс постоянно заверял нас и сам верил, что этот вопрос не приведет к войне, потому что совершенно ошибался в отношении западных держав, он был убежден в том, что они блефуют и что Польша не рискнет войной без военной поддержки западных держав.

Фриц: Что насчёт Бельгии и Голландии?

Ширмейстер: В день перед нападением на Бельгию и Голландию события были в тени государственного визита итальянского министра Паволини²⁶⁵. Вечером было представление в театре, а потом приём в доме авиации. Ночью Геббельс пошел со мной в министерство где он периодически проводил ночь. Ночью я должен был позвонить нескольким господам, и утром министр, в моём присутствии представил господину Фриче два объявления которые затем передали, первое содержало военные причины, а второе содержало причины секретной службы. У господина Фриче пересохло горло, и я вынужден был зачитать вторую передачу с причинами секретной службы, я тоже не видел эти объявления заранее.

Фриц: Что насчёт Югославии?

Ширмейстер: Случилось тоже самое. Вечером министр освободил своего адъютанта, дав ему отгул. Ночью я должен был звонить разным господам по телефону и просить их собраться, и рано утром заявление, которое до этого времени было нам совершенно неизвестно, нам зачитали по радио.

Фриц: А что случилось в случае нападения на Советский Союз?

²⁶⁵ Алессандро Паволини (1903 —1945) — итальянский политик, журналист и эссеист, член фашистского правительства Италии в период Второй мировой войны. Министр культуры Италии в 1939-1943. Генеральный секретарь Республиканской фашистской партии в 1943-1945. Казнен итальянскими партизанами.

Ширмейстер: Это было ещё нелепее. Перед нападением на Советский Союз, министр с целью маскировки, лгал собственным начальникам управлений. Примерно в мае, он выбрал 10 коллег из 20 которые обычно принимали участие в совещаниях и сказал им:

«Господа, я знаю, что некоторые из вас думают, что мы пойдем сражаться с Россией, но я должен вам сказать, что мы пойдем сражаться с Англией, вторжение неминуемо. Пожалуйста настройте свою работу соответственно. Вы, доктор Гласмайер, начинайте новую пропагандистскую кампанию против Англии...».

Это была наглая ложь, которую он сказал своим начальникам управлений в целях маскировки.

Фриц: Вы хотите сказать, что никто в министерстве пропаганды не знал о неминуемой кампании против России?

Ширмейстер: Нет. Следующие господа в министерстве пропаганды знали о русской кампании – если я могу предположить, письмо доктору Геббельсу от Ламмерса давало ключ к этому, ибо в нём Ламмерс доверительно сказал министру о том, что фюрер намерен назначить господина Розенберга министром оккупированных восточных территорий; письмо также просило доктора Геббельса лично назвать господину Розенбергу связного из нашего министерства, и это конечно снимало секретность. Людьми которые знали об этом, были: господин Адамовски²⁶⁶, как его временный личный представитель; доктор Таубер, человек который должен был быть назначен связным; я, потому что случайно прочитал это письмо; и глава отдела зарубежной прессы, доктор Бёме. Доктор Бёме и это очень важно, сказал мне за день до своего ареста в присутствии принца Шаумбурга-Липпе²⁶⁷, что он получил эту информацию из окружения Розенберга, то есть – и я хочу это подчеркнуть – не от нашего министерства или нашего министра. В противном случае, как глав двух параллельных ведомств, обоих бы, конечно, проинформировали. Если Бёме не знал об этом от министра, тогда и господин Фриче не мог знать. В результате беспечного замечания об этом, Бёме был арестован на следующий день и позднее убит в бою.

Фриц: Теперь я хочу суммировать эту часть своего допроса следующим общим вопросом: вы, когда-либо замечали, что перед важными политическими или военными акциями правительства или НСДАП, Геббельс обменивался мыслями о будущих планах с подсудимым Фриче?

Ширмейстер: Совершенно невозможно, что такое случалось, это бы полностью противоречило принципам министра. Он не только не обменивался мыслями о будущих планах, но и никого о них не информировал.

²⁶⁶ Ойген Хадамовски (1904 – 1945) – немецкий политик и государственный деятель. В 1935-1936 президент палаты радиовещания Рейха. В феврале – августе 1940 начальник управления радиовещания в рейхсминистерстве пропаганды Германии. Убит в бою в Восточной Пруссии.

²⁶⁷ Фридрих Кристиан Шаумбург-Липпе (1906—1983) — немецкий принц из княжеского дома Шаумбург-Липпе. Тайный советник и адъютант Йозефа Геббельса. Штандартенфюрер СС.

Фриц: Теперь мы переходим к другому предмету. Обвинение вменяет подсудимому Фриче внедрение в немецкий народ идеи высшей расы и таким образом возбуждение ненависти к другим нациям. Фриче, когда-либо получал указания вести пропагандистскую кампанию в интересах теории высшей расы?

Ширмейстер: Нет, ни при каких обстоятельствах. В связи с этим, нужно знать, что доктор Геббельс вообще не мог использовать партийные догмы и мифы. Это не те вещи, что привлекают массы. Для него партия была большим резервуаром в котором как можно больше разных частей немецкого народа нужно было объединять, и в частности эту идею высшей расы, вероятно из-за своей физической ограниченности, он высмеивал и полностью отвергал, она его не привлекала. Мне теперь отвечать на вопрос о ненависти? Вы также спросили меня об этом.

Фриц: Да.

Ширмейстер: Пропаганда ненависти к другим нациям полностью противоречила линии пропаганды установленной доктором Геббельсом, ибо он надеялся, и он до конца цеплялся за эту надежду как мираж, что однажды он сможет сменить политику «против Англии» и «против Америки», на политику «с Англией» и «с Америкой». И если хочешь делать это, нельзя поощрять ненависть к нации. Он хотел быть вместе с нациями, а не против них.

Фриц: Тогда против кого была направлена эта пропаганда в прессе и по радио?

Ширмейстер: В основном против систем, это доктор Геббельс создал концепцию «плутократии» в том смысле в каком мир знает её сегодня, позже концепция «большевизма» добавилась с другой стороны. Иногда его пропаганда направлялась против тех или иных людей во власти, но он не мог в этом получить полное содействие германской прессы. Это его раздражало, и на совещании он однажды сказал: «Господа, если бы я мог поставить на ваше место 10 евреев, я бы это сделал». Но потом он прекратил эти нападки на личности типа Черчилля, он опасался, что эти люди станут слишком популярными в результате его контрпропаганды. Кроме этого он не ненавидил Черчилля лично, тайно он им даже восхищался, как например, всю войну он имел портрет герцога Виндзорского²⁶⁸ на столе. Поэтому его пропаганда ненависти временно направлялась на отдельных людей, но всегда против систем.

Фриц: Свидетель, прежде чем ответить на следующий вопрос, очень внимательно проверьте свою память, и в частности, вспомните о своей присяге. Цель пропаганды о которой получал приказы Фриче и которую он проводил заключалась в возбуждении безудержных страстей ведущих к подстрекательству к убийству и насилию, или в чём заключалась её задача?

²⁶⁸ Герцог Виндзорский — герцогский титул британской королевской семьи в пэрстве Соединённого королевства. Титул был создан 8 марта 1937 года для принца Эдуарда, бывшего короля Эдуарда VIII, после его отречения в декабре 1936 года. Герцогство берёт своё название от города, где находится Виндзорский замок — резиденция английских монархов со времен Генриха I, последующего норманнского завоевания. «Виндзор» — название правящей королевской династии с 1917 года.

Ширмейстер: Нет. Министр вообще не мог использовать страсти в своей пропаганде, ибо страсти то возгораются то затухают. То, что делал министр было постоянной и надежной линией, стойкой даже в трудные времена. Разжигание страстей, подстрекательство к ненависти или даже убийству не привлекали бы ни немецкий народ, ни доктор Геббельс не мог пользоваться ничем таким.

Фриц: Германская пропаганда, особенно в России, вообще находилась под руководством министерства пропаганды?

Ширмейстер: Я должен провести здесь разницу. Я не знаю, нужно ли мне вдаваться в хорошо известные разногласия между доктором Геббельсом и Риббентропом. В начале войны министерство иностранных дел требовало ответственность за всю зарубежную пропаганду, а именно, пропаганду в зарубежных странах, и пропаганду направленную на иностранцев живущих в Германии. Возникали очень непримиримые споры, проблему поставили перед самим фюрером, но в конце концов обе стороны интерпретировали его решение в свою пользу.

Фриц: Свидетель, будьте пожалуйста, более кратким?

Ширмейстер: Очень хорошо, я это оставлю. Разногласия между двумя людьми хорошо известны. Однако в отношении России, я должен добавить, что и пресса и пропаганда до марта 1944 находились в компетенции господина Розенберга. В этой области, доктор Геббельс также...

Председатель: Минуточку, минуточку. Какое отношение русская пропаганда имеет к подсудимому?

Фриц: Нет, немецкая пропаганда на русской территории – вот о чём я его спросил. Он собирается сказать об этом только одну фразу, фактически он уже сказал это.

Ширмейстер: До 1944, Розенберг – к большой озабоченности доктора Геббельса который верил в то, что русскую кампанию можно было выиграть в сфере пропаганды.

Фриц: У меня к вам ещё один вопрос.

Вчера, когда господина Фриче перекрёстно допрашивали, обвинение предъявило несколько протоколов допросов, среди них, например, фельдмаршала Шернера, в которых показания однозначно говорят, что Фриче был постоянным заместителем Геббельса как министра пропаганды. Это правильно?

Ширмейстер: Это чистая бессмыслица. Я не могу вообразить как можно было сделать подобное заявление. В нём нет ни слова правды.

Фриц: Спасибо. Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-либо вопросы свидетелю?

[Нет ответа]

Председатель: Обвинение желает перекрёстно допросить?

Руденко: Господин председатель, обвинение не намерено допрашивать этого свидетеля, это не значит, что мы оставляем без возражений показания данные здесь.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Фриц: Господин председатель, я бы хотел отметить и попросить трибунал принять судебное уведомление также о документах которые находятся в моих обеих документальных книгах, но которые я не цитировал. В моей документальной книге номер 2 есть ещё одни письменные показания данные доктором Шарпингом, документ который я приобщаю трибуналу как документ номер Фриче-3, страницы 16-19. Эти письменные показания касаются отношения подсудимого Фриче к мерам которые Гитлер планировал после масштабных воздушных налётов на город Дрезден. Могу я попросить трибунал принять судебное уведомление о всём содержании этих письменных показаний, на странице 16 и следующих страницах, документальная книга номер 2.

Председатель: Доктор Фриц, трибунал видит, что в экземпляре 3, который вы только, что нам представили, есть заявление лица давшего письменные показания о том, что после бомбардировок немецких городов осенью 1944 «Доктор Геббельс заявил, что больше нет возражения передачи членов экипажей разбившихся самолётов гневу народа».

Трибунал хочет, чтобы подсудимый Фриче вернулся на место свидетеля и был опрошен об этом.

Вы задавали подсудимому Фриче какие-либо вопросы по этому поводу в своём допросе?

Фриц: Нет, господин председатель – я хотел сказать в заключении своего дела, что я ожидал заявление об этом от державы-покровительницы, швейцарского посла в Берлине. Однако, данное заявление ещё не дошло до меня. Я хотел попросить разрешения предъявить его позднее, если оно поступит вовремя.

Председатель: Этот другой опросный лист или вы имеете в виду письменные показания?

Фриц: Да, это заявление касается этой темы.

Председатель: Да.

Фриц: Господин председатель и если мне позволят добавить, я также ожидаю заявления британского радиокomentатора Клифтона Делмара. Это заявление ещё не поступило. Я вероятно смогу его предъявить?

Председатель: Разумеется, можете. Но сейчас трибунал интересуется то, что он считает материальным знать...

Фриц: Да, я, вполне понимаю, господин председатель.

[Подсудимый Фриче вернулся на место свидетеля]

Председатель: Вы всё ещё находитесь под присягой. Вы можете садиться.

Вы прочитали эти письменные показания?

Фриче: Но я уже не помню детали.

Председатель: Мы не слышали ответ.

Фриче: Я уже не помню в деталях эти письменные показания которые мой защитник предъявил трибуналу. Однако, я знаю, что они существуют.

Председатель: Заявление, о котором трибунал пожелал спросить вас, было следующим:

«Начиная с осени 1944 доктор Геббельс также часто говорил об этом во время так называемых министерских совещаний ...»

Я начну раньше этого:

«Возрастающий эффект английских и американских воздушных бомбардировок немецких городов заставил Гитлера и его более близких советников искать резкие меры репрессалий. Начиная с осени 1944, доктор Геббельс также часто говорил об этом во время так называемых совещаний министров, на которых многочисленные чиновники и технические сотрудники его министерства собирались и как правило, я тоже присутствовал».

Это Франц Шарпинг?

Фриче: Да.

Председатель:

«По таким поводам доктор Геббельс заявлял о том, что больше нет никаких возражений передаче членов экипажей разбившихся самолётов гневу народа».

Как вам известно, у трибунала было много доказательств об этом. Вы в своих пропагандистских выступлениях делали какие-нибудь ссылки на эту тему?

Фриче: Нет, я никогда не выступал в своих пропагандистских речах за то, чтобы экипажи самолётов, которые сбили должны были убивать. С другой стороны, я знаю, что доктор Геббельс, по причинам утешения приказал уже осенью 1944 направлять за рубеж сообщения о том, что, приводя пример, англо-саксонский самолет, обстрелявший из пулеметов идущих в церковь на улице в воскресенье, был сбит и членов экипажа линчевал народ. На самом деле этот доклад не имел никакой фактической основы; это вряд ли могло быть правдой, поскольку совершенно невероятно, что самолет сбили именно в такой момент.

Я знаю, что доктор Геббельс, с помощью циркулярного письма адресованного управлениям пропаганды гау, просил, чтобы о деталях подобных инцидентов, если они случались на самом деле, сообщали ему, но по моим сведениям он не получил никаких фактических подобных деталей. В это же время он написал статью по этой теме в «Reich», я не могу сейчас вспомнить название статьи. В любом случае, эта кампания, сошла на нет в январе или феврале,

разгоревшись снова в дни после воздушной атаки на Дрезден²⁶⁹ и случился следующий инцидент. Доктор Геббельс объявил на «одиннадцатичасовом утреннем совещании», которое довольно часто упоминали в этом зале суда, что в атаке на Дрезден было убито 40000 человек. Тогда не было известно о том, что подлинная цифра значительно выше. Доктор Геббельс добавил, что так или иначе нужно положить конец этому террору, и Гитлер твёрдо решился расстрелять в Дрездене английских, американских и русских лётчиков в количестве равном жителям, которые лишились жизни в этой воздушной атаке. Потом он обратился ко мне и попросил меня подготовить и объявить эту акцию. Был следующий инцидент: я вскочил и отказался делать это. Доктор Геббельс прервал совещание, и попросил меня пройти в его кабинет, и там между нами была очень жаркая дискуссия.

Наконец я убедил его хотя бы в том, что он пообещал мне воспользоваться своим влиянием на Гитлера, для того, что такой план не осуществился. Потом я переговорил с послом Рюле, связным от министерства иностранных дел и попросил его привлечь к помощи своего министра с такой же целью. Я также попросил государственного секретаря Науманна поговорить об этом с Борманом, чье преобладающее влияние было хорошо известно.

После этого, у меня была дискуссия — в существующих правилах это вообще-то не разрешалось — с представителем державы-покровительницы. Конфиденциально, я дал ему определенные указания на план, о котором я услышал и спросил его, мог ли он предложить или предоставить мне кое-какую аргументацию или кое-какие средства, чтобы противодействовать этому плану более интенсивно.

Он сказал, что займется вопросом как можно скорее и вызвал меня на следующее утро. У нас была вторая дискуссия, и он сказал мне, что тем временем ему поступило предложение обмена пленными — то есть, обмен немецких и английских пленных — включая, кажется, 50000 человек.

Я попросил его провести этот вопрос по обычным дипломатическим каналам, но позволить мне обсудить эту возможность обмена военнопленными с доктором Геббельсом, Науманном и Борманом. Я сделал это, и поскольку в то время руководство очевидно особенно интересовало возвращение военнопленных которых можно было снова использовать на фронте, это перспективное предложение...

Председатель: Как вы додумались, что возможный обмен пленных повлияет на вопрос о том будут ли убиты 40000 английских и американских и русских лётчиков в качестве репрессалии?

Фриче: Мне казалось, что в то время, когда мы имели возможность провести обмен военнопленными, все мысли об акции которая была за гранью всех человеческих

---

²⁶⁹ Бомбардировка Дрездена — серия бомбардировок немецкого города Дрезден, осуществлённых Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США 13—15 февраля 1945 года во время Второй мировой войны.

законов должны были подавить, то есть, если бы обсуждался обмен военнопленных, идея гигантского расстрела пленных должна была быть отодвинута в сторону.

Я коротко заканчиваю. Этот план обсуждался. Я сказал об этом доктору Геббельсу, и это обсуждалось вечером с Гитлером, согласно совпадавшим сообщениям которые я имел из двух разных источников. В результате какого-то странного инцидента само по себе предложение оказалось на мели где-то в бюрократических каналах много дней спустя после того как это волнительный инцидент разрешился.

Биддл: Вы меня слышите? Я спрашиваю вас, когда вы услышали о приказе Гитлера, не в отношении этих пленных, а в отношении лётчиков которые приземлились? Когда вы впервые услышали об этом? Вы сказали, что осенью Геббельс направил за рубеж какую-то пропаганду в отношении данного приказа. Вы тогда об этом знали?

Фриче: Да.

Биддл: Осенью 1944 вы знали об этом приказе?

Фриче: Нет.

Биддл: Когда вы узнали?

Фриче: Я не могу сказать точно, но осенью 1944, я не знал об этом приказе. Я должен быть крайне аккуратен, поскольку я нахожусь под присягой. Мне кажется, я услышал о приказе только здесь в этом зале суда, но это спуталось в моей памяти с кампанией доктора Геббельса которую я сейчас описал. Я не могу чётко...

Биддл: Конечно на этой встрече в феврале обсуждали этот приказ, когда они обсуждали убийство 40000 пленных, не так ли?

Фриче: Нет, по этому поводу вообще нет.

Биддл: Вы не сомневались в том, что Гитлер хотел, чтобы этих пленных убили, не так ли?

Фриче: Да, в то время, когда доктор Геббельс сослался на план, мне показалось, что Гитлер желал провести эту акцию.

Биддл: Значит ответ «да». Итак, вы не сомневались в том, что Геббельс хотел убить их, не так ли?

Фриче: 40000 в Дрездене?

Биддл: Да.

Фриче: В целом, да.

Биддл: Да.

Фриче: Да, я не сомневался, что Геббельс тоже одобрял это.

Биддл: И какие другие из лидеров хотели их убийства? Видимо это много обсуждали, кто ещё в правительстве был в пользу такой политики?

Фриче: Я не могу сказать точно, был ли Борман в её пользу; он был единственным заинтересованным. Однако, я знаю, что фон Риббентроп, через посла Рюле, предпринял попытку отговорить Гитлера от этого шага. Он возражал плану Гитлера.

Биддл: Риббентроп работал над этой конкретной проблемой убийства пленных?

Мне это не ясно. Риббентроп знал об этом?

Фриче: Тогда я рассказал послу Рюле об этом деле и попросил его сообщить Риббентропу и заручиться его помощью. День или два спустя Рюле сказал мне - у нас были частые тревожные беседы об этом – что Риббентроп...

Биддл: Мне не нужны детали. Ответ в том, что министерство иностранных дел знало, даже если Риббентроп мог лично не знать? Правильно?

Фриче: Риббентроп был лично проинформирован.

Биддл: Это всё, что я хочу знать.

Фриче: Да.

Биддл: Вам известно об отношении Бормана к данному вопросу?

Фриче: Согласно отчётам, которые я слышал, он сперва поддержал план Гитлера расстрелять эти 40000; но потом, под влиянием Геббельса и Науманна, принял противоположный взгляд и сотрудничал в разубеждении Гитлера от такого намерения.

Биддл: Они консультировались по вопросу с заинтересованными командирами Вермахта?

Фриче: Мне об этом ничего неизвестно.

Биддл: Предлагают, что я должен спросить вас также об этом: вам известно какое отношение занял Риббентроп к расстрелу этих пленных?

Фриче: Да. После доклада ему посла Рюле, он использовал своё влияние, чтобы предотвратить исполнение этого плана Гитлера, каким образом, я не знаю.

Председатель: Доктор Фриц, вы желаете задать подсудимому какой-нибудь вопрос?

Фриц: Нет, господин председатель.

Председатель: Обвинение, желает задать какие-нибудь вопросы вытекающие из вопросов заданных трибуналом?

Руденко: Нет, господин председатель.

Председатель: Тогда подсудимый может вернуться на скамью подсудимых.

Фриц: Господин председатель, это приводит меня к концу доказательств по делу подсудимого Фриче.

Председатель: Вы приобщаете в качестве доказательства все документы в ваших двух документальных книгах, каждый из них?

Фриц: Да.

Председатель: Они отмечены как номера экземпляров?

Фриц: Да, я предъявил все подлинники.

Председатель: Очень хорошо.

У вас нет двух экземпляров 1; экземпляр 1 в одной книге и экземпляр 1 в другой книге?

Фриц: Нет, в моей документальной книге 1 вообще нет экземпляров Фриче, господин председатель.

Председатель: Ах! Понимаю. Очень хорошо. Что же, на этом завершается дело

Фриче?

Фриц: Да, господин председатель.

Председатель: Трибунал прервется.

[Объявлен перерыв]

Бергольд: С позволения трибунала, прежде всего я хочу сказать, что я также отказываюсь от свидетеля, доктора Клопфера, поскольку он работал в тесном контакте с Борманом только после 1942, поскольку он не может дать показания о большинстве документов которыми руководствуется обвинение, и поскольку он руководил в партийной канцелярии лишь отделом конституционного права.

Господин председатель, я хочу начать своё дело, сделав очень краткое основное заявление. Подсудимый Борман отсутствует; его сообщники, в общем, тоже не в моём распоряжении. По этой причине я могу лишь попытаться, на основе документов представленных обвинением, предъявить немного доказательств, чтобы доказать, что подсудимый не играл большую, легендарную роль, которую теперь, после краха, ему приписывают. Как адвокату, мне претит строить, что-то из ничего, и я прошу высокий трибунал принять это во внимание при взвешивании моих доказательств, которые, следовательно должны быть крайне небольшими по количеству. Это не пренебрежение обязанностями с моей стороны, что я представлю так мало, но это неспособность найти, что-нибудь положительное из доступных документов без содействия подсудимого.

Прежде всего, я перехожу к вопросу о том можно ли вообще слушать дело Бормана. Я приобщил доказательства, чтобы показать, что скорее всего подсудимый Борман погиб 1 мая 1945 при попытке бегства из рейхсканцелярии. В качестве своего первого свидетеля которая может дать об этом показания, я назвал свидетельницу Эльзу Крюгер²⁷⁰, и моё ходатайство о ней было одобрено трибуналом. В своём ходатайстве от 26 июня, я заявил о том, что я откажусь от допроса свидетеля если высокий трибунал позволит мне предъявить вместо этого её письменные показания. Я пока не получил ответ на данное ходатайство, но я предполагаю, с тех пор как услышал от доктора Кемпнера, что обвинение согласно с этим, что высокий трибунал тоже не выскажет никакого возражения.

Председатель: Я думал ходатайство в отношении свидетельницы Крюгер было отозвано.

Бергольд: Я заявил, что я откажусь от свидетельницы при условии, что смогу предъявить её письменные показания. Кажется есть недопонимание. Обвинение сообщило мне, что оно не имело никаких возражений.

Додд: Господин председатель, мы сказали, что не имели никакого возражения,

---

²⁷⁰ Эльза Крюгер (1915 — 2005) — секретарь и вероятная любовница Мартина Бормана в 1942—1945 годах.

использованию письменных показаний поскольку он отказался от вызова свидетельницы.

Бергольд: Я предъявляю письменные показания как документ номер Борман-12.

Затем, я назвал трёх других свидетелей которые могут свидетельствовать о том, что Борман погиб. Первый, свидетель Кемпка, который много лет был шофером Гитлера и который присутствовал при неудачной попытке бегства из рейхсканцелярии. Этот свидетель не здесь. По информации которую я имею, он интернирован в лагере во Фрейзинге в декабре 1945 в руках американских властей, но к сожалению он пока не представлен.

Я также назвал свидетеля Раттенхубера, который тоже присутствовал, когда Борман погиб и который по информации которую я имею, как сказано находится в руках СССР.

Свидетельницу Кристиан, которую мне одобрили, нельзя обнаружить. Она была интернирована в лагере Оберурзель, там ей предоставили отпуск воспользовавшись которым она исчезла. Кроме письменных показаний свидетельницы Крюгер, следовательно, я не имею никаких доказательств того, что Борман погиб. Я крайне сожалею, что я не в состоянии представить явные доказательства об этом, и что члены обвинения не смогли оказать мне больше поддержки, ибо таким образом значительно усиливается формирование легенд. На самом деле, своего рода Лжедмитрий²⁷¹, лже Мартин Борман, уже объявился и шлёт мне письма которые подписаны Мартином Борманом, но которые не могут быть им написаны. Мне кажется, что немецкой нации, союзникам и в целом миру оказали бы услугу, если бы я мог обеспечить доказательства о которых просил.

Я перехожу к своим документам.

Председатель: Что же, трибунал хочет заслушать чтение этих письменных показаний Крюгер.

Бергольд: Текст следующий:

«Госпожа Эльза Крюгер родившаяся 9 февраля 1915, в Гамбург-Альтона; секретарша, в настоящее время в Гамбурге (39), Ганценвег 1...Примерно с конца 1942 являлась одной из нескольких секретарш подсудимого Мартина Бормана; было примерно, 30-40 секретарш. Я уже не могу дать точные цифры и имена. Я занимала эту должность до конца и после смерти Гитлера.

1 мая 1945 я видела и разговаривала с Борманом в бункере рейхсканцелярии в последний раз, но тогда я уже не работала с ним, поскольку в то время он от руки писал свои приказы и сообщения по

²⁷¹ Лжедмитрий I, официально именовавший себя царевич (затем — царь) Дмитрий Иванович, в отношениях с иностранными государствами — Император Димитрий 1606 — Государь, Царь и Великий Князь всея Руси с 1 (11) июня 1605 года по 17 (27) мая 1606 года, по устоявшемуся в историографии наиболее распространённому мнению — самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана IV Грозного — царевича Дмитрия. Первый из нескольких самозванцев, именовавших себя сыном Ивана Грозного и претендовавших на российский престол.

телеграфу. Все, что я должна была делать в те дни в бункере рейхсканцелярии заключалось в том, что я морально готовилась к смерти. Последними словами которые он сказал мне, когда случайно встретил в бункере, были: «Ну, прощай. Теперь в этом уже не много смысла, но я попытаюсь прорваться. Очень может быть, что мне не удастся». Такими приблизительно были его последние слова, я уже не помню их дословно.

Позже вечером, когда я подумала, что русские подошли очень близко к убежищу рейхсканцелярии, я вместе с группой из примерно 20 человек, в основном солдат, бежала из убежища через подземные проходы, затем через одну из стен канцелярии, вдоль Вильгельмплац ко входу в подземную станцию Кайзерхоф. Оттуда мы бежали через подземные проходы к Фридрихштрассе, а затем через ряд улиц, завалы из домов, и так далее; я уже не помню точные детали в связи с путаницей и волнением тех дней. В конце концов на следующее утро мы достигли другого убежища, я уже не помню где оно было, может быть это было убежище у Гумбольдхайна».

Председатель: Доктор Бергольд, письменные показания вообще имеют отношение к подсудимому Борману?

Бергольд: О, да, я перехожу к этому:

«Спустя некоторое время довольно внезапно туда явился группенфюрер СС Раттенхубер. Он был тяжело ранен в ногу и был помещен на койку. Другие люди спросили его откуда он пришёл, и он сказал в моём присутствии, что он, вместе с Борманом и другими, бежал на машине по Фридрихштрассе. Предположительно все погибли, там была масса тел. Я поняла из его заявления, что он считал, что Борман погиб. Мне это тоже показалось достоверным, потому что согласно сообщениям от некоторых солдат которых я не знала, все люди которые покинули убежище после нас подверглись сильному русскому обстрелу и сотни мертвых как сказали лежали за мостом Вайдендаммер».

Я опускаю одну маловажную фразу.

«Я помню как потом читала в британской газете, что многолетний водитель Гитлера, Кемпка, где-то сделал заявление о том, что Борман, с которым он видимо бежал, погиб».

Теперь я перехожу к документам. Для того, чтобы сократить свои доказательства, могу я сослаться на документальную книгу которую я предъявил. Все эти документы содержат приказы Бормана которые собраны и изданы в форме законов под названием «Приказы заместителя фюрера». Я прошу, чтобы трибунал принял судебное уведомление об этих официальных приказах. Я затрону

юридическую аргументацию вытекающую из этих документов в своей заключительной речи.

Я просто хочу кратко сослаться на приказ номер 23/26, это приказ под цифрой 8.

Председатель: Вы имеете в виду PS?

Бергольд: Нет, это приказ номер 8 в моей документальной книге, господин председатель. Я особо хочу обратить внимание трибунала на это, не цитируя его.

Теперь я перехожу к документальной книге предъявленной обвинением, и я бы хотел прочитать короткий отрывок из PS-098, на странице 4, второй абзац сверху.

Председатель: Вы говорите PS-098?

Бергольд: Да, документ PS-098, письмо Бормана от 22 февраля 1940 адресованное рейхсляйтеру Альфреду Розенбергу.

Председатель: Страница 4?

Бергольд: Страница 4. Это письмо в котором Борман выступает против христианской религии. Вместе с тем, он пишет следующее, страница 4:

«В отношении религиозного воспитания в школах, мне кажется, что существующие условия не требуют изменений. Не национал-социалистического учителя, согласно ясным указаниям заместителя фюрера, не должны обвинять, если в школах он готовился учить христианской религии».

Я опускаю одну фразу.

«В циркуляре заместителя фюрера номер 3/39 от 4 января 1939, прямо указано, что учителя религии никоим образом не должны собственноручно выбирать библейский материал для религиозного воспитания, а обязаны воспитывать по всем библейским темам. Им следует воздерживаться от всякого пересказа, анализа или пересказа этой директивы; подобные попытки предпринимались несколько раз определенными церковными группами».

Это ссылка на так называемых немецких христиан²⁷².

Затем я цитирую из документа PS-113, документальная книга обвинения. Это директива номер 104/38, я цитирую:

«Нейтралитет партии в отношении церкви который с самого начала подчеркивали, требует избегать всяческих трений. Как показал опыт священнослужители, как политические лидеры или как лидеры или руководители отделов в партии и её аффилированных организациях, не обладают необходимой свободой решения при таких двойных обязательствах; более того, существует угроза, что ввиду их

²⁷² «Немецкие христиане» — движение, организованное в мае 1932 года сторонниками национал-социализма среди немецкого духовенства.

церковной службы они воспользуются движением в своих целях в церковной борьбе. Заместитель фюрера следовательно приказал:

1. Священнослужители занимающие должности в партии немедленно должны быть освобождены от партийных обязанностей».

Затем я цитирую из документа PS-099, в котором Борман в письме от 19 января 1940 рейхсминистру финансов критикует маленькие взносы в церковь во время войны. Я цитирую из второго абзаца:

«Установление такого небольшого взноса меня удивило. По многочисленным докладам, я понимаю, что политические сообщества вынуждены вносить посильный вклад в войну, что осуществление их собственных задач, которые часто очень важные, как например работа по социальному обеспечению, в беспорядке».

Я опускаю одну фразу:

«Я понимаю, что установление такого незначительного взноса объясняется тем, что только церкви старого Рейха вправе увеличивать сборы, чтобы вносить свой вклад в войну, в то время как исключены отделения протестантской и католической церкви, которые вправе собирать церковные подати в Австрии и Судетах...»

Я опускаю остальное из фразы.

«Такая разница в обращении с индивидуальными отделениями церквей и церковными организациями, по моему мнению, совершенно неоправданна».

Затем я цитирую из документа PS-117, письма Бормана Розенбергу от 28 января 1939. Я цитирую из второго абзаца:

«Партия в недавние годы постоянно вынуждена была объяснять своё отношение к плану государственной церкви или какой-то другой меры создающей более тесную связь между государством и церковью. Партия всегда категорически отвергала подобные планы по двум причинам. Во-первых, связь между государством и церковью, как организацией религиозного сообщества которая не во всех областях направлена на практическое применение национал-социалистических принципов, не будет соответствовать идеологическим требованиям национал-социализма. Во-вторых, чисто практические и политические соображения говорят против подобного формального союза».

И затем я ссылаюсь на документ L-22, который касается совещания в ставке фюрера 16 июля 1941 на котором присутствовали Гитлер, Розенберг, Ламмерс, Кейтель, Геринг и Борман.

Председатель: Могли бы вы сказать нам в какой части книги это и что за номер?

Бергольд: L-22. Это приблизительно в середине книги. Борман выступал как секретарь совещания и вёл запись. Обвинение заявило, что побочные замечания

Бормана показали, что на этом совещании, он принимал участие в обсуждении планов присоединения русской территории к Рейху. Поэтому я должен прочесть это побочное замечание которое он сделал.

Председатель: Это L-221, не L-22.

Бергольд: Первое побочное замечание в 14 абзаце и гласит следующее:

«Между прочим, имеется ли вообще еще культурная прослойка на Украине и имеются ли украинцы, принадлежащие к высшим классам, вне современной России в качестве эмигрантов?

Председатель: Доктор Бергольд, вы не могли бы сказать нам какая это страница подлинника? В нашем документе есть заголовки «подлинная страница» такая-то и такая-то.

Бергольд: Да, есть, но – пожалуйста, один момент, я снова посмотрю. Перевод который я получил имел другой тип разделения – страница 4.

Председатель: Спасибо.

«Мы должны превратить в райский сад...». Первая часть страницы 4: «мы должны превратить в райский сад...».

Бергольд: Да, да, да, второй абзац, третий абзац, нет, после каждого – это третий абзац.

Председатель: Продолжайте.

Бергольд: Вы нашли, господин председатель?

Председатель: Я не знаю, пока вы мне не скажете как это начинается.

Бергольд: Это начинается: «Между прочим, имеется ли вообще еще культурная прослойка на Украине...?»

Председатель: Да, это есть, да. Страница 3.

Бергольд: Это на странице 3.

Председатель: Думаю это на странице 4. Вроде это: «На Украине ещё есть что-то вроде образованного класса?».

Бергольд: Согласно документальной книге, которую мне представили, это на странице 3, но может быть страница 4.

Председатель: Подлинная страница 4.

Бергольд: Тогда на странице 5, страница 4, нет это страница 3, ваша светлость. Страница 4 имеет очень похожее замечание которое гласит:

«Многokrатно замечалось, что Розенберг слишком много уделяет внимания украинцам. Он хочет также значительно увеличить старую Украину».

И затем последнее замечание на странице 8 – странице 5 английского текста, третий абзац с конца, пометка для члена партии Клопфера:

«Пожалуйста попросите у доктора Мейера как можно скорее данные о предлагаемой организации замещения должностей».

Затем в конце, страница 6 вашего подлинника, последний абзац:

«Попутно, фюрер подчеркнул, что о деятельности церквей не может быть и речи. Папен уже представил ему длинный меморандум через министерство иностранных дел говорящий о том, что теперь настал правильный момент для восстановления церквей. Но об этом не может быть и речи».

Это относится к заявлению Гитлера.

Затем я перехожу к документу PS-1520. Я хочу прежде всего обратить внимание трибунала на то, что в этой записи, которую вел Ламмерс, Борман, в начале, вообще не упоминался среди присутствовавших, видимо потому, что его деятельность как секретаря считалась само собой разумеющейся.

Я бы хотел прочитать со страницы 2 вашего подлинника, из абзаца начинающегося: «Затем дискуссия перешла к вопросу свободы религии...». Я начну с восьмой строки четвертого абзаца:

«Борман абсолютно согласился с таким отношением, но сказал, что единственный вопрос заключался в том не создаст ли подобный закон рейхсминистру востока, который в конце концов имел имя в Германии, слишком далекоидущие обязательства которые имели бы последствия для Рейха. Церкви сами будут определять, что такое «религиозная свобода», и он предсказывал, что подобный закон приведет к сотням новых писем и жалоб со стороны церквей в Рейхе». Я опускаю одну фразу.

«Наконец согласились с тем, что весь вопрос не должен быть урегулирован мною» - то есть Ламмерсом – «в форме закона, но, что рейхскомиссары должны принимать сложившуюся религиозную свободу как само собой разумеющуюся и должны принять необходимые указания».

Затем документ PS-072, письмо Бормана Розенбергу, из которого я должен прочитать третий абзац:

«Фюрер подчеркнул, что на Балканах не нужно использовать ваших экспертов, поскольку там нет предметов искусства подлежащих конфискации. В Белграде была единственная коллекция принца Павла²⁷³ которую должны вернуть ему в целости. Об остальном материале лож, и т.д., позаботятся представители группенфюрера Гейдриха».

Из документа PS-062, я бы хотел прочитать вступление, в котором подсудимый Гесс рассматривает приказы изданные им по обращению с лётчиками. Я цитирую:

«Французское гражданское население получило официальные

---

²⁷³ Павел Карагеоргиевич (1893 — 1976) — регент Югославии с 9 октября 1934 по 27 марта 1941, в период малолетства короля Петра II.

указания по радио и иным образом о том, что оно должно делать при посадке германских самолетов».

Из документа PS-205, я бы хотел прочитать вступительные слова Бормана, второй абзац.

Председатель: Какая дата у PS-062?²⁷⁴

Бергольд: 5 мая 1943, циркулярное письмо номер 70/43

Председатель: Думаю теперь я нашел.

Переводчик: У вас 205, милорд.

Бергольд: 5 мая 1943.

Председатель: Нет, но я хотел знать дату PS-062. Кажется это 13 марта 1940.

Бергольд: PS-062? Да, дата это 13 марта 1940. Это я прочитал раньше.

Председатель: Трибунал не понимает почему вы прочитали документ в виду абзаца 4 из которого следует:

«Также вражеские парашютисты немедленно подлежат аресту или ликвидации».

Бергольд: Я вернусь к этому в своей заключительной речи, господин председатель. Я могу представить свои аргументы сейчас, если трибунал желает, но я не думаю, что сейчас хотят аргументацию.

Председатель: Нет, нет, я подумал, может быть вы имеете другой абзац в документе на который хотите сослаться.

Бергольд: Нет. Я ссылался на введение, которое было причиной для этого документа, а именно, заявление подсудимого Гесса предшествовало документу Бормана.

Затем я перехожу к документу PS-205 от 5 мая 1943, циркулярное письмо номер 70/43. Я процитирую следующую фразу:

«Прошу, чтобы в чертах изложенных в прилагаемой копии необходимость твердого, но справедливого обращения с иностранными рабочими надлежащим образом была доведена до членов партии и населения».

Данное циркулярное письмо само по себе было издано подсудимым Заукелем. Теперь я перехожу к документу PS-025 от 4 сентября 1942, и я читаю...

Председатель: Какой номер вы будете читать?

Бергольд: PS-025 от 4 сентября 1942. Я процитирую последнюю фразу из второго абзаца:

«Следовательно, и это также мнение рейхсмаршала и рейхсляйтера Бормана, проблема домашних рабочих должна быть решена иным образом чем вышеуказанный».

И затем я цитирую из абзаца 3, начиная со второй фразы:

«В связи с этим» - а именно, использованием в Германии работниц с

²⁷⁴ Переводчик ошибочно перевел эту фразу как PS-205 (Прим. сост.)

Востока – «рейхслайтер Борман также согласен с тем, что военнослужащие вооруженных сил и другие службы которые незаконно доставляют в Рейх домашних работниц впоследствии получают одобрение своих действий, одобрение подобной акции в будущем не будет отозвано, независимо от официальной схемы вербовки. Решающий фактор при вербовке из украинок работниц - особое пожелание фюрера о том, чтобы должны были доставлять в Рейх только таких девушек чье поведение и внешность позволяют постоянно находится в Германии».

Затем я читаю цифру 1, почти последний абзац на странице 3 вашей документальной книги:

«Вербовка, особенно в случае домашней прислуги, должна проходить на добровольной основе и должна на практике проводится при помощи ведомств рейхсфюрера СС».

На этом завершаются мои цитаты из документальной книги обвинения и я хотел бы теперь сослаться на русский документ СССР-172 и документ Дёниц-91, которыми я воспользуюсь в своей заключительной речи.

Это приводит меня к завершению презентации моих доказательств.

Додд: Господин председатель, могу я предложить, чтобы в случае обнаружения свидетеля Кемпка, защитник мог предъявить письменные показания или опросный лист любому лицу которое имеет сведения о предполагаемой смерти подсудимого Бормана. Мы разумеется не будем иметь этому никакого возражения.

Бергольд: Я тоже не имею возражения.

Председатель: Доктор Бергольд, вы имеет какую-либо информацию о том, что может сказать нам этот свидетель Кемпка о смерти Бормана?

Бергольд: Согласно письменным показаниям, которые я прочитал трибуналу, он как сказано, присутствовал, когда Борман был убитом взрывом танка. Следовательно он будет очевидцем смерти Бормана, как и свидетель Раттенхубер, от которого свидетельница Крюгер получила свою информацию. Если бы свидетели Кемпка и Раттенхубер были найдены, я был бы удовлетворен письменными показаниями и опросными листами.

Додд: Господин председатель, я недавно видел это заявление Кемпка, которое в форме письменных показаний и которое обратило на себя наше внимание. Но по моим воспоминаниям он не говорит положительно, что видел как он умер. Но снова я предлагаю, что мы можем приложить дальнейшие усилия, чтобы получить от него письменные показания или опросный лист или аккуратно опросить его об обстоятельствах смерти.

Председатель: Одно время обвинение сделало трибуналу заявление о том, что Борман сбежал из канцелярии в танке и затем танк остановился или взорвался на мосту, и что два человека внутри танка последний раз видели Бормана раненым, или

что-то подобное.

Додд: Да, думаю это самая лучшая информация.

Председатель: Господин Додд, обвинение имеет какой-нибудь материал в форме письменных показаний или чего-то подобного, трибунал хочет иметь их у себя.

Додд: Да, сэр. Я уверен, что мы не имеем письменных показаний. Как я припоминаю, прошлой осенью, когда кто-то отправил сюда, то, что должно было быть отчетом Кемпка о последних днях в Берлине. Сейчас, я постараюсь выяснить это и представить вам.

Председатель: Если вы изучите вопрос, возможно их смогут найти в результате ваших поисков.

Додд: Очень хорошо.

Председатель: Тогда можно будет получить опросные листы или письменные показания.

Додд: Очень хорошо, сэр.

Председатель: Значит на этом завершается ваша презентация доказательств от имени Бормана?

Бергольд: Это всё, что я имею, господин председатель.

Председатель: Очень хорошо. Спасибо.

Полковник Покровский, вы желаете, что-то сказать? Я прошу прощения.

Доктор Бергольд, вы приобщили в качестве доказательств все экземпляры которые вы хотели приобщить и присвоили им номера экземпляров, не так ли?

Бергольд: Да, в моей документальной книге.

Председатель: Вы намерены приобщить ваши документальные книги в качестве доказательства?

Бергольд: Да.

Председатель: Они имеют номера экземпляров на каждом документе, не так ли?

Бергольд: Да, каждый документ имеет номер.

Председатель: Очень хорошо.

Полковник Покровский, трибунал хочет знать, достигли ли вы какой-нибудь договоренности с доктором Штамером от имени подсудимого Геринга в связи с письменными показаниями или свидетелями, по вопросу Катини.

Покровский: Милорд, у нас было три встречи с защитниками, после второй встречи я сообщил трибуналу о том, что в интересах экономии времени советское обвинение согласно было бы ограничиться представлением письменных доказательств с тем, чтобы часть из этих доказательств была оглашена в суде, но вот минут пятнадцать тому назад, я имел третью встречу с защитниками, и доктор Экснер, доктор Штамер сообщили мне что они понимают таким образом позицию трибунала, что старое решение о вызове двух свидетелей в зал судебного заседания остается в силе, и речь идет только о дополнительных документах.

Мне кажется, что при такой постановке вопроса, мы не сможем сказать,

что достигнуто соглашение с защитой. Насколько я понимаю при такой конъюнктуре, собственно, решение остается непосредственно за трибуналом.

Председатель: Трибунал распоряжается о том, что до тех пор пока не будет достигнута договоренность, доказательства не должны быть представлены полностью письменными показаниями, и что в первую очередь, трое свидетелей с обеих сторон будут вызваны к 10 часам утра понедельника, если до этого вы не придете к договоренности, о том, что доказательства должны быть предъявлены в виде письменных показаний.

Симерс: Господин председатель, можно мне кое-что сказать по этой теме?

Ряд защитников которые заинтересованы по делу Катини совещались этим утром, в их числе профессор Экснер и доктор Штамер. Мы согласились попросить трибунал позволить двух свидетелей для личного допроса защитой здесь. Этими свидетелями будут полковник Аренс²⁷⁵ и оберлейтенант фон Эйхборн. Мы также согласились отказаться от заслушивания третьего свидетеля, но решили попросить о том, чтобы письменные показания этого свидетеля в дополнение к двум другим письменным показаниям были предъявлены. Мне кажется это будет предложением которое удовлетворит нас обоих и сэкономит много времени: два свидетеля будут заслушаны и три письменных показания предъявлены.

Председатель: Доктор Симерс, трибунал не видит никакого возражения вызову двух свидетелей и одним письменным показаниям. Но его распоряжение заключалось в том, что трое свидетелей от каждой стороны – что доказательства должны быть ограничены тремя свидетелями с каждой стороны, и поэтому он не готов позволить дать дальнейшие письменные показания. Доказательства должны быть ограничены показаниями трёх лиц с каждой стороны. Они могут дать свои показания как устно так и с помощью письменных показаний.

Симерс: Господин председатель, как меня проинформировали, изначальное решение говорило о том, что будет разрешено три свидетеля, но не упоминало письменные показания. В этом заключается причина почему доктор Штамер и профессор Экснер полагали, что независимо от свидетелей, определенные отдельные пункты можно подтвердить с помощью письменных показаний. Думаю, что заслушивание двух свидетелей и три письменных показания будет быстрее чем допрос трех свидетелей.

Председатель: Боюсь, доктор Штамер и доктор Экснер сделали неправильный вывод из распоряжения трибунала. Трибунал намеревался и намерен ограничить доказательства тремя свидетелями с каждой стороны, и дадут ли они показания устно или в письменных показаниях не имеет значения. Мы оставили советскому обвинению и защитникам рассмотреть, согласятся ли он с тем, что должны быть даны письменные показания для того, чтобы сэкономить время. Но это не

---

²⁷⁵ Фридрих Аренс (1898 - ?) – Полковник Вермахта. В 1941-1944 командир 537-го полка связи группы армий «Центр».

предусматривает увеличение количества свидетелей которые могут дать показания.

Симерс: Господин председатель, в таком случае, я был бы благодарен если бы были заслушаны доктор Штамер и профессор Экснер. Лично я недавно не был в Нюрнберге, поэтому я не присутствовал, когда обсуждали детали, и мне это сложно – я вижу, что теперь доктор Штамер – вероятно доктор Штамер сам может высказаться об этом.

Штамер: Я только, что заслушал сообщение доктора Симерса, по крайней мере его часть. Я уже упоминал во время последней дискуссии, господин председатель, что профессор Экснер и я поняли решение как означавшее, что кроме трёх свидетелей нам также позволили предъявить письменные показания. На самом деле, первоначальное решение одобрило нам пятерых свидетелей, хотя и была сделана оговорка, что только три из них могут дать показания в суде. Поэтому, мы полагали, что мы можем предъявить письменные показания тех свидетелей из пяти которых первоначально нам одобрили, но которые не дадут показания в суде. Первоначальное решение одобрило нам пятерых свидетелей, а затем более позднее решение трибунала...

Председатель: Послушайте, трибунал такого не помнит: и если вы так говорите, вы должны представить письменные доказательства о том в чём заключалось решение. По воспоминаниям трибунала пять свидетелей не разрешили.

Штамер: Да, да, да. Я представлю письменные доказательства этих решений трибунала. Я не могу вспомнить навскидку, когда их приняли, но первоначально было одобрено пять свидетелей, затем я назвал другого свидетеля, которого тоже одобрили и лишь потом объявили решение которое позволило только трём свидетелям дать показания в суде.

Председатель: Доктор Штамер, когда распоряжение установило лимит в три из пяти, в этом распоряжении не было никакой ссылки на письменные показания, насколько я знаю.

Штамер: Нет, письменные показания тогда не упоминались.

Председатель: Что я вам говорю, это, что трибунал принимая это распоряжение об ограничении намеревался ограничить все доказательства тремя свидетелями с каждой стороны, потому что вопрос лишь о субсидиарном предположении о факте, и трибунал думает, что на данной стадии процесса подобное предположение о факте не следует исследовать при помощи большего количества свидетелей, и трёх свидетелей с каждой стороны вполне достаточно.

Следовательно, трибунал не желает заслушивать и не планировал, что должны быть заслушаны какие-либо доказательства кроме показаний трёх свидетелей, как устно или с помощью письменных показаний.

Трибунал откладывается.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 1 июля 1946]

День сто шестьдесят восьмой

Понедельник, 1 июля 1946

Утреннее заседание

Председатель: У меня есть объявление.

Трибунал распоряжается о том, что все показания данные в комиссии, которые защитники или обвинение желают использовать в суде, должны быть предъявлены ими в качестве доказательства. Это доказательство затем будет приобщено к материалам дела и может являться предметом любых возражений. Защита организаций должна как можно скорее подготовить свои документальные книги и направить свои заявки о переводах.

Это всё.

Доктор Штамер.

Штамер: В связи с событиями в Катыне, обвинительное заключение содержит всего одно положение: «В сентябре 1941, 11000 польских офицеров, военнопленных, были убиты в Катынском лесу возле Смоленска». Русское обвинение представило подробности только на заседании 14 февраля 1946. Документ СССР-54 был тогда представлен трибуналу. Этот документ является официальным отчётом Чрезвычайной государственной комиссии, которая официально расследовала Катынское дело. Данная комиссия после опроса свидетелей...

Председатель: Доктор Штамер, трибуналу известен документ и его интересуют ваши доказательства; это всё.

Штамер: Господин председатель, я лишь хотел добавить, что согласно этому документу, есть два обвинения: первое, то, что период расстрела польских военнопленных пришёлся на осень 1941; второе утверждение заключается в том, что убийство осуществил некий германский военный отряд, замаскированный под названием «штаб 537-го инженерного батальона».

Председатель: Всё это есть в документе, разве нет? Я сказал вам о том, что нам известен документ. Мы хотим, чтобы вы представили свои доказательства.

Штамер: В таком случае, в качестве своего первого свидетеля я вызываю полковника Фридриха Аренса для дачи показаний.

Симерс: Господин председатель, у меня есть просьба до заслушивания доказательств по катынскому делу. Трибунал решил о том, чтобы были заслушаны три свидетеля, и он дал понять, что в интересах равенства, обвинение также сможет представить только трёх свидетелей, как в виде личного допроса, либо в виде

письменных показаний. В интересах этого же принципа равенства, я был бы благодарен советской делегации, если она, как и защита, озвучит имена своих свидетелей до заслушивания показаний. Защита представила имена своих свидетелей несколько недель назад. К сожалению, при этом, с учётом равных интересов защиты и обвинения, советская делегация пока не назвала имени своих свидетелей.

Председатель: Генерал Руденко, вы собираетесь представить мне имена свидетелей?

Руденко: Да. Господин председатель, мы сообщили сегодня генеральному секретарю трибунала о том, что советское обвинение намеревается вызвать в суд трёх свидетелей: профессора Прозоровского²⁷⁶, руководителя судебно-медицинской экспертизы; профессора судебной медицины Софийского университета, болгарского подданного, Маркова²⁷⁷, являвшегося членом, так называемой интернациональной комиссии созданной немцами; и профессора Базилевского²⁷⁸, бывшего заместителя бургомистра города Смоленска во время немецкой оккупации.

[Свидетель Аренс занял место свидетеля]

Председатель: Назовите своё полное имя?

Аренс: Фридрих Аренс.

Председатель: Повторите за мной присягу: «Я клянусь господом — всемогущим и всевидящим — что я скажу только правду — и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Можете садиться.

Штамер: Свидетель, вы, в качестве профессионального офицера германских вооружённых сил, участвовали во Второй мировой войне?

Аренс: Да, конечно; как профессиональный офицер я участвовал во Второй мировой войне.

Штамер: Какое звание у вас было в конце?

Аренс: В конце я был полковником.

Штамер: Вы находились на восточном театре военных действий?

²⁷⁶ Прозоровский Виктор Ильич (1901 — 1986) — советский учёный-медик и судебно-медицинский эксперт, доктор медицинских наук (1945), профессор (1947). Заслуженный деятель науки РСФСР (1959). Директор НИИ судебной медицины (1939—1979) и главный судебно-медицинский эксперт Министерства здравоохранения СССР (1941—1977).

²⁷⁷ Марко Марков (1901 — 1967) — болгарский доктор судебной медицины, один из врачей международной комиссии, собранной немецкими властями в 1943 году для эксгумации убитых в Катыни польских офицеров.

²⁷⁸ Базилевский Борис Васильевич (1885 — 1955) — советский астроном, коллаборационист, заместитель бургомистра города Смоленска при немецкой оккупации.

Аренс: Да.

Штамер: В каком качестве?

Аренс: Я был командиром полка связи группы армий.

Штамер: В чём заключались задачи вашего полка?

Аренс: Полк связи группы армий имел задачу создания и поддержания связи между группой армий и соседними подразделениями и подчинёнными подразделениями, а также подготовку необходимых линий связи для новых операций.

Штамер: Ваш полк имел какие-либо специальные задачи кроме этой?

Аренс: Нет, за исключением обязанности оборонять себя, предпринимать все меры для предотвращения внезапного нападения и поддержания готовности для обороны имеющимися силами, для того, чтобы предотвратить захват штаба полка.

Это особенно важно для полка связи группы армий, потому что мы должны были хранить много совершенно секретного материала в штабе.

Штамер: Ваш полк являлся 537-м полком связи. Был также 537-й инженерный батальон, с таким же номером?

Аренс: За время пока я находился в группе армий «Центр», я не слышал о подразделении с таким номером, и не думаю, что такое подразделение существовало.

Штамер: И кому вы подчинялись?

Аренс: Я подчинялся непосредственно штабу группы армий «Центр», и так было всё время, пока я находился с группой армий. Моим вышестоящим начальником был генерал Оберхойзер²⁷⁹.

В отношении обороны, штаб полка связи и первый батальон, который находился в тесном контакте с полковым штабом, временами подчиняли командующему в Смоленске; все приказы, которые я получал от вышеуказанного командующего шли через генерала Оберхойзера, который либо одобрял, либо отказывал в использовании полка для конкретной задачи.

Другими словами, я получал свои приказы исключительно от генерала Оберхойзера.

Штамер: Где размещался ваш штаб?

Аренс: Я подготовил схему расположения штаба к западу от Смоленска.

Штамер: Я покажу вам схему. Пожалуйста скажите нам, ваша ли это схема.

Аренс: Эту схему я нарисовал по памяти.

Штамер: Я хочу показать вам вторую схему. Пожалуйста, посмотрите на неё, и вы можете сказать мне, верно ли она отображает ситуацию?

Аренс: Могу я кратко пояснить схему? С правого края большая красная точка это город Смоленск. На западе от Смоленска, по обеим сторонам Витебского шоссе,

²⁷⁹ Ойген Оберхойзер (1889 – 1957). Генерал-лейтенант войск связи, начальник связи главнокомандования Вермахта на Западе в октябре 1944-марте 1945. В 1941 году – начальник связи группы армий «Центр».

располагался штаб группы армий и авиационный корпус, это к югу от Красного Бора. На моей схеме я отметил район занятый группой армий «Центр».

Та часть схемы, которая имеет тёмную черту вокруг, была плотно заполнена войсками, которые подчинялись непосредственно группе армий; там вряд ли был свободный дом.

Полковой штаб моего полка находился в так называемой Катынской роще. Это белая точка на схеме; она занимает 1 квадратный километр от всего леса вокруг Катыни. На южной окраине этой Катынской рощи находится так называемый Днепровский замок, который являлся штабом полка.

В двух с половиной километрах на восток от штаба полка находилась первая рота полка, которая занималась телеграфной и телефонной связью. Почти в трёх километрах на запад от штаба полка находилась радиорота. В радиусе 1 километра от штаба полка не было строений.

Этот дом был большим двухэтажным зданием с 14-15 комнатами, с ванными, кинотеатром, тиром, гаражом, сауной (паровой ванной) и тому подобным и отлично подходил для размещения полкового штаба. Штаб полка в течение длительного времени размещался в этом здании.

Штамер: Поблизости были какие-либо высшие штаб-квартиры?

Аренс: В качестве вышестоящей штаб-квартиры была группа армий, которую я упоминал, затем штаб корпуса воздушных сил и отдельные штабы управлений. Затем был делегат железных дорог при группе армий, который находился в Гнездово в специальном поезде.

Штамер: На процессе говорилось о том, что некие события, которые имели место по соседству с вами были весьма таинственными и подозрительными. Поэтому, пожалуйста, вы ответите на следующие вопросы особенно внимательно?

Сколько немцев составляли личный состав штаба, и какие должности они занимали?

Аренс: Сначала у меня в штабе было 3, а затем 2 офицера, и приблизительно 18-20 унтер-офицеров и рядовых; это было минимальное число необходимо было иметь в штабе полка. Каждый человек в штабе был на учете.

Штамер: У вас был русский персонал в штабе?

Аренс: Да, у нас было четверо так называемых «добровольных помощников», затем несколько женщин проживавших поблизости от штаба полка. «Добровольные помощники» оставались в течение продолжительного времени в штабе полка, в то время как женский персонал время от времени менялся. Некоторые из этих женщин также были из Смоленска, и они жили в отдельном здании возле штаба полка.

Штамер: Этот русский персонал получал особые инструкции о своём поведении?

Аренс: Я принял общие инструкции о поведении в штабе полка, которые применялись не только к русскому персоналу.

Я уже говорил о значении секретности в связи со штабом полка, который не только имел все карты дислокации группы армий, но также соседних подразделений. Поэтому, моей обязанностью было хранить в тайне эти материалы. Соответственно, у меня имелись комнаты с этим материалом с ограниченным доступом. Допускались только те лица – в основном офицеры – которым я выдавал пропуск, но также и немного унтер-офицеров и рядовых, которые давали особую присягу.

Штамер: К каким комнатам относился этот приказ «не входить»?

Аренс: В первую очередь, это относилось к комнате телефониста, также относилось к моей комнате, и отчасти, хотя и в меньшей степени к комнате адъютанта. Все остальные комнаты в доме и земельный участок были открыты для доступа.

Председатель: Доктор Штамер, как эти показания про штаб относятся к этому вопросу?

Штамер: Господин председатель, в русском документе есть утверждение о том, что в здании штаба происходило, что-то таинственное, и что полковник Аренс запретил говорить об этом русскому персоналу, что комнаты были закрыты, и что кому-либо можно было заходить в эти комнаты только в сопровождении охраны. Я ставлю вопросы в связи с этим, чтобы выяснить дело и доказать, что у этих событий было совершенно обычное объяснение в связи с задачами поставленными полку, которые очевидно требовали, секретности.

По этой причине, я ставлю эти вопросы. Позвольте мне...

Председатель: Очень хорошо.

Штамер: Я почти закончил с этими вопросами.

[Обращаясь к свидетелю] Катинский лес был огорожен, и охранялся солдатами?

Господин председатель, могу я заметить в связи с этим вопросом, что здесь также утверждалось, что это ограждение было установлено полком. Ранее, существовал свободный доступ в лес, и из этого делались выводы, которые говорят не в пользу полка.

Аренс: Для того, чтобы обеспечить противовоздушное прикрытие штаба полка, я остановил вырубку леса в непосредственной близости от штаба полка. В ту зиму дело было таким, что подразделения могли рубить лес везде, где могли его найти.

22 января, была сильная воздушная атака на мои позиции, в ходе которой половину дома разрушило. Было совершенно невозможно найти какое-либо другое жильё, из-за переполненности района, и поэтому я предпринял дополнительные меры предосторожности, чтобы убедиться в том, что хотя бы этот небольшой лесок будет сохранён в качестве укрытия. В то же время, так как я с другой стороны был против запретных знаков, я попросил другие подразделения оставить нам деревья в качестве противовоздушного укрытия. Лес не блокировался, так как, в частности

дорога должна была быть открытой для плотного движения, и я посылал только часовых в лес, чтобы убедиться в том, что лес не трогают.

Штамер: Обвинение...

Председатель: Доктор Штамер, когда вам будет удобно, вы, конечно, обратите наше внимание на даты, дату, когда это подразделение заняло штаб и дату, когда оно его покинуло.

Штамер: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Когда ваше подразделение, ваш полк, въехал в Днепровский замок?

Аренс: Насколько я знаю, этот дом был занят сразу же после того как первый эшелон оставил этот район в августе 1941, - это здание, как и многие другие, было конфисковано для нужд фронта, занято авангардными частями и затем, пока я там находился – до августа 1943 года в этом здании помещался штаб полка.

Штамер: Таким образом, если я правильно вас понял, в августе 1941 его занял передовой отряд?

Аренс: Насколько мне известно, да.

Штамер: Когда прибыл сам штаб?

Аренс: Несколько недель спустя.

Штамер: Кто тогда был командиром полка?

Аренс: Моим предшественником был полковник Беденк²⁸⁰.

Штамер: Когда вы приняли полк?

Аренс: Я присоединился к группе армий во второй половине ноября 1941, и после передачи всех дел, я принял командование полком, в конце ноября, если я правильно помню 30 ноября.

Штамер: Беденк по всем правилам сдал вам дела?

Аренс: Была очень подробная, детальная и долгая передача, в связи с объёмом задач порученных моему полку. Кроме того, мой начальник генерал Оберхойзер, всегда старался вникать во все подробности и пожелал лично убедиться в том, что после передачи дел и соответствующего инструктажа, я был в состоянии полностью принять на себя руководство полком.

Штамер: Далее обвинение утверждает и заявляет о том, что было подозрительным то, что в лесу часто стреляли. Это правда, и к чему вы это относите?

Аренс: Я уже говорил о том, что одной из основных задач полка было принятие всех необходимых мер для обороны от внезапного нападения. Учитывая небольшое количество людей, которые были при штабе, я должен был организовать и предпринять необходимые меры для того, ко мне в кратчайший срок могли прийти подкрепления. Для этой цели использовалась радиосвязь со штабом полка. Я

²⁸⁰ Альберт Беденк (1897 – 1973) – немецкий военный. Полковник (1940). В октябре 1940 – ноябре 1941 командир 537-го полка связи Вермахта.

приказал проводить учения по обороне и построить оборонительные сооружения вокруг штаба полка, на этих сооружениях и проводились учения с участием сотрудников нашего штаба. Я лично участвовал в этих манёврах и конечно, были выстрелы, в частности, когда мы готовили себя к ночному бою.

Штамер: Говорилось о том, что около здания вашего штаба и в самом здании происходило очень оживлённое и подозрительное движение. Пожалуйста, вы расскажите нам коротко, в чем тут было дело?

Аренс: Вокруг штаба было крайне оживлённое движение, которое усилилось весной 1942, так как я восстанавливал здание. Я думаю, говорил о том, что его уничтожило во время воздушного налёта. Но, конечно, движение также усилилось из-за манёвров которые проводились поблизости. Батальоны на линии фронта действовавшие в 300-400 километрах от штаба полка должны были и могли поддерживать связь с полком только с помощью личного контакта.

Штамер: Говорилось о том, что очень часто к штабу и от штаба подъезжали и уезжали грузовые машины. Это обстоятельство также считают подозрительным.

Аренс: Кроме снабжения, которое было довольно незначительным, к нам приезжали на грузовиках команды, о которых я упоминал, а также подвозили весь необходимый нам строительный материал. Впрочем, движение не было слишком оживлённым.

Штамер: Вам известно, что приблизительно в 25 километрах к западу от Смоленска было три русских лагеря для военнопленных, которые изначально занимали поляки и которые оставили русские, когда немецкие войска приближались в июле 1941.

Аренс: Тогда я еще не прибыл. Но никогда за весь период службы в России я не видел ни одного поляка; и не слышал о поляках.

Штамер: Утверждалось, что из Берлина, якобы был отдан приказ, согласно которому польские военнопленные должны были быть расстреляны. Вам известен такой приказ?

Аренс: Нет. Я никогда не слышал о таком приказе.

Штамер: Вы могли получить такой приказ от какого-либо другого ведомства?

Аренс: Я уже сказал о том, что никогда не слышал о таком приказе и поэтому не получал приказа.

Штамер: Каких-либо поляков расстреливали по вашим указаниям, вашим прямым указаниям?

Аренс: По моим указаниям не расстреливали никаких поляков. Вообще никого не расстреливали по моему приказу. Я никогда не отдавал такого приказа за всю свою жизнь.

Штамер: Что же, вас не было там до ноября 1941. Вы что-либо слышали о том, что ваш предшественник полковник Беденк отдавал такие приказы?

Аренс: Я ничего об этом не слышал. Со штабом полка, я близко жил 21 месяц, у меня были настолько близкие отношения, я настолько хорошо знал своих людей, и они знали меня, что я полностью убеждён в том, что этот поступок не совершал ни мой предшественник, ни кто-либо из состава моего бывшего полка. Я бы, несомненно, услышал слухи об этом.

Председатель: Доктор Штамер, как вам известно, это вопрос спора. Это не доказательство; это вопрос спора. Он говорит вам о том, что как он думает имело место.

Штамер: Я спросил о том, слышал ли он об этом от служащих полка.

Председатель: Я полагаю, ответом на это было «нет», что он не слышал — а не то, что он был убеждён, что это не было сделано.

Штамер: Очень хорошо.

[Обращаясь к свидетелю] После своего прибытия в Катынь, вы заметили, что в Катынском лесу была могильная насыпь?

Аренс: Вскоре после моего прибытия один из солдат обратил мое внимание на то, что в одном месте на холмике стоит березовый крест. В это время все было занесено снегом, но я сам видел этот березовый крест. После этого, в 1942 мои солдаты говорили мне о том, что в нашем лесу, якобы проводились расстрелы, но сначала я не придавал этому внимания. Однако летом 1942 эту тему подняли в приказе группы армий под командованием генерала фон Герсдорфа. Причем генерал сказал мне, что он тоже знает об этих слухах.

Штамер: Эти рассказы, позже оказались правдой?

Аренс: Да, они оказались правдой. Я чисто случайно установил, что здесь действительно находилось какое-то место захоронения. Зимой 1943 — я думаю в январе или феврале — совершенно случайно я увидел волка в лесу, и сначала не поверил в то, что это волк; пошёл по его следам с одним знающим человеком, и увидел разрытую могилу на этом холме с березовым крестом. Я попросил определить, какие кости там были. Врачи сказали, что это кости человека. Я сообщил об этом офицеру ведавшему погребениями и могилами, потому что подумал, что это солдатская могила, так как в непосредственной близости был ряд таких могил.

Штамер: Каким образом дело дошло до вскрытия могил?

Аренс: Я не знаю подробности. Профессор, доктор Буц²⁸¹ прибыл однажды по приказу группы армий и сообщил мне, что из-за слухов, в моём небольшом лесу, он

²⁸¹ Герхард Буц (1896 — 1944) — профессор университета Бреслау, видный судебно-медицинский эксперт, директор Института судебной медицины и криминалистики Бреслауского университета. Во время Второй мировой войны — глава судебно-медицинской лаборатории группы армий «Центр» в звании капитана, глава «Специальной команды ОКВ по расследованию большевистских зверств и действий, нарушающих международное право». В 1943 году — председатель немецкой комиссии по расследованию Катынского расстрела. Впоследствии был убит немцами. По другой версии, погиб в июне 1944 при эвакуации Минска под бомбежкой; о причине его смерти существуют различные мнения

должен провести эксгумацию, и что он должен сообщить мне, что эксгумации пройдут в моём лесу.

Штамер: Профессор Буц позднее рассказывал вам о результате эксгумации?

Аренс: Да, он иногда рассказывал мне подробно об этом. В частности я помню, как он мне сказал, что, что у него были решающие доказательства о дате расстрелов. Помимо прочего, он показывал мне письма, о которых я уже много не помню, но я запомнил только один дневник, который он передал мне, в этом дневнике следовали дата за датой, сопровождавшиеся письменными заметками, но я не мог их прочитать, так как они были написаны по-польски. Он заявил мне, что эти заметки были сделаны польским офицером, причем дневник оканчивался весной 1940 года. В последней записи выражено опасение, что предстоит что-то ужасное. Такой был общий смысл.

Штамер: Он приводил вам какое-либо ещё указание на период, когда предположительно, по его мнению, произошёл расстрел?

Аренс: Профессор Буц, на основе обнаруженных им доказательств, был убеждён в том, что расстрелы прошли весной 1940, и я часто слышал, как он высказывал эти убеждения в моём присутствии, и потом, когда комиссии осматривали могилу, и я предоставлял свой дом в распоряжение этих комиссий. Лично я не имел никакого отношения к эксгумациями или комиссиям. Я должен был лишь предоставить свой дом в их распоряжение, это был долг гостеприимства.

Штамер: Утверждалось, что в марте 1943 на грузовиках в Катынь были доставлены трупы и погребены в этом лесу. Известно ли вам, что-либо по этому поводу?

Аренс: Нет, я ничего не знаю об этом.

Штамер: Но вы должны были бы знать об этом, если бы это действительно имело место?

Аренс: Да, я бы это заметил – по крайней мере мои офицеры доложили бы мне об этом, потому что мои офицеры постоянно находились в штабе полка, в то время как я, как командир полка часто бывал в отъезде. Офицер который постоянно был на месте в эти дни был оберлейтенант Ходт, чей адрес я узнал вчера из письма.

Штамер: Русские военнопленные использовались во время эксгумаций?

Аренс: Да.

Штамер: Вы можете рассказать нам о количестве?

Аренс: Точно я не могу сказать, так как очень мало интересовался эксгумацией; ужасающая вонь вокруг нашего дома возбуждала в нас отвращение, но мне кажется, их было приблизительно 40-50 человек.

Штамер: Утверждалось, что их потом расстреляли; у вас есть сведения об этом?

Аренс: У меня нет таких сведений, и я также никогда не слышал об этом.

Штамер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Кранцбюлер: Полковник, вы сами, когда-либо обсуждали события 1940 с местными жителями?

Аренс: Да. В начале 1943 года около моего штаба полка, метрах в 800 от нас, жили муж с женой, русские. Они занимались пчеловодством, я сам тоже пчеловод, поэтому между нами установились довольно близкие отношения. Когда закончились эксгумации, приблизительно в мае 1943, я сказал им, как-то, что они должны были знать о том, когда были эти расстрелы, поскольку они жили вблизи от могил. Тогда, эти люди мне рассказали, что это случилось весной 1940, на станцию Гнездово в 50-ти тонных железнодорожных вагонах прибыло свыше 400 поляков в форме которые были затем на грузовых машинах доставлены в лес. Они слышали потом выстрелы и крики.

Кранцбюлер: В то время население имело доступ в этот лес?

Аренс: Мы...

Председатель: Это наводящий вопрос. Я не думаю, что вам нужно задавать наводящие вопросы.

Кранцбюлер: Вам известно, могли местные жители входить в то время в лес?

Аренс: Лес был огорожен и, по словам жителей, при русских гражданское население не имело доступа туда. Еще при мне там были остатки ограды, на моей схеме я изобразил эту ограду черной чертой.

Кранцбюлер: Когда вы въехали в Днепровский замок вы спрашивали о том, кто был бывшим владельцем?

Аренс: Да, я спрашивал об этом, потому что мне было интересно. Дом был построен довольно необычно. В нём был кинотеатр и тир, уже это меня заинтересовало. Но за все время своего пребывания там, я так и не смог узнать ничего определенного.

Кранцбюлер: Кроме массовых могил по соседству с замком, были обнаружены другие могилы?

Аренс: В непосредственной близости от дома, - на схеме я изобразил это отдельными точками, - были обнаружены мелкие могилы с разложившимися трупами и рассыпавшимися скелетами. В каждой могиле было по шесть-восемь или больше скелетов, мужских и женских. Даже, я дилетант, мог очень ясно понять это, так как на большей части трупов были галоши, которые полностью сохранились. Там были найдены также остатки дамских сумочек.

Кранцбюлер: Сколько эти скелеты находились в земле?

Аренс: Не могу сказать. Я знаю только, что они разложились и распались. Кости сохранились, но сам скелет рассыпался.

Кранцбюлер: Спасибо, это всё.

Латернзер: Господин председатель...

Председатель: Вам известно решение трибунала.

Латернзер: Да, сэр.

Председатель: Что же, у вас нет права задавать вопросы этим свидетелям.

Латернзер: Господин председатель, я хотел попросить вас, в этом совершенно исключительном случае, разрешить мне задать вопросы...

Председатель: Я сказал вам, о том, что вам известно решение трибунала и трибунал не будет вас слушать. Мы уже решали об этом не раз и не два, по вашим возражениям и трибунал не будет вас слушать.

Латернзер: Господин председатель, Катынское дело является одним из самых тяжких обвинений в отношении группы.

Председатель: Трибунал полностью осведомлён о характере утверждений по Катыни и трибунал не считает возможным применять какое-либо исключительное правило в данном случае и поэтому он не будет вас слушать, и пожалуйста сядьте.

Латернзер: Господин председатель, я желаю заявить о том, что в связи с этим решением я считаю, что необоснованно ограничен в своей защите.

Председатель: Как хорошо известно доктору Латернзеру, он вправе обратиться в комиссию для вызова любого свидетеля, который вызван сюда, если его показания касаются дела конкретной организации которую представляет доктор Латернзер. Я не хочу больше ничего слушать.

Латернзер: Господин председатель, тот канал, о котором вы сказали, не имеет практического значения. Я не могу вызвать в комиссию всех свидетелей, которые явились сюда в зал суда.

Председатель: Доктор Симерс, вы представляете подсудимого Дёница, или Рёдера?

Симерс: Подсудимого Рёдера.

Председатель: Что же, до тех пор пока вопросы, которые вы хотите задать не относятся к делу подсудимого Рёдера, трибунал не готов заслушивать дальнейший допрос. Вопрос в целом пройден доктором Штамером и также доктором Кранцбюлером. Поэтому, если вопросы которые вы хотите задать не имеют какого-либо отношения к делу Рёдера, трибунал вас не будет заслушивать.

Симерс: Господин председатель, я полагал, что есть две причины в связи с которыми я могу задать несколько вопросов: первая, потому что трибунал сам заявил о том, что в заговоре принимали участие все подсудимые; и во-вторых, что согласно заявлениям обвинения, гросс-адмирал Рёдер, считается членом предполагаемых преступных организаций, генерального штаба и ОКВ. По этой причине я хотел задать один или два дополнительных вопроса.

Председатель: Доктор Симерс, если бы имелись какие-либо утверждения каким-либо образом уличающие подсудимого Рёдера, трибунал, конечно, позволил бы вам задать вопросы, но не имеется утверждения о том, что подсудимый Рёдер каким-либо образом был связан с событиями в Катынском лесу.

Симерс: Я очень благодарен трибуналу за данное заявление, господин председатель.

Латернзер: Господин председатель, я прошу разрешить мне задать еще один вопрос. Пусть обвинение скажет, на кого оно возлагает вину за Катынское дело?

Председатель: Я не думаю, что следует отвечать на подобные вопросы.

Если обвинение желает оно может провести перекрёстный допрос.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, с какого все-таки времени, точно, вы находились на территории Смоленской области?

Аренс: Я уже отвечал на этот вопрос: со второй половины ноября 1941.

Смирнов: Прошу вас ответить далее, где вы находились до второй половины ноября 1941 года? Имели ли вы какое-нибудь отношение к Катыни и Смоленску вообще как к местности. Были ли вы физически там, в сентябре, в октябре 1941 года?

Аренс: Нет, я там не был.

Смирнов: Значит ни в сентябре, ни в октябре 1941 года, вы не знаете, какие события происходили в это время в Катынском лесу?

Аренс: Меня там не было тогда, но я говорил о том, что ранее...

Смирнов: Нет, нет, меня интересует в данном случае короткий вопрос. Были вы там физически или не были? Могли вы видеть сами, что там происходит или нет?

Председатель: Он сказал, что его там не было.

Аренс: Нет, меня там не было.

Председатель: Он сказал, что его не было там, в сентябре или октябре 1941.

Смирнов: Благодарю вас, за ваше указание, господин председатель.

[Обращаясь к свидетелю] Может быть вы вспомните фамилии русских работниц, которые работали на даче в Катынском лесу?

Аренс: Эти женщины не работали в разных домах. Они работали в качестве кухонного персонала в Днепровском замке. Я не знаю их имен.

Смирнов: Следовательно, русские работницы обслуживали только дачу расположенную в Катынском лесу, дачу в которой размещался штаб?

Аренс: Мне кажется, этот вопрос плохо перевели. Я его не понял.

Смирнов: Так. Я спрашиваю вас о том, что русские работницы работали только на даче в Козьих горах, в которой размещался штаб части? Это правильно?

Аренс: Эти работницы служили при штабе полка. Они помогали на кухне, работали на земельном участке вокруг нашего дома и близлежащих домов, то есть я имею в виду, что они работали в хлеву, в гараже, в погребе, в котельной...

Смирнов: Я перечислю вам некоторые фамилии...

Председатель: Одну минуточку, мы очень плохо слышим перевод. Я не знаю... Хорошо, сейчас вы можете продолжать.

Смирнов: Я перечислю вам некоторые фамилии немецких военнослужащих. Прошу вас ответить, принадлежали ли они к вашей части? Оберлейтенант Рекс?

Аренс: Оберлейтенант Рекс был моим полковым адъютантом.

Смирнов: Прошу вас ответить, до вашего прибытия в Катынь, он служил уже в этой воинской части?

Аренс: Так точно, он был там до моего прибытия.

Смирнов: Он являлся вашим адъютантом?

Аренс: Так точно, он был моим адъютантом.

Смирнов: Лейтенант Ходт?

Аренс: Правильно Ходт, но что за вопрос вы задали о лейтенанте Ходте?

Смирнов: Я ставлю вам вопрос о том, относился ли он к вашей воинской части или нет?

Аренс: Лейтенант Ходт был служащим полка. Или...

Смирнов: Об этом я и спрашиваю. К полку которым вы командовали, к вашей воинской части?

Аренс: Я не говорил, что он был служащим штаба полка, а то, что он относился к полку. Полк состоял из трех батальонов.

Смирнов: Но он жил на этой же даче?

Аренс: Это я не знаю. Когда я прибыл, его там не было. Я приказал ему явиться ко мне туда впервые.

Смирнов: Я перечисляю некоторые другие фамилии. Унтер-офицер Розе, затем солдат Изике, оберфельдфебель Гриневски, повар по имени Густав. Это военнослужащие которые имелись на дачах?

Аренс: Могу я попросить назвать имена по отдельности, и я отвечу по каждому.

Смирнов: Пожалуйста. Вахмистр Люммерт?

Аренс: Так точно.

Смирнов: Так. Унтер-офицер Розе?

Аренс: Так точно.

Смирнов: По-моему, кладовщик, работавший при кухне на вашей даче, если мне не изменяет память, Изике.

Аренс: Его звали Гизеке.

Смирнов: Да, да. Я немножко не совсем правильно произнёс. Таким образом, всё это ваши люди, люди, относящиеся к вашей части?

Аренс: Так точно.

Смирнов: Но вы всё равно утверждаете, что вы не знаете, чем занимались эти люди в сентябре и в октябре 1941 года?

Аренс: Так как меня там не было, я не могу сказать точно.

Смирнов: Благодарю вас.

Председатель: Полковник Смирнов, мы прервемся.

[Объявлен перерыв]

Смирнов: Разрешите продолжать допрос? Господин председатель, поскольку свидетель заявил, что он не может давать показания к периоду времени относящиеся в сентябрь и октябрь 1941 года, я ограничу допрос несколькими очень короткими вопросами.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, я просил бы вас определить положение дачи в Козьих горах, в отношении шоссе Смоленск-Витебск? Далеко ли размещалась дача от шоссе Смоленск-Витебск?

Аренс: Моя схема в масштабе 1:100000 и нарисована по памяти. Поэтому, я оцениваю, что могилы находились в 200 – 300 метрах западнее дороги к нашему Днепровскому замку, и в 200-300 метрах к югу от шоссе Смоленск-Витебск, а ещё через 600 м находился наш замок.

Председатель: Вы повторите это?

Аренс: Южнее шоссе Смоленск-Витебск, приблизительно в 15 километрах западнее Смоленска. Согласно масштабу 1:100000, учитывая, что я чертил ее по памяти, могилы находились в 200-300 метрах южнее и ещё через 600 метров к югу, находилась наша полковая штаб-квартира, Днепровский замок. Это как раз на крутом берегу реки.

Смирнов: Следовательно от шоссе Смоленск-Витебск ваша дача находилась примерно в 600 метрах?

Аренс: Нет, не правильно. Я сказал...

Смирнов: Сколько точно, более или менее точно. Какое расстояние отделяло шоссе от дачи?

Аренс: Я это только, что сказал, в 200-300 метрах от дороги находились могилы, а в 600 метрах от них – дом. Следовательно, он был на расстоянии в 900-1000 метров. Может быть 800 метров, но это приблизительное расстояние, как можно видеть по схеме.

Председатель: Я не понял это. Полковник Смирнов, ваш вопрос был: как далеко от дороги было то, что вы назвали деревней? Не так ли?

Смирнов: Нет, господин председатель, мой вопрос был такой «как далеко отстояла дача от магистрали Смоленск-Витебск от шоссе Дороги Смоленск-Витебск».

Председатель: Что вы имеете в виду под «деревней»?

Смирнов: Штаб той части, которой командовал свидетель в 1941 году, помещался на даче, эта дача находилась в непосредственной близости от берега реки Днепр, в расстоянии примерно 900 метров от шоссе. Могилы находились ближе к шоссе. Меня интересовал вопрос о том, как далеко отстоял штаб от шоссе и как далеко отстояли от шоссе массовые могилы в Катинской роще.

Председатель: Вы хотите знать: насколько далеко был дом, в котором был штаб от шоссе? Правильно?

Смирнов: Совершенно точно, господин председатель. Именно это я хотел узнать.

Аренс: Вы задали мне два вопроса: прежде всего, как далеко были могилы от шоссе; и во-вторых, как далеко был дом от шоссе. Я повторю ответ ещё раз, дом был в 800-1000 метрах южнее шоссе Смоленск-Витебск.

Смирнов: Нет. Одну минутку. Первоначально я спрашивал вас только о доме. О могилах вы ответили по собственной инициативе. Но теперь я поставлю вопрос о могилах. Как далеко от шоссе Смоленск-Витебск находились массовые могилы?

Аренс: В 200-300 метрах. Может быть также 350 метров.

Смирнов: Следовательно, могилы находились в 200-300 метрах от людной сравнительно магистрали соединяющей два крупных центра?

Аренс: Так точно. Они были на расстоянии 200-300 метров южнее шоссе, и я могу сказать, что в моё время это была самая загруженная дорога которую я видел в России.

Смирнов: Именно об этом я вас и спрашиваю. Теперь я прошу вас ответить: Представлял ли Катинский лес собою настоящий лес или это было нечто вроде парка или рощи?

Аренс: До сих пор я говорил только о Катинской роще. Эта Катинская роща была ограждённой территорией леса почти в 1 квадратный километр, что я и нарисовал на своей схеме. Этот лес был смешанным, из старых и молодых деревьев. Там было много берёз. Однако, в лесу были просеки и я должен сказать, что 30-40 процентов были вырублено. Можно было понять это по пенькам спиленных деревьев.

Никак нельзя описать этот лес как парк; в любом случае нельзя прийти к такому выводу. В лесу шли бои, и можно было видеть окопы и щели.

Смирнов: Так. Но во всяком случае лесом в полном смысле этого слова Катинский лес, как он именуется, назвать нельзя. Это сравнительно небольшая роща в непосредственной близости от шоссе Смоленск-Витебск? Это правильно?

Аренс: Нет, неправильно. Это лес. Весь Катинский лес - это настоящий лес, который начинался около нашей рощи и выходил за её пределы. Часть этого большого Катинского леса была огорожена, эту часть величиной в 1 квадратный километр мы называли Катинской рощей, но она была органически связана со всем лесным массивом, расположенным к югу от шоссе. Лес начинался с нашей рощи и шел затем дальше на запад.

Смирнов: Меня не интересует общая характеристика лесных массивов. Я прошу вас ответить на короткий вопрос: массовые могилы размещены были в этой рощице?

Аренс: Массовые могилы находились непосредственно западнее дороги, на полянке, там была молодая поросль.

Смирнов: Так. Но эта полянка, это мелколесье находилось внутри этой рощицы у шоссе Смоленск-Витебск, это правильно?

Аренс: На расстоянии 200-300 метров от шоссе Смоленск-Витебск, непосредственно к западу от дороги, которая вела от шоссе к Днепровскому замку. Я отметил это место на схеме большой белой точкой.

Смирнов: Ещё один вопрос. Насколько вам известно, шоссе Смоленск-Витебск существовало до немецкой оккупации Смоленской области, или оно было построено уже после начала оккупации?

Аренс: Когда я прибыл в Россию в конце ноября 1941, всё было в снегу. Позднее у меня сложилось впечатление, что это была старая дорога, так как автострада Минск-Москва была новой. Таким было моё впечатление.

Смирнов: Понятно. Теперь, скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах, вернее, когда, вы все-таки впервые обнаружили крест в рощице?

Аренс: Я не могу назвать точную дату. Мне об этом говорили и мои солдаты, и я приблизительно в начале января 1942 или, может быть в конце декабря 1941 года проезжая мимо увидел этот крестик, выступавший из под снега.

Смирнов: Значит, вы его уже увидели в 1941 году или в самом начале 1942 года?

Аренс: Я только, что сказал это.

Смирнов: Да, да. Теперь я прошу вас все-таки более точно определить период, когда вас волк привел к этому крестику. Это было зимой или летом, в каком году?

Аренс: Это было в начале 1943.

Смирнов: 1943 года? При чем вокруг этого крестика вы увидели кости?

Аренс: Нет.

Смирнов: Нет?

Аренс: Нет, сначала я их не видел. Для того, чтобы понять не ошибся ли я в том, что увидел волка, так как мне показалось невозможным, что волк может быть так близко от Смоленска, я изучил следы вместе с охотником и нашел вырытые им ямы. Однако, земля была мёрзлой, на земле был снег и я ничего там не увидел. Только, когда всё растаяло, позднее – несколькими месяцами позднее – мои солдаты нашли кости, и я показал эти кости врачу. Врач сказал мне, что это человеческие кости. Я сказал: «Похоже могила осталась от боёв, которые шли здесь» и за этой могилой, как и за всеми могилами погибших, должен наблюдать офицер ведавший погребениями и могилами. Поэтому я и обратился к этому офицеру, но уже когда растаял снег.

Смирнов: Кстати, вам приходилось самому видеть Катынские могилы?

Аренс: Вскрытыми или до того как их открыли?

Смирнов: Да, да. Нет, открытыми.

Аренс: Когда их вскрыли, я должен был проезжать мимо этих могил, так как они были западнее дороги, которая вела на нашу дачу и всего в 30 метрах от нее. Я не мог, конечно, проезжая, не видеть этих могил.

Смирнов: Меня интересует, может быть, вы вспомните: какой слой земли прикрывал массу человеческих трупов находившихся в этих могилах?

Аренс: Не знаю. Я уже говорил, что этот ужасный запах, который мы должны были переносить в течение нескольких недель, был настолько противен, что когда я проезжал на своей машине по этой дороге, я всегда закрывал окна и старался скорее проехать мимо.

Смирнов: Но все-таки, если вы так хотя бы бегло глядели на эти могилы, то может быть вы заметили, глубока или незначителен был слой земли, отделявший поверхность земли от трупов? Был ли он в несколько десятков сантиметров или он исчислялся метрами? Может быть, вам говорил по этому поводу профессор Буц?

Аренс: Как командир полка связи я занимался районом размером почти в половину великой Германии и постоянно был в дороге. Моя работа не проходила только в штабе полка. Поэтому, обычно с понедельника или вторника до самой субботы, я находился со своими подразделениями. По этой причине, когда я проезжал, я бросал взгляд на эти могилы, но меня не особо интересовали подробности, и я не говорил об этом с профессором Буцем. Поэтому я не припоминаю сейчас того, о чем вы меня спрашиваете.

Смирнов: Из предъявленных советским обвинением высокому суду материалов, очевидно, что трупы были зарыты на глубину 1 ½ - 2 метров, в связи с этим меня интересует вопрос, где вы нашли такого волка, который сумел разрыть кости на глубину 1 ½ - 2 метра?

Аренс: Я не нашел такого волка, я видел его.

Смирнов: Так. Скажите, пожалуйста, почему обнаружив крест и узнав о массовых могилах в 1941 году, вы только в марте 1943 года приступили к раскопкам массовых захоронений?

Аренс: Это было не мое дело, а дело группы армий. Я уже говорил, что в 1942 велось все больше и больше разговоров по этому вопросу. Я часто их слышал и говорил об этом с полковником фон Герсдорфом, начальником разведки группы армий «Центр». Он сказал мне, что уже все знает, и я счел свой долг выполненным. Я сообщил о том, что видел и слышал. Помимо этого, весь этот вопрос меня не касался, и я не занимался им. У меня хватало и своих забот.

Смирнов: У меня к вам последний вопрос. Скажите, пожалуйста, с какой все-таки семейной парой вы имели разговор, какая семейная пара и где помещающаяся, и может быть вы будете добры, вспомнить фамилию этой семейной пары, сообщила вам о расстрелах в Катынском лесу?

Аренс: Эта пара жила в небольшом доме в 800-1000 метров к северу от перекрестка нашей дороги с Витебским шоссе. Я не помню их имена.

Смирнов: Так. Значит, фамилию этой семейной пары вы не помните?

Аренс: Нет, я не помню имена.

Смирнов: Значит, вы слышали относительно катынских событий от семейной пары, фамилию которой вы не помните и ни от кого другого из местных жителей об этом не слышали?

Аренс: Пожалуйста, повторите вопрос.

Смирнов: Следовательно, вы слышали о катынских событиях только от этой семейной пары, фамилию которой вы не помните? Ни от каких других местных жителей вы о событиях в Катыни не слышали?

Аренс: Я лично слышал все это только от этой пары, но мои солдаты передавали мне рассказы и других жителей.

Смирнов: Вам известно, что в период расследования Катынского дела, вернее Катынской провокации немецкой полицией были расклеены объявления на улицах Смоленска обещавшие вознаграждение тому, кто что-нибудь покажет о Катыни? За подписью лейтенанта Фосса.

Аренс: Лично я не видел этот плакат. Лейтенант Фосс известен мне только по имени.

Смирнов: И самый последний вопрос. Вы знакомы с сообщением Чрезвычайной государственной комиссии о Катыни?

Аренс: Вы имеете в виду русскую белую книгу?

Смирнов: Нет, я имею сообщение советской Чрезвычайной государственной комиссии о Катыни, советское сообщение.

Аренс: Да, я читал доклад.

Смирнов: Следовательно, вы осведомлены и о том, что вы указаны Чрезвычайной государственной комиссией в числе лиц ответственных за преступление в Катыни?

Аренс: Там написано: «подполковник Арнес».

Смирнов: Я не имею больше вопросов, господин председатель.

Председатель: Доктор Штамер вы хотите провести повторный допрос?

Штамер: Свидетель, недавно вы сказали, что вам не известно, когда оберлейтенант Ходт присоединился к вашему штабу. Вам известно, когда он поступил в полк?

Аренс: Я знаю, что он принадлежал к полку во время русской кампании, с самого начала.

Штамер: То есть, он принадлежал к полку с самого начала?

Аренс: Да. Он принадлежал к полку уже с начала русской кампании.

Штамер: Один вопрос о вашей дискуссии с профессором Буцем. Профессор Буц говорил, что-нибудь о последних датах обнаруженных писем?

Аренс: Он говорил мне о весне 1940. Он также показал мне дневник, и я смотрел на него и видел даты, но я не помню подробности дат или даты которые там были. Но они заканчивались весной 1940.

Штамер: Таким образом, не было обнаружено никаких документов от более поздних дат?

Аренс: Профессор Буц говорил мне, что нет никаких документов или записей, которые бы говорили о более поздней дате, и он выразил своё убеждение в том, что эти расстрелы должны были пройти весной 1940.

Штамер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Никитченко: Скажите, свидетель, вы не можете припомнить точно, когда профессор Буц говорил вам о времени к которому он относит захоронение трупов в массовых могилах.

Аренс: Могу я попросить повторить вопрос?

Никитченко: Когда профессор Буц говорил вам относительно массовых могил и утверждал, что захоронение трупов относится к весне 1940 года?

Аренс: Не могу точно сказать, но это было весной 1943, до начала эксгумаций – я прошу прощения – он сказал мне тогда, что должен будет производить раскопки. Во время этих раскопок он несколько раз бывал у меня. Это было в конце апреля или в мае. В середине мая он мне рассказывал детали об этих раскопках, в том числе и то, что я здесь показал. Но я не помню точно, в какой день профессор Буц посетил меня.

Никитченко: Как я понял, вы говорили таким образом, что «В Катынь прибыл профессор Буц», когда он именно прибыл?

Аренс: Весной 1940 профессор Буц пришел ко мне и сказал, что по указаниям группы армий, он должен был провести эксгумации в моей роще. Начались эксгумации и в ходе...

Никитченко: 1940 года или неправильный перевод?

Аренс: 1943, весной 1943. Несколько недель спустя после начала эксгумаций, профессор Буц посетил меня, когда я был на месте, и беседовал со мной об этом; тут он мне рассказал то, о чем я здесь говорил. Я думаю, что это было в середине мая 1943.

Никитченко: Да, мы это слышали. Ваши первоначальные показания, которые вы давали на вопросы защитника, я понял таким образом, что профессор Буц утверждал о том, что расстрелы относятся к весне 1940 года, до того как прибыли комиссии для производства раскопок. Верно?

Аренс: Я могу ещё раз повторить, что профессор Буц...

Никитченко: Нет, повторять не нужно то, что вы говорили. Я спрашиваю только, верно это или может быть неправильно переведено было или вы говорили неправильно первоначально?

Аренс: Я не понял заданный вопрос. По этой причине я хотел объяснить это ещё раз. Я не знаю, что означает последний вопрос. Могу я попросить повторить вопрос?

Никитченко: Первоначально, при допросе вас защитником, вы как я понял, говорили, что профессор Буц говорил вам о том, что расстрелы относятся к весне 1940 года, до того как прибыли комиссии для производства раскопок.

Аренс: Нет, это было неправильно понято. Я сказал о том, что профессор Буц пришёл ко мне и сказал, что он должен провести эксгумации. Он сообщил мне, так как дело касалось моей рощи. Эти эксгумации прошли, и приблизительно 6-8 недель спустя профессор Буц пришел ко мне – вообще говоря, он приходил ко мне чаще, но тут он пришел и сказал, что, по его мнению, он установил время расстрелов на основании находок. Он заявил мне это, приблизительно в середине мая.

Никитченко: Сами вы не присутствовали, при изъятии дневника и других документов которые показывал вам профессор Буц?

Аренс: Нет.

Никитченко: Таким образом, вы не знаете, где он достал этот дневник и другие документы? Сами лично?

Аренс: Нет, я не знаю.

Председатель: Когда вы составили первый доклад вышестоящему начальству о том факте, что вы подозревали, что там была могила?

Аренс: Сначала, у меня не было подозрений. Я уже говорил о том, что там шли бои; и сначала я не придавал значения историям, которые рассказывали мне и не верил этим разговорам. Я считал, что это могилы погибших. Таких могил было много в этой местности.

Председатель: Вы не ответили на мой вопрос. Я спросил вас, когда вы впервые доложили вышестоящему начальству о том, что там есть могила?

Аренс: Летом 1942 я говорил с полковником фон Герсдорфом о том, что я слышал. Герсдорф сказал мне о том, что он тоже слышал об этом, и на этом разговор с фон Герсдорфом закончился. Герсдорф тоже считал, что это неправда, не знаю, что он думал, но, во всяком случае, он не был уверен в справедливости этих рассказов.

Затем весной 1943, когда сошёл снег, кости которые нашли, доставили мне, и я позвонил офицеру ответственному за военные могилы и сказал ему о том, что видимо тут есть солдатские могилы. Это было до того как профессор Буц был у меня.

Председатель: Вы подготовили какой-либо письменный доклад?

Аренс: Нет, я этого не делал.

Председатель: Никогда?

Аренс: Нет, я вообще не имел никакого отношения к этому делу.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Штамер: Есть ещё один свидетель, я хочу вызвать лейтенанта Рейнхарда фон Эйхборна.

Председатель: Да.

[Свидетель фон Эйхборн занял место свидетеля]

Председатель: Назовите своё полное имя, пожалуйста.

Эйхборн: Рейнхард фон Эйхборн.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Можете садиться.

Штамер: Свидетель, чем вы занимаетесь?

Эйхборн: Помощник судьи.

Штамер: Вы были призваны на службу в германские вооружённые силы во время этой войны?

Эйхборн: Да, в августе 1939.

Штамер: И в каком вы были подразделении?

Эйхборн: 537-й полк связи группы армий.

Штамер: Какое у вас было звание?

Эйхборн: В начале войны командир взвода и лейтенант.

Штамер: А в конце?

Эйхборн: Оберлейтенант.

Штамер: Вы находились на Восточном фронте во время войны?

Эйхборн: Да, с самого начала.

Штамер: Со своим полком?

Эйхборн: Нет, с 1940, при штабе группы армий «Центр».

Штамер: Кроме этого 537-го полка, там был 537-й инженерный батальон?

Эйхборн: В распоряжении группы армий «Центр» не было никакого 537-го инженерного батальона.

Штамер: Когда вы прибыли с вашим подразделением в окрестности Катыни?

Эйхборн: Приблизительно 20 сентября штаб группы армий «Центр» был переведён в Смоленск, или в окрестности Смоленска.

Штамер: Где он находился ранее?

Эйхборн: Как мне понимать этот вопрос?

Штамер: Откуда он переехал?

Эйхборн: Мы прибыли из Борисова.

Председатель: Минуточку. Свидетель сказал 20 сентября. Это не показывает год.

Штамер: В каком году было это 20 сентября?

Эйхборн: 20 сентября 1941 года.

Штамер: 537-й полк уже находился там?

Эйхборн: Штаб 537-го полка всегда менял свое расположение вместе со штабом группы армий. Передовые отряды полка разместились там ранее, для того, чтобы организовать связь.

Штамер: И где размещался штаб?

Эйхборн: Штаб 537-го полка связи группы армий размещался в так называемом Днепровском замке.

Штамер: Где находился передовой отряд?

Эйхборн: Передовой отряд тоже мог занимать это здание – или по крайней мере занимал его – чтобы занять это здание для штаба полка.

Штамер: Вам известно кто командовал этим передовым отрядом?

Эйхборн: Лейтенант Ходт командовал отрядом.

Штамер: Когда этот отряд прибыл в Катынь?

Эйхборн: Смоленск пал, примерно, 17 июля 1941. Так как штаб группы армий хотел расположиться непосредственно около Смоленска, он сразу же после взятия Смоленска занял этот район, подыскав для себе подходящую штаб-квартиру. Как только этот район был занят штабом группы армий, т.е. во второй половине июля 1941 года, наш передовой отряд прибыл туда.

Штамер: Таким образом, передовой отряд находился там с июля 1941 по 20 сентября 1941?

Эйхборн: Да.

Штамер: И весь штаб был там с 20 сентября 1941?

Эйхборн: Да. Может быть, часть штаба прибыла немного позже, но большая часть штаба прибыла 20 сентября.

Председатель: Вы говорите о штабе группы армий или штабе полка связи?

Эйхборн: Я говорю об обоих штабах, потому что перевод такого большого штаба как штаб группы армий нельзя провести за 1 день; обычно 2-3 дня нужно для этого. Полк должен был обеспечить связь и поэтому, часть полка оставалась на старом месте до тех пор, пока весь штаб не переехал полностью на новое место.

Штамер: Где размещался передовой отряд?

Эйхборн: По крайней мере, часть передового отряда разместилась в Днепровском замке. Другие части отряда разместились по соседству с теми местами, где потом должны были расположиться роты нашего полка. Все это делалось для того, чтобы занять квартиры для полка, пока основная его масса еще не пришла.

Штамер: А где находился штаб 537-го полка?

Эйхборн: В Днепровском замке.

Штамер: Вы можете привести нам имена офицеров которые принадлежали к штабу полка?

Эйхборн: Тогда там был подполковник Беденк, командир; лейтенант Рекс, адъютант; лейтенант Ходт, офицер для поручений; капитан Шефер, референт по вопросам телефонной связи. Может быть, там было ещё двое других, но я уже не помню их имена.

Штамер: Предыдущий свидетель, уже рассказал нам о задачах штаба полка. Как контролировалась деятельность штаб полка?

Эйхборн: Полк, который включал 10-12 рот, должен был каждый вечер представлять точный доклад о работе проделанной различными ротами. Это было необходимо для того, чтобы знать какие силы доступны в случае непредвиденной ситуации, для выполнения новых задач.

Штамер: Как далеко вы проживали от Днепровского замка?

Эйхборн: Приблизительно в 4-5 километрах. Я не могу привести вам точное расстояние, так как всегда ездил на машине, но это должно было быть 4-5 километров.

Штамер: Вы часто ездили в Днепровский замок?

Эйхборн: Довольно часто, но не по служебным делам. Я был из этого полка, знал большую часть офицеров полка и дружил с ними.

Штамер: Вы можете сказать, насколько оживленным было движение в районе Днепровского замка?

Эйхборн: Чтобы судить об этом, нужно различать людей и машины. Людей туда ходило очень много, так как управление полком должно было быть в высшей степени централизовано, чтобы полк справлялся со своими задачами. Поэтому туда приходило множество связных. Даже некоторые командиры рот часто там бывали.

С другой стороны, было довольно оживленное движение легковых и грузовых автомашин, так как отстраивали дом и даже впоследствии, пока мы там были, в доме производилась перестройка.

Штамер: Вы, слышали, что-нибудь о трёх русских лагерях с пленными польскими офицерами, в 25-45 километрах к западу от Смоленска, которые затем попали в германские руки?

Эйхборн: Я никогда ничего не слышал о каких-либо лагерях польских офицеров или лагерях польских военнопленных.

Штамер: Ваша группа армий получала доклады о пленении таких польских офицеров?

Эйхборн: Нет. Я бы заметил это, поскольку количество пленных, и особенно офицеров, всегда представляли мне в вечерних докладах от армий которые брали этих пленных. Нашей ответственностью было получать эти доклады и поэтому мы видели их каждый вечер.

Штамер: Вы не получали доклада об этом?

Эйхборн: Я не видел такого доклада ни от армии, которая должна была подать это донесение, ни от группы армий, которая обобщала все эти сообщения в своём вечернем донесении ОКХ²⁸².

Штамер: А другим путем могло как-либо поступить это сообщение?

Эйхборн: Официальный канал сухопутных войск был очень строгим, штабы стремились строго соблюдать официальные каналы.

Штамер: Пожалуйста, медленнее, медленнее.

Эйхборн: Во всяком случае от армий всегда требовали готовить подробные доклады по определенной форме, там имелась особая графа относительно пленных.

Штамер: Медленнее, медленнее.

Эйхборн: Поэтому, не может быть речи, что если такое количество офицеров попало в руки армии, и она бы ничего не сообщила об этом установленным порядком.

Штамер: Вы уже говорили, что вы были в особо близких отношениях с офицерами полка. Вы, когда-либо слышали о том, что польских офицеров, расстреливали в то или иное время в Катынском лесу при полковнике Беденке или Аренсе солдаты 537-го полка?

Эйхборн: Я знал почти всех офицеров полка, так как сам был больше года с полком и я так сдружился с некоторыми из офицеров, что они рассказывали мне и о служебных и о личных делах. Поэтому, не может быть речи, чтобы такой важный вопрос не дошёл до меня. Нельзя допустить, чтобы кто-либо не пришел ко мне и не рассказал мне об этом.

Штамер: Вам были известны все боевые приказы 537-го полка?

Эйхборн: Было два вида приказов по полку связи: приказы касавшиеся только радиороты и приказы относящиеся к девяти ротам телефонистов. Поскольку я был референтом по вопросам телефонной связи, для меня было совершенно обычно готовить эти приказы и представлять их своему начальнику генералу Оберхойзеру. Поэтому, каждый приказ, был или составлен мною или прочитан мною заранее.

Штамер: Проходил ли когда-либо через вашу инстанцию приказ о расстреле польских военнопленных?

Эйхборн: Нет, такого приказа полку не давали ни мы, ни какая-либо другая инстанция. Мы не получили об этом никаких сообщений и вообще ничего не слышали о подобных вещах.

Штамер: Если бы приказ шёл по официальному каналу, он мог идти только через ваши руки?

Эйхборн: Этот приказ потребовал бы отвлечь от своих обязанностей многих сотрудников штаба, которые обеспечивали работу связи. У нас было очень мало

---

²⁸² ОКХ от нем. ОКН (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил Вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном.

связистов и поэтому мы должны были учитывать прямо каждого человека и знать, где он находится. Не может быть речи об использовании сил полка для выполнения подобной задачи без нашего ведома.

Штамер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, кого вы представляете?

Кранцбюлер: Гросс-адмирала Дёница, господин председатель.

Председатель: Не имеется никаких обвинений в отношении гросс-адмирала Дёница в связи с данным правонарушением.

Кранцбюлер: Господин председатель, эксгумации и пропаганда связанные с этим произошли, когда гросс-адмирал Дёниц являлся главнокомандующим флотом. Обвинение утверждает, что тогда гросс-адмирал Дёниц являлся членом кабинета и участвовал во всех деяниях правительства. Поэтому, я должен считать, что его касаются все проблемы вытекающие из Катынского дела.

Председатель: Это бы означало, что мы должны заслушивать каждого, кто был связан с правительством. И трибунал уже отмечал, в связи с адмиралом Рёдером, что его дело не связано с данным вопросом. Только, когда дело непосредственно связано с вопросом защитника индивидуального подсудимого то разрешается проводить перекрёстный допрос, кроме того защитник может вызывать свидетелей. Если у вас есть предложения защитнику который вызвал свидетеля, вы можете сделать их ему, но вы не вправе...

Кранцбюлер: Но я прошу разрешения задать свидетелю два или три вопроса.

Председатель: Если у вас есть особые вопросы, которые нужно задать, вы можете предложить их доктору Штамеру и доктор Штамер задаст их. Доктор Кранцбюлер, если вы хотите задать любые вопросы, вы можете представить их доктору Штамеру, и он задаст их свидетелю.

Кранцбюлер: Господин председатель, я не совсем понял. Мне предложить доктору Штамеру задать вопросы или...

Председатель: Если вы не можете сделать это устно, вы можете сделать это письменно, и вы можете сделать это позднее. Но я не думаю, что есть какие-либо вопросы, которые настолько трудно предложить доктору Штамеру.

Кранцбюлер: Их можно задать через доктора Штамера. Я думал о том, что сэкономлю время, если задам их сам.

Председатель: Я сказал вам, что если вы желаете задать любые вопросы, вы должны задать их через доктора Штамера.

Кранцбюлер: Спасибо, господин председатель.

Председатель: Трибунал, продолжит с перекрёстным допросом, и любые вопросы которые вы желаете задать, можно будет задать в повторном допросе.

Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Смирнов: Свидетель, меня интересует ваше точное служебное положение. Вы были референтом обрабатывающим телефонограммы в штабе армейской группы «Центр»?

Эйхборн: Нет, господин обвинитель, вы ошибаетесь. Я был референтом по телефонной связи в штабе группы армий «Центр», а не по радиосвязи.

Смирнов: Я именно об этом вас и спрашивал, вам очевидно не совсем верно перевели. Вы обрабатывали телефонограммы? Это правильно?

Эйхборн: Да, вы правы.

Смирнов: Шифрованные телеграммы и обычные телеграммы?

Эйхборн: Задача референта по телефонной связи в штабе группы армий состоит в том, чтобы обеспечивать связь...

Смирнов: Нет, нет, меня не интересует общее определение задач. Меня интересует, это были шифрованные секретные телефонограммы или это была обычная текущая армейская почта так сказать, обычные армейские сообщения не являющиеся секретными.

Эйхборн: Было два вида телеграмм, открытые и секретные.

Смирнов: Секретные телеграммы проходили также через вас?

Эйхборн: И те и другие.

Смирнов: Следовательно, переписка между Вермахтом, между частями армии и между полицейскими высшими инстанциями также проходила через вас?

Эйхборн: Самые важные телеграммы и в особенности секретные представлялись референту по телефонной связи.

Смирнов: Так. Значит, переписка между полицейскими частями и между Вермахтом, я еще раз прямо ставлю вам вопрос, проходила через вас?

Эйхборн: Я должен ограничить это заявление тем, что не вся переписка шла через референта по телефонной связи, а только самые важные телеграммы – не вся переписка, потому что она шла также по почте и курьерами.

Смирнов: Ясно. Известно ли вам в таком случае, что в сентябре и в октябре 1941 года в Смоленске находились специальные подразделения обязанные совместно с частями армии осуществлять так называемую чистку лагерей военнопленных, и уничтожение военнопленных?

Латернзер: Господин председатель, я должен решительно возразить такому допросу свидетеля. Этот допрос может иметь единственную цель установления отношений между генеральным штабом и ОКВ и командами СД. Таким образом, цель его - обвинить генеральный штаб и ОКВ; и если мне, господин председатель, как защитнику генерального штаба и ОКВ не допустимо задавать вопросы, тогда на основе равного подхода, тоже самое применимо к обвинению.

Смирнов: Разрешите мне дать краткие пояснения, господин председатель?

Председатель: Полковник Смирнов, вопрос уместен.

Смирнов: Разрешите, господин председатель.

Председатель: Я сказал, вопрос уместен. Вы можете задать вопрос.

Смирнов: Я хотел спросить вас вот о чем, свидетель. Поскольку через вас проходила вся секретная переписка, все секретные телефонограммы, встречали ли вы в числе этих телефонограмм сообщения так называемой айнзацгруппы «В» - это первая айнзацгруппа – и зондеркоманды которая в это время дислоцировалась в Смоленске так сказать впрок, до лучших времен – зондеркоманды «Москва» которая должна была осуществлять массовые убийства в Москве? Обе команды в это время дислоцировались в Смоленске.

Эйхборн: В мои руки не попадали такие доклады. Господин обвинитель, я могу полностью это объяснить. Когда в районе группы армий «Центр» оперировали подобные команды, эти команды имели собственные радиостанции. Лишь позднее эти органы создали свою телеграфную связь, которая шла через телеграфный узел группы армий. Однако, это случилось позже.

Смирнов: Следовательно, у этих специальных подразделений, которые в соответствии с директивами высших полицейских инстанций совместно с воинскими частями должны были осуществлять зондеракции, телефонограммы эти через вас не проходили в сентябре и в октябре 1941 года?

Эйхборн: Верно. Тогда, не было телеграфной связи с такими зондеркомандами, если они вообще находились в этом районе.

Смирнов: Господин председатель, этот документ уже был предъявлен суду при доставлении сообщения Чрезвычайной государственной комиссии СССР, под номером СССР-3, но я пытаюсь удобно, если это позволит суд сейчас передать суду и соответственно защите, фотостаты одного из документов который был приложен к этому сообщению Чрезвычайной государственной комиссии. Здесь сказано, если обратит суд внимание на страницу 2, этого документа то в Смоленске расквартировались айнзацгруппа «В» и специальная зондеркоманда «Москва». На первой странице сказано, что эти подразделения совместно с частями Вермахта, должны были осуществлять массовые убийства в лагерях. Если позволит суд, я передам сейчас этот документ...

Председатель: Полковник Смирнов, это вопрос спора. Мы, конечно же, примем о нём судебное уведомление, обо всём, что находится в советской публикации. И я понимаю, что вы говорите, что этот документ является частью сообщения советского правительства или советским правительственным докладом.

Смирнов: Так точно, господин председатель, но мне как раз хотелось просить сейчас суд, предъявить ему подлинный немецкий документ, являющийся секретным немецким документом, который говорит о том же, который говорит, что в Смоленской области размещались две очень больших зондеркоманды к обязанностям которых относились массовые убийства в лагерях, причем

деятельность свою они должны были координировать с воинскими частями, и действовать совместно с ними.

Председатель: Полковник Смирнов, этот документ который у вас в руках, является частью доклада СССР-3?

Смирнов: Так точно, господин председатель, это часть сообщения, под номером СССР-3, озаглавленного «Особые директивы гитлеровского правительства об уничтожении военнопленных». Я просил разрешения суда, хотя это сообщение и предъявлено уже целиком, предъявить, однако, один из подлинных документов.

Там указаны, специальные части, дислоцированные в Смоленске которые вместе с частями армии должны были осуществлять массовые убийства в лагерях.

Председатель: Да, полковник Смирнов. Этот документ уже приобщён в качестве доказательства, если трибунал правильно понимает.

Смирнов: Благодарю вас, господин председатель.

[*Обращаясь к свидетелю*] Следовательно, можно считать установленным, что переписка этих специальных подразделений, телефонограммы этих специальных подразделений через вас не проходили?

Председатель: Он уже дважды это говорил.

Смирнов: Простите, пожалуйста.

[*Обращаясь к свидетелю*] Почему же вы считаете и почему вы считаете возможным с такой определенностью утверждать, что не было донесений об убийстве поляков? Ведь убийство польских военнопленных это зондерация, сообщения о которой и не должны были проходить через вас?

Эйхборн: Я ответил обвинителю – скорее, ответил доктору Штамеру – если бы такие убийства произошли в районе 537-го полка связи группы армий, я бы несомненно о них знал. Я не говорил того, что мне пытается приписать обвинитель.

Председатель: Полковник Смирнов, трибунал думает, что вам лучше зачитать отрывок из этого документа, который есть на немецком языке, чтобы трибунал мог рассмотреть его в протоколе.

Смирнов: В этом документе говорится, господин председатель...

Председатель: Продолжайте полковник Смирнов.

Смирнов: Благодарю вас, господин председатель.

Этот документ датирован Берлином, 29 октября 1941 года. Он имеет гриф «Секретно. Государственной важности» в графе «Основания» имеется ссылка на распоряжения от 17 июля и 12 августа 1941 года. Я оглашаю несколько кратких абзацев. Начинаю цитату с абзаца первого:

«В приложении пересылается директива, по проведению чистки постоянных и пересыльных лагерей русских военнопленных и гражданских лиц в ближнем тылу...

Эти директивы разработаны совместно с главным штабом сухопутных

сил. Главный штаб сухопутных сил уведомил начальников тыла, а также окружных комендантов лагерей военнопленных и комендантов пересыльных лагерей.

Оперативные отряды, тотчас же выделяют специальные команды под руководством офицера СС численностью в зависимости от размера лагерей находящихся в их районе. Приказываю командам немедленно начать свою деятельность в лагерях».

Прерываю на этом цитату и продолжаю цитирование последнего абзаца:

«Особенно подчёркиваю, что оперативные приказы номер 8 и 14, а также добавочные распоряжения к ним должны быть в случае неминуемой опасности немедленно уничтожены».

Заканчиваю на этом цитирование и привожу только перечень адресатов.

На второй странице я цитирую часть относящуюся к Смоленску. Здесь сказано, что в Смоленске дислоцировалась айнзацгруппа «В», состоящая из зондеркоманд 7а, 7б, 8 и 9; и кроме того в Смоленске же дислоцировалась зондеркоманда, несколько преждевременно названная организаторами её - зондеркоманда «Москва».

Вот содержание этого документа, господин председатель.

Председатель: Трибунал распоряжается о том, чтобы весь документ был переведён. Мы прервёмся до 5 минут третьего.

Смирнов: Слушаюсь.

[Объявлен перерыв до 14 часов 05 минут]

Вечернее заседание

Смирнов: Господин председатель, я не имею больше вопросов к этому свидетелю.

Председатель: Доктор Штамер.

Штамер: Свидетель, вам известно кто владел этим небольшим замком возле Днепра до оккупации германскими войсками и кто там жил?

Эйхборн: Не могу сказать с точно. Нам бросилось в глаза, что эта дача была поразительно хорошо обставлена. Постройка была очень хорошая, там было две ванны, тир и кинотеатр. Мы сделали определённые выводы впоследствии, когда стали известны факты о произошедших там событиях, но я точно не знаю о предыдущем владельце.

Штамер: Русский обвинитель представил вам документ от 29 октября 1941 «Директивы начальника Зипо для подразделений в шталагах». В связи с этим документом, я хочу спросить, была ли у вас личная возможность убедиться в

отношении фельдмаршала Клюге²⁸³, вашего командующего группой армий «Центр» к расстрелам военнопленных?

Эйхборн: Случайно я стал свидетелем разговора командующих Бока²⁸⁴ и Клюге. Этот разговор состоялся за 3-4 недели до начала русской кампании. Я не могу сказать о точном времени. Тогда фельдмаршал фон Бок являлся командующим группы армий «Центр», а фельдмаршал фон Клюге являлся командующим 4-й армией. Группа армий находилась в Позене, а штаб 4-й армии в Варшаве. Однажды меня вызвал помощник фельдмаршала фон Бока, которым был подполковник граф Харденберг²⁸⁵. Он поручил мне...

Председатель: Эти подробности совершенно не относятся к делу, не так ли. Вы спросили у него: Каким было отношение фон Клюге? Это всё.

Штамер: Ответ не прошёл. Я не понял, что вы сказали, господин председатель.

Председатель: Я сказал о том, что все подробности о месте в котором фон Клюге встретился с командующим группой армий полностью не относятся к делу. Вы попытались спросить его: Каким было отношение фон Клюге к убийству военнопленных? Разве нет?

Штамер: Да.

[Обращаясь к свидетелю] Вы ответите коротко на вопрос, свидетель. Пожалуйста просто скажите, что сказал фон Клюге.

Эйхборн: Фон Клюге сказал фон Боку, в телефонном разговоре, что приказ о расстреле каких-то военнопленных невозможен и несовместим с поддержанием дисциплины войск. Фон Бок согласился с такой точкой зрения и они оба в течение получаса говорили о необходимых контрмерах.

Штамер: По утверждению обвинения, расстрел этих 11000 польских офицеров должен был происходить в сентябре 1941. Я спрашиваю вас: вы считаете возможным, в виду местных условий, чтобы такой массовый расстрел и захоронение произошли в непосредственной близости от штаба полка, причем так, что вы об этом ничего не знали?

Эйхборн: Мы были слишком заняты переездом группы армий в Смоленск. Мы направили туда много отрядов связи, чтобы хорошенько все оборудовать. Прокладывая кабели и провода, эти отряды исходили всю местность. Невозможно, чтобы как раз в этом районе произошло что-либо подобное и об этом не стало известно полку, а вместе с тем — и мне.

²⁸³ Гюнтер фон Клюге (1882 — 1944) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). В 1942-1943 командующий группой армий «Центр». Вскоре после провала заговора против Гитлера покончил с собой.

²⁸⁴ Федор фон Бок (1880 — 1945) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Командующий группы армий «Центр» во время вторжения в СССР. Командовал наступлением на Москву осенью 1941 года. Убит в ходе воздушного налёта.

²⁸⁵ Карл-Ганс фон Харденберг (1891 — 1958) — немецкий политик и землевладелец. В 1939 призван в Вермахт. В 1940-1942 находился на различных должностях в группе армий В (в дальнейшем «Центр»). Участник заговора против Гитлера.

Штамер: У меня больше нет вопросов к свидетелю, господин председатель.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Штамер: Господин председатель, перед тем как вызвать третьего свидетеля, генерал-лейтенанта Оберхойзера, могу я попросить разрешения сделать следующие замечания?

Обвинение до настоящего времени утверждало, что полк номер 537 был тем, кто осуществил эти расстрелы, и он находился под командованием полковника Аренса. Еще сегодня, обвинение называло полковника Аренса исполнителем преступления. Видимо это утверждение снято и сказано о том, что если это был не Аренс, тогда это должен быть его предшественник полковник Беденк; а если полковник Беденк не делал этого, тогда видимо – и кажется это уже третья версия – это сделало СД. Защита исходила из того, что полковник Аренс был обвинен в совершении преступления и опровергала это утверждение. Учитывая изменение ситуации и новую позицию обвинения, я должен дополнительно назвать четвёртого свидетеля. Это оберлейтенант Ходт, которого сегодня упоминали в качестве исполнителя преступления и который находился со штабом с самого начала и который был, как нам сказали, старшим в передовом отряде который прибыл в Днепровский замок в июле. Я получил адрес оберлейтенанта Ходта вчера. Он в Глюксбурге возле Фленсбурга, и поэтому, я прошу вызвать в качестве свидетеля оберлейтенанта Ходта, который предоставит доказательства того, что во время между июлем и сентябрём таких расстрелов не было.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал рассмотрит ваше ходатайство, когда будет объявлен перерыв в половине четвертого, в связи с этим дополнительным свидетелем.

Штамер: Да, сэр. Далее я вызываю генерал-лейтенанта Оберхойзера в качестве свидетеля.

[Свидетель Оберхойзер занял место свидетеля]

Председатель: Назовите, пожалуйста, своё полное имя?

Оберхойзер: Ойген Оберхойзер.

Председатель: Повторите за мной следующую присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Вы можете сесть.

Штамер: Генерал, какую должность вы занимали во время войны?

Оберхойзер: Я был начальником связи группы армий, во время польской кампании в группе армий «Север»; затем, в западной кампании группа армий «В»; и затем в России, группа армий «Центр».

Штамер: Когда вы и ваш штаб прибыли в район Катыни?

Оберхойзер: Примерно в сентябре 1941.

Штамер: Где находился ваш штаб?

Оберхойзер: Мой штаб находился поблизости от командующего группой армий; то есть, почти в 12 километрах западнее Смоленска, около станции Красный Бор.

Штамер: 537-й полк находился под вашим командованием?

Оберхойзер: 537-й полк непосредственно подчинялся мне.

Штамер: Какая задача была у полка?

Оберхойзер: Полк имел задачу обеспечить проволочную связь и радиосвязь, командования группы армий с армиями и другими частями, непосредственно ему подчиненными.

Штамер: Штаб полка располагался рядом с вами?

Оберхойзер: Штаб полка находился в трех, возможно четырех километрах западнее моего штаба.

Штамер: Вы можете дать нам более подробную информацию о точном местоположении штаб-квартиры 537-го полка?

Оберхойзер: Штаб-квартира 537-го полка находилась в очень хорошеньком русском деревянном домике. Там, видимо, жили раньше комиссары. Домик находился на берегу Днепра. Он стоял в стороне от шоссе, на расстоянии, может быть 400-500 метрах, а от меня – в 4-х километрах, к западу от шоссе Витебск-Смоленск.

Штамер: Кто являлся командиром полка после захвата Смоленска?

Оберхойзер: После захвата Смоленска, полковник Беденк, являлся командиром полка.

Штамер: Сколько времени?

Оберхойзер: До ноября 1941.

Штамер: Кто был его преемником?

Оберхойзер: Его преемником был полковник Аренс.

Штамер: Сколько времени.

Оберхойзер: Приблизительно до сентября – может быть августа – 1943.

Штамер: В это время вы также находились в районе Катыни?

Оберхойзер: Да, я был там до начала отступления, пока штаб группы армий не переехал дальше на Запад.

Штамер: Какими были ваши отношения с командирами 537-го полка?

Оберхойзер: Мои отношения с командирами полка как служебные, так и личные были весьма сердечными, это было потому, что я был первым командиром этого полка. Я лично сформировал полк и был к нему очень привязан.

Штамер: Вы лично, часто посещали Днепровский замок?

Оберхойзер: Я часто ездил в Днепровский замок, обычно 1-2 раза в неделю.

Штамер: А в промежутках между вашими посещениями к вам приходили командиры?

Оберхойзер: Командиры приезжали ко мне чаще, чем я к ним.

Штамер: Вам известно, что-либо о том факте, что вблизи Смоленска, в 25-45 километрах к западу от него, было три русских лагеря с польскими военнопленными...

Оберхойзер: Я об этом ничего не знал...

Штамер: ...которые попали в руки немцев?

Оберхойзер: Я никогда ничего об этом не слышал.

Штамер: Существовал приказ, который, якобы поступил из Берлина, о том, чтобы польских офицеров, которые являлись военнопленными расстреляли?

Оберхойзер: Нет, такого приказа никогда не отдавали.

Штамер: Вы сами, когда-либо отдавали такой приказ?

Оберхойзер: Я никогда не отдавал такой приказ.

Штамер: Не сообщали ли вам, что полковник Беденк или полковник Аренс проводили такие расстрелы?

Оберхойзер: Нет не сообщали, я считаю это абсолютно невозможным.

Штамер: Почему?

Оберхойзер: Первое, потому что такой радикальный приказ во-первых обязательно прошёл бы через меня, так как я был непосредственным начальником полка; и во-вторых, если бы приказ по необъяснимым для меня причинам и неведомым мне путем был получен в полку, тогда бы командиры обязательно позвонили мне или пришли ко мне и сказали: «Генерал, тут от нас чего-то требуют, мы не понимаем в чем дело».

Штамер: Вам известен оберлейтенант Ходт?

Оберхойзер: Да, я знаю оберлейтенанта Ходта.

Штамер: Какую должность он занимал в 537-м полку?

Оберхойзер: Ходт занимал разные должности в полку. Обычно, его отправляли вперёд, потому что он был особенно квалифицированным в техническом отношении офицером и его посылали для того, чтобы проводить приготовления при перемещении штаб-квартиры. Таким образом, его использовали в качестве командира передового отряда, так называемой эксплуатационной роты при оборудовании новых командных пунктов. Затем он был в полку референтом по телефонной связи и занимался монтажом и эксплуатацией телефонных и телеграфных линий при командовании фронтом. Его прикомандировывали также к моему штабу, когда кто-нибудь из наших офицеров уезжал в отпуск.

Штамер: Во время наступления на Катынь он также руководил передовым отрядом?

Оберхойзер: Не могу сказать. Но я лично слышал в моём штабе начальника связи, что был послан один офицер, который установив, как именно нужно было оборудовать штаб-квартиру, приготовил все так, как я хотел; он действовал при этом от моего имени, потому что я находился тогда ещё на прежней штаб-квартире. Я не помню, кого послал тогда полк, но вполне возможно, что это как раз и был оберлейтенант Ходт.

Штамер: В период от взятия Смоленска, которое произошло, по-моему 20 июля 1941 года, до перевода вашего штаба в Катынь, то есть до 20 сентября, вы бывали в Катыни или вообще в этом районе?

Оберхойзер: Я был в этом районе там, где хотели разместить штаб группы армий, т.е. в лесу западнее Смоленска. Сюда же относилась и Катынь.

Штамер: Вы часто были там в то время?

Оберхойзер: Я был там, три или четыре раза.

Штамер: Вы говорили тогда с Ходтом?

Оберхойзер: Если он был офицером из командования корпуса, то я, конечно говорил с ним. В любом случае, я говорил с посланным мною офицером и с офицером, посланным от полка.

Штамер: Вы, что-либо слышали о происходивших в это время расстрелах?

Оберхойзер: Я ничего не слышал, до 1943, когда открыли могилы.

Штамер: Вы или 537-й полк имели необходимые технические средства, пистолеты, боеприпасы, и тому подобное, для того, чтобы провести расстрелы в таком масштабе?

Оберхойзер: Полк, являясь полком связи в тыловом районе, имел по штату меньше оружия и боеприпасов, нежели части на передовых позициях. Однако, такая задача, была бы необычной для полка; во-первых, потому что полк связи имеет совершенно другие задачи, и во-вторых он технически не мог провести такие массовые казни.

Штамер: Вам известна местность где были впоследствии обнаружены могилы?

Оберхойзер: Я знаю эту местность, потому что часто проезжал мимо.

Штамер: Вы можете описать её более точно?

Оберхойзер: От шоссе Смоленск-Витебск, через холмистую местность шла лесная дорога. Она была песчаной, но заросла подлеском и вереском. По этой узкой лесной дороге ездили от шоссе к Днепровскому замку.

Штамер: Когда вы приехали, была какая-нибудь растительность там, где впоследствии были открыты могилы?

Оберхойзер: Да, там все заросло, как и все вокруг, так что это место ничем не отличалось от окружающей местности.

Штамер: Зная эту местность, вы считаете возможным, что 11000 поляков были захоронены на этом месте, которые, якобы, были расстреляны с июня по сентябрь 1941 года?

Оберхойзер: Я считаю это невозможным, по той простой причине, что если бы командир тогда знал об этом, он бы точно не выбрал это место для штаба, рядом с 11000 трупов.

Штамер: Вы знаете, как были обнаружены могилы?

Оберхойзер: Официально я не имел к этому отношения. Я слышал только, что стало известно от местных жителей или еще от кого-то, что за несколько лет до этого здесь были произведены массовые казни.

Штамер: От кого вы это узнали?

Оберхойзер: Весьма возможно, от командира, который слышал об этом больше чем я, так как он жил непосредственно в этой местности. Теперь я уже точно этого не помню.

Штамер: Таким образом вы не получали официальное уведомление об обнаружении могил?

Оберхойзер: Нет, никогда.

Штамер: После раскрытия могил, вы говорили с немецкими или зарубежными членами комиссий?

Оберхойзер: Я никогда не говорил с членами комиссии.

Штамер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Полковник Смирнов.

Смирнов: Свидетель, вы прибыли в район Катыни в сентябре 1943 года?

Оберхойзер: 1941, не 1943.

Смирнов: Я прошу извинить меня, я говорю именно о сентябре 1941 года. Это правильно?

Оберхойзер: Так точно, сентябрь 1941.

Смирнов: Вы утверждаете, что вы ничего не знали о лагерях польских военнопленных которые оказались в руках немецких войск, вместе с военнопленными?

Оберхойзер: Я никогда ничего не слышал о польских военнопленных находящихся в руках германских войск.

Смирнов: Я понимаю, что это не относилось к официальной сфере вашей как командира полка связи. Но, может быть вам приходилось быть очевидцем таких случаев, когда немецкие воинские части прочесывали леса близ шоссе Витебск несмотря для того, чтобы задержать там польских военнопленных которые разбежались из лагерей?

Оберхойзер: Я никогда не слышал о том, что какие-то воинские части отправлялись на розыски убежавших польских военнопленных. Я впервые здесь об этом слышу.

Смирнов: Нет, я прошу вас ответить. Не видели ли вы, как немецкие воинские части конвоировали военнопленных которые были выловлены в лесах? Польских военнопленных?

Оберхойзер: Я этого не видел.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос: вы были в хороших отношениях с полковником Аренсом?

Оберхойзер: У меня были хорошие отношения со всеми командирами полка.

Смирнов: Кроме того вы являлись его прямым начальником по службе?

Оберхойзер: Правильно.

Смирнов: Подполковник Аренс обнаружил места массовых захоронений ещё в конце 1941 года или начале 1942 года. Докладывал ли он вам, когда-нибудь о том, что он обнаружил?

Оберхойзер: Я не могу поверить в то, что полковник Аренс мог обнаружить могилы в 1941. Я не могу себе это представить. По крайней мере я не могу себе представить, чтобы он ничего мне об этом не сказал.

Смирнов: Значит, во всяком случае, вы совершенно твердо свидетельствуете о том, что в 1942 году, и в 1943 году вам полковник Аренс по этому поводу ничего не докладывал?

Оберхойзер: Полковник Аренс никогда ничего мне не говорил, и он бы сказал мне если бы, что-то знал.

Смирнов: Меня заинтересовал следующий ответ на вопрос защиты. Вы заметили, что у полка связи не было достаточного количества оружия для приведения в исполнение расстрелов? Что вы конкретно понимаете под этим? Какое оружие имелось у полка связи?

Оберхойзер: Полк связи имел в основном пистолеты и карабины. У нас не было автоматического оружия в полку.

Смирнов: Пистолеты, какого калибра?

Оберхойзер: Пистолеты «Parabellum»²⁸⁶. Калибр, я думаю, 7.65, но не могу сказать точно.

Смирнов: «Parabellum», 7.6, или «Mauser»²⁸⁷ или другое оружие? Или какое-нибудь другое оружие?

Оберхойзер: По-разному. Унтер-офицеры, насколько знаю, имели небольшие «Mauser». По сути, только унтер-офицеры имели пистолеты. Большинство солдат были с карабинами.

Смирнов: Нет. Я бы хотел, чтобы вы задержались ещё несколько на пистолетах. Значит, пистолеты были калибра 7.65?

²⁸⁶ Пистолет Люгера (Люгер, Парабеллум; нем. P08, Parabellum, Borchardt-Luger) — немецкий самозарядный пистолет, разработанный в 1898 году австрийцем Георгом Люгером на основе конструкции пистолета Борхардта. Использовал патроны, специально сконструированные для него: сначала — калибром 7,65 мм, после 1902 года — и 9 мм.

²⁸⁷ Маузер K96(нем. Mauser C96 от Konstruktion 96) — немецкий самозарядный пистолет, разработанный в 1895 году.

Оберхойзер: Я сейчас не могу, дать вам точную информацию о калибре. Я знаю только, что у пистолета «Parabellum» был калибр 7.65 или что-то подобное. Я думаю у пистолета «Mauser» несколько меньший калибр.

Смирнов: А «Walther²⁸⁸»?

Оберхойзер: Были и «Walther». Я думаю, у них такой же калибр как у «Mauser». Это небольшой, чёрный пистолет, и он лучше, чем пистолет «Parabellum», который тяжелее.

Смирнов: Да, это совершенно точно. Я прошу вас сообщить мне, значит, там в этом полку имелись маленькие пистолеты у младших командиров, у унтер-офицеров, фельдфебелей и т.д.

Оберхойзер: Как правило, унтер-офицеры имели пистолеты, а не карабины.

Смирнов: Ясно. Может быть, вы будете добры, сказать, сколько пистолетов примерно имелось на полк связи?

Оберхойзер: Конечно же, я не могу этого сейчас сказать.

Смирнов: Ориентировочно.

Оберхойзер: Предположим, что у каждого унтер-офицера был пистолет...

Смирнов: Итого сколько их было? Сколько было пистолетов всего в полку в итоге, если принять за правило, что каждый унтер-офицер имел пистолет?

Оберхойзер: Будем считать так, у каждого унтер-офицера в полку по пистолету; значит, в каждой роте 15, множим на 10, будет 150. Но установить сейчас точную цифру невозможно. Я говорю только ориентировочно.

Смирнов: Почему же вы считаете, что 150 пистолетов для убийства которое длится значительный период времени это недостаточное количество оружия, для того, чтобы произвести расстрел? Что дает вам основание для столь категоричного утверждения?

Оберхойзер: Потому, что полк связи группы армий никогда не был сконцентрирован в одном месте, а особенно на таком фронте как центральный, который охватывал большую территорию, полк занимал район от Колотова до Витебска, там повсюду были небольшие подразделения, и в штабе полка было сравнительно мало людей. Следовательно, никогда не было такого, чтобы все 150 пистолетов находились в одном месте.

Смирнов: Основные части полка связи дислоцировались в Катынском лесу?

Оберхойзер: Я не понял ваш вопрос.

Смирнов: Основные подразделения, входившие в состав полка связи дислоцировались в Катынском лесу?

²⁸⁸ Walther PP, Walther PPK — немецкие самозарядные пистолеты, разработанные фирмой «Walther». Модель PP (нем. Polizeipistole — полицейский пистолет) выпущена в 1929 году под патрон калибра 7,65 мм Auto (.32 ACP) на базе пистолета «Walther» модель 8 под патрон 6,35 мм Auto.

Оберхойзер: Первая рота в основном находилась между штабом полка и командным пунктом группы армий. Эта рота, осуществляла телефонную и телеграфную связь штаба группы армий. Эта рота была ближе всех к нам.

Смирнов: Ещё один вопрос. Офицеры полка, были очевидно, вооружены пистолетами, а не карабинами?

Оберхойзер: У офицеров были только пистолеты, и как правило у них были маленькие. Может быть, тот или иной офицер имел «Parabellum», но вообще как правило, маленькие.

Смирнов: То есть «Walther» или «Mauser»?

Оберхойзер: Так точно.

Смирнов: Вы были частым посетителем дачи, в которой размещался штаб 537-го полка?

Оберхойзер: Так точно, я бывал там, по крайней мере, раз, иногда два раза в неделю.

Смирнов: Приходилось ли вам интересоваться, зачем приезжали на дачу в Козьих Горах солдаты из другой воинской части, для которых ставились дополнительные койки в помещении солдатского казино, выдавалась усиленная доза спиртных напитков и готовились дополнительные кушанья на кухне?

Оберхойзер: Я не могу себе представить, чтобы там могло быть сколько-нибудь значительное количество солдат из других частей. Я ничего об этом не знаю.

Смирнов: Видите ли, я не говорю о значительном количестве. Я говорю о 20, иногда 25 человеках.

Оберхойзер: Когда командир полка собирал командиров взводов и рот на совещание, то среди них, естественно, было несколько десятков офицеров, которых не всегда можно было встретить там в другое время.

Смирнов: Нет, я говорю не об офицерах, из этой части. Я говорю... Да, кстати. Простите, я задам вам несколько другой вопрос. На погонах солдат принадлежащих к 537-му полку имелись цифры 537?

Оберхойзер: Насколько я помню, такая цифра имелась, но в начале войны на погонах носили специальную ляпочку, которая надевалась на эти цифры для того, чтобы их закрыть. Не помню, были в то время ляпочки или нет. Во всяком случае, на улице, у входа в штаб полка было черно-желто-черное знамя с цифрой 537.

Смирнов: Так вот, я говорю о приезде на дачу в Козьих Горах солдат, у которых на их погонах не было цифр 537. Приходилось ли вам интересоваться, зачем туда приезжали эти солдаты, и что они делали в сентябре и октябре 1941? Докладывали ли вам, что-нибудь об этом командир части?

Оберхойзер: Могу я спросить, какой это год, 1941?

Смирнов: В 1941 году, я говорю именно об этом времени.

Оберхойзер: Я не думаю, что тогда в штабе было слишком много посторонних. Как раз в это время там происходил ремонт, и я не могу себе представить, чтобы там стояли другие части или даже всего 20-25 человек. Я лично бывал там один или два раза в неделю и то, начиная с сентября или октября.

Смирнов: Начиная с каких чисел сентября вы бывали на этой даче один или два раза в неделю? Вы сейчас сказали с сентября, с каких чисел сентября?

Оберхойзер: Не могу сказать. Штаб группы армий переехал в конце сентября из Борисова, незадолго до битвы за Вязьму, которая произошла 2 октября.

Смирнов: Следовательно, очевидцем того, что происходило...?

Оберхойзер: Только с этого времени дача была окончательно занята штабом, так как полк тоже прибыл туда не намного раньше командования группы армий.

Председатель: Полковник Смирнов, нужно вдаваться в эти подробности? У вас есть причина вдаваться в эти подробности?

Смирнов: Господин председатель, я задаю эти вопросы по следующим причинам: несколько далее мы будем допрашивать свидетелей советского обвинения по этому же поводу, в частности будем допрашивать то лицо, которое руководило судебно-медицинской экспертизой. Поэтому я прошу разрешения суда задать мне только один вопрос, связанный с тем временем, в которое свидетель бывал на даче. Это последний вопрос, который я хотел бы задать по этому поводу.

Председатель: Да, очень хорошо. Не вдавайтесь в детали больше чем нужно.

Смирнов: Есть. Следовательно, в начале сентября на даче и в первой половине сентября 1941 года, вы на даче в Катынском лесу не были и быть не могли?

Оберхойзер: Я уже точно не помню. Командир полка нашёл небольшой замок для своей штаб-квартиры. Когда точно он переехал я не знаю, потому что у меня была другая работа.

Смирнов: Нет, нет, я спрашиваю о вас лично. Вы не могли быть на этой даче в первой половине сентября и вообще до двадцатых чисел сентября 1941 года?

Оберхойзер: Я так не думаю.

Смирнов: Я не имею больше вопросов, господин председатель.

Председатель: Вы желаете провести повторный допрос, доктор Штамер?

Штамер: К сожалению, господин председатель, я снова должен вернуться к вопросу времени, потому что это не стало ясно из последних вопросов.

Когда 537-й полк въехал в замок?

Оберхойзер: Я полагаю, что в сентябре.

Штамер: Начало или конец сентября?

Оберхойзер: Вероятно ближе к концу сентября.

Штамер: До этого времени там находились только квартирьеры?

Оберхойзер: Да, там находились квартирьеры полка и мои офицеры, посланные мною вперед.

Штамер: Сколько унтер-офицеров было в числе этих квартирьеров?

Оберхойзер: Я не помню, сколько человек отправил полк. Лично я направил только одного офицера. В целом полк не мог послать туда много офицеров. Как правило, полк должен был обслуживать прежний командный пункт в Борисове и одновременно оборудовать новый. Поэтому в период такой перегруппировки, переезда штаба фронта всегда обычно не хватает людей. Старый командный пункт нужно обслуживать, а для оборудования нового необходима рабочая сила, поэтому там, без сомнения, как всегда не хватало людей.

Штамер: Вы не можете приблизительно указать число людей в передовом отряде?

Оберхойзер: 30-40-50 человек.

Штамер: А унтер-офицеров?

Оберхойзер: Очевидно, один или два офицера, несколько унтер-офицеров и потом солдаты.

Штамер: Полк был рассредоточен на большой территории?

Оберхойзер: Да.

Штамер: На какой, приблизительно?

Оберхойзер: Весь район группы армий «Центр», скажем между Орлом и Витебском – в этом районе он был рассредоточен.

Штамер: Сколько километров, приблизительно?

Оберхойзер: Свыше 500 километров.

Штамер: Вам известен генралрихтер, доктор Конрад²⁸⁹?

Оберхойзер: Да.

Штамер: Вам известно, что в 1943 он допрашивал местных жителей под присягой о дате, когда польских офицеров предположительно расстреляли в Катынском лесу?

Оберхойзер: Нет, не знаю.

Штамер: У меня больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Какие-либо айнзацкоманды в районе Катыни были там тогда?

Оберхойзер: До меня не доходили сведения об этом.

Председатель: Вы, когда-либо слышали про приказ о расстреле советских комиссаров?

Оберхойзер: Я знал об этом по слухам.

Председатель: Когда?

Оберхойзер: Вероятно с началом русской кампании.

Председатель: До начала кампании или после?

Оберхойзер: Я не помню, что-то такое до начала кампании.

Председатель: Кто исполнял этот приказ?

---

²⁸⁹ Йоханнес Конрад (1888 – 1967) – немецкий военный юрист. Генералрихтер (генерал-майор юстиции). Юридический консультант группы армий «Центр» в марте 1943 – мае 1945.

Оберхойзер: Строго говоря, войска связи это не боевые части. Поэтому они не имели никакого отношения к этому, и поэтому нас этот приказ никак не затрагивал.

Председатель: Я не спрашивал об этом. Я спросил о том, кто исполнял приказ.

Оберхойзер: Очевидно, люди которые с ними встречались.

Председатель: Тот, кто находился в контакте с русскими комиссарами, должен был их убивать; это так?

Оберхойзер: Нет, я хотел сказать, что та часть которая находится непосредственно на передовой и встречается с врагом. Это могло касаться штаба группы армий, а полк связи не может иметь никакого отношения к комиссарам. Вероятно поэтому он не упоминался в приказе и не привлекался к его выполнению.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Смирнов: Господин председатель, я прошу о вызове для допроса в качестве свидетеля, бывшего заместителя бургомистра города Смоленска во время немецкой оккупации, профессора астрономии Базилевского.

Председатель: Да, введите его.

[Свидетель Базилевский занял место свидетеля]

Председатель: Назовите своё имя, пожалуйста?

Базилевский: Базилевский Борис.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я, гражданин СССР – вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу – торжественно обещаю и клянусь перед высоким трибуналом – сказать, всё, что мне известно по данному делу – и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Можете садиться.

Смирнов: Разрешите приступить к допросу, господин председатель.

Председатель: Разумеется.

Смирнов: Скажите свидетель, чем занимались вы до начала немецкой оккупации города Смоленска и Смоленской области и где проживали?

Базилевский: Я до оккупации Смоленска и Смоленской области...

Смирнов: Я прошу вас говорить гораздо медленнее.

Базилевский: ...проживал в городе Смоленске и занимал должность профессора сначала Смоленского университета, затем Смоленского педагогического...

Смирнов: Говорите медленнее, прошу вас.

Базилевский: ...затем Смоленского педагогического института, одновременно был директором Смоленской астрономической обсерватории. В течение 20 лет был

деканом физико-математического факультета, в последние годы заместителем директора института по научно-учебной части.

Смирнов: Сколько времени всего вы жили в Смоленске до начала немецкой оккупации?

Базилевский: С 1919 года.

Смирнов: Известно ли вам, что представлял собою так называемый Катынский лес?

Базилевский: Да. По существу это была...

Смирнов: Говорите медленнее.

Базилевский: По существу это была скорее роща. Излюбленное место, в котором жители Смоленска проводили праздничные дни, а также летний отдых.

Смирнов: Являлся ли этот лес до начала войны какой-либо особой территорией, охраняемой вооруженными патрулями, сторожевыми собаками, наконец просто огороженный от окружающей местности?

Базилевский: За долгие годы моего проживания в Смоленске, это место никогда не ограничивалось в смысле доступа всех желающих. Я сам многократно бывал там, и последние разы в 1940 году и весной 1941 года. В этом лесу находился и лагерь для пионеров, таким образом, это место являлось свободно доступным для всех желающих.

Смирнов: Я прошу вас несколько задержаться на этом ответе. В каком году там помещался пионерский лагерь?

Базилевский: Он насколько мне известно, помещался во многие годы, и в частности в 19...

Председатель: Минуточку. Профессор, подождите минуточку, пожалуйста?

Базилевский: Да.

Председатель: Когда вы видите жёлтый свет, это значит, вы говорите слишком быстро;

Базилевский: Да.

Председатель: И когда вам задают вопрос, делайте паузу перед ответом? Вы поняли?

Базилевский: Да.

Смирнов: Я прошу вас, повторить ваш ответ. Медленно очень.

Базилевский: Последний раз я знаю, пионерский лагерь был в районе Катынского леса в 1941 году.

Смирнов: Следовательно, я правильно понял вас, что и в 1940 году и в 1941 году, до начала войны, во всяком случае, вы говорите о весне 1941 года, Катынский лес не был особо охраняемой территорией и доступ туда был свободен для всех?

Базилевский: Да, я утверждаю, что это именно так.

Смирнов: Вы это показываете как очевидец или из вторых рук?

Базилевский: Нет, как очевидец...

Смирнов: Прошу вас обождать сейчас. Пожалуйста.

Базилевский: ...как очевидец, сам бывавший там.

Смирнов: Я прошу вас далее рассказать суду, при каких обстоятельствах вы оказались первым заместителем бургомистра города Смоленска в период немецкой оккупации. Говорите медленно.

Базилевский: Ввиду того, что я был административным лицом...

Смирнов: Медленнее.

Базилевский: ...я не имел возможности своевременно эвакуироваться, так как был занят руководством по замуровыванию весьма ценной библиотеки института и ценного оборудования. Я имел возможность в силу сложившихся обстоятельств сделать попытку выехать только 15-го числа вечером, сесть на поезд мне не удалось. Мне была назначена эвакуация на 16 июля, утром. Но...

Смирнов: Еще медленнее прошу вас говорить.

Базилевский: В ночь с 15 на 16 июля Смоленск неожиданно для меня был занят немецкими войсками, мосты через Днепр взорваны, и я в силу обстоятельств оказался в плену.

Через некоторое время, 20 июля, на обсерваторию где я проживал как директор её, явилась группа немецких солдат, которые записали, что на обсерватории имеется её директор в моём лице и проживавший в обсерватории профессор физики Ефимов.

Вечером 20 июля, ко мне явилось два немецких офицера и повели меня в штаб части, которая заняла Смоленск. После проверки моих документов и небольшого разговора, мне было предложено занять должность начальника города, то есть бургомистра. На мой отказ, мотивированный тем, что я профессор астрономии, совершенно неопытен в подобного рода делах, и не могу взять на себя этой должности, мне было категорически и даже угрожающе указано, что мы всю русскую интеллигенцию заставим работать.

Смирнов: Таким образом, я правильно вас понимаю, что немцы заставили вас силой, вернее угрозами, быть заместителем бургомистра этого города?

Базилевский: Это еще, так сказать, не все. Мне было указано тогда, что через несколько дней я буду вызван в комендатуру.

25 июля явился ко мне на квартиру в сопровождении немецкого жандарма неизвестный мне человек в штатском платье, который отрекомендовался смоленским адвокатом Меньшагиным²⁹⁰ и заявил, что по поручению немецкой комендатуры он прислан за мною, и что я должен немедленно с ним отправиться в комендатуру, уже постоянную. Ввиду...

²⁹⁰ Меньшагин Борис Георгиевич (1902 —1984) — советский юрист. В годы Великой Отечественной войны — сотрудничал с немецкими властями: был бургомистром Смоленска (1941—1943) и Бобруйска (1943—1944). Приговором МВД СССР был осужден на 25 лет лишения свободы.

Председатель: Вы потратили много времени на то, как он должен был стать заместителем мэра Смоленска.

Смирнов: Благодарю вас за ваше указание, господин председатель? Разрешите мне перейти к другим вопросам.

[*Обращаясь к свидетелю*] Кто был вашим непосредственным начальником? Кто был бургомистром Смоленска?

Базилевский: Адвокат Меньшагин.

Смирнов: В каких отношениях Меньшагин находился с немецкой администрацией, в частности с немецкой комендатурой города?

Базилевский: В очень хороших, эти отношения устанавливались более тесными с каждым днём.

Смирнов: Можно ли сказать, что Меньшагин был у немецкой администрации доверенным лицом, которому они считали возможным доверять секреты.

Базилевский: Несомненно.

Смирнов: Я прошу вас ответить, — вам известно, что в Смоленске находились польские военнопленные, вернее, близ Смоленска.

Базилевский: Да, очень хорошо известно.

Смирнов: Вам известно, что делали эти военнопленные?

Базилевский: Эти военнопленные...

Председатель: Я не знаю, что это должно подтвердить. Вы, конечно, можете, но не могли бы вы быть ближе к делу?

Смирнов: Нет, он уже говорит о том, что ему известно, что в Смоленске находились польские военнопленные и с вашего разрешения, господин председатель, я хотел задать свидетелю вопрос о том, что делали эти военнопленные и в какое время. Я прошу вас ответить мне свидетель на вопрос...

Председатель: Очень хорошо; продолжайте.

Смирнов: Простите. Что делали польские военнопленные близ Смоленска и в какое время?

Базилевский: Весной 1941 года и в начале лета они работали на работах по ремонту дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск.

Смирнов: Что известно вам о дальнейшей судьбе польских военнопленных?

Базилевский: О судьбе польских военнопленных мне, в силу занимаемой мною должности, стало известно даже несколько ранее.

Смирнов: Я прошу вас рассказать об этом суду.

Базилевский: В связи с тем обстоятельством, что в лагере для русских военнопленных, известном под именем «Дулаг²⁹¹ 126», существовал чрезвычайно жесткий режим, при котором военнопленные сотнями ежедневно умирали, в силу этого обстоятельства я старался по возможности всех, по

²⁹¹ Аббр. с нем. Durchgangslager – пересыльный лагерь.

отношению к кому можно было найти повод, освобождать из этого лагеря. Вскоре я получил сведения, что в лагере находится известный в Смоленске педагог Георгий Дмитриевич Жиглинский. Я обратился к Меньшагину с просьбой возбудить ходатайство перед германской комендатурой Смоленска, в частности перед фон Шве́ц, ходатайство об освобождении Жиглинского из лагеря, мотивируя...

Смирнов: Я прошу вас не задерживаться на этих деталях и не терять на них времени, а рассказать суду о беседе с Меньшагиным, о том, что вам сообщил Меньшагин.

Базилевский: Меньшагин указал на мою просьбу: «Что же, одного спасем, а сотни все равно будут умирать». Однако я все-таки настаивал на ходатайстве. Меньшагин после некоторого колебания согласился войти с таким ходатайством в немецкую комендатуру.

Смирнов: Может быть, вы будете короче говорить, свидетель, и расскажете, что вам сказал Меньшагин, вернувшись из немецкой комендатуры?

Базилевский: Через два дня он мне сообщил, что из-за моей просьбы он попал в неловкое положение. Фон Шве́ц ему отказал, сославшись на существующую директиву из Берлина проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных.

Смирнов: Что сказал он вам о военнопленных поляках?

Базилевский: Относительно военнопленных поляков он мне сказал, что русские, по крайней мере, сами будут умирать в лагере, а вот поляков-военнопленных предложено уничтожить.

Смирнов: Далее, какой разговор имел место между вами?

Базилевский: Я на это, естественно, довольно громко возразил: «Как так? Как это надо понимать?» На это Меньшагин ответил, понимать надо в самом прямом смысле слова, и тут же обратился ко мне с указанием и просьбой — ни под каким видом об этом никому не говорить, так как это представляет собой большой секрет.

Смирнов: Когда имела место точно эта ваша беседа с Меньшагиным, в каком месяце, в какой части месяца?

Базилевский: Эта беседа имела место в начале сентября, точное число сейчас не помню.

Смирнов: Но вы помните, что это было в начале сентября?

Базилевский: Да.

Смирнов: Возвращались ли вы когда-нибудь далее в беседах с Меньшагиным к вопросу о судьбе военнопленных поляков?

Базилевский: Да.

Смирнов: Когда это было?

Базилевский: Недели через две, то есть в конце сентября...

Смирнов: Медленнее.

Базилевский: ...в конце сентября я не удержался и задал вопрос, какова же судьба военнопленных поляков. Сначала Меньшагин помедлил, а затем в некоторой степени нерешительно сказал: «С ними уже покончено».

Смирнов: Он сказал вам что-нибудь о том, где с ними покончено, или нет?

Базилевский: Да, он сказал, что ему фон Швец сказал, что они расстреляны вблизи Смоленска.

Смирнов: Но точное место им названо не было?

Базилевский: Да, мне он этого место не назвал.

Смирнов: Скажите, вы рассказывали, в свою очередь, кому-нибудь об умерщвлении гитлеровцами польских военнопленных близ Смоленска?

Базилевский: Я об этом рассказал живущему в одном доме со мной профессору Ефимову, и, кроме того, через несколько дней об этом же зашел разговор с санитарным врачом города доктором Никольским. Но оказалось, что Никольский из каких-то других источников уже знал об этом злодеянии.

Смирнов: Вам говорил что-нибудь Меньшагин, в силу каких причин были произведены эти расстрелы?

Базилевский: Да, когда он мне сообщил, что с военнопленными покончено, он еще раз подчеркнул необходимость во избежание больших неприятностей хранить это в глубочайшей тайне и стал мне пояснять линию немецкого поведения в отношении польских военнопленных. Он указал, что это является одним из звеньев общей системы по отношению к военнопленным-полякам.

Смирнов: От кого-нибудь из служащих немецкой комендатуры вам приходилось слышать относительно уничтожения поляков?

Базилевский: Да. Дня через три или два...

Председатель: Вы оба говорите слишком быстро, и вы не делаете паузы. Вы задаёте вопросы, пока не проходят ответы. Вам нужно делать более длинные паузы и говорить медленнее.

Смирнов: Слушаюсь, господин председатель.

[Обращаясь к свидетелю] Пожалуйста, продолжайте, но медленно.

Базилевский: Я потерял немножко.

Смирнов: Я спрашиваю у вас, от кого-нибудь из служащих немецкой комендатуры приходилось ли вам слышать относительно уничтожения поляков?

Базилевский: Дня через два или три, войдя в кабинет к Меньшагину, я застал там переводчика зондерфюрера седьмого отдела немецкой комендатуры, ведавшего как раз русским управлением, который вел с Меньшагиным разговор относительно поляков. Это был Отзейский - немец.

Смирнов: Может быть, вы кратко расскажете о том, что он говорил?

Базилевский: Его разговор сводился в тот момент, когда я его застал этот разговор, к тому, что поляки — неполноценная нация, уничтожение которой может послужить хорошим удобрением и расширением жизненного пространства для Германии.

Смирнов: Минутку, но он это говорил в общей форме, а о конкретных фактах расстрела польских военнопленных, вы слышали?

Председатель: Вы делаете именно то, о чём я говорил. Вы задаёте вопросы до прохождения перевода.

Смирнов: Так точно, господин председатель, я прошу извинить меня, я буду говорить гораздо медленнее.

[Обращаясь к свидетелю] Конкретно о расстрелах польских военнопленных близ Смоленска вы слышали от Меньшагина, со слов фон Швеца? Минуточку обождите ответа.

Базилевский: Да, в момент, когда я вошёл и слушал разговор с Хирсфельдом, уже, так сказать, этого момента не застал, но из всего было ясно, что речь шла в связи с произошедшим событием.

Смирнов: Меньшагин говорил вам о расстреле польских военнопленных со слов коменданта Смоленска фон Швеца?

Базилевский: Да, кроме того, насколько я вынес впечатление, он ссылаясь на фон Швеца. Но, по-видимому, — это мое глубокое убеждение, вообще в частных разговорах в комендатуре об этом он разговоры имел.

Смирнов: К какому времени относится разговор с Меньшагиным, когда он сказал, что польские военнопленные уже уничтожены близ Смоленска?

Базилевский: Это относится к концу сентября.

Смирнов: У меня больше нет вопросов к свидетелю, господин председатель.

[Объявлен перерыв]

Пристав: С позволения трибунала, подсудимый Гесс отсутствует.

Председатель: Доктор Штамер.

Штамер: Свидетель, в ваших показаниях до перерыва, вы читали из своих показаний, если я правильно заметил. Скажите мне это так или нет?

Базилевский: Я ничего не читал. У меня в руках только план суда.

Штамер: Мне показалось, что вы читали свои ответы. Как вы объясните тот факт, что переводчик уже имел на руках ваш ответ?

Базилевский: Я вообще не знаю каким образом переводчики могли иметь заранее в руках мои ответы, дело в том, что ведь показания мои на предварительной комиссии известны, и на предварительном допросе известны.

Штамер: Вам известен небольшой замок на Днепре, небольшая вилла? Вы не поняли или не услышали меня? Вам известен небольшой замок на Днепре, небольшая вилла на Днепре?

Базилевский: Только я не знаю, о какой даче, господин защитник говорит. На Днепре много вообще дач.

Штамер: Дом, который был рядом с Катынским лесом на крутом берегу реки Днепр.

Базилевский: Мне не ясно, все-таки о каком доме речь идет. Берег Днепра очень велик, мне не понятен совершенно вопрос.

Штамер: Вам известно, где были обнаружены Катынские могилы, в которых были захоронены 11000 польских офицеров.

Базилевский: Я там не был. Катынских могил я не видал лично.

Штамер: Вы, когда-нибудь были в Катынском лесу?

Базилевский: Я в Катынском лесу, как уже показал, не однажды бывал.

Штамер: Вам известно, где находилось место массового захоронения?

Базилевский: Как же я могу знать где находились эти массовые могилы, когда я после оккупации, конечно, бывать там не мог?

Штамер: Откуда вы знали о том, что небольшой лес не был огорожен?

Базилевский: До занятия Смоленской области немецкими войсками, вся эта область, как я показал, огорожена никогда не была, а по слухам я знал, что после начала оккупации доступ в этот лес был запрещен германским командованием.

Штамер: Таким образом, у вас нет сведений о том, факте, что там в Катынском лесу находился санаторий или дом отдыха ГПУ²⁹²?

Базилевский: Знаю прекрасно, это всем жителям Смоленска было известно.

Штамер: Значит, конечно же, вы также точно знали о каком доме я говорил в своём вопросе?

Базилевский: Я лично в этом доме никогда не бывал. В этот дом, вообще говоря имели доступ семьи служащих НКВД, а остальным лицам вообще не было надобности и возможности в этот дом ходить.

Штамер: Поэтому, дом был закрыт?

Базилевский: Не дом был закрыт для посторонних, а вообще говоря, какой же посторонний пойдет туда, где для него место отдыха не предназначено. А вообще сад не был закрыт конечно.

Штамер: Там стояли охранники?

Базилевский: Я никогда не видел.

---

²⁹² Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР — орган государственной безопасности в РСФСР. Спецслужба учреждена 6 февраля 1922 года по предложению В. И. Ленина IX съезду Советов постановлением ВЦИК об упразднении ВЧК с передачей полномочий ГПУ при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР. 15 ноября 1923 года ГПУ было преобразовано в ОГПУ при СНК СССР уже на союзном уровне.

Штамер: Этот русский свидетель, который сообщил вам о вопросе польских офицеров, этот свидетель ещё жив?

Базилевский: Господин защитник, подразумевает бургомистра Меньшагина, очевидно. Так я понимаю этот вопрос?

Штамер: Когда вы читали свои показания, мне было не просто следовать за вами. Так звали бургомистра? Меньшагин? Он ещё жив?

Базилевский: Меньшагин ушёл вместе с германскими войсками при отступлении, а я, конечно, остался и судьба Меньшагина мне неизвестна.

Председатель: Доктор Штамер, вы не вправе говорить свидетелю: «Когда вы читали свои показания», потому что он отрицает, что читал свои показания и нет никаких доказательств, что он их читал.

Штамер: Русский свидетель рассказал вам, что польские офицеры поступили из лагеря в Козельске?

Базилевский: Козельск вы хотите сказать?

Штамер: Козельск.

Базилевский: Этого мне свидетель не рассказывал.

Штамер: Вам известно это место и местность?

Базилевский: Козельск? Знаю. В 1940, в августе месяце – в конце августа – я с женой проводил там отдых.

Штамер: Вам известно были ли там польские офицеры в русском лагере военнопленных?

Базилевский: Да, известно.

Штамер: До этого времени военнопленные оставались там?

Базилевский: Я этого в точности не знаю, но в конце августа 1940 года, они были там, это я могу совершенно определенно утверждать.

Штамер: Вам известно, попал ли этот лагерь в германские руки?

Базилевский: Мне лично, так сказать, по наблюдениям это неизвестно, а на основании слухов, да, по-видимому, это было несомненно так, но это уже не моё свидетельское показание, я этого лично не видел, но слышал.

Штамер: Вы слышали о том, что случилось с этими пленными?

Базилевский: Да, слышал, что они остались, они не могли быть эвакуированы.

Штамер: Вы слышали, о том, что с ними стало?

Базилевский: Я уже в своих ответах господину прокурору показал, что они расстреляны были по распоряжению немецкого командования.

Штамер: И где прошли эти расстрелы?

Базилевский: Господин защитник, по-видимому, не уловил моих показаний. Я показывал, что мне Меньшагин сказал, что расстреляны около Смоленска, где именно он мне не указал.

Штамер: Сколько было пленных?

Базилевский: В разговоре с Меньшагиным? Да? Мне вопрос непонятен. В разговоре с Меньшагиным? Число тогда не фиксировалось.

Штамер: Какую цифру вам привёл Меньшагин?

Базилевский: Меньшагин мне числа не называл. Вопрос этот шел, повторяю, в самых последних числах сентября 1941 года.

Штамер: Вы можете привести нам имена очевидцев, которые присутствовали при расстреле или кого-либо кто видел расстрел?

Базилевский: Я думаю, что эти расстрелы производились при таких условиях, при которых вряд-ли русские свидетели могли там присутствовать.

Председатель: Свидетель, вы должны ответить на вопрос прямо. Вас спросили: «Вы можете привести имена тех кто там был? Вы можете ответить «да» или «нет» и затем вы можете дать пояснение.

Базилевский: Я принимаю указание.

Председатель: Вы можете назвать, кого-либо кто видел казни?

Базилевский: Нет, такого лица кто видел непосредственно, не могу назвать.

Штамер: Какое германское подразделение предположительно осуществило расстрелы?

Базилевский: Точно я указать затрудняюсь. Вся логика говорит, что тем строительным батальоном который был там расположен, но в точности мне вообще расположение немецких частей не могло быть известно.

Штамер: Поляки, которые были там, поступили из лагеря в Козельске?

Базилевский: Вообще, в то время разговоры не связывали этого, но мне неизвестно, что были другие польские военнопленные которые предварительно не были в Козельске.

Штамер: Вы лично видели польских офицеров?

Базилевский: Я лично не видел, но студенты мои видели и говорили мне, что они их видели в 1941 году.

Штамер: И где они их видели?

Базилевский: На строительстве, на дороге, где они производили ремонтные работы, в начале лета 1941 года.

Штамер: В целом, в каком районе или месте?

Базилевский: В районе шоссе Москва-Минск, немножечко западнее Смоленска.

Штамер: Вы можете свидетельствовать о том, сообщало ли командование русской армией о том, что польские пленные в лагере Козельска попали в руки немцев?

Базилевский: Нет, этого мне неизвестно.

Штамер: Как звали германского чиновника или сотрудника с которым вы беседовали в комендатуре?

Базилевский: Не в комендатуре, а в кабинете Меньшагина. Хирсфельд.

Штамер: Какая у него должность.

Базилевский: Зондерфюрер 7-го отдела немецкой комендатуры города Смоленска.

Штамер: У меня больше нет вопросов, господин председатель – всего один или два вопроса, господин председатель.

[Обращаясь к свидетелю] Вас наказало русское правительство из-за вашего сотрудничества с германскими властями?

Базилевский: Нет, не был.

Штамер: Вы на свободе?

Базилевский: Не только нахожусь на свободе, как я уже докладывал, являюсь профессором и в настоящее время двух высших учебных заведений.

Штамер: Следовательно, вы вернулись на должность?

Базилевский: Да.

Председатель: Полковник Смирнов, вы желаете провести повторный допрос?

Смирнов: Нет, господин председатель, я дополнительных вопросов к этому свидетелю не имею.

Председатель: Свидетель, вам известно, человеку, чьё имя я понял как Меньшагин, рассказали об этом или он сам имел о них непосредственные сведения?

Базилевский: Со слов Меньшагина, ясно следовало, что он лично это слышал из разговора в комендатуре и в частности от фон Швеца.

Председатель: От кого?

Базилевский: Комендант фон Швец, в начале оккупации комендантом был фон Швец.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Смирнов: Господин председатель, я прошу суд о вызове для допроса в качестве свидетеля профессора судебной медицины Софийского университета Марко Антонова Маркова — болгарского подданного.

[В зал вводят свидетеля и переводчика]

Председатель: Вы — переводчик?

Переводчик: Да, сэр.

Председатель: Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

Переводчик: Валев Любомир Борисович²⁹³.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Клянусь перед богом и законом, что я буду переводить показания, которые будет давать этот свидетель, правильно и по мере моих способностей».

²⁹³ Валев Любомир Борисович (1915 – 1981) – болгарский и советский историк, специалист по новейшей истории Болгарии. Сотрудник Коминтерна. На Нюрнбергском процессе неоднократно принимал участие в качестве переводчика.

[Переводчик повторяет слова присяги]

Председатель: *[Свидетелю]* Назовите ваше имя и фамилию.

Марков: Доктор Марко Антонов Марков.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Клянусь в качестве свидетеля, вызванного по данному делу, что я буду говорить только правду, зная полностью о своей ответственности перед богом и законом, и что я ничего не утаю и ничего не прибавлю».

[Свидетель повторяет слова присяги]

Председатель: Вы можете сесть.

Дод: Господин председатель, перед тем как будет допрошен данный свидетель, я хочу обратить внимание трибунала на то, что доктор Штамер задал предыдущему свидетелю вопрос, который прошёл как следующий: Как получилось, что у переводчиков были вопросы и ваши ответы на вопросы если у вас их не было? Этот вопрос подразумевал, что у доктора Штамера были некие сведения о том, что у переводчиков были ответы на вопросы, я передал записку переводчикам, и у меня есть ответ от лейтенанта о том, что ни у кого не было ответов или вопросов, и я думаю это нужно установить под протокол.

Председатель: Да, я тоже так думаю.

Штамер: Мне сообщили об этом факте вне зала суда. Если это не факт, я отзываю своё заявление. Вне зала суда мне сообщил это достоверный источник. Я не помню имени лица которое это мне сказало, мне надо это уточнить.

Председатель: Подобные заявления не уместны для защитника без их проверки.

Смирнов: Разрешите мне приступить к допросу свидетеля, господин председатель?

Председатель: Да, пожалуйста.

Смирнов: Свидетель, я прошу вас в самой краткой форме, не занимая внимания суда подробностями, рассказать, при каких обстоятельствах вы были включены в состав так называемой интернациональной медицинской комиссии, созданной немцами в апреле 1943 года для осмотра могил польских офицеров в Катынском лесу. Я прошу вас, давая ответы, делать паузы между вопросом, который я вам ставлю, и вашим ответом.

Марков: Это было в конце апреля 1943 года. Я находился в судебно-медицинском институте, где я работал тогда и где я и сейчас работаю. Меня вызвал по телефону доктор Гюров.

Председатель: Свидетель должен останавливаться, перед тем как начинает переводчик. Иначе голоса идут по микрофону вместе. Нужно, чтобы переводчик ждал, пока свидетель закончит свой ответ, перед тем как повторить его.

Итак, свидетель сказал – по крайней мере то, что услышал я – что в апреле 1943 ему позвонили по телефону.

Марков: Меня вызвал по телефону доктор Гюров, секретарь тогдашнего болгарского премьер-министра Филова²⁹⁴. Он сообщил мне, что в качестве представителя болгарского правительства я должен принять участие в какой-то международной медицинской комиссии, которая будет расследовать трупы, найденные в Катынском лесу, трупы польских офицеров.

Не желая выехать, я ответил, что я обязан заменить директора института, который находился в провинции. Доктор Гюров сказал мне, что именно по распоряжению министерства иностранных дел, которое послало телеграмму, я должен выехать, чтобы заменить его. Гюров вызвал меня в министерство. Там я спросил, могу ли я уклониться от этого распоряжения. Он ответил мне, что теперь мы находимся в состоянии войны, и что правительство может посылать любого туда, куда оно найдет необходимым.

Гюров отвел меня к главному секретарю министерства иностранных дел Шушманову. Шушманов повторил это распоряжение и сказал мне, что предстоит исследовать трупы тысячи польских офицеров. Я ответил, что для того, чтобы исследовать тысячи трупов, необходимы месяцы времени. Но Шушманов сказал мне, что немцы уже эксгумировали большую часть из них, и что я должен выехать только вместе с остальными членами комиссии, чтобы осмотреть то, что уже сделано, и чтобы я подписал в качестве болгарского представителя составленный протокол.

После этого меня повели в германское посольство к советнику Морману, который урегулировал в техническом отношении поездку.

Это было в субботу, а в понедельник, 26 апреля, утром я вылетел в Берлин. Там меня встретил служащий болгарского посольства, и меня повели в гостиницу «Adlon».

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос; когда и в каком составе эта так называемая интернациональная комиссия выехала в Катынь?

Марков: На следующий день, 27 апреля, мы остались в Берлине, и туда прибыли остальные члены комиссии.

Смирнов: Кто именно?

Марков: Это были следующие лица: кроме меня, доктор Биркле²⁹⁵ — главный врач министерства юстиции и первый ассистент института судебной

²⁹⁴ Богдан Филев (1883 —1945) — болгарский археолог, искусствовед и государственный деятель. В 1940-1943 председатель совета министров Болгарии. Под его руководством Болгария вступила во Вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии. Казнен по приговору болгарского суда.

²⁹⁵ Александр Биркле (1896—1986) — румынский доктор медицины. Преподавал в институте Брашова. Румынским судом заочно был приговорен к 20 годам лишения свободы.

медицины и криминалистики в Бухаресте, доктор Милославич²⁹⁶ — профессор по судебной медицине в Загребе, в качестве представителя Хорватского государства²⁹⁷, профессор Пальмиери²⁹⁸ — профессор судебной медицины в Неаполе, доктор Орзос²⁹⁹ — профессор судебной медицины в Будапеште, доктор Субик³⁰⁰ — профессор патологической анатомии в Братиславе и главный директор народного здравоохранения в Словакии, доктор Хаек — профессор судебной медицины в Праге в качестве представителя, так называемого Протектората Чехия и Моравия, профессор Навиль³⁰¹ — профессор судебной медицины в Женеве в качестве швейцарского представителя, доктор Спелерс³⁰² — профессор по глазным болезням в Генте в качестве бельгийского представителя, доктор де Бурлетт³⁰³ — профессор анатомии в университете Гронингена в качестве голландского представителя, доктор Трамсен³⁰⁴ — первый ассистент директора института судебной медицины в Копенгагене в качестве датского представителя, доктор Саксен³⁰⁵ — из Хельсинки, Финляндия, профессор патологической анатомии.

В течение всей работы комиссии только присутствовал и доктор Костедуа, который заявил, что он присутствует лишь в качестве личного представителя президента Лавалья³⁰⁶.

Смирнов: Все эти лица вылетели в Катынь?

Марков: Все эти лица прибыли в Катынь, за исключением профессора Пига.

Смирнов: Кто, кроме членов комиссии, вылетел ещё в Катынь вместе с ней?

Марков: В Катынь мы вылетели 28-го числа утром с Темпельгофа. Мы вылетели на двух самолетах, в каждом из которых находилось около 15–20 человек.

Смирнов: Кто именно, может быть, вы ответите короче на этот вопрос?

²⁹⁶ Эдуард Милославич (1884 — 1952) — профессор патологии университета Загреба. Югославским судом заочно был приговорен к 20 годам лишения свободы.

²⁹⁷ Независимое государство Хорватия — марионеточное коллаборационистское государство — сателлит Германии и Италии (до 1943 года) провозглашённое уставами 10 апреля 1941 года при военной и политической поддержке стран «оси» и их союзников.

²⁹⁸ Винченцо Пальмиери (1899—1994) — итальянский профессор судебной медицины в университете Неаполя.

²⁹⁹ Ференц Оршош (1879 — 1962) — венгерский патологоанатом. Активный сторонник нацистской политики в Венгрии. Профессор университета Будапешта.

³⁰⁰ Франтишек Шубик (1903 — 1982) — профессор патологической анатомии медицинского факультета университета имени Я. А. Коменского в Братиславе.

³⁰¹ Франсуа Навиль (1883 - 1968) — швейцарский врач. Приват-доцент неврологии (1912), профессор кафедры судебной медицины (1928), а затем профессор и директор Института судебной медицины (1934) Женевского университета. Декан медицинского факультета (1948—1950). Президент Швейцарского общества неврологии (1930—1932). В 1943 в составе немецкой комиссии проводил исследование тел захороненных в Катынском лесу.

³⁰² Реймонд Спелерс (1876 — 1951) — бельгийский профессор медицины. Сторонник коллаборационистских властей в Бельгии. Бельгийским судом был осужден к 20 годам лишения свободы. Умер в тюремной больнице.

³⁰³ Герман де Бурле (1883— 1957) — голландский профессор анатомии. Ректор университета Гронингена. Участник голландского нацистского движения. Голландским судом был заочно приговорен к 4 годам лишения свободы.

³⁰⁴ Хельге Трамсен (1910—1979) — датский хирург. В 1944-1945 некоторое время находился под арестом Гестапо.

³⁰⁵ Арно Саксен (1895 — 1952) — финский патолог, профессор Университета в Хельсинки.

³⁰⁶ Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнен по приговору французского суда

Марков: Вместе с нами находился директор Тиц, который встретил нас и сопровождал нас от министерства здравоохранения. Там были фоторепортеры и журналисты. Два представителя немецкого министерства иностранных дел.

Смирнов: Я прошу вас тогда прервать ответ на этот вопрос и сообщить мне, когда комиссия прибыла в Катынь?

Марков: Комиссия прибыла в Смоленск 28-го вечером.

Смирнов: Сколько рабочих дней, я подчеркиваю рабочих дней, продолжалось пребывание комиссии в Смоленске?

Марков: Мы оставались в Смоленске только два дня — 29 и 30 апреля 1943 года и 1 мая утром мы выехали из Смоленска.

Смирнов: Сколько раз члены комиссии были непосредственно у массовых могил в Катынском лесу?

Марков: Мы были в Катынском лесу два раза, а именно: в те же дни 29 и 30 апреля, в первой половине дня.

Смирнов: Сколько часов вы каждый раз были непосредственно у массовых могил?

Марков: Я считаю, что не более 3–4 часов каждый раз.

Смирнов: Присутствовали ли члены комиссии хоть раз при раскрытии могилы?

Марков: В нашем присутствии не были разрыты новые могилы. Нам показали лишь несколько вырытых до нашего прибытия могил.

Смирнов: Следовательно, вам были предъявлены уже вскрытые могилы, около которых лежали трупы?

Марков: Совершенно верно. Около этих уже вырытых могил имелись уже вырытые трупы.

Смирнов: Были ли созданы членам комиссии надлежащие условия для объективного и всестороннего научного исследования?

Марков: Единственным, из нашей деятельности, что можно охарактеризовать как научное судебное исследование, явилось вскрытие, совершенное некоторыми членами комиссии, которые являлись именно судебными медиками. Таковых насчитывалось около семи-восьми, и, насколько я припоминаю, общее количество вскрытых трупов было восемь. Каждый из нас вскрыл по одному трупу, за исключением профессора Хаека, который вскрыл два трупа. Вся наша остальная деятельность в этих два дня носила характер быстрого осмотра под руководством немцев или туристическую прогулку, причем мы увидели разрытие могилы и нам показали сельский дом, отстоящий в нескольких километрах от Катынского леса, где под витринами были выставлены какие-то бумаги и предметы. Об этих бумагах и предметах Буц нам заявил, что их извлекли из одежды вырытых трупов.

Смирнов: Вы видели сами, как извлекли эти бумаги и документы, или они вам предъявлены были под стеклом на витринах?

Марков: Документы, которые мы увидели на витринах, были извлечены ещё до нашего прибытия.

Смирнов: Вам дали возможность произвести какие-нибудь исследования этих документов, например, проверить пропитанность бумаги трупными кислотами и вообще произвести какие-нибудь судебно-криминалистические исследования?

Марков: Мы не производили никаких исследований этих бумаг. Как я уже заявил, нам они были показаны на витринах, и мы даже не дотрагивались до них.

Смирнов: Теперь я все же прошу вас ответить коротким ответом — да или нет — на поставленный мной ранее вопрос, были ли созданы членам комиссии надлежащие условия для объективного и всестороннего научного исследования?

Марков: По моему мнению, эти условия работы никак нельзя назвать научным и всесторонним исследованием. Единственно, что носило характер действительно медицинского исследования, это было вскрытие, которое я произвел.

Смирнов: Однако правильно ли я вас понял, что из 11 тысяч трупов члены комиссии вскрыли всего 8 трупов — это так?

Марков: Совершенно верно.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос. В каком состоянии находились трупы? Я прошу вас описать состояние тканей трупов и внутренних органов.

Марков: О состоянии трупов в катынских могилах я сужу главным образом по состоянию трупа, вскрытие которого я произвел. Состояние этого трупа было, насколько я смог констатировать, таким же, как и состояние остальных трупов. Кожа была совершенно сохранившейся, частично высохшей, с коричнево-красноватым цветом, кое-где окрашенная в синий цвет от одежды. Ногти и волосы в большинстве случаев выпали уже. В тыльной части трупа, который я вскрыл находилось обыкновенное для этих трупов отверстие от выстрела.

От мозга осталась лишь кашеобразная масса. Мышцы были еще сохранившимися до такой степени, что были видны даже волокна сердечной мышцы и сердечные клапаны. Внутренние органы в отдельности были сохранившимися, но, конечно, ссохшиеся и потемневший цвет имели. В желудке имелись следы какого-то содержания. Часть жира превратилась в жировоск. Производило впечатление то обстоятельство, что при грубом дергании трупа никакие части конечностей не отрывались.

О том, что я констатировал, я продиктовал на самом месте производства вскрытия протокол, такой же протокол продиктовали и остальные участники исследования. Этот протокол был позже опубликован немцами в изданной ими книге под № 827.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос: свидетельствовал ли судебно-медицинский осмотр трупов о том, что они находились в земле в течение трех лет?

Марков: По этому вопросу, я судил опять-таки по трупу, вскрытие которого я произвел. Состояние этого трупа, как я уже заявил, было типично для среднего состояния катынских трупов. Это были трупы, которые находились в состоянии, далеком от распада мягких частей, с начинающимся образованием жировоска. По моему мнению, эти трупы находились в земле гораздо меньше трех лет. Я считал, что это труп, который находился в земле около года-полтора лет.

Смирнов: Следовательно, применяя критерии, выработанные опытом вашей работы в Болгарии, то есть в более южной местности, чем Смоленск, где процесс распада трупов активизируется в сравнении со Смоленском, вы считали, что трупы, извлеченные из могил в Смоленском лесу, пролежали в земле не более полутора лет? Я правильно вас понял?

Марков: Совершенно верно. Я считал, что они находились в земле не более полутора лет.

Председатель: Трибунал откладывается.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 2 июля 1946]

День сто шестьдесят девятый

Вторник, 2 июля 1946

Утреннее заседание

Свидетель Марков вернулся на место свидетеля]

Смирнов: Разрешите, господин председатель. Итак, свидетель, когда вами производилось вместе с другими членами комиссии вскрытие этих восьми трупов, какого точно числа?

Марков: Это было 30 апреля в первой половине дня.

Смирнов: И на основании ваших личных наблюдений вы пришли к заключению, что трупы пробыли в земле и момент смерти наступил – год, максимум полтора года?

Марков: Совершенно верно.

Смирнов: Прежде чем задать следующий вопрос, я прошу вас дать мне короткий ответ на такой вопрос. В практике болгарских судебных медиков принято, чтобы при освидетельствовании трупа составленный по этому поводу судебным медиком акт, включал в себе две части: описательную часть и выводы.

Марков: В нашей практике так же, как и в практике других стран, насколько мне известно, это делается так: дается сначала описательная часть и затем заключение.

Смирнов: В составленном вами протоколе вскрытия трупов есть заключение или нет?

Марков: Мой протокол о трупе, вскрытие которого я произвел, состоит только из описательной части, без заключения.

Смирнов: Почему?

Марков: Потому что из бумаг, которые были там, я понял, что нам хотели заранее внушить, что трупы находились в земле три года. Это из бумаг, которые нам были показаны в этом маленьком деревенском доме, о котором я говорил.

Смирнов: Кстати, эти бумаги вам были показаны до вскрытия трупов или после вскрытия трупов?

Марков: Да, это было в предыдущий день. До вскрытия.

Смирнов: Значит, вы были поставлены...

Председатель: Полковник Смирнов, вы всё время прерываете переводчика. До того как переводчик закончил ответ, вы задаёте ещё один вопрос. Нам сложно слышать переводчика.

Смирнов: Благодарю вас за ваше указание, господин председатель.

Марков: И так как объективное заключение вскрытия, объективное нахождение в трупе, вскрытие, которого я произвел, находилось в явном противоречии с этой версией, я воздержался от заключения.

Смирнов: Следовательно, вы воздержались от заключения, потому что объективные данные медицинской секции свидетельствовали о том, что трупы пробыли в земле не три года, а год-полтора?

Председатель: Полковник Смирнов, вы должны помнить, что это двойной перевод, и не делая большей паузы, ваш голос идёт с голосом переводчика и мы не слышим переводчика.

Марков: Да.

Смирнов: Слушаюсь, господин председатель.

Марков: Совершенно верно. Так.

Смирнов: Существовало ли единство по вопросу о времени пребывания в земле трупов, извлеченных из катынских могил, среди членов комиссии?

Марков: Из членов делегации, которые совершили вскрытие в Катынском лесу, большинство из них дали заключение, не касаясь, однако, существенного вопроса о времени пребывания трупов в земле; некоторые, как, например, профессор Хаек, говорили о несущественных вещах, как, например, о том, что покойный болел плевритом; другие, как, профессор Биркле из Бухареста, он изъясил волосы с трупа для исследования вопроса о возрасте трупа, что, по моему мнению, совершенно несущественно. Профессор Пальмиери на основании исследований трупа, вскрытие, которого он произвел, сказал, что труп находился в земле больше года, но точно не определил — сколько.

Единственный, кто дает заключение о том, что труп находился в земле три года, это профессор Милославич из Загреба, но когда была опубликована немецкая книга о Катыни, я прочитал его объективную констатацию о состоянии трупа, вскрытие которого он произвел, и у меня создалось впечатление, что труп, вскрытие которого он произвел, не отличается по своему состоянию от остальных трупов. Это привело меня к заключению, что его сообщение о том, что труп находился три года в земле, не соответствует его описанию.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос. Много ли черепов с явлениями, так называемого псевдо-каллуса было предъявлено членам комиссии. Кстати, так как этот термин в общей криминалистике и в обычных книгах по судебной медицине не известен, я прошу вас остановиться на том, что подразумевал профессор Орзос из Будапешта под наименованием «псевдо-каллуса».

Председатель: Вы повторите вопрос?

Смирнов: Слушаюсь. Много ли черепов с явлениями, так называемого псевдо-каллуса были предъявлены членам комиссии? Кстати, так как этот термин не

известен из общеизвестных книг по судебной медицине, я прошу вас остановиться на том, что подразумевал профессор Орзос из Будапешта под этим термином.

Марков: Под явлением псевдо-каллуса...

Председатель: Минуточку. Что вы говорите было у черепов? Вы спросили о том, сколько было черепов с чем-то другим.

Смирнов: Господин председатель, я сам встретился с этим термином первый раз. Псевдо-каллус. Псевдо-каллус. Очевидно, это переводится с латинского языка, как «ложная мозоль» образовавшаяся на внутренней поверхности мозгового вещества.

Председатель: Вы можете написать слово на латинском?

Смирнов: Могу. Прошу вас, господин председатель.

[Обвинитель передал бумагу председателю]

Председатель: Вы написали p-s-e-r-d-o. Вы хотели написать p-s-e-u-d-o, что значит ложный?

Смирнов: Да, да, псевдо.

Марков: Под явлением псевдокаллус...

Председатель: Тогда, задайте вопрос снова и попытайтесь сделать это короче.

Смирнов: Есть.

[Обращаясь к свидетелю] Много ли черепов с явлениями так называемого псевдо-каллуса было предъявлено членам комиссии? Остановитесь на этом термине профессора Орзоса.

Марков: О псевдо-каллусе профессор Орзос говорил нам на общей конференции делегатов, которая состоялась 30 апреля во второй половине дня в здании, где помещалась полевая лаборатория Буца в Смоленске. Под этим явлением профессор Орзос понимал отложение и наслоение нерастворимых солей кальция и других солей во внутренней части черепа, и профессор Орзос утверждал, что, согласно его опыту, в Венгрии это явление наблюдается, если труп находился в земле, по меньшей мере, три года. Когда профессор Орзос сообщил об этом на научной конференции, никто из делегатов не сказал ничего ни за, ни против этого явления, из чего у меня создалось убеждение, что и для остальных делегатов явление псевдо-каллуса также неизвестно, как и мне. На той же конференции профессор Орзос продемонстрировал нам это явление на одном черепе.

Смирнов: Я прошу вас ответить, под каким номером значился труп, от которого якобы взял череп для демонстрации профессор Орзос?

Марков: Номер трупа, череп которого был взят, и в книге в которой был отмечен этот труп носил номер 526. Из этого я пришел к убеждению, что этот труп был извлечен из могилы до нашего прибытия в Катынь, так как все остальные трупы, вскрытие которых мы произвели 30 апреля, имели все номера больше, чем 800. Нам

было объяснено, что как только труп извлекается из могилы, на нём надевается сразу соответствующий номер.

Смирнов: Скажите, на черепах трупов, которые были вскрыты вами и вашими коллегами, имелись ли явления псевдо-каллуса?

Марков: На черепе трупа, вскрытие которого я произвел, в голове имелась вместо мозга кашеобразная масса, но явления псевдо-каллуса я не заметил. Также и все остальные делегаты после объяснения Орзоса также не заявили о том, что они нашли такое явление. Даже Буц и его сотрудники, которые исследовали трупы ещё до нашего прибытия, тоже не заявили, что наблюдали это явление. Позже в изданной немцами книге в докладе Буца я заметил, что Буц ссылается на явления псевдо-каллуса, чтобы подкрепить свой тезис, что трупы находились в земле три года.

Смирнов: Таким образом, вам был предъявлен только один череп с явлениями псевдо-каллуса из 11 тысяч трупов?

Марков: Совершенно верно.

Смирнов: Я прошу вас подробно описать суду состояние одежды трупов.

Марков: Одежда была вообще хорошо сохранившейся. Но, конечно, она была пропитана жидкостью из разлагающихся трупов. При грубом дерганье, чтобы снять одежду и снять сапоги, одежда не рвалась, и сапоги не расшивались по швам. У меня даже создалось впечатление, что после соответствующей чистки эту одежду можно употребить вновь. В одежде трупа, вскрытие которого я произвел, были найдены и некоторые бумаги.

Эти бумаги были также пропитаны трупными жидкостями. Некоторые из немцев, присутствовавших на месте где я производил вскрытие, потребовали, чтобы я описал эти бумаги и их содержание. Но я отказался сделать это, сообразив, что это не дело врача.

По существу, я уже в предыдущий день заметил, из демонстрации бумаг, что с помощью дат из этих бумаг стремятся внушить нам убеждение, что трупы находятся в земле три года, и поэтому я хотел основываться лишь на объективном состоянии трупа. Некоторые из других делегатов, которые совершали вскрытие, также извлекли из одежды трупов некоторые бумаги. Бумаги, которые были найдены на трупе, вскрытие которого произвёл я, были вложены в конверт носящий тот же номер, что и у трупа - 827. Позже в изданной немцами книге я увидел, что некоторые из делегатов описали содержание бумаг, найденных при трупах.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос. На каких же объективных судебно-медицинских данных основывается заключение комиссии о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет?

Председатель: Задайте вопрос снова. Я не понял вопрос.

Смирнов: Слушаюсь, господин председатель. Я спросил, на каких же объективных судебно-медицинских данных основывается протокол интернациональной медицинской комиссии о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет?

Председатель: Он сказал, что по заключению, что он составил – не менее 3-х лет?

Биддл: Нет, он это не говорил.

Председатель: Он это вообще не говорил. Он никогда не говорил о том, что составил заключение о том, что трупы оставались в земле не менее чем 3 года.

Смирнов: Не он, господин председатель, но профессором Марковым вместе с другими членами комиссии был подписан такой обобщенный протокол интернациональной комиссии.

Председатель: Я знаю, поэтому я прошу вас повторить ваш вопрос. Нам перевели вопрос: В связи, с чем вы сделали вывод о том, что трупы оставались в земле не менее 3-х лет – что противоречит тому, что он сказал.

Смирнов: Совершенно точно.

Председатель: Зададите вопрос снова?

Смирнов: Слушаюсь.

[Обращаясь к свидетелю] Свидетель, я спрашиваю вас не о вашем личном протоколе, а об обобщенном протоколе всей комиссии. Я спрашиваю, на каких объективных судебно-медицинских данных основывается заключение всей комиссии, в котором в числе других подписей имеется и ваша подпись о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет?

[Пауза в слушаниях]

Председатель: Полковник Смирнов, повторите вопрос снова.

Смирнов: Слушаюсь, господин председатель.

[Обращаясь к свидетелю] Я спрашивал, на основании каких же объективных судебно-медицинских данных основывается заключение комиссии, не индивидуальный протокол составленный доктором Марковым в котором отсутствует заключение, а заключение всей комиссии о том, что трупы пролежали в земле, якобы, не менее трех лет.

Марков: Коллективный протокол, который был подписан всеми делегатами, очень беден в отношении настоящих судебно-медицинских данных. В отношении состояния трупов, о состоянии трупов там сказано лишь одна фраза о том, что трупы находятся в различной степени разложения, но не описывается степень разложения.

Так что, по моему мнению, это заключение основывается на бумаге и на свидетельских показаниях, но отнюдь не на судебно-медицинских данных. В судебно-медицинском отношении старались подкрепить это заключение констатацией Орзоса о явлении псевдо-каллуса в трупе № 526.

Но, по моему убеждению, из этого единственного черепа вовсе неправильно приходить к заключению о состоянии тысяч трупов, которые находились в катынских могилах. При этом, наблюдение Орзоса о псевдокаллусе было произведено в Венгрии, т. е. при совершенно других почвенных и климатических условиях и притом в единичных могилах, а не в массовых могилах, как в Катыни.

Смирнов: Вы говорили о свидетельских показаниях. Членам комиссии была предоставлена возможность лично подробно и свободно допросить свидетелей, в частности русских свидетелей, или нет?

Марков: Нам не была предоставлена возможность общаться с местным населением. Напротив, немедленно после нашего прибытия в гостиницу в Смоленск, Буц собрал нас и предупредил нас о том, что мы находимся в военной зоне и что не имеем права передвигаться по городу, не будучи сопровождаемы немецким военным лицом или общаться с местными жителями, или производить снимки. И, действительно, во время нашего пребывания там у нас не было никакого контакта ни с кем из местных жителей.

В первый день нашего пребывания в Катынском лесу, т. е. 29 апреля, в первой половине дня, до обеда, на место, где находились могилы, были приведены несколько русских гражданских лиц, сопровождаемых немецкой стражей. Сразу же по нашему прибытию в Смоленск нам были вручены показания некоторых местных свидетелей, написанные на машинке. Когда привели этих свидетелей в Катынский лес, нам заявили, что это те самые свидетели, показания которых нам были предъявлены.

Не было регулярного опроса свидетелей, который мог быть запротоколирован, и он вообще не был запротоколирован. С ними вступил в разговор профессор Орзос, который заявил нам, что владеет русским языком, так как был пленным в России во время Первой мировой войны. Он начал разговаривать с одним довольно пожилым мужчиной, фамилия которого, насколько я помню, была Киселев. Затем он разговаривал со вторым свидетелем, фамилия которого была, насколько я помню, Андреев. Весь этот разговор продолжался всего несколько минут. Пользуясь тем, что наш болгарский язык похож на русский язык, я также попытался начать разговор с некоторыми из них...

Председатель: Нельзя ли эти детали оставить для перекрестного допроса?

Марков: ...но моё место как то занимал Орзос, он меня выталкивал.

Председатель: Минуточку. Нельзя ли эти детали оставить для перекрестного допроса?

Смирнов: Слушаюсь, господин председатель.

[Обращаясь к свидетелю] Я прошу вас, свидетель, прервать ответ на этот вопрос и ответить на следующий вопрос. Было ли вам в момент подписания

обобщенного протокола всей комиссии совершенно ясно, что убийства совершены в Катыни во всяком случае никак не ранее последней четверти 1941 года и что 1940 год во всяком случае исключается?

Марков: Да, это было для меня ясно и именно поэтому, я не дал заключения к протоколу, который был составлен мной в Катынском лесу.

Смирнов: Почему же вы все-таки подписали обобщенный протокол, с вашей точки зрения неверный?

Марков: Чтобы стало ясным, при каких условиях я подписал этот протокол, я должен сказать, как он был составлен и как произошло подписание.

Смирнов: Разрешите один вопрос, уточняющий это. Был ли протокол действительно подписан 30 апреля 1943 г. в Смоленске или он был подписан в другое число и в другом месте?

Марков: Он не был подписан в Смоленске 30 апреля, а был подписан 1 мая в полдень на аэродроме, который был назван «Бела».

Смирнов: При каких обстоятельствах? Скажите о них суду.

Марков: Составление протокола должно было происходить на той же конференции, о которой я говорил и которая состоялась в лаборатории Буца. Это было 30 апреля, после полудня. На этой конференции присутствовали все делегаты, все немцы, которые прибыли с нами из Берлина, Буц и его помощники, генералштабсарцт Холм³⁰⁷ — главный врач Смоленского сектора, а также некоторые не известные мне немцы из военных лиц. Буц заявил, что они, немцы, присутствуют лишь в качестве хозяев. Но в действительности ведущее место на конференции занял генерал Холм, а работа велась фактически под руководством Буца. Секретарем была личная секретарша Буца, которая составляла протокол, однако этот протокол я никогда не видел. На эту конференцию явились Буц и Орзос с проектом какого-то протокола, однако мне не было известно, чтобы кто-либо им поручал составление такого протокола. Этот протокол был зачитан Буцем, и тогда возник вопрос о состоянии и возрасте молодых сосенок, которые находились в просеках Катынского леса. Буц считал, что в этих просеках находятся также могилы.

Смирнов: Простите, я прерву вас. Вам были представлены доказательства, что на этих просеках действительно находятся могилы, или нет?

Марков: Нет, когда мы присутствовали, не были раскрыты никакие новые могилы. Поскольку некоторые из делегатов заявили, что в качестве медиков они некомпетентны и не могут сказать своё мнение о возрасте этих деревьев, генерал Холм распорядился, чтобы привести какого-то немца, который являлся специалистом по лесному делу. Он показал нам поперечный разрез ствола дерева и

³⁰⁷ Карл Холм (1881 – 1945) – Генерал медицинской службы Вермахта. В сентябре 1942 – мае 1943 главный врач группы армий «Центр». Покончил жизнь самоубийством в конце войны.

от числа кругов этого разреза он пришел к заключению, что возраст деревца пять лет.

Смирнов: Простите, я вновь прерву вас. Вы сами можете подтвердить, что это дерево было взято именно с могилы, а не просто с лесной просеки?

Марков: Я могу лишь сказать, что действительно в Катынском лесу были просеки с маленькими деревцами и что действительно, когда мы возвращались в Смоленск, я видел, что в автобусе везли деревцо, но я не знаю, имеются ли действительно могилы на месте, откуда было взято это деревцо, так как я уже сказал, вообще в нашем присутствии не раскапывались могилы.

Смирнов: Я прошу вас продолжать дальше ваш ответ, но очень кратко, не задерживая внимания суда ненужными подробностями.

Марков: По содержанию этого проекта протокола, который был составлен там, были произведены некоторые редакционные заметки, о содержании которых, я однако, не припоминаю. Тогда было возложено на Орзоса и Буца, чтобы они составили протокол в окончательной форме. Подписание протокола должно было состояться в тот же вечер на банкете, который состоялся в этот же вечер в одном немецком военном лазарете. На банкет действительно Буц явился с протоколом и он начал зачитывать его, но подписания не произошло и тогда по причинам, которые и до сих пор для меня остались неясными. Было заявлено, что протокол нужно будет ещё раз перередактировать, в связи с чем банкет продолжался до очень позднего времени, до около 3–4 часов ночи. Тогда профессор Пальмиери сказал мне, что немцы недовольны содержанием протокола, о том что с Берлином ведутся телефонные разговоры и что вообще, может быть, не будет никакого протокола. Действительно, переночевав в Смоленске, 1 мая утром мы вылетели из Смоленска, не подписав протокола. У меня лично создалось убеждение, что вообще не будет никакого протокола, и я был очень доволен.

Как в пути к Смоленску, так и на обратном пути некоторые из делегатов попросили остановиться в Варшаве, чтобы осмотреть город, но нам ответили, что это невозможно по военным соображениям.

Смирнов: Это не имеет отношения к делу, я прошу вас держаться фактов.

Марков: Вместо этого в полдень мы приземлились на аэродроме который был назван «Бела». Аэродром был, очевидно, военный, так как я там видел лишь легкие военные постройки, бараки. Там мы обедали, и непосредственно после обеда, несмотря на то, что нам не сообщали, что подписание протокола произойдет по пути к Берлину, нам предложили экземпляры протокола для подписания. При подписании присутствовало много военных лиц, так как вообще на этом аэродроме не было других лиц, кроме военных. Меня лично поразило обстоятельство, что протоколы были готовы ещё в Смоленске, но там они нам не были предложены для подписания, и также не подождали, чтобы мы их подписали несколько часов спустя

в Берлине. Нам их предложили подписать именно здесь, на этом изолированном военном аэродроме. Вот это именно и явилось причиной того, что я подписал протокол, несмотря на убеждение, к которому я пришел при вскрытии, которое я совершил в Катыни.

Смирнов: Значит дата и место, указанные в протоколе, являются ложными?

Марков: Да, это так.

Смирнов: И вы его подписали потому, что были поставлены в безвыходное положение?

Марков: Я счел, что для меня нет другой возможности.

Председатель: Полковник Смирнов, я не думаю, что уместно задавать ему наводящие вопросы. Он заявил о факте. Нет никакой пользы переходить к утверждениям об этом.

Смирнов: Слушаюсь, господин председатель. Я не имею больше вопросов к этому свидетелю.

Председатель: Кто-либо желает перекрёстно допросить его?

Штамер: Господин председатель, в первую очередь я хочу задать вопрос о судебном разбирательстве. Каждая сторона должна была вызвать в суд три свидетеля. Свидетель, как я понял, не только свидетельствовал о фактах, но также сделал заявления, которые по характеру можно назвать экспертным заключением. Он высказался не только как специалист, как мы говорим в германском праве, но также и как эксперт. Если суд заслушал заявления свидетеля как экспертные, я хочу, чтобы защите была предоставлена возможность также вызвать эксперта.

Председатель: Нет, доктор Штамер, трибунал не будет слушать больше чем по три свидетеля с каждой стороны. Вы могли вызвать любого эксперта, которого хотели или любого эксперта из германского обследования. Вашим правом было вызвать их.

Штамер: Свидетель, сколько вы работаете в области судебной медицины?

Марков: Я работаю по судебной медицине с начала 1927 года в университетском институте судебной медицины в Софии, сначала в качестве ассистента, а теперь я профессор при кафедре судебной медицины. Нерегулярный профессор. Это слово отвечает немецкому «Ausserordentlicher Professor».

Штамер: До вашего визита в Катынь, ваше правительство говорило вам о том, что вы должны участвовать в политической акции, невзирая на вашу научную квалификацию?

Марков: Это не было мне сказано буквально, однако в прессе уже говорилось о катынском вопросе как о политическом вопросе.

Штамер: Чувствовали ли вы себя тогда чистым перед вашей научной совестью?

Марков: В какое время? О каком времени речь идет?

Штамер: Время, когда вы поехали в Катынь.

Марков: Вопрос мне не совсем ясен; я прошу разъяснить.

Штамер: Вы считали свою задачу политической или научной?

Марков: Я именно понял эту задачу с самого первого момента как политическую и поэтому я пытался уклониться.

Штамер: Вы осознавали огромное политическое значение данной задачи?

Марков: Да, из данных, которые давала пресса.

Штамер: Вчера в своём допросе вы говорили, что по прибытию в Катынь, могилы уже были открыты и некоторые тела были разложены вокруг. Это означает, что эти трупы вообще не доставали из могил?

Марков: Нет, я этого не хочу сказать, так как из могил были, очевидно, изъяты трупы и кроме того некоторые трупы, ещё находились в могилах.

Штамер: Значит, другими словами, у вас не имелось причины думать, что трупы осмотрённые комиссией не достали из массовых могил?

Председатель: Он не знал, откуда они появились, не так ли?

Марков: Да, у меня не было этого впечатления, что они не были извлечены из могил, которые были разрыты.

Штамер: Вы уже сделали заявления о том, что, в результате судебно-медицинского исследовании этой международной комиссии, был подготовлен протокол. Вы, кроме того, заявили о том, что подписали протокол.

Господин председатель, данный протокол содержит полный текст официальных сведений опубликованных германским правительством об этом инциденте. Я прошу, чтобы данное доказательство, так называемую «Белую книгу» допустили в качестве доказательства. Я позднее представлю её суду.

Председатель: Мы прервёмся.

[Объявлен перерыв]

Председатель: Доктор Штамер, трибунал решил, что вы можете перекрёстно допросить свидетеля об отчёте и протокол будет допущен в качестве доказательства, если вы приобщите его в качестве доказательства, согласно статье 19 устава. Конечно, этим не предусматривается, что мы принимаем о нём судебное уведомление согласно статье 21 устава, но он приобщается согласно статье 19 устава и поэтому он также будет идти по наушникам или будут переведены те части протокола, которые вы пожелаете.

Штамер: Господин свидетель, протокол был подписан вами и другими экспертами в том же виде как он был включён в германскую «Белую книгу»?

Марков: Да, протокол, который опубликован в немецкой «Белой книге» является протоколом, который я составил. Долгое время после моего возвращения в Софию, мне прислали два экземпляра этого протокола с немецкой стороны директором Дицем. Эти экземпляры были написаны на пишущей машинке, с просьбой, чтобы я

если найду необходимым, сделал необходимые поправки и дополнения, но я его оставил в таком же виде, какой он был, и он был напечатан в таком же виде, без заключения.

Смирнов: Господин председатель, мне кажется, что здесь произошла некоторая путаница. Свидетель дает ответ о индивидуальном протоколе, а доктор Штамер спрашивает о коллективном. Таким образом, свидетель отвечает не на вопрос.

Я прошу извинить меня, доктор Штамер.

Штамер: Господин председатель, я сейчас это выясню.

[Обращаясь к свидетелю] Вы имеете в виду протокол вскрытия?

Марков: Я имею в виду мой протокол, который лично мною был составлен, а не общий.

Штамер: Итак, что насчёт этого общего протокола или отчёта? Когда вы получили его копию?

Марков: Общий протокол я получил в копии в Берлине, так как было подписано столько экземпляров протокола сколько было делегатов.

Штамер: Недавно вы заявили о том, что русских свидетелей доставили для комиссии в Катынском лесу, но, однако, экспертам не предоставили возможности поговорить со свидетелями по данному вопросу.

Итак, в этом протоколе, есть следующее замечание, и я цитирую:

«Комиссия заслушала лично нескольких русских свидетелей из местных жителей, которые, между прочим, подтвердили, что в марте и апреле 1940 года, почти ежедневно на находящейся недалеко от Катыни станции Гнездово разгружались железнодорожные эшелоны с польскими офицерами, которых затем на тюремных машинах везли в Катынский лес, и которых потом никто, никогда больше не видел. Затем члены комиссии ознакомились с результатами сделанных ранее раскопок и выводами, и осмотрели найденные вещественные доказательства».

Марков: Как я уже сказал, действительно, при допросе который произошел на самом месте, допросе свидетелей. Допрошенные двое свидетелей, разговаривали с Орсосом. Они действительно сказали, что видели, как на станцию Гнездово привозились польские офицеры и после этого они их больше не видели.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал считает, что свидетелю нужно предоставить возможность посмотреть на отчёт, когда вы предъявляете ему отрывки.

Штамер: Да.

Председатель: Нет ли у вас ещё одной копии?

Штамер: Извиняюсь, господин председатель, у меня нет второй копии; нет.

Председатель: Переводчик может читать по-немецки?

Переводчик: Нет.

Марков: Я могу понять содержание отчёта.

Председатель: Вы говорите, что можете его читать?

Марков: Да, могу его читать.

Председатель: Свидетель, может читать по-немецки?

Марков: Да. Я могу читать по-немецки.

Штамер: Господин председатель, могу я внести предложение?

Председатель: Доктор Штамер, если у вас есть только одна копия, я думаю лучше взять её обратно. Не нужно передавать книгу туда и обратно.

Штамер: Я хочу внести предложение, чтобы перекрёстный допрос прервался и был вызван другой свидетель, и я напечатаю этот материал. Это будет решением. Это правда всего несколько предложений...

Председатель: Вы можете читать это. Книгу вернут.

Штамер: Господин председатель, я предлагаю прочесть несколько предложений.

[Обращаясь к свидетелю] Свидетель, вчера вы показали, что эксперты ограничились или ограничили себя проведением вскрытия только одного трупа. В данном отчёте излагается. Я цитирую:

«Члены комиссии сами лично вскрыли 9 трупов и, кроме того, подвергли осмотру большое количество особо выбранных для этой цели трупов».

Правильно?

Марков: Действительно. Члены комиссии, которые являлись судебными врачами, за исключением профессора Навилля, совершили по одному вскрытию. Хаек совершил два вскрытия.

Штамер: В данном случае нас не интересует вскрытие, а посмертное обследование.

Марков: Они были осмотрены, лишь мельком во время одного быстрого обзора который мы произвели в первый день. Причем, не было совершено вскрытия этого трупа в отдельности, а были осмотрены так как они были рядом поставлены.

Штамер: Я хочу спросить вас, что понимается в медицине под термином «осмотр трупов».

Марков: Мы отличаем, во-первых внешний обзор, при котором труп должен быть раздет и тщательно рассмотрен с внешней стороны, а после этого внутренний обзор при котором труп должен быть исследован в отношении его внутренних органов. Это не было проделано в отношении ряда - сотен трупов которые были выставлены там, потому что это и не было возможно физически, мы находились там только до обеда. Так что я считаю, что судебно-медицинского исследования этих трупов не было совершено.

Штамер: Недавно, вы говорили о деревьях, которые выросли на этих массовых могилах, и вы сказали, что один эксперт объяснил возраст этих деревьев на

основании поперечного разреза ствола. В протоколе и отчёте излагается следующее. Я цитирую:

«Согласно осмотру, проведенному лично членами комиссии, и показаниям привлеченного в качестве эксперта лесничего фон Херер, речь идет по меньшей мере о пятилетних, плохо развивавшихся в тени больших деревьев, саженцах сосны, посаженных на это место три года тому назад».

Я спрашиваю вас: верно ли то, что вы произвели осмотр местности, чтобы проверить, правильность показаний эксперта по лесному хозяйству?

Марков: Наше личное впечатление и мое личное убеждение по этому вопросу, относится лишь к тому, что в Катынском лесу, действительно имелись просеки, в области которых росли небольшие деревца и что нам действительно указанное немецкое компетентное лицо, продемонстрировало поперечный разрез деревца с кольцами. Но я считал себя некомпетентным делать выводы о выводах, которые он сделал, и что записано в протоколе. И именно поэтому стало нужно вызвать лицо компетентное по вопросам лесного хозяйства, так как мы, врачи, не были компетентными по этому вопросу, а именно это заключение является заключением немецкого компетентного лица.

Штамер: Но после личного осмотра местности, вы сомневаетесь в правдивости этих заявлений?

Марков: После того как немецкое компетентное лицо высказало своё заключение на конференции делегатов, никто: ни я, ни остальные делегаты не высказывались по вопросу о том, является его заключение верным или нет, и оно записано в протоколе в том виде в каком это лицо доложило об этом.

Штамер: Согласно вашему протоколу о вскрытии, на вскрытом вами трупе польского офицера имелась одежда. Вы детально описали также его одежду. Какая одежда, была на этом офицере – зимняя или летняя?

Марков: Это была зимняя одежда, с шинелью и с шерстяным галстуком на шее.

Штамер: В протоколе далее говорится, и я цитирую:

«Затем при мертвых были найдены польские сигареты и коробки спичек. В нескольких случаях также табакерки и мундштуки, на которых было выгравировано «Козельск».

Конец цитаты. Вопрос в том, видели ли вы сами эти предметы?

Марков: Эту табакерку, с выгравированной надписью «Козельск» мы действительно видели лично. Она находилась на витринах, которые были нам продемонстрированы в сельском доме недалеко от Катынского леса. Я её припоминаю, потому что Буц действительно обратил наше внимание на неё.

Штамер: Господин свидетель, в вашем протоколе о вскрытии, имеется следующее замечание, я цитирую:

«В одежде были обнаружены документы. Эти документы хранились в конверте № 827».

Я хочу вас спросить, как вы обнаружили эти документы? Вы лично взяли их из карманов?

Марков: Эти бумаги находились в карманах шинели и куртки. Насколько я припоминаю, они были вынуты немецким прислужником который раздевал труп перед моими глазами.

Штамер: В это время документы уже находились в конверте?

Марков: Они ещё не были предварительно в конверте, но после того как их вынули, они были вложены в конверт носящий номер трупа, как нам заявили, что это обыкновенная процедура, как это делается обычно.

Штамер: Каким был характер документов?

Марков: Я вообще не рассматривал их, как уже заявил об этом, и отказался рассматривать их, но по формату мне кажется, что там имелось удостоверение личности, там виднелись отдельные буквы, однако, можно ли было прочитать написанное, я не могу сказать, так как я вообще не пытался их прочитывать.

Штамер: В протоколе есть следующее заявление, и я цитирую:

«Найденные при трупах документы (дневники, газеты, письма), относятся к периоду между осенью 1939 года и мартом и апрелем 1940 года. Последняя дата, которая была нами установлена, дата на одной русской газете, была – 22 апреля 1940».

Итак, я хочу спросить, правильны ли эти сведения? Соответствуют ли они тому, что вы лично установили?

Марков: Такие письма и газеты действительно имелись на витринах, которые нам были показаны. Некоторые подобные бумаги были вынуты некоторыми из членов комиссии которые вскрывали трупы, как я впоследствии понял, они описали содержание, обратное тому, что я сделал, а я этого не сделал.

Штамер: В своём допросе вы заявили о том, что в протоколе содержалось мало научных деталей и что, очевидно, преднамеренно, воздержались от включения в протокол таких научных данных. Я хочу процитировать вам протокол:

«Были отмечены различные формы и степени разложения трупов, что обуславливалось расположением трупов в самой могиле и по отношению друг к другу. Наряду с мумификацией на поверхности и по краям массы трупов, имеются признаки гнилостного распада в средней части массы трупов, склеивание соседних трупов из-за проникновения трупной жидкости и, в особенности, обусловленная сжатием, совпадающая деформация трупов, указывает на первичное погребение.

На трупах совершенно отсутствуют насекомые и остатки насекомых,

которые могли бы там находиться в момент погребения. Из этого вытекает, что расстрелы и захоронения были произведены в холодное время года, когда насекомых не имеется»

Итак, я хочу спросить вас, являются ли верными эти заявления и соответствуют ли они тому, что вы лично наблюдали?

Марков: Я сказал, что о состоянии трупов мало говорилось в этом протоколе, и действительно, как это видно, по цитате которую я имел в виду, здесь речь идет лишь об общей фразе которая касается различной степени разложения трупов, но конкретного и подробного описания состояния трупов не дали.

Что касается вопроса о насекомых и их личинках, утверждение коллективного протокола, что таковых не обнаружено на трупах, находится в полном противоречии с констатацией профессора Пальмиери, записанной в его личном протоколе о трупе который он лично вскрывал. В этом протоколе который опубликован в той же немецкой книге, напротив говорится как раз о наличии остатков насекомых и личинок во рту трупа.

Штамер: Недавно вы говорили о научных исследованиях черепов которые проводил профессор Орсос, в протоколе по этому поводу сказано следующее, и я цитирую:

«Значительное число черепов было исследовано в отношении тех изменений, которые по опыту профессора Орзоса имели большое значение для определения момента смерти. Речь идёт об известково-штуфовых многослойных образованиях на поверхности мозга, уже превратившегося в однородную кашеобразную массу. Такие явления не наблюдаются на тех трупах, которые находились в могилах менее трех лет. Такое образование, между прочим, было отмечено в очень ясной форме на черепе трупа № 526, который был захоронен на поверхности большой массовой могилы».

Я спрашиваю вас, верно ли, что согласно отчёту профессора Орсоса, такое образование было обнаружено не только на черепе одного трупа, но и у других трупов.

Марков: На этот вопрос я отвечаю категорически, что нам был показан только один единственный череп, а именно тот череп, о котором цитируется в протоколе, именно номер 526. Мне неизвестно, чтобы были произведены исследования множества черепов как сказано в протоколе, я считаю, что Орзос не имел возможности сделать это, исследовать много трупов в Катынском лесу, так как он прибыл с нами и уехал с нами, то есть он оставался в Катынском лесу столько же времени, сколько и я, и столько же сколько и все остальные члены комиссии.

Штамер: В заключение, я хочу процитировать конец коллективного протокола, где сказано:

«Из показаний свидетелей, из найденных при трупах писем, дневников, газет и т.д., вытекает, что расстрелы были произведены в марте и апреле 1940 года. С этим полностью согласуются описанные в протоколе находки в массовых могилах и состояние отдельных трупов польских офицеров».

Данное заявление верное?

Председатель: Я не совсем понял заявление. Как я услышал прочитанное, это было нечто вроде: «По заявлениям свидетелей, письмам и тому подобном...

Штамер: «...с этим полностью согласуются описанные в протоколе находки в массовых могилах и состояние отдельных трупов польских офицеров». Это конец протокола.

Председатель: Минуточку. Он не говорит о том, что следующие лица полностью согласны, но о том, что следующие факты полностью согласуются с этим. Верно?

Штамер: Нет. Поэтому я задаю вопрос: «Согласны ли вы с таким утверждением?»

Председатель: Да, я знаю, но вы прочли какие-то слова, которые были такими: «С этим полностью согласуются». Я хочу знать, означает ли это, что следующие лица полностью согласны, или следующие факты полностью согласуются с этим.

Штамер: Здесь констатируются определенные факты, это общее заключение которое было подписано всеми членами комиссии. Таким образом, речь идет о научном обосновании с помощью объективной констатации.

Председатель: Вы послушаете то, что прочту из того, что записал? «Из заявлений сделанных свидетелями, из писем и других документов, можно видеть, что расстрелы состоялись в марте и апреле месяце 1940. С этим полностью согласуются». Я спросил вас о том –

[Доктор Штамер пытается прервать]

Председатель: Секундочку, доктор Штамер, послушайте меня. Я спросил: заявление означает, что следующие лица полностью согласны, или что следующие факты полностью согласуются?

Штамер: Нет, нет. Следующие лица заявляют, что эти факты, а именно, то, что расстрел состоялся в марте-апреле 1940, согласуются с выводами, сделанными ими на основании находок в массовых могилах и на отдельных трупах. Вот, что это означает, это конец. То есть произведенные здесь объективные заключения, согласуются с тем, что мы здесь установили. Вот что должно это означать.

Председатель: Продолжайте.

Штамер: Соответствует ли этот окончательный вывод вашим научным убеждениям?

Марков: Я уже сказал, что как раз это утверждение о состоянии трупов, якобы, соответствует состоянию той даты, которая проистекает из свидетельских показаний и документов, находится в противоречии с тем, что я заметил на трупах которые я вскрыл. То есть, я не считал, что данные, которые проистекают из вскрытия трупов соответствуют той дате, которая проистекает из показаний свидетелей, и из документов, в отношении времени наступления смерти. Если бы у меня было убеждение, что состояние трупа соответствует времени наступления смерти, которое было указано немцами, то я дал бы заключение уже ещё в индивидуальном протоколе моего заключения, я бы и дал заключение.

У меня всегда было сомнение, после того как у меня в руках был подписанный протокол, что как раз эта последняя фраза в заключении, то есть фраза непосредственно перед подписями, отсутствовала в том проекте протокола который мы рассматривали на конференции в Смоленске.

Насколько я смог уловить, проект протокола, который вырабатывался в Смоленске, в этом протоколе утверждалось только, что нам были показаны бумаги и были допрошены свидетели, из чего следует, что убийство, якобы, произведены в марте и апреле 1940 года.

Я считал, что как раз это заключение проистекает из немедицинских данных, и не подтверждается текстуально, буквально медицинскими терминами, явилось причиной того, что подписание протокола было замедлено и вообще не было подписано в Смоленске.

Штамер: Господин свидетель, в начале моего допроса вы заявили, что вы полностью осознавали политическое значение вашей задачи. Тогда, почему вы не выступили с возражениями против этого замечания, которое по вашему мнению, не соответствовало вашим научным убеждениям?

Марков: Я сказал, что я подписал протокол, будучи убежден, что при созданной обстановке на этом изолированном военном аэродроме, для меня не было другой возможности. Поэтому я не мог сделать никаких возражений.

Штамер: Почему вы позднее не предприняли никакие шаги?

Марков: Моё поведение после подписания протокола, полностью отвечает тому, что я здесь заявляю, о том, что я действительно не был убежден в правдивости немецкого тезиса. Меня неоднократно приглашали в Берлине директор Диц, в Софии немецкое посольство, и в Болгарии болгарское министерство иностранных дел, чтобы я выступил публично по радио и в печати и чтобы я сказал, что было процитировано при нашем расследовании. Я, однако, не сделал этого и всегда отказывался, потому что при тогдашней политической обстановке в нашей стране, я не мог открыто выступить и заявить, что немецкий тезис неправильный.

По этому вопросу между мной и немецким посольством в Софии были недоразумения. Были крупные разговоры. И когда несколько месяцев позже, надо

было послать снова болгарского представителя, в качестве представителя подобной комиссии, об исследовании трупов в Виннице, в Украине. С немецкой стороны, буквально было сказано со стороны лично немецкого посла Бекерле³⁰⁸ болгарскому министерству иностранных дел, что немцы не желают, чтобы посылали меня для этой анкеты в Виннице.

Это указывает на то, что и с немецкой стороны очень хорошо было понято мое поведение и мое мнение по этому вопросу. По этому вопросу в нашем министерстве иностранных дел, полномочный министр Сарапов имеет сохранившиеся стенограммы, которые если почитаемый суд найдет необходимым, он может затребовать из Болгарии.

Следовательно, все моё воздержание, отказывание после подписания протокола, проводить какую-то ни было деятельность имеющую пропагандистские темы целиком соответствует тому, что я сказал, а именно, что заключение коллективного протокола не отвечает моему убеждению, и снова я повторяю, что если бы у меня было такое убеждение о том, что трупы находились в земле три года, я бы дал это заключение уже при совершении вскрытия трупа, а я не оставил бы свой протокол незаконченным, что абсолютно необычно для судебно-медицинского вскрытия – аутопсии.

Штамер: Протокол был подписан не только вами, а напротив имеет подписи 11 представителей науки, чьи имена вы приводили вчера, у некоторых из них всемирная известность. Среди этих людей учёный из нейтральной страны, профессор Навиль.

Вы воспользовались возможностью связаться с одним из этих экспертов в целях уточнения протокола?

Марков: По каким соображениям, протокол был подписан и остальными делегатами, я естественно не могу сказать, но и они также подписали его при той же обстановке при которой подписал его и я. Однако, когда я косвенно, читаю их отдельные протоколы, я вижу, что они воздерживались от того, чтобы указывать дату, когда был умерщвлен человек труп которого они вскрывали. За исключением, как я уже сказал профессора Милославича, который один утверждает, что труп вскрытие которого он произвел, имеет трехлетнюю давность нахождения в земле...

Штамер: Господин свидетель вы дали два описания...

Марков: ...после подписания протокола я не находился ни в каком контакте ни с кем из этих лиц которые подписали этот коллективный протокол.

Штамер: Господин свидетель, вы дали два описания: одно в протоколе, о котором говорили, а второе – здесь, в зале суда. Какое же из них правильно?

³⁰⁸ Адольф-Хайнц Бекерле (1902 – 1976) – немецкий дипломат. Обергруппенфюрер СА. В 1941-1944 посол Германии в Болгарии. Советским судом был приговорен к 25 годам лишения свободы. В 1955 году передан ФРГ.

Марков: Мне не ясно, о каком втором описании фактов идет речь. Прошу конкретизировать.

Штамер: В протоколе сказано, что согласно заключению, которое тогда было сделано вами, расстрел был произведен три года тому назад. Сегодня же вы сказали, что это утверждение является неправильным, и что между расстрелами и вашим расследованием прошло время примерно в полтора года.

Марков: Я сказал, что заключение коллективного протокола не отвечает моему убеждению.

Штамер: «Не отвечало» или «не отвечает»?

Марков: Это не соответствовало времени, когда было совершено убийство и тогда и сейчас. Не соответствовало моему убеждению.

Штамер: У меня больше нет вопросов.

Смирнов: Господин председатель, я не имею больше вопросов к этому свидетелю.

Председатель: Свидетель, какие-либо тела, которые исследовали члены делегации, эксгумировались в вашем присутствии?

Марков: Вскрытия которые мы совершали, были указаны в верхних слоях уже раскрытых могил и оттуда их вынули и нам дали для совершения вскрытия.

Председатель: По вашему мнению, что-либо указывало на то, что трупы не были захоронены в этих могилах?

Марков: Они, насколько были сохранены слои трупов, они были склеившиеся между собой, так что если бы и происходило какое-либо перемещение, по моему мнению оно не могло быть совершено недавно, непосредственно перед нашим прибытием.

Председатель: Вы имеете в виду, что трупы были захоронены в этих могилах?

Марков: Я не могу сказать, что они были положены в эти могилы, непосредственно после наступления смерти, так как у меня нет никаких данных утверждать это, но они также не имели такого вида, что их положили непосредственно сейчас.

Председатель: По вашему мнению, как эксперта, можно установить тот факт, что трупы были похоронены в марте или апреле, то есть, установить дату с такой точностью, учитывая, что осмотр проводился вами по истечении трехлетнего срока?

Марков: Я думаю, что если основываться на одних судебно-медицинских данных, то есть только на состоянии трупов, нельзя, когда речь идет о годах, невозможно определить такую точную дату с такой точностью, что убийства были совершены в марте или апреле, то есть расстояние с точностью до месяца. Так, что очевидно, что этот март и апрель происходят не от медицинских данных, так как оно не может происходить из них, а происходит из свидетельских показаний и из документов которые были нам показаны.

Председатель: Когда вы вернулись в Софию, вы сказали, что протокол направили вам для того, чтобы вы внесли замечания и поправки и вы ничего не сделали. Почему так получилось?

Марков: Речь идет об индивидуальном протоколе, который я составил. Я его не дополнил заключением, не прибавил заключение, потому что он был послан мне с немцами, и потому что вообще в это время в нашей стране политическая обстановка была такова, что я не мог публично заявить, что тезис немцев неверен.

Председатель: Вы имеете в виду, что вам был послан в Софию только протокол составленный вами лично?

Марков: Да, только мой личный протокол был послан мне в Софию, а коллективный протокол я привез с собой в Софию и передал его нашему министерству иностранных дел.

Председатель: Ваш личный протокол, в тех словах как вы его составили, включён в состав общего протокола подписанного всеми делегатами?

Марков: В моём личном протоколе имеется описание лишь трупа и одежды которая была на нём.

Председатель: Я спросил не об этом.

Марков: Такое описание в коллективном протоколе сделано лишь в общих чертах в отношении одежды и степени разложения.

Председатель: Что же вы имеете в виду, что ваш личный протокол...

Марков: Я считаю, что личные протоколы являются как раз более точными в отношении состояния трупов, тем более, что они были составлены во время самих вскрытий и они были продиктованы на месте машинисткам.

Председатель: Просто послушайте вопрос, пожалуйста. Ваш личный протокол, в тех словах в которых вы его подготовили, включён в коллективный протокол такими же словами?

Марков: Мой личный протокол не включен в общий протокол, но он включен в книгу которую немцы напечатали вместе с общим протоколом.

Председатель: Значит он в отчёте, это так? Он в «Белой книге»?

Марков: Совершенно верно. Он включён в эту книгу.

Председатель: Свидетель может удалиться. Да, полковник Смирнов, у вас есть ещё один свидетель?

Смирнов: Да, господин председатель, я прошу вас о вызове для допроса в качестве свидетеля, профессора судебной медицины Прозоровского Виктора Ильича.

[Вводят свидетеля]

Председатель: Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

Прозоровский: Прозоровский Виктор Ильич.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом высокого суда говорить все, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавить и не утаить».

[Свидетель повторяет слова присяги]

Председатель: Вы можете сесть.

Смирнов: Свидетель, перед началом допроса, я прошу вас придерживаться следующего порядка ответов. После моего вопроса, делайте паузу потому, что ваши показания переводятся, и говорите как можно медленнее.

Я прошу вас сообщить суду в самой краткой форме сведения о вашей научной специальности и о практическом стаже вашей работы в качестве судебного медика.

Прозоровский: По образованию я врач, профессор судебной медицины, доктор медицинских наук, главный судебно-медицинский эксперт министерства здравоохранения СССР, директор Научно-исследовательского института судебной медицины министерства здравоохранения СССР. В порядке научно-общественной деятельности являюсь председателем судебно-медицинской комиссии ученого медицинского совета министерства здравоохранения СССР.

Смирнов: Стаж вашей работы в качестве судебного медика?

Прозоровский: Практический стаж моей работы 17 лет.

Смирнов: В чем заключалось ваше участие в расследовании массовых убийств гитлеровскими преступниками польских офицеров в Катынском лесу?

Прозоровский: Председатель специальной комиссии по расследованию и установлению обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками польских офицеров в начале января 1944 года академик Николай Нилович Бурденко³⁰⁹ предложил мне возглавить судебно-медицинскую экспертную комиссию. Помимо этой организационной деятельности, я принимал непосредственное участие в эксгумациях и исследовании этих трупов.

Смирнов: Имеете ли вы опыт...

Председатель: Полковник Смирнов, вероятно сейчас хорошее время, чтобы прерваться.

[Объявлен перерыв до 14 часов]

---

³⁰⁹ Бурденко Николай Нилович (1876 — 1946) — русский и советский хирург, организатор здравоохранения, основоположник советской нейрохирургии, главный хирург Красной Армии в 1937—1946 годы, академик АН СССР (1939), академик и первый президент АМН СССР (1944—1946), Герой Социалистического Труда (1943), генералполковник медицинской службы, участник русско-японской, Первой мировой, советско-финской и Великой Отечественной войн, лауреат Сталинской премии (1941).

Вечернее заседание

Пристав: С позволения трибунала, подсудимые Гесс, Фриче и фон Риббентроп отсутствуют.

Смирнов: Разрешите продолжить допрос, господин председатель?

Председатель: Да.

Смирнов: Свидетель, я прошу вас сказать, далеко ли от города Смоленска были размещены места захоронения трупов?

Прозоровский: 14 января 1944 года судебно-медицинская экспертная комиссия совместно с членами специальной комиссии - академиком Бурденко, академиком Потемкиным³¹⁰, академиком Толстым³¹¹ и другими членами этой комиссии выехали на место захоронения польских офицеров в так называемый Катынский лес. Это место расположено в 15 километрах от города Смоленска. Метрах в двухстах от Витебского шоссе располагались эти могилы, на покатом холме. Одна могила была размерами 60 на 60 метров, другая могила в некотором отдалении от этой большой могилы размерами 7 на 6 метров.

Смирнов: Какое количество трупов подверглось эксгумации возглавляемой вами комиссией?

Прозоровский: В Катынском лесу судебно-медицинской экспертной комиссией было эксгумировано и исследовано с различных участков и различной глубины могил 925 трупов.

Смирнов: Как были организованы работы по эксгумации и какой круг сотрудников был привлечен вами к этим работам?

Прозоровский: В судебно-медицинскую комиссию вошли специалисты - судебно-медицинские эксперты, которые в сентябре - октябре месяце 1943 года эксгумировали и исследовали трупы жертв, погибших от расстрела немцев, в эту комиссию вошли...

Смирнов: В каком месте они исследовали трупы?

Прозоровский: Они исследовали в городе Смоленске и его окрестностях. В эту комиссию вошли: профессор Прозоровский, профессор Смольянинов³¹², старший научный сотрудник Научно-исследовательского института судебной медицины,

³¹⁰ Потёмкин Владимир Петрович (1874 —1946) — советский государственный и партийный деятель, историк, педагог, дипломат, действительный член АН СССР. Народный комиссар просвещения РСФСР в 1940-1946 гг.

³¹¹ Толстой Алексей Николаевич (1882 —1945) — русский и советский писатель и общественный деятель из рода Толстых. Автор социально-психологических, исторических и научно-фантастических романов, повестей и рассказов, публицистических произведений.

³¹² Смольянинов Виктор Михайлович (1898 – 1981) – доктор медицинских наук, профессор. В 1949-1979 заведующий кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института.

старейший судебно-медицинский эксперт доктор Семеновский³¹³, профессор патологической анатомии Воропаев, профессор судебной химии Швайкова³¹⁴, которая была приглашена для судебно-химических консультаций и судебно-химических исследований. В помощь этой комиссии были привлечены также судебно-медицинские эксперты - военные, в числе их были: Никольский, кандидат медицинских наук, доктор Субботин...

Смирнов: Свидетель, вряд ли суд интересуется перечисление всех фамилий.

Прозоровский: Хорошо.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос. Какой метод исследования трупов был принят вами? Я понимаю под этим следующее. Снималась ли одежда с трупов, ограничивались ли вы внешним осмотром мертвого тела или производилась полная медицинская секция трупа - каждого трупа из 925 извлеченных?

Прозоровский: После извлечения из могил трупов они подвергались тщательному осмотру, в частности одежда, затем производился наружный осмотр трупа, затем подвергались полному судебно-медицинскому исследованию все три полости трупа это черепной полости, грудной и брюшной, а также подвергались детальному исследованию все внутренние органы этих полостей.

Смирнов: Я прошу вас ответить: извлеченные из мест захоронений трупы имели на себе следы ранее произведенного медицинского исследования?

Прозоровский: Из 925 трупов, которые мы исследовали, только три из них были вскрыты, и то частично - черепа. Остальной какой-либо судебно-медицинской деятельности заметно не было, так как одежда на них была надета; кители, в частности кители, были застегнуты, брюки застегнуты, рубашки застегнуты, помочи пристегнуты были, шарфы, которые имелись на трупах и галстуки были повязаны вокруг шеи. И второе то, что ни в области головы, ни в области туловища никаких ни разрезов ни надрезов, ни каких-либо других действий судебно-медицинских не было обнаружено. Этим самым исключается, что эти трупы подвергались какому-либо судебно-медицинскому исследованию.

Смирнов: При судебно-медицинском исследовании, производимым вашей комиссией, вскрывались и черепа жертв?

Прозоровский: Обязательно. При исследовании каждого трупа череп распиливался и исследовалось содержимое черепной полости.

Смирнов: Вам известен термин псевдокаллус?

Прозоровский: В частности, о нем я узнал, когда получил книгу в институт судебной медицины, в библиотеку, это в 1945 году.

Смирнов: Говорите медленнее, свидетель.

³¹³ Семеновский Пётр Сергеевич (1883 — 1959) — российский и советский судебный медик, один из пионеров отечественной криминалистики; консультант Московской Городской судебно-медицинской экспертизы судебно-медицинский эксперт, профессор.

³¹⁴ Швайкова Мария Дмитриевна (1905 – 1978) - доктор биологических наук, профессор.

Прозоровский: До этого у нас, в частности, в Советском Союзе, ни один судебно-медицинский эксперт таких явлений не наблюдал.

Смирнов: Среди вскрытых 925 черепов много ли было с явлениями псевдокаллуса?

Прозоровский: Никто из судебно-медицинских экспертов при исследовании этих 925 трупов каких-либо известковых отложений на внутренней поверхности черепа или на каком-либо участке головного мозга не обнаружил.

Смирнов: Таким образом, ни одного черепа с явлениями псевдокаллуса не было?

Прозоровский: Нет.

Смирнов: Подвергалась ли исследованиям одежда трупов?

Прозоровский: Как я уже сказал, что эта одежда подвергалась тщательному исследованию.

Смирнов: Я прошу вас говорить медленнее.

Прозоровский: Эта одежда подвергалась тщательному исследованию. По поручению специальной комиссии, в присутствии членов ее, как, например, митрополита Николая³¹⁵, академика Бурденко и других...

Смирнов: Медленнее говорите.

Прозоровский: ...и других членов, судебно-медицинские эксперты исследовали, осматривали эту одежду; карманы, в частности, брюк, кителей, шинелей, как правило, были вывернуты, разрезаны или разорваны. Это свидетельствовало о том, что производился обыск. Сама одежда, в частности шинели, кители, брюки и верхнее белье, были влажные, пропитанные трупной жидкостью. При значительном усилии руками не поддавалась эта одежда разрыву.

Смирнов: Таким образом, ткань исследуемой одежды была крепкой на разрыв?

Прозоровский: Эта ткань одежды была очень крепкая и замарана, конечно, землей.

Смирнов: При эксгумации производили ли вы осмотр карманов одежды и находили ли там какие-либо документы?

Прозоровский: Как я сказал, что большинство карманов были разрезаны и вывернуты, но некоторые карманы остались целы. В этих карманах, а также под подкладкой кителей, брюк были обнаружены, как например, записки, брошюры, газеты, открытые и закрытые почтовые карточки, папиросная бумага, мундштуки, трубки и т. д., даже были обнаружены и ценности - слиток золота и золотые доллары.

Смирнов: Эти детали не имеют отношения к делу, свидетель. Я прошу вас воздержаться от них, я прошу вас ответить на следующий вопрос: были ли обнаружены в одежде трупов документы, датированные концом 1940 года и 1941 годом.

---

³¹⁵ Митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич; 1891 — 1961) — епископ Русской православной церкви, митрополит Крутицкий и Коломенский. Проповедник и богослов, педагог. Первый председатель новообразованного отдела внешних церковных сношений Московского патриархата (с апреля 1946 года).

Прозоровский: Да, были, в частности, мною были обнаружены некоторые документы и другими судебно-медицинскими экспертами, как, например, профессором Смольяниновым, было обнаружено у одного трупа письмо на русском языке. Отправительницей этого письма некая София Зигонь, направляет письмо в Москву в адрес Красного Креста с просьбой сообщить местопребывание ее мужа Томаша Зигоня. Дата проставленная на этом письме от 12 сентября 1940 года. Помимо этого, на конверте имелся штамп почтовый: «Варшава. Сентябрь месяц. 1940 год», а также штамп московского почтамта, датированный 28 сентября 1940 года.

Следующий документ такого же порядка был обнаружен как открытка из Тарнополя со штампом; «Тарнополь 12 ноября 1940 года».

Затем были обнаружены квитанции с датами, в частности, на имя, если я не путаю, Орашкевича, кажется, о приеме от него денег на хранение с датой 6 апреля 1941 года. На его же имя была обнаружена другая квитанция, также о приеме денег на хранение, датированная 5 мая 1941 года.

Затем мною лично было обнаружено письмо с датой от 20 июня 1941 года на имя Ирины Тучинской. И ряд других такого же порядка документов.

Смирнов: Были ли извлечены при судебно-медицинском исследовании трупов стреляные гильзы и пули от патронов? Я прошу вас сообщить, какой фирмы были эти стреляные гильзы и патроны - советской фирмы или иностранной. Если иностранной, то какой, какого калибра.

Прозоровский: Причиной смерти польских офицеров служили пулевые огнестрельные ранения головного мозга. При слепых огнестрельных ранениях мы обнаруживали в веществе мозга, в костях черепа или под мягкими тканями пули, которые были или деформированы или мало деформированы. В отношении гильз. При раскопках действительно были найдены пистолетные гильзы германского производства, так как на них, на донышке гильзы, была указана фирма «GECO³¹⁶».

Смирнов: Одну минутку, свидетель. Я оглашу вам сейчас один подлинный немецкий документ, за которым прошу следить. Господин председатель, я прошу разрешения суда предъявить сейчас по ходу допроса документ, любезно предоставленный нам нашими американскими коллегами. Это документ за номером PS-402. Я предъявляю его под номером СССР-507. Это немецкая переписка о Катыни. Здесь серия телеграмм, причем телеграммы эти отправлены каким-то германским чиновником, чиновником Генерал-губернаторства по фамилии Герих правительство генерал-губернатора.

Это подлинные документы, которые я передаю суду. Я оглашаю только один документ очень короткий, связанный с патронами, обнаруженными в массовых

---

³¹⁶ Немецкая компания производитель боеприпасов, названа в честь основателя Густава Генша (1862 – 1940), существовала в 1906-1963.

могилах. Я начинаю цитату. Телеграмма адресована: «В правительство Генерал-губернаторства. Главному управлению внутренней администрации. Первому старшему административному советнику Вейраух³¹⁷. Краков.

«Молния. Секретно.

Часть делегации польского Красного Креста вчера возвратилась из Катыни. Сотрудники польского Красного Креста привезли с собой гильзы патронов, использовавшихся при расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это - немецкие боеприпасы. Калибр 7.65, фирма «GECO». Письмо следует. Герих».

Обнаруженные вами в массовых могилах патроны были той же германской фирмы и того же калибра или нет?

Прозоровский: Как я указал, пули, найденные при слепых огнестрельных ранениях, были калибром 7.65, гильзы, найденные при раскопках, имели фирму «GECO».

Смирнов: Я прошу вас подробно описать состояние тканей тела и внутренних органов трупов, извлеченных из могил в Катыни.

Прозоровский: Кожные покровы трупов и внутренние органы их находились в хорошей степени сохранности. Мышцы туловища и конечностей сохранили свою структуру. Мышцы сердца на разрезах также имели свою характерную структуру. Вещество головного мозга в некоторых случаях подверглось гнилоственному изменению, в большинстве же случаев сохраняло свои структурные особенности с ясно выраженными границей белого и серого вещества. Изменения внутренних органов главным образом, изменения их были в их дряблости и уменьшении размеров. Волосы головы при незначительном усилии легко отделялись.

Смирнов: При исследовании трупов, к какому заключению пришли вы о времени наступления смерти и времени захоронения жертв?

Прозоровский: Основываясь на полученном мною опыте, опыте Смольянинова, Семеновского и других...

Смирнов: Одну минутку, свидетель. Я прошу вас, рассказать кратко чрезвычайно суду, какой это опыт. Какое количество трупов за время войны в различных местах захоронения было эксгумировано лично вами или при вашем участии?

Прозоровский: Во время Великой Отечественной войны мне пришлось быть судебно-медицинским экспертом при эксгумации и исследовании трупов жертв, расстрелянных немцами. Эти расстрелы были, где я участвовал как судебно-медицинский эксперт по следствию, в городе Краснодаре и его окрестностях, в городе Харькове и его окрестностях, в городе Смоленске и его окрестностях, в

³¹⁷ Лотар Вейраух (1908 – 1983) – немецкий юрист и политик. В 1941-1945 начальник отдела населения и социального обеспечения в правительстве Генерал-губернаторства.

лагере смерти, так называемом Майданеке³¹⁸, близ Люблина. Так что, в общей сложности при моем участии было эксгумировано и исследовано более 5000.

Смирнов: Так вот, основываясь на вашем опыте и объективных наблюдениях, к какому заключению вы пришли о времени наступления смерти и времени захоронения катынских жертв?

Прозоровский: То, что я сейчас сказал, это относится и ко многим моим коллегам, которые участвовали при этих эксгумациях. И все судебно-медицинские эксперты, т. е. комиссия в целом, пришла к единому мнению о том, что захоронение польских офицеров в катынских могилах было произведено около двух лет тому назад, считая от января месяца 1944 года, то есть падает на период осени 1941 года.

Смирнов: Дает ли возможность, объективная картина состояния трупов допустить, что они были захоронены в 1940 году?

Прозоровский: Сравнительное судебно-медицинское изучение трупов похороненных в Катынском лесу, сопоставляя с картиной трупных изменений, предшествующих проведенных нами многочисленных эксгумаций, да при учете вещественных доказательств, дало нам полное основание заключить, что срок захоронения не ранее как осень 1941 года.

Смирнов: Таким образом, 1940 год исключается?

Прозоровский: Таким образом, 1940 год исключается полностью.

Смирнов: Насколько я вас понял, вы являлись, кроме Катыни, судебно-медицинским экспертом по делу о других расстрелах в районе Смоленска? Это правильно?

Прозоровский: В районе города Смоленска и его окрестностей при моем участии было эксгумировано и исследовано 1173 трупа...

Смирнов: Кроме Катыни?

Прозоровский: Кроме Катыни. Извлеченных из 87 мест захоронения.

Смирнов: К каким приемам маскировки массовых могил прибегали учинявшие расстрелы немцы в других массовых могилах близ Смоленска?

Прозоровский: В частности, в окрестностях Смоленска, в Геденовке был применен метод маскировки могил. Этот метод заключался в том, что на верхний слой земли этих могил накладывался дерн. Были случаи также в Геденовке, что на некоторых могилах были высажены деревца, а также мелкий кустарник, для маскировки. Помимо этого, в частности, в пионерском саду, так называемом, в городе Смоленске, могилы были замощены кирпичом – дорожки устраивали.

Смирнов: Вами было эксгумировано более 5000 трупов в различных местах Советского Союза?

Прозоровский: Да.

---

³¹⁸ Майданек, также концентрационный лагерь Люблин — лагерь смерти Третьего Рейха на окраине польского города Люблина.

Смирнов: От каких причин следовала смерть жертв в подавляющем большинстве случаев?

Прозоровский: В подавляющем большинстве случаев причиной смерти являлось огнестрельное пулевое ранение в голову, в область затылочной кости.

Смирнов: Картина смерти жертв в Катыни являлась сходной или нет с картиной смерти в других местах массовых расстрелов?

Прозоровский: Все расстрелы были произведены одним методом это выстрел в затылок в упор или на близком расстоянии. Выходные отверстия, как правило, находились в лобной кости или в области лица.

Смирнов: Я оглашаю последний абзац из вашего акта по Катыни, приведенного в сообщении Чрезвычайной государственной комиссии. Это один абзац:

«Экспертная комиссия отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах: Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже».

Вы подтверждаете это положение или нет?

Прозоровский: Да, это был типичный метод расстрела всех жертв, немецкого уничтожения мирных граждан.

Смирнов: Я не имею больше вопросов к свидетелю, господин председатель.

Штамер: Свидетель, где ваше постоянное место жительства?

Прозоровский: Я уроженец города Москвы и постоянно проживаю в городе Москве.

Штамер: Сколько вы работаете в комиссариате здравоохранения?

Прозоровский: Работаю в органах здравоохранения, комиссариате, в настоящее время министерстве здравоохранения, с 1931 года. До этого я был аспирантом на кафедре судебной медицины Второго Московского университета.

Штамер: В этой комиссии были иностранные учёные?

Прозоровский: В этой комиссии иностранных судебно-медицинских экспертов не было, но производство исследования и эксгумация этих трупов были доступны для каждого желающего посмотреть, а также приезжали на место раскопок иностранные журналисты, по-моему в количестве 12 человек, которым я лично демонстрировал трупы, места захоронений, одежду и т.д., что их интересовало.

Штамер: Были ли среди них иностранные ученые?

Прозоровский: Я еще раз повторяю, что членами судебно-медицинской комиссии никаких специалистов кроме советских не было.

Штамер: Вы можете назвать имена сотрудников прессы?

Председатель: Доктор Штамер, он приводил длинный список имен ранее и его остановил его представитель.

Почему вы качаете головой?

Штамер: Господин председатель, я не понял какой список фамилий? Он привёл список членов комиссии. Мой вопрос такой: свидетель сказал, что присутствовали зарубежные корреспонденты и что результаты расследования были им представлены. Я прошу назвать имена этих иностранных журналистов.

Председатель: Что же, продолжайте.

Штамер: Пожалуйста, назовите мне фамилии журналистов, или хотя бы имена тех кто присутствовал и кому вы представляли результаты осмотра?

Прозоровский: К сожалению, я сейчас, вам этого назвать не могу, но думаю, что я, если это понадобится, можно будет представить, я найду все те фамилии лиц иностранных корреспондентов которые присутствовали при эксгумации и исследовании трупов.

Штамер: Данные относительно количества эксгумированных и исследованных вами трупов, согласно моим запискам, несколько изменились. Возможно, я неправильно расслышал это. Однако один раз вы говорили о 5000, а другой раз о 925. Какое количество правильно?

Прозоровский: Вы не разобрались, я говорил точно, что эксгумировано было 925 трупов в катынских могилах, а вообще в моем присутствии во многих городах Советского Союза после освобождения от немцев было эксгумировано и исследовано более 5000.

Штамер: Вы лично присутствовали при раскопке могил?

Прозоровский: Да.

Штамер: Сколько времени ушло на работу по эксгумациям?

Прозоровский: Как я сказал, что 14 числа на место могил выехала группа судебно-медицинских экспертов совместно с членами специальной комиссии.

Председатель: Могли бы вы просто сказать, сколько она длилась – вся эксгумация? Другими словами, сколько это заняло?

Прозоровский: Хорошо. Непосредственно занимались эксгумацией, в частности исследованием трупов с 16 по 23 января 1944 года.

Штамер: Вы обнаружили только польских офицеров?

Прозоровский: Все трупы, за исключением двух, которых мы обнаружили в гражданской одежде, были польского обмундирования принадлежащего польской армии.

Штамер: Вы произвели расследование, в каком лагере находились эти польские офицеры первоначально?

Прозоровский: В круг моей деятельности такого порядка работа не входила. А входила, только, исключительно судебно-медицинская связанная с трупами.

Штамер: Вы также не узнавали другим способом, в каком лагере находились раньше эти офицеры?

Прозоровский: В частности, я могу сказать, что при обнаружении квитанции с датами 1941 года, там указано, что деньги приняты номер 1-ОН, надо полагать, что это номер лагеря особого назначения, наверное, так.

Штамер: Вам известен Козельский лагерь?

Прозоровский: Только слыхал. Там я не был.

Штамер: Вам известно, что в нём в качестве военнопленных содержались польские офицеры?

Прозоровский: Я могу сказать то, что я слышал, что да. Лично сам я не видел и не был в той местности.

Штамер: Вы слышали, что-либо о судьбе этих офицеров?

Прозоровский: Я о них ничего не могу сказать, так как я следствие не вел, но я рассказал о судьбе тех офицеров которые были обнаружены в катынских могилах.

Штамер: Сколько всего офицеров вы обнаружили в захоронениях Катыни?

Прозоровский: Детально, мы не делили по чинам и званиям эксгумированных трупов, а в общем количестве было 925 которые мы эксгумировали и исследовали.

Штамер: Это была большая часть захороненных трупов?

Прозоровский: Очень много людей, у многих трупов на шинелях погоны и на кителях, на погонах были, как правило, различные знаки отличия, видимо офицерского чина, я лично не разбирался в них и по настоящее время не мог бы различить чин или звание польского офицера.

Штамер: Где находятся документы, которые были обнаружены при польских военнопленных?

Прозоровский: Исследование и осмотр одежды производился по поручению специальной комиссии судебно-медицинскими экспертами, и эти эксперты при нахождении документов, осмотре их, передавали присутствовавшим членам специальной комиссии, или академику Бурденко, или академику Толстому, или академику Потёмкину и т.д. И видимо, сейчас находятся эти документы в Чрезвычайной комиссии.

Штамер: Вы, таким образом, придерживаетесь того мнения, что на основании медицинского исследования трупов можно точно определить время, когда было совершено убийство?

Прозоровский: Мы, все члены комиссии, когда устанавливали дату захоронения этих трупов, мы исходили из предшествующего опыта многочисленных раскопок и также вещественных доказательств, которые были обнаружены судебно-медицинскими экспертами, и это дало возможность установить категорически, что польские офицеры были расстреляны осенью 1941 года.

Штамер: Я спросил, могли ли вы установить и установили ли вы это на основании медицинского исследования трупов?

Прозоровский: Я ещё раз могу подтвердить, то, что я сказал. Имея большой опыт массовых эксгумаций мы пришли к этому заключению, но и в подтверждение у нас были вещественные доказательства на основании чего мы и пришли к данному сроку захоронения польских офицеров то есть к осени 1941 года.

Штамер: У меня больше нет вопросов к свидетелю. Господин председатель, я хотел бы еще сделать заявление по поводу документа, который был только, что предъявлен здесь. У меня лишь простая копия, которая подписана неким Генрихом. Я не видел оригинала этого документа.

Председатель: Думаю оригинал здесь.

Штамер: Благодарю вас, господин председатель.

Председатель: Да, полковник Смирнов желает повторно допросить?

Смирнов: Господин председатель, я не имею больше вопросов к этому свидетелю, но с разрешения суда, я прошу разрешение сделать такого содержания короткое замечание.

Нам пришлось выбирать из 120 свидетелей допрошенных по Катынскому делу только трех. Если суд заинтересуют показания любых других свидетелей упомянутых в сообщении Чрезвычайной комиссии, то по большинству из них мы имеем надлежаще оформленные аффидевиты, которые могут быть представлены по первому требованию суда и любое из этих лиц также по требованию суда, может быть вызвано в судебное заседание.

Это все, что я имел заметить, господин председатель.

Председатель: Доктор Штамер?

Штамер: Я не возражаю дальнейшему представлению доказательств при соблюдении принципа равенства; то есть, если и я, также, получу возможность представить дальнейшие доказательства. Я также могу вызвать в суд свидетелей и экспертов.

Председатель: Трибунал уже принял решение. Он не будет заслушивать дальнейшие доказательства.

Штамер: Спасибо.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Трибунал желает выслушать доктора Бергольда по поводу завершения дела подсудимого Бормана и трибунал также понимает, что защитник подсудимого фон Нейрата имеет кое-какие документы которые желает представить.

Доктор фон Людингхаузен, вы имеете какие-то документы по фон Нейрату?

Людингхаузен: Да.

Председатель: Вы их представите?

Людингхаузен: Господин председатель, я имею два типа документов. Один тип документов которые я уже предъявил в качестве своих документов и на которые я обратил внимание суда. Все они в документальных книгах, которые предъявлены суду и мне кажется, будет достаточно передать эти документы генеральному секретарю.

Председатель: Доктор Людингхаузен, вы уже предъявили их в качестве доказательства и все они имеют номера, не так ли?

Людингхаузен: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Людингхаузен: Тогда я имею номера документов, наверное 12 или 15, которые также включены в мои документальные книги, в переводе. Однако, я пока не называл эти документы в ходе своей недавней презентации и пока не просил суд вынести о них судебное уведомление. Если можно сослаться на них кратко, они следующие:

Письмо фон Нейрата Гитлеру от 19 июня 1933.

Копия стенограммы о выходе из межсоюзной военной комиссии в 1926.

Речь...

Председатель: Будьте любезны присвоить им номера экземпляров, которые они должны иметь как доказательства.

Людингхаузен: Да.

Председатель: Первое это письмо Гитлеру от 19 июня 1933. Какой номер вы ему присвоите?

Людингхаузен: Номер 12.

Номер 32, стенограмма о выходе из межсоюзной военной комиссии³¹⁹.

Номер 50, выступление премьер-министра Макдональда³²⁰ от 16 марта 1933.

Номер 51, статья фон Нейрата о Лиге наций, в журнале «Der Volkerbund»³²¹ от 11 мая 1933.

Номер 52, выступление Гитлера от 17 мая 1933, так называемая «мирная речь».

Номер 53, заявление германского посла Надольни³²² в Женеве от 19 мая 1933.

Номер 54, заявление американского представителя Нормана Дэвиса³²³ на

³¹⁹ Органы контроля за разоружением Германии созданные после Первой мировой войны державами-победительницами.

³²⁰ Джеймс Макдональд (1866 — 1937) — британский политический и государственный деятель, трижды занимал пост 48-го, 56-го и 58-го премьер-министра Великобритании в 1924, 1929—1931 и 1931—1935 годах (в 1931 году подал в отставку с поста главы кабинета лейбористов и в тот же день был назначен главой коалиционного правительства). Один из лидеров и основателей Лейбористской партии.

³²¹ «Лига наций» (нем.)

³²² Рудольф Надольни (1873 – 1953) – немецкий разведчик и дипломат. Представитель Германии на Конференции по разоружению в 1932-1933.

³²³ Норман Дэвис (1878 – 1944) - американский дипломат. В 1932-1933 представитель США на Конференции по

Конференции о разоружении от 22 мая 1933.

Номер 55, заявление германского посла Надольни, на Конференции по разоружению от 27 мая 1933.

Номер 81, выступление тогдашнего министра Бенеша от 2 июля 1934.

Номер 82, фрагмент из выступления маршала Петэна³²⁴ от 22 июля 1934.

Номер 83, коммюнике правительства Рейха от 26 июля 1934.

Номер 85, коммюнике правительства Рейха от 10 сентября 1934.

Номер 86, выступление господина фон Нейрата от 17 сентября 1934.

Номер 88, фрагменты из выступления маршала Смэтса³²⁵ от 12 ноября 1934.

Номер 119, заявление британского министра в Палате общин от 20 июля 1936.

Это документы которые я ещё не называл, но которые уже содержались в моей документальной книге. Господин председатель, могу я пользуясь случаем заявить следующее ходатайство, а именно: суд...

Председатель: Все эти документы переведены не так ли, доктор Людингхаузен?

Людингхаузен: Да, все они включены, в переводе, в документальные книги которые предъявлены.

Господин председатель, могу я сейчас заявить суду ходатайство? Оно о том, чтобы суд разрешил мне снова вызвать подсудимого фон Нейрата для дачи показаний, по следующим причинам. Как можно вспомнить, в ходе перекрёстного допроса сэром Дэвидом Максвеллом-Файфом подсудимому был предъявлен документ PS-3859, который был фотокопией письма подсудимого датированного 31 августа 1940 начальнику рейхсканцелярии Ламмерсу, с двумя приложениями. В данном письме подсудимый просил Ламмерса представить Гитлеру два приложения и организовать если возможно, личное совещание или беседу по вопросу предполагаемой германизации упоминаемой в нём. Два приложения из данного письма являются докладами и предложениями о будущей форме Протектората и касаются ассимиляции или возможной германизации чешского народа.

Суд вспомнит, что представление этого довольно обширного документа — это 30 или 40 страниц в фотокопии, если не больше — удивило подсудимого, и тогда он не смог вспомнить вопрос достаточно ясно, для того, чтобы незамедлительно дать положительную и исчерпывающую информацию о данных

разоружению.

³²⁴ Анри-Филипп Петэн (1856 —1951) — французский военный и государственный деятель; маршал Франции (21 ноября 1918); видный участник Первой мировой войны. В 1940—1944 годах возглавлял авторитарное коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши. Французским судом был приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным заключением. Освобожден досрочно.

³²⁵ Ян Смэтс (1870 —1950) — южноафриканский государственный и военный деятель, премьер-министр Южно-Африканского Союза с 3 сентября 1919 по 30 июня 1924 и с 5 сентября 1939 по 4 июня 1948 года. Фельдмаршал (24 мая 1941 года). Принимал участие в создании Устава Лиги Наций — в частности, предложил мандатную систему.

документах. Вместе с тем в перекрестном допросе, после очень короткого просмотра этих докладов, он выразил сомнения в том, идентичны ли эти доклады, представленные здесь в фотокопии, докладам которые прилагались, по его указаниям, в письме которое Ламмерс должен был представить Гитлеру. Внимательное изучение этих фотокопий было невозможно в ходе перекрёстного допроса; и конечно, я сам, поскольку не знал документы, не смог их прокомментировать. Поскольку господин фон Нейрат очевидно был переутомлён и измотан после перекрёстного допроса, мне было невозможно изучить вопрос и обсудить его с ним в этот же день; это оказалось возможно лишь на следующий день.

Председатель: Да, доктор фон Людингхаузен, подсудимый может быть вызван для цели опроса об этих двух документах; но конечно, это исключительный случай, который разрешён единично, потому что повторный допрос позволяет защитнику вносить ясность.

Людингхаузен: Да.

Председатель: Вы можете вызвать его.

[Подсудимый фон Нейрат вернулся на место свидетеля]

Председатель: Вы конечно же находитесь под присягой.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, вы припоминаете причину своего письма доктору Ламмерсу от 31 августа 1940 и вашу просьбу ему организовать совещание - беседу с Гитлером?

Нейрат: Да. Как я сказал во время своего допроса, в течение лета 1940 я узнал о том, что различные ведомства Рейха и партии, среди прочего, особенно гауляйтеры соседних гау и Гиммлер, направили более или менее радикальные доклады и предложения Гитлеру. Я знал о том, что Гиммлер особенно, вносил довольно крайние предложения о расчленении района Протектората и полного уничтожения чешской земли и народа. Эти ведомства призывали Гитлера ввести эти планы в действие как можно скорее.

Поскольку как я уже подчёркивал, я возражал таким планам, и напротив, хотел сохранить чешский народ и землю и защитить их от намерений Гиммлера и его компаньонов уничтожить их, я решил предпринять попытку убедить Гитлера не осуществлять никакие планы по германизации, а запретить им и издать категорический приказ об этом партии и её ведомствам.

Людингхаузен: Вы припоминаете как возникли эти два доклада, которые должны были включить в ваше письмо Ламмерсу?

Нейрат: Насколько я могу вспомнить, дело было так: либо я сам продиктовал доклад или один из моих сотрудников подготовил его согласно моим указаниям; мне кажется имело место второе. Но я точно помню, что этот доклад был гораздо

короче чем тот, фотокопию которого представили. Более того, я помню, что выводы сделанные в нём были похожими, но гораздо острее и что в целом проблему нужно было рассматривать очень внимательно.

Людингхаузен: Теперь расскажите нам, как и почему был подготовлен второй доклад Франка.

Нейрат: Из различных дискуссий с Франком я знал, что он тоже возражал расчленению территории Протектората и эвакуации чешского населения как предлагал Гиммлер и о том, что он разделял мои мнения, по крайней мере в такой мере. Поэтому я считал подходящим, поскольку Гитлер приставил ко мне Франка в качестве государственного секретаря, потому что он очень хорошо знал чешскую страну и народ, заметить Гитлеру, что и этот человек тоже возражал планам Гиммлера и рекомендовал Гитлеру не принимать их.

Людингхаузен: Но по какой причине вы особо подчеркнули в своём письме к Ламмерсу, что вы разделяли мнения выраженные в докладе Франка?

Нейрат: Я посчитал правильным сделать это, потому что Франк был членом СС и подчиненным и доверенным лицом Гиммлера. С другой стороны, тогда я уже знал о том, что Гитлер был предубеждён против меня, из-за моего отношения к чешскому народу, которое он считал слишком мягким и снисходительным; и поэтому я был убеждён в том, что вместе с Франком у меня больше шансов повлиять на Гитлера в пользу моего хода мысли чем если бы я пошел в одиночку. По этой же самой причине, я не написал напрямую Гитлеру, как обычно делал, а Ламмерсу. Согласно предыдущему опыту, я был склонен полагать, что если бы я написал напрямую Гитлеру, который к тому же не был в то время в Берлине, он бы так или иначе не прочитал доклад или же сказал о нём Гиммлеру.

Людингхаузен: Как получилось, что это письмо Ламмерсу и его приложения подготовили в вашем ведомстве?

Нейрат: Мне представили доклад Франка. Затем я продиктовал своё письмо Ламмерсу и отправил его вместе с моим докладом и проектом Франка обратно в ведомство Франка для окончательного просмотра и передачи письма Ламмерсу вместе с обеими версиями. Я не видел письма Ламмерсу и двух докладов вместе ни до того как они были отправлены как и не видел их, кстати, в Берлине на совещании с Гитлером.

Людингхаузен: Последний вопрос. Как вы пришли к убеждению о том, что фотокопии, представленные здесь, о двух докладах не могут быть идентичными докладам, которые прилагались к письму Ламмерсу, согласно вашим указаниям?

Нейрат: Что касается первого доклада, который я подготовил, я уже заявил, что по моим воспоминаниям он был гораздо короче чем представленный мне в фотокопии. Более того, данная фотокопия не содержит моей подписи, даже моих инициалов. Не может быть речи, что окончательная копия данного доклада, которую моё ведомство приложило к письму Ламмерсу, не была бы подписана

или, по крайней мере, не имела моих инициалов; и удостоверение копии, что довольно характерно, содержащееся в этом докладе которое подготовлено оберштурмбаннфюрером СС, не подписано. Фотокопия, которая якобы прилагалась к письму Ламмерсу даже не содержит мои инициалы. Однако, самая заметная вещь это удостоверение копии на фотокопии. Это может иметь смысл только если документ прилагаемый к письму Ламмерсу несмотря на отсутствие моей подписи, вместе с тем вложили в письмо. Но поскольку окончательная копия, которую моё ведомство направило ведомству государственного секретаря Франка с письмом Ламмерсу разумеется было подписано мною, это удостоверение подтверждает, что это не был доклад подписанный мной, который прилагался к письму направленному Ламмерсу, а другой подготовленный Франком или сотрудниками его ведомства. Что касается доклада Франка, текст фотокопии здесь, по моим воспоминаниям не идентичен тексту доклада который я одобрил и который я затем направил вместе со своим докладом Ламмерсу...

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, мы слышали это объяснение более чем однажды, я думаю, что приложение которое было в письме не одинаковое с тем, которое он подготовил. Это не станет более убедительным если говорить об этом снова и снова.

Людингхаузен: Я лишь хотел снова это высказать. Но если трибуналу кажется, что объяснение дано ранее, я могу опустить его.

Нейрат: Господин председатель, позвольте мне сделать ещё одно заявление о том как я это представляю – конечно, я могу лишь представить – как это получилось? Я твёрдо убеждён, что если две фотокопии представленные здесь действительно прилагались к письму Ламмерсу, они были подготовлены в ведомстве Франка и приложены без моего ведома. Еще одной возможностью может быть, что конечно, чехи...

Председатель: Мы вполне способны представить возможности как и вы.

Факт в том, что письмо было подписано его именем, не так ли? Само письмо подписано?

Людингхаузен: Да.

Председатель: И он ссылается на приложение?

Людингхаузен: Да.

Председатель: Очень хорошо, мы это поняли.

Людингхаузен: Да. Я хотел, чтобы суд это понял. Ибо, как я сказал, я не смог тщательно исследовать характеристики этих двух докладов, внешнюю форму и текст в момент перекрёстного допроса. У меня больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Тогда подсудимый может вернуться на скамью.

Вы хотите задать какие-нибудь вопросы, сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Милорд, не думаю. Если суд позволит, я бы хотел взглянуть на

документ во время перерыва и понять есть ли, что-то о чем я хочу задать вопрос.

Председатель: Мы прервемся.

[Объявлен перерыв]

Максвелл-Файф: Я изучил вопрос, и думаю, это аргументация, а не перекрестный допрос, но, милорд, я бы хотел, чтобы ваша светлость заметил, так как вопрос был поднят, что есть удостоверение, сделанное капитаном Хохвальдом от имени генерала Эчера, которое говорит, что экземпляр с которого снята фотокопия является подлинником документа обнаруженного в архивах рейхспротектора в Праге, таким образом, в теории, из удостоверения и экземпляра кажется, что письмо-копия доктору Ламмерсу и два меморандума хранились и были обнаружены в ведомстве рейхспротектора. Мне больше нечего об этом сказать.

Председатель: Пусть подсудимый вернется к трибуне свидетеля. Ах, не нужно его возвращать. Доктор Бергольд. Доктор Бергольд?

Кранцбюлер: Господин председатель, поскольку доктор Бергольд сейчас отсутствует, я бы хотел спросить могу ли я предъявить три документа по своему делу которые еще остались.

Председатель: Очень хорошо, доктор Кранцбюлер.

Кранцбюлер: Я предъявляю как экземпляр Дёниц-100, письменные показания подписанные начальником американского флота, адмиралом Нимицем³²⁶, об американской подводной войне против японского военно-морского флота. Трибуналу уже известно, что я желаю доказать этим. Мне не нужно ничего читать, потому что в заключительной аргументации я снова вернусь к этому.

Председатель: Трибунал хотел бы, чтобы документ был прочитан, доктор Кранцбюлер.

Кранцбюлер: У меня есть подлинный текст на английском языке, господин председатель и я прочитаю его на английском языке:

«По запросу Международного военного трибунала, следующие опросные листы от этой даты, 11 мая 1940, представлены адмиралу флота Честеру У. Нимицу...»

Председатель: Должно быть вы указали неправильную дату – 1946, не так ли?

Кранцбюлер: 11 мая 1946.

Председатель: Да, продолжайте.

Кранцбюлер:

«...представлены адмиралу флота Честеру У. Нимицу, лейтенант-командером Джозефом Л. Бродериком, резерв военно-морского флота

³²⁶ Честер Нимиц (1885 — 1966) — адмирал флота, главнокомандующий Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны (с середины декабря 1941 года). Был одним из наиболее авторитетных специалистов по подводным лодкам в Соединённых Штатах, а также начальником Бюро навигации ВМС США в 1939 году.

Соединенных Штатов, отдел международного права, управление главного военного прокурора, департамент военно-морского флота, Вашингтон, Округ Колумбия, который дословно записал показания свидетеля. Адмирал Нимиц надлежащим образом приведен к присяге лейтенант-коммандером Бродериком и допрошен о следующем:

«В: Ваше имя, звание и настоящая должность?

О: Честер У. Нимиц, адмирал флота, военно-морской флот Соединенных Штатов, начальник штаба военно-морских операций военно-морского флота Соединенных Штатов».

1В: Какие должности в военно-морском флоте США вы занимали с декабря 1941 по май 1945?

О: Главнокомандующий, Тихоокеанский флот США.

2В: США в своей морской войне против Японии объявляли определенные воды районами операций, блокады, опасности, ограничений, предупреждений и подобными?

О: Да. С целью руководства операциями против Японии районы Тихого океана объявлялись оперативным театром.

3В: Если да, было привычно в подобных районах подводным лодкам атаковать торговые суда без предупреждения, за исключением собственных и своих союзников

О: Да, за исключением госпитальных судов и других судов «безопасной проводки» с гуманитарными целями.

4В: Вы имели приказы делать это?

О: Начальник штаба военно-морских операций 7 декабря приказал о неограниченной подводной войне против Японии.

5В: Подводным лодкам было привычно атаковать японские торговые суда без предупреждения – за границей объявленных оперативных или похожих районов после начала войны?

О: Ответ на данный опросный лист включает вопросы находящиеся за границами моего командования во время войны, следовательно я не могу ответить на это.

6В: Вы имели приказы делать это?

О: Ответ на данный опросный лист включает вопросы находящиеся за границами моего командования во время войны, следовательно я не могу ответить на это.

7В: Если практика атаки без предупреждения не существовала с начала войны, она существовала позднее? С какой даты?

О: Практика существовала с 7 декабря 1941 в объявленной оперативной зоне

8В: Данная практика соответствовала изданным приказам?

О: Да.

9В: Военно-морским властям США стало известно, что японские торговые суда имели приказы сообщать по радио японским вооруженным силам о любых замеченных подводных лодках США? Если да, когда об этом стало известно?

О: В ходе войны, военно-морским властям США стало известно, что японские торговые суда фактически сообщали по радио японским вооруженным силам любую информацию об обнаружении подводных лодок США.

10В: Подводные лодки США затем получили приказ атаковать без предупреждения японские торговые суда, если этот приказ не существовал раньше? Если да, то когда?

О: Приказ существовал с 7 декабря 1941.

11В: Военно-морским властям США стало известно, что японские торговые суда имели приказы атаковать любые подводные лодки США любым подходящим способом с учетом обстановки, например, таранить, обстреливать или сбрасывать глубинные бомбы? Если да, когда об этом стало известно?

12В: Подводные лодки США затем получили приказ атаковать без предупреждения японские торговые суда, если данный приказ не существовал раньше. Если да, когда?

О: Приказ существовал с 7 декабря 1941.

13В: По приказу или в соответствии с общими принципами, подводным лодкам США запрещалось проводить спасательные мероприятия в отношении пассажиров и экипажей судов потопленных без предупреждения в тех случаях, когда в результате этого ставилась под угрозу безопасность собственной лодки?

О: Согласно общим принципам, подводные лодки США не спасали выживших противника при наличии в результате этого необоснованной угрозы подводной лодке или неспособности подводной лодки ввиду этого выполнять задачу. Подводные лодки США ограничивались в спасательных мероприятиях ввиду небольшого пассажирского пространства и осведомленности об отчаянном и суицидальном характере противника. Таким образом, было небезопасно подбирать много выживших. Часто выжившим давали резиновые плоты и/или пайки. Практически неизменно выжившие не шли на борт добровольно, и приходилось брать их в плен силой.

14В: Если бы подобный приказ в принципе не существовал, подводная лодка США на самом деле проводила бы спасательные мероприятия в

вышеуказанных случаях?

О: В многочисленных случаях подводные лодки США спасали выживших.

15В: В ответе на предыдущий вопрос, выражение «торговые суда» означает любые другие суда которые не являлись военными кораблями?

О: Нет. Под «торговыми судами» я имею в виду все типы кораблей которые не являлись кораблями-комбатантами. В данном смысле, это включает рыболовные лодки, и т.д.

16В: Если да, какого рода корабли?

О: Последний ответ охватывает данный вопрос.

17В: Какой-либо приказ военно-морских властей США упомянутый выше в опросном листе касался тактики подводных лодок США в отношении японских торговых судов на основе репрессалий? Если да, какие приказы?

О: Приказы о неограниченной подводной и воздушной войне от 7 декабря 1941 возникли как понимание японской тактики существовавшей до этой даты. Никакие дальнейшие приказы подводным лодкам США о тактике в отношении японских торговых судов в течение войны не основывались на репрессалиях, при том, что в отдельных случаях совершение японскими подводными лодками жестокостей в отношении выживших моряков торговых судов США стали известны и оправдывали подобные действия.

18В: Данный приказ или приказы японского правительства объявлялись как репрессалии?

О: Вопрос не ясен. Следовательно я не могу дать на него ответ.

19В: На основе какой японской тактики считались оправданными репрессалии?

«О: Неограниченная подводная и воздушная война приказанные начальником штаба военно-морских операций 7 декабря 1941 были обоснованы японскими нападениями без предупреждения и объявления войны на эту дату, на базы США, а также вооруженные и невооруженные корабли и граждан.

Вышеуказанная запись показаний проверена мною в эту дату и во всех отношениях точная и правдивая» - подпись – «Честер У. Нимиц, адмирал флота, военно-морской флот США».

Этот документ имеет номер Дениц-100.

Что касается моего следующего документа, я предъявляю экспертное мнение бывшего военно-морского судьи Екеля, о компетенции военно-морских судов по защите местного населения от посягательств моряков. Данный документ

допущен трибуналом и доступен в переводе и таким образом его не требуется читать.

Председатель: Вы назовете на номер?

Кранцбюлер: Дёниц-49, господин председатель.

Затем, господин председатель, несколько недель тому назад я заявил ходатайство о допуске фрагментов из материалов суда о военных преступлениях в Осло. Они использовались обвинением в связи с перекрёстным допросом гросс-адмирала Дёница. В тот момент им не присвоили номер. Из этих материалов я выбрал некоторые фрагменты которые доказывают, что торпедный катер номер 345, чей экипаж был расстрелян на основании приказа командос, был катером которому были поручены акты саботажа. Ввиду данного факта, главнокомандование флота, а также адмирал Дёниц не были информированы об обращении с этими пленными, и данный вопрос был решен напрямую в результате дискуссий гауляйтера Тербовена³²⁷ и ставки фюрера. Я прошу о том, чтобы высокий трибунал допустил данный документ в качестве доказательства поскольку этот документ был использован обвинением. Он получит номер Дёниц-107.

Филлимор: Милорд, я не знаю получил ли трибунал это раньше ответа который имеет обвинение на это ходатайство.

Председатель: Да, мы сейчас его просмотрели.

Филлимор: В общем, получается, что мы вполне готовы предъявить всё разбирательство, но мы должны возражать предъявлению фрагментов, то есть, среди прочего письменных показаний и доказательств каких-то свидетелей, материалу в поддержку положений выдвинутых защитником подсудимого Дёница. С одной стороны есть суть доказательств о другом. Вот почему, милорд...

Председатель: Не сэкономит ли это перевод, если предъявить фрагменты из документа на который вы полагаетесь?

Филлимор: Если так будет удобнее, милорд, мы можем сделать это.

Председатель: Я не знаю насколько длинный документ. Может быть он на самом деле очень длинный.

Филлимор: Все разбирательство очень длинное. Процесс шёл 4 дня.

Председатель: Тогда будет удобнее если вы выберете части на которые полагаетесь, а доктор Кранцбюлер может приобщить...

Филлимор: Милорд, это предъявляется в ответ на документы против этого подсудимого, которые доказывают дело подсудимого, письменные показания военного прокурора, которые излагают суть доказательств принятых судом.

Председатель: Трибунал это понимает, но он считает, что желательно, чтобы вы предъявили фрагменты на которые вы полагаетесь, также как защитник.

Кранцбюлер: Я могу приобщить этот документ, господин председатель?

³²⁷ Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 — 1945. Покончил жизнь самоубийством.

Председатель: Какой номер еще раз, пожалуйста?

Кранцбюлер: Номер Дёниц-107, господин председатель.

Председатель: И он содержит фрагменты этого разбирательства, не так ли?

Кранцбюлер: Да, фрагменты.

Председатель: Обвинение приобщит свои фрагменты и мы рассмотрим их совместно.

Кранцбюлер: Господин председатель, тогда есть ещё один вопрос касающийся документов по делу которое мы сейчас рассмотрели, катынского дела.

Свидетель, профессор Марков, упоминал заключение итальянского эксперта, профессора Пальмиери, которое в германской «Белой книге». Я бы хотел предъявить это заключение в качестве доказательства, по причине, что в нём не упоминаются насекомые обнаруженные на трупах как утверждал профессор Марков, а скорее, «личинки». Для меня разница в том, что насекомые летом летают вокруг, в то время как личинки прячутся в зимние месяцы. Господин председатель, могу я предъявить данный документ?

Смирнов: Господин председатель, я хотел сделать просто одну фактическую справку, в протоколе профессора Пальмиери, указано, что личинки были обнаружены в горле у трупа. Я не знаю, когда в горле водились насекомые, вследствие этого, представление этого документа мне кажется нецелесообразным.

Это всё, что я хотел сказать.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы ссылаетесь на конкретный документ в «Белой книге», правильно?

Кранцбюлер: Да, господин председатель.

Председатель: И вы имеете в виду весь документ?

Кранцбюлер: Это документ примерно на одну страницу, господин председатель.

Председатель: Тогда вы можете приобщить его, с учетом того, что он будет переведен.

Кранцбюлер: Так точно, господин председатель.

Смирнов: Господин председатель, речь идет о одном документе являющемся протоколом вскрытия трупа произведенном профессором Пальмиери, это не сводный документ, это протокол вскрытия произведенного профессором Пальмиери индивидуально.

Председатель: Он ссылается на выводы или нет?

Кранцбюлер: Он включен в общий протокол в той же мере как и протокол профессора Маркова. Это протокол вскрытия которое произвел профессор Пальмиери.

Председатель: Очень хорошо.

Кранцбюлер: Господин председатель, у меня есть ещё один документ по катынскому делу, который я получил от польских источников несколько дней тому назад. Это документ который написан на английском языке и вышел в Лондоне в

1946. Название «Доклад об убийстве польских офицеров в Катынском лесу». В этом документе используются польские источники, и я бы хотел приобщить этот документ трибуналу в качестве доказательства.

Однако, прежде чем представить несколько строк в качестве доказательств, я бы хотел, чтобы высокий трибунал изучил этот документ, ибо могут быть сомнения в том можно ли использовать его в качестве доказательства.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, этот документ напечатан только для частного обращения. Он не имеет имени издателя, и полностью анонимный.

Кранцбюлер: Да, господин председатель, такие же сомнения были у меня. Я предъявил этот документ, так как полагал, что в виду значения данного дела, трибунал несмотря на это захочет вынести о нем судебное уведомление.

Председатель: Нет, трибунал считает, что будет неуместно смотреть документ подобного характера.

Руденко: Господин председатель, я бы хотел сделать только одно замечание, так как по существу уже трибунал объявил свое решение. Заявление защитника о том, что этот документ получен от польской делегации, по меньшей мере у меня вызывает удивление, меня интересует от какой польской делегации, собственно, получен этот документ, ибо польская делегация правительства представленная здесь, не могла представить подобного рода фашистскую пропагандистскую листовку.

Председатель: Думаю, генерал Руденко, неправильно понял то, что сказал доктор Кранцбюлер.

Заутер: Господин председатель, четыре опросных листа одобрили мне от имени подсудимого Функа. Когда я представлял своё дело, я ещё не мог предъявить эти письменные показания, потому что их не перевели. Между тем, я получил эти переводы, и они предъявлены трибуналу. Я прошу разрешения кратко представить их трибуналу.

Одни из них, в документальной книге Вальтер Функ, дополнительный номер 2, будут пронумерованы экземпляром номер Функ-16. Это очень объемный допрос свидетеля Ландфрида³²⁸ который занимал пост государственного секретаря в министерстве подсудимого Функа. Данный свидетель – мне не кажется, что нужно подробно читать этот протокол – в ответе на первый вопрос касается экономической политики подсудимого Функа на оккупированных территориях. Он описывает это именно так, как было представлено Функом. В ответе на второй вопрос, он похожим образом рассматривает указания подсудимого Функа военным командирам и рейхскомиссарам в оккупированных странах.

Под вопросом 4, свидетель подробно описывает то как подсудимый Функ стремился предотвратить финансовое обременение оккупированных стран, особенно, как можно сильнее, снижая оккупационные расходы.

---

³²⁸ Фридрих Ландфрид (1884 – 1952) – немецкий юрист и государственный деятель. В 1933-1943 государственный секретарь министерства экономики Германии.

Затем в остальных вопросах, в части второй, особенно в ответе на вопрос 11, свидетель обсуждает деятельность подсудимого Функа в министерстве экономики, в отношении германской подготовки на случай войны.

Затем, в ответе на вопрос 12, свидетель изучает положение генерального уполномоченного по экономике и он делает вывод, что на практике эта должность была только фигуральной. Однако, я не желаю читать эти подробные заявления и занимать слишком много времени трибунала, ибо в основном это повторение заявлений которые уже были сделаны.

В последних двух вопросах, номер 14 и 15, свидетель Ландфрид, который, как я уже сказал, годы был заместителем подсудимого, описывает отношение подсудимого к политике террора и его фундаментальное отношение к использованию иностранных рабочих и похожим вопросам. Я прошу о том, чтобы трибунал принял судебное уведомление об этих очень подробных показаниях и что этих коротких заявлений будет достаточно.

Следующий опросный лист исходит от свидетеля Эмиля Пуля³²⁹. Этот тот же самый свидетель которого допрашивали в этом зале суда по другим вопросам, а именно вопросу золотых зубов, и т.д. Этот опросный лист и ответы свидетеля Эмиля Пуля, документальная книга Функа, дополнительный номер 3, экземпляр Функ-17.

Председатель: Доктор Заутер, этот опросный лист одобрили?

Заутер: Да, господин председатель.

Председатель: Он давал показания. Мы в целом не допускаем опросные листы свидетелей которые давали свои показания.

Заутер: Господин председатель, дело было так: ещё в декабре я ходатайствовал об этом опросном листе и постоянно просил о нём, но он не поступал. И лишь два дня спустя после перекрестного допроса, этот свидетель Эмиль Пуль внезапно отвечал обвинению по совершенно другим вопросам, то есть о золотых депозитах СС, даже о золотых зубах. Этот опросный лист обвинения не ссылался на опросный лист, который, как мне кажется, был одобрен вами в феврале.

Председатель: Доктор Заутер, что я говорю: предположим трибунал просит одобрить опросный лист, и он одобряет опросный лист, а затем свидетеля вызывают дать показания. Когда он вызван для дачи показаний, он должен быть опрошен по всем вопросам которые относятся к процессу. Трибунал не хочет читать его показания в одном месте, а потом его опросный лист в другом случае.

Господин Додд, есть какое-либо возражение в данном случае?

Додд: Нет, я не имею никакого возражения, господин председатель. Ситуация такая. Он был одобрен до вызова Пуля. Он был вызван сюда для перекрестного допроса и я не помню навскидку, исследовал ли защитник вопросы находившиеся в нем. Мы не имеем возражений. Может быть это будет неудобно для трибунала, о чем мы

³²⁹ Эмиль Пуль (1889 – 1962) государственный деятель Германии, директор и вице-президент Рейхсбанка. Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

сожалеем.

Заутер: Господин председатель, свидетель Пуль, в ходе своего допроса во французском лагере, тоже проходил перекрестный допрос в котором ему задавало вопросы обвинение, и он на это отвечал. Таким образом он был допрошен не только о пунктах которые я затронул, но также и вопросах в перекрестном допросе обвинения. Таким образом, пользуясь случаем предъявляю этот документ, который опросный лист Эмиля Пуля, документальная книга номер 2, дополнительный номер 3, и которому присвоен номер экземпляра Функ-17.

Данный свидетель Пуль, который был вице-президентом Рейхсбанка в этом опросном листе рассматривает исключительно вопросы отличающиеся от предметов в его допросе, а именно, подготовку которую президент Рейхсбанка доктор Функ проводил на случай войны, то есть вопрос номер 1, касательно обращения с клиринговыми³³⁰ долгами, и вопрос номер 2 о высокой оценке датской валюты...

Председатель: Трибунал думает, что вам не нужно читать опросный лист, но в данном случае трибунал допустит его.

Заутер: Благодарю, господин председатель. Я хотел лишь кратко обозначить показания.

Затем я предъявляю дополнительные показания, данные свидетелем который одобрен трибуналом. Эти показания данные свидетелем Гейнцем Каллусом, находятся в документальной книге Вальтер Функ, дополнение 4, и присвоен номер экземпляра Функ-18. Я также предъявляю эти показания генеральному секретарю и хотел бы попросить, чтобы сэкономить время, чтобы трибунал принял о них судебное уведомление.

Что касается моего четвертого и последнего документа, есть письменные показания господина Мессерсмита, дополнение к предыдущему заявлению которое уже предъявили трибуналу. Оно очень короткое, фактически это одна фраза и её можно найти в документальной книге Вальтера Функа, дополнительный номер 5, с номером экземпляра Функ-19. Я также предъявляю этот документ. На этом я завершаю своё сообщение, господин председатель. Большое спасибо.

Тома: Господин председатель, я бы хотел предъявить трибуналу показания свидетеля доктора Бейля. До настоящего времени я получил эти показания только на английском языке. Я снова принес их из отдела переводов для того, чтобы можно было предъявить их как экземпляр номер Розенберг-50. В связи с этим я имею ещё одну просьбу. Этот опросный лист содержит важные вопросы об отношении восточного министерства к вопросу распределения рабочей силы и это настолько важно, что я прошу разрешения трибунала прочитать его. Поскольку я не совсем

³³⁰ Клиринг (англ. clearing — очистка) — безналичные расчёты между странами, компаниями, предприятиями и банками за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путём взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей.

знаком с английским языком, я бы хотел попросить, чтобы переводчик зачитал этот опросный лист.

Председатель: Доктор Тома, данный документ предъявлен в качестве доказательства раньше: он был одобрен трибуналом, не так ли, этот опросный лист?

Тома: Да, он был одобрен трибуналом.

Председатель: Требуется его прочитать? Вы не можете предъявить его в качестве доказательства и трибунал рассмотрит его?

Тома: Я, конечно, оставляю решать об этом трибуналу. Я лишь хотел отметить, что это очень важные и решающие показания по вопросу распределения рабочей силы в восточном министерстве. Однако, я оставляю это на суждение трибунала.

Председатель: Вы не можете его подытожить?

Тома: Господин председатель, я получил только английский перевод, и не желаю что-то пытаться с ним сделать. Но мне кажется есть только 2 страницы – переводчик их быстро прочитает.

Председатель: Пусть переводчик это прочитает.

Переводчик: Экземпляр номер Розенберг-50

«Копия. Полный допрос министеряльрата доктора Бейля, от имени Розенберга.

Свидетель надлежащим образом давший присягу, заявляет:

В: Вы были постоянным сотрудником в восточном министерстве, ответственным за вопросы труда и социальной политики?

О: Да, я был одним из 10 постоянных сотрудников, мы начинали с 52, но по мере сокращения Восточного фронта, персонал в конце концов сократили до 10 человек. Я был ответственным за административную сторону труда и социальной политики. Главой департамента был ландесбауэрнфюрер Пекерт³³¹.

В: Восточное министерство выступало за добровольную вербовку рабочих на Востоке?

О: Да, только за добровольную вербовку, мои указания на этот счет должны были осуществляться на такой основе.

В: Известны какие-либо результаты?

О: Да, но результаты были не столь велики как ожидалось, только примерно 300000 – 400000 вызвались добровольцами и большинство из них были из Украины, Литвы и Эстонии.

В: Были какие-либо переговоры об уменьшении квот приказанных генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы?

О: Да, переговоры об уменьшении квот имели место, но сорвались

³³¹ Руди Пекерт (1908 – 1946) – немецкий политик и оберфюрер СС. В 1942-1945 являлся сотрудником уполномоченного по распределению рабочей силы, в том числе с 1943 уполномоченным по распределению рабочей силы в оккупированных районах СССР. Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом у американцев.

ввиду требования Заукеля о чем-то вроде миллиона рабочих подлежащих переводу внутрь страны.

В: Кто был ответственным за обеспечением и контролем за восточными рабочими в Рейхе?

О: Германский трудовой фронт и продовольственное управление Рейха были ответственными за обеспечение восточных рабочих, первый за рабочих в вооружениях и тяжелой промышленности, второе за сельскохозяйственных рабочих.

В: В чем заключалась точка зрения отдела АСО...

Тома: Позволю прервать, это трудовой, социальный и политический отдел восточного министерства.

Переводчик: [*Продолжая*]:

«В: В чем заключалась точка зрения отдела АСО на обращение с восточными рабочими в Рейхе?

О: Взгляд моего отдела АСО заключался в том, что добровольная вербовка на основе свободного передвижения, таким образом забирая их из фабрик за колючей проволокой, будет самым лучшим методом обращения: мы также выступали за снятие нарукавных нашивок, первоначально носимых на руке, а позднее на левой груди, которые имели слово «Ost³³²», чтобы отличать их от рабочих с Запада, которые никогда не носили нашивок. Формулировку позднее изменили на «Великороссия», «Белоруссия» и «Украина», люди из Прибалтики не носили нарукавную нашивку. Отдельных русских, небольшие группы казаков, татар и одну или две других не принуждали носить нарукавную нашивку, так как они были антибольшевистскими и прусскими, и определенную часть из них в конце концов призвали в германскую армию. Примерно 7000 подростков из Рутении были призваны АСО, и они были учениками на предприятиях Junkers³³³.

В: Вам знакомо центральное управление для восточных народов в восточном министерстве? Как оно было организовано?

О: Да, оно считалось консульством для Востока, члены штаба были отчасти немцами и отчасти местными сотрудниками с Востока, которых считали подходящими для подобной работы. Некоторые из иностранных сотрудников передавались в распоряжение отделов стран, чтобы следить за интересами своих сограждан работавших в

³³² «Восток»

³³³ Юнкерс — авиастроительная компания Германии, основанная Хуго Юнкерсом в Дессау как фирма Junkers&Co производившая газоотопительные котлы, охладители и вентиляторное оборудование. К авиастроению компания приступила после начала Первой мировой войны. К началу Второй мировой войны компания являлась крупнейшей в Германии и осуществляла разработку и строительство многих конструкций, внесших существенный вклад в историю мировой авиации.

странах. В центральном управлении были учреждены ведомства для каждого восточного государства, каждый отдел находился под контролем немца, некоторые из них сами были из этих государств. Также был отдел социального обеспечения которым руководили люди из этих восточных государств, чтобы следить за их комфортом, и т.д., отдельных сограждан, также был религиозный отдел которым руководили священнослужители из этих стран, но этот отдел было не особо успешным, так как было недостаточно священников.

В: Как с помощью ДАФ рассматривались жалобы?

О: За интересами иностранных рабочих всегда следили; миссии направляли в различные концентрации восточных рабочих для того, чтобы выяснять какой прогресс они имеют и какого рода обращение получают. Эти миссии занимались жалобами поданными им по случаю их визитов, но центральное управление должно было тоже заниматься письменными жалобами полученными по почте.

В: Вам известен печатный циркуляр властям в стране, который приказывал о справедливом обращении? Детали? Какой была история семей которых эвакуировала группа армий «Центр» и примерно детей возраста 10-14 лет?

О: Да, был издан циркуляр по данному вопросу, он приводил много деталей для справедливого обращения с восточными рабочими. Данный циркуляр был издан по просьбе министерства востока через Заукеля. Второй циркуляр был издан Розенбергом по вопросу справедливого обращения только с восточными рабочими. Я не имею сведений об этой истории, так как это было полностью делом группы армий «Центр».

В: Свидетелю известно о брошюре изданной восточным министерством для управляющих предприятий о нациях Восточной Европы и об отношении к ним?»

Председатель: Доктор Тома, кажется эти письменные показания вовсе не короткие. Кажется они кумулятивные. Каждое слово об этом мы слышали раньше и слышали не раз, а снова и снова.

Переводчик: Доктор Тома сейчас сказал, что будет последняя фраза.

Тома: Еще две коротких фразы.

Переводчик:

«О: Было издано две брошюры, одна издана Заукелем, а другая совместно с ДАФ и Заукелем и министерством Востока.

В: Она имеется на руках?

О: Я не имею копию этой брошюры

Подпись Бейль».

Председатель: Доктор Тома, как вам известно, трибунал полагается на защитника, и когда вы говорите нам, что это важные письменные показания, мы полагаемся на то, что вы нам говорите. По мнению трибунала, оглашение письменных показаний было абсолютной тратой времени трибунала.

Тома: Я бы хотел ещё попросить трибунал. Я просил, чтобы мне одобрили опросный лист рейхсгауптштелленляйтера доктора Епперта, из ведомства делегата фюрера по надзору за идеологическим и духовным мировоззрением НСДАП в ведомстве Розенберга. Эти письменные показания мне не одобрили, но у меня они на руках.

Председатель: Обвинение их видело?

Тома: Нет, господин председатель, не думаю. Я заявил ходатайство генеральному секретарю. Передали ли эту просьбу обвинению, я не знаю.

Председатель: Что же, единственное ходатайство, что мы имеем, как я вижу, опросный лист доктора Коппена³³⁴ взамен доктора Штельбрехта³³⁵. Об этом вы говорите?

Тома: Господин председатель, мне разрешили допросить доктора Кёппена вместо доктора Штельбрехта, и опросный лист уже направили. Однако, это новое ходатайство о докторе Епперте, и он нем пока не решили.

Председатель: Вам лучше представить это обвинению и понять будут ли у него какие-нибудь комментарии об этом, и мы сможем рассмотреть это завтра.

Тома: Большое спасибо, господин председатель.

Кубушок: По делу Папена есть шесть опросных листов которые отсутствуют. Три из них вернулись в последние несколько дней и находятся на переводе. Я просил, получив свой последний опросный лист, позволить предъявить все шесть трибуналу.

Затем, не предпринимая никаких шагов, чтобы получить это, я три дня назад получил письменные показания от иностранного журналиста, Радемахера фон Унна, из Милана, Италия. Эти письменные показания сейчас перевели. Я прошу позволить предъявить эти письменные показания позднее вместе с остальными документами.

Председатель: Да, разумеется вы можете предъявить это. Мы вынесем решение о его допустимости.

Кубушок: Благодарю вас, господин председатель.

Зейдль: Господин председатель, я прошу разрешения предъявить ответы на опросные листы свидетелей которые еще не предъявили. Как экземпляр Франк-19, я предъявляю ответы на опросный лист данные свидетелем доктором Эрнстом

³³⁴ Вернер Коппен (1910 – 1994) – нацистский политик и член СА. В течение ряда лет был адъютантом, офицером связи со ставкой Гитлера при Альфреде Розенберге.

³³⁵ Гельмут Штельбрехт (1898 – 1987) – нацистский политик и пропагандист. В течение ряд лет занимал руководящие должности в организациях Альфреда Розенберга.

Бёппле³³⁶. Бёппле был государственным секретарем в Генерал-губернаторстве, и он ответил всего на 41 вопрос.

Как номер Франк-20, я предъявил ответы на опросный лист данные свидетелем Максом Мейдингером. Мейдингер был начальником канцелярии Генерал-губернаторства. Он ответил на 43 вопроса. Этот опросный лист, а также опросный лист Бёппле, как я смог понять, ещё не перевели, хотя я вручил эти опросные листы для перевода примерно 10 дней назад. Но к опросному листу прилагается английский перевод который был сделан во время допроса.

Как номер Франк-21 я предъявляю ответы данные свидетелем Гасснером, который ответил на 49 вопросов. Гасснер был начальником прессы в Генерал-губернаторстве.

Номером Франк-22 будет опросный лист представленный свидетелем доктором Степпом³³⁷, который был в конце председателем апелляционного суда. Он, в основном рассматривает усилия подсудимого Франка в 1933 и 1934 как баварского министра юстиции, о роспуске концентрационного лагеря в Дахау³³⁸.

Пользуясь случаем, господин председатель, я бы хотел отметить ошибку в переводе которая относится не к документам Франка, а к документу предъявленному от имени подсудимого Гесса. При том, что обвинение не использовало его в отношении личной ответственности Рудольфа Гесса, он находится в документальной книге и интересующий документ экземпляр USA-696, документ PS-062. Это директива от 13 марта 1940, эту же директиву упоминали в прошлую субботу по делу подсудимого Бормана, в связи с чем председатель прочитал пункт 4 из этой директивы, который был представлен как приложение к этой директиве от 14 марта. Есть очень серьезная ошибка в переводе, которая полностью искажает смысл директивы, и которая, должен сказать, может иметь очень опасные последствия.

В пункте 4, слова «обезоружили» перевели как «ликвидировали».

Председатель: Если есть какая-либо ошибка в переводе, вам лучше обратиться к генеральному секретарю, и он рассмотрит это с отделом переводов.

Зейдль: Да, господин председатель, но дело не так просто. Очевидно переводчик сам почувствовал, что его перевод не совсем точно передает смысл, потому что в скобках он добавил «обезоружили». По моему мнению эту фразу нужно переводить следующим образом: «Похожим образом, вражеские парашютисты должны быть немедленно арестованы и обезоружены». Смысл очевидно в том, что

³³⁶ Эрнст Бёппле (1887 – 1950) – нацистский политик и оберфюрер СА. В 1941-1945 государственный секретарь правительства Генерал-губернаторства. Казнен по приговору польского суда.

³³⁷ Вальтер Степп (1898 – 1972) – немецкий юрист. Бригадефюрер СС. В 1943-1945 председатель суда в Баварии. Прошел процедуру денацификации по категории «виновный».

³³⁸ Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

парашютистов...

Председатель: Доктор Зейдль, хочу сказать, у нас нет документа и не все из нас понимают немецкий язык, поэтому лучше обратиться в отдел переводов. Нет никакой пользы обращаться к нам.

Зейдль: Тогда я направлю письменное ходатайство генеральному секретарю, господин председатель.

Председатель: Обвинение имеет какое-либо возражение этим опросным листам, которые рассматривал доктор Зейдль? Обвинение имело возможность представить перекрёстные опросные листы если желало сделать это?

Филлимор: Милорд, мне сказали, что думаем, да, возможно при исключении последнего. Вероятно я вечером проверю.

Председатель: Очень хорошо.

Филлимор: Я займусь этим и дам знать трибуналу.

Милорд, обвинение имеет несколько документов. У меня восемь, и думаю у моего друга, господина Додда три. Я могу сделать это очень быстро, но может быть удобнее сделать это завтра утром.

Председатель: Мы рассмотрим все эти документы завтра утром. Будут и другие от других подсудимых. Мы также заслушаем свидетелей Кемпку и Валькенхорста, кажется, которых желает вызвать доктор Бергольд.

Трибунал желает, чтобы доктор Бергольд был здесь утром для того, чтобы допросить эти свидетелей.

Трибунал отложен.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 3 июля 1946]

День сто семидесятый

Среда, 3 июля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Бергольд попросил кого-нибудь из защитников представлять его?

[Ответа нет]

Председатель: Пристав смог связаться с доктором Бергольдом?

Пристав: Нет, сэр.

Штамер: Господин председатель, доктора Бергольда вчера уведомили о том, что его присутствие будет необходимо в зале суда сегодня. Как я слышал – и всё, что я слышал – генеральный секретарь тоже связывался с ним по поводу этого вопроса. К сожалению не могу сказать об этом ничего другого. Насколько я знаю, он никого не просил представлять его в суде.

Председатель: Спасибо, доктор Штамер.

Штамер: Господин председатель, я разберусь с этим немедленно, чтобы выяснить прибыл ли он, и могу ли я связаться с ним.

Председатель: Очень хорошо, и доктор Штамер, думаю лучше всего трибуналу рассмотреть различные ходатайства об опросных листах и документах, которые думаю вы и другие защитники желаете предъявить в качестве доказательств, и трибунал затем допросит этих свидетелей если доктора Бергольда не будет вовремя. Трибунал конечно ожидает, что он будет на месте по возможности. Наверное, вы свяжетесь с ним и пристав тоже должен связаться с доктором Бергольдом.

Штамер: Да.

Пристав: Да, сэр.

Яррейс: Господин председатель, я узнал о том, что сын доктора Бергольда вчера внезапно вернулся из лагеря военнопленных, поэтому доктор Бергольд поехал домой, недалеко от Нюрнберга. Я попросил его секретаря поехать домой к доктору Бергольду и привезти его сюда, и полагаю он будет здесь примерно за полтора часа.

Председатель: Доктор Штамер, вы имеете какие-то опросные листы, думаю вы хотите приобщить их в качестве доказательств, не так ли?

Штамер: Да, сэр. В конце своей презентации у меня ещё имеются некоторые опросные листы которые мне разрешили представить, но которые до того времени

не пришли.

Прежде всего, я обращаюсь к опросному листу Каммхубера³³⁹, который был генералом авиации. Он представил организационное исследование для 1950 года, которое было закончено 2 мая 1938. Его спросили о значении и сути этого исследования и он заявил — я дам короткий обзор — что та часть, которая идет под заголовком «долгосрочная цель» являлась приблизительным наброском основанном на теоретических предположениях. Затем есть вторая часть которая приводит конечный срок 1942 год и промежуточное решение на 1 октября 1938. Это было положительное предложение об организации Люфтваффе.

Данное исследование было составлено автором по собственной инициативе. Свидетель не знает, на самом ли деле его представили Герингу. Он считает это маловероятным, но он полагает, что он предложил положительное предложение об организации Люфтваффе Герингу.

В этом суть опросного листа который мы назовем экземпляр номер Геринг-54.

У меня есть ещё один опросный лист который я бы хотел предъявить, который исходит от генерала Курта Штудента³⁴⁰. Он касается воздушного налета на Роттердам в мае 1940 года. Это объяснение...

Председатель: Вы имеете копии этих письменных показаний, я имею в виду этих опросных листов? Мы имеем тот который вы предъявляете от Штудента, но у нас нет от Каммхубера.

Штамер: Господин председатель, я представил этот материал в отдел переводов и попросил о том, чтобы переводы были готовы. Я изучу вопрос и разберусь, что из этого получилось. В любом случае, я предъявил подлинники в отдел переводов.

Председатель: Да, генеральный секретарь разберется с этим. И тот, что от Штудента, о нем было ходатайство и он одобрен? Его нет в моём списке.

Штамер: Да, господин председатель, он одобрен и обвинение представило контрольный лист на это. Мне кажется...

Председатель: Очень хорошо.

Штамер: Если не ошибаюсь, этот опросный лист от Штудента был одобрен 14 февраля, если я правильно помню.

Штудент рассматривает воздушный налет на Роттердам в мае 1940. Он даёт необходимое объяснение о том как получилось, что во время переговоров о капитуляции, несмотря на это, бомбы сбросили на Роттердам. И здесь, мне кажется, я могу сослаться на этот опросный лист. Факты заключались в том, что переговоры

³³⁹ Йозеф Каммхубер (1896 — 1986) — немецкий генерал авиации. Организатор системы противовоздушной обороны Третьего Рейха — «линии Каммхубера».

³⁴⁰ Курт Штудент (1890 — 1978) — генерал-полковник в Люфтваффе (Вермахт), участник Первой и Второй мировых войн. Пилот-ас времен Первой мировой войны. Основатель и первый командующий германских Парашютнодесантных войск. Британским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

о капитуляции шли, когда планировался воздушный налет и эскадрилью которую использовали не смогли уведомить вовремя по радио. Затем сухопутные войска давали сигналы, которые были неправильно поняты одной группой...

Председатель: Кажется, это охватывает те же самые доводы уже охваченные доказательствами, не так ли?

Штамер: В допросе это рассматривали, да, правильно, господин председатель.

Председатель: Тогда это совершенно не нужно сейчас читать.

Штамер: Тогда я предъявлю данный документ...

Председатель: Да, приобщайте в качестве доказательства. Но я имею в виду, вам не нужно подробно читать его.

Штамер: Очень хорошо, господин председатель. Это будет экземпляр номер Геринг-53.

Затем, господин председатель, у меня есть ещё один опросный лист генерала авиации Коллера³⁴¹, который я бы хотел предъявить. Он будет предъявлен как экземпляр номер Геринг-55.

Господин председатель, я прошу разрешения высокого трибунала прочесть эти вопросы, ибо есть особое значение в связи с показаниями данного свидетеля в отношении подсудимого на этом процессе:

«Вопрос 1: бывший рейхсмаршал Геринг, когда-либо издавал приказ о том, чтобы вражеских лётчиков которых сбили должны были передавать полиции, СД или, чтобы их расстреливали без суда?

Ответ: Насколько мне известно, ни разу, я не знаю о подобном приказе изданном рейхсмаршалом.

Вопрос 2: Бывший рейхсмаршал Геринг помогал формулировать приказ в силу которого британских летчиков которые сбежали из шталага 3 в Сагане в марте 1944 расстреляла полиция или СД?

Ответ: Генерал Кортен³⁴² говорил мне, что Люфтваффе, воздушные силы – имея в виду рейхсмаршала и его, лично Кортена – не принимали никакого участия в издании этого приказа.

Вопрос 3: Бывший рейхсмаршал Геринг узнал о факте содержащемся в вопросе 2 лишь после исполнения приказа Гитлера?

Ответ: Генерал Кортен говорил мне о том, что он и рейхсмаршал не знали об этом заранее.

Вопрос 4. В какой день Гитлер издал этот приказ?

Ответ: Я не знаю.

Вопрос 5: В какой день или какие дни, приказ исполнялся?

³⁴¹ Карл Коллер (1898 — 1951) — немецкий генерал авиации и начальник Генерального штаба ВВС нацистской Германии во Второй мировой войне в 1944-1945.

³⁴² Гюнтер Кортен (1898 — 1944) — один из высших командиров Люфтваффе, начальник Генерального штаба Люфтваффе (1943—1944), генерал-полковник авиации (22 июля 1944 посмертно). Убит в результате покушения на Гитлера 20 июля 1944.

Ответ: Я не знаю.

Вопрос 6: Известно ли вам, что бывший рейхсмаршал Геринг очень сильно осуждал расстрел этих 50 британских офицеров-летчиков?

Ответ: Генерал Кортен говорил мне о том, что рейхсмаршал был очень зол из-за этого расстрела.

Вопрос 7: Вы имеете какие-либо сведения о том вносили ли постоянно рейхсмаршал Геринг и его заместитель по воздушным силам, начальник генерального штаба протесты Гитлеру о мерах которые Гитлер приказал предпринимать в отношении вражеских летчиков-террористов которых сбивали.

Ответ: Согласно заявлениям которые сделал мне генерал Кортен в июне 1944, это правильно. Я тоже помню, что спустя некоторое время мне сообщили о том, что рейхсмаршал пожаловался фюреру на меры предпринятые партийными организациями и отдельными лицами из населения против так называемых летчиков-террористов, по той причине, что каким-то нашим экипажам летчиков могут причинить вред.

В марте 1945 он прямо отказался от приказа фюрера о том, чтобы все экипажи вражеских летчиков которых сбивали и которых будут сбивать в будущем должны были передавать в СД.

Отвечая на вопросы 1-7, я бы хотел заявить в объяснение и дополнение: в течение периода который охватывается докладом, я был начальником оперативного штаба Люфтваффе. В феврале 1944 ставка фюрера перевела в Берхтесгаден главнокомандование вооруженных сил, рейхсмаршала и его личное окружение и начальника генерального штаба авиации, генерала Кортена вместе с двумя или тремя ординарцами. Я должен был оставаться при главнокомандовании Люфтваффе, то есть, со всем рабочим штабом известном как Робинзон³⁴³, в Восточной Пруссии, так как ожидалось, что ставка фюрера быстро вернется обратно. Все средства связи и аппаратура для передачи приказов о запасах Люфтваффе должны были находится под контролем Робинзона.

Ввиду разделения главнокомандования Люфтваффе с одной стороны и главнокомандующего и начальника генерального штаба с другой стороны, разделения которое длилось неделя за неделей, мы в Восточной Пруссии не знали о многих вещах которыми прямо руководили из Берхтесгадена. Часто мы вообще не узнавали о важных

³⁴³ ОКЛ «Робинзон» - система бункеров в которых с 1940 размещалось главнокомандование Люфтваффе недалеко от города Гольдап в Восточной Пруссии.

директивах фюрера, или же, получали информацию очень поздно. Вплоть до начала июня – кажется это была неделя после Пасхи – я, вместе с какими-то офицерами-помощниками, был переведен в Берхтесгаден. С февраля до этого времени, я думаю посетил только одно совещание в Берхтесгадене.

Что касается вопросов 2-6, о Сагане, я узнал об этом от генерала Кортена, и кажется генерал Христиан³⁴⁴ сообщил мне почти одновременно, что летчиков которые сбежали из Сагана, расстреляли по приказу фюрера. Скорее даже, думаю я услышал об этом впервые от генерала Кортена который, если правильно помню, сказал мне, во время одной из довольно длинных телефонных бесед которые были у нас каждый вечер. Кортен дал понять, что он не одобрил это, по причинам которые указаны мною в ответе на вопросы 2,3 и 6. Беседа должна была состояться в конце марта или начале апреля. Однако, я не могу дать точную дату.

В ответ на вопросы 1 и 7 о летчиках-террористах, это было примерно в начале июня 1944 – сначала я думал, что это было в июле, но думаю это должно было быть в июне, когда генерал Кортен уведомил меня о том, что фюрер планировал приказать о том, чтобы летчиков-террористов отдавали народной расправе.

Мы постоянно обсуждали вопрос и все мы соглашались в оппозиции этому. Мы всегда считали прямые атаки низколетящих самолетов на гражданское население, на женщин и детей, собрания гражданских, гражданские пассажирские поезда, больницы, школьников которые были на прогулке, наши экипажи которые парашютировались на землю и крестьян которые убивали свои поля, жестокими и противоречащими международному праву, однако мы не считали указ который фюрер планировал издать правильным способом решить эту очень сложную проблему. Наши причины отказа заключались в том, что были статьи о войне, международное право, это было вопреки фундаментальным солдатским принципам, и привело бы к многим неправильным трактовкам, причиняя вред не только вражеским летчикам, но и нашим людям и влияя на мораль наших экипажей...

Председатель: Доктор Штамер, разве это на самом деле аргументация, а не факты? На самом деле не нужно читать все эти аргументы свидетеля. Он на самом деле не рассматривает факты, а это детальный...

Штамер: Господин председатель, это факты которые он обсуждал с генералом Кортеном, факты которые привели их к отказу от приказа фюрера. Это были

³⁴⁴ Эххард Христиан (1907 – 1985) – генерал-майор Люфтваффе. С сентября 1944 до конца войны был начальником оперативного штаба Люфтваффе.

причины, которые он и Кортен обсуждали...

Председатель: Кое-что из того, что вы прочитали, само собой разумеется бесспорно, но сейчас вы читает аргументацию.

Штамер: Нет, господин председатель.

Председатель: Доктор Штамер, разумеется вы можете суммировать остальное.

Штамер: Господин председатель, этот документ имеет большое значение для подсудимого, потому что он касается именно тех пунктов в которых его обвиняют и которые сильнее всего его волнуют...

Председатель: Я слышу, вы говорите это имеет большое значение и поэтому вы читаете это и постольку поскольку это заявление о фактах, мне кажется есть кое-какое оправдание подробно читать это. Но когда вы переходите к вопросам аргументации, мне кажется нет никакого повода читать это, потому что аргументация конкретного свидетеля на самом деле совершенно не касается трибунала. Подытожьте аргументацию если хотите. Я говорю, вы можете читать фактическую часть. Суммируйте остальное – может быть, вы можете сказать нам, что из этого аргументация.

Штамер: Очень хорошо, господин председатель. Генерал Кортен далее заявил о том, что все документы которые относятся к вопросу летчиков-террористов и расстреле офицеров королевских воздушных сил представляли ему и после их изучения он пришел к выводу, что содержание этих документов доказательство того, что главнокомандование вооруженных сил, а также рейхсмаршал возражали этой акции и делали всё возможное в их власти, чтобы воспрепятствовать воплощению в жизнь этой меры запланированной Гитлером. Он особенно отмечает, что в одном из этих писем есть пометка на полях о том, что невозможно получить ответ от главнокомандующего воздушными силами, и он делает вывод, что рейхсмаршал лично возражал любому окончательному решению по данному вопросу.

Затем рассматривается дальнейший инцидент:

«Вопрос 8: Фюрер, по причине указанной в пункте 5, в связи с обсуждением обстановки и в присутствии всех, взволнованно обвинял германские Люфтваффе в соглашении о взаимной трусости с воздушными силами союзников?

Ответ: В течение первой половины марта 1945, Борман показал фюреру заметку из сообщения корреспондента в союзнической прессе. Суть заметки была такой: экипаж американского истребителя, которые незадолго до этого был сбит над Германией, был подобран передовыми американскими войсками. Экипаж сообщил о том, что разгневанные гражданские плохо с ними обращались, угрожали им смертью, и по всей вероятности подвергли линчеванию если бы не немецкие солдаты которые освободили их и защитили их. Борман

заметил Гитлеру в нескольких фразах, что подтвердилось, что немецкие солдаты в подобных примерах шли против собственных сограждан, и он сделал вывод нечто вроде: «Мой фюрер, вот так исполняют ваши приказы». Затем, в присутствии всех на обсуждении обстановки фюрер сделал очень взволнованные заявления и помимо прочего фюрер сказал мне: «Если мои приказы не исполняют то это из-за трусости Люфтваффе, потому что люди в Люфтваффе трусы и они боятся, что однажды что-то может случиться и с ними. Это ничто иное как договоренность трусов между германскими Люфтваффе и английскими и американскими летчиками». Я сообщил об этом рейхсмаршалу.

Я не могу сказать, делал ли подобные замечания Гитлер лично рейхсмаршалу, но считаю это вполне возможным, потому что делая подобные упреки, особенно если они относились к Люфтваффе, он часто повторялся и использовал похожие выражения.

Вопрос 9: В какой день состоялась эта дискуссия?

Ответ: Я не могу назвать дату».

Теперь мы переходим к:

«Вопрос 10: Фюрер постоянно приказывал бывшему рейхсмаршалу раскрыть имя офицера Люфтваффе который в мае 1944, защитил союзных летчиков которых сбили в Мюнхене от линчевания населением? Однако, несмотря на постоянные запросы фюрера, рейхсмаршал не дал никаких указаний выяснить имя этого офицера и дать знать об этом фюреру?»

Я могу подытожить ответ. Он говорит, что не может сказать об этом по собственному опыту, ему сообщали только о том, что офицер Люфтваффе и ортсгруппенляйтер вмешались в интересах этого американского экипажа, что ортсгруппенляйтер, который был известен, был расстрелян по приказу Гитлера, что Гитлер требовал предоставить ему имя офицера Люфтваффе, чтобы он назвал ему имя. Дальше он говорит, что если бы рейхсмаршал на самом деле хотел выяснить имя этого офицера Люфтваффе, то он мог легко это сделать.

«Вопрос 11: В конце войны Люфтваффе, когда-либо получали приказы бомбами уничтожить концентрационный лагерь Дахау при приближении противника? В частности, гауляйтером в Мюнхене был отдан приказ об этом под кодовым словом «Облако³⁴⁵»? Гауляйтер мог дать такие указания Люфтваффе?».

И снова я подытожу ответ. Свидетель говорит:

«Я не помню никакой приказ об этом» и особенно он не знает, отдавал ли

³⁴⁵ См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III /Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2019, стр. 302-304.

гауляйтер в Мюнхене подобный приказ. Гауляйтер не был компетентен отдать подобный приказ, и он не верит в то, что старший офицер Люфтваффе стал бы исполнять подобный приказ.

«Вопрос 12: Что вам известно об отношении рейхсмаршала и его Люфтваффе к вражеским летчикам которых сбили?»

«Ответ: Несмотря на случайные выражения недовольства, отношение рейхсмаршала всегда было корректным и рыцарским, которое соответствовало традиции воздушных сил которую он выучил в Первую мировую войну и на которую он часто ссылался.

Конечно, волнуясь о больших трудностях воздушной обороны и находясь под давлением фюрера, вероятно иногда он использовал грубые слова. Однако эти слова вскоре забывались, и я не знаю ни одного случая, когда рейхсмаршал следовал своим спонтанным высказываниям некорректными или грубыми мерами или приказами против военнослужащих вражеских воздушных сил. Поведение Люфтваффе всегда было корректным и гуманным. Рыцарская борьба было делом чести германских летчиков. Приводя лишь несколько примеров: при том, что вражеские экипажи стреляли в немецких летчиков которые парашютировались, и эти практики вызывали горькое сожаление наших летчиков и некоторых...»

Председатель: Что же, доктор Штамер. Снова, то, что вы читаете это комментарии, это не заявление о фактах, это комментарий и аргументация.

Штамер: Итак, господин председатель, он переходит к примеру в котором он сообщает об этих вещах.

Председатель: Что же, давайте перейдем к этому.

Штамер: Да. Спасательные службы Люфтваффе на море от Гельголандского залива до Английского канала и до Бреста, в Бискайском заливе, в Атлантике, и в Средиземноморье, использовали для противника точно также как для немцев. Службы спасения летчиков и службы спасательных лодок предпринимали безустанные усилия и демонстрировали образцовое самопожертвование при спасении друга и недруга в беде. Даже, когда...

Председатель: Но доктор Штамер, это неконкретные примеры. Это неконкретные факты. Это просто общие заявления которые на самом деле комментарии и аргументация о рыцарстве германских воздушных сил, вот и все.

Штамер: Господин председатель, этим он пытается доказать рыцарство германских воздушных сил.

Председатель: Но он не докажет это, сделав общее заявление.

Штамер: Нет. Позднее он перейдет – он продолжит по поводу того сколько спасли, сколько этих противников и сколько своих человек. Мне кажется, эти факты, господин председатель, важны при суждении об отношении Люфтваффе.

Председатель: Доктор Штамер, как я сказал, если вы снизойдете до фактов, если вы имеет цифры, тогда, несомненно это будет вопрос факта.

Штамер: Из тысяч спасенных на море спасательной службой германских Люфтваффе большинство относилось к противнику – членам вражеских экипажей, экипажей вражеских кораблей. Не будучи способен дать точные цифры. Я бы оценил – по памяти я бы сказал, что соотношение спасенного противника составляло от 70 до 80 процентов. И он продолжает:

«Когда мы шли на спасение своих людей или выполнять для них разведывательные полеты или были заняты другой работой, мы, видя, что экипажи, также вражеские экипажи, находятся в бедствии на вражеском побережье или за границами наших спасательных служб, мы немедленно сигнализировали об этом противнику и призывали его идти на спасение».

Есть ещё несколько вопросов заданных обвинением. Первый вопрос: «Какое отношение имел Кальтенбруннер к...».

Председатель: Доктор Штамер, обвинение должно читать свои вопросы если оно захочет это сделать.

Штамер: Меня не интересуют эти вопросы, господин председатель.

Максвелл-Файф: Обвинение не хочет читать эти вопросы.

Председатель: Трибунал их прочитает. Вы имеете в виду, что хотите приобщить их – приобщить их в качестве доказательств?

Максвелл-Файф: Мы приобщаем их, но мы не хотим их читать.

Председатель: Хорошо.

Штамер: Я уже сказал, что это экземпляр Геринг-55.

Тогда остается еще один опросный лист, господин председатель.

Председатель: Доктор Штамер, вы понимаете, что трибунал предполагает прочесть все доказательства и таким образом эти опросные листы будут прочитаны и рассмотрены даже при том, что их не будут читать сейчас на открытом процессе. Вы приобщили их в качестве доказательств, поэтому трибунал будет благодарен если вы сократите оглашение этих письменных показаний и опросных листов как можно сильнее.

Штамер: Я буду поступать соответственно, господин председатель. Итак, мы переходим к опросному листу Хаммерштейна³⁴⁶ который я приобщу как экземпляр номер Геринг-52. Господин председатель, данный опросный лист отсутствует у меня в подлиннике. Я могу предъявить только заверенную копию. Он представлен обвинению, он переведен, но сейчас не может быть найден. Но, я полагаю, я очень скоро найду подлинник, я уведомил об этом сэра Дэвида. Британское обвинение уже имело этот документ и этот документ был переведен.

³⁴⁶ Кристиан фон Хаммерштейн-Локстен (1887 – 1967) – немецкий юрист. В 1940-1945 начальник правового управления Люфтваффе.

Председатель: Вы имеете в виду, подлинник не туда положили или что-то такое.

Штамер: Не туда положили, господин председатель и я не смог сейчас его найти. Все равно, он предъявлен.

Максвелл-Файф: Милорд, нет никакого возражения этим письменным показаниям. У меня есть копия. В целом, если можно сказать, это служит цели допустимости если доктор Штамер предъявляет его и трибунал рассмотрит это надлежащим образом.

Председатель: Да.

Штамер: Подлинник будет предъявлен в течение нескольких следующих дней. Это опросный лист главного военного прокурора воздушных сил, доктора фон Хаммерштейна. Несколько лет он был верховным судьей воздушных сил и в этом качестве он ежемесячно докладывал подсудимому Герингу. Таким образом он мог судить об отношении Геринга как высшей судебной власти, и он подробно описывает то насколько серьезно подсудимый Геринг подходил к своим обязанностям высшей судебной власти.

Дальше он описывает, то как рейхсмаршал Геринг оставлял за собой право решать более важные вопросы, как он сильно заботился о всех вопросах, как он настаивал на том, чтобы солдаты под его командованием должны были поддерживать строгую дисциплину. Он особенно следил за тем, чтобы солдат под его командованием наиболее сурово наказывали если они совершали незаконные деяния против гражданского населения и особенно против гражданского населения на оккупированных территориях.

Затем он описывает, то как рейхсмаршал Геринг требовал сурового наказания в частности, когда стоял вопрос нарушения женской чести и то как во многих распоряжениях он всегда настаивал на том, что подобающее уважение женской чести является первейшим долгом солдата, как в серьезных случаях изнасилования, он всегда требовал смертной казни, независимо от национальности женщины. Например, в двух случаях он отменил приговоры, потому что они были слишком снисходительными и он утвердил приговор только после вынесения смертной казни.

Председатель: Что же, конечно, то, что вы сказали, доктор Штамер, дало нам суть письменных показаний. Вы сказали, что этот человек был главным военным прокурором воздушных сил и что закон в отношении правонарушений в воздушных силах строго соблюдался. Я уверен в том, что это все, что вы хотели подытожить.

Штамер: Да, господин председатель. Что я хотел донести это то, что не имела значение национальность женщины. В одном случае против русской женщины, он...

Председатель: Это именно то, что я сказал, что закон строго соблюдался. Это лишь иллюстрация того насколько строго соблюдался закон.

Штамер: Очень хорошо, господин председатель. Я привел суть. Я откажусь от дальнейшего пояснения и предъявлю этот документ.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал считает, что его время тратится впустую, и если только защитники не смогут сделать то, чего от них требует трибунал, приобщать эти письменные показания и опросные листы в качестве доказательства, давая самое краткое изложение или описание письменных показаний или опросных листов, трибунал должен будет распорядиться о том, чтобы опросные листы и письменные показания просто приобщали в качестве доказательств и он не будет заслушивать никакие комментарии о них.

Наступает именно то время, когда защитники будут произносить свои речи, и если в письменных показаниях или опросных листах есть, что-то реально значимое, они будут иметь возможности прокомментировать это. И также, сам трибунал предполагает прочитать не только устные доказательства, но и документальные доказательства по данному делу.

Штамер: Тогда, господин председатель, я бы хотел предъявить этот документ под номером экземпляра Геринг-52.

Председатель: Итак, защитник подсудимого фон Риббентропа, доктор Хорн, вы не имеете никаких письменных показаний или опросных листов, чтобы приобщить, не так ли, которые были одобрены трибуналом?

Хорн: Господин председатель, я прошу разрешить предъявить трибуналу четыре письменных показания.

Речь идет о письменных показаниях легационного советника доктора Эберхарда фон Таддена. Легационный советник фон Тадден³⁴⁷ был в отделе информации номер 14 министерства иностранных дел, который был отделом который занимался еврейской проблемой и координацией антисемитской пропаганды в зарубежных странах совместно с другими германскими ведомствами. Это был...

Председатель: Доктор Хорн, вы заявили ходатайство об этих документах?

Хорн: Я в письменном виде заявил ходатайство генеральному секретарю, и я попросил о том, чтобы эти письменные показания были приняты. Этим утром я получил подтверждение о том, что эти письменные показания переданы обвинению и в отдел переводов. Таким образом, я прошу предъявить этот документ как экземпляр номер Риббентроп-319.

Дальнейшие письменные показания которые я предъявляю, и я в письменном виде заявил ходатайство генеральному секретарю об их принятии, письменные показания доктора Вернера Беста, бывшего уполномоченного Рейха.

Максвелл-Файф: Извиняюсь, но я сказал доктору Хорну, что мы не имеем копий этого, они к нам пока не попали.

Председатель: Что же, передо мною список из четырех письменных показаний, Тадден, Бест, Риббентроп и Шульце, и сказано, что они не одобрены трибуналом.

---

³⁴⁷ Эберхард фон Тадден (1909-1964) – немецкий дипломат и юрист. Сотрудник антиеврейского отдела МИД Германии. Связной МИД с СС.

Следовательно...

Максвелл-Файф: Милорд, доктор Хорн упоминал их мне день или два тому назад? и спросил буду ли я возражать их переводу, и я сказал: «нет» -, что я не буду возражать их переводу. Конечно, я не имел возможности их увидеть.

Председатель: Не будет лучше, так как они ушли в отдел переводов, чтобы их приобщили в качестве доказательства сейчас, как я понимаю доктор Хорн намерен сделать это, конечно с учетом, что может возникнуть любой вопрос об их допустимости?

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Очень хорошо, не назовете ли вы просто номера.

Хорн: Письменные показания подписанные Бестом я бы хотел предъявить как экземпляры Риббентроп-320. Я бы хотел дать краткое объяснение о причине этих письменных показаний.

В перекрестном допросе, моему клиенту предъявили документ PS-2375. Документ – письменные показания полковника полиции доктора Рудольфа Мильднера³⁴⁸. Отрывок из этих письменных показаний который касается обращения с еврейским вопросом в Дании цитировали моему клиенту. Я изучил данный документ и установил, что два документа имеют номер PS-2375. Один документ - заявление сделанное доктором Мильднером которое дано не под присягой. Данное заявление которое не дано под присягой содержало этот фрагмент который предъявили моему клиенту в перекрёстном допросе. Под этим же номером есть письменные показания под присягой и это тоже доктор Мильднер. Отрывок об отношении Риббентропа к еврейскому вопросу не содержится в этих письменных показаниях.

По этой причине, я попросил доктора Беста который по указанию Риббентропа руководил еврейским вопросом и по словам доктора Мильднера, делал это, дать эти письменные показания, документ номер Риббентроп-320, которые я сейчас предъявляю трибуналу.

Председатель: Очень хорошо.

Хорн: Кроме этого, моему клиенту предъявили в перекрёстном допросе серию документов к которым он мог сделать только краткие заявления, так как они были очень длинными документами, большинство из которых не видели раньше. Я бы хотел попросить трибунал, разрешить мне предъявить короткие объяснения от имени моего клиента в форме письменных показаний, которые я назову экземпляром номер Риббентроп-321.

Затем, я бы хотел, чтобы мне позволили выразить отношение к документу ТС-75. ТС-75 представляет собой записку направленную Риббентропом Гитлеру. Она была предъявлена обвинением в очень сокращенной форме. Когда я впервые

³⁴⁸ Рудольф Мильднер (1903-1953?) – штандартенфюрер СС. В сентябре 1943 – январе 1944 начальник Гестапо в Дании.

получил документ в подлиннике, фотокопия совпадала с копией предъявленной обвинением. Когда мне дали документ во второй раз, я получил фотокопию на девяти страницах. В своей заключительной речи я бы хотел сослаться на этот документ. Таким образом, для того, чтобы сэкономить время трибунала, я прошу разрешение представить этот полный документ ТС-75.

У меня больше нет ходатайств, господин председатель.

Председатель: Доктор Хорн, вы не указали номер последних письменных показаний.

Хорн: ТС-75 станет экземпляром номер Риббентроп-322.

Симерс: Господин председатель, с разрешения трибунала, я бы хотел рассмотреть те пункты моего допроса которые не рассматривали.

Прежде всего, речь идет о свидетеле который был разрешен мне трибуналом, генерал-адмирале Бёме³⁴⁹. Трибунал вспомнит, что мне разрешили допросить данного свидетеля в конце представления доказательств. Между тем, после консультации с господином Элвином Джонсом и сэром Дэвидом, я в Гамбурге получил письменные показания от генерал-адмирала Бёма, поэтому, вероятно я могу отказаться от него как свидетеля.

Я представил эти письменные показания сэру Дэвиду и господину Элвину Джонсу, и господин Джонс сказал мне вчера вечером, что сэр Дэвид согласен, и что он откажется от перекрёстного допроса и одновременно я согласился не настаивать на допросе, а буду удовлетворен предъявлением и оглашением письменных показаний. Кажется сэр Дэвид согласен.

Я бы хотел предъявить эти письменные показания генерал-адмирала Бёма как экземпляр Рёдер-129. Они были даны под присягой 13 июня сего года в присутствии нотариуса доктора Зивекинга в Гамбурге.

Председатель: Их не нужно читать, не так ли?

Симерс: Господин председатель, я был бы очень благодарен, если бы мне позволили прочитать эти письменные показания так как они касаются той части доказательств которые весьма важные. Трибунал, уверен, вспомнит то...

Председатель: Но я уже сказал вам, доктор Симерс – вы, разумеется, можете ограничить себя действительно важной частью и подытожить всё, что не настолько важно. Нельзя, чтобы нам читали все эти документы.

Симерс: Трибунал согласится со мной в том, что если говорить о моих остальных документах, я читал весьма мало. Моя причина прочитать часть из этого заключается в том, что британская делегация в конце перекрёстного допроса предъявила два очень длинных сборника, GB-464 и GB-465. Это сводки о ключевых документах из двадцати двух.

Председатель: Доктор Симерс, разумеется вы можете сказать нам, в чем суть письменных показаний. Тогда мы будем знать общий предмет и тогда, я склонен

³⁴⁹ Герман Бём (1884 —1972) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 апреля 1941 года).

думать, вы можете обратить ваше внимание на конкретные вопросы которые имеют особенное значение. Это просто займет время трибунала если вы будете рассказывать нам о том, что сделало обвинение.

Симерс: Прошу прощения, господин председатель, если меня неправильно поняли. Я так и думал сделать.

Я не буду читать «I» из письменных показаний. Я просто подытожу это. Это дискуссия между Рёдером и генерал-адмиралом Бёмом летом 1939, в связи с которой Бём сказал Рёдеру о том, что он волновался по поводу политического развития. Тогда он спросил Рёдера, обращал ли он внимание Гитлера на большие угрозы и то, что германский флот не в состоянии вести войну на море:

«Гросс-адмирал Рёдер ответил мне» - и это его слова – «что он не ставил это перед Гитлером, и что он сделал вывод о своём понимании Гитлера фундаментальной фразой: «В таком случае флот не может сделать ничего кроме как славно погибнуть».

Номер II письменных показаний генерал-адмирала Бёма:

«22 августа 1939 Гитлер выступил перед высокопоставленным руководством вооруженных сил в Оберзальцберге. Я присутствовал в течение всего выступления, которое длилось 2 – 2 ½ часа. Выступление было в кабинете Гитлера».

Я опускаю следующие несколько пунктов и продолжаю:

«Выступление» - которое предъявлено трибуналу как экземпляр номер Рёдер-27 – «изложено мной с большой точностью и я могу заявить под присягой, что выступление произносилось таким образом, как я его изложил. В частности я могу подтвердить, что мой отчет содержит все важные идеи и слова.

Версии представленные обвинением, документы номер PS-798 и PS-1014 предъявленные мне доктором Симерсом. Я сравнил свою версию с этими двумя версиями».

Я снова пропускаю абзац.

«Я заявляю под присягой, что некоторые выражения использованные в этих документах вовсе не использовались Гитлером, в то время как остальные использовались Гитлером в другом смысле и частично в другой форме.

Что касается документа PS-798 следующие номера страниц и строчки согласуются с версией которую я сейчас получил и которая была представлена сэром Дэвидом Максвелл-Файфом».

Я бы хотел напомнить трибуналу, что это десятистраничная сводка, GB-464. В данной версии вы найдете фразу:

«Потом мы обсудим военные детали.

Комментарий: эта фраза не использовалась. Военные детали не

следуют и в PS-798.

Страница 1, строки 7-10: «Я принял решение еще весной, но считал, что сначала мне в ближайшие годы придется выступить против Запада, а уже потом только — против Востока».

Комментарий: отчет изложенный мной, на странице 1, строки 5-8, абсолютная правда. В любом случае Гитлер никогда не использовал слова, что он сначала выступить против Запада.

Страница 1, строки 12-14: поначалу я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы прежде всего повести борьбу против Запада.

Комментарий: Эта фраза никогда не использовалась, и то, что я сказал относится и к этому. Гитлер никогда не озвучивал намерение о том, что он хотел выступить против Запада».

Сейчас я опускаю следующий пункт и в строках 15-18 на странице 2 сказано:

«Для нас принятие решений — дело легкое. Нам терять нечего, мы можем только выиграть. Наше экономическое положение в результате ограничений таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет.

Комментарий: что касается этого— версия в моём заявлении, строка 2, строки 21-26, абсолютно верная. Прежде всего фраза: «Нам нечего...»

Председатель: Доктор Симерс, это не все что требуется? Есть две или три версии этой конкретной речи и этот адмирал говорит, что его версия правильная. Это не всё, что нужно. Я имею в виду, он не думает, что другие версии правильные. Что же, трибунал без сомнения сравнит три версии и сравнит это с письменными показаниями. Но в чем смысл читать нам на данной стадии, я не знаю.

Симерс: Очень хорошо, господин председатель. Большое спасибо. Тогда я прошу трибунал вынести судебное уведомление о дальнейших заявлениях, как они здесь изложены. Я бы хотел сослаться на то, что генерал-адмирал Бём прямо утверждает и заявляет под присягой, что фраза которую цитировали несколько раз: «Боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне свое предложение о посредничестве» - не произносилась Гитлером.

Ссылаясь на документ PS-1014, я бы хотел прочесть фразу которую поднимало обвинение шесть или семь раз.

«Уничтожение Польши — на первом плане. Цель — уничтожение живой силы, а не достижение определенной линии.».

В связи с этим Бём говорит:

«Никогда не шла речь об уничтожении Польши или уничтожении жизненной силы польского народа. То, что обсуждалось было прорывом военных сил».

И я бы хотел, чтобы трибунал вынес судебное уведомление об этих очень аккуратно изложенных заявлениях ибо мне кажется, что это важно при оценке доказательственной ценности документов представленных обвинением.

Затем под цифрой «III» генерал-адмирал Бём описывает тот период в течение которого он был командующим в Норвегии. Я бы хотел, чтобы трибунал вынес об этом судебное уведомление. Данное заявление в основном касается борьбы которую Рёдер и Бём вели против Тербовена, против германской гражданской администрации и попыток заключить мир с Норвегией.

Господин председатель, спустя много недель опросный лист Альбрехта³⁵⁰ дошел до меня в своей окончательной форме. Я направил его в отдел переводов несколько дней назад и пока не получил перевод. Этот опросный лист одобрен, и я предъявляю его как экземпляр номер Рёдер-128. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом опросном листе.

Я бы хотел сказать, что генерал-адмирал Альбрехт многие годы был одним из ближайших сотрудников Рёдера. Он ушел в отставку в октябре 1939. Он знает об отношении Рёдера, и он знает главнокомандование флота до 1933 и до 1938. Он тоже подтверждает, что Рёдер постоянно предупреждал Гитлера об осложнениях и что Гитлер всегда говорил: «Я держу все под контролем, и я не позволю начаться войне».

Что касается остальных пунктов, я прошу, господин председатель, о том, чтобы трибунал вынес о них судебное уведомление.

Затем я хотел бы сослаться на следующее: один опросный лист генерал-адмирала Шульце³⁵¹ пока не на руках. Мои усилия получить этот опросный лист идут к марту 1946. Я дал его адрес. Свидетель на пенсии и живет в Гамбург-Бланкенезе. К сожалению, до сих пор опросный лист не прибыл в Гамбург. Я был бы очень благодарен трибуналу если бы он дал мне разрешение предъявить этот опросный лист позже, так как лично я никак не могу ускорить это. Я не знаю, когда он поступит ко мне, так как тем временем его направили в Вашингтон по причинам которые я не понимаю, но разумеется я надеюсь, что он вернется когда-то в будущем, господин председатель...

Председатель: Простите. Что вы имеете в виду про отправку в Вашингтон? Вы сказали Вашингтон?

Симерс: Генеральный секретарь сообщил мне, что этот опросный лист направлен в Вашингтон для того, чтобы найти там свидетеля, однако свидетель проживает в Гамбург-Бланкенезе. Извиняюсь, что я никак не могу использовать своё влияние даже при том, что пытаюсь 3 месяца.

Председатель: Что же, несомненно генеральный секретарь прилагает все усилия,

³⁵⁰ Конрад Альбрехт (1880 — 1969), немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 апреля 1939 года). В 1938-1939 командующий морской станцией «Восток».

³⁵¹ Отто Шульце (1884 — 1966) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (31 августа 1942 года). В марте 1941 – августе 1942 командующий флотом во Франции.

чтобы найти этого свидетеля. Если он найден, тогда – какие даты? Вы говорите 3 месяца назад вы представили этот опросный лист? Он был направлен в Гамбург или куда его направили?

Симерс: Я...

Председатель: Разумеется, доктор Симерс, вы должны знать. Вы были все эти три месяца в контакте с генеральным секретарем и вы говорите, что он направил его в Вашингтон. Вы должны знать. Вы давали ему какой-либо адрес в Гамбурге? В чем ваша жалоба?

Симерс: Господин председатель, вы неправильно поняли. Я не жаловался. Я просто сказал о фактах для того, чтобы показать почему опросный лист не здесь, и я прошу о том, чтобы, когда опросный лист придет, мне позволили предъявить его, хотя к этому времени доказательства...

Председатель: Я знаю, что говорите, но трибунал хочет знать, куда сначала направили опросный лист и почему его направили в Вашингтон, и почему его не направили в Гамбург и что вам известно об этом – якобы – что человек который должен был подготовить опросный лист был в Гамбурге?

Симерс: Господин председатель, я сам из Гамбурга и в прошлом ноябре я беседовал со свидетелем и дал его адрес, когда впервые заявил ходатайство генеральному секретарю. Вероятно возникло какое-то недопонимание с другими ведомствами которые пересылали опросный лист. Вероятно они искали свидетеля по имени Шульце в каком-то другом месте. Имя генерал-адмирала - Отто Шульце и вполне возможно, что они искали кого-то еще с таким распространенным именем.

Единственный ответ который я получил, был о том, что свидетеля искали, на что я ответил, что не нужно искать свидетеля.

Додд: Думаю, трибуналу может быть интересно знать, что сам доктор Симерс вернулся из Гамбурга несколько дней назад и думаю он был там два или три раза с момента, когда попросил этот опросный лист. Теперь, если ему известно где этот свидетель, все что ему нужно было сделать это поехать к офицеру военного губернатора, представить ему вопросы, получить на них ответы и привезти обратно, и думаю немного нечестно винить генерального секретаря в таких обстоятельствах.

Симерс: Я крайне сожалею, что господин Додд считает нужным упрекать меня в нечестности. Мне сказали, что я не могу вручить опросный лист свидетелю. Опросный лист для адмирала Альбрехта я привез с собой из Гамбурга по просьбе генерального секретаря, потому что отсутствовала форма присяги. В подобном случае я считаю совершенно обычным, что я должен взаимодействовать с генеральным секретарем. Однако, я предъявил данный опросный лист и не могу понять как господин Додд может винить меня, если я не взял с собой опросный лист.

Председатель: Что же, кажется это трата времени. Нам лучше получить доклад от генерального секретаря.

Симерс: Господин председатель, кажется меня все же неправильно поняли. Я никого не обвиняю. Я просто прошу разрешение представить опросный лист потом.

Председатель: Что же, мы рассмотрим это. Мы не будем принимать никакого решения пока не получим доклад генерального секретаря об обстоятельствах.

Симерс: Господин председатель, тогда я бы хотел отметить про два моих одобренных ходатайства, которые не полностью выполнены. Одно ходатайство касается материалов британского адмиралтейства содержащих планы союзников в отношении Скандинавии и Финляндии. Чисто формально я бы хотел сказать, это ответ министерства иностранных дел, который известен трибуналу, доступен, и трибунал одобрил представление этих материалов, но просьба была отклонена министерством иностранных дел. Так как этот вопрос раньше не рассматривали, я бы хотел внести в него абсолютную ясность.

Председатель: Думаю трибунал имел сообщение из министерства иностранных дел.

Симерс: Но я не предъявлял его, господин председатель. Поэтому, я не знал под каким номером, каким номером экземпляра его можно найти в материалах трибунала. Будет ли возможно, господин председатель...

Председатель: Вы, разумеется можете присвоить номер. Присвойте какой угодно номер. Какой номер вы хотите?

Симерс: Могу я предъявить этот документ как экземпляр Рёдер-130 либо этим вечером или как самое позднее завтра утром?

Председатель: Да.

Симерс: Затем, господин председатель, я попросил о том, чтобы в мое распоряжение предоставили первое издание книги Гитлера «Mein Kampf». В данном случае, я бы также хотел отметить, что согласно полученной информации генеральный секретарь приложил все усилия, за что я благодарен, но не смог предоставить мне первое издание.

Я бы хотел напомнить вам, что издание использованное обвинением 1933 года и поэтому не может использоваться в качестве обоснования аргументации обвинения о периоде до 1933.

Председатель: Это вопрос аргументации.

Симерс: Да, конечно.

В мое отсутствие, сэр Дэвид Максвелл-Файф представил четыре документа. Как я смог установить, эти документы которые исходят от адмирала Ассмана³⁵², представлены с пометкой о том, что адмирал Ассман относился к штабу gross-адмирала Рёдера. Данный факт также несколько раз упоминался в предыдущих материалах.

Порядка ради, я бы хотел внести ясность в эту ошибку. Ассман был в историческом отделе и он никак не касался штаба Рёдера. В связи с этим...

Председатель: Вы имеете какие-либо доказательства о фактах о которых говорите,

³⁵² Курт Ассман (1883 – 1962) – немецкий адмирал. В 1937 – 1943 руководитель военно-морского архива Германии.

или обвинение принимает их?

Максвелл-Файф: Разумеется принимаем, милорд, мы имели это в качестве доказательств и мы принимаем тот факт, что он был в военно-историческом отделе германского адмиралтейства. Милорд, когда я сказал «штаб» я говорил в общем. Я не имел в виду оперативный штаб.

Председатель: Тогда нам не нужно дальше тратить время на это.

Симерс: Я бы хотел сослаться на один пункт, господин председатель, о четырех документах: D-879, D-892 и D-854. Надеюсь, что в этом вопросе сэр Дэвид тоже согласится со мной. Все английские переводы имеют заголовок «Дневник»...

Максвелл-Файф: Милорд, это просто момент о том как следует описывать компиляцию адмирала Ассмана. Я совершенно готов, что это нужно описывать как в подлиннике.

Председатель: Что же...

Максвелл-Файф: Доктор Симерс возражал тому, что это описали как «дневник» и сказал, что следует описывать это как индекс. Милорд, мне все равно как это описывать.

Председатель: Что это значит? Тогда назовем это индексом. Это все ваши доводы?

Симерс: Господин председатель, это важно, так как здесь, в зале суда много «дневников» предъявили под обозначением «дневник», а это на самом деле записи сделанные в то время.

Председатель: Сэр Дэвид говорит, что он отзовет слово «дневник» и вы можете называть это как угодно. На самом деле, это просто трата нашего времени разбираться в таком техническом вопросе. Сэр Дэвид согласен с вами, и он готов отозвать слова «дневник».

Симерс: Да.

Председатель: Очень хорошо, не нужно ничего говорить нам об этом.

Симерс: Совершенно согласен, господин председатель.

Господин председатель, я не желаю занимать время трибунала всеми остальными и очень многочисленными ошибками в переводе. Моя заключительная речь покажет то насколько это важно в связи с документом Ассмана. Как предложил трибунал я доведу остальные ошибки в переводе до сведения генерального секретаря.

Председатель: Если есть какие-либо ошибки в переводе, вопрос можно решить с помощью генерального секретаря совместно с отделом переводов.

Доктор Симерс, защитнику в вашем положении весьма не подобает делать подобные заявления о которых вы вообще не имеете доказательств. Вам прекрасно известно, что когда есть, якобы неправильный перевод, генеральный секретарь всегда обращался в отдел переводов и затем их исправляли, и то, что вы на этом этапе процесса говорите, что много неправильного перевода, без каких-либо доказательств, просто по вашим словам, это совершенно неподобающая вещь для

защитника и это взгляд трибунала.

Симерс: Господин председатель, я прошу прощения, но я думаю, что вероятно не так выразился. Я не предъявляю обвинения, но при таком количестве документов неудивительно, что эти ошибки случаются. Я сам допускаю ошибки. Я извиняюсь если мои замечания неправильно поняли.

Председатель: Все ошибаются, и каждый может иметь свое мнение о переводах, но вы и остальные защитники знаете, что эти ошибки, если это ошибки, будут по возможности исправлены, и они знают то как это делается и поэтому, как я сказал, вам не подобает вставать и предполагать, что есть много неправильного перевода. Я не хочу тратить на это время.

Трибунал прервется.

[Объявлен перерыв]

Председатель: Доктор Нельте, вы имеете какие-нибудь документы которые желаете приобщить в качестве доказательства.

Нельте: Господин председатель, с письмом от 1 июля 1946, я приобщаю три письменных показания, после предварительного представления обвинению. Эти три документа станут документами Кейтель-23, Кейтель-24 и Кейтель-25. Я прошу трибунал принять их, поскольку обвинение, как сказал мне сэр Дэвид, не возражает их приобщению в качестве доказательства.

Председатель: И они представлены для перевода, или их перевели?

Нельте: Они в процессе перевода. Я просто предъявил подлинники трибуналу.

Председатель: Тогда очень хорошо, мы примем их в качестве доказательства и рассмотрим их.

Нельте: Благодарю.

Председатель: Доктор Кауфманн?

Кауфманн: Господин председатель, я имею несколько опросных листов одобренных мне трибуналом. Подлинники у меня, они пронумерованы, и я бы хотел предъявить их. Отдел переводов сообщил мне о том, что переводы пока не в распоряжении трибунала, но я полагаю, что они будут в руках трибунала в следующие несколько дней.

Председатель: Да.

Кауфманн: Я бы хотел сказать, в нескольких коротких фразах, какое содержание у документов, если трибунал пожелает, чтобы я так сделал.

Есть три документа которые ссылаются на эту одинаковую тему: показания данные президентом Красного креста в Женеве, профессором Буркхардтом³⁵³, показания доктора Бахмана³⁵⁴, который был делегатом Красного

³⁵³ Карл Буркхардт (1891 — 1974) — швейцарский дипломат и историк. Знаменит не только академическими историческими исследованиями, но и дипломатической работой, прежде всего в качестве Верховного комиссара Лиги

креста, и затем есть показания доктора Майера, и он тоже был представителем Красного креста.

В этих документах свидетели рассматривают дискуссии в течение марта и апреля 1945 которые были у них с подсудимым Кальтенбруннером. Они также показывают, что в силу этих дискуссий были достигнуты договоренности которые позволили тысячам французских, бельгийских и голландских женщин и детей вернуться в свои страны. Согласно этим договоренностям военнопленных и интернированных тоже освобождали из концентрационных лагерей позволив вернуться в родные страны. Ещё один результат заключался в том, что Кальтенбруннер дал разрешение посетить еврейский лагерь в Терезиенштадте и позаботился о том, чтобы другие лагеря получили медицинские припасы, продовольствие и т.д.

Все это подробно содержится в этих трех документах.

Председатель: Какие номера вы им присвоили?

Кауфманн: Документ профессора Буркхардта будет номером Кальтенбруннер-3; доктор Майер и доктор Бахман, номера Кальтенбруннер-4 и 5.

Председатель: Да.

Кауфманн: Следующий документ – опросный лист подготовленный бывшим гауляйтером Верхней Австрии Айгрубером³⁵⁵. Это экземпляр номер Кальтенбруннер-6. И снова, я бы хотел обратить внимание на одну вещь. Помимо прочего, данный свидетель говорит о том, что концентрационный лагерь в Маутхаузене³⁵⁶ не был создан Кальтенбруннером, как предполагает обвинение, и что он не был ответственным за жизнь или присутствие там интернированных. Здесь об этом сказано подробно и я не предлагаю это читать.

Следующий документ – опросный лист барона фон Эберштайна³⁵⁷, который номер Кальтенбруннер-7. И снова, я не буду читать из него, но вероятно, я могу сказать, одной фразой, что данный свидетель показал о том, что ему известно, что концентрационный лагерь Дахау и два вспомогательных лагеря относившиеся к Дахау не должны были, как утверждает обвинение быть уничтожены в последние месяцы или недели войны, но что подобный план рассматривался исключительно

Наций при обсуждении вопросов по Вольному городу Данцигу (1937-39) и президента Международного комитета Красного Креста (1945—1948).

³⁵⁴ Ганс Бахман (1911 – 1997) – сотрудник Международного Красного креста в 1942-1946, отвечал за организацию перевозок.

³⁵⁵ Август Айгрубер (1907 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер (22 мая 1938) и рейхсштатгальтер (1 апреля 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1943), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору американского трибунала.

³⁵⁶ Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

³⁵⁷ Карл фон Эберштайн (1894 — 1979) — высший руководитель СС и полиции «Юг» (Мюнхен; 12 марта 1938 года — 20 апреля 1945 года), высший руководитель СС и полиции «Майн» (Нюрнберг; 12 марта 1938 года — 17 декабря 1942 года), полицей-президент Мюнхена (1 апреля 1936 — 1 октября 1942 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года), генерал полиции (8 апреля 1941 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года).

гауляйтером Мюнхена Гислером³⁵⁸.

Затем есть ещё опросный лист, который показания свидетеля Ваннека³⁵⁹. Это будет экземпляром Кальтенбруннер-8. Я бы хотел обратить внимание трибунала особенно на данный документ. Это длинный документ, и я не буду читать из него. Однако, мне кажется, я могу сказать, что данный человек был особенно хорошо знаком с подсудимым и всей официальной деятельностью в течение многих лет. Данный свидетель годы занимал ведущее место в зарубежной разведывательной службе. Ему известно, что Кальтенбруннер согласовал с Гиммлером, что он, Гиммлер сохранит исполнительную власть, а Кальтенбруннер как таковой будет работать в основном в секторе разведки.

Наконец, господин председатель, есть два документа которые ещё не обсуждали. Поэтому, сначала, трибуналу нужно решить об относимости документов к делу, и о том вправе ли я предъявить документы. Это два коротких письма которые я получил.

Первый это письмо из города Дахау, от 4 апреля 1946. Трибунал возможно припомнит, что во время принятия доказательств обвинения часто упоминалось, что население в окрестностях имело сведения о злоупотреблениях. Этот человек, который был сохранен американскими властями, подтверждает собственный опыт. По моему мнению это не соответствует тезису обвинения.

Непосредственно связано с этим второе письмо, которое от известного пастора Нимеллера, и которое датировано 17 апреля 1946. Нимеллер провел некоторое время в Дахау.

Додд: Господин председатель, не будет ли лучше, если сначала выслушают нас по письменным показаниям Нимеллера?

Мы возражали этим письменным показаниям бургомистра Дахау по той причине, что это просто письмо. Мы не имели никакой возможности организовать какой-либо перекрёстный допрос или задать какие-либо вопросы человеку.

Сюда приходит письма. Если мы будем предъявлять все письма которые пришли – мы на самом деле утонем в них.

Мы не хотим возражать по чисто техническим основаниям, если есть, что-то, что принесет пользу трибуналу. С другой стороны, мы не считаем, что мы должны отрицать для себя возможность выяснить всю историю с помощью какого-нибудь перекрёстного допроса.

Председатель: Это в связи со Швальбером³⁶⁰?

Додд: Да, сэр.

Кауфманн: Я не совсем понял, что вы сказали, господин председатель?

Председатель: Господин Додд сказал, что они возражают этому документу от

³⁵⁸ Пауль Гислер (1895 – 1945) – немецкий политик. В 1942-1945 гауляйтер Мюнхена и Верхней Баварии. Умер от ран после попытки самоубийства.

³⁵⁹ Вильгельм Ваннек (1909 – приблизительно 1970-е годы) – оберштурбаннфюрер СС. Сотрудник СД в 1934-1945.

³⁶⁰ Иозеф Швальбер (1902 – 1969) – немецкий юрист и политик. В 1946-1947 бургомистр Дахау.

Швальбера, потому что они не имели никакой возможности задать свидетелю вопросы, ни вызвав его в качестве свидетеля, ни перекрестным опросным листом. Таким образом, они возражают предъявлению документа в нынешней форме.

Кауфманн: Да, понимаю. Я знаю, что это вообще то проблематично, но трибунал сможет оценить доказательственную ценность писем по своему мнению. Вероятно, я могу предъявить эти два коротких документа трибуналу. Насколько мне известно обвинение ознакомилось с этими двумя документами, потому что они побывали в отделе переводов и недавно представитель обвинения сказал мне, что весьма возможно возникнут возражения. Вот почему, сначала я сказал трибуналу, что нужно решить об относимости к делу документов.

Председатель: Что же, доктор Кауфманн, лучше всего трибуналу будет прочитать документ и рассмотреть его. Мы сделаем это.

Кауфманн: Очень хорошо, господин председатель. Благодарю.

Додд: Я бы также хотел отметить трибуналу, что мы имеем одинаковую позицию по письму Ниммелера.

Председатель: Вы рассматриваете их совместно? Вы возражаете и письму Нимеллера?

Додд: Да, по тем же основаниям.

Председатель: Да, очень хорошо.

Панненбекер: Господин председатель, ответ на опросный лист Мессерсмита пока не предъявлен. Ответ недавно получили, и он переведен. Однако, кажется трибунал наверное, его пока не получил.

Председатель: Вы можете приобщить его в качестве доказательства и присвоить ему номер?

Панненбекер: Да, сэр, я собирался, однако я не ожидал, что это будет сегодня и я не имею номер который хотел присвоить экземпляру. Может быть мне позволят представить номер позднее? Да – это здесь, господин председатель и я сейчас предъявлю это как экземпляр номер Фрик-14. Это ответ на опросный лист. Ответы в такой же форме как те, что дал господин Мессерсмит в отношении других подсудимых. Я подробно сошлюсь на этот опросный лист в ходе своей заключительной речи. Таким образом мне не нужно читать это.

Затем, есть один ответ отсутствующий в опросном листе Конрада и я прошу разрешить предъявить его как только получу его.

Председатель: Это одобрено, не так ли? И теперь это у свидетеля?

Панненбекер: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Панненбекер: Благодарю.

Председатель: Доктор Серватиус.

Серватиус: Господин председатель, пока ещё нужно предъявить несколько опросных листов. Прежде всего, я предъявляю экземпляр номер Заукель-15

трибуналу. Это опросный лист Дарре³⁶¹.

Председатель: Чей это был опросный лист? Чей опросный лист?

Серватиус: Дарре, министра продовольствия и сельского хозяйства. Данный опросный лист рассматривает вопросы которые отчасти уже возникали на процессе. Я бы хотел обратить ваше внимание на несколько пунктов. Есть вопрос об общем отношении Заукеля, в частности к взглядам Гиммлера и свидетель подчеркивает, что были значительные разногласия между Гиммлером и Заукелем. Он говорит о фабрике в Тюрингии которая находилась под непосредственным контролем Заукеля и сказано, что рабочие были там настолько свободными, что они нанимались к крестьянам в течение дня, что довольно хорошая вещь. Затем он говорил о стычке между Заукелем и Гиммлером в присутствии фюрера по вопросу обращения, и он говорит, что Гиммлер заявил: «Я подчиняюсь только фюреру, и в официальных вопросах я подчиняюсь рейхсмаршалу, я не должен оправдываться перед вами».

Затем есть опросный лист министра труда Зельдте³⁶², который допущен трибуналом и который будет предъявлен как экземпляр номер Заукель-16. Я бы хотел затронуть несколько положений. Свидетель говорит о функциях Заукеля и функциях доктора Лея и он говорит, что Заукель осуществлял государственные функции в то время как Лей следил за социальным обеспечением и социальным надзором.

Затем он продолжает говорить об инспекциях и контроле, и он говорит о том, что ведомства страхования от несчастных случаев, здравоохранения и фабричные инспекции существовали раньше и продолжали функционировать находясь в компетенции министерства труда.

Затем идет опросный лист доктора Фосса, который я предъявляю как экземпляр номер Заукель-17. Я предъявляю подлинник позднее. Я боюсь не могу сейчас его найти. Этот врач был врачом в лагере, и он говорит об условиях в лагерях, в частности после воздушных налетов и о деятельности и обеспечении от Трудового фронта. Он рассматривает не только лагеря в которых он работал, но знает много в целом об условиях в других лагерях.

Его заявление противоречит показаниям данным доктором Егером. Таким же образом следующий документ, который я предъявляю как экземпляр номер Заукель-18 и который исходит от доктора Людвиг Шармана, при том, что и рассматривают другой сектор, содержит похожие заявления, которые прямо контрастируют показаниям данным доктором Егером.

На этом завершаются опросные листы которые мне одобрили. Теперь я

³⁶¹ Рихард Дарре (1895 — 1953) — руководитель Главного расово-поселенческого управления СС. Рейхсминистр продовольствия (1933—1942). Обергруппенфюрер СС (9 ноября 1934). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

³⁶² Франц Зельдте (1882—1947) - государственный и политический деятель Германии, один из руководителей организации «Стальной шлем» («Stahlhelm»), рейхсминистр труда (июнь 1932 — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СА (1933), прусский государственный советник. Умер находясь под арестом.

имею еще ряд документов о которых заявлял ходатайство, но решение о которых пока не принято. Я не знаю, нужно ли предъявлять их трибуналу. Они в основном касаются законов и распоряжений и я бы хотел предъявить их в дополнение к тому, что я уже предъявил.

Председатель: Да, доктор Серватиус, трибунал хочет, чтобы вы предъявили их сейчас, потому что трибунал желает рассмотреть доказательства от имени защиты окончательно, здесь и сейчас.

Серватиус: Есть распоряжение Заукеля о возвращении заболевших иностранных рабочих домой. Это показывает, что рабочих которые заболели, отправляли обратно и что сотрудники Красного креста должны были сопровождать их. Само распоряжение в официальном сборнике законов и распоряжений который уже предъявлен. Я проверю, что мой номер экземпляра представлен. Это будет номер Заукель-99 в дополнительной документальной книге.

Затем есть документ номер Заукель-100, который исходит из «Reichsarbeitsblatt»³⁶³, 1943, который уже предъявлен в качестве доказательств. Это касается исследования санитарных мероприятий в лагерях и касается обвинений которые предъявили в связи с этими проблемами проживания.

Затем есть, документ номер Заукель-101 который меморандум для французских военнопленных об отпуске, об их улучшенном статусе так называемой «трансформации»³⁶⁴. Я предъявлю его и присвою номер экземпляра. В настоящий момент это документ номер Заукель-101.

Затем идут документы 102 и 103. Оба законы содержащиеся в официальном «Reichsgesetzblatt»³⁶⁵. Они «германские инструкции об обязательной трудовой службе». Это приказ о чрезвычайной службе который я предъявляю как документ номер Заукель-102. Затем, в дополнение есть указ об обязательном труде который будет документом номер Заукель-103.

Затем я нахожу, что документ PS-4006 содержит ряд важных правил, но мне сказали, что обвинение собиралось прочесть их и поэтому я полагаю, что мне не нужно делать это.

Затем я получил письменные показания графа Шпрети, который с самого начала восточной кампании выступал в качестве офицера по вербовке на Востоке. Он рассматривает условия, и особо говорит, что деятельность Заукеля привела в основном к перемене в общем отношении. Они короткие и я считаю, что это особенно важно, потому что до сих пор ни одного офицера по вербовке не выслушивали...

³⁶³ «Трудовой вестник Рейха» (нем.) – немецкий журнал по трудовым вопросам издававшийся с перерывами с 1903 по 1945.

³⁶⁴ См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XIV/Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2022. — (Первопубликация), стр. 52-53.

³⁶⁵ «Правительственная газета» - газета правительства Германии издававшаяся в Германии с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

Затем я предлагаю предъявить документ номер Заукель-109, который будет списком...

Филлимор: Милорд, в отношении этих письменных показаний, мне сказали, обвинение вообще их не видело, что это должны принять с такими же оговорками как было сделано в предыдущих случаях.

Председатель: Да, разумеется. Эти письменные показания о которых вы говорите от графа фон Шпрети, Ш-п-р-е-т-и?

Серватиус: Да.

Филлимор: Да, милорд.

Серватиус: Затем я собираюсь предъявить список всех распоряжений Заукеля как документ номер Заукель-99 который дает понять то с какой заботой он относился к разным вопросам. Этот список приводит только названия.

Председатель: Очень хорошо, вы не присвоили номер письменным показаниям графа фон Шпрети.

Серватиус: Ему будет присвоен номер Заукель-108 в моей документальной книге и затем я присвою ему номер экземпляра, когда я представлю номера остальных документов.

Затем документ номер Заукель-110, 111 и 112...

Председатель: Доктор Серватиус, вы сейчас не присваиваете номера экземпляров?

Серватиус: Я сейчас это не делаю, потому что у меня нет с собой подлинников и часть из них официальные материалы которые уже предъявлены.

Председатель: Поймите, в деле подсудимого Заукеля, как и в деле любого другого подсудимого, экземпляры приобщаются от его имени, экземпляры приобщаемые в качестве доказательств от его имени должны иметь последовательную серию номеров и эту последовательную серию составляет сам защитник который приобщает документы в качестве доказательства. Это не зависит от того имеет ли он перед собой подлинник.

Серватиус: В таком случае я могу присвоить им номера экземпляров. Документ номер 108 будет экземпляром номер Заукель-18.

Председатель: Это какой?

Серватиус: Экземпляр номер 18.

Председатель: Может быть удобнее всего будет если вы тщательно изучите свои экземпляры и дадите список генеральному секретарю, присвоив точный номер экземпляра каждому документу.

Серватиус: Очень хорошо.

Затем документы номер 110, 111 и 112 содержащиеся в дополнении, три закона которые касаются положения рейхскомиссара обороны который упоминался в связи с распределением рабочей силы. Рейхскомиссар обороны, конечно гауляйтер который упоминался во время дела Шпеера в связи с промышленностью вооружений. Это просто основные законы, чтобы иметь их под рукой.

После заслушивания дела Шпеера, я получил письменные показания от свидетелей Гильдебрандта³⁶⁶ и Штотфанга³⁶⁷, которых допрашивали здесь в суде. Они касаются вопроса о том насколько Заукель должен был подчиняться указаниям Шпеера и какие отношения были между двумя ведомствами. Обвинение пока не определилось с отношением, и я думаю наверное было бы лучше если бы...

Додд: Мы будем рады предъявлению этих письменных показаний, господин председатель. Мы вообще не имеем возражения этому. Фактически, если бы они не были предъявлены доктором Серватиусом, мы сами намеревались их приобщить.

Председатель: Очень хорошо. Конечно трибунал считает, что это не в порядке вещей, чтобы свидетель который был вызван и давал показания, перекрёстно допрашивался – повторно допрашивался и перекрёстно допрашивался любым другим защитником который это захочет – что он должен иметь право дать другие показания, но если вы оба согласны, что в данном случае это удобней, как особое обстоятельство, мы это допустим.

Додд: Думаю – господин председатель, я, конечно, признаю замечание суда о предъявлении письменных показаний свидетелей которые были перед трибуналом. Здесь получилось так, что довольно материальные вопросы не были пройдены, когда он был здесь, и думаю трибунал найдет их довольно полезными при выяснении ситуации о Заукеле и Шпеере в отношении их общей и индивидуальной ответственности за эту программу рабского труда. Иначе, я бы конечно, вообще не просил об этом, думаю это будет полезно суду.

Флекснер: Господин председатель, я бы не заявлял формальное возражение допуску подобных письменных показаний если бы не был убежден в том, что в этом конкретном случае, допуск подобных письменных показаний в свою очередь не вызовет дальнейшую аргументацию. Я увидел формулировку этих письменных показаний только этим утром, и я убежден в том, что будет необходимо по крайней мере дальнейшее исследование его содержания. Таким образом, мне кажется, что если данный процесс должен быть сокращен, и по нашему делу тоже, нельзя отступать от общего правила о том, что письменные показания свидетелей которые уже являлись в суд не допускаются. В данном конкретном случае, где есть ссылка на публикацию которую рассматривают письменные показания, дело было бы яснее если бы были предъявлены эти публикации, и таким образом, письменные показания не требовались бы.

Председатель: Вы желаете сказать, что-нибудь в ответ на это возражение?

Серватиус: Господин председатель, эти письменные показания, фактически дополнение к инструкциям содержащимся в документе 4006, который обвинение предлагает предъявить, но я не знал, что это предлагалось. О чем идет речь так это

³⁶⁶ Хуберт Гильдебрандт (1897 – 1968) – немецкий государственный деятель. В 1939-1945 сотрудник министерства труда Германии.

³⁶⁷ Вальтер Штотфанг (1902 – 1961) – немецкий экономист. В 1926-1945 сотрудник министерства труда Германии.

вопрос который остался открытым в ходе допроса Шпеера, а именно, значение министерства Шпеера в сравнении с ведомством Заукеля: Кто из двух, был более могущественным? Кто мог отдавать приказы? Кто должен был подчиняться? Думаю документы это делают яснее.

Председатель: Да, но вы и обвинение имели возможность перекрёстно допросить Шпеера, когда он давал показания и тогда вы могли прояснить все, что хотели прояснить в то время.

Серватиус: Да, только обстоятельства тогда мне были неизвестны.

Додд: Господин председатель, я вовсе не желаю настаивать, и если трибунал имеет об этом какие-либо сомнения я отзову свою позицию. Я думал от этого будет польза, но на самом деле это неважно, и если есть какой-либо вопрос, думаю будет лучше если мы пропустим это.

Председатель: Что же, трибунал считает, что это неправильно представлять новые доказательства с помощью письменных показаний лица которое уже вызывали в качестве свидетеля, и ввиду возражения от имени подсудимого Шпеера, он не может принять эти доказательства.

Серватиус: В таком случае я отзываю их. На этом мои доказательства завершаются. Единственная вещь которая отсутствует это опросный лист свидетеля Лойча, который одобрили и опросный лист Бикенбаха. Я уже потерял надежду получить их.

Председатель: Доктор Штейнбауэр?

Штейнбауэр: Господин председатель, у меня есть четыре документа, которые я прошу предъявить и которые я получил с помощью генерального секретаря. Трибунал разрешил их и обвинению о них известно. Однако, к сожалению, переводы пока не закончены.

Первый документ содержит вопросы и ответы директора Дирка Ханнема³⁶⁸, директора музея Бойманса³⁶⁹ в Роттердаме о якобы разграблении культурных сокровищ. Я присвою этому документу номер Зейсс-Инкварт-108. Я предъявляю английский текст и голландский текст.

Следующий документ – издание газеты «Nieuwe Rotterdamsche Courant³⁷⁰» от 17 мая 1942 года, которое у меня в подлиннике и в немецком переводе. Она содержит предупреждение о расстреле заложников. Данный документ я предъявляю в подлиннике под номером документа Зейсс-Инкварт-109.

Следующий документ тоже издание этой же газеты, оно датировано 10 августом 1942 и также содержит объявление о расстреле заложников. В связи с этим документом я бы хотел обратить ваше внимание на то, что данное объявление

³⁶⁸ Дирк Ханнема (1895 – 1984) – голландский коллекционер и музейный директор. В 1921-1945 директор музея Бойманс в Нидерландах. После освобождения страны некоторое время находился под арестом за сотрудничество с немцами.

³⁶⁹ Музей Бойманса — ван Бёнингена — художественный музей в Роттердаме, один из крупнейших в Нидерландах. Музей основан в 1847 году на основе частной коллекции Франса Якоба Отто Бойманса, завещанной городу Роттердаму.

³⁷⁰ «Новое время Роттердама» - ежедневная голландская газета выходившая с 1843 по 1970.

являлось результатом приказа военного командира в Голландии, генерала Христиансена³⁷¹ и что старший руководитель СС и полиции Раутер³⁷² подписал его. Я присвою документу номер Зейсс-Инкварт-110.

Следующий документ я получил только вчера от генерального секретаря и это копия опросного листа генерала кавалерии фон Клеффеля³⁷³. С 27 марта по 8 апреля он был заместителем командующего 25-й армии в Голландии. Он подтверждает, что рейхскомиссар Зейсс-Инкварт в письме фюреру просил о том, что борьбу следует прекратить для того, чтобы спасти страну от сильного ущерба, а также предотвратить голод. Это документ номер Зейсс-Инкварт-111 в моей документальной книге. Этот документ был разрешен трибуналом. Поэтому я прошу, чтобы его приняли в качестве доказательства.

Сегодня офис генерального секретаря направил мне два письменных показания. Одно от бывшего командира района обороны Схевенингена. Его имя Эрвин Чоппе³⁷⁴. Он представил письменные показания об отношении и поведении подсудимого в отношении эвакуации прибрежного района. Ввиду короткого времени в моём распоряжении, я ещё не смог вручить данный документ и передать один обвинению, но я уже сообщил обвинению, что эти два документа существуют. Второй документ тоже...

Председатель: Доктор Штейнбауэр, эти документы, я полагаю, не показывали обвинению?

Штейнбауэр: Нет.

Председатель: Минуточку, они не одобрены трибуналом и возникает такой вопрос: они очень длинные? Потому что я считаю, что отдел переводов очень перегружен длинными документами.

Штейнбауэр: Нет, это короткий документ, но мне кажется он будет важным, потому что он показывает то как подсудимый поступал во время этой сложной ситуации, и то как он заботился о голландском населении.

Председатель: Если он короткий и если вы представите его обвинению, тогда его можно будет перевести и допустить с учетом любого возражения.

Штейнбауэр: Да, сэр. Также самое относится к следующему документу который я тоже получил сегодня. Это письменные показания Адальберта Йоппиха. Он был председателем германского верховного суда в Нидерландах, и он делает очень краткое заявление о позиции и отношении подсудимого к правовым вопросам

³⁷¹ Фридрих Христиансен (1879 — 1972) — немецкий лётчик-ас, специалист по морской авиации, генерал авиации, военный преступник. Командующий оккупационными войсками Германии в Нидерландах в 1940-1945. Голландским судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

³⁷² Ганс Раутер (1895 — 1949) — один из руководителей нацистского оккупационного режима в Нидерландах, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21 июня 1943 года), генерал войск СС (1 июня 1944 года). Казнён по приговору голландского суда.

³⁷³ Филипп Клеффель (1887 — 1964) — немецкий военачальник времен Третьего Рейха, генерал кавалерии Вермахта. В марте-апреле 1945 был командиром 25-й армии в Нидерландах.

³⁷⁴ Эрвин Чоппе (1902 - ?) — оберфюрер СС. Командующий Ваффен-СС в Нидерландах в 1943-1945.

вливающим на голландское гражданское население. Я прошу о том, чтобы этот документ был допущен в качестве доказательства, и чтобы я мог использовать такой же порядок предъявления копии перевода обвинению.

Председатель: Какой номер вы присвоили?

Штейнбауэр: Документ Чоппе будет документом номер Зейсс-Инкварт-112 и документ Адальберта Йоппиха будет документом номер Зейсс-Инкварт-113. Документы допущены трибуналом и ещё остаются письменные показания Болле, доктора Рейтера, Фолькерса и Линдхорста-Гомана³⁷⁵. Генеральный секретариат и я стараемся получить эти письменные показания. До сих пор оказалось возможно установить адрес Болле. Наконец, я прошу о том, чтобы одобрили два ходатайства которые я заявил в письменном виде, одно касается получения подсудимым членского билета НСДАП, который изъяли во время ареста и который должен находится в его личных документах на хранении трибунала. Несколько месяцев назад я попросил об этом, но обе стороны видимо потеряли тему из вида.

Председатель: Конечно, вы не имеете в виду, что он на хранении у трибунала, вы можете иметь в виду, что он на хранении военных властей.

Штейнбауэр: Да. Я имел в виду тюремную администрацию.

Председатель: Что же, несомненно, они могут скопировать его. Что за другой документ?

Штейнбауэр: Что же, господин председатель, тогда в перекрёстном допросе...

Филлимор: Милорд я не хочу занимать время вашей светлости, но о членском билете уже просят месяцы. Это имеет такие же основания как те документы, что приобщает подсудимый. Мы их не видели. Я не знаю, что будет доказывать этот билет, но это вызовет большие трудности доставить его сюда, так как эти документы прибавляют много работы отделу переводов.

Председатель: Какое значение у членского билета? Вроде ему известно, когда он стал членом. Какое отношение к делу имеет членский билет?

Штейнбауэр: Это важно, потому что согласно закону о военных преступлениях опубликованному сейчас в Австрии, все члены имевшие членский номер выше 6500000 не будут рассматриваться как «старые бойцы» или нелегалы. Зейсс-Инкварт заявил во время дачи показаний...

Председатель: Это не имеет никакого отношения к трибуналу. Это может иметь отношение к другому процессу и перед другим судом, но не перед этим судом.

Штейнбауэр: Лишь постольку обвинение утверждало, что он член НСДАП с 1931 года. Однако, я, конечно, не пытаюсь создавать трудности. Я лишь подумал, что членский билет может быть среди вещей которые забрали у заключенного, и что они могли посмотреть.

---

³⁷⁵ Йоханнес Линтхорст-Гоман (1903 – 1986) – голландский политик. В 1940-1941 возглавлял Нидерландский союз – организацию призванную способствовать объединению голландских политических сил для взаимодействия с оккупационной администрацией. В 1942-1944 был заложником у немцев.

Председатель: Да. Но он не отрицал, что он был членом партии с 1931?

Штейнбауэр: Да, о, да. Он заявляет, что не стал членом партии до 13 марта 1938 – формально.

Председатель: Ах, да, формально; я помню, да. Но он член австрийской нацистской партии гораздо дольше, если я правильно помню.

Додд: Мы согласимся здесь и сейчас, господин председатель, что билет покажет, что он стал членом, поскольку билет от этой даты. Я уверен, что это именно то, что оно покажет, и если это поможет доктору, мы будем рады на это согласиться.

Председатель: Очень хорошо.

Штейнбауэр: Последний документ о котором я заявил ходатайство следующий: во время перекрёстного допроса был предъявлен документ в котором восемнадцатилетняя сотрудница полиции Хильдегарда Кунце подтверждает, что мой клиент стал причиной стерилизации голландских евреев. Зейсс-Инкварт утверждает, что он никогда напрямую не писал в полицию, а что в трёх личных письмах адресованных напрямую Гиммлеру, он возражал обращению с евреями, и что в одном из писем упоминалась стерилизация. Это, якобы, являлось причиной, почему свидетельница упомянула это и наверное она получила сведения об этих фактах, потому что Гиммлер направил подлинник или копию писем в главное управление безопасности. В связи с этим важным вопросом, мой клиент попросил меня предпринять попытку развенчать эти инкриминирующие заявления сделанные свидетельницей Хильдегардой Кунце. Я не скрывал то, что наверное будет трудно найти эти письма среди очень многих документов главного управления безопасности.

Председатель: Вы заявили об этом ходатайство в письменном виде?

Штейнбауэр: Да, я заявил письменное ходатайство.

Председатель: Приводящее даты, когда были написаны письма?

Штейнбауэр: Да, все, что я смог установить о датах и адресах содержалось в моем ходатайстве.

Председатель: Что же, трибунал это рассмотрит, но поймите, что работа с подобной вещью на самом деле очень большая.

Штейнбауэр: Господин председатель, я далек от того, чтобы недооценивать трудности связанные с моим ходатайством. Кроме этого, у меня больше нет ходатайств.

Председатель: Мы прервемся.

[Объявлен перерыв до 14 часов]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал не будет заседать в открытом режиме в следующую субботу, и в будущем не будет заседать в открытом режиме по субботам до дальнейшего уведомления.

Да, доктор Тома?

Тома: Господин председатель, вчера я упоминал письменные показания доктора Хайнца Епперта, рейхсгауптштелленляйтера. Сейчас я получил эти письменные показания и уже совещался о них с господином Доддом.

Я прошу разрешения высокого трибунала предъявить эти письменные показания. Господин Додд не имел возражения предъявлению этих письменных показаний.

Можно прочитать очень короткий отрывок из этих письменных показаний, господин председатель?

Председатель: Вы можете сказать о чем письменные показания?

Тома: Да, господин председатель. Этот доктор Епперт имел должность в отделе идеологического просвещения в ведомстве заместителя фюрера по надзору за идеологическим мировоззрением в партии. Касательно этой деятельности и этого ведомства он свидетельствовал о том, что он принимал участие почти исключительно в переписке и регистрации событий в данной области.

Любое активное вмешательство в церковную политики со стороны государства и партии было невозможно даже если бы они того желали, ибо данное ведомство не имело никаких исполнительных возможностей. Постоянно были очень интенсивные разногласия с государственными и партийными организациями которые принимали участие в этой сфере деятельности, то есть, между министерством пропаганды и церковью и СД и партийной канцелярией. Подавление определенных идеологических групп и сект, а также меры предпринимаемые против отдельных священнослужителей, насколько мне известно, предпринимались СД или Гестапо без ведома или поручений данного ведомства.

Я прошу высокий трибунал вынести судебное уведомление об этом документе.

Председатель: Очень хорошо.

Тома: Экземпляр номер Розенберг-51.

Председатель: Доктор Фриц. От имени Фриче – кто-нибудь представляет доктора Фрица?

Шильф: Доктор Шильф за доктора Фрица, который отсутствует, представляет подсудимого Фриче.

Господин председатель, доктор Фриц в прошлый понедельник в письменном виде заявил ходатайство о двух письменных показаниях которые пока отсутствуют, первые письменные показания журналиста – английского журналиста

Клифтона Делмара – и ещё одни его превосходительства Фельдшера³⁷⁶, тогдашнего посланника державы-покровительницы в Берлине, сейчас в Берне. Ни одни из этих письменных показаний пока не пришли, и мы просим высокий трибунал о том, можно ли разрешить эти документы позднее.

У меня нет дальнейших комментариев. Никакие другие ходатайства не заявлялись.

Шильф: Вы – я не расслышал имя второго. Это был Фельдшер?

Шильф: Превосходительство Фельдшер, посланник державы-покровительницы. Он сейчас в Берне, Швейцария.

Председатель: Эти письменные показания представили обвинению?

Шильф: Нет, господин председатель, они пока недоступны. Они пока не пришли.

Председатель: Понимаю. Это письменные показания или опросные листы?

Шильф: Два опросных листа, господин председатель.

Председатель: Опросные листы, понимаю. Что же, тогда, когда опросные листы вернутся с ответами, их можно будет показать обвинению если оно захочет направить перекрёстные опросные листы, и затем их можно будет перевести и предъявить трибуналу.

Доктор Шильф, было ходатайство – я не уверен было ли оно в письменном виде или же только устное – в связи с Шёрнером и Фоссом, и ещё одним человеком чьи заявления использовались в перекрёстном допросе обвинения. Думаю это были письменные показания, я не уверен, и было устное ходатайство, думаю, о перекрёстном допросе этих лиц. Вы хотите, чтобы это было сделано или отзываете это?

Шильф: Господин председатель, это ходатайство не отозвано, но это было подано только как вспомогательное ходатайство, чтобы если только протоколы допросов представленные русским обвинением – мне кажется, что эти протоколы допросов нельзя считать письменными показаниями, а только протоколами допросов полицейского характера.

И доктор Фриц заявил ходатайство о том, что если эти три документа должны быть использованы как документы доказательства, мы не можем отказаться от перекрёстного допроса. Эти три документа были использованы в допросе подсудимого Фриче только в части, и только короткие отрывки предъявили подсудимому в его допросе. Каждая деталь там...

Председатель: Вы говорите, что в случае если обвинение не хочет использовать эти документы целиком, а только части которые представили подсудимому Фриче в ходе перекрёстного допроса, тогда вам не нужно вызывать этих лиц, Шёрнера и Фосса для перекрёстного допроса, но если обвинение желает представить документ целиком, тогда вы хотите их перекрёстно допросить. Правильно?

Шильф: Господин председатель, это правильно.

³⁷⁶ Петер Фельдшер (1889 – 1979) – швейцарский дипломат и юрист. В 1942-1945 посланник Швейцарии в Германии.

Председатель: Вы имеете в виду, что вы просили трибунал исключить фрагменты доказательств о подсудимом Фриче которые касаются этих заявлений или вы просто имели в виду, что если обвинение желает использовать не только части которые оно предъявило подсудимому в перекрёстном допросе, а другие части документа, то в таком случае вы бы хотели перекрёстно допросить свидетелей Фосса и Шёрнера?

Шильф: Господин председатель, мы лишь хотим, чтобы перекрёстный допрос состоялся в случае если суд посчитает эти три протокола допроса, в целом документальным доказательством.

Председатель: Да, тогда вы имеете в виду первое, что я сказал.

Что же, обвинение, генерал Руденко, скажет нам хотел ли он приобщить документ целиком или же ему достаточно этого.

Руденко: Господин председатель, как я уже заявил трибуналу при предъявлении этих письменных показаний, эти протоколы допроса оформлены в соответствии с процессуальными нормами действующими в Советском Союзе. Обвинение будет использовать только те части которые оглашались здесь в судебном заседании и по которым подсудимый Фриче был подвергнут перекрёстному допросу.

Председатель: Очень хорошо, тогда не нужно доставлять сюда свидетелей для перекрёстного допроса. Очень хорошо.

Шильф: Так точно, господин председатель.

Председатель: Тогда трибунал завершает с доказательствами защиты, за исключением двух свидетелей которые должны быть – которые здесь и будут вызваны в интересах подсудимого Бормана.

Флекснер: Господин председатель, от имени подсудимого Шпеера можно дополнительно предъявить документ который уже переведен и известен обвинению. Это протокол фюрера от 3 января 1943. Это будет документ номер Шпеер-35. Я уже приводил его как номер экземпляра 35 в индексе документов предъявленном мною, который я вручил суду. В то время его ещё не перевели. Я бы хотел предъявить его сейчас.

Председатель: Да, разумеется.

Что я хотел сказать, это то, что на этом завершаются доказательства от имени подсудимых за исключением опросных листов которые уже одобрены, ответы на которые пока не получили. Конечно, эти опросные листы, с учётом их допустимости, будут допущены, когда будут получены ответы и это относится ко всему в форме письменных показаний, что допущено трибуналом, в противном случае доказательства от имени подсудимых завершены за исключением доктора Бергольда.

Серватиус: Господин председатель, у меня есть ещё один вопрос о явке для допроса свидетеля Валькенхорста. В случае если он не вызван в качестве свидетеля, у меня имеются его письменные показания, которые я получил, и я полагаю, что я могу предъявить их в случае данного свидетеля и не допрашивать его в суде. Они

касаются очень короткого вопроса, а именно, телефонной беседы которую имел Заукель по поводу эвакуации концентрационного лагеря Бухенвальд. Валькенхорст оказался человеком по ту сторону провода. Я имею письменные показания по этому единственному вопросу.

Председатель: Вы говорите о Валькенхорсте?

Серватиус: Да, свидетель Валькенхорст.

Председатель: Что же, он должен быть сейчас допрошен.

Серватиус: Надеюсь так, господин председатель.

Председатель: Но – кажется он здесь.

У меня список дополнительных ходатайств, но я думаю, что все они рассмотрены за два последних дня. И если есть какой-либо вопрос который защитники хотят затронуть, то они должны сказать об этом сейчас.

Что же, тогда, я сказал, что доказательства защиты на этом завершаются, с учетом регистрации документов которые я могу описать как отсутствующие, опросных листов или письменных показаний.

Маркс: Господин председатель, пожалуйста, позвольте с разрешения трибунала представить ещё три документа. Они касаются следующих вопросов:

При рассмотрении вопроса о том какое влияние газета публикуемая Штрайхером оказывала на немецкое население, решающее значение знать о том как рос тираж газеты и каким обстоятельствам следует приписывать тот факт, что за определенный период времени был отмечен рост этого тиража.

По газетным шапкам «Der Sturmer» я поставил себе задачу установить, как рос тираж.

Председатель: Но мы уже рассматривали это ходатайство. Мы рассматривали ходатайство и мы рассмотрели его и отказали.

Маркс: Да, прошу прощения, господин председатель, это касается следующего:

Случайно, изучая различные выпуски этой газеты, я установил, что в 1935 году произошел заметный скачок тиража и защита хотела бы доказать, что этот рост не следует относить к тому, что партийные ведомства оказали своё влияние и совместно с новым издательским руководством, привели к утроению. Естественно, существенное значение в том, возникло ли утроение согласно спросу населения или, как в данном случае, вмешался Германский трудовой фронт в лице доктора Лея, и публиковался специальный номер, который затем тиражировался усилиями доктора Лея используя большой аппарат Германского трудового фронта.

Вот, что я хочу доказать, и я считаю, что это важно для защиты.

Я имею об этом три документа, господин председатель, и с разрешения трибунала я прочитаю директиву, и прошу, чтобы мне разрешили представить её в качестве доказательства. Из неё видно, что доктор Лей как глава Германского трудового фронта, отдал приказ о том, чтобы все отделения Германского трудового фронта тиражировали этот специальный выпуск и следили за тем, что его широко

тиражировали на фабриках, и так далее. Ибо, на самом деле, это одно из существенных положений обвинительного заключения, что «Der Sturmer» и Штрайхер влияли на немецкий народ против евреев и соответственно последний создавал условия для поддержки мер на Востоке, даже в степени массового уничтожения.

Поэтому я прошу о том, чтобы это доказательство было допущено и объявлено относящимся к делу.

Председатель: Вы сказали, что имеете три документа. Первый это директива от Лея?

Маркс: Да, господин председатель.

Председатель: Да. Что за два других?

Маркс: Один – фрагмент из газеты «Der Sturmer» в мае 1935, номер 18, который гласит следующее:

«Бернгардт, который бежал из Берлина во Францию, пишет в «Pariser Tageblatt»³⁷⁷ (Париж, 29 марта 1935) под названием «Тираж Sturmer утроился», следующее:

Поддержка которую порнограф Штрайхер получил от самых высших ведомств Рейха для тиража своего «Sturmer» помогла ему утроить свой тираж меньше чем за год...».

Председатель: Подождите. Вы уже сказали нам о том, что тираж «Sturmer» утроился. Не нужно снова все это повторять. Мы лишь хотим знать, что это за документы. Первый директива Лея. Второй выпуск «Der Sturmer». Какой третий?

Маркс: И третий – третий, обзор тиража с января 1935 по середину октября 1935, и оказывается, что за период в 1 год, тираж увеличился с 113800 до 486000. Любой кто...

Председатель: Что же, этого вполне достаточно. Мы не хотим знать об этом больше.

Маркс: Очень хорошо, господин председатель. Тогда, разрешите...

Филлимор: Милорд, я – это полностью в руках трибунала, но мы не видим никакого возражения с точки зрения обвинения допуску этих документов. Первый кажется напрямую связывает подсудимого Штрайхера с другим из заговорщиков. Это может быть очень важный документ.

Председатель: Очень хорошо, доктор Маркс. Тогда эти три документа будут допущены.

Маркс: Я бы хотел предъявить документы под номерами экземпляра 19, 20 и 21.

Председатель: Очень хорошо.

Маркс: Прошу прощения, господин председатель. Можно сделать ещё одно замечание? Почему так получилось и настолько запоздало, это потому что я ничего

³⁷⁷ «Парижский вестник» (нем.) – ежедневная газета выходившая в Париже на немецком языке. Издавалась с 1933 по 1936.

не знал об этом раньше. Лишь случайно я узнал это по газетной шапке «Der Sturmer». Раньше мне это было неизвестно, и я считал это – считал это с моей точки зрения важным доказательством. Я прошу извинить меня за то, что я не предъявил это раньше.

Заутер: Господин председатель, естественно я не желаю предъявлять никакие дальнейшие доказательства, но я бы хотел попросить вас внести ясность в вопрос, правовой вопрос.

В это время опросные листы постоянно приходят в комиссии для того, чтобы собрать доказательства по организациям. Допрашивают свидетелей которых мы не знаем, и предъявлены документы, которые мы пока не видели. Через несколько недель мы узнаем результаты этих доказательств об организациях.

Сейчас мы, адвокаты, которые работают здесь, думаем о следующем: например, может получиться, что один из этих подсудимых будет инкриминирован какими-то новыми показаниями об организациях, или могут быть предъявлены документы которые мы, как защитники этих подсудимых, абсолютно не учитывали в наших выступлениях, или по которым нам придется приобщать доказательства в опровержение.

Сейчас мы согласны, что доказывание следует завершить, но мы естественно хотим оставить за собой право в подобных случаях узнать результаты слушаний по организациям.

Председатель: Думаю, вы найдете, если внимательно изучите распоряжение которое принял трибунал, что этот вопрос предусмотрен и что, если в ходе заслушивания дела против организаций есть какой-либо вопрос который каким-либо образом связан материально или напрямую влияет на любого индивидуального подсудимого, трибунал, конечно, по своему усмотрению заслушает защитника этого подсудимого, думаю это специально предусмотрели в распоряжении которое мы приняли.

Заутер: Это распоряжение нам, конечно, известно, господин председатель, но мы лишь хотели внести в это ясность, что это распоряжение останется в силе, даже после завершения представления доказательств.

Председатель: Разумеется.

Обвинение желает заявить трибуналу ходатайство?

Филлимор: У меня есть восемь документов для приобщения. Милорд это документы на которые намерены сослаться в заключительной речи, и соответственно я не предлагаю ничего кроме как указать трибуналу на их характер и очень быстро предъявить их. У меня в руках список.

Председатель: Это документы которые не приобщались в качестве доказательства? Может удобнее понять их характер.

Филлимор: Да, милорд, я приобщаю их в опровержение.

Председатель: Вы имеете список?

Филлимор: Да, милорд, первый документ...

Председатель: Их довели до сведения защитников?

Филлимор: Нет, милорд, у меня есть копии.

Первый документ, PS-1519 содержит приказы об обращении с советскими военнопленными. Милорд, строго говоря это приобщается не в опровержение, но у трибунала ранее был документ ЕС-338, который был предъявлен как экземпляр СССР-356. Этот документ состоял из комментария адмирала Канариса³⁷⁸ об этих приказах и ваша светлость может быть вспомнит документ. Подсудимый Кейтель сделал на нем определенные пометки о которых его перекрёстно допрашивали, ссылка на стенограмму будет страницами 7219 – 7233³⁷⁹. Милорд, кажется правильно, чтобы не просто комментарий, а сами приказы находились у суда.

Милорд, это будет GB-525 и трибунал увидит, что это состоит из сопроводительного письма подсудимого Бормана гауляйтерам и крейслайтерам препровождающего письмо ОКВ подписанное генералом Рейнеке³⁸⁰, главой организации по делам военнопленных и затем идут сами правила.

Председатель: Этого раньше не было?

Филлимор: Милорд, мне сказали нет. То, что предъявили было комментарием адмирала Канариса к этому документу. Это было включено – данный документ был включен в документальную книгу Кейтеля, но формально его не приобщали.

Председатель: Понимаю. Вы имеете в виду это будет GB...

Филлимор: 525, милорд.

Председатель: Да.

Филлимор: Милорд, второй документ, D-912, будет GB-526. Это серия передач германских станций между 6 сентября и 22 октября 1939 отслеживаемых британской вещательной корпорацией и рассматривающих «Athenia».

Милорд, я приобщаю этот документ ввиду доказательств подсудимого Рёдера. Трибунал припомнит, что согласно ему, статья от 22 октября в «Volkischer Beobachter» явилась как полная неожиданность. Ссылка на стенограмму 9832, страница 9832³⁸¹.

Милорд, это также вытекает из вопроса, который, я думаю, поставлен перед трибуналом - поставлен трибуналом подсудимому Фриче; и это подтверждает его показания о том, что передачи, обвиняющие Уинстона Черчилля в ответственности за потопление «Athenia» начались еще в раннем сентябре и шли

³⁷⁸ Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

³⁷⁹ См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IX / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2021. — (Первопубликация), стр. 576-578.

³⁸⁰ Герман Рейнеке (1888 — 1973) — германский военный деятель эпохи Третьего Рейха, генерал пехоты (1 июня 1942 года). Начальник общего управления в составе штаба верховного главнокомандования Вермахта. Американским трибуналом был приговорён к пожизненному заключению. Освобождён досрочно в 1954.

³⁸¹ См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2022. — (Первопубликация), стр. 81-82.

весь месяц. На самом деле, эти передачи, как увидит трибунал – первая 6 сентября. Я могу прочитать первую фразу со второй строки:

«Германская пресса опровергает обвинения британской прессы о том, что германская подводная лодка потопила «Athenia». Черчилль, в качестве одной из своих первых акций приказал потопить «Athenia» для того, чтобы вызвать антигерманские чувства в США».

Что же, похожие передачи от других станций в этот день, снова 7-го, 11-го, 25-го. Я не имею ту что от 27-го предъявленную генералом Руденко, но есть передача подсудимого Фриче от 1 октября и так далее, и кульминация в передаче Геббельса от 22-го, за день до выхода статьи. Милорд, это будет GB-526.

Следующий документ PS-3881, фрагмент из разбирательства в Народном суде 7 и 8 августа 1944, когда семерых подсудимых судили за покушение на жизнь Гитлера. Милорд, я предъявляю только переведенный фрагмент, но фотокопия фактически полная. Я должен сказать, что то, что есть у трибунала лишь перевод определенных фрагментов, но экземпляр содержит полную стенограмму процесса. Милорд, я...

Председатель: Пока мы не имеем перевод, мы не сможем принять это в качестве доказательства.

Филлимор: Милорд, мы не намерены больше ссылаться на переведенные фрагменты.

Председатель: Очень хорошо.

Филлимор: Я только сказал, что это для пользы защитников которые могут пожелать посмотреть это.

Милорд, я отметил это с учетом показаний подсудимого Йодля о том, что немецких генералов теперь судят только потому, что британские генералы подчинялись приказам. Это страница 11043³⁸² стенограммы. И отрывки – характер отрывков заключается в том, что председатель Народного суда отказался принимать со стороны подсудимых защиту на основе приказов вышестоящих начальников. Милорд, это будет GB-527.

Милорд, следующий документ D-181, который я приобщаю как экземпляр GB-528. Это письмо гауляйтера гауамтсляйтеру, гауинспектору и крейсляйтеру на тему закона о наследственном здоровье и стерилизации на основе имбецильности. Это важный документ в связи с подсудимым Фриком, и я предъявляю его в виду заявлений сделанных от его имени защитником на странице 8296³⁸³ стенограммы, милорд, когда он сказал о том, что Фрик не имел никакого контроля за политической полицией и о том, что подчинение ему Гимmlера было чисто номинальным.

³⁸² См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XIV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2022. — (Первопубликация), стр. 356-357.

³⁸³ См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XI / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2021. — (Первопубликация), стр. 153-154.

Милорд, в письме есть ряд ссылок на то, что распоряжение – и на самом деле его исполнение – являлось ответственностью подсудимого Фрика.

Милорд, следующий документ похожего характера, и я отношу это к той же странице стенограммы. Это документ М-151, и я приобщаю его как экземпляр GB-529. Он состоит из трех писем на тему убийства в учреждениях душевнобольных пациентов. Первое датировано 6 сентября и адресовано управляющим санатория в Штеттине рейхсминистру юстиции. Оно излагает чувство беспокойства по соседству с санаторием управляемом инспектором, в виду ряд смертей которые случились.

Второе датировано 10-м, письмо министра юстиции с уведомлением о принятии жалобы и говорящее о том, что она передана подсудимому Фрику.

И третье, от этой же даты, письмо министра его коллеге передающее ему жалобу.

Милорд, следующий документ по этой же теме. Это документ М-152, и я приобщаю его как экземпляр GB-530. Он состоит из четырех писем.

Первое, датированное 19 июля 1940, адресовано подсудимому Фрику как рейхсминистру внутренних дел, епископом Вурмом³⁸⁴, провинциальным епископом евангелической церкви Вюртемберга. Милорд, это снова излагает массовые жалобы которые он получает и затем продолжает рассматривать озлобленность из-за практики видимо имевшей там место.

Второе письмо, датировано 23 августа, письмо министра юстиции ссылающееся на письмо направленное подсудимому Фрику.

Третье, от 5 сентября, письмо подсудимому Фрику напоминающее ему о предыдущем письме от 19 июля на которое не было получено никакого ответа.

И 6 сентября, следующее письмо, это параллельное сообщение снова министру юстиции.

Наконец, 11 сентября, последняя страница документа, меморандум министра юстиции отмечающий, что чиновник министерства сообщил епископскому декану, предположительно декану Кепплеру о том, что вопрос находился полностью у подсудимого Фрика.

Милорд, следующий документ, D-455, который я предъявляю как экземпляр GB-531, брошюра подготовленная властями германского военного правительства. Она исходит из материалов германского военного ведомства, ОКВ, она называется «Вклад Бельгии в германскую военную экономику» и датирована 1 марта 1942.

Милорд, я приобщаю это в виду общих доказательств о том, что германская оккупация была благоприятной и что – трибунал слышал, снова и снова, якобы, что они сделали очень много хорошего для оккупированных стран. Этот документ очень яркая иллюстрация ложности такого доказательства из уст защиты.

³⁸⁴ Теофил Вурм (1868 – 1953) – епископ евангелической церкви Германии в 1933-1948.

Милорд, если можно ненадолго занять этим трибунал, на странице 3 график цифр населения в разрезе рабочих, и он показывает, что больше половины рабочего населения работало на Германию. Из 1800000 рабочих и служащих в Бельгии, 901280 работали на германские вооруженные силы и в германских интересах.

Милорд, на странице 4 сравнение между Бельгией, Голландией и Францией в разрезе процентов рабочих занятых как рабская рабочая сила.

Милорд, на странице 5 заявление о цифрах производства для бельгийского вклада в Германию, в – я думаю это седьмая строка, итог: «Выпуск ценностью 1200 миллион рейхсмарок».

Страница 6 – есть сравнение между углем изъятый из Бельгии и таким же количеством добытым за год Руром.

На странице 8 есть сравнение железа, с общим количеством железа использованном на Западном вале³⁸⁵.

Страница 9, цемент; страница 10 текстиль; страница 11 металлы. Есть заявление которое содержит фразу о сумме того, что забрали: «Стало возможно достичь этих результатов лишь исчерпав последние резервы страны».

На странице 12 есть график о том как сбор металлолома воздействовал по-отдельности. Это сравнение Бельгии, Голландии и Франции.

На странице 13 есть заявление о вкладе в движение, и график на странице 14.

На странице 15 видно вклад в деньги превосходящий общие доходы – доход бельгийских рабочих за прошлый год.

На странице 16 есть цифры в отношении количества золота изъятых на хранение в Рейхсбанк.

Страница 18 рассматривает акции, сравнение с общим акционерным капиталом I. G. Farben³⁸⁶, сравнение 700 миллионов рейхсмарок в отношении акционерного капитала I. G. Farben в 800 миллионов.

Затем есть заявление в отношении пайков, показывающее, что Германия импортировала в Бельгию продовольствие, но несмотря на это, пайки были самыми низкими среди всех западных стран.

И наконец, на последней странице, есть указание на изменение бельгийских пайков в сравнении между 1938 и при благоприятном правлении германского военного правительства в 1941. Милорд, это говорит само за себя.

³⁸⁵ Западный вал или Западная стена (нем. Westwall), среди противников Германии также известен как «Линия Зигфрида» — система немецких долговременных укреплений, возведённых в 1936—1940 годах на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше.

³⁸⁶ «И. Г. Фарбен», также «И. Г. Фарбениндустри» (нем. Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG — общность интересов промышленности красильных материалов) — конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году на базе ранее существовавших брендов и производств, получивших известность и распространение до и в период Первой мировой войны. Крупнейший производитель химической продукции в нацистской Германии, использовавший для производства и опытов труд и жизни узников концлагерей.

Милорд, я — милорд, последний документ, D-524, похожая брошюра ссылающаяся на Францию. Он исходит из того же источник, и я предъявляю это как экземпляр GB-532.

Милорд, ввиду нарушения в электропитании, я не смог закончить фотокопирование английских копий, но я вручу их, если можно потом, а в настоящее время я вручу немецкие фотокопии.

Милорд, я приобщаю это в виду показаний подсудимого Заукеля на странице 10617 стенограммы³⁸⁷, где он сказал, что общее количество рабской рабочей силы было не больше 5 миллионов. Милорд, на страницах 8 и 9 данного документа, трибунал увидит положение рабской рабочей силы в Германии в конце 1943, таким образом к этому следует добавить рабскую рабочую силу набранную во время 1944. Милорд, она насчитывает ниже 7 миллионов, из которых 1462000 были военнопленными, таким образом цифра рабской рабочей силы на эту дату немного выше 5 миллионов, то есть, рабская рабочая сила исключая военнопленных была немного больше 5 миллионов, и к этому следует добавить, как я говорю, увеличение в течение 1944 года.

Милорд, на странице 8 цифры и сравнения: мужчины, гражданские, 3631000; военнопленные — 1462000; женщины — 1714000. И затем изложено как это распределяется по странам. И на странице 9 просто цветная иллюстрация.

Милорд, остальное из брошюры просто приводит иллюстративные цифры о том, что забрали у Франции, очень похожие на Бельгию. И я не предлагаю занимать этим трибунал если он не пожелает этого.

Милорд, думаю я давал этот номер, экземпляр GB-532.

Милорд, это все документы которые я должен был предъявить. Я понимаю, что мой друг, господин Додд тоже имеет кое-что.

Джексон: С позволения трибунала, во время перекрёстного допроса подсудимого Германа Геринга мы предъявили ему документ под номером PS-3787. Он получил номер экземпляра USA-782. Это был доклад о втором заседании совета обороны Рейха. Геринг признал подлинность стенограммы представленной ему в немецком тексте. Но документ в то время не был переведен, и соответственно невозможно было прочитать под запись многие части этого документа которые мы считали важными как в отношении его достоверности и показаний, и как имеющие отношение к отрицаниям многих других подсудимых о том, что они знали о планировании войны и что они знали — принимали в этом участие.

Я бы хотел прочитать из протокола часть которую мы считаем крайне важной в качестве опровержения показаний нескольких подсудимых.

На обложке, сопроводительное письмо от 10 июля 1939 от верховного главнокомандования вооруженных сил с темой «Второе заседание совета обороны

³⁸⁷ См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XIV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2022. — (Первопубликация), стр. 54.

Рейха».

Было подготовлено сто копий, наша копия 84-я. Она озаглавлена «совершенно секретно» и просто препровождает от имени начальника верховного главнокомандования вооруженных сил прилагаемый документ помимо прочих следующим сторонам. Я назову только тех кому мы придаем особенное значение: партии, заместителю фюрера, первая копия; начальнику рейхсканцелярии; министру-президенту, фельдмаршалу Герингу, рейхсминистру и главнокомандующему воздушными силами; министерству иностранных дел; генеральному уполномоченному Рейха по администрации девять копий, включая копии для министра внутренних дел, министра юстиции, министра образования, министра по делам церкви и управление планирования Рейха; также генеральному уполномоченному по экономике, включая копии для министра экономики, министра продовольствия и сельского хозяйства, министра труда, главного лесничего и комиссара по контролю цен; министру финансов; министру транспорта, автомобильного транспорта и дорог и министру путей сообщения; министру почт; министру просвещения и пропаганды; дирекции Рейхсбанка; генеральному инспектору германских дорог; вооруженным силам, включая девять копий для ОКХ, пять копий для ОКМ, рейхсминистру авиации и главнокомандующему воздушными силами; верховному главнокомандованию вооруженных сил; прилагалась серия других копий.

Приложение это доклад о втором заседании совета обороны Рейха, состоявшегося в дату которой мы придаем значение, 6-го – 23-го июня 1939 года.

«Место: большой конференц зал рейхсминистерства авиации.

Начало: 11:10; окончание: 13:55.

Председатель: Министр-президент, генерал-фельдмаршал Геринг.

«Присутствуют...»

Я назову только тех кому мы придаем особое значение, потому что список очень длинный:

Заместитель фюрера; начальник рейхсканцелярии доктор Ламмерс; штаб министра-президента, генерал-фельдмаршала Геринга, государственный секретарь Кёрнер³⁸⁸, государственный секретарь Нойман³⁸⁹, советник Бергбом³⁹⁰ и несколько других; генеральный уполномоченный Рейха по администрации, рейхсминистр Фрик, рейхсфюрер СС Гиммлер и полиция порядка Далюге³⁹¹; генеральный

³⁸⁸ Пауль Кёрнер (1893 — 1957) — государственный деятель, государственный секретарь правительства Пруссии (11 апреля 1933 года — 1945) и постоянный заместитель уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга (22 октября 1936 года — 1945), обергруппенфюрер СС (30 января 1942 года). Американским военным трибуналом был осуждён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

³⁸⁹ Эрих Нойман (1892 — 1951) — государственный деятель эпохи Третьего Рейха, государственный секретарь управления по четырёхлетнему плану (1938—1945), оберфюрер СС (30.01.1939).

³⁹⁰ Макс Бергбом (1889 – 1965) – немецкий юрист и государственный деятель. В 1934-1938 представитель Пруссии в совете обороны Рейха.

³⁹¹ Курт Далюге (1897 — 1946) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник полиции общественного порядка (1936—1943), и. о. рейхспротектора Богемии и Моравии (1942—1943).

уполномоченный по экономике, рейхсминистр Функ; рейхсминистр финансов фон Крозиг³⁹²; министр транспорта; генеральный инспектор германских дорог, доктор Тодт³⁹³; верховное главнокомандование вооруженных сил, генерал-полковник Кейтель, Варлимонт³⁹⁴ и генерал-майор Томас; главнокомандование армии, в лице — от генерального штаба, генерал артиллерии Гальдер³⁹⁵; главнокомандование военно-морского флота, генерал-адмирал — гросс-адмирал Рёдер; рейхсминистр воздушных сил, Мильх³⁹⁶ и Боденшац³⁹⁷, оба были здесь свидетелями.

Содержание, суммировано, я не буду читать.

Стенограмма заседания:

«Министр-президент, генерал-фельдмаршал Геринг подчеркнул во вступлении, что согласно воле фюрера совет обороны Рейха являлся решающим органом Рейха по всем вопросам связанным с подготовкой к войне. Он должен обсуждать только самые важные вопросы обороны Рейха, которые будут прорабатывать в комитете по обороне Рейха.

Заседания совета обороны Рейха следует проводить только для таких решений которые неизбежны. Призываю, чтобы присутствовали руководители ведомств.

Распределение рабочей силы.

I. Председатель объявил о следующих директивах по руководству распределением и использованием населения в военное время.

1. Общая численность вооруженных сил определяется фюрером. Это включает в себя половину от пригодных и подлежащих военной службе. Вместе с тем, их призыв вызовет трудности для экономики, администрации и в целом гражданской сферы.

2. Человеческий баланс должен быть основой для рассмотрения вопроса о том, каким образом наиболее целесообразно распределить

Группенфюрер СА (15 марта 1932), Оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции (с 1942). Казнен по приговору чехословацкого суда.

³⁹² Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. После самоубийства Адольфа Гитлера совместно с гросс-адмиралом Карлом Дёницем сформировал т. н. «Фленсбургское правительство», где занимал должности главного министра (премьер-министра) и министра иностранных дел вплоть до его роспуска 23 мая 1945 года. Американским трибуналом был приговорён к 10 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

³⁹³ Фриц Тодт (1891 — 1942) — государственный и политический деятель Германии, министр вооружения и боеприпасов (1940—1942), обергруппенфюрер СА. Погиб в авиакатастрофе.

³⁹⁴ Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.

³⁹⁵ Франц Гальдер (1884 — 1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск Вермахта в 1938—1942 годах.

³⁹⁶ Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году.

³⁹⁷ Карл-Генрих Боденшац (1890 — 1979) — немецкий офицер, генерал авиации во Вторую мировую войну, адъютант Германа Геринга.

тех, кто останется после того, как будет покрыта потребность вооруженных сил в людях.

3. Потребности военной промышленности имеют такое же значение, как и потребности вооруженных сил. Прежде всего, она должна быть организована в мирное время в отношении материала и личного состава так, чтобы её продукция не упала, а увеличилась сразу же с началом войны.

4. Снабжение рабочей силой жизненно важной промышленности вооружений и других гражданских предприятий является основной задачей генерального уполномоченного по экономике.

а. Вооружения охватывают не только заводы производящие военные материалы, но и производящие синтетический каучук (BUNA³⁹⁸) и вспомогательные материалы, химические заводы, угольные шахты, и т.д.

б (1) Как правило, никого из важных и незаменимых специалистов нельзя изымать у предприятий «решающего военного значения» от производства которых зависит ход войны, до тех пор пока они не могут быть заменены.

Добыча угля самая срочная работа. Каждый рабочий который важен для угледобычи является «незаменимым».

Примечание: Угледобыча становится ключевой для всей промышленности вооружений, транспорта и экспорта. Если она не получит необходимую рабочую силу, самая важная часть экспортной торговли, экспорт угля прекратится. Продажа угля Польше прекратится. Решающей является корректировка распределения рабочей силы. Для того, чтобы заместить эти ключевые точки подходящими людьми, суровые требования вскоре будут внесены фюреру, которые, уже в текущем мобилизационном году, при определенных обстоятельствах приведут к исключительно военной экономике, например к иммобилизации грузовиков и закрытию ненужных фабрик ввиду дефицита угля.

Кроме того, мы должны снабжать углем Италию и другие страны, как например Скандинавию (чтобы поддерживать снабжение Германии железной рудой).

Я опускаю определенные части документа которые не кажутся особенно важными в нашей аргументации и перейду к пункту 2, страница 9 английского перевода:

³⁹⁸ Buna Werke Schkopau — химическая компания, специализировавшаяся на производстве полимерных материалов, таких как пластмассы и искусственный каучук. Название BUNA происходит от технологии полимеризации бутадиена с натрием (химический символ: Na) в качестве катализатора.

«2. Вторая категория рабочих подлежащих военной службе будет призвана во время войны после подготовки замены. Решающую роль играет широкая предварительная подготовка и переподготовка рабочих.

3. Следует проводить подготовку для замены массы военнообязанных рабочих, даже при помощи набора большого количества женщин. Затем к ним прибавятся инвалиды войны.

4. Трудовая повинность для женщин имеет решающее значение в военное время. Необходимо начать в самых широких масштабах обучение женщин важным в военном отношении профессиям для замены и пополнения ими мужских рабочих контингентов.

d) Для того, чтобы избежать беспорядка во время мобилизации, лица работающие в важных военных отраслях, как-то, администрация, транспорт, полиция, пищевая промышленность, должны оставаться на своих местах. Важно определить степень важности и ценности каждого работника.

c) В интересах вспомогательной гражданской службы, предусмотренной каждым народом Европы, чтобы обеспечить себе и удержать за собой преимущество в решающие начальные недели войны, следует предпринять усилия, с помощью эффективной организации обеспечить, чтобы каждый немец в военное время не только получил повестку о мобилизации, но и был бы тщательно подготовлен к выполнению обязанностей военного времени. Должны быть созданы рабочие места для резервных рабочих».

Я пропущу начало страницы 10, пункт 6:

«Генеральному уполномоченному по экономике ставится задача определить какая работа должна предоставляться военнопленным, тем кто находится в концентрационных лагерях и тюремных учреждениях. По заявлению рейхсфюрера СС во время войны число заключенных в концентрационных лагерях увеличится. 20000 заключенных будут работать в основном в мастерских внутри концентрационных лагерей.

IV. Государственный секретарь доктор Зируп³⁹⁹ из рейхсминистерства труда сделал доклад об использовании рабочей силы в случае мобилизации и о распределении рабочих во время войны».

Это выглядит деталями, но я думаю очень важно показать тотальность запланированной мобилизации за месяцы до начала войны и указание на то, как мы говорим, на подготовку войны более масштабной нежели простая стычка с Польшей.

³⁹⁹ Фридрих Зируп (1881-1945) — немецкий юрист, политик, бывший министр труда Германии в 1932-1933. В 1939-1945 государственный секретарь министерства труда Германии. Умер находясь под арестом советских войск.

«Цифры, которые можно сейчас привести в отношении распределения рабочей силы, носят предварительный характер и на основании их можно дать лишь определенные указания. За основу взято население в 79 миллионов. Из них, 56, 5 миллионов в возрасте от 14 до 65. Также возможно призвать мужчин старше 65 и подростков 13-14 лет. Инвалиды и больные должны быть исключены из 56, 5 миллионов. Большинство заключенных уже работают в промышленности. Самое большое исключение это 11 миллионов матерей с детьми до 14 лет. После исключения этих групп, остается работоспособное население в 43,5 миллиона; 26,2 миллиона мужчин – за вычетом 7 миллионов военнослужащих, 19,2; 17,3 миллиона женщин – за вычетом 250000 медсестер и т.д. 17, 1 для всей экономической жизни Германии и для всех гражданских учреждений. Председатель не считает женщин в возрасте старше 60 лет трудоспособными.

8. Общее количество рабочих и служащих (две-третьи занятого населения) распределенных в 20 крупных отраслях промышленности насчитывает примерно: 24 миллиона мужчин (за вычетом 2 миллионов военнослужащих), 14 миллионов женщин.

9. Точных данных о количестве рабочих, которые будут призваны, пока нет. Поэтому приблизительно подсчитано, какое число рабочих останется после призыва пяти миллионов мужчин.

Председатель требует, чтобы было установлено точное количество подлежащих призыву. Эти запросы не секретные кроме приводимых цифр и частей»

Я пропускаю следующий абзац, 10, не имеющий значения.

«11. Кроме 13,8 миллиона женщин работающих в настоящее время, можно использовать еще 3,5 миллиона безработных женщин, учтенных по переписи населения.

2 миллиона женщин могут быть перенаправлены, то есть, переведены в сельское хозяйство и металлообрабатывающую и химическую промышленность, из текстильной, вещевой и керамической промышленности, из мелкой торговли, страховых и банковских контор, и из числа женщин домработниц.

12. Дефицит сельскохозяйственных рабочих, из которых 25 процентов физически пригодных мужчин будет призвано, следует возместить женщинами (одна женщина вместо двух мужчин) и военнопленными. Нельзя рассчитывать ни на каких иностранных рабочих. Вооруженным силам предложат в больших масштабах демобилизовать руководителей предприятий и специалистов, например, рабочих с молочных ферм, трактористов (из которых 35

процентов все ещё подлежат мобилизации) и т.д.

13. Председатель подчеркнул, что руководители предприятий, полиция и вооруженные силы должны провести подготовку к использованию военнопленных.

14. В сельском хозяйстве для освобождения рабочих рук должны быть приняты меры по оказанию помощи соседними фермам, при этом нужно упорядоченно использовать все машины и подготовить склады запасных частей.

15. Председатель объявил о том, что в военное время сотни тысяч рабочих из невоенных производств в Протекторате должны использоваться под надзором Германии, в частности в сельском хозяйстве. Их необходимо размещать в бараках. Генерал-фельдмаршал Геринг запросит решение фюрера об этом».

Я опускаю 16.

Оглашая это, я позволю себе заметить, это выглядит довольно детальным так как показывает степень подготовки уже завершённой к этому времени, в июне 1939:

«17.a. Результат введения системы незаменимых и забронированных рабочих сейчас следующий: из 1172000 ходатайств о бронировании, 727000 одобрено и 233000 отказано».

Я перехожу к «с» внизу страницы:

«Приказы о явке дополнительного личного состава на работу готовы, связаны и сложены в пачки в управлениях по труду».

Заседание приступает к рассмотрению производственных премий в связи с заработной платой, я перехожу к 21, который я оглашаю для того, чтобы показать, что ожидалась длительная война.

«При переводе рабочих, особенно квалифицированных, с одного предприятия на другое важно, чтобы рабочие полностью включались в работу на новом месте с тем, чтобы не понизилась их производительность. По истечении нескольких месяцев можно будет заменить большую часть квалифицированных рабочих».

Я перехожу к пункту V:

«Генеральный уполномоченный по экономике, рейхсминистр экономики Функ высказал своё мнение о последствиях распределения рабочей силы, с точки зрения работы промышленности.

24a. В соответствии с устными договоренностями с ОКВ, разработаны специальные правила бронирования рабочих и изданы специальные удостоверения для рабочих получающих бронь»

Я перехожу к пункту номер 25 на странице 15:

«В ответ на просьбу выступающего о том, что при отборе рабочих для

военно-морских верфей, следует сильнее учитывать важные отрасли промышленности, в частности работающие на экспорт и газетные концерны, председатель отметил необходимость осуществления военно-морской строительной программы в полной мере как приказано фюрером».

Я перехожу к большому разделу VI:

«Генеральный уполномоченный по администрации, рейхсминистр внутренних дел доктор Фрик рассмотрел вопрос об экономном использовании кадров в административном аппарате.

27. Эта задача представляет собой, главным образом, организационную проблему. Как можно видеть из схемы, розданной участникам совещания различные власти, а также учреждения экономического и социального характера, содержат в округах приблизительно 50 совершенно независимых друг от друга учреждений – невозможное положение дел. Раньше в государстве было две основные категории: государственная гражданская служба и Вермахт. После захвата власти, партия и её постоянные организации (Reichsnährstand⁴⁰⁰, и т.д.) со всем своим многоступенчатым иерархическим аппаратом. Из-за этого во много раз увеличилось количество официальных инстанций и учреждений. Все это затрудняет гражданскую службу.

28. Поскольку задачи войны значительно возросли» - контекст дает понять, что это была предыдущая война – «подготовка тотальной войны естественно требует гораздо больше рабочей силы, даже в административном аппарате, чем в 1914. Однако невозможно, чтобы этот аппарат вырос лишь в низших инстанциях в 20-40 раз. По этой причине, рейхсминистерство внутренних дел стремится к единообразию администрации».

Небольшое совещание – была создана небольшая комиссия. Я представляю номер 29 в связи с показаниями Геринга о том, что она прекратила функционировать:

«Вместо дальнейших дискуссий в большом собрании, рекомендовано создать небольшую комиссию которая будет разрабатывать конкретные предложения. Налицо обширная подготовительная работа».

И замечание комитета о том, что комитет функционирует.

Пункт 30:

«Председатель попросил о том, чтобы были представлены

⁴⁰⁰ Продовольственная выставка (RNST) — корпоративная организация сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственной политики в Германском Рейхе с 1933 по 1945 год.

предложения комиссии. Это был важный момент для подготовки к войне».

Я перехожу к большому подразделу С который относится к увеличению эффективности службы связи, начинаясь с получения доклада от генерального штаба армии.

«31. Восемнадцать месяцев назад проверка работ по плану стратегической концентрации показала, что транспорт не сможет удовлетворить все потребности предъявляемые вооруженными силами. Министр транспорта подтвердил данное заявление. Часть четырехлетнего плана за 1938 год будет очевидно выполнена к августу 1939 года.

32. Вскоре после разработки данной программы к Вермахту были предъявлены требования которые полностью изменились в сравнении с традиционным использованием Вермахта в начале войны. Войска должны были доставлять на границу, в самое короткое время, в количестве которое до настоящего времени было совершенно непредусмотрено. Вермахт мог выполнить эти требования с помощью организационных мер, а транспорт нет.

33. В области перевозок Германия в настоящий момент не готова к войне».

Я представляю следующие детали, в опровержение постоянным заявлениям ряда свидетелей о том, что маневры Вермахта в Рейнланде, аншлюс и все остальное, даже Чехословакия были совершенной неожиданностью.

«а. В случае трех операций в 1938/1939 не было вопроса фактической стратегической концентрации. Войска были заранее перевезены в район стратегической концентрации при помощи мер маскировки.

б. Этот паллиатив не подходит если невозможно назначить и заранее узнать сроки, и если вместо этого потребуется неожиданное и очень быстрое решение военной проблемы. При своем состоянии в настоящее время, транспорт не может, несмотря на всю проведенную подготовку, обеспечить переброску войск».

«а» неважно для моих целей, «а» на странице 18. «б» и «с» представляют шаги которые нужно предпринять, чтобы устранить дефицит. На странице 19 меня не интересует читать заявления в 38, показывающие подготовку автострэд с востока на запад и с севера на юг.

Я читаю номер 39, если позволите:

«Председатель заметил, что уже в мирное время определенные жизненно важные склады промышленности и вооруженных сил должны быть переведены в военно-промышленные центры, чтобы сократить нагрузку транспорта в будущем».

Я перехожу к пункту номер 41 на странице 20:

«Суммируя, председатель констатировал, что все наиболее важные пункты выяснены в результате этого совещания».

Американская часть обвинения имеет кое-какие дополнительные документы которые предъявит господин Додд, если трибунал не против.

Председатель: Мы прервемся.

[Объявлен перерыв]

Председатель: Господин Додд, вы имеете кое-какие другие бумаги, чтобы предъявить?

Додд: Я бы хотел приобщить, господин председатель, документ PS-4006, который бюллетень рейхсминистра вооружений и боеприпасов, и дело в том, что трибунал, по нашему суждению, может принять о нём судебное уведомление. Это официальная публикация, но она будет довольно полезной в связи с трудовой программой между Заукелем и Шпеером, и это приобщается с той целью, чтобы внести ясность в некоторые сомнения которые могут возникнуть после показаний Шпеера и Заукеля. Думаю нет никакой необходимости все это читать. И это будет экземпляр USA-902.

И затем, я бы хотел приобщить документ PS-1452. Это доклад о совещании начальников с начальником управления экономики вооружений и я просто хочу прочесть из него короткий отрывок. Это документ PS-1452, датированный 24 марта 1942. Он говорит:

«Совещание начальников с начальником управления. Доклад начальника управления на совещании 23 марта с Мильхом, Витцелем⁴⁰¹, Леебом⁴⁰² в ведомстве министра Шпеера. Фюрер считает Шпеера главным исполнителем его воли и доверенным лицом во всех областях экономики. Шпеер единственный кто может сейчас действовать. Он может вмешиваться в дела любого ведомства. Он уже сейчас ставит себя выше всех других ведомств».

Остальное из документа мы не желаем цитировать, я не думаю, что это нужно, потому что текст не меняет ничего, что мы из него процитировали. Это станет экземпляром USA-903.

Теперь, мы также имеем здесь некоторые фотографии, господин председатель, и они приобщались в связи с подсудимым Кальтенбруннером. Их передали нам наши коллеги из французского обвинения. И первая это документ F-894, которая станет экземпляром USA-904. Эта фотография изображает Гиммлера

⁴⁰¹ Карл Витцель (1884 – 1976) – генерал-адмирал немецкого флота. В 1934-1942 начальник управления вооружений военно-морского флота. Судом в СССР был приговорен к 25 годам лишения свободы. Передан ФРГ в 1955.

⁴⁰² Эмиль Лееб (1881 —1969) — немецкий офицер, генерал артиллерии, руководитель Управления вооружений сухопутных сил Вермахта в 1940-1945.

поздравляющего кого-то, Кальтенбруннер сразу за ним.

Председатель: Как они опознаны?

Додд: Мне кажется – что же, все это конечно захваченные документы, но – вы имеете в виду фотографию, господин председатель?

Председатель: Нет, я имею в виду в результате захвата или каким-то другим образом. Откуда они поступили?

Додд: Что же, я полагаю они все захваченные документы. Ах, понимаю – есть письменные показания прилагаемые к каждой которые объясняют их источник. Здесь, на первой, человек по имени Франсуа Буа⁴⁰³, говорит, что он фотограф и был интернирован в Маутхаузене и так далее; и он удостоверяет, что данная фотография была сделана и так далее. Думаю этого достаточно – я полагаю так – чтобы опознать фотографию. Кажется каждая имеет похожее заявление.

Теперь следующая это документ F-896, которая станет экземпляром USA-905. И на обратной стороне подлинника есть письменные показания Франсуа Буа.

Следующая – документ F-897, который станет экземпляром USA-906. И она тоже имеет письменные показания Франсуа Буа и показывает Кальтенбруннера и Гиммлера и других сотрудников СС.

И, затем, наконец, документ F-897, который станет экземпляром USA-907, и на эту фотографию мы особо обращаем внимание трибунала. Она также имеет удостоверение Франсуа Буа. Кальтенбруннер здесь во втором ряду, Гиммлер и Гитлер сразу в центре между Кальтенбруннером и, видимо, Мартином Борманом, снято в концентрационном лагере, что видно из фотографии заключенных с левой стороны.

Затем мы желаем приобщить очень короткие письменные показания, которые документ PS-4033 и мы приобщаем их как экземпляр USA-907, нет – 8, 908. Это показания Освальда Поля⁴⁰⁴, П-о-л-ь, от 28 мая 1946. Письменные показания – суть письменных показаний в следующем:

«Я могу сказать с абсолютной уверенностью, что во время официального дела в Маутхаузене я видел и говорил с обергруппенфюрером СС Кальтенбруннером...».

Председатель: Минуточку. Поля вызывали в качестве свидетеля?

Додд: Нет, сэр, не вызывали, его не вызывали. Это был Пуль, П-у-л-ь. Имена похожи.

«...я видел и говорил с обергруппенфюрером СС Кальтенбруннером там в офицерской столовой с правой стороны от входа в лагерь, либо осенью 1943 или весной 1944. Я обедал там с ним за столом».

И затем ещё одни письменные показания, документ PS-4032, который

⁴⁰³ Франциско Буа (1920 – 1950) – испанский журналист. Участник Гражданской войны в Испании. Республиканец.

⁴⁰⁴ Освальд Поль (1892 — 1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского военного трибунала в Нюрнберге.

станет экземпляром USA-908, - нет, 909. Это показания некого Карла Рейфа, Р-е-й-ф, в которых он заявляет, что видел Кальтенбруннера либо в мае или в июне, примерно в полдень, в 1942 году, в лагере Маутхаузен.

Это все, что я должен был приобщить, господин председатель.

Председатель: Остальные члены обвинения желают приобщить любые другие доказательства?

[Ответа не было]

Председатель: Тогда сейчас мы можем перейти к доказательствам от имени Бормана. Доктор Бергольд, вызовите свидетелей которых желаете вызвать – Кемпка.

[Свидетель Кемпка занял место свидетеля]

Председатель: Назовите, пожалуйста, своё полное имя?

Кемпка: Меня зовут Эрих Кемпка.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[Свидетель повторил присягу]

Председатель: Вы можете сесть.

Бергольд: Свидетель, в каком качестве вы работали рядом с Гитлером во время войны?

Кемпка: Во время войны я работал на Адольфа Гитлера как его личный шофер.

Бергольд: В таком качестве вы встречали Мартина Бормана?

Кемпка: Да, я встречал Мартина – рейхсляйтера Мартина Бормана в таком качестве в то время как моего косвенного начальника.

Бергольд: Свидетель, в какой день вы видели подсудимого Мартина Бормана в последний раз?

Кемпка: Я видел рейхсляйтера, бывшего рейхсляйтера Мартина Бормана в ночь с 1 на 2 мая 1945 рядом с железнодорожной станцией Фридрихштрассе, у моста Вайдендаммер. Рейхсляйтер Борман – бывший рейхсляйтер Борман – спросил у меня о том какая в целом обстановка была у станции Фридрихштрассе, и я сказал ему, что у станции вряд ли возможно...

Председатель: Вы говорите слишком быстро. Спросил вас о чем?

Кемпка: Он спросил меня о том какой была обстановка и можно ли было пройти у станции Фридрихштрассе. Я сказал ему, что это было практически невозможно, поскольку оборонительный бой был там слишком ожесточенным. Тогда он спросил, может будет возможно сделать это на бронемашинах. Я сказал ему, что не осталось

ничего кроме как попытаться.

Затем несколько танков и несколько броневинов пошли вместе и небольшие группы залезли в них и на них. Затем бронемшины прошли через противотанковое заграждение и потом ведущий танк – танк примерно в середине с левой стороны которого шел Мартин Борман – внезапно получил прямое попадание, как я представляю из панцерфауста выстрелившего из окна, и этот танк взорвался. Вспышка огня внезапно выстрелила с той самой стороны где шел Борман, и я видел...

Председатель: Вы говорите слишком быстро. Вы все еще говорите слишком быстро. Последнее, что я услышал, вы сказали, что Борман шел в середине колонны. Правильно?

Кемпка: Так точно, в середине от танка, с левой стороны,

Затем, пройдя 40-50 метров от противотанкового заграждения, этот танк получил прямое попадание, как я представляю из панцерфауста выстрелившего из окна. Танк разорвало на куски там где Мартин – рейхсляйтер Борман – шел.

Меня самого отбросило взрывом и человека выбросило напротив меня который шел передо мной – думаю это был штандартенфюрер доктор Штумпфегер⁴⁰⁵ и я потерял сознание. Когда я пришел в себя я не мог ничего видеть, я был ослеплен вспышкой. Тогда я пополз к танковому заграждению и с тех пор больше ничего не видел от Мартина Бормана.

Бергольд: Свидетель, вы видели падение Мартина Бормана во вспышке огня, когда это произошло?

Кемпка: Так точно, я все же видел движение, которое было своего рода падением. Можете назвать это броском.

Бергольд: Этот взрыв был настолько сильным, что по вашему наблюдению Мартин Борман должен был погибнуть в результате этого?

Кемпка: Да, я точно считаю, что сила взрыва была такой, что он погиб.

Бергольд: Как тогда был одет Мартин Борман.

Кемпка: Мартин Борман был одет в кожаный плащ, фуражку фюрера СС, и знаки различия обергруппенфюрера СС.

Бергольд: Следовательно вы считаете, что если бы его нашли раненым он был бы сразу же опознан, по этой одежде, как один из ведущих людей в движении?

Кемпка: Так точно.

Бергольд: Вы сказали, что еще один человек шел либо сзади либо спереди от Мартина Бормана, а именно господин Науманн из министерства пропаганды?

Кемпка: Да, это был государственный секретарь, доктор Науманн.

Бергольд: Он был приблизительно на таком же расстоянии от взрыва?

---

⁴⁰⁵ Людвиг Штумпфеггер (1910 —1945) — немецкий хирург, оберштурмбаннфюрер СС. Участвовал в экспериментах из области трансплантационной хирургии, проводившихся в Хохенлихене главным образом над поляками из концлагеря Равенсбрюк. Покончил жизнь самоубийством пытаясь выбраться из района рейхсканцелярии в Берлине.

Кемпка: Нет, он был примерно в 1 или 2 метрах от Мартина Бормана.

Бергольд: Вы видели, что-нибудь от этого государственного секретаря Науманна впоследствии?

Кемпка: Нет, я снова его не видел, ни штандартенфюрера доктора Штумпфекера.

Бергольд: Затем вы поползли обратно, не так ли?

Кемпка: Да.

Бергольд: И никто не последовал за вами?

Кемпка: Конечно. После того, как люди миновали это противотанковое заграждение, они попали под сильный оборонительный огонь. Некоторые были убиты, а оставшиеся бросались бежать обратно. Но тех кто был с танком я больше никогда не видел.

Бергольд: Уважаемый суд, у меня больше нет вопросов к данному свидетелю.

Додд: У меня нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Защита хочет задать ему какие-либо вопросы?

[Ответа нет]

Председатель:[Обращаясь к свидетелю] Сколько было танков в этой колонне?

Кемпка: Я сейчас не могу сказать – может быть два или три. Может быть четыре, было больше броневинов.

Председатель: Сколько их было?

Кемпка: Приезжали ещё и ещё, и потом какие-то из них снова уезжали. Они пытались прорваться в этой точке. Возможно один или два пытались. Остальные отошли после взрыва танка.

Председатель: Откуда началось движение колонны?

Кемпка: Это я не знаю. Они пришли довольно внезапно – они там были, я полагаю, что это были танки которые отошли к центру города и тоже пытались прорваться в южном направлении.

Председатель: Когда вы говорите, они оказались там внезапно, где они были? Где они вас подбирали?

Кемпка: Меня не подбирали. Я покинул рейхсканцелярию...

Председатель: Что же, где они к вам присоединились? Где вы их впервые увидели?

Кемпка: У моста Вайденхаммер, позади станции Фридрихштрассе. Они собрались там ночью.

Председатель: Где Борман впервые спросил у вас, можно ли там пройти?

Кемпка: Это было у противотанкового заграждения позади станции Фридрихштрассе у моста Вайденхаммер.

Председатель: Вы хотите сказать, что вы встретили его на улице?

Кемпка: Да. Мартин Борман не присутствовал, когда я покинул рейхсканцелярию, его не было у моста до 2-3 часов утра.

Председатель: Вы случайно его там встретили, вы это хотите сказать?

Кемпка: Я встретил его случайно, да.

Председатель: С ним кто-нибудь был?

Кемпка: Государственный секретарь доктор Науманн из министерства пропаганды был с ним, а также доктор Штумпфекер который был последним врачом который был с фюрером.

Председатель: Как далеко они были от рейхсканцелярии?

Кемпка: Это – где-то – от рейхсканцелярии до станции Фридрихштрассе примерно четверть часа пешком в обычных обстоятельствах.

Председатель: И затем вы увидели какие-то танки и какие-то другие броневики идущие вместе, правильно?

Кемпка: Так точно.

Председатель: Немецкие танки и немецкие броневики?

Кемпка: Да, немецкие бронемашины.

Председатель: Вы беседовали с их водителями?

Кемпка: Нет, я не говорил с водителями. Думаю государственный секретарь – бывший государственный секретарь доктор Науманн говорил.

Председатель: И затем, вы стали садиться в танки или броневики?

Кемпка: Нет, не садились – ни государственный секретарь доктор Науманн, ни рейхсляйтер Борман.

Председатель: Вы просто шли рядом?

Кемпка: Я просто шел рядом, да.

Председатель: И где были вы в отношении к Борману?

Кемпка: Я был позади танка, примерно – с левой стороны за танком.

Председатель: Как далеко от Бормана?

Кемпка: Наверное 3-4 метра.

Председатель: И затем ракета ударила танк, правильно?

Кемпка: Нет, кажется танк был поражен панцерфаустом выстрелившим из окна.

Председатель: И затем вы увидели вспышку и потеряли сознание?

Кемпка: Да, я внезапно увидел вспышку огня и на момент я также увидел рейхсляйтера Бормана и государственного секретаря Науманна сделавших движение как если бы падали или отбрасывались. Меня отбросило в сторону, в тот самый момент я потерял сознание.

Председатель: И где вы спрятались?

Кемпка: Когда я пришел в себя, я ничего не мог видеть и тогда я пополз обратно и полз пока не уткнулся головой в противотанковое заграждение.

Председатель: Куда вы пошли в ту ночь?

Кемпка: Я немного подождал там и потом попрощался со своими шоферами которые были там, и затем я оставался в руинах Берлина и на следующий день я покинул Берлин.

Председатель: Где вас взяли в плен?

Кемпка: Меня взяли в плен в Берхтесгадене.

Биддл: Как близко вы находились от танка, когда он взорвался?

Кемпка: Оценю это в 3-4 метра.

Биддл: А как близко к танку был Борман, когда тот взорвался?

Кемпка: Полагаю, что он держался за него одной рукой.

Биддл: Что же, вы говорите, что так считаете. Вы его видели или нет?

Кемпка: Я не видел его на самом танке. Но, чтобы держать темп с танком я сделал тоже самое и держался за танк сзади.

Биддл: Вы видели как Борман пытался забраться на танк незадолго до взрыва?

Кемпка: Нет, я не видел это. Я не видел никаких усилий Бормана указывающих, что он хотел забраться на танк.

Биддл: Сколько после взрыва вы смотрели на Бормана?

Кемпка: Все случилось очень быстро. Пока я говорил с Борманом танки повернули и мы прошли танковое заграждение и через 30 или 40 метров в танк попали.

Биддл: Что вы называете коротким периодом?

Кемпка: Ну, пока мы говорили, это наверное несколько минут.

Биддл: И сколько прошло между беседой и взрывом?

Кемпка: Не могу сказать точно, но конечно это не четверть часа, наверное даже не полчаса.

Биддл: Перед этим вы находились в канцелярии?

Кемпка: Я покинул рейхсканцелярию вечером примерно в 9 часов.

Биддл: Вы, когда-либо рассказывали эту историю кому-либо ещё?

Кемпка: Меня несколько раз допрашивали об этом, и я уже делал такое же заявление.

Биддл: И кто вас допрашивал, какие-то офицеры?

Кемпка: Да.

Биддл: Какой армии, какой нации?

Кемпка: Меня допрашивали разные офицеры американской армии, сначала в Берхтесгадене, второй раз во Фрайзинге и третий раз в Оберурзеле.

Додд: В результате запроса суда мне пришли в голову один-два вопроса, которые, наверное, нужно затронуть о которых я хотел бы спросить свидетеля, если можно.

Председатель: Разумеется.

Додд: Вы были с Борманом, не так ли, в 9 часов в бункере рейхсканцелярии в ту ночь?

Кемпка: Так точно. Я видел его последний раз примерно в 9 часов вечера. Когда я прощался с доктором Геббельсом, я также видел Мартина Бормана внизу в подвале и потом я увидел его снова ночью примерно в 2-3 часа утра.

Додд: Что же, может быть вы говорили, но я не понял так ли это. Где вы видели его в 2-3 часа утра до того как начали идти вместе с ним рядом с танком?

Кемпка: До этого я видел его у станции Фридрихштрассе между 2 и 3 утра, и до этого видел его в последний раз в 21 час в рейхсканцелярии предыдущим вечером.

Додд: Что же, я знаю, что видели. Но вы и Борман не обсуждали как выбраться из Берлина, когда покидали бункер рейхсканцелярии примерно в 9 часов той ночи?

Кемпка: Я получал свои приказы от бригадефюрера Милунке⁴⁰⁶. Я больше не получал прямые приказы от рейхсляйтера Бормана.

Додд: Я не спрашивал вас о том получили ли вы от него приказ. Я спросил, обсуждали ли вы и Борман – и кто бы там не был – то как вам выбраться из Берлина. Это было 9 часов ночи и обстановка становилась весьма отчаянной. Вы не говорили с ним о том как выбраться той ночью? Там было немного вас.

Кемпка: О, да, там было примерно 400-500 человек в рейхсканцелярии и эти 400-500 человек разделились на отдельные группы и эти группы покидали канцелярию одна за одной.

Додд: Я знаю, что там в канцелярии могло быть много. Я говорю про бункер в котором были вы. Вы свидетельствовали об этом раньше, не так ли? Вы сказали людям, что вам известно, что Гитлер как и Борман погибли. И вы должно быть были в бункере если вам это известно.

Кемпка: Да, я уже свидетельствовал об этом.

Додд: Что же, что я хочу выяснить, это говорили вы или нет с Борманом и кем угодно кто покидал этот бункер о том, чтобы оставить Берлин в ту ночь перед тем как покинуть бункер?

Кемпка: Нет, я тогда больше не говорил об этом с рейхсляйтером Борманом. Мы имели походный приказ лишь о том, что если у нас получится мы должны явиться в Фербеллин где была боевая группа к которой мы должны были присоединиться.

Додд: Вы до сих пор единственный человек который может свидетельствовать о том, что Гитлер мертв и единственный кто смог свидетельствовать, что мертв Борман, как вам известно?

Кемпка: Я могу заявить, что Гитлер мертв, и что он умер 30 апреля вечером между двумя и тремя часами.

Додд: Знаю, но вы тоже не видели его, не так ли?

Кемпка: Нет, я не видел как он умер.

Додд: И вы сказали дознавателям о том, что вам кажется, вы вынесли его тело из бункера и сожгли. Вы тот человек который это сказал?

Кемпка: Я вынес жену Адольфа Гитлера, и я видел Адольфа Гитлера завернутого в покрывало.

Додд: Вы на самом деле видели Гитлера?

Кемпка: Я не видел всего его. Покрывало в которое он был завернут было довольно

⁴⁰⁶ Видимо речь идет о Вильгельме Монке (1911 — 2001) — германский военачальник, бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС. В апреле 1945 года командир района обороны рейхсканцелярии. Судом в СССР был приговорен к 25 годам лишения свободы. Передан ФРГ в 1955 году.

короткое, и я видел только свисавшие ноги.

Додд: Не думаю, что я буду далее спрашивать, господин председатель.

Бергольд: У меня тоже больше нет вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Бергольд: Уважаемый суд, свидетель Валькенхорст тоже здесь. Мне кажется, что между мной и высоким трибуналом есть недопонимание. В субботу я заявил о том, что я не желаю больше вызывать свидетелей кроме свидетеля Кемпка и прямо отказался от свидетеля Валькенхорста.

Председатель: Что он собой представлял? Что, в первую очередь, вы просили доказать им?

Бергольд: Изначально я вызвал его в качестве замены...

Председатель: У нас есть ваше ходатайство.

Бергольд: Но после беседы со свидетелем Клопфером, от которого я тоже отказался, я также отказался от свидетеля Валькенхорста, потому что он не кажется мне достаточно компетентным, чтобы свидетельствовать о том о чем я хотел.

Таким образом, моя презентация доказательств завершена, за исключением двух документов которые трибунал уже одобрил мне, а именно, распоряжение о прекращении мер против церквей и распоряжение Бормана от 1944 года, которым он запретил сотрудникам канцелярии быть членами СД. Эти два документа я пока не получил. Когда я их получу, я их приобщу.

Председатель: Очень хорошо.

Доктор Серватиус, вы имеете какой-нибудь вопрос который хотите получить от свидетеля Валькенхорста, не так ли?

Серватиус: Я имею письменные показания от свидетеля Валькенхорста которые вкратце касаются вопроса телефонной беседы которую Заукель провел во время эвакуации лагеря Бухенвальд. Он обвинялся в приказе об эвакуации лагеря, когда приближались американская армия. Оказалось, что этот свидетель случайно обнаружился и как ни странно он был человеком с которым говорил Заукель. Он подтвердил мне в письменных показаниях, что Заукель потребовал, чтобы лагерь был сдан в порядке.

Вот все, о чем я хотел спросить этого свидетеля. Я могу предъявить это в форме письменных показаний.

Председатель: Обвинение хочет, чтобы был вызван человек или были письменные показания?

Серватиус: Я удовлетворен вручением письменных показаний.

Филлимор: Милорд, что касается обвинения, письменных показаний будет достаточно.

Председатель: Очень хорошо.

Серватиус: Тогда я предъявлю письменные показания и присвою номер экземпляра вместе с моим списком.

Председатель: Да, есть ещё один вопрос на который я желаю обратить внимание защиты.

Трибунал уведомили о продолжительности выступлений отдельных защитников, которые передали в отдел переводов для перевода и по делу подсудимого Кейтеля и по делу подсудимого Йодля выступления которые представили в отдел переводов кажутся намного длиннее чем ожидал трибунал и совершенно невозможно будет выступить за один день.

Не объяснит ли трибуналу защитник подсудимого Кейтеля, почему это так и какие шаги он предпринял, чтобы сократить свою речь?

Нельте: Господин председатель, сегодня я направил в суд письмо, которое как мне кажется пока не находится у трибунала. В нём я просил о том, чтобы по делу подсудимого Кейтеля мне позволили превысить обычную продолжительность времени, которая ограничена 1 днем в больших делах. Когда, по просьбе трибунала, я заявил о времени которое займет моя заключительная речь, я закончил свою рукопись. Эта рукопись занимала примерно 7 часов. Я отдал эту рукопись в такой форме, потому что было невозможно изменить её. Я представил первую часть в прошлую среду, а затем вторую часть утром в субботу.

Если трибунал, согласно своему решению, установит 1 день, то есть, 5 ½ часов самой речи как максимум и не готов отступить от этого правила в любом деле, даже в деле подсудимого Кейтеля, который особенно серьезно инкриминирован, тогда я буду вынужден убрать определенные фрагменты из рукописи и представить их только в письменном виде. Надеюсь трибунал также решит о том возможно ли это.

Председатель: Доктор Нельте, трибунал исходит из того, что, когда вас спрашивали, сколько времени займет ваша речь, вы ответили, что она займет примерно 7 часов.

Нельте: Да.

Председатель: 7 часов. Что же, по оценке которую дали трибуналу, речь которую вы представили для перевода занимает примерно 13 часов. Это почти вдвое больше как вы сами сказали, и это почти вдвое длиннее чем речь представленная для подсудимого Риббентропа, чье дело почти такое же обширное если не такое же обширное, и трибуналу кажется, что нет никакой причины представлять речь которая, наверное, займет почти вдвое больше времени чем вы сами заявили. Речь которую вы представили вдвое больше речи представленной от имени подсудимого Геринга.

Нельте: Естественно, я не знаю чем руководствовались защитники рейхсмаршала Геринга или министра иностранных дел фон Риббентропа. Я могу руководствоваться только собственными взглядами и чувством долга.

Председатель: Наверное, это правда вопрос сравнения, но вы сами сказали 7 часов, а теперь вы представляете речь которая займет, наверное, 13.

Нельте: Мне кажется, господин председатель, что я выступлю с этой речью за 7 часов, если 7 часов это время выступления.

Председатель: Что же, трибунал, как вам известно, очень внимательно рассматривал это, и он сказал, что каждая речь должна быть произнесена за 1 день, и это займет довольно значительное время для всех подсудимых, чтобы выступить с речами.

Нельте: Господин председатель, я буду ждать ваше решение. Если я ограничен 1 днем, тогда я вынужден буду исключить определенные части из своей рукописи. Но в таком случае я должен буду просить о том, чтобы остальное было принято к сведению трибуналом, потому что каждая вещь которую я включил в свою рукопись это тот минимум, который следует представить в таком сложном деле.

Председатель: Доктор Нельте, мы рассмотрим это ходатайство, о том, чтобы представить остальные фрагменты из вашей речи, и мы позволим защитникам узнать о нашем решении.

Доктор Симерс, трибунал получил полный доклад показывающий неизменные трудности секретариата, чтобы найти или попытаться найти для вас свидетеля Шульце, Отто Шульце, с тех пор как вы впервые попросили о нём в феврале этого года, и трибунал хотел бы знать какие шаги вы предпринимали, чтобы попытаться найти его.

Симерс: Кажется, господин председатель, не было никакой необходимости искать свидетеля, потому что, на самом деле, было известно, что он проживал в Гамбург-Бланкенезе и поэтому, по моему мнению, он всё еще в Гамбург-Бланкенезе, и я много раз давал этот адрес генеральному секретариату.

Председатель: Что же, вы знали, что генеральный секретариат делал по этому поводу. Вы знали, что он не смог найти его по адресу. Вы знали, что он направил опросные листы в Вашингтон, потому что им сказали, что его забрали туда, и нам сказали, что вы сами были в Гамбурге.

Симерс: О том, что опросный лист был направлен в Вашингтон это то чего я не знал до прошлой пятницы, после моего возвращения из Гамбурга. Лично я не ожидал, что могут возникнуть подобная ошибка или такое недопонимание. К сожалению, я тоже не знаю как так получилось. Я далек от того, чтобы предъявлять какие-либо обвинения. Я просто попросил о том, чтобы если документ будет получен, тогда трибунал согласился принять его в качестве доказательства позднее. К сожалению, я не могу предъявить его сегодня. Я немедленно проинформировал генеральный секретариат об адресе еще раз, я не знаю ничего больше кроме адреса в Гамбурге. Я считаю, адмирал Шульце не в плену. Возможно, что в мое отсутствие возникло какое-то недопонимание, но я лично слышал об этом только в прошлую пятницу.

Председатель: Что же, я не могу понять почему, в течение всех этих месяцев вы будучи здесь и имея полную возможность встретится с генеральным секретарем и

получить любое содействие от генерального секретариата, не помогли генеральному секретарю найти этого свидетеля. Это всё.

Мы откладываемся.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 4 июля 1946]

День сто семьдесят первый

Четверг, 4 июля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Заутер.

Заутер: Если угодно вашей светлости.

Председатель: Трибунал получил ваше письмо от 17 июня сего года, подписанное подсудимым Вальтером Функом.

Заутер: Да.

Председатель: Трибунал предлагает принять его к сведению, и если вы прочитаете его, оно станет частью записи. Если вы сейчас прочитаете его нам.

Заутер: Господин председатель, сейчас у меня нет с собой письма.

Председатель: Можно взять мою копию, но она на английском языке. Трибунал хотел бы, чтобы вы сделали это в 2 часа, - прочитали это письмо.

Заутер: Благодарю вас, господин председатель.

Председатель: Тоже самое относится к письму доктора Экснера от 23 июня 1946 от имени подсудимого Йодля, только трибунал считает, что это письмо также должно быть подписано подсудимым и оглашено доктором Экснером в 2 часа.

Я вызываю доктора Яррейса.

Яррейс: Господин председатель, уважаемый трибунал, основная юридическая и фундаментальная проблема настоящего процесса касается войны как функции запрещенной международным правом, посягательства на мир как тяжкого преступления совершенного в отношении всемирной конституции.

Эта проблема затмевает все иные юридические вопросы.

Четыре главных обвинителя обсуждали проблему в своих вступительных речах, то как центральную тему своей презентации, то как отправную точку, в то же время расходясь в своих концепциях в отношении этого.

Теперь дело защиты исследовать это. Защита попросила меня провести данное исследование. Однако за каждым из защитников оставлено право останавливаться в своей речи на вопросе о нарушении мира в зависимости от того, в какой степени он сочтет это необходимым. Тем не менее, у меня есть основание полагать, что эта возможность будет использована только в том отношении, что осуществится намерение защитников значительно упростить, с технической точки зрения, начинающуюся моей речью новую стадию процесса.

Я здесь рассматриваю только правовой вопрос, а не даю оценку процедуре предъявления доказательств, продолжающуюся много месяцев. Я

рассматриваю только вопрос о действующих правовых нормах, а не о правовых нормах, которые могут или должны устанавливаться исходя из требований морали или человеческого прогресса.

Передо мной стоит чисто научная задача. Наука не требует ничего кроме истины, сознавая, что ее цель никогда не может быть окончательно достигнута, и ее путь, поэтому, бесконечен.

Я благодарен генеральному секретарю трибунала за то, что он предоставил в мое распоряжение наиболее значительные документы и очень важные литературные источники. Без этой рыцарской помощи, при существующих в настоящее время в Германии условиях, моя работа была бы невыполнимой. Среди литературных источников, которые были мне доступны, превалировали те, которые были изданы в Соединенных Штатах. На основании изучения богатой французской и английской специальной литературы, которую я изучал в течение последней четверти века - русский язык я, к сожалению, не знаю - мне кажется, что я все же могу утверждать, что я не пропущу ни одной важной мысли, так как ни в какой другой стране мира дискуссия по рассматриваемому нами вопросу, который стал, собственно говоря, главным общечеловеческим вопросом, не велась более широко и принципиально, чем в Соединенных Штатах.

Этот факт также дал мне возможность отказаться от использования научной литературы, изданной в бывшей сфере германского влияния. Таким образом, я достигаю того, что даже не создается впечатление о развитии аргументации «*pro domo*⁴⁰⁷».

При том незначительном времени, которое предоставлено мне для речи и, с другой стороны, при обилии и сложности проблем, которые я должен рассмотреть, невозможно оглашать здесь документы и цитаты из литературных источников, которые я использую. Я оглашу лишь отдельные предложения. Другой порядок изложения также помешал бы аудитории следить за ходом рассуждений. Вследствие этого я передаю суду в приложениях к моей речи по правовым вопросам документы и библиографические перечни. Таким образом, то, что я буду излагать, можно будет быстро сверить в течение сегодняшнего, завтрашнего и послезавтрашнего дня.

Устав предусматривает наказания для отдельных лиц, виновных в нарушении мира между государствами. Суд рассматривает устав - так, по крайней мере, кажется - как нерушимый фундамент всех рассуждений правового характера. Это означает, что суд не рассматривает вопрос о том, может ли быть подвергнут сомнению, с юридической точки зрения, весь устав в целом или его отдельные положения, однако это вопрос, который, тем не менее, продолжает существовать.

⁴⁰⁷ «В своих интересах (лат.) – в переносном смысле служить в чьих-либо интересах.

Если это так: зачем тогда здесь вообще дискутировать по большим принципиальным правовым вопросам?

Главный обвинитель от Великобритании сделал даже центральной задачей своей большой речи проверку того, в каком соответствии находится устав по рассматриваемому нами вопросу с действующими нормами международного права. Он оправдывал необходимость своего выступления тем, что задачей данного процесса является служить человечеству, а эту задачу процесс смог бы выполнить только в том случае, если бы устав мог существовать раньше, чем были выработаны нормы международного права, т.е. если бы наказуемость отдельных лиц, виновных в нарушении мира между государствами, была бы обоснована существующими нормами международного права.

Действительно, необходимо выяснить, являются ли некоторые положения устава новыми нормами права и, следовательно, обладают ли они обратной силой?

Такое исследование здесь производится не для того, чтобы сэкономить труд ученым-историкам. Они проверят так же, как и все положения, выработанные на данном процессе, и данное положение согласно правилам свободной науки, возможно путем многолетнего труда и, во всяком случае, без ограничений в постановке вопросов, по возможности на основании несравненно большего количества материалов: документов и доказательств.

Такое исследование просто необходимо вследствие того, что от него зависит или может зависеть решение, справедливо ли обвинение или нет, а именно в том случае, если считать устав с правовой точки зрения непреложным.

Допустим, например, что дело обстояло бы так: устав формулировал бы не уже действующие нормы права, а устанавливал бы новые нормы права. Какое это имеет значение для формулировки приговора? Разве это не важно для вопроса о виновности?

Возможно, что изданный позже закон, который, например, рассматривает агрессивную войну как преступление, еще не установился и даже не был подготовлен в человеческом сознании долга в момент совершения данного преступления. В этом случае подсудимый ведь никак не может быть виновным в смысле, что он сознавал, что своими действиями он нарушает правовые нормы; ни перед самим собой, ни перед другими.

Или, возможно, что новые правовые нормы были опубликованы в тот момент, когда как раз формировалось новое сознание долга, но оно было еще неясным и неоднозначным. В этом случае, невозможно, что подсудимый виновен, однако не в том смысле, что он сознал, что своими действиями он

нарушает свой долг.

Во всяком случае, с точки зрения континентально-европейской правовой мысли, недостаточное сознание неправомерности, является обстоятельством, которое суд не может не учесть.

Вопрос о том, являются ли содержащиеся в уставе правовые нормы правовыми нормами, не представляет трудностей, если положения устава не двусмысленны и состояние норм международного права до этого периода является бесспорным.

Но как поступить, если мы им имеем дело с положениями, которые могут быть истолкованы различно, или если трактовка норм международного права является предметом дискуссии? Предположим первое: одно положение устава может быть истолковано различно и поэтому требует интерпретации. Согласно первому истолкованию, которое можно обосновать, это положение является законом «*ex post facto*⁴⁰⁸», согласно другому истолкованию, которое можно обосновать не менее убедительно, - оно не является таковым. Допустим второе: положение ясно или разъяснено благодаря определению суда, однако международное право, как наука, не придерживается единого мнения относительно состояния правовых норм в рассматриваемый период: нельзя с уверенностью сказать, что мы имеем дело не с законом «*ex post facto*». В обоих случаях следует заслушать подсудимого для того, чтобы он мог показать, что он не сознавал, что своими действиями он нарушал правовые нормы.

Я хочу ясно показать, как необходимы эти соображения для данного процесса. Теперь я перехожу к исследованию.

Отправные пункты главных обвинителей от Великобритании и Франции принципиально различны.

Главный обвинитель от Великобритании, если я его правильно понял, аргументировал следующим образом:

Во-первых, свободное право ведения войны государствами было частично ликвидировано статусом Лиги Наций, а позже в принципе ликвидировано пактом Бриана-Келлога⁴⁰⁹, который в настоящий момент представляет собой неизменно существующую основу мирного порядка в мире. Запрещенная, согласно этому пакту, война является наказуемым нарушением норм права в сообществе государств и по отношению к нему. Должно подвергаться наказанию и отдельное лицо, несущее ответственность за эти действия;

Во-вторых, обвинение отдельных лиц в нарушении мира, хотя и

⁴⁰⁸ «Сделанное после» (лат.) – в переносном смысле означает закон имеющий обратную силу.

⁴⁰⁹ Пакт Бриана — Келлога, Парижский пакт — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; получил название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога. Подписан 27 августа 1928 года представителями 15 государств (позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны).

является нововведением, но оно не только выдвигается на основании требований морали, но давно уже вытекает из длительного хода развития права, оно является даже логическим выводом из нового состояния права. Таким образом, существует только видимость того, что устав регламентирует новые правовые нормы.

Начиная с 1927 года, Соединенные Штаты вели сначала переговоры с Францией, затем с остальными великими державами, кроме Советского Союза, и некоторыми невеликими державами о заключении договора, который должен был изгнать войну с земного шара. То, к чему стремилось правительство Вашингтона, государственный секретарь Келлог⁴¹⁰ изложил с достойной почитания ясностью. А именно:

Державы должны отказаться от войны как инструмента национальной политики⁴¹¹, а именно без юридических формулировок, а в направленном на практические мероприятия духе, ясно и просто, недвусмысленно и неограниченно, без оговорок, иначе нельзя достичь того, к чему мы стремимся - отменить войну как явление, т.е. как понятие международного права⁴¹².

Когда переговоры были заключены, Аристид Бриан⁴¹³, другой из этих двух государственных деятелей, по инициативе которых был создан широко известный в Германии Пакт об объявлении войны вне закона, заявил при подписании Пакта в Париже:

«С незапамятных времен ведение такой войны считалось проявлением божественного права и в международной этике занимало место подобающее ему согласно прерогативам суверенитета. Теперь, наконец, такая война лишена, в соответствии с правовыми нормами того, что составляло ее наибольшую опасность: законности. Отныне она объявляется незаконной и изгоняется, на основании пакта, из области права...⁴¹⁴»

Согласно убеждениям обоих руководящих государственных деятелей Парижский пакт начал коренной переворот в мировом порядке, если только

⁴¹⁰ Фрэнк Келлог (1856 —1937) — американский государственный и политический деятель. Государственный секретарь США в 1925-1929.

⁴¹¹ Нота государственного секретаря Келлога французскому послу от 27.02.1928 г. — прим. по IMT, том. XVII, стр. 462.

⁴¹² Нота Правительства Соединенных Штатов правительствам Великобритании, Германии, Италии и Японии от 13.04.1928 г. — Там же.

⁴¹³ Аристид Бриан (1862 —1932) — французский политический деятель Третьей республики, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, военный и юстиции. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года (вместе с Густавом Штресеманом) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

⁴¹⁴ Речь французского министра иностранных дел опубликована в книге государственного департамента «Договор об объявлении войны вне закона», изданной издательством правительства Соединенных Штатов». С. 309.

все или почти все государства мира, в особенности же все великие державы, подписали бы договор или позже присоединились бы к нему, что затем и произошло.

Переворот заключался в следующем: до пакта Бриан-Келлога война являлась понятием международного права. После подписания Пакта Бриана-Келлога война стала величайшим преступлением против норм международного права.

Это мнение разделялось многими политическими деятелями и учеными во всем мире. Оно является решающим, принципиальной установкой замечательного комментария к статуту Лиги наций, с помощью которого Жан Рэ⁴¹⁵ оказал влияние, распространившееся далеко за пределы Франции, на последователей идей предотвращения войны в теории и практике⁴¹⁶. Оно является также принципиальной установкой нюрнбергского обвинения.

Дипломатия и теория международного права после Первой мировой войны, именно после неожиданно быстрого преодоленного мгновения страха, снова встали на старые рельсы. К ужасу всех тех, кто хотел извлечь выводы из катастрофы. Человечество тогда имело перед собой «Великое видение мира во всем мире», как выразился сенатор Брюс⁴¹⁷ во время обсуждения в сенате предложения о ратификации Парижского пакта⁴¹⁸.

Я помню, как много споров велось о личности и достижениях Вудро Вильсона. Но чем больше проходит времени, тем яснее становится, что он, счастливо используя свои труды и труды других авторов⁴¹⁹, в конце концов, пришел к выводам, которые можно назвать, по меньшей мере, гениальными, он сообщил их современному ему человечеству и они сегодня так же правильны, как и тогда; их лучше всего можно сформулировать следующим образом:

Необходимо начать сначала. Трагическая цепь войн и перемирий, которые называются миром, должна быть порвана. Человечество должно, наконец, увидеть и принять решение о том, чтобы перевести войну, согласно существующим нормам права, не обращая внимания на победу или поражение, на рельсы настоящего, а именно внутренне-справедливого мира: и этот внутренне справедливый мир должен быть сохранен путем организации сообщества государств, причем прочно сохранен.

⁴¹⁵ Жан Рэ (1884 – 1943) – французский юрист, философ, социолог и дипломат.

⁴¹⁶ Комментарии к Статуту Лиги Наций в свете и юрисдикции. Организации Лиги (Париж, 1930 г.) в частности, см. стр. 73 и следующие (далее в дополнениях за 1931-1935 г.г. 1 -е дополнение к комментариям к статуту (1931 г.) стр. 13 и следующие, 2-е дополнение (1932 г.) стр. 17 и следующие, 3-е издание (1933 г.), стр. 18, 39, 4-издание (1935 г.) стр. 19, 99. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 462.

⁴¹⁷ Уильям Брюс (1860 – 1946) – американский политик. Член Сената США в 1923-1929.

⁴¹⁸ Протоколы заседаний 2-й сессии конгресса США 70-го созыва. Т. XXV. Ч. 2. С. 1333 // «Великое видение мира во всем мире». - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 463.

⁴¹⁹ Бэйкер Рей Станнард. «Вудро Вильсон и мировое устройство». Нью-Йорк, 1922. – прим. по ИМТ, том. XVII Там же.

Это сохранение прочного мира, возможно только в том случае, если будут предусмотрительно устранены наиболее частые причины войны, а именно, чрезмерное вооружение, тайные соглашения и безжизненные окостенелые конструкции «статус-кво», созданные в результате того, что их соответствующий властелин не видел перспективы».

Человечество не пошло по этому пути. И не следует удивляться тому, что среди тех, которые в лагере побежденных или победителей боролись против инструментов Версаля, Сен-Жермена⁴²⁰, Трианона⁴²¹, Севра⁴²², находились как раз и те, кто стремился к настоящему прочному миру. Когда правительства Южно-Американского Союза и Канады в своих ответах государственному секретарю Халлу⁴²³ на его принципы сохранения мира от 16 июля 1937 г. в необычно резкой форме объявили изменение названных им несправедливых договоров, необходимой предпосылкой для установления подлинного мира во всем мире, они следовали одному из основных принципов великого американского президента⁴²⁴.

Человечество не последовало за Вильсоном.

Для членов Лиги наций - война также осталась запрещенной только в отдельных случаях, в целом же, таким образом, нормальным средством урегулирования споров. Так говорил еще в 1930 году Жан Рэ⁴²⁵:

«Лига Наций оказалась неспособной быть руководителем на пути в новый мирный порядок, она не оказалась даже достаточным тормозом против окончательного возвращения в прежнее состояние».

Это и есть факт, имеющий решающее значение в рассматриваемом нами вопросе: до начала Второй мировой войны вся система коллективной

⁴²⁰ Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии, потерпевшего в войне поражение в составе «Четверного союза»).

⁴²¹ Трианонский мирный договор был заключён между странами-победительницами в Первой мировой войне и потерпевшей поражение Венгрией (как одной из стран-правопреемниц Австро-Венгрии). Подписан 4 июня 1920 года в Большом Трианонском дворце Версаля.

⁴²² Севрский мирный договор, Севрский мир — один из договоров Версальско-Вашингтонской системы, создание которой ознаменовало завершение Первой мировой войны. Подписан 10 августа 1920 года в городе Севр (Франция) странами Антанты и присоединившимися к ним государствами (Королевством Италией, Японской империей, Бельгией, Королевством Грецией, Польской республикой, Португальской империей, Королевством Румыния, Югославией, Хиджазом, Первой Чехословацкой республикой и Первой Республикой Арменией), с одной стороны, и правительством Османской империи — с другой. Ко времени подписания договора значительная часть Турции уже была оккупирована войсками держав Антанты.

⁴²³ Корделл Халл (1871—1955) — американский государственный деятель. Занимал пост государственного секретаря 11 лет (1933—1944). Лауреат Нобелевской премии мира.

⁴²⁴ Кун Артур К. «Рассмотрение политики иностранных государств в свете принципов секретаря Халла относительно прочного мира» // «Американский журнал». 1938. № 32. С. 101-106. Приложение № 2. Раздел 51. С. 146. Цитаты 5/5а, 6/. Далее: Вильсон Вудро. «Война и мир». Послания, обращения и публичные выступления президента (1917-1924 г.г.), собранные Рэй Стеннардом Бэйкером и Вильямом Э. Доддом. Нью-Йорк, 1927. — прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 463.

⁴²⁵ Комментарий. С. 74. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 464.

безопасности, даже в том зачаточном состоянии, которое тогда было достигнуто, распалась⁴²⁶. И этот распад был признан и в категорической форме или путем недвусмысленных действий декларирован тремя мировыми движениями, имевшими на это полное право. Великобритания в начале войны заняла в этой связи ясную позицию по отношению к Лиге наций.

Я это сейчас покажу.

Советский Союз рассматривал германо-польский конфликт просто согласно нормам классического международного права. Это я скоро докажу.

Соединенные Штаты заявили о строгом нейтралитете. На том, в какой степени это заявление осуществлялось, я затем остановлюсь.

О системе коллективной безопасности велось много споров. Но, может быть, безразличным для вопроса, который и на данном процессе является основополагающим вопросом мирового правового сознания, что эта система казалась такому выдающемуся специалисту по международному праву, как американцу Эдвину Борхарду⁴²⁷ в 1938 году, был он прав или нет - враждебной миру; он называл ее детищем истерии нашего века⁴²⁸. Распад этот мог иметь много причин, ясно одно: распад, окончательный распад был признан упомянутыми тремя мировыми державами в начале сентября 1939 г., причем не как следствие германо-польской войны.

Начнем с того, что 7 сентября 1939 г. английское министерство иностранных дел заявило генеральному секретарю Лиги Наций⁴²⁹: «Британское правительство 5 февраля 1930 г. взяло на себя обязательства принимать участие в рассмотрении всех жалоб, направленных в Постоянную палату международного правосудия⁴³⁰ в Гааге, таким образом, и тех жалоб, которые могут предъявить другие государства относительно действий Англии во время войны которые, по мнению жалобщиков, являлись нарушениями международного права. Британское правительство приняло эту процедуру, так как оно полагало, что институт коллективной безопасности, созданный статутом Лиги наций и Парижским пактом, будет функционировать: так как если бы это имело место, поскольку Англия, естественно, не могла вести

⁴²⁶ О неоспоримом факте распада и вине в нем великих держав. Ср. горькие выводы Фенника, относящиеся к периоду непосредственно перед Второй мировой войной («Международное право и нации, совершающие незаконные действия». 1939. Т. 33. С. 743-745. - прим. по IMT, том. XVII, стр. 464.

⁴²⁷ Эдвин Борхард (1884 – 1951) – американский юрист-международник.

⁴²⁸ «Нейтралитет и несоблюдение нейтралитета» // «Американский журнал». 1938. № 32. С. 778 и далее. – прим. по IMT, том. XVII Там же.

⁴²⁹ Меморандум, подписанный правительством Его величества в Соединенном Королевстве относительно статьи устава Постоянной палаты международного правосудия, предусматривающий принцип добровольности (разное 1929. № 12. С. 3452.) - прим. по IMT, том. XVII Там же.

⁴³⁰ Постоянная палата международного правосудия - судебный орган, учрежденный под эгидой Лиги Наций в 1920 году, согласно принятому в 1920 г. статуту. Состояла из 11, позднее 15 судей. Резиденция в Гааге, затем, после оккупации Нидерландов Германией, в Женеве (с 1940 года). Рабочие языки: английский, французский. В 1940 году работа Палаты была прервана Второй мировой войной. Вместе с Лигой Наций была распущена в 1946 году; преемником Палаты стал Международный суд ООН.

запрещенных войн, а ее противник являлся бы агрессором. Коллизии между Англией и теми государствами, которые остались верными механизму безопасности, вообще не могло бы возникнуть на основании действий британской морской державы⁴³¹. Однако доверие английского правительства не было оправданно. Со времени заседаний ассамблеи Лиги наций в 1938 году не могло быть сомнений в том, что механизм безопасности не будет функционировать. Было ясно, что он фактически окончательно распался. Ряд членов Лиги еще перед началом войны объявили о своем строгом нейтралитете:

«Весь механизм, который должен был поддерживать мир, разлетелся».

Я в дальнейшем еще покажу, как право было английское правительство, делая свое заявление. Кроме того, английский премьер-министр Невилл Чемберлен⁴³² уже 22 февраля 1938 г., таким образом, перед так называемым «аншлюсом» Австрии заявил в палате общин о полной несостоятельности системы коллективной безопасности. Он сказал⁴³³:

«Во время последних выборов еще можно было надеяться, что Лига наций обеспечит коллективную безопасность. Я также в это верил. Теперь я больше в это не верю. Более того: если я прав, утверждая, что Лига наций в данных условиях неспособна обеспечить кому-либо коллективную безопасность, то я скажу, что нам не следовало пытаться обмануть самих себя, и - это еще важнее - мы не должны были пытаться обмануть малые, слабые государства относительно того, что они надеялись, что Лига Наций защитит их от нападения и действовали в соответствии с этим. Мы же знаем, что на это нечего было рассчитывать».

Женевская Лига наций была «нейтрализована», как вежливо выразился позже Ноэль-Бейкер⁴³⁴ в Палате Общин⁴³⁵.

Во-вторых, если учесть правильное утверждение английского правительства в его ноте Лиге наций от 7 сентября 1938 г., не удивительно, что Советский Союз рассматривал германо-польский конфликт по старым правилам борьбы между государствами. В германо-советском договоре о границах и дружбе от 28 сентября 1939 г.⁴³⁶ и в совместном коммюнике обоих

⁴³¹ Этот же ход рассуждений, который проводится в книге Брайли «Некоторые комментарии к Парижскому пакту» (Британский ежегодник. 1929) – прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 465.

⁴³² Невилл Чемберлен (1869 — 1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

⁴³³ Парламентские дебаты в Палате общин, том 332, столбец 226 и далее. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 465.

⁴³⁴ Филип Ноэль-Бейкер (1889 — 1982) — британский политик, дипломат, учёный, легкоатлет и борец за разоружение. Лауреат Нобелевской премии мира 1959 года.

⁴³⁵ Парламентские дебаты в Палате общин, том 353, № 198 столбец 1178(21 ноября 1939). - прим. по ИМТ, том. XVII, Там же.

⁴³⁶ Германо-советский договор о дружбе и границе — договор между нацистской Германией и Советским Союзом от

правительств, опубликованном в тот же день⁴³⁷, московское правительство стоит на точке зрения «*debellatio*⁴³⁸» Польши, т.е. ликвидации правительства и армии Польши. Здесь нет ни слова о Парижском Пакте или статуте Лиги наций. Советский Союз принимает к сведению устранение польского государственного аппарата военным путем и делает из этого выводы, которые ему кажутся правильными, соглашаясь с правительством Рейха, что новое урегулирование положения является исключительно делом обоих государств.

Поэтому было вполне последовательным то, что Советский Союз во время конфликта с Финляндией зимой 1939—40 г.г. стал на почву классического международного права. Он оставил без внимания реакцию Лиги наций, когда она, даже не рассмотрев возможности применения механизма санкций, создав лишь видимость применения статьи статута, которая имела совсем другой смысл, констатировала, что Советский Союз сам исключил себя, как агрессора, из Лиги⁴³⁹. Доклад швейцарского федерального совета от 30.01.1940 г. федеральному собранию⁴⁴⁰ пытается сохранить престиж Лиги наций, исключенной из политической действительности.

В-третьих, 5 сентября 1939 г. президент Соединенных Штатов констатировал, что отдельные, государства, с которыми Соединенные Штаты живут в мире и дружбе, находятся в состоянии войны друг с другом: Германия - с одной стороны, Англия, Франция, Польша, Индия и два Британских доминиона - с другой стороны. Все в Соединенных Штатах обязаны соблюдать самым строжайшим образом положение нейтралитета.

В Соединенных Штатах со времени предварительных переговоров знали, что Европа и, в особенности, Англия и Франция усматривали главную ценность Пакта, объявлявшего войну вне закона, в том, что Соединенные штаты станут действовать в серьезном случае. Британский секретарь по иностранным делам заявил об этом 30 августа 1928 г., т.е. за 4 недели до подписания Пакта. При обсуждении вопроса о ратификации договора в американском Сенате сенатор Мозес⁴⁴¹ обратил особое внимание на это обстоятельство⁴⁴². Сенатор Бора⁴⁴³ заверил в те дни, что совершенно нельзя

---

28 сентября 1939 года. Секретные дополнительные протоколы договора корректировали «сферы интересов» Германии и СССР, оговоренные 23 августа того же года в секретном дополнительном протоколе к пакту Молотова — Риббентропа, а также координировали недопущение «польской агитации» на территории захваченной Польши.

⁴³⁷ См. Приложение, разд. 35-36. — прим. по IMT, том. XVII, стр. 466.

⁴³⁸ лат. *debellatio* — полное завоевание; лат. *bellum* — война) — в международном праве, полный захват территории независимого государства и установление контроля над нею при исключении верховной власти суверенного правительства такого государства.

⁴³⁹ Решения ассамблеи и совета от 14.12.1939 г. — прим. по IMT, том. XVII, там же.

⁴⁴⁰ Федеральное собрание — парламент Швейцарии, состоящий из двух равноправных палат — Совета кантонов (46 членов) и Национального совета (200 членов).

⁴⁴¹ Джордж Мозес (1869 – 1944) — американский политик и дипломат. Сенатор США в 1918 – 1933.

⁴⁴² Материалы Конгресса. Заседания и дебаты второй сессии семидесятого Конгресса США, том. LXX, часть 2, стр. 1169/99. Сравни также: Эллери К. Шотуэлл. «Ответственность Соединенных Штатов в вопросе международного сотрудничества для предотвращения агрессии» // «Американский журнал». 1932. Т. 26. С. 113. — прим. по IMT, том. XVII, там же.

себе представить, что Соединенные Штаты ограничатся спокойным созерцанием событий⁴⁴⁴. После дискредитирующих неудач политики коллективной безопасности в случаях с Маньчжурией⁴⁴⁵ и Абиссинией⁴⁴⁶ Мир воспринял, ставшую знаменитой, речь «о карантине»⁴⁴⁷ президента Франклина Рузвельта от 5 октября 1937 г. и его предостережения «держите Гитлера!» до и после Мюнхена, как заявление о том, что Соединенные Штаты при следующем подобном случае станут действовать. Объявление нейтралитета 5 сентября 1939 г. могло означать лишь следующее: Соединенные Штаты, точно так же, как и Англия и Советский Союз, воспринимают крах системы коллективной безопасности как совершившийся факт.

Объявление нейтралитета рассматривалось как смертельный удар по этой системе. Вашингтонское правительство могло бы отклонить такое обвинение как неоправданное. Ведь система была мертва уже в течение нескольких лет, если вообще верить, что она когда-то действительно существовала. Но что она теперь уже не существует, многие удостоверились впервые тогда, когда на нее пал яркий свет объявления нейтралитета со стороны Америки.

Еще задолго до 1 сентября 1939 г. сложилось определенное мнение относительно различных попыток, предпринимавшихся со времени Первой мировой войны, для того, чтобы заменить «анархический мировой порядок» по классическому международному праву лучшим порядком, поистине мирным порядком, т.е. создать в сообществе государств общее урегулирование, по которому существуют запрещенные и незапрещенные войны с правовой точки зрения. По оценке крупнейших держав того времени, эти попытки потерпели крах. Крупнейшие военные державы мира столкнулись друг с другом в борьбе, напрягая при этом все свои силы. Для сторонников исторического материализма это явилось второй фазой неумолимо и закономерно развертывающегося процесса, в котором история развивалась и проходила с

⁴⁴³ Уильям Бора (1865 —1940) — американский политический деятель, сенатор-республиканец США, одна из самых известных фигур в истории Айдахо. Прогрессивист, избранный в Сенат США в 1907 году и бывший бессменно сенатором вплоть до своей смерти в 1940 году.

⁴⁴⁴ Сравни также: Браейрли, Дж.Л. Отдельные положения Парижского пакта // Британский ежегодник. 1929. Он высказывается таким образом, что нарушение нейтралитета является невозможным. (Приложение 2. Разд. 44. С. 127. Цитаты 10 и 120). В 1936 году англичанин Макниром высказал ту же мысль в статье «Коллективная безопасность». //Британский ежегодник - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 467.

⁴⁴⁵ В 1931 году, Япония вторглась в Маньчжурию. После пяти месяцев борьбы, в 1932 году, в Маньчжурии был установлен прояпонский марионеточный режим — государство Маньчжоу-Го. Оно было признано последним императором Китая, Пу И, который при поддержке японцев был поставлен в его главе. Не имея возможности бросить вызов Японии напрямую, Китай попросил помощи у Лиги Наций. Лига провела расследование, после которого осудила Японию за вторжение в Маньчжурию и принудила Японию к выходу из Лиги Наций.

⁴⁴⁶ Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. (Вторая итало-абиссинская война) — война между Итальянским королевством и Эфиопией, итогом которой стала аннексия последней и провозглашение на её месте, с присоединением колоний Итальянская Эритрея и Итальянское Сомали, колонии Итальянская Восточная Африка.

⁴⁴⁷ Имеется в виду речь Ф. Рузвельта в Чикаго 05.10.1937 года, в которой он осудил агрессоров и заявил, что Соединенные Штаты «не могут застраховать себя от бедствий войны и опасности быть в нее вовлеченными».

суверенным равнодушием мимо дипломатическо-юридических построений.

Большинство юристов-международников констатировали также: в существующем общем международном праве не существует различия между запрещенными и незапрещенными войнами.

В 1942 году Ганс Кельзен⁴⁴⁸ после тщательного изучения литературных источников изложил это в своем труде «Закон и мир» в международных отношениях». При этом он сам относится к тому меньшинству, которое хочет признавать правовые различия между справедливыми и несправедливыми войнами. В связи с этим его утверждение приобретает еще большее значение.

Но теперь мы должны спросить: справедливо ли говорить о крахе системы коллективной безопасности? На основании этого следует предполагать, что такая система когда-то существовала. Можно ли это действительно утверждать? Этот вопрос для настоящего процесса имеет величайшее значение, так как в основу обвинения в нарушении мира кладется существование правового сознания в мировом масштабе.

Перед нами встает трагедия пакта Бриана-Келлога, та трагедия, от которой мы все так пострадали, мы все, которые ликовали при заключении пакта, а позднее, после первого периода депрессии, приветствовали «доктрину Стимсона⁴⁴⁹» как с давних пор нужный и необходимый для достижения подлинного мира шаг, как радостный знак нового подъема.

Как я уже сказал, в 1927 и 1928 годах Соединенные Штаты имели в виду большую цель. В Лиге наций отнеслись к этой проблеме без особого внимания, не использовав всех возможных средств и, принеся тем самым делу истинного мирового порядка, может быть, больше вреда, чем пользы. Женевский протокол⁴⁵⁰ провалился. Келлог хотел перескочить все трудности, заключающиеся в проблеме, и сдвинуть мир с мертвой точки с беззаботной решительностью. Опубликованный договор со своими двумя статьями - отказом от войны и обязательством разрешать все вопросы мирным путем, казалось, удовлетворял заветное желание человечества, которое хотело, наконец, созерцать акт освобождения.

⁴⁴⁸ Ганс Кельзен (1881 —1973) — австрийско-немецкий юрист и философ, теоретик права, автор более 400 работ по разным проблемам теории государства и права, международного права, один из основных теоретиков нормативистской школы права, основоположник концепции конституционного суда и конституционного контроля, основатель и судья первого такого суда — Конституционного суда Австрии.

⁴⁴⁹ Генри Стимсон (1867 —1950) — американский государственный деятель, занимавший пост военного министра США, генерал-губернатора Филиппин и государственного секретаря США. Когда в 1931 году Япония оккупировала Маньчжурию и создала там марионеточное государство Маньчжоу-го, Стимсон направил ноты правительствам Японии и Китая, о том, что США не признают законности никакого договора или ситуации, которые бы нарушали права США или Китайской республики. Эта позиция вошла в историю как «доктрина Стимсона»

⁴⁵⁰ Женевский протокол о мирном урегулировании международных споров (1924) — решение Лиги наций которое предусматривало обязательное использование средств международного арбитража при разрешении споров, а также порядок определения государства-агрессора. Все международные споры должны были передаваться во Всемирный суд. В связи с отказом Великобритании от ратификации протокола не вступил в силу.

Однако трудности, которые хотели перескочить, зиждутся частично в самой сути дела. И никакие предписания какого-либо законодателя не могут устранить их полностью. Так как, если бы даже имелись и вполне недвусмысленные масштабы: кто из заблуждавшихся людей должен был бы иметь право решить вопрос в спорном случае? Ведь не существует даже непогрешимых масштабов для определения агрессии и обороны⁴⁵¹.

Но эти моменты не составляли единственной трудности, на которую во время предварительных переговоров в связи с пактом французское правительство указывало⁴⁵² прямо и косвенно, указывало с полным правом того, кто знает Европу и ее очень древнее историческое наследие, как американское правительство знает Америку и ее, такую отличную от других, историю.

Когда мир познакомился с обменом нот во время предварительных переговоров, где говорилось обо всех определениях, понятиях, толкованиях, ограничениях и оговорках, тогда стало очевидно, как глубоко расходились мнения правительств по одному и тому же контексту. При этом увидели со стороны советского правительства неприкрытую, прямо таки суровую, критику отказа западных держав от разоружения и, таким образом, от необходимой предпосылки для эффективной политики умиротворения, критику неопределенности договора⁴⁵³, и, прежде всего, критику знаменитой английской оговорки относительно свободы рук на отдельных территориях мира. Эта оговорка часто называлась британской «доктриной Монро⁴⁵⁴» или «доктриной Чемберлена⁴⁵⁵». После этого уже знали, в действительности за подписями крылось лишь формальное единство и что две державы не понимали полностью одного и того же под договором. Только по одному пункту имелось полное единство: оборонительная война разрешалась в качестве неотъемлемого права любого государства; без этого права не может быть и суверенитета; каждое государство является единственным судьей в том процессе, ведет ли оно в каждом отдельном случае оборонительную войну или нет.

Ни одно государство мира не было согласно принять чужое

⁴⁵¹ Сравни: Иглтон Клайд «Попытка квалифицировать агрессию» // «Международный Вестник». 1930. № 264; Кутен А. «Понятие дозволенной войны». Париж, 1931; Райт Квинси. «Понятие агрессии в международном праве» // «Американский журнал». 1935. № 29. С. 395). - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 468.

⁴⁵² Нота Правительства Соединенных Штатов Правительствам Великобритании, Германии, Италии и Японии от 13.04.1928 г.; проект договора французского Правительства от 20.04.1928 г.; Нота Британского государственного секретаря иностранных дел американскому послу от 19.05.1928 г.; Нота правительства США всем 9 участникам переговоров от 23.06.1928 г.; Нота Британского статс-секретаря иностранных дел от 18.07.1928 г.; Нота советского комиссара иностранных дел французскому послу от 31.08.1928 г. прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁵³ Нота народного комиссара иностранных дел от 31.08.1928 - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 469.

⁴⁵⁴ Доктрина Монро — декларация (доктрина) принципов внешней политики США («Америка для американцев»), провозглашённая 2 декабря 1823 года в ежегодном послании президента США Джеймса Монро к Конгрессу США.

⁴⁵⁵ Нота народного комиссара иностранных дел от 31.08.1928 - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

правосудие по тому вопросу, были ли справедливы или нет его решения в последнем вопросе, имеющем жизненное значение.

В ноте от 25 июня 1928 г. ко всем девяти государствам, участвующим в переговорах, Келлог заявил⁴⁵⁶:

«...Право обороны... является составной частью всей сущности суверенитета и само собой предполагается в каждом договоре. Каждое государство... лишь само призвано решить, обстоят ли дела таким образом, что необходимо перейти к войне по соображениям, обусловленным интересам обороны»».

Друзья мира были страшно разочарованы. Что мог вообще дать такой договор? Они были слишком правы. Очень скоро они с еще большим прискорбием услышали о ходе переговоров в американском Сенате. Ратификация, правда, была принята 85 голосами против 1 при небольшом числе воздержавшихся. Но, если даже за подписями договаривающихся государств не крылось делового единства, то его было еще меньше за результатом голосования в Сенате той мировой державы, которая руководила как в духовном, так и в формальном отношении.

Обсуждение в Сенате, глубокая серьезность и высокий уровень которого оставят его навсегда достойным памяти, показало - несколько сенаторов заявили со всей ясностью об этом, что мнения сенаторов колебались между двумя противоположными полюсами, для одних договор означал, прямо-таки поворотный пункт; для других он не представлял ничего ценного или, в лучшем случае, лишь слабый или дружественный жест, меткое народное слово, разновидность международного поцелуя; для третьих, плодоносную почву для всех будущих войн, гигантское по своим размерам ханжество, прямо-таки узаконение войн, или даже узаконение британского мирового господства, гарантия несправедливого Версальского «статус-кво» для Франции и Англии.

Еще более остро, чем это было сделано в русской ноте, отдельные сенаторы критиковали полную неопределенность положений договора. И если заявление Келлога о праве на оборону, которое по воле подписавших договор государств составило существенную составную часть Пакта, воспринимать дословно, то возникал вопрос: какая же война в таком случае вообще запрещалась⁴⁵⁷? Было много и ироничных ответов.

С помощью этого Парижского пакта, если бы все осталось, так как было при его заключении, не было ничего выиграно. По мнению крупного американского международного Филиппа Маршала Брауна⁴⁵⁸, пакт своей

⁴⁵⁶ Сравни также: Келлог. «Политика Соединенных Штатов, направленная на предотвращение войны» // «Американский журнал». 1928. № 22. С. 261. прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 469.

⁴⁵⁷ Материалы Конгресса. Заседания и дебаты второй сессии семидесятого Конгресса США, том. LXX, часть 2, (5 января 1929 – 26 января 1929) стр. 1169 и далее. (Вашингтон, 1929) - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 470.

⁴⁵⁸ Филипп Маршал Браун (1875 – 1966) – американский преподаватель и дипломат. Редактор «Американского

неспособностью неумышленно породил уродство «войны без объявления»⁴⁵⁹.

Те, кто боролись против Версаля, немцы и не немцы, так как прогресс был заторможен, и те, которые критиковали Лигу наций, немцы и не немцы, так как она больше приносила, ликовали напрасно в конце августа 1928. Решающий шаг не был сделан.

Но, прежде всего, никогда не решалась одна вещь, которая, хотя и не достаточна сама по себе, но необходима для того, чтобы действительно была создана гарантия мира, единственная вещь, которая необходима по единодушному мнению всех, кто считается с человеческой слабостью: создать процедуру, с помощью которой сообщество государств, даже против воли владельца, могло бы изменить условия, ставшие невыносимыми, чтобы обеспечить жизнь предохранительным клапаном, который ей необходим, чтобы избежать взрыва.

Как отдельное государство только лишь при хорошем законодательстве и своевременном приспособлении существующего порядка к изменившейся жизни может избежать революции (если оно вообще это может сделать), то это также относится и к сообществу государств. Вильсон думал как раз об этом основном законе, как мы уже видели. С этим считался также один из крупных английских международников, один из горячих, безусловных и прогрессивных поклонников Парижского пакта, Макнейр⁴⁶⁰, когда он в 1936 году, наряду с коллективным насилием, требовал коллективного мирного пересмотра ставших опасными положений⁴⁶¹. С этим считались также американские международники Борхард⁴⁶² и Фенвик⁴⁶³⁴⁶⁴ в своих предостерегающих описаниях положения в области международного права незадолго до Второй мировой войны. Германское правительство в ноте Штресемана американскому послу от 27.04.1928 г., когда оно без всяких оговорок согласилось на предложение Келлога, указало на эту проблему, оставляющую в тени все остальные⁴⁶⁵.

К проблеме «коллективного пересмотра» и позднее не относились серьезно. Это уже потому не удивительно, что такое устройство, в силу своей внутренней сущности, предполагает, что государства откажутся от своего суверенитета. Возможно ли в наше время думать о своем отказе? Филипп

журнала международного права».

⁴⁵⁹ Международное беззаконие // «Американский журнал». 1938. т. 32. С. 775 прим. по IMT, том. XVII, там же.

⁴⁶⁰ Арнольд Макнейр (1885 – 1975) – британский юрист. Судья Международного суда ООН, а затем председатель Европейского суда по правам человека.

⁴⁶¹ Коллективная безопасность // Британский Ежегодник. 1936. С. 150 - прим. по IMT, том. XVII, стр. 470.

⁴⁶² Нейтралитет и не нейтралитет // «Американский журнал». 1938. № 32. С. 778 - прим. по IMT, том. XVII, стр. 471.

⁴⁶³ Международное право и нации, не охваченные международным законом // «Американский журнал». 1939. № 33. С. 743-745. - прим. по IMT, том. XVII, там же.

⁴⁶⁴ Чарльз Фенвик (1880 – 1973) – американский ученый в области международного права.

⁴⁶⁵ Сравни также: Сэлз Жорж. Теоретическое обоснование пересмотра договоров. Париж, 1938; Кунц Джозеф. Проблема пересмотра международного права («мирное изменение») // «Американский журнал». 1938. № 33. С. 33-35. - прим. по IMT, том. XVII, там же.

Браун меланхолически заявляет, что в наше время меньше, чем когда-либо⁴⁶⁶. Поэтому подлинный шаг вперед в том вопросе, как можно, основываясь на правовых началах, объявить войну незаконной, был немислимым.

Правительство Соединенных Штатов и Лига наций сделали кое-что для того, чтобы удовлетворить, несмотря на эти неразрешимые противоречия, требования народов. Они пытались придать Пакту задним числом вполне уловимое содержание и даже некоторую «зубастость». Наука в международном праве дала к этому толчок и произвела исследование. Это мы должны также вкратце обрисовать, хотя оно и не увенчалось никаким успехом, так как раз здесь следует искать корень мыслей обвинения, если они приводят аргументы не политического и морального, а правового характера.

Парижский пакт, в своем запрещении войны, неоспоримо выходит из политического понятия агрессии. Но это определение понятия не ясно. Шотвелл⁴⁶⁷ и Брайерли⁴⁶⁸, наряду с другими, пытались помочь устранению этого неясного момента, произведя из второй статьи договора, которая выставляет требование разрешать все конфликты мирным путем, юридическое понятие агрессии⁴⁶⁹. Мы можем оставить неразрешенным вопрос о том, можно ли данному Пакту придать такое толкование. Практически этим ничего не выигрывается; одни трудности лишь заменяются другими. Не меньше имеется и неясностей: полюбовные средства предполагают на обеих сторонах добрую волю; ну, а что же делать, если ее не окажется на одной из сторон? И что следует считать полюбовным средством, что - нет? Русское правительство в своей уже упомянутой ноте от 31.08.1928 г. в связи с подписанием Пакта Бриана-Келлога было право, когда оно подняло данный вопрос.

Другие попытки оказать помощь были направлены на следующее: средствами логики развернуть совершенно неопределенный Пакт до абсолютно новой мировой конституции. Эти попытки связаны с именем американского государственного секретаря Стимсона и работой Будапештского конгресса Ассоциации международного права в 1934 году⁴⁷⁰. Чтобы понять это, следует встать на ту точку зрения, что пакт Келлога действительно принес вполне уловимый, с правовой точки зрения, недвусмысленный и безоговорочный отказ от войны. Тогда уже не существует больше права вести войну по произвольному желанию кого-либо. Ведение войны, вопреки запрету, является

⁴⁶⁶ Международное беззаконие // «Американский журнал». 1938. № 32. С. 775 - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁶⁷ Джеймс Шотвелл (1874 – 1965) – американский историк. Один из создателей Международной организации труда.

⁴⁶⁸ Джеймс Брайерли (1881 – 1955) – английский ученый-международник.

⁴⁶⁹ Брайерли. Отдельные положения Парижского пакта // Британский Ежегодник. 1929. С. 208 - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 471.

⁴⁷⁰ Знаменитые «Будапештские статьи». Ассоциация международного права: Парижский пакт Келлога-Бриана, Лондон 1934, страница 63 и следующие. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 472.

нарушением порядка сообщества государств. Тотчас же перед нами возникает вопрос: может ли правовое положение государства, совершившего противозаконный акт агрессии, быть равным с правовым положением незаконно подвергнувшегося агрессии государства?

Если на этот вопрос отвечают «нет», как, например, влиятельный французский комментатор статута Лиги наций Жан Рэ⁴⁷¹, то не ликвидируются ли тем самым важнейшие элементы классического международного права?

1. Служит ли для оценки действий государств, воюющих друг против друга, международное право войны, которое исходит из права свободного ведения войны и характера дуэли, присущего войне, и, во всяком случае, из правового равенства ведущих войну?
2. Может ли быть нейтралитет в такой войне? Вправе ли кто-либо придерживаться нейтралитета?
3. Может ли быть результат войны законным, если агрессор победит? В особенности тогда, когда этот результат втиснут в форму договора? Или сообщество государств должно лишить агрессора плодов победы с помощью непризнания? Следует или может быть даже должно состояться совместное вооруженное выступление государств против агрессора?

Мы констатируем: даже правовая теория не сделала всех выводов. Однако и государственная практика после нескольких попыток разрешить отдельные вопросы, в конце концов, не решила до конца ни одного из этих вопросов.

К первому пункту, применение международного права войны без учета происхождения войны до сих пор не оспаривалось серьезно ни одним государством. Все возникавшие сомнения устранялись без каких-либо двусмысленностей и кривотолков. Я ссылаюсь на резолюцию № 3 заседания ассамблеи Лиги наций от 4 октября 1921 г. и на отчет комитета одиннадцати Лиги наций для согласования устава с Парижским пактом⁴⁷².

Государство-агрессор в войне имеет те же права и обязанности, что и государство, на которое напали, т.е. все права и обязанности по международному праву войны. Господин главный обвинитель от Франции, кажется, хочет отойти от этой линии, не сделав при этом всех выводов. Но даже и в новейшей практике государств я нигде не замечаю склонности отойти от прежнего пути.

Ко второму пункту:

⁴⁷¹ Комментарий. С. 371. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 472.

⁴⁷² От 8 марта 1930 г. Смотри также: Рютгерс. Судебный сборник // Академия международного права. Т. 38. С. 47. Далее: Будапештская статья, 7 и Кунц Джозеф. «Разве не существует закона войны?» // Обзорение по вопросам международного права. 1934; Кон. «Ненейтралитет». 1939. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 473.

Пытались отрицать обязанность придерживаться нейтралитета, в конце концов, приписать право ненейтралитета, даже большее право ведения войны со стороны не замешанных государств против агрессора. Отдельные государственные деятели и ученые также страстно выступили за объявление права нейтралитета незаконным, как другие государственные деятели и ученые выступали за его дальнейшее существование в неизменном виде⁴⁷³. Чем яснее становилось, что вся система коллективной безопасности в отдельных случаях, которые имели наибольшее значение, была бездейственной, а именно в тех случаях, где следовало выступить против одной великой державы, тем с большей силой добивалась успехов мысль о нейтралитете. Полная дискредитация Лиги наций и пакта Бриана-Келлога в абиссинском конфликте возвратила и здесь классическое международное право вновь на его старое место. В 1935 году Швейцария заявила о своем неограниченном нейтралитете⁴⁷⁴; Бельгия, Дания, Финляндия, Люксембург, Норвегия, Голландия и Швеция последовали за ней своим Копенгагенским заявлением от 24 июля 1938 г.⁴⁷⁵ Несостоятельность Лиги Наций была причиной, которая была открыто названа.

К третьему пункту:

Политика непризнания стремится к следующему: не участвовавшие в конфликте государства должны держать себя как члены сообщества государств, охраняя порядок этого сообщества государств и отказывая в признании плодов победы государства-победителя, если последнее явилось агрессором. Его положение, основанное на насилии, не должно порочить вида положения, зиждущегося на праве. Этим самым данное государство лишится всего, что оно приобрело, и этим самым будет устранено одно из главных средств подстрекательства к войне. Политика непризнания сама по себе не является достаточной для гарантии системы коллективной безопасности, но является необходимой составной частью такого порядка. В этом вопросе никаких споров быть не может. Представитель Бразилии господин Брага добился заслуг

⁴⁷³ Делегат от Перу Корнейо в комиссии ассамблеи Лиги Наций в 1929 г. (Материалы ассамблеи. 1929. Официальный журнал Лиги наций, стр. 201): Нейтралитета больше не существует. Стимсон, Парижский пакт. Обращение от 8 августа 1932 г.; Пакт Рио-де-Жанейро от 10.10.1933 г.; Заявление Хелла по поводу Закона о нейтралитете от 17.01.1936 г.; Речь шведского министра иностранных дел Сандлера от 06.12.1937 г.; 03.10.1939 г.: Панамская декларация; обмен нотами 21 Американской республики с Англией, Францией и Германией (23.12.1939 г., 14.01., 23.01., 14.02.1940 г.) зиждется на почве классического права нейтралитета. Будапештские статьи. Литература: сравни в списке работ - Приложение 3 - работы и труды: Д'Астори Б. (1938 г.), Бейти Г. (1939 г.), Бонн С. Дж. (1936/37 г.г.), Борхард Э.М. (1936; 1937; 1938; 1941 годы), Брайерли Дж. Л. (1929; 1932 годы), Браун Ф.М. (1936; 1939 годы), Бюэль (1936 г.), Кон (1939 г.), Декам (1930 г.), Иглтон, Клайд (1937 г.), Хенвик Чарльз (1934 г.); (1935; 1939 годы), Фишер Вильямс, сэр Джон (1935; 1936 годы), Гарнер Джеймс Бильфорд (1936; 1938 годы), Гамбро Эдвард (1938 г.), Гайд К.К. (1937; 1941 годы), Джиссап П.К. (1932; 1935; 1936 годы), Лаутерпахт (1935; 1940 годы), Мандельштам (1934 г.), Миллер Дэвид Хантер (1928 г.), МакНеар (1936 г.), Политис Н. (1929; 1935 годы), Раппард В.Э. (1935-1937 годы), Шиндлер Д. (1938 г.), Стимсон Х. (1932 г.), Шотвелл Эллери К. (1932 г.), Виттон Дж. Б. (1927; 1932 годы), Райт Квинси (1940 г.) – прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 473.

⁴⁷⁴ Оговорки швейцарской делегации (М. Мотта) от 10.10.1935 г. - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁷⁵ Объявления о внешней политике, Эрганг, номера 4-5, стр. 122 и след., -прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 474.

тем, что он на заседании второй ассамблеи в 1921 году предложил такую политику членам Лиги Наций, чтобы подобной политике члены Лиги наций должны были следовать под именем «универсальной правовой блокады»⁴⁷⁶.

Финский представитель господин Прокопе⁴⁷⁷ в 1930 году перед ассамблеей истолковал статью 10-ю статута в этом духе⁴⁷⁸. Ноты американского государственного секретаря Стимсона от 7 января 1932 г. Китаю и Японии⁴⁷⁹ заставили откликнуться на эту мысль мировым эхом. Содержание этих нот обычно называют доктриной Стимсона. Лига наций приняла эту доктрину в качестве резолюций ассамблеи от 11 марта 1932 г.⁴⁸⁰ К этой идее вновь возвращаются в пакте Рио-де-Жанейро от 10 октября 1933 г. и в будапештских статьях от 10 сентября 1934 г. как к основному пункту.

Конфликт между Италией и Абиссинией в 1935-1936 годах стал великим пробным камнем⁴⁸¹, который решал вопрос о том, быть или не быть системе коллективной безопасности: Лига наций определила своего члена, великую державу - агрессором и вынесла решение об экономических санкциях, устрасилась, однако, военных мер насилия и мучилась, в конце концов, после победы Италии во время дебатов о процедуре на 18-й ассамблее над ответом на вопрос, как можно признать открытое предательство своего статута и вычеркнуть своего члена, подвергшего агрессии малую страну Абиссинию из списка живых государств и как признать ее частью итальянской империи. Соединенные Штаты также не довели до конца доктрину Стимсона, наоборот, они держались строго нейтрально⁴⁸²⁴⁸³.

Все это нужно знать; нужно также знать, что английское правительство 20 февраля 1935 г. через лорда-канцлера, виконта Сэнки⁴⁸⁴⁴⁸⁵,

⁴⁷⁶ Акты второй ассамблеи, заседания комиссий, I, стр. 396 и след. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 474.

⁴⁷⁷ Хьялмар Прокопе (1889 – 1954) – финский политик и дипломат. Министр иностранных дел Финляндии в 1924-1925.

⁴⁷⁸ Акты девятой ассамблеи, стр. 75. - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 474.

⁴⁷⁹ Государственный департамент, пресс-релизы, 9 января 1932, стр. 41, - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁸⁰ Акты чрезвычайной ассамблеи (Официальный журнал, дополнительный выпуск, номер 101, стр. 37) - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁸¹ Жан Рэ. 4-е дополнение к комментариям. 1935. С. 10: «Один государственный деятель однажды сказал, говоря о статье 16-й, что в том случае, если она будет применена, она несомненно будет применена лишь один раз. То же самое можно сказать обо всем механизме, который должен создать препятствия для войны». Сравни также: Фишер Вильямс, сэр Джон. Санкции по соглашению // Британский ежегодник. 1936; Макнейр Арнольд Д. Коллективная безопасность. - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁸² Относительно доктрины Стимсона и случая с Абиссинией, сравни труды: Борхарда (1933 г.), Фишера Вильямса (1936 г.), Макнейра (1933 г.), Шапра (1934 г.), Стимсона (1932 г.), Уайльда (1932 г.), Райта (1932, 1933 г.г.). - прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 475.

⁴⁸³ По поводу системы «Коллективной безопасности» сравни труды по общему продолжению в области международного права - список работ (Приложение 3): Брайерли (1932 г.), Брукен (1934 г.), Бруккер (1934 г.), Гутен (1931 г.), Декамп (1930 г.), Иглтон (1930, 1937, 1938 годы), Эльбе (1939 г.), Фенвик (1932, 1934, 1935, 1939 годы), Фишер Вильямс (1932, 1933, 1935, 1936 годы), Жироо (1934г.), Гармер (1936г.), Грахам (1929, 1934 годы), Хилл (1932 г.), Гайд (1941 г.), Джиссап (1935 г.), Манделыштам (1934 г.), Политис (1929 г.), Ритжер (1931 г.), Шотвелл (1928 г.), Никкерсхем (1928, 1929 годы), Биттон (1932 г.), Райт (1942 г.). - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁸⁴ Джон Сэнки (1866 – 1948) – британский юрист, судья. Лорд-канцлер Великобритании в 1929-1935.

⁴⁸⁵ Парламентские дебаты Палаты лордов, 5-я серия, том 95, 1007, 1043. - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

отклонилось от логических объяснений вежливо, но весьма определенно, и почтило тем самым старую истину: не из логики приходит то, что законно и справедливо, а из истории⁴⁸⁶. При более позднем случае, когда государственный секретарь Корделл Халл вручил всем державам 16.07.1937 г. изложение американских принципов⁴⁸⁷, португальское правительство предостерегало от «абстрактной и всеобобщающей тенденции отдельных юристов» оно предостерегало от поисков единой формулы и от поверхностного изучения исторических событий⁴⁸⁸.

Мы констатируем: уже, по крайней мере, за несколько лет до 1939 года в действительной международной жизни государств не существовало никакого эффективного общего урегулирования вопроса о запрещенных войнах с точки зрения международного права. В сознании руководящих государственных деятелей и народов такого общего урегулирования не существовало.

Вот в чем состоит внутренняя причина того, что во все более сильной и широко охватывающей степени вступали на путь специального урегулирования в международном масштабе: два государства, смотря по обстоятельствам, заключали при учете их исторических особенностей договоры с целью обеспечения мира между ними.

Во время Второй мировой войны правительство Соединенных Штатов решило помочь Великобритании. Англия могла приобретать эсминцы, позднее ей оказывалась помощь по ленд-лизу⁴⁸⁹. Американская общественность признавала, что сущность этих вспомогательных актов не могла быть совместима с понятием нейтралитета. Одни сожалели об этом обстоятельстве, другие приветствовали ее, они, то нападали на него, то защищали. Сторонники этих мероприятий, прежде всего, Стимсон и Корделл Халл, с полным правом не пытались оправдывать эти мероприятия как совместимые с нейтралитетом перед американской общественностью. Они, наоборот, даже ссылались на

⁴⁸⁶ Лаутерпахт, в книге «Парижский пакт», будапештские статьи и их толкование (Труды общества Гроциус. XX. 1935. С. 178) делает выводы из того факта, что государства могут принимать или отклонять, что в Будапеште на основании логических соображений было признано правом. Что государства не приняли будапештские статьи, констатирует Джесипп (Нейтралитет, его история, экономика и законы. Т. 4: «Сегодня и завтра». 1936. - прим. по IMT, том. XVII, стр. 475.

⁴⁸⁷ Сравни: «Американский журнал». 1937. № 31. С. 680-693. - прим. по IMT, том. XVII, там же.

⁴⁸⁸ Сравни позицию Артура Куна, в которой он также соглашается с данной точкой зрения, «Высказывания иностранных государств по поводу принципов государственного секретаря Хелла в вопросах сохранения длительного мира» («Американский журнал». 1938. № 32. С. 101, 106. - прим. по IMT, том. XVII, там же.

⁴⁸⁹ Ленд-лиз (от англ. lend — давать займы и lease — сдавать в аренду, внаём) — государственный акт Соединённых Штатов Америки (США), позволивший в 1941—1945 годы поставлять их союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование и лекарства, стратегическое сырьё, включая нефтепродукты, без оплаты. Все поставки по ленд-лизу оплачивало казначейство США, возврат оставшегося исправного оружия и техники должен был производиться после завершения военных действий (фактически, после разгрома Японии). Основными получателями поставок по акту о ленд-лизе стали страны Британского содружества наций и СССР.

Парижский пакт в его истолковании, которое было дано ему будапештскими статьями⁴⁹⁰. Как мы видим, по бесспорно верному мнению виконта Сэнки об источниках международного права, уже в 1935 году это было бы неверно с правовой точки зрения.

Со времени победы Италии над Абиссинией эти дискуссии велись вне юридической практики. Они служили основанием внутриамериканской полемики и уже только поэтому не могли иметь непосредственного значения для международного права. И если бы даже отдельные государства обменялись мнениями по этому вопросу, то и тогда эти мнения могли бы в лучшем случае послужить основанием для выработки новых норм права. В самом деле, нужно ли утверждать или даже доказывать, что во время напряженнейшей борьбы в подобных дискуссиях не могло быть выработано новое право, которое столь тщетно пытались создать в мирное время, изобличая эти попытки как утопические.

В этом зале встречаются представители многих, иногда очень различных теорий права. Это порождает определенные неразрешимые противоречия. Но ни одна теория права нигде на земном шаре и никогда, начиная с древнейших времен и кончая последним временем, не могла и не может допустить аргументаций, которые противостояли бы существу права как исторически сложившемуся порядку совместной жизни людей. Когда несколько правительств принимают статьи, содержание которых они понимают по-разному, - когда потом эти статьи в практической работе этих правительств не находят себе применения - в чем ничего удивительного нет, - когда теоретики интерпретируют эти статьи, а правительства в своей практической деятельности отвергают эту интерпретацию, открыто заявляя об этом или обходя ее молчанием, то тут ничего не поделаешь, если хочешь остаться верен своей цели, которая состоит в том, чтобы дать событиям оценку с правовой точки зрения, несмотря на все желание дать эту оценку с политической и моральной точек зрения.

Но, отвлекаясь на время от горькой действительности тех лет, которые последовали после итало-абиссинского конфликта. Предположим, что тогда существовал совершенно четкий договор, причем стороны, подписавшие его, приняли его, согласившись по всем пунктам по существу и субъективно. Существовала ли тогда в международном праве норма, позволяющая привлекать к ответственности страны, нарушившие этот договор?

Нет. К ответственности нельзя было бы привлечь государства, не говоря уже об отдельных государственных деятелях.

⁴⁹⁰ Сравни статью Райта в «Американском журнале». 1940. № 34. С. 680 и далее. Прежде всего, здесь следует назвать речь Стимсона от 06.01.1941 г. - прим. по IMT, том. XVII, стр. 476.

По существующим нормам международного права, в случае нарушения подобного договора, поступили бы иначе, чем в случае нарушения другой нормы международного права. Государство, нарушавшее договор, совершило нарушение норм международного права, но не деяние, подлежащее наказанию⁴⁹¹. Иногда, ссылаясь на слова: *delit* (правонарушение), *crime international* (международное преступление) и *condamnation de la guerre* (осуждение войны), делали вывод, что на данном процессе рассматривается дело, подпадающее под нормы международного уголовного права. Такие выводы можно сделать только исходя из неправильных предпосылок⁴⁹². Каждый юрист знает, что всякое незаконное действие можно называть *delit* (*delictum*⁴⁹³), притом не только наказуемое. Слово *crime* употребляется не только в юридической области, напротив, оно употребляется в совершенно других областях. Именно в последнем значении оно употребляется на данном процессе. Когда в 1927 году ассамблея Лиги наций, по предложению Польши, объявила войну *crime international*, то польский корреспондент недвусмысленно заявил, что это объявление, собственно, не инструмент права, а акт морального и воспитательного значения⁴⁹⁴. Попытка организации универсальной мировой системы коллективной безопасности, обоснованная юридически, потерпела крах. Это не означает, что многочисленные двусторонние договоры стали неприменимы, договоры, задача которых состоит в том, чтобы не допустить агрессивной войны между договаривающимися сторонами. Правда, нужно будет проверить, делали ли договаривающиеся стороны оговорку, что предпосылкой действия их договора является создание ими или наличие созданного ранее общего аппарата коллективной безопасности.

Односторонние заверения о ненападении имеют такую же силу, как и двусторонние договоры.

Было заключено много двусторонних договоров о ненападении, давались некоторые односторонние заверения. Правоту каждого из них определяло то политическое, то юридическое понятие нападения, а то и вовсе несколько юридических понятий сразу.

Рейх тоже заключал много подобных договоров. Обвинение использовало их в качестве обоснования вины. Надо проверить, были ли все договоры в

⁴⁹¹ Это подчеркивает также Фишер Вильямс в книге «Санкции по статуту» («Британский ежегодник». 1936. С. 130 и след.). Кельзен. «Коллективная и индивидуальная ответственность». 1943. С. 531 – прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 477.

⁴⁹² Очень справедливое предупреждение от неправильного понимания слова «Международное преступление» делает Фишер Вильямс в книге «Санкции по статуту» («Британский ежегодник». 1936. С. 130 и след. – прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

⁴⁹³ Деликт (от лат. *delictum* — «проступок, правонарушение») — неправомерное поведение, частный или гражданско-правовой (лат. *delictum privatum*) проступок, влекущий за собой возмещение вреда и ущерба, взыскиваемые по частному праву в пользу потерпевших лиц.

⁴⁹⁴ «Акты ассамблеи». Париж, 1927. С. 153\Жан Рэ. «Комментарии». С. 74-75. - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

силе в критический момент. Осуществление этой проверки следует предоставить отдельным господам защитникам. Если Рейх в отдельном случае начал наступление, вопреки еще действующему договору о ненападении, то он совершил международное правонарушение и должен отвечать за него по нормам международного права.

Только Рейх, но не отдельное лицо, будь оно даже главой государства. По существующим нормам международного права, это не вызывает никакого сомнения. Вообще об этом нечего и говорить. Ведь до самого последнего времени ни в маньчжурском, ни в итало-абиссинском, ни в русско-финском конфликтах, никогда даже не обсуждалась возможность уголовного преследования людей, которые в Японии, Италии или Советском Союзе ведали планированием, подготовкой, началом и проведением войны или просто как-то участвовали в этих мероприятиях. Против них не было выдвинуто обвинения не потому, что парадоксальным образом эти вещи не были продуманы до конца. Это не сделали потому, что нельзя это сделать, пока суверенитет государств является основным организационным принципом всего порядка во взаимоотношениях между ними.

Председатель: Думаю было бы удобнее прерваться.

[Объявлен перерыв]

Яррейс: Либо одно, либо другое⁴⁹⁵. А если бы дело дошло до того, что согласно всеобщему мировому праву лица, участвовавшие в планировании, подготовке, объявлении и проведении запрещенной нормами международного права войны, могли бы привлекаться к уголовной ответственности, то конечный вопрос о существовании государства решался бы каким-то надгосударственным контролирующим органом. Конечно, и такие государства можно было бы назвать суверенными, но они не являлись таковыми. В своей уже несколько раз упомянутой работе, написанной в конце 1943 года после Московской конференции⁴⁹⁶ от 1 ноября 1943 г., Кельзен часто повторяет мысль, что по существующим нормам всеобщего международного права в вопросе о нарушении мира не существует уголовной ответственности отдельных лиц, а принимая во внимание суверенитет стран, она и не может существовать⁴⁹⁷.

⁴⁹⁵ Фишер Вильямс. «Санкции по статуту» // «Британский ежегодник». 1936. прим. по ИМТ, том. XVII, стр. 478.

⁴⁹⁶ Московская конференция 1943 года — конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившая в Москве с 19 по 30 октября 1943 года. Конференция была созвана для согласования странами-членами Антигитлеровской коалиции вопросов дальнейшего ведения войны. В дни работы конференции была согласована и опубликована за подписями глав правительств США, СССР и Англии Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые преступления.

⁴⁹⁷ «Коллективная и индивидуальная ответственность». С. 534, 538, 539, 542 - прим. по ИМТ, том. XVII, там же.

За последние четыре века, и прежде всего со времени распространения идеи о национальном государстве, этому государству придавалось, по крайней мере, в сознании европейцев, величие, которое гораздо больше, чем величие отдельных лиц.

Само собой разумеется, что акты государства - это действия людей. Но это все-таки и именно акты государства, акты государства, проведенные в жизнь его органами, а не частные акты господина Мюллера или господина Смита.

То, что делает обвинение, стремясь от имени всего мирового права юридически осудить отдельных лиц за то, что они решали вопрос о том, быть войне или миру, означает в перспективе европейской истории «приватизацию» государства, более того, разрушение идеи государства. Подобное обвинение, в моральном плане, о котором я не говорю, является, как мы уже показали, несовместимым с существом суверенитета государства и с чувствами большинства европейцев. Думается, так чувствуют не только европейцы. В 1919 году в Париже в комиссии по расследованию причин войны в связи с юридическим осуждением кайзера резче всех выступили американские представители и как раз по вопросу о том, что подобный метод несовместим с суверенитетом государства⁴⁹⁸. Вообще, нельзя энергичнее подчеркнуть идею суверенитета, чем это сделал 8 лет спустя, при переговорах по поводу заключения Парижского пакта, Келлог, заявивший, что каждое государство является единственным судьей своих действий в вопросах своего существования.

В некоторые времена суверенитет государства обожествлялся, в другие времена его проклинали, а иногда его обожествляли и проклинали одновременно. Так и теперь. Может быть, мы переживаем какой-то переходный период. Может быть, происходит переоценка ценностей. Может быть, мировое сообщество станет высшим политическим началом народов взамен отдельных государств, как это было, по крайней мере, до сих пор. Может быть, мы дойдем до того, что факт развязывания войны, которая достойна осуждения с моральной и юридической точки зрения, будет восприниматься правосознанием всех людей как величайшее преступление против мирового сообщества; может быть, мы дойдем до того, что граждане будут иметь право, даже должны будут выдавать свое правительство, развязавшее войну, и это не будет называться государственной изменой. Но

⁴⁹⁸ Скотт, Джеймс Браун, подчеркивает великую заслугу американских делегатов в тот период в области права (Хаус-Сеймор «Что действительно происходит в Париже». Нью-Йорк, 1921; Вильямс Е.Т. «Конфликт между тоталитарным государством и демократией» // «Американский журнал». 1938. № 32. С. 663-664; Кельзен Ганс «Коллективная и индивидуальная ответственность». С. 541. Сравни также: Борхарда, Эдвина. «Нейтралитет и ненейтралитет» // Американский журнал». 1938. № 32. С. 778 и след. - прим. по IMT, том. XVII, там же. 479.

пока большинство народов, не говоря уже о том, что все народы не придерживаются такой точки зрения.

Наказание отдельных лиц в соответствии с нормами международного права за нарушение мира между отдельными государствами возможно только в том случае, если будут уничтожены основы действующего международного права и представления, в течение веков прочно укоренившиеся в сознании европейских народов, основы и представления, согласно которым государство, свое суверенное государство, является неременной основой существования свободы личности.

Обвинение мысленно уничтожает немецкое государство, и как раз в тот период, когда оно еще стояло полно сил и действовало через свои органы. Обвинение должно поступать так, если оно хочет привлечь отдельных лиц к ответственности за нарушение мира между государствами. Оно вынуждено превратить подсудимых в частных лиц. Затем при помощи правовых норм, заимствованных из англо-саксонского и совершенно чуждого нам права, оно связывает подсудимых, как частных лиц, с заговором, объединяет их в многомиллионные организации и группы, названные преступными, и таким образом, снова выставляет их только как государственных деятелей.

Все это опирается на положение устава, которое тем самым узаконивает принципиально новое, как это следует из сравнения, сделанного главным обвинителем от Великобритании, с действующими сейчас нормами международного права. То, что, зародившись в Европе, распространилось, в конце концов, на весь мир и что называется международным правом, является по существу правом существования (координации) суверенных государств. Сравнивая положения устава с этим правом, надо сказать: положения устава отрицают основы этого права, они предвосхищают право мирового государства. Они революционны. Может быть, в надеждах и чаяниях народов им принадлежит будущее.

Юрист, а я могу здесь говорить только как юрист, должен лишь констатировать, что они новы, настолько новы, что опрокидывают все старые положения. Право решать вопрос о войне и мире между государствами не входило составной частью в эти положения, оно не могло входить в них. Они становятся уголовными законами, имеющими обратную силу.

Если я правильно понял, господин главный обвинитель от Франции в своей, по-человечески глубоко захватывающей речи, признал суверенитет государств и совершенно верно усмотрел неразрешимое противоречие, существующее между уставом и действующими нормами международного права и заключающееся в том, что отдельные лица привлекаются к уголовной ответственности за нарушение мира государствами. Поэтому он переносит рассмотрение дела из плоскости международного права в плоскость

внутригосударственного права. Могло бы быть так, что после войны немецкая нация рассчиталась бы с людьми, ответственными за развязывание войны. Но теперь вся жизнь немецкого народа парализована, и за это взялись иностранные державы, которые, действуя совместно, согласно заключенным договорам, осуществляют в Германии власть. Устав определил нормы, которыми должен руководствоваться суд в рассмотрении дела при вынесении приговора.

Оставим в стороне вопрос, верно это с юридической точки зрения или нет. Если бы даже это было верно, наш вопрос не менялся: исходя из этой позиции, как и с позиции международного права, мы должны знать в какой мере устав определяет законы уголовного права, имеющие обратную силу. Нам следует сравнить положения устава не только с международным правом, которое было действительно для Германии и которое нашло свое отражение во внутригосударственном праве, но и с внутригосударственным уголовным правом, которое ко времени совершения действий подсудимыми было для них обязательно. Очень может быть, что одно государство, член сообщества государств, в своем уголовном праве космополитичнее, чем теперешнее международное право. В этом случае норма устава, являющаяся новой по сравнению с существующими нормами, соответствует имеющемуся внутригосударственному закону, но это не уголовный закон, имеющий обратную силу. Как же рассматривали в соответствии с внутригосударственным уголовным правом, нормы которого были применимы к подсудимым во время подготовки и развязывания войн, нарушение мира между государствами и, в частности, нарушение договора о ненападении?

Могло быть так, что в государстве под угрозой наказания находились люди, которые вопреки обязательствам, данным этим государством по линии международного права, подготовили, развязали и провели войну⁴⁹⁹. Но практически это не верно. Ибо вопрос о привлечении этих лиц к ответственности внутри страны решается исходом войны. Правительству, одержавшему в войне победу, никакой суд не угрожает. В случае поражения, как раз оно определяет степень их наказания. Во всяком случае, положения устава о наказании за нарушение мира между государствами новы по сравнению с внутригосударственным уголовным правом, которое распространялось на подсудимых ко времени совершения ими их деяний. Если положение «*nulla poena sine lege previa*⁵⁰⁰» понимать не так, как оно понимается на европейском континенте, т.е., что закон в смысле *lex* - это государством установленная норма, государственный закон, а придерживаться той точки

⁴⁹⁹ Кельзен думает, правда, что такого государства нет. («Коллективная и индивидуальная ответственность». С. 543 - прим. по ИМТ, том. XVII, там же. 481.

⁵⁰⁰ Нет наказания без закона (лат.) — правовой принцип, согласно которому никто не может быть наказан за поступок, не запрещенный законом.

зрения, что закон в смысле *lex* - может быть укоренившейся нормой морали, добрых обычаев, тогда у нас остается один вопрос: чувствовали ли подсудимые, бывшие министры, военные начальники, руководители экономики, руководители высших учреждений, когда они совершали свои деяния, что они действуют против своего долга, могли ли они вообще предполагать, что за это они будут подвергнуты наказанию по закону, который будет выработан потом. Ответ на этот вопрос может быть дан только после того, как мы познакомимся с сущностью немецкого государственного порядка в момент совершения действий.

Германское государство входило в сообщество государств, причем это осуществлялось в той форме и в том виде, как они складывались в каждый отдельный период времени. Так, как это бывает с каждым членом сообщества государств. Соединенные Штаты и Британская империя, Союз Советских Социалистических Республик и Французская республика, Бразилия и Швейцария входят в правовое сообщество народов с тем государственным порядком, какой у них есть.

С полным правом обвинение предприняло попытку мысленно охватить эту конкретную форму правового существования Рейха. Ибо без такой попытки никто на данном процессе не может решить, что верно, что нет. Впрочем, мне кажется, что и по многим вопросам морального порядка, которые здесь поднимались, следовало бы предпринять такую же попытку. Но я боюсь, что та картина, которую нарисовало обвинение, не поможет подойти к истине в такое мере, в какой это необходимо, несмотря на всю сложность дела.

Обвинение исходит из того, что существовал заговор пары десятков преступников о завоевании всего мира. Если рассматривать дело так, то суть немецкого государства превращается только в тень или инструмент. Но это государство существовало уже давно, никто не может сбросить с весов огромный вес его истории. Многое из такой истории, как внутри нее, так и особенно во внешнеполитической жизни страны, впервые сделало возможным или облегчило приход Гитлера к власти; многое из этой истории руководило Гитлером при выборе им своих целей и средств, подталкивало его, ограничивало и тормозило его, оказывало влияние на успех или неуспех в его мероприятиях.

Конечно, обвинение право, акцентируя внимание на принципе фюрерства. В самом деле: в глазах немецкого народа, как и всей мировой общественности этот принцип фюрерства, начиная с 1933 года, является основным организационным принципом развития конституции Рейха.

Правда, однозначным он не был никогда. В течение времени его сущность изменялась. В жизни людей вести и властвовать представляют собою в корне противоположные вещи. Бывает, я бы сказал, бездушное, механическое

управление людьми, властвование, командование, но бывает и другое: руководитель являет собою образец, идет впереди движения, а за ним идут его добровольные последователи, он ведет их за собой. Это и есть фюрерство (дословно вождение), или как бы оно там ни называлось. Различие этих двух принципиально разных методов управления людьми часто трудно выразить. На немецком языке это трудно выразить потому, что слово «вести» употребляется, иногда, в смысле «господствовать, властвовать». Кроме того, различие этих двух понятий затрудняется еще и тем, что между одними и теми же людьми на первое место выступает то «фюрерство», то «господство», «властвование», используемое при «фюрерстве». Любое государство стояло, стоит и будет стоять перед проблемой, как ему увязать эти методы друг с другом, чтобы они друг друга дополняли, развивали, контролировали. Оба эти метода встречаются всегда и всюду. Еще никогда и нигде не было действительно великого властителя, который не был бы одновременно вождем, «фюрером». Этому закону подчиняются и маленькие «властители». А гитлеровский режим, во всяком случае в начале, создал синтез этих двух методов, который имел, по крайней мере, видимость неимоверно большой эффективности.

Этому синтезу приписывали, и может быть, не без основания, многое из того, чему мир поражался, как результатам неслыханной мобилизации, концентрации и увеличения сил нации, относясь к этому то одобрительно, то, и притом чаще, неодобрительно.

Этот особый синтез вождя и командира нашел себе наиболее полное выражение в личности самого Гитлера, в его действиях вождя, как, например, в его речах и его приказах. Действия Гитлера как вождя и как командира стали движущей силой всей немецкой государственной жизни того времени. Этому явлению надо отдать должное. Для оценки чудовищного фактического материала, представленного здесь, оно имеет вообще решающее значение. При всей осторожности, само собой разумеющейся для каждого научно мыслящего человека и обязывающей его испытывать почти непреодолимое недоверие к каждой попытке охватить и оценить события совсем недавнего прошлого, может быть, будет дозволено осмелиться утверждать следующее: с течением лет Гитлер отдавал все большее и большее предпочтение приказу в ущерб действиям вождя и, наконец, выдвинул его на первый план в такой мере, что именно он, приказ, а не действие, характерное для вождя, стало всерешающим фактором. Из вождя Гитлер превратился в настоящего диктатора. Речи, в которых он повторялся до того, что надоел самым ярым приверженцам, и перекричал себя до того, что начал огорчать этим своих вернейших последователей, стали реже, законодательная машина вертелась все быстрее. Будущее, может быть, узнает, как сильно изменилось отношение немецкого народа к Гитлеру еще до войны, что было причиной и следствием этого

изменения.

В то время, как Гитлер в вопросах внешней формы, а именно в вопросе о том, как называть его, настаивал, чтобы его называли не «фюрером и рейхсканцлером», а просто «фюрером», управление государством шло прямо противоположным путем: метод, характерный для вождя, все более и более исчезал, оставался метод господства, властвования в его чистом виде. Приказ фюрера стал центральным элементом всего немецкого государственного устройства.

В этой общественной иерархии подобное развитие, скорее, увеличило, чем уменьшило влияние Гитлера. Немецкие чиновники и офицеры в своем большинстве не видели за тем методом, который должен был быть характерным для вождя и который все организовывал, ничего другого, кроме аппарата власти, к которому приклеивали новый ярлык, который сделали по мере возможности еще более бюрократическим и который существует наряду с государственным аппаратом. Когда приказ Гитлера стал альфой и омегой, они почувствовали себя снова в своей стихии. Чуждое, загадочное исчезло.

Оба были снова в своем мире субординации. Это развитие придало приказам фюрера в их глазах какой-то особый ореол. Против приказа фюрера (вождя) возражать было нельзя. Пусть имелись некоторые сомнения, но если фюрер настаивал на своем, вопрос был решен. Его приказ был чем-то совершенно иным, чем приказ любого другого руководителя иерархии, во главе которой он стоял.

Таким образом, мы подошли к основному для данного процесса вопросу: что представлял собой приказ Гитлера в государственном порядке Германии? Относится ли он к числу тех приказов, относимых уставом настоящего суда как моменты, которые, несмотря на наличие преступления, освобождают преступника от наказания?

Для юриста, выросшего в обычных условиях так называемого правового государства, было, может быть, труднее, чем для других людей проследить, как вначале медленно, а потом все быстрее один за другим разрушались элементы, свойственные правовому государству, ибо при новом порядке он так и не почувствовал себя дома, но всегда одной ногой стоял вне этого порядка. И именно поэтому он лучше, чем кто-либо другой знает особенности этого порядка. Попытаюсь объяснить это.

Государственные приказы, устанавливающие новые нормы и разрешающие конкретные вопросы, могут всегда сравниваться с уже существующим писаным и неписаным правом этого государства, а также с нормами международного права, нравственности, религии. Кто-то, пусть это будет собственная совесть приказывающего, постоянно спрашивает: приказывающий приказал что-то, на что он не имел права? Или: он составил

и объявил свой приказ недопустимым образом? Неизбежная проблема, возникающая перед каждым начальником, состоит в следующем: должен или может он представить членам иерархии, своим чиновникам и офицерам право или даже обязать их проверять каждый приказ, который требует от них повиновения, верен ли он, и в соответствии с этим решать, повиноваться ему или нет?

История не знает еще ни одного начальника, который бы ответил на этот вопрос утвердительно. Только некоторым членам иерархии предоставляется это право; да и им не в полной мере. Так, например, было при крайне демократической конституции Германского Рейха в период Веймарской республики или есть теперь в условиях оккупации Германии четырем великими державами.

Раз подобное право проверки правильности приказа не представляется членам иерархии, приказ для них всегда правилен. Каждое государственное право, в том числе и право современных государств, знает государственные акты, которые государственные учреждения выполняли, тогда когда они были заведомо ошибочными. Определенные нормы, решения по отдельным конкретным вопросам, принявшим силу закона, действуют и в том случае, когда приказывающий выходит за рамки своей компетенции или ошибся в выборе формы.

Уже только потому, что есть предел инстанциям, имеющим право отдавать приказы, в условиях любой формы властвования должны быть какие-то приказы, выполнение которых при всех обстоятельствах для членов иерархии совершенно обязательно, которые, следовательно, для подчиненных правильны, хотя лица, не имеющие к этому приказу отношения, могут утверждать, что согласно нормам права данного государства или межгосударственного права эти приказы ошибочны по содержанию или по форме. Например, в прямых демократиях приказ, данный в решении плебисцита, является, вообще говоря, действующей нормой права и обязателен для всех. Еще Руссо⁵⁰¹ знал, в какой мере *volonte de tous*⁵⁰² может нарушить справедливость, он понимал, что приказы этой *volonte de tous* обязательны для всех.

В непрямых демократиях ту же силу имеют решения конгресса, национального собрания, парламента.

При смешанной демократии Веймарской конституции Германского Рейха законы, принятые в Рейхстаге большинством голосов, достаточным для того, чтобы внести изменения в конституцию, были при всех обстоятельствах верны

⁵⁰¹ Жан-Жак Руссо (1712 — 1778) — франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения, а также музыковед, композитор и ботаник.

⁵⁰² Общая воля (фр.)

для всех, в том числе и для независимых судов, они были верны и в том случае, если законодатель в значительной или в незначительной степени нарушил нормы негосударственного порядка, например церковные или нормы международного права. В последнем случае Рейх поступал неправильно с точки зрения международного права. Правда, он и не заботился о том, чтобы его законы соответствовали этим нормам, согласно которым он должен был бы отвечать за устранение последствий нарушения этих норм. Но, пока данный закон не был отменен по нормам немецкого конституционного права, все должностные лица иерархии должны были следовать ему. Ни один руководящий деятель не имел права, не говоря уже об обязанностях проверять правомерность этого закона с тем, чтобы в результате этой проверки решить, выполнять его или нет.

Нет ни одного государства в мире, в котором бы дело обстояло иначе. Оно не обстояло иначе и оно не может обстоять иначе. У каждого государства были такие случаи, когда приказы его высшего руководства, выполнение которых было обязательно для всей иерархии, если государственный порядок вообще должен сохраниться, иногда находились в противоречии с нормами международного права, божественного права, естественного права, разумного права. Хорошее правительство старается избегать таких конфликтов. К боли, даже к отчаянию многих немцев, Гитлер часто создавал подобные тяжелые конфликты. И уже только поэтому его правление не было хорошим правлением, хотя в некоторых областях оно на протяжении нескольких лет имело успех.

Однако здесь следует сказать следующее: эти конфликты никогда или, по крайней мере, не сейчас же затрагивали интересы всего народа или всю иерархию, причем интересы не жизненно важные. Иногда они только касались их. Не говоря уже о тех конфликтах, которые остались неизвестны подавляющему большинству народа и иерархии, не говоря уже о тех приказах, в которых Гитлер не только в отдельном случае проявил нечеловеческую жестокость, но просто шагнул за пределы человеческого. Это часто академический вопрос: укрепились бы власть Гитлера так сильно и продолжалась бы она так долго, если бы эти нечеловеческие жестокости стали бы известны значительной части народа и иерархии? О них они не знали.

В государстве, где вся власть принимать окончательные решения сконцентрирована в руках одного единственного человека, приказы этого человека являются, по крайней мере, обязательными для каждого члена иерархии. Этот один человек является сувереном. Он для них *legibus solutus*⁵⁰³, как это, насколько мне известно, впервые излагалось во французском учении о государстве столь же остроумно, как и красноречиво.

⁵⁰³ Свободен от законов (лат.) – выражение применявшееся в римском праве к императору.

Мир сталкивается с подобным явлением не впервые. Прошедшим эпохам такие явления казались даже нормальными. В современном мире конституций, в мире, где власть разделяется на сферы, контролируемые народом, абсолютное единовластие является принципиально невозможным. И, если сегодня это не имеет места, то все-таки в один прекрасный день мир узнает, что огромное большинство мыслящих немцев думали об этом моменте не иначе, чем большинство представителей других народов в Европе и за ее пределами.

Подобные конституции, предусматривающие абсолютное единовластие, возникают все же в результате событий, которые ни один человек не может обзреть во всей полноте, а тем более руководить ими по желанию.

Такое положение сложилось в Германии начиная с 1933 года. Вот, что стало: постепенно во многих областях из Веймарской парламентской республики, превратившейся при Гинденбурге в президентскую республику, в результате процесса, который частично с помощью государственных актов двигал вперед развитие, подчеркивая при этом легальные нормы, что можно проследить по государственным документам, частично, однако, создавал обычные нормы по установившемуся шаблону. Закон Рейха от 24 марта 1933 г., согласно которому были введены законы правительства Рейха и тем самым практически упразднено разделение властей по установившимся понятиям, был принят в соответствии с протоколом заседания Рейхстага большинством голосов, достаточным для внесения изменений в конституцию. Но все-таки было высказано сомнение относительно правильности принятия этого закона, так как часть избранных депутатов не была допущена к заседанию полицейским путем, а другая часть присутствовавших депутатов была запугана, так что лишь только мнимое большинство, имевшее право изменить конституцию, приняли закон. Да, при этом говорили, что ни один Рейхстаг, даже при подаче всех голосов, в присутствии всех депутатов, не мог бы отменить основной принцип конституции о разделении властей, так как ни одна конституция не может санкционировать свое самоубийство. Нам не нужно исследовать это обстоятельство: введенные законы правительства Рейха так прочно укрепились в результате неоспоримой практики, что лишь только полностью чуждая действительности формальная юриспруденция может пытаться использовать параграфы конституции, вопреки жизненной практике и пытаться игнорировать состоявшееся в конституции изменение. По этой же причине ошибочным является рассуждение, при котором игнорируется то обстоятельство, каким образом правительственный закон, т.е. закон кабинета министров превратился привычным путем в одну из многих форм законодательства фюрера. В основе любого государственного порядка, как и всякого порядка вообще, лежит традиция. С тех пор, как Гитлер стал главой

государства, практика быстро привела к тому, что Гитлер противостоял иерархии и всему народу как неоспоримый и бесспорный обладатель любого правомочия. Результатом развития, однако, явилось следующее: Гитлер стал высшим лицом, устанавливавшим нормы, равно как и издававшим единоначальные приказы.

Он не стал этим лицом в результате неожиданных успехов или в результате того, что в Германии или за границей рассматривалось просто как везение, особенно во время войны. Вероятно, немецкий народ - при большом отличии севера от юга, запада от востока - особенно легко подчиняется фактической власти, особенно легко поддается руководству на основе приказа, особенно привык к мысли о верховной власти. Таким образом, весь процесс протекал в благоприятных условиях.

Не совсем ясно в конечном итоге было лишь только отношение Гитлера к правосудию. Ибо даже в гитлеровской Германии нельзя было изгнать мысль о том, что необходимо, чтобы независимые суды осуществляли правосудие, по крайней мере, в тех делах, которые имели отношение к широким массам в их повседневной жизни. Вплоть до верхушки партийных руководителей - об этом свидетельствуют некоторые из предъявленных здесь речей тогдашнего руководителя юристов Рейха подсудимого доктора Франка - делались попытки оказать сопротивление, правда, не особенно успешные, когда также и судопроизводство по гражданским делам, а также по общим уголовным делам должно было подчиняться *sic volo sic jubeo*⁵⁰⁴ одного человека. Однако: за исключением юстиции, фактически также поколебленной в своих принципах, было полностью представлено абсолютное единовластие. Помпезное заявление Рейхстага о правомочиях Гитлера от 26 апреля 1942 г.⁵⁰⁵ в действительности было лишь только констатацией того, что давно существовало на практике. Приказ Гитлера уже задолго до Второй мировой войны имел силу закона.

Прочие государства относились к Германскому Рейху, имевшему такое государственное устройство, как к равной стороне, и именно во всех областях политики. Я не хочу при этом распространяться о том, что так запечатлелось в памяти германского народа и что имеет такое роковое значение для любой оппозиции, о том, что происходило в 1936 году во время Олимпийских игр, во время такого торжества, явиться на которое Гитлер не мог бы приказывать делегациям других наций, подобно тому, как он посылал немцев на нюрнбергский съезд партии со всеми его государственными манифестациями. Я, напротив, хочу указать на то, что правительства могущественных держав

⁵⁰⁴ Так я хочу, так я велю (лат.)

⁵⁰⁵ Сравни текст в Приложении С. 42. – прим. по IMT, том. XVII, там же. 487.

мира рассматривали слово этого «всемогущего» человека как распоряжение окончательное и обязательное для каждого немца, не допускающее возражения, и при этом принимали свои решения относительно величайших вопросов, основываясь на том факте, что приказ Гитлера считался приказом, не допускающим возражения. На этот факт ссылались, привожу лишь только самые яркие примеры: когда британский премьер-министр Невилл Чемберлен после конференции в Мюнхене, приземлившись в Кройдене, предъявил известное соглашение, которое должно было обеспечить мир; на этот факт ссылались, когда началась битва против Рейха, как варварской деспотии одного человека.

Еще никогда ни одно государственное устройство не нравилось одновременно всем людям, которые должны жить при нем или испытывать его влияние за границей. Государственное устройство в Германии эпохи Гитлера не нравилось как внутри страны, так и за границей особенно, многим людям, число которых все время увеличивалось. Но это нисколько не изменяет того обстоятельства, что это государственное устройство все же существовало. И не в последнюю очередь из-за того признания за рубежом и той эффективности, которая заставила британского премьер-министра в критическую минуту сделать ставшее всему миру известным заявление о том, что демократическому режиму, смотря по обстоятельствам, нужно на два года больше, чем тоталитарным правительствам, чтобы достичь определенной цели. Лишь только тот, кто жил дрожа, будучи словно изгнанным из гущи собственного народа, среди масс, слепо верующих, боготворящих этого человека, как непогрешимого, тот знает, как сильно укрепились власть Гитлера среди следовавших за ним безымянных, бесчисленных людей, ожидавших от него лишь только хорошего и лишь только правильного. Они его не знали лично, для них он был таким, каким его сделала пропаганда, и в ее освещении он был таким чуждым любого компромисса, что каждый, кто мог наблюдать его вблизи и видел его другими глазами, отчетливо понимал, что восставать совершенно бесполезно и что в глазах других людей этот шаг не будет даже мученичеством.

Поэтому разве не возникает противоречие, если в основу этого процесса будут положены одновременно два следующих утверждения? 1) Рейх являлся деспотией одного человека и поэтому представлял собой мировую опасность. 2) Каждое руководящее лицо обладало правом, в этом даже заключается его долг, подвергать рассмотрению приказы этого человека и в зависимости от результата этого рассмотрения следовать или не следовать им.

Руководящие лица не имели права, а также на них, тем более не возлагалась обязанность подвергать контролю с точки зрения законности приказы человека, пользовавшегося единовластием. Для них эти приказы

вообще не могли быть противозаконными за одним, правда, лишь мнимым исключением, о котором будет позже речь, а именно - за исключением тех случаев, в которых лицо, пользовавшееся единовластием, согласно неоспоримым нормам нашей эпохи, выходило за пределы любого человеческого порядка, в которых действительный вопрос о праве или нарушении права вовсе не ставился и тем самым не возлагалась задача действительного контроля.

Именно воля Гитлера являлась последним критерием при их рассуждениях о том, что следует и чего не следует делать. Приказ Гитлера пресекал всякое обсуждение. Поэтому: тот, кто в качестве руководящего члена иерархии ссылается на приказ фюрера, тот не пытается привести доводы, избавляющие его от судебного преследования за противозаконные действия, тот лишь оспаривает утверждение, что его поведение является противозаконным, потому что приказ, которому он следовал, является неприкосновенным в правовом отношении.

Лишь только тот, кто постиг это, может понять ту тяжелую внутреннюю борьбу, которую в течение этих лет должны были вести многие должностные лица Германии по поводу того или иного указа или решения Гитлера. В таких случаях для них речь шла не о конфликте между правом и нарушением права: споры о законности утратили свое значение. Для них речь шла о легитимности: земное право и божественное право противостояли друг другу значительно дольше, сильнее и чаще.

Поэтому: что бы ни понимал устав под приказами, которые он отрицает, как причину, исключаящую судебное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под рубрику, предусматриваемую уставом? Но следует ли рассматривать этот приказ как то, чем он стал согласно установившемуся в Германии внутреннему порядку, который открыто или молча признавался сообществом государств? Многим немцам с самого начала не нравилась власть Гитлера, а для многих, которые сначала приветствовали ее, потому что они стремились к ясным, быстрым решениям, она стала впоследствии кошмаром. Но это ничего не изменяет в следующем положении; разве те лица, которые охотно или неохотно на основе существовавшего порядка выполняли в рядах иерархии свой долг, не должны воспринимать как несправедливость то, что их осуждают за то, что они совершили или не совершили действие, которое повелел Гитлер?

Сообщество государств могло ведь отказаться принять в члены или терпеть в своем составе государства, которые обладают конституцией, устанавливающей деспотический строй. Но до сих пор это не имело места. Если в будущем дела должны обстоять по-другому, то для этого государствам, в которых отсутствует деспотия, нужно принять надлежащие меры против того,

чтобы ни один из членов семьи государств не превратился в деспотию и чтобы ни одно из государств с деспотическим строем не вошло бы в круг членов этой семьи. Сегодня становится все более очевидным, что этот момент является решающим в нашем вопросе. Видимо, наличествуют какие-то совершенно особые условия, если целая современная нация позволяет, чтобы ею управляли с помощью деспотических средств, даже если эта нация так склонна к повиновению, как германская. А пока существуют такие условия, то внутри государства не может быть противодействия. В этом случае может помочь лишь окружающий мир. А если этот окружающий мир, вместо помощи, признает существующий порядок, то тогда неизвестно, каким образом внутреннее сопротивление должно быть успешным. Указывая на эти особые установки и на признание со стороны окружающего мира, мы обращаем внимание на те факты, за наличие которых, например, в нашем случае, не был ответственен ни один немец, но которые не могут уже исчезнуть, если будет поставлен вопрос о том, как все это могло иметь место.

Затем нужно обратить внимание на некоторые другие факты, без знания которых нельзя полностью понять, как могло так чудовищно сильно укрепиться абсолютное единовластие Гитлера. Гитлер объединял в своем лице всю власть отдачи высочайших приказов, не подлежащих контролю, приказов, обязательных в законодательном и административном отношении. Находясь непосредственно в его руках, государственная власть распределялась на едва обозримые сферы компетенции. Но эти сферы не всегда резко ограничивались. При современных государственных устройствах, особенно в крупных государствах, в век техники этого едва ли можно избежать. Однако склонность к тому, чтобы переоценивать вопросы, охватываемые данной сферой компетенции, была в Германии, безусловно, не слабее, чем в какой-либо другой стране. Тем самым было значительно легче воздвигнуть перегородки между отдельными ведомствами. Каждое ведомство ревниво следило за тем, чтобы другое не вторглось в его пределы. Повсюду наблюдались тенденции других ведомств к расширению своих полномочий; при том обилии задач, которыми обременяет себя, так называемое, тоталитарное государство, нельзя обойтись без двойственных и тройственных полномочий. Борьба между ведомствами была неизбежной. Если существовал заговор, как считает обвинение, то заговорщики были удивительно неспособные организаторы. Вместо того, чтобы быть заодно и идти вместе сквозь огонь и воду, они боролись друг против друга. Вместо конспирации, налицо предание гласности. Еще нужно будет написать историю соперничества и недоверия друг к другу сильных мира сего при режиме Гитлера. И вот, представьте себе, как различные ведомства в отношениях друг к другу и внутри своих аппаратов окружали себя тайной: в отношениях между ведомствами и внутри ведомств от

ступени к ступени и на отдельных ступенях все большее число дел носило гриф «секретно». Никогда в Германии не были так сильны проявления «общественной жизни», т.е. не частной жизни, как при Гитлере; но никогда общественная жизнь не была так скрыта от народа и, прежде всего, от отдельных членов иерархии, как при Гитлере.

Высшая воля была просто технической необходимостью. Она являлась механизмом, сдержавшим все строение. Руководящему лицу, один из приказов которого вызывал сомнение или даже отпор со стороны других руководителей, нужно было лишь только сослаться на приказ фюрера и он побеждал в игре. Многие, очень многие из тех немцев, которые воспринимали режим Гитлера как невыносимый и ненавидели самого Гитлера, как исчадие ада, однако с большой тревогой ожидали ухода этого человека с политической арены лишь только потому, что они призадумывались: что будет, если этот механизм исчезнет? Это был заколдованный круг.

Я повторяю: приказ Гитлера являлся для человека, к которому он относился, обязательным, а именно юридически обязательным, даже если эта директива противоречила международному праву или другим принятым критериям.

Но разве не существовало какой-то границы? Приверженцы Гитлера среди народа, правда, в первые годы, т.е. в период утверждения власти, в эпоху постепенного образования порядка, основанного на единовластии, видели в своем фюрере государственного правителя, стоящего близко к народу, самоотверженного, ориентирующего с почти сверхчеловеческой уверенностью и ясно мыслящего, ожидали от него лишь наилучшего и тревожились только об одном: выбрал ли он себе в качестве помощников подходящих людей и были ли он всегда осведомлен о том, что они вершили. Вот этому Гитлеру было предоставлено чудовищное полномочие, он был наделен неограниченными полномочиями. Последние распространялись, как и в любом государстве, на издание также и суровых приказов. Но никогда под этими полномочиями не подразумевались полномочия совершать бесчеловечные жестокости. Здесь вышеупомянутая граница. Но такая граница никогда и нигде с достаточной ясностью не устанавливалась. Германский народ сегодня совершенно разобщен в своих мнениях, чувствах и намерениях, но в одном, за немногим исключением, он может быть единого мнения: он в качестве обвинителя установил бы эту границу не снисходительнее, чем другие народы в отношении своих деятелей. По ту сторону вышеупомянутой границы приказ Гитлера не представлял собой больше юридической основы.

Но не нужно забывать, что эта граница, по существу дела является не только расплывчатой, но в мирное время бывает другой, чем во время войны, которая приводит к переоценке такого большого числа ценностей, когда

люди всех наций, именно в нашу эпоху, защищая свою честь, совершают действия, от которых они при обычных условиях просто содрогнулись. Решение о ведении войны, несмотря на ее чудовищные последствия, не входят в сферу, находящуюся за гранью ни у одного из народов мира.

Сам Гитлер по отношению к своим подчиненным не признавал этой границы для бесчеловечных актов, во всяком случае, не признавал ее как границу повиновения; протест в глазах человека, обладающего неограниченной властью для принятия решений и располагающего непоколебимым аппаратом, означал бы преступление, заслуживающее смертной кары. Что должен был делать тот, кто получал приказ из сферы за гранью? Ужасная коллизия. Нельзя добиться силой ответа, данного в греческой трагедии, ответа Антигоны⁵⁰⁶ в аналогичном конфликте. Противоестественно ожидать, чтобы такой ответ был массовым явлением, а тем более требовать такого ответа.

Прежде, чем мы перейдем к специальному вопросу относительно того, кто в Рейхе принимал решение о войне или мире, нужно обмолвиться еще одним словом о тех формах, в которых появились приказы Гитлера.

Приказы Гитлера являются решениями этого одного человека, независимо от того, отдаются ли они устно или письменно и в последнем случае, независимо от того, какая степень официальности им придавалась. Имеются приказы Гитлера, которые нужно без всяких сомнений признать как таковые. Они называются «указом» («Erlass»), так, например, «указ о создании протектората Богемия и Моравия от 16.03.1939 г.» или «декретом» («Verordnung»), как, например, «декрет о выполнении четырехлетнего плана» от 19.10.1936 г., или директивой («Weisung»), а также стратегическими распоряжениями, которые так часто упоминались на этом процессе («Beschluss»), или «постановлением» («Anordnung»). Часто под этими приказами стоит лишь только имя Гитлера; иногда мы устанавливаем, что вместе с ним подписались одно или несколько руководящих лиц, занимавших высокие или высшие посты в гражданской или военной сфере. Но было бы принципиальной ошибкой предположить, что здесь речь идет о контрассигнации в духе современного конституционного демократического права государств, управляемых конституционным парламентарным образом, о контрассигнации, которая заставляет нести ответственность перед парламентом или перед государственным судом. Приказы Гитлера являлись его приказами и только его приказами. Он был слишком фанатичным поборником принципа единоначалия, т.е. принципа, согласно которому любое решение должно приниматься одним и лишь только одним человеком, для того, чтобы он мог допустить что-либо другое, особенно в случае со своими распоряжениями. При

⁵⁰⁶ Антигона — персонаж древнегреческой мифологии: старшая дочь фиванского царя Эдипа и Иокасты, оказавшейся его же матерью.

этом мы совершенно не принимаем во внимание его самооценки. Какое бы менее или более показное значение не имело такое подписание приказов несколькими лицами, никогда не было сомнения в том, что приказы фюрера являлись только его решением, а не решением какого-либо другого лица.

При этом следует припомнить и те приказы, которые явились к жизни как законы правительства Рейха или законы Рейхстага. Если Гитлер подписывал закон правительства Рейха, то формально последний представлял собою документ, являвшийся решением кабинета министров. Но в действительности события развивались таким образом, что также и законы правительства Рейха являлись лишь только решением Гитлера, который предварительно давал части министров возможность изложить точку зрения их ведомств. И если Гитлер подписывал закон, который согласно формуле своей вступительной части был издан Рейхстагом, то это было лишь формальностью. В действительности он представлял собою решение Гитлера. Германский Рейхстаг самое позже в сентябре 1933 г. не являлся больше парламентом, а представлял собою собрание, голосовавшее за заявления и решения Гитлера. Эти сцены законодательства казались многим людям внутри страны и за границей своего рода попыткой представить демократические формы законодательства в карикатурном смешном свете; никто - ни внутри страны, ни за границей не воспринимали эти сцены как события, во время которых собрание в несколько сот человек принимает определенное решение после всяких размышлений и прений.

Но имеются также и такие приказы Гитлера, которые были подписаны не им, но которые все-таки могут быть тотчас признаны как его приказы. Они приняты рейхсминистром или одним из высокопоставленных руководящих деятелей, который во вступительной части говорит: «фюрер распорядился» или «фюрер приказал». Перед нами не приказ подписавшегося, а извещение подписавшегося относительно устно отданного приказа Гитлера. Так, приказы Гитлера, как верховного главнокомандующего вооруженными силами, часто облекались в такую форму извещения.

Наконец, имеются приказы Гитлера, которые остальные могут признать, как таковые, только в том случае, если они знают правовые основы государства. Если главнокомандование вооруженных сил (ОКВ) издает приказ, то это всегда приказ Гитлера. ОКВ состоял из Гитлера и из его рабочего штаба. Право издавать приказы, распространившиеся за пределы штаба, находилось лишь только в руках Гитлера.

В наших обсуждениях относительно господствовавшего в гитлеровском Рейхе порядка, я между прочим также уже рассмотрел вопрос, в чью компетенцию входили окончательные решения, решения, жизненно важные для существования этого государства и в особенности решения о войне и

мире. Келзен в своей большой работе, написанной в 1943 году, и которую я уже упоминал⁵⁰⁷, говорит: «Очевидно один фюрер». Мы должны сказать: совершенно определенно, он один.

При Веймарской конституции эти вопросы входили исключительно в компетенцию одного лица: законодателя Рейха. Ведь статья 45-я требовала для объявления войны и заключения мира соответствующего закона Рейха. Закон Рейха мог принять лишь Рейхстаг или немецкий народ с помощью голосования. Таким образом, это не входило ни в компетенцию рейхспрезидента, т.е. главы правительства, ни в компетенцию правительства Рейха. Они с помощью актов, зиждущихся на их компетенции, могут лишь создавать такие положения (как, например, рейхспрезидент, как верховный главнокомандующий вооруженными силами), которые лишат законодателя полной свободы при вынесении решений; проблема, которая, как известно, стала практикой в Соединенных Штатах в отношениях между президентом и Конгрессом, и которая поэтому была поводом для серьезных дискуссий. В Германии времен Веймарской конституции она не была практикой. Если бы, однако, законодатель с помощью закона принял решение относительно войны, то тогда бы рейхспрезидент и вся государственная иерархия, и прежде всего вооруженные силы были бы связаны этим решением без права пересмотра или же права выступить с возражениями, если бы даже все международники мира решили, что этот закон противоречит международному праву. Веймарская демократия не потерпела бы, как и любое другое государство, чтобы военные лидеры, как таковые, рассматривали бы все решения политических лидеров в таком духе, что при определенных условиях они могли бы даже отказаться от их выполнения. Военные средства власти должны находиться в распоряжении политического руководства государства. В противном случае они вообще перестанут быть средствами власти. Это всегда было так. Это должно будет определенно стать так тогда, когда государства будут действительно придерживаться долга помощи против агрессоров.

Я уже показал, что в ходе постепенного преобразования, которое подчеркивало легальные формы, Гитлер занял место всех высших руководящих лиц времен Веймарской конституции и соединил в себе одном все высшие компетенции. Его приказ был законом.

В государстве может быть, однако, такое положение, что тот, кто в правовом отношении является единственным лицом, решающим вопросы войны и мира, на практике не является единственным авторитетным лицом в этих вопросах, но если в каком-либо государстве оба этих начала соединились в одном лице, т.е., когда одно и то же лицо было единственно решающим с

⁵⁰⁷ Келзен. Коллективная и индивидуальная ответственность. С. 546. - прим. по IMT, том. XVII, там же. 487.

правовой точки зрения лицом и одновременно единственно авторитетным на практике, то таким государством была гитлеровская Германия. И если Гитлер по каким-нибудь вопросам и принимал советы третьего лица, то, во всяком случае, не по вопросам мира и войны. Он имел последнее слово при решении вопросов войны и мира между Германией и другими государствами. Он один.

Я заканчиваю: осуждение отдельных лиц за нарушение мира между государствами является с правовой точки зрения чем-то совершенно новым, тем новым, что вызовет целый переворот. Нет никакой разницы рассматриваем ли мы дело с точки зрения британского или французского главных обвинителей.

Осуждение отдельных лиц за нарушение мира между государствами предполагает иные нормы права, чем те, которые существовали во время совершения тех деяний, которые разбираются сейчас данным судом.

Правовая сторона вопроса о виновности - а я занимаюсь исключительно только этой стороной - поставлена тем самым во всей ее широте. Ибо никто из подсудимых не мог иметь хотя бы одной из двух правовых картин мира, из которых исходят господа главные обвинители.

Председатель: Доктор Заутер, до часа можно рассмотреть это письмо, если у вас оно есть? И возможно у доктора Экснера тоже есть письмо.

Заутер: Подсудимый Вальтер Функ был под присягой допрошен здесь в качестве свидетеля. После его допроса, он сказал мне о том, что один пункт из его показаний был не совсем правильным, и он попросил меня поправить его показания по поводу этого, поскольку лично он не имел такой возможности. 17 июня 1946 я написал следующее письмо председателю Международного военного трибунала, которое подписано защитником доктором Заутером, а также лично подсудимым Вальтером Функом. Я прочитаю текст письма:

«Тема: уголовное дело в отношении Вальтера Функа; поправка показаний.

Подсудимый Вальтер Функ в своём перекрёстном допросе 7 мая сказал о том, что он» - то есть Функ – «услышал только от вице-президента Пуля о депозите СС в Рейхсбанке. Свидетель Эмиль Пуль, будучи допрошен, дал показания о том, что это Функ беседовал с рейхсфюрером СС Гиммлером и он» - то есть Пуль – «затем был проинформирован Функом о создании депозита. С учётом заявления свидетеля Эмиля Пуля, подсудимый Функ пришел к выводу о том, что фактически, в этом пункте, заявление свидетеля Эмиля Пуля правильное, и после некоторого рассмотрения, подсудимому Функу показалось, что он смог вспомнить, что это он, Функ к кому сначала обратился рейхсфюрер СС Гиммлер по поводу создания депозита от СС, и что затем он проинформировал об этом вице-президента Пуля. Заявление подсудимого Функа в ходе перекрёстного допроса было

вызвано ошибочными воспоминаниями, потому что эти вопросы перекрёстного допроса совершенно удивили и сильно взволновали Функа. Сразу же после допроса свидетеля Пуля, Функ сообщил мне о своей ошибке в связи с этим, поскольку лично он не имел такой возможности.

Я предъявляю данную просьбу подсудимого Функа и возьму смелость информировать председателя о правильном положении дел.

Подсудимый Функ согласен с этой поправкой, подписав это письмо».

Затем есть две подписи: «Вальтер Функ» и «Доктор Заутер». Это содержание письма, которое я направил председателю 17 июня 1946, чтобы исправить показания Функа.

Председатель: Благодарю вас, доктор Заутер.

Доктор Экснер, вы имеете письмо, чтобы прочесть его?

Экснер: Господин председатель, я был внизу в офисе генерального секретаря, и мне пообещали это в 1:30, но я пока не получил его. Извиняюсь, сейчас я не могу выполнить вашу просьбу.

Председатель: Наверное вы сделаете это в 2 часа.

[Объявлен перерыв до 14 часов]

Вечернее заседание

Экснер: Господин председатель, я прочитаю письмо от 22 июня 1946 направленное в Международный военный трибунал:

«Господин председатель:

В ходе перекрестного допроса 6 июня 1946 британское обвинение представило подсудимому Йодлю документ С-139, очевидно думая, что документ показывал доказательства о подготовке мероприятий по оккупации Рейнланда уже 2 мая 1935...»

[Слушания были прерваны в результате технических неисправностей в системе перевода]

Председатель: Продолжайте доктор Экснер.

Экснер:

«...подсудимый Йодль заявил о том, что он не знал о документе. После просмотра документа, он объяснил, что из документа совершенно очевидно, что на Западе, в любом случае, не было

никакого плана никакой германской акции, но что рассматривались только явно оборонительные мероприятия. Он не знал, где «Операция учения» якобы должна состояться, он мог только предполагать.

Подсудимый, барон фон Нейрат сообщил ему о том, что в 1934 в течение лета Муссолини разместил несколько дивизий у перевала Бреннер для того, чтобы оккупировать Северный Тироль в случае аншлюса. Подсудимый Йодль после получения данной информации, снова изучил документ и теперь он представляет, что согласно этому документу операция должны были быть подготовлена, чтобы оттеснить итальянцев от перевала Бреннер в случае их похода. Но он ничего не знает об этом.

Все дело не имело никакого отношения к подсудимому Йодлю и по этой причине я не буду ссылаться на это во время заседания. Однако, он крайне заинтересован, чтобы это не выглядело будто он пытался, что-то скрыть».

Подписано «Доктор Экснер» и «Йодль».

Председатель: Очень хорошо.

Сейчас я вызываю доктора Штамера.

Штамер⁵⁰⁸: Господин председатель, начну с того, что я бы хотел заметить, что мне все ещё нужно завершить Катынское дело. Катынское дело нельзя было включить в книгу которую предъявили трибуналу, потому что заслушивание доказательств состоялось только в понедельник и позавчера. Поэтому я вынужден буду представить это без книги. Это всего лишь краткая презентация, и переводчики получают копии моего проекта. Однако к сожалению, я не могу сейчас представить перевод трибуналу, так как заслушивание доказательств завершилось только позавчера и я не поработал с этим раньше. Я добавлю это в подходящий момент и надеюсь, что несмотря на это я закончу за то время которое назвал.

[Слушания были прерваны в результате технических неисправностей в системе перевода]

Председатель: Теперь все в порядке? Продолжайте, доктор Штамер.

Когда я называл время которое мне потребуется я не мог учитывать Катынское дело. Несмотря на это, я надеюсь, что смогу закончить за то время, о котором я заявил, так как я сократил доклад в некоторых местах и кажется у меня будет достаточно времени.

Этот процесс, имеющий такие масштабы, такое историческое и

⁵⁰⁸ В отношении заключительных выступлений защиты, трибунал в нескольких случаях распорядился о том, чтобы написанные выступления чрезмерной длительности были сокращены в целях устного выступления в суде и о том, что опущенные фрагменты будут приняты во внимание трибуналом. – прим. по IMT, т. XVII, стр. 496; далее такие фрагменты обозначены в тексте курсивом (прим. пер.)

политическое значение и такое значение для становления норм права, каких еще не знала история права, этот процесс, имеющий значение не только для присутствующих здесь в зале подсудимых, но и для всего немецкого народа, вступает в новую фазу.

Слово имеет защита.

Положение защитника на этом процессе особенно затруднительно, ибо слишком неравно соотношение сил обвинения и защиты.

Обвинение имело возможность за несколько месяцев до начала процесса с большим аппаратом опытных сотрудников обследовать все учреждения и архивы внутри страны и за границей, допросить по всем вопросам свидетелей. Таким образом, обвинение было в состоянии представить трибуналу огромное количество документов.

Трудность положения защиты усугубляется еще и тем, что англо-американским процессуальным нормам, которыми руководствуется суд и стороны на этом процессе, чужда одна из норм немецкого уголовного права, по которой обвинение обязано доставлять и представлять доказательства, говорящие в пользу подсудимого.

Председатель: Доктор Штамер, я хотел бы сказать вам, что заявление, которое вы только что сделали, совершенно неправильно. В Англии вообще не существует кодекса судебной процедуры по уголовным делам, но во всем мире, как и на этом процессе, принято, чтобы обвинение сообщало защите о всех добытых обвинением документах, а также об имеющихся свидетелях, говорящих в пользу обвиняемых, поэтому ваше заявление совершенно не соответствует действительности – и тоже самое, думаю, является практикой в Соединенных Штатах.

И, что касается того, что вы говорите о защите находившейся в нечестных условиях в сравнении с обвинением, это тоже совершенно некорректно, потому что я уверен в том, что обвинение на настоящем процессе, придерживаясь такого же правила которое соблюдалось бы в Англии, сообщило защите о всех документах или свидетелях, имеющихся в его распоряжении, которые были бы полезны защите. Было уже несколько случаев, когда обвинение сообщало защите о полученных обвинением документах, которые, как ему казалось, могли быть полезны защите.

Все или почти все документы, представленные защитой на этом процессе, были получены обвинением с большим трудом. Были произведены расследования по всей Германии и, я могу даже сказать, почти по всему миру с тем, чтобы помочь защитникам осуществлять их задачу на данном процессе.

Штамер: Я благодарю вас за ваши разъяснения, господин председатель.

После оглашения обвинительного заключения рейхсмаршал Геринг на вопрос господина председателя, считает ли он себя виновным, ответил: «Нет, я не признаю себя виновным в духе предъявленных мне обвинений». Это заявление подсудимого обязывает нас рассмотреть все пункты обвинения, выдвинутые в

обвинительном заключении.

Подсудимый лично дал уже объяснения по многим важным для его защиты вопросам во время его допроса. Он подробно изложил свои соображения по поводу политических и военных событий и при этом детально осветил мотивы своих действий, а также возникновение и ход событий.

Я благодарен высокому суду за то, что подсудимому было разрешено сообщить об этих событиях в полном объеме, как он их видел, воспринимал и переживал. Ибо именно непосредственное личное описание, и только оно, дает возможность понять действительные внутренние мотивы подсудимого и составить правильное представление о его личности. Такое знание личности необходимо, если трибунал хочет принять решение, которое не только отвечало бы формальным требованиям права, но и было бы справедливым при учете индивидуальных особенностей лица, совершившего инкриминируемые действия.

После того, как подробные показания подсудимого были заслушаны трибуналом, я не считаю нужным заниматься каждым вопросом, по которому подсудимый уже дал необходимые объяснения. По этой причине я могу ограничить защиту следующими заявлениями:

Мы стоим на рубеже огромных исторических эпох. Кончается одна эпоха, которая больше определялась идеей свободы, чем идеей порядка. Это стремление к свободе породило могучие силы, такие могучие, что в конце концов с ними уже нельзя было совладать. Те бесспорные успехи в области науки, техники, которые принесла с собой эта эра, дорого обошлись нам, они стоили нам нарушения всего человеческого порядка и устранения мира на земле.

О более глубоких причинах этого рокового развития почти что совсем не говорилось здесь, в этом зале. Для правильного понимания всех тяжких преступлений и заблуждений, на которых здесь строится обвинение, необходимо осветить и исторический фон.

Господин главный обвинитель от Франции уже указывал на то, что корни национал-социализма следует искать в далеком прошлом. Он проследил это развитие, начиная с прошлого столетия. В «*Reden an die deutsche Nation*⁵⁰⁹» Фихте⁵¹⁰ он видит первый шаг на пути неправильного развития немецкого характера. Фихте проповедовал дух пангерманизма потому, что он хотел, чтобы мир был бы организован и задуман другими таким, каким он себе его представлял и каким он хотел его видеть. Я не понимаю, что нашло здесь свое выражение, кроме человеческого желания участвовать в формировании

⁵⁰⁹ «Речи к немецкому народу» (нем.)

⁵¹⁰ Иоганн Фихте (1762 — 1814) — немецкий философ. Один из представителей немецкого идеализма и основателей группы направлений в философии, которые развились из теоретических и этических работ Иммануила Канта. Фихте также писал работы по политической философии, и из-за этого он воспринимается некоторыми философами как отец немецкого национализма

общей судьбы, и если здесь выражено что-либо большее, то каким образом? Только характер этих попыток участвовать в общей судьбе можно, иногда, по праву подвергать критике.

Показательным в этом отношении, мне кажется, является и одно швейцарское высказывание. Там также утверждается, что заблуждение немцев началось с Фихте. Но в этом высказывании Фихте не упрекают в пангерманизме, т.е. в желании поработить другие народы, его упрекают в том, что он вообще начал объединять немцев в одну нацию. В этом и заключается якобы попытка подражания французам и англичанам в то время, как немцам следовало бы остаться народом из нескольких народов, это соответствовало бы немецкой сущности. Ибо только такой народ как немцы мог бы продолжать свою историческую миссию, т.е. могли бы оставаться ядром европейской федерации. Следовательно, нельзя все развитие просто сводить к Фихте.

Если исходить с исторических позиций, оглядываясь назад, право нельзя останавливаться на Фихте. Ибо его «Reden an die deutsche Nation» являются только лишь ответом на «Общий призыв», с которым обратилась к миру Французская революция, их породило выступление Наполеона I⁵¹¹. Надо пройти в обратном порядке всю цепь причин и событий до самых истоков. И это начало, т.е. зарождение стремления к личной и национальной свободе, которым характеризуется новое время, мы находим в Средневековье.

В Средневековье была преодолена красочная игра национальных и имперских течений и боев, которая является характерной для древних времен. И все это было преодолено идеей вечности, идеей христианской церкви. Таким образом, динамика того времени была заменена статическим порядком, который, по учению церкви, был создан самим богом и который поэтому считался «Милостью Божьей». Этот порядок стремился универсально охватить все человечество и привести его к миру и священному покою. Средневековые проповедники первыми сделали попытку подчинить войну правовым принципам. До этого войну всегда воспринимали только как естественное явление, такое, как, например, болезнь или непогода. Часто войну почитали даже как суд божий. Такие люди, как святой Августин⁵¹² и Фома Аквинский⁵¹³, выступили против этой точки зрения и учили делать различие между войнами справедливыми и несправедливыми. И они делали это различие, опираясь на христианскую веру,

⁵¹¹ Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — император французов в 1804—1814 и 1815 годах, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

⁵¹² Аврелий Августин Иппонийский (354—430), также известный как Блаженный Августин — богослов, философ и епископ Гиппона Царского в Нумидии, римской провинции в Северной Африке. Его труды повлияли на развитие западной философии и западного христианства, и он считается одним из самых важных отцов Католической церкви в святоотеческий период.

⁵¹³ Фома Аквинский (1225—1274) — средневековый итальянский философ и теолог. Сформулировал пять доказательств бытия Бога.

не выходя за рамки этой веры, которая говорила о том, что человек по повелению господина должен выполнять установленный богом во всем мире и обязательный для всех нравственный порядок, на основании которого и следовало решать вопрос о справедливости и несправедливости войны.

С появлением Возрождения⁵¹⁴ и Реформации⁵¹⁵ это развитие, направленное на установление мира во всем мире, ушло в противоположную сторону. Жизнь, которая уже начала было входить в рамки статического спокойствия, теперь превратилась в движение, которое с каждым столетием все увеличивало и увеличивало свою скорость до момента современной катастрофы. Стремящийся к свободе индивидуум освободил себя от религиозных и сословных оков. Государство, само объявляющее себя суверенным, рушило порядок, установленный богом и проповедуемый церковью. Государство, не признавая над собой никакой власти, по своему усмотрению завоевывало себе жизненное пространство на этой земле и делало это до тех пор, пока более сильная воля другого народа не устанавливала для него естественных преград. И с того времени мир воцарялся только тогда, когда устанавливалось довольно неустойчивое равновесие сил, которые теперь подчинялись своим собственным законам.

Так были созданы такие мировые державы, как Британская империя, Россия, Соединенные Штаты Америки и огромная французская колониальная держава, которые сегодня имеют жизненное пространство, занимающее половину всей земной поверхности.

Упомянутая здесь обвинением теория деликта войны Гроция⁵¹⁶ не имела успеха потому, что она противоречила динамике того времени. Она только представляла собой попытку сохранить вышеупомянутое христианское представление о войне, придавая ему светское обоснование. Из одной только природы нельзя вынести правовой нормы. Ибо в природе нет другого масштаба, кроме самих естественных сил. В природе действительно прав тот, кто сильнее. Только метафизически право может быть рассмотрено как независимая сила, стоящая над естественным инстинктом. Поэтому теория Гроция и должна была в конце концов умереть в XVIII веке, так как светское мышление не может найти критериев справедливой войны.

⁵¹⁴ Возрождение, или Ренессанс (фр. Renaissance, итал. Rinascimento, от лат. renasci — рождаться заново, возрождаться) — одна из величайших культурно-исторических эпох, переломный для истории Европы этап между Средними веками и Новым временем, заложивший основы новой европейской культуры.

⁵¹⁵ Реформация (от лат. reformatio — «исправление; превращение, преобразование; реформирование») — широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI — начала XVII веков, направленное на начальном этапе на реформирование Католической церкви, а на заключительном — на отделение от неё и образование новой христианской конфессии — протестантизма

⁵¹⁶ Гуго Гроций или Гуго де Грот (1583 — 1645) — голландский юрист и государственный деятель, философ, христианский апологет, драматург и поэт. Заложил основы международного права, основываясь на естественном праве, а также ныне признается за свою роль в процессе секуляризации, предназначенной для уменьшения насильственных религиозных конфликтов

Это развитие от старого порядка к новой свободе, т.е. к борьбе всех против всех, нашло свою высшую точку и кульминационный пункт в великой Французской революции. Здесь, пытаясь возвысить разум до божества, были сделаны последние выводы и секуляризации (из превращения духовного состояния в светское). Но человеческий разум оказался неспособным уравнивать между собой такие противоречащие друг другу идеалы, как свобода, равенство и братство, т.е. не смог практически осуществить справедливости.

С того времени мир волнует вопрос об истинном праве. Все социальные теории являются лишь попыткой разрешения этого вопроса. Люди снова ищут безопасности и порядка после того, как их слишком уж разочаровала обратная сторона чрезмерной свободы. Кто-то желает вернуться к христианской истине бога, в то время как другие хотят перейти к порядку, чтобы решить проблему с помощью человеческого интеллекта.

Национал-социалисты и их самые революционные вожди хотели пойти еще дальше назад и одновременно вперед к обожествлению самой жизни в биологическом и политическом мышлении. Они побеждены и они ушли. Еще не найдено решение проблемы мирового порядка. Державы-победительницы надеются приблизиться к решению проблемы мирового порядка, создавая дистанцию между собой и побежденными путем коллективного обвинения и осуждения национал-социалистов как преступников.

Но откуда они хотят взять масштабы, с которыми можно было бы подойти к разрешению вопроса о том, что справедливо и что несправедливо в правовом отношении? На действовавших до сих пор нормах международного права нет необходимости останавливаться. Я не буду возражать и против того, что на основании устава был создан особый трибунал. Но я решительно должен возразить против применения этого устава в той части, где им создаются существенно новые формы права, угрожающие наказанием за действия, которые в период их совершения не считались преступными, по крайней мере, в смысле индивидуальной ответственности.

После того, как в ходе революционного развития, которое длилось столетия, постепенно сносились устои универсального правового порядка Средневековья и, кроме того, вместе с духовной автономией индивидуума перед анархией и в области нравственности были открыты все двери, после всего этого нельзя актом насилия вдруг создать опять новое право. Это ведь как раз и было действительной причиной всеобщего правового одичания, которое и породило эти действия, на которых строится данное обвинение, т.е. причиной было то, что люди разучились делать различие между такими понятиями, как сила и право. Победа многочисленных революций над когда-то законными правителями милостью божьей показала, что впереди идет сила, а затем уже право и первое по своему усмотрению измеряет второе. И как

же можно было после этого вообще отличать право как-либо иначе, как только вместе с той силой, с которой оно, это право, пробилось вперед и сумело себя отстоять. Так дело дошло до принципа относительности в правовых концепциях, до так называемого правового позитивизма, при котором уже не обращалось внимания на моральное оправдание права.

Можно ли ожидать, что установленные в соответствии с этим наказания будут признаны справедливыми, если преступник не мог знать о возможности применения их, так как в то время они не угрожали ему и он считал свои действия справедливыми? Разве может здесь помочь ссылка на закон нравственности, если этот закон нужно еще отыскать? Судья Джексон, правда, считает, что нацистское правительство с самого начала не являлось представительным правительством законного государства, преследующего законные цели, стоящие перед ним как перед членом международного сообщества. Только исходя из этого, вообще можно понять обвинение в заговоре, которого я коснусь позже. Действительно, это обвинение, как и вся аргументация судьи Джексона, намного опережают время, ибо общепризнанных стандартов, с которыми независимо от позитивного международного права можно было бы подойти к определению законности государств и их целей, вообще не существовало так же, как не существовало и международного сообщества как такового. Все лозунги о законности своих собственных и незаконности чужих притязаний помогали образованию политических группировок в такой же степени, как и попытки заклеить своих политических противников как нарушителей мира. Во всяком случае они не привели к созданию новых норм права.

Судья Джексон справедливо сказал, что побежденные находятся во власти победителей и последние могли поступать с побежденными по своему усмотрению. Но, сказал он, огульное наказание без окончательного и точного установления вины каждого было бы нарушением неоднократно дававшихся обещаний и легло бы тяжким бременем на совесть Америки. Поэтому он сам был за проведение судебного процесса. Правда, этот процесс должен был отличаться от обычного уголовного процесса тем, что подсудимые должны были быть лишены обычной возможности обструкции и затягивания хода судебного разбирательства. Но установить вину можно только на основании справедливого рассмотрения дела. И если подсудимые являются первыми, кому приходится нести ответственность перед лицом закона в качестве руководителей побежденной нации, то им также должна быть предоставлена возможность защищать свою жизнь «во имя справедливости».

И если это положение должно иметь смысл, то оно должно являться важным и для толкования устава, ибо не имело бы никакого смысла, если бы трибунал был вынужден, не считаясь с признанным международным правом и не считаясь с правовыми установками других государств, придерживаться исключительно устава. В таком случае приговор являлся бы выражением

насилия, против которого было бы бессмысленным защищаться «во имя справедливости».

Устав трибунала может быть применен судом лишь в той мере, в какой его положения не только формально, но и фактически могут рассматриваться как нормы права. Сам устав говорит о том, что за нарушение его постановлений никто не может защитить себя приказом своего правительства или своего начальства. Если это так, то эта логика устава должна быть применена и к самому уставу, т.е. судье должно быть разрешено проверить, совместимы ли его указания с общими принципами правового мышления. Ибо, в конце концов, судья в своих отношениях к законодателю куда более свободен и самостоятелен, чем подчиненный в своих отношениях к начальнику, или подданный в своих отношениях к диктатору.

Другой вопрос заключается в том, действительно ли положения устава настолько противоречат существовавшим до его появления нормам права и в особенности основным принципам всякого правового порядка, что суд не хочет признавать и применять их как устаревшие нормы права. Практически основная проблема здесь состоит в том, чем руководствоваться в спорных случаях — уставом или положением права: «*nulla poena sine lege*».

В отдельных случаях, когда не учитывалось это правило, пытались сослаться на ярко выраженный политический характер этого процесса. Такого рода обоснование, однако, никак не может быть принято. Политическое значение процесса будет выявляться в его непосредственных и далеко идущих последствиях, но никоим образом не в самом характере процесса. Судья должен осуществлять правосудие, а не делать политику. И он тем более не существует для того, чтобы исправлять ошибки политических деятелей. Наказания, в отношении которых своевременно не было сделано предупреждения, не могут устанавливаться на основании закона, изданного впоследствии.

В противном случае следует, очевидно, придерживаться принципа разделения властей. Руководствуясь этим, Монтескье⁵¹⁷ разграничил первоначально единую власть абсолютного монарха на область законодательства, администрации и правосудия. Эти три различные формы выражения государственной власти должны на основе равноправия уравновешивать чаши весов и, таким образом, помогать контролировать друг друга. Эта система разделения властей является характерным признаком сущности современного правового государства. Можно определить сферу компетенции и деятельности этих трех различных форм выражения власти следующим образом: законодательство имеет дело с будущим, администрация — с настоящим, а правосудие — с прошедшим временем. Законодательство устанавливает нормы, по которым строится жизнь. Время от времени следует

⁵¹⁷ Шарль де Монтескье (1689 — 1755) — французский писатель, правовед и философ эпохи Просвещения, один из зачинателей идеологии либерализма. Разработал доктрину о разделении властей.

изменять эти нормы и приводить их в соответствие с изменившимися условиями жизни. Но до тех пор, пока условия не изменились, нормы остаются в силе.

Когда установление жизненного порядка чисто нормативным путем становится со временем недостаточным, этот порядок устанавливается администрацией, которая в свою очередь также связана определенными нормами, но в рамках своих задач может обычно действовать свободно, дабы действительно отвечать каждодневно меняющимся потребностям. Администрация так же, как и политический деятель, издающий законы, руководствуется идеей целесообразности.

Судья же не имеет права принимать решения, руководствуясь этой идеей. Он должен руководствоваться нормами права. Вообще, его задача состоит не в том, чтобы создавать новые нормы права, а в том, чтобы выносить приговор. Он исследует поступки после того, как они совершены, и условия после того, как они сложились. Он определяет, соответствуют ли они нормам, насколько они отступили от них, а также какие правовые последствия они влекут за собой. Его взгляд обращен, как правило, в прошлое. В государственной жизни, постоянно изменяющейся в результате деятельности политических руководителей, взгляд которых обращен в будущее, судья — противоположный статичный полюс.

Правда, судья связан законами, изданными политическими деятелями, но он не просто их исполнительный орган. Более того, он со своей стороны должен контролировать законодателя, проверяя его законы с точки зрения их соответствия конституции. Он, следовательно, должен также следить за тем, соблюдается ли принцип разделения властей. Судья должен вершить правосудие *de lege lata*⁵¹⁸, предоставляя законодателю *de lege ferenda*⁵¹⁹, а законодатель не должен вмешиваться в функции судьи, вводя законы, имеющие обратную силу.

Критика отправления правосудия национал-социалистическим государством базируется в основном на том, что оно отвергло принцип разделения властей. Выдвинув на первый план политический принцип фюрерства, оно самовольно вмешивалось в компетенцию судьи. С помощью полиции, то есть администрации, оно арестовывало людей, не имея на это юридического права, исходя лишь из соображений политической безопасности, оно подвергало даже повторному аресту тех людей, которые раньше решением суда были оправданы и освобождены. С другой стороны, опять-таки по политическим соображениям, оно укрывало уличенного преступника от судебного преследования. Конечно, это ставит под угрозу надежность права и его четкость.

Но даже это национал-социалистическое государство не осмелилось полностью отказаться от принципа «nulla poena sine lege praevia». Осуществляя свои полицейские мероприятия, оно отказалось от подведения под них

⁵¹⁸ «Существующим законом» (лат.) — правовой принцип означающий необходимость применения только действующих законов.

⁵¹⁹ «Будущий закон» (лат.) — правовое выражение означающее необходимость улучшения законодательства в будущем времени.

приговора суда, точно так же, как теперь выполнение решений совета провинций на американской зоне о денацификации справедливо не было передано министерству юстиции, как не относящееся к праву. Тремя законами, имеющими обратную силу, национал-социалистическом государство расширило рамки уголовного наказания, но оно не создавало его заново. Оно не могло его создать заново, потому что параграфом 2 «а» Уголовного кодекса была создана возможность применения принципа аналогии, ибо этот параграф означает норму права без обратной силы, норму, которую каждый должен соблюдать.

При этом некоторая гарантия от произвола со стороны судей заключалась в том, что национал-социалистическое государство было проникнуто одной определенной, обязательной для судей идеологией. О тесной связи правосудия с идеологией еще в 1927 писал швейцарский профессор права Ганс Фер⁵²⁰ из Берна в книге «Recht und Wirklichkeit; Einblick in Werden und Vergehen der Rechtsformen»⁵²¹. «Без определенной идеологической базы, — писал он, — право парит в безвоздушном пространстве... у кого нет идеологической базы не понимает, что правильно, а что неправильно».

Фер показал, что каждый судья, вынося приговор, исходит из своего мировоззрения, насколько это позволяет закон. Естественно, что либеральная свобода, при которой можно придерживаться любого мировоззрения, должна была привести к угрозе срыва всякого единства и его охраны. Поэтому именно либеральное государство вынуждено заставлять своих судей строго придерживаться параграфов уголовного кодекса, запрещая им судить по принципу аналогии. Фер указал также на отрицательную сторону того обстоятельства, что приговор выносится только на основании фактов, т.е. когда за преступлением не видят преступника. Поэтому Фер выдвинул в динамической теории права или в так называемой «школе свободного права» положение о необходимости расширения индивидуального момента при вынесении приговора.

Как следует из вышесказанного, впереди всех по этому пути пошли нелиберальные государства, устроенные в соответствии с определенным мировоззрением. Сперва Советский Союз, где марксисты отказались от либерального, по-видимому, объективного правосудия, как от «буржуазной, классовой юстиции», свел пролетарское классовое право, которое сознательно игнорировало равенство всех перед правом. Национал-социалисты последовали за Советским Союзом, проповедуя, согласно своему расовому мировоззрению, положение: «Правильно то, что на пользу народа, неправильно то, что ему во вред». В рамках, точно очерченных мировоззрением, сократилась опасность

⁵²⁰ Ганс Фер (1874 – 1961) – швейцарский историк права.

⁵²¹ «Право и реальность; понимание развития и упадка правовых норм» (нем.)

применения принципа аналогии, которая параграфом 2 «а» уголовного кодекса и без того была сужена.

В противовес этому нельзя установить определенной идеологической основы устава, так как лица, подписавшие его, стоят на идеологических позициях, значительно отличающихся друг от друга. Поэтому они должны исходить в уставе, как это было и в существовавших до настоящего времени нормах международного права, из идей свободы мировоззрения. Для него особо священным должно являться положение права: «*nulla poena sine lege*». Это доказывается, кроме того, также и тем, что Контрольный Совет⁵²² в Германии в ясной форме напомнил о нем всем немцам, издав закон об устранении аналогии в уголовном законодательстве Германии.

*Тем непонятнее и несовместимее с германскими правовыми нормами было бы, если бы оно не применялось к немцам, обвиняемым в военных преступлениях. Сам по себе устав представляет собой исключительный закон вследствие того, что он был создан только для подданных держав Оси на основании соглашения, заключенного лишь на срок один год, после чего оно может быть расторгнуто. Если при этих обстоятельствах оно устранило бы положение «*nulla poena sine lege praevia*», причем даже по отношению к действиям, которые не только совершались в рамках германской законности, а даже вменялись в обязанность руководством бывшего тогда суверенным германского государства, стоявшим тогда у власти, под угрозой строжайшего наказания, то в этом случае никак нельзя понять утверждение, что суд связан этим уставом.*

Как и исследование политических целей связанных с уставом не окажется никакой помощи. Судья Джексон назвал устав и данный процесс шагом вперед «в направлении создания права, устанавливающего также и личную ответственность того, кто начинает войну». Американский комментатор Уолтер Липпман⁵²³ в другой связи заявил, что система предотвращения войн на основе принципа коллективной безопасности провалилась. Ведь никто не заинтересован в том, чтобы помочь предотвращению войны, не представляющей для него непосредственной угрозы, тем, что он объявит войну нарушителю мира.

Такое средство для борьбы с болезнью войны является настолько же опасным, как и сама болезнь. Вследствие фиаско принципа коллективной безопасности в последней войне и у противников Германии возникла мысль обеспечить безопасность в будущем на основе возложения ответственности на отдельных лиц, виновных в нарушении мира. Таким образом и возник

⁵²² Союзный Контрольный совет — орган верховной власти в оккупированной Германии, образованный после Второй мировой войны державами-победительницами. В подчинении Контрольного совета находилась Межсоюзническая комендатура, осуществлявшая властные полномочия в разделённом на оккупационные секторы Берлине. Формально существовал с 1945 по 1990 гг.

⁵²³ Уолтер Липпман (1889 — 1974) — американский писатель, журналист, политический обозреватель, автор оригинальной концепции общественного мнения.

Нюрнбергский процесс. Исходя из факта его возникновения, сегодня можно, бросив ретроспективный взгляд, сказать: в период Второй мировой войны развитие приняло революционный характер, оно вывело человечество за границы того, что еще недавно составляло сущность нашего века: первые, но важные шаги к созданию мирового государства уже сделаны.

Путь миру, в принципе, можно весьма приветствовать, хотя и можно сомневаться в его абсолютной возможности. Судья Джексон сам же выразил сомнение относительно того, сможет ли угроза наказания и оказываемое ею устрашающее действие воспрепятствовать нарушениям мира в будущем. Ведь решение о войне так или иначе принимает только тот, кто уверен в своей победе, и поэтому не может серьезно принимать в расчет наказание, которое грозит ему только в случае его поражения. Поэтому важнее, чем устрашающее действие, которое может быть достигнуто угрозой наказания в будущем, воспитательное значение данного процесса, достигаемое благодаря упрочению идеи права. Политический деятель должен усвоить, что принцип разделения властей должен соблюдаться также и им и что ни один судья не согласится исправлять его ошибки, прибегая к наказанию на основании законов, изданных после совершения преступления. Приговор, свободный от этих недостатков, значительно повысил бы доверие к международному правосудию, которое сегодня страдает от подозрения в том, что им легко злоупотребить в политических целях. С другой стороны, оно бы разумеется сильнее всего пострадало от вынесения приговора за такие деяния чья наказуемая квалификация остается сомнительной. Таким образом, даже с точки зрения политической целесообразности нарушение положения «*nulla poena sine lege*» не находит оправдания. Необходимо признать, что укрепление веры в непреложность права, как в стабильный фактор в невероятной динамике политических событий, лучше всего может послужить делу мира.

Этот вывод не может быть подвергнут сомнению также и на основании отдельных соображений, высказанных представителями обвинения.

Если главный обвинитель от Франции заявил, что без наказания главных преступников нацистской Германии в будущем не может быть больше веры в справедливость, то он здесь, очевидно, слишком далеко зашел. Справедливость проистекает не из необходимости любой ценой удовлетворить оскорбленное чувство справедливости. В этом случае мы быстро вернулись бы снова к возмездию в самом прямом смысле, очутились бы перед бесконечной цепью несчастий, дошли бы до кровавой мести. Нет, справедливость требует чувства меры и рассмотрения доводов и контрдоводов. А в этом отношении односторонние действия против подданных держав оси нарушают идею справедливости. Господин главный обвинитель от Великобритании назвал самую возможность издания законов, имеющих обратную силу, одной из самых отвратительных доктрин национал-социалистического правосудия. Между тем он полагает, что предоставление

возможности наказания за действия, которые уже раньше были заклеены как преступления, не означает изменения норм права, оно означает лишь их дальнейшее логическое развитие и является поэтому допустимым. Однако я вовсе не собираюсь порицать оправдываемое им на этом основании учреждение трибунала. Основной вопрос состоит в том, должен ли этот трибунал наказывать за действия, которые не составляли преступления в момент их совершения. Положительный ответ на этот вопрос, т.е. его подтверждение, увело бы значительно дальше, чем национал-социалистическое правосудие, подвергшееся такой резкой критике со стороны господина главного обвинителя от Англии. Он не излагал здесь никаких причин, и, кажется, поэтому отвергает это.

Впрочем, он, может быть, согласится, что если бы устав не просто предполагал, а возможно желал ввести уголовное преследование за указанные в нем деяния и наказуемость этих деяния, то в нем это должно быть более ясно и четко обосновано. Между тем положения статьи 6 устава совершенно неясны. Формулировка: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции трибунала».

Это может быть истолковано как в смысле простого определения компетенции трибунала, так одновременно, хотя и с трудом, и как положение, обосновывающее наказуемость деяний. Поэтому это положение должно быть истолковано в соответствии со старым правилом о том, что сомнения истолковываются в пользу подсудимого. Следующее за ним положение о том, что виновный в таких преступлениях несет за них индивидуальную ответственность, и приведенные в дальнейших параграфах материальные положения уголовного права не дают по своему содержанию никакого основания для сомнений при их толковании. Они содержат лишь положения о разных степенях уголовной ответственности, которая сама по себе предполагается. Пусть трибунал решит, считает ли он их совместимыми с основным принципом «*nulla poena sine lege*».

Труднее всего мне понять точку зрения американского обвинителя. С одной стороны, он резко выступает против произвола нацистов в области права, с другой — он не собирается удовлетвориться осуждением подсудимых только за те преступления, за которые уже во время их совершения грозило наказание. С одной стороны, он не хочет, чтобы применялись наказания без справедливого установления вины подсудимых, а с другой стороны, он требует строгого применения устава также и в том случае, когда устав содержит новые нормы права, новые также и для подсудимых. С одной стороны, он хочет, чтобы процесс явился для последующих поколений осуществлением стремлений человечества к справедливости, а с другой — в ответ на возражения против положений устава он ссылается на волю победителей, которые вообще могли бы не церемониться с подсудимыми.

Мне кажется, что в нем слишком силен дух обвинителя, которым

он только и хочет быть, согласно его словам. Для обвинителя - особенно в англо-американской судебной процедуре - слово «справедливость» имеет иной смысл, чем для судьи или даже для подсудимого. Судья Джексон, бесспорно, помимо того, что чувствует себя обвинителем, он не в меньшей мере чувствует себя еще и политиком. Для него этот процесс должен не только наказать за совершенную несправедливость, но также (и это в первую очередь) этот процесс должен послужить делу развития правовых норм (правил) и с помощью этого осуждения, не знавшего прецедента, ввести их, что, по его мнению, явится укреплением международного права в смысле предотвращения будущих войн. Кто подходит к тому или иному делу с такими предвзятыми мнениями и намерениями, тот живет совершенно в ином мире, чем подсудимые, так что едва ли можно найти пути для взаимопонимания этих двух миров.

Что касается политической стороны этого процесса, то я уже изложил, почему она не должна (не имеет права) оказывать влияние на развитие процесса. Здесь я хотел бы указать лишь на то, что политика, проводимая победителями по отношению к побежденным, и которая может быть охарактеризована как политика «наименьшего сопротивления», уже однажды доказывала свою порочность, я имею в виду вопрос разоружений согласно Версальскому договору.

Если судья Джексон действительно откажется от решений, при вынесении которых должна первейшее значение иметь сила и если он окажется готовым, несмотря на то, что ему это, может быть, и не нужно, подчиниться и включится в судебную процедуру, то он тогда должен также отказаться выставлять аргументы, которые не относятся к судебному процессу. Гибрид, который не представляет собой вполне ясного акта насилия и не представляет собой процесса в обычном смысле, несмотря на попытки приблизить его к промежуточному положению под названием политического процесса, такой гибрид является бессмыслицей. История, конечно, знает подобные не совсем ярко выраженные, так называемые «политические» процессы. Я напому лишь об осуждении Людовика XVI⁵²⁴ французским (национальным) собранием. Но тогда было ясно и по составу судей, и по примененной судебной процедуре, что дело было не в правосудии, а в революционном акте насилия, для совершения которого хотели с помощью взаимных советов придать бодрости. На нынешнем процессе дело обстоит иначе: державы-победительницы поручили ведение процесса выдающимся

---

⁵²⁴ Людовик XVI (Луи-Огюст) (1754—1793), после 21 сентября 1792 официально именовался Луи Капет — король Франции из династии Бурбонов, сын дофина Людовика Фердинанда, наследовал своему деду Людовику XV в 1774 году. Последний монарх Франции Старого порядка. При нём после созыва Генеральных штатов в 1789 году началась Великая французская революция. 10 августа 1792 года после восстания был отстранён от власти, и впоследствии официально лишён престола, предан суду Конвента и вскоре казнён на гильотине.

судьям-профессионалам. В уставе им был указан определенный путь следования, в остальном же их судейской проницательности были предоставлены самые широкие полномочия. Не может быть никакого сомнения в том, что политики в данном случае призвали судей выполнить за них эту работу, с которой они сами не справились. Теперь судьи на основании их собственной компетенции должны будут решать, возможно ли и, если возможно, то в какой мере выполнить возложенное на них поручение. Политики со своей стороны как-нибудь уж справятся с оставшейся невыполненной частью поручения.

В аргументах судьи Джексона я не смог найти ни одного аргумента, который мог бы побудить трибунал судить за действия, которые в момент их совершения были вовсе не запрещены под страхом наказания. Поэтому ниже я буду высказывать свою точку зрения в отношении обвинения подробно по тем отдельным пунктам правового положения, которое существовало в момент совершения тех или иных действий.

Из всех преступлений, вменяемых в вину подсудимым, самым крупным по своему составу и по времени, которое оно охватывало, является заговор. Профессор Экснер, будучи преподавателем уголовного права в университете, особенно подробно исследовал значение этого правового понятия для нашего процесса. Во избежание повторений и в интересах экономии времени профессор Экснер предоставил в мое распоряжение результат своего исследования. С его согласия я намереваюсь сказать по этому вопросу следующее.

Понятие «заговор» является понятием англо-американского права. Правда, и там это понятие не является бесспорным. Больше того, примечательно то, что и в Англии имеются люди, считающие это понятие устаревшим. «Говорилось о том, что в Англии этот давний закон совершенно не используется».

Для данного процесса важным является нечто иное. Понятие «заговор» в том смысле, в каком его употребляет обвинение, германскому праву совершенно неизвестно. Поэтому на первый план своего краткого рассмотрения правовых вопросов я хотел бы поставить несколько вопросов, вызывающих сомнения:

1. Должен ли уголовный процесс, претендующий на справедливость, использовать правовые понятия, которые абсолютно чужды и всегда были чужды подсудимым и правовому мышлению их народа?

2. Как это может быть согласовано с положением «*nullum crimen sine lege*», которое было признано главным обвинителем от Великобритании в качестве основного принципа уголовного права цивилизованных наций?

3. Можно ли утверждать, что еще до 1939 года не только развязывание противозаконной войны было признано действием, за которое грозило уголовное преследование отдельным лицам, но и заговор с целью развязывания таких войн был признан наказуемым действием? Положительный ответ на этот вопрос, данный

обвинением, вызвал удивление не только в Германии. В этой связи следует разъяснить одно недоразумение. Утверждалось, что национал-социалистическое государство само издавало уголовные законы, которые противоречили принципу «*nullum crimen sine lege*», и что поэтому подсудимые не вправе ссылаться на этот принцип. Я ни в коем случае не намереваюсь защищать национал-социалистическое законодательство, но справедливости ради должен сказать: это — заблуждение. Во время существования «Третьего Рейха», как это уже было упомянуто, было издано три закона, имевших обратную силу, которые увеличивали меру наказания. Эти законы предусматривали смертную казнь за действия, за которые в качестве наказания в момент их совершения было предусмотрено лишение свободы.

Однако, устав, из которого я здесь исхожу, воспользовался концепцией заговора. Далее, я не буду вдаваться в эти сомнительные вопросы. Если применять это понятие по отношению к немцам, то это должно производиться со всеми ограничениями, которые диктуются требованиями равенства.

По англо-американскому праву заговор означает сговор нескольких лиц о совершении преступлений. «Сотрудничество или соглашение между двумя или большим количеством лиц для достижения незаконной цели или законной цели незаконными средствами».

Похожие определения продолжают повторяться. Два пункта двух основных характеристик: «сговор» и «общий план».

Сговор означает открыто высказанное или молчаливое согласие. Если несколько человек, независимо друг от друга, преследуют одну и ту же цель, то это не является заговором. Таким образом, недостаточно, что у них у всех единый план, они должны быть осведомлены об этой общности плана, и каждый из них должен добровольно признать этот план своим. Уже в самом слове конспирировать заключен тот смысл, что каждый должен принимать участие в заговоре по своей воле и знать о нем. Тот, кого заставляют принимать участие в заговоре, не является заговорщиком, так как насилие исключает возможность соглашения, оно может лишь привести к внешней готовности оказывать помощь. Таким образом, если кто-либо навязывает другому свою волю, то это не заговор. Вот почему заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Диктатор не вступает в заговор с исполнителями своей воли, он не заключает соглашения с ними, он диктует, а участники подчиняются.

Заговорщики сознательно стремятся к созданию общего плана. Содержание этого плана может быть различным. В английском праве, например, существует понятие о заговоре для совершения убийства, обмана, шантажа, клеветы, отдельных экономических деликтов и т.д. Во всех этих случаях заговор рассматривается как деликт особого рода, поэтому заговорщики за участие в заговоре несут наказание, причем не учитывается, было ли в каждом отдельном случае действительно совершено убийство, обман или имела место только попытка

совершить подобное преступление.

Согласно значению этого термина в немецком языке мы бы сказали: заговор является одним из таких случаев, в которых уже подготовка к совершению преступления является наказуемой. То же самое положение существует и в германском уголовном праве. Наказанию подвергается то лицо, которое принимает участие в действиях группы людей, имеющих своей целью покушение на жизнь. Такое лицо наказывается согласно § 49b за преступление, которое заключается в подготовке к убийству, если даже задуманное действие не было совершено.

С этим имеет некоторое сходство статья 129 германского уголовного кодекса, в которой говорится, что «соучастие в деянии, которое преследует определенные враждебные государству цели, является наказуемым, независимо от того, было ли совершено деяние или нет». Если такое деяние будет совершено, каждый привлекается к ответственности в той мере, в какой это соответствует степени его виновности в совершении этого действия. Если отдельный заговорщик невиновен в этом конкретном преступлении ни как исполнитель, ни как сообщник, то он может нести ответственность только за соучастие в антигосударственных действиях, а не за отдельные преступления, совершенные другими участниками организации.

Обвинители на этом процессе идут дальше. Они при определенных условиях хотят наказать заговорщиков также и за отдельные деяния, в которых они не принимали участия. Возьмем самый характерный пример: они хотят обвинять заговорщика даже в тех преступлениях которые были совершены до его вступления в заговор.

При скудном материале в моём распоряжении, я не смог найти никаких доказательства, что это имеет какое-либо обоснование в английском или американском праве. Однако, явно, то, что такая концепция самым явным образом противоречит германскому уголовному праву, так как в последнем действует само собой разумеющийся и никем не оспоримый принцип: за то или иное деяние человек ответственен лишь в том случае, если он совершил его или по крайней мере являлся его соучастником.

Обратимся теперь к уставу, в уставе приведены два случая, которые объявлены наказуемыми и отнесены к юрисдикции трибунала:

1), В пункте 6а говорится об участии в общем плане или заговоре, направленном к совершению преступлений против мира, сюда относятся планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров или заверений. Здесь бросается в глаза следующее обстоятельство: внутригосударственное уголовное и частное право Англии и Америки было без долгих размышлений применено в области международного права. Устав делает это с помощью того, что он обращается с лицами, которые планировали или вели противозаконные войны, как с гангстерами,

принимающими участие в уличном грабеже. Это — юридическая смелость, так как в данном случае между отдельными лицами и успехом их действий находится суверенное государство; это лишает всякого основания какое бы то ни было сравнение с фактами внутригосударственных повседневных событий. Международному праву понятие «заговор» было до сих пор неизвестно.

2) Согласно последнему пункту статьи 6 устава, соучастники, то есть лица, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, несут ответственность за все действия, совершенные любым из участников при исполнении этого плана. Здесь имеется принципиальное различие по сравнению со случаем, упомянутым в пункте 1. Это означает не только наказание за деликт-заговор, но также ответственность за каждое отдельное действие любого заговорщика. Другими словами, здесь заговор не является собой особого состава преступления, он представляет собой форму совиновности в действиях заговорщиков. Судья Джексон привел здесь пример: если из трех разбойников, состоящих в заговоре, один убьет жертву, то они все несут ответственность за убийство.

Этот пример имеет для нашего процесса огромное значение. Отдельный заговорщик должен быть наказан за действия, которые совершил не он, а другой заговорщик. Значит, подсудимый, который не имел ничего общего с уничтожением евреев, должен быть наказан за это преступление против человечности только потому, что он принимал участие в заговоре.

Принципиальный вопрос состоит в следующем: следует ли применять не этом процессе нормы ответственности, которые выходят за пределы основ германского уголовного права?

В статье 6 устава сказано, что все заговорщики несут ответственность за любое действие, совершенное кем-либо из участников заговора с целью осуществления этого плана. Это положение имеет решающее значение для истолкования устава.

По моему мнению, смысл этого положения заключается в следующем: заговорщики несут ответственность за те действия других заговорщиков, которые были совершены в рамках плана, который ими обдумывался, совершения которого они также желали или с которым они по крайней мере согласились. Несколько примеров:

Случай (а): А, В, С и D совершают задуманный ими взлом в вилле. В доме они встречают девушку. А. насилует ее, В, С и D не могут отвечать за это изнасилование, так как А., когда он насиловал, не действовал во «исполнение плана», а лишь присутствовал при случае исполнения плана. Здесь речь шла не об исполнении плана, а об имевшем место случае при исполнении плана. Это неоспоримо, но очень важно, так как отсюда ясно видно, что во всяком

случае не может быть и речи об ответственности за все действия заговорщиков;

Случай (b): при осмотре виллы В. и С. поспорили о какой-то добыче, в результате чего В. убивает С. Это действие произошло также не «во исполнение плана», оно не было предусмотрено планом. А. и D. не ответственны за этот «эксцесс»;

Третий пример: при обыске виллы взломщиков настигает хозяин. В. застреливает его. Но возвратимся сейчас к примеру судьи Джексона о трех разбойниках, из которых один убивает жертву. Учитывая характер американских гангстеров, следует считать вполне нормальным, что отдельные участники разбойничьей шайки осознавали возможность подобного исхода и были готовы примириться с ним. Если случай обставлен таким образом, то их следует, по нашему мнению, рассматривать как соучастников убийства или помощников. При таком положении вещей против решения вопроса судьей Джексоном не было бы никаких возражений. Если же весь случай выглядит иначе, т.е. если бы смертельный исход не был бы предвиден остальными, даже больше - не мог ими быть предвиден, так как они, например, предполагали, что обитатели дома уехали, - то тогда ответственность заговорщиков отпадает. Так как они могут отвечать лишь за то, что происходит «во исполнение плана», к общему же плану относится лишь то, что было с самого начала предвидено заговорщиками и одобрено как нужное для достижения цели. Другие пути исполнения чужды плану.

Обманчивое в представленных судьей Джексоном доказательствах заключается в том, что он из решения, которое является правильным для «нормального случая», которое представляет собой пример о разбойниках, производит общий принцип, который не может распространяться на другие ситуации. После всего этого следует отвечать положительно на вопрос об ответственности за отдельные деяния только по отношению к тем заговорщикам, которые предвидели и одобрили действие своего товарища.

Правовой принцип, который распространяет ответственность заговорщиков на действия, в которых они невиновны, чужд германскому праву. Относится это или нет к англо-американскому праву, применение подобного принципа в настоящем процессе сделало бы наказуемые деяния таким образом ненаказуемыми. Это противоречило бы самым явным образом основному принципу «*nullum crimen sine lege*», который я уже подчеркивал, который был признан британским обвинителем. Ввиду того, что статья 6 допускает различные толкования, следует считать из двух возможных толкований соответствующим воле авторов то, которое не противоречит вышеназванному принципу.

Существует выход из заговора и также более поздние вступления в него. Тогда возникает вопрос: как обстоит дело с ответственностью за

действия, которые были совершены в то время, когда то или иное лицо не входило в состав заговорщиков. Обвинители, кажется, придерживаются следующего мнения: если кто-нибудь вступает в заговор, то он одобряет все, что делал любой из заговорщиков до этого во исполнение плана. Это утверждение берет свое начало в гражданско-правовой идее о последующем одобрении заключения сделки. В уголовном праве этот момент несостоятелен. В уставе не имеется ничего подобного. Так как общий план, во исполнение которого произошло действие, был лишь присущ тогдашним членам. Если даже усматривать в самом факте вступления в заговор одобрение всех предшествовавших действий заговорщиков, то это одобрение совершенных преступлений не означает еще участия в этих преступлениях. Лицо, которое вступило в заговор позже, не имеет ничего общего с ними. Точно также лиц, которые вышли, можно считать ответственными лишь за то, что произошло в то время, когда они принадлежали к заговору, если успех того или иного действия наступил после выхода данных лиц. Всякая другая точка зрения неизбежно приведет к закону «ex post facto». Принимали ли 22 подсудимых участие в заговоре, как это изложено в обвинительном заключении, то есть в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира, обычаев войны и человечности?

Если бы такой заговор существовал, то (в этом никто не сомневается) Гитлер был бы его главой. Но я уже обращал внимание на то, что заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Гитлер, вероятно, смеялся бы, если бы ему сказали, что он заключил соглашение со своими министрами, партийными лидерами и генералами о ведении той или иной войны с помощью тех или иных средств. Он был самодержцем. Для него не имело значения согласие тех или иных людей, для него было важно лишь выполнение его решений независимо от того, одобрялись эти решения или нет. Но, помимо этих юридических соображений, следует упомянуть, что в действительности окружение Гитлера выглядело иначе, чем какая-то заговорщическая группа, как это пытались характеризовать здесь обвинители во время представления ими доказательств. Кроме небольшого партийного клана, он был окружен атмосферой недоверия. Он не доверял ни «клубу пораженцев» из своих министров, ни своим «генералам».

Так обстояло дело еще до войны. Как все выглядело во время войны, было описано свидетелями с потрясающей выразительностью. Утонченная система засекречивания имела своим последствием то, что планы и намерения фюрера оставались сокрытыми от его окружения в течение, возможно, длительно времени, так что для его ближайших сотрудников те или иные события являлись совершенно неожиданными, даже больше, о некоторых из них они, к своему ужасу, впервые узнали на процессе. Эта система засекречивания имела далее своим последствием изоляцию отдельных сотрудников, так как

правая рука не должна была знать того, что делала левая. Разве все это выглядит как заговор? В действительности Гитлер при случаях жаловался, что генералы устраивают «заговоры» против него, причем удивительно странно, что он употреблял это слово именно по отношению к тем, которые сегодня сидят на скамье подсудимых за то, что они были в заговоре с ним. Во время представления доказательств неоднократно говорилось о заговорах, но о заговорах против Гитлера. Если рассматривать с чисто психологической точки зрения, то кажется совершенно невероятным, что две дюжины человек, которых обвинение выхватило из числа оставшихся в живых руководителей Третьего Рейха и посадило на скамью подсудимых за то, что они якобы организовали банду заговорщиков в духе обвинения, что эта группа людей лишена всякой однородности мировоззрения, происхождения, образования, положения и социальных функций. Отдельные подсудимые познакомились впервые на скамье подсудимых.

Обвинение считает партию с ее организациями тем зерном, вокруг которого образовался заговор. Но в данном случае следует вспомнить о различном отношении отдельных лиц к этому пункту: некоторые из них вообще не были членами партии, или в течение долгого времени не принадлежали к ней, только немногие из них играли действительную роль. Некоторые занимали руководящие должности в партии и ее организациях и посвящали всю работу целям этих организаций, другие же делали все, что было в их власти, для того, чтобы оградить свою сферу действий от влияния партии и СС.

НСДАП была основана в период полного бессилия государства и усталости от войны, в тот период, когда ни один разумный человек не думал о второй войне или какой-либо агрессивной войне.

Но, может быть, у подсудимых были цели, которых нельзя было достигнуть без войны?

Конечно, мечтой каждого хорошего немца было объединение всех пограничных германских областей в Рейх. Таким образом, Саарская область, Австрия, Мемельская область⁵²⁵, Данциг и, как более отдаленная мечта, также и Судетская область. Когда-то они все входили в состав Германского Рейха, уже в 1919 году они возвратились бы в состав Германского Рейха, если бы торжественно обещанное право наций на самоопределение было претворено в действительность. Но этих целей, зиждущихся на горячем желании немцев, нельзя было достигнуть мирным путем. В действительности эти цели были достигнуты без единого выстрела или удара меча, за единственным исключением Данцига, причем последнее, при наличии хотя бы капли терпения

⁵²⁵ Клайпедский край, или Мемельский край, или Мемельланд — часть Малой Литвы, ранее входившая в состав Восточной Пруссии, расположенная севернее реки Неман с центром в Клайпеде (Мемеле).

у фюрера и крошечной доброй воли у поляков, могло быть разрешено с равными результатами и мирным путем.

Но войны они не хотели, они не верили в возможность войны. Конечно, от Гитлера они могли ожидать блефа большого масштаба, но они не могли себе представить, что он ринется в катастрофу войны. Я не могу поверить в заговор для совершения преступлений против мира и обычаев войны. К этому следует добавить лишь два момента общего значения:

1. Поведение Геринга непосредственно перед началом войны. В то время он был лицом, которому Гитлер все доверял, он был вторым человеком в государстве, а теперь он главная фигура среди подсудимых. Если бы тогда действительно существовал заговор для ведения агрессивной войны, то он был бы вторым человеком в этом заговоре. Здесь следует сказать, что как раз он в последние дни августа напрягал все усилия для того, чтобы предотвратить нападение на Польшу. Больше того, он за спиной Гитлера прилагал все старания к тому, чтобы сохранить мир. Как это может быть совместимо с заговором для ведения агрессивных войн? Он был также не согласен с ведением войны против России и всячески отговаривал фюрера.

2. Если бы существовал заговор для совершения военных преступлений, то война велась бы с самого начала с полнейшей беспощадностью и в нарушение всех правил ведения войны. В действительности же было наоборот: как раз в первые годы войны, и это никем не оспаривается, международные правила ведения войны в основном выполнялись обеими сторонами. Как раз в первом периоде войны старались вести на началах рыцарства и порядочности. Если нужны доказательства тому, то вполне достаточно взглянуть на предписания, которые издавало ОКХ по вопросу поведения войск в Норвегии, Бельгии, Голландии.

Пристав: Трибунал откладывается до завтра.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 5 июля 1946]

День сто семьдесят второй

Пятница, 5 июля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Штамер.

Штамер: Я продолжаю.

Номер 2. Если бы существовал заговор для совершения военных преступлений, то война велась бы с самого начала с полнейшей беспощадностью и в нарушение всех правил ведения войны. В действительности же было наоборот: как раз в первые годы войны...

Председатель: Доктор Штамер, трибунал считает, что вы прошли немного дальше в своей речи.

Штамер: Я прошел немного дальше, правда, но для того, чтобы снова понять контекст, я снова начал с номера 2, но если суд желает, я могу продолжить там где остановился. Как раз в первом периоде войну старались вести на началах рыцарства и порядочности. Если нужны доказательства тому, то вполне достаточно взглянуть на предписания, которые издавало ОКХ по вопросу поведения войск в Норвегии, Бельгии, Голландии.

Далее: каждый солдат при отправке на фронт имел в своей солдатской книжке памятку с «10 заповедями о ведении войны германскими солдатами». Фельдмаршал Мильх оглашал их здесь из своей книжки. Эти заповеди обязывали солдат вести себя подобающим образом и не нарушать международных правил ведения войны.

Банда заговорщиков во главе государства с планом, состоявшим в том, чтобы вести войну, не соблюдая никаких норм права и морали, наверное, не послала бы своих солдат в бой, отдав им письменный детально разработанный приказ, повелевающий прямо противоположное.

Я думаю, что если обвинение считает эти 22 человека заговорщиками, и именно заговорщиками против мира, правил ведения войны и против человечности, то оно ошибается.

Защитники отдельных подсудимых покажут, какое отношение имели их подзащитные, каждый в отдельности, к мнимому заговору.

Я только что упомянул, что рейхсмаршал Геринг был вторым человеком в государстве; на протяжении всего процесса это неоднократно отмечало и обвинение, пытавшееся усмотреть в этом особо отягчающее для Геринга обстоятельство, и

обвинение указывало, что в силу своего особого положения Геринг должен был иметь возможность вмешиваться во все дела правительства, самостоятельно решая важнейшие вопросы.

Эта точка зрения неверна, и она базируется на незнании, в чем заключалась исключительность положения Геринга. А заключалась она в следующем: Геринг был вторым человеком в государстве по рангу.

Этот ранг закрепился за ним, когда осенью 1934 года Гитлер, составив завещание и секретный указ, назначил Геринга своим преемником в правительстве. В 1935 или 1936 году это было зафиксировано в неопубликованном правительственном законе, подписанном всеми министрами. 1 сентября 1939 г. Гитлер объявил этот закон в Рейхстаге; таким путем преемственность Геринга стала известна всему немецкому народу.

В качестве заместителя фюрера в правительстве, Геринг выступал только в тех случаях, когда Гитлер был болен или находился в отъезде вне Германии, как это было, например, в марте 1938 года, когда Гитлер несколько дней пробыл в Австрии. Когда же Гитлер был на месте и сам выполнял свои обязанности, положение заместителя не давало Герингу никаких особых прав и полномочий. Он мог давать указания лишь непосредственно подчиненным ему ведомствам и не имел права давать служебные указания другим ведомствам. Из этого факта следует, что Геринг, будучи вторым человеком в государстве, не мог ни отменять, ни изменять, ни дополнять указания и приказы Гитлера. Он не мог отдавать распоряжения тем учреждениям, которые не были подведомственны непосредственно ему. У него не было возможности давать директивы, обязательные для других ведомств (будь то партийные органы, органы полиции, учреждения армии и флота), или вмешиваться в руководство ими.

Таким образом, положение Геринга как второго человека в государстве не может быть использовано против него в качестве особо отягчающего обстоятельства; оно не может также служить основанием для утверждения, что существовал заговор.

Подсудимый Геринг никогда не принимал участия в выработке или проведении в жизнь общего плана или заговора, который имел своим содержанием преступления, названные в обвинительном заключении.

Как я уже отмечал, участие в подобном заговоре должно было иметь в первую очередь предпосылкой существование такого общего плана и то, что его участники были едины в своем намерении провести в жизнь преступления, вменяемые им теперь в вину. В отношении Геринга такие предпосылки отсутствуют. Надо признать даже обратное. Конечно, Геринг хотел ликвидировать Версальский договор и обеспечить Германии ее прежнее положение крупной державы. Но он думал, что этой цели можно достигнуть если не при помощи правовых норм Лиги наций, то во всяком случае только политическими средствами.

Вооружение должно было только придать больше веса голосу Германии. Веймарское правительство, которое не могло самоопределиваться о немцах после 1918 в конечно самой умеренной форме германо-австрийского таможенного союза, при том, что оно само выступало за такое определение, столкнулось с отсутствием успеха своей внешней политики, по мнению и Геринга и Гитлера, в основном в результате отсутствия немецких средств представляющих силу. Находя себе поддержку в поразительных успехах Гитлера в первый период, Геринг надеялся, что мощные вооруженные силы Германии уже только одним своим существованием помогут достижению целей Германии мирным путем, пока эти цели не будут выходить за определенные границы. В политической жизни государство может выступать со своим мнением и его будут слушать только в том случае, если за его спиной стоит мощная армия, внушающая другим государствам уважение. Совсем недавно начальник американского генерального штаба Маршалл⁵²⁶ в своем втором годовом отчете констатировал: мир не считается серьезно с желаниями слабых. Слабый — это слишком большое искушение для сильных.

Германия вооружалась не для ведения агрессивной войны. Не для подготовки агрессивной войны осуществлялся и четырехлетний план, назначение и задачи которого точно выявлены в показаниях самого подсудимого и свидетеля Кернера.

Генерал-фельдмаршалы Мильх и Кессельринг⁵²⁷ единодушно показали, что созданные в ходе вооружения военно-воздушные силы имели только оборонительные цели, негодные для ведения агрессивной войны и поэтому смотрели на них как рискованное предложение. Такое скромное вооружение Германии не дает основания сделать вывод о ее агрессивных намерениях.

После всего этого ясно, что Геринг не хотел войны. По своему характеру он был противником войны. И на публике, на совещаниях с иностранными дипломатами и в своих выступлениях, он прямо высказывал со всей откровенностью свою оппозицию войне при каждой возможности.

Показания генерала Боденшаца совершенно ясно объясняют отношение Геринга к войне. Он близко знал его по Первой мировой войне, и точно знал об отношении Геринга к войне по частым беседам. Боденшац заявляет о том, что Геринг постоянно говорил ему о том, что очень хорошо знал ужасы войны по Первой мировой войне. Его цель заключалась в том, чтобы мирно решать все конфликты и уберечь немецкий народ от ужасов войны. Война всегда неясная и опаснейшая вещь и было бы невозможно положить бремя второй войны на

⁵²⁶ Джордж Кэтлетт Маршалл-младший (1880 — 1959) — американский государственный и военный деятель США, генерал армии, инициатор плана Маршалла, лауреат Нобелевской премии мира (1953). Занимал посты начальника штаба армии США (1939—1945), президентского специального представителя в Китае (1945—1947), государственного секретаря (1947—1949) и министра обороны (1950—1951).

⁵²⁷ Альберт Кессельринг (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал Люфтваффе. С 1941 командующий германскими войсками на Юго-Западе Европы. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Приговор был заменён на лишение свободы и он был досрочно освобождён в 1952.

поколение которое уже ощутило ужасы одной великой войны и её горькие последствия.

Фельдмаршал Мильх тоже знает из бесед с подсудимым Герингом о том, что он возражал войне, и что безуспешно отговаривал Гитлера от войны с Россией.

Начиная с 1933 года в своих выступлениях, в своих многочисленных речах Геринг часто подчеркивал, что он очень заинтересован в сохранении мира и что вооружение производится только для того, чтобы поднять авторитет Германии и снова обеспечить ей возможность играть на международной арене определенную политическую роль.

Его серьезную и честную волю к миру лучше всего видно по выступлению в начале июля 1938 в Каринхалле перед всеми гауляйлерами Германского Рейха. В этом выступлении он категорически подчеркнул о том, что внешней политикой Германии следует руководить так, чтобы она ни при каких обстоятельствах не привела к войне. Нынешнему поколению все еще нужно освободиться от прошлой мировой войны, еще одна война будет потрясением для немецкого народа. Геринг не имел ни малейшей причины скрывать своё истинное мнение в этом собрании, которое состояло исключительно из высшего партийного руководства. По этой причине, эта речь ценное и надежное доказательство того, что Геринг реально и истинно хотел мира.

Герингу казалось очень важным сохранить добрые отношения с Англией. Об этом говорит его поведение во время беседы с лордом Галифаксом⁵²⁸ в ноябре 1937 года в Каринхале, во время которой Геринг совершенно откровенно сообщил лорду Галифаксу о целях внешней политики Германии, сводившейся к следующему: а) аншлюс, то есть присоединение Австрии и Судетской области к Германии, б) возвращение Германии Данцига и разумное разрешение вопроса о Польском коридоре. При этом Геринг указал, что он не желает войны и может способствовать Англии разрешить этот вопрос мирно.

Встреча в Мюнхене осенью 1938 года состоялась по его инициативе. Мюнхенское соглашение обязано своим возникновением в значительной мере его влиянию.

Когда в марте 1939 года в результате оккупации оставшейся части Чехословакии и возмутительного поведения Гитлера, нарушившего Мюнхенское соглашение, отношения с Англией значительно ухудшились, Геринг приложил все усилия для восстановления нормальных отношений. Для достижения этой цели он организовал встречу с английскими промышленниками, которая состоялась в Сенке-Ниссен-Коог в начале августа 1939 года и о которой здесь рассказывал свидетель Далерус⁵²⁹. В речи, произнесенной тогда, Геринг указал, что ни в коем случае нельзя

⁵²⁸ Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. в 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

⁵²⁹ Биргер Далерус (1891 - 1957) - шведский предприниматель, дипломат-любитель и друг Германа Геринга.

допустить, чтобы началась война с Англией. Он просил участников беседы в меру сил содействовать восстановлению хороших отношений с Англией.

Когда после речи Гитлера, произнесенной на совещании командующих войсками 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге и неоднократно цитированной здесь, возникла угроза войны, Геринг немедленно, то есть на следующий же день, вызвал к себе из Швеции Далеруса и, действуя через голову министерства иностранных дел и на свой страх и риск, попытался добиться взаимопонимания с Англией для предотвращения войны.

Здесь выдвигалось возражение, что Геринг, мол, не посвятил Далеруса в свои истинные намерения и что его устремления были направлены не на сохранение мира, а лишь на то, чтобы побудить Англию отказаться от договора о взаимопомощи с Польшей, то есть разобщить Англию и Польшу, после чего Германия могла бы оказать на Польшу давление и Польша подчинилась бы ее требованиям, или начать наступление на Польшу и, ничем не рискуя, осуществить свой план в отношении нее. Сомневаться в том, что Геринг желал мира, несправедливо, вмененное намерение было далеко от мыслей Геринга.

Если это сомнение основывается на том, что Геринг не сообщил свидетелю Далерусу содержания речей фюрера от 23 мая 1939 г. и от 22 августа 1939 г., то оно неубедительно и ничего не дает. Ни при каких условиях Геринг не мог сообщить об этих строго секретных речах кому-то третьему, а тем более иностранцу, не подвергая себя обвинению в государственной измене и измене родине. Кроме того, эти речи не имели значения для выполнения того поручения, которое давалось свидетелю, тем более что налицо была особая ситуация, так как попытки дипломатов остановились на мертвой точке, и Геринг, не найдя другого выхода, решил в качестве крайней меры воспользоваться своими личными связями, своим личным влиянием и своим личным авторитетом.

Для выполнения поручения Далерусу было важно лишь то, что внешнеполитическое положение Германии в результате известного свидетелю инцидента между Германией и Польшей угрожающе обострилось и теперь в результате соответствующего отношения со стороны Англии должно было быть вновь переведено в мирное русло.

Геринг не добивался разобщать Англию и Польшу. Это следует со всей очевидностью из того факта, что вначале Геринг передал британскому послу в Берлине Гендерсону текст ноты, содержавшей предложения, которые Германия делала Польше и которые были квалифицированы Гендерсоном как умеренные, и этим он пытался достичь переговоров непосредственно с Польшей. Но Польша совершенно откровенно не желала соглашения с Германией. На это указывают различные обстоятельства:

а) конфликт с Польшей длился почти год. Почему Польша не потребовала его разрешения на третейском суде, с которым был подписан специальный договор?

Почему Польша не обратилась в Лигу наций? Очевидно, она не хотела, чтобы третейский суд вынес приговор по вопросу о Данциге и коридоре;

б) о нежелании Польши установить взаимопонимание с Германией еще яснее говорит заявление польского посла Липски⁵³⁰, сделанное им послу Форбсу⁵³¹ и переданное здесь свидетелем Далерусом. Липски заявил, что его не интересует какая-либо нота и какое-либо предложение Германии, но он уверен, что в случае войны в Германии тотчас же вспыхнет восстание и польская армия триумфально двинется на Берлин. Это отрицательное и непонятное отношение Польши находит свое объяснение, по-видимому, в том, что, получив гарантии со стороны Англии, она почувствовала себя слишком уж сильной и уверенной. Указание на предстоящее восстание дает основание полагать, что Польша была осведомлена о планах группы Канариса. Таким образом, ни о каком двусмысленном поведении Геринга или о его фальшивой игре не может быть и речи.

Серьезное стремление подсудимого Геринга к сохранению мира и установлению хороших отношений с Англией признается также послом Гендерсоном, который, зная хорошо положение в Германии и имея связи с руководителями Германии, имеет наиболее верное суждение о Геринге. Я ссылаюсь на его цитату из его известной книги «Провал миссии», в которой на 83-й странице говорится дословно следующее:

«Я хотел бы здесь выразить свою уверенность в том, что фельдмаршал, если бы это зависело от него, не затеял бы войны, как это сделал Гитлер в 1939 году. Как будет показано ниже, в сентябре 1939 года Геринг решительно стоял на стороне мира».

Лорд Галифакс также заявил, что и у него не было никаких сомнений в том, что все усилия Геринга, направленные против возникновения войны, были искренними.

То, что после начала войны, которой Геринг стремился помешать всеми имеющимися в его распоряжении средствами, но которой помешать он не смог, он, как главнокомандующий ВВС, отдавал все свои силы для победы Германии, не находится ни в каком противоречии с серьезностью его стремления не допустить войны. С этого момента он знал только свой долг солдата по отношению к своей родине.

Гитлер несколько раз выступал перед командующими войсками с речами, например, в ноябре 1937 года, 23 мая 1939 г. и 22 августа 1939 г. Во время допроса Геринг весьма подробно изложил значение и смысл этих выступлений. Для решения вопроса о том, означает ли факт присутствия на совещаниях, на которых имели место эти выступления, участие в заговоре в духе обвинительного заключения,

⁵³⁰ Юзеф Липски (1894 — 1958) — польский дипломат. В 1934—1939 годах занимал должность посла в Германии, в этом качестве играл ключевую роль во внешней политике Польши перед Второй мировой войной.

⁵³¹ Джордж Огилви-Форбс (1891 — 1954) — британский дипломат. В 1937-1939 советник посольства Великобритании в Германии.

важно констатировать, что в этих выступлениях Гитлер односторонне излагал свое мнение по военным и политическим вопросам. Он информировал участников совещания только о том, в каком направлении будут развиваться события. Мнение участников совещания никогда не спрашивалось как и не имели никакой возможности высказать критику мнения Гитлера. Гитлер не просил своих генералов понимать его приказы, все о чем он просил заключалось в том, чтобы они их исполняли.

Его единоличное руководство государством направлял принцип *sic volo, sic jubeo*, который он осуществлял до своего логического завершения. Насколько твердо Гитлер следовал данному принципу можно понять из того, что после выступления от 23 мая 1939 как заявил Мильх в своих показаниях – он прямо запретил всем участникам комментировать речь, даже друг с другом. Из вышеупомянутых выступлений участники совещаний не могли узнать и так и не узнали, имелось ли у Гитлера твердое намерение начать агрессивную войну. Это подтверждают единодушно все присутствовавшие во время этих выступлений.

В то время Гитлер действительно не собирался вести войны. В этом отношении очень интересно показание генерал-фельдмаршала Мильха. Этот свидетель в личных докладах Гитлеру в последовавшие за речью от 23 мая 1939 г. месяцы неоднократно указывал ему, что бомбардировщики не готовы к началу военных операций, и что не накоплено запаса бомб. Однако Гитлер отказывался от подписания приказа о производстве бомб, заявляя, что нет необходимости их производить, что это излишне. Гитлер оставался при своем, хотя Мильх обращал свое внимание на то, что на производство их уйдет несколько месяцев. Соответствующий приказ Гитлер подписал только 12 октября 1939 г.

То, что излагал Гитлер главнокомандующим, легко объяснить его особенностью, заключающейся в том, что он зачастую развивал идеи, не думая о конкретных условиях их осуществления. Его политика в практических вопросах определялась в каждом отдельном случае потребностями дня.

Подсудимый обвиняется в ограблении оккупированных Германией областей и тем самым в нарушении Гаагских правил ведения сухопутной войны⁵³². Это обвинение необоснованно.

Во время допроса подсудимый Геринг привел убедительные доводы, почему он считал, что Гаагские правила ведения сухопутной войны от 1899 и 1907 годов не могут быть применимы к современной войне; он считал, что к началу Второй мировой войны эти правила были в некотором отношении устаревшими и недостаточными. Во время возникновения их еще не были известны воздушная война, экономическая война и психологическая война. Неизвестна была также и

⁵³² Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны – международно-правовое соглашение определяющее поведение воюющих сторон при ведении войны на суше. Принята в Гааге 18 октября 1907 г.

тотальная война, на службу которой без остатка ставится весь народ и все народное хозяйство. Вовсе не рассматривалась экономическая война. Поэтому экономическая война находилась под старым девизом Гуго Гроциуса, что в войне разрешается все, *quod ad finem belli necessarium est*⁵³³.

Естественно, что этот принцип действует постольку, поскольку не было установлено договором какое-нибудь отклоняющееся от этого правило.

Что касается современного правового положения, то следует сказать:

До начала Первой мировой войны согласно международному праву — во всяком случае, поскольку речь идет о сухопутной войне, — было неоспоримо, что война не затрагивает частноправовые отношения между гражданами воюющих государств, что в принципе частная собственность остается неприкосновенной, что война ведется только вооруженными силами и что она не затрагивает гражданское население противника. С началом Первой мировой войны этот метод ведения войны претерпел принципиальное изменение, когда Англия в области морской войны применила свою точку зрения о войне как войне народа против народа. Тогда вражеские державы, невзирая на все установленные правила ведения морской войны и правила о нейтралитете, начали проводить блокаду с тем, чтобы отрезать подвоз необходимого сырья и продуктов питания и тем самым парализовать все германские народные силы. Этот новый способ ведения войны соответствовал англо-саксонской точке зрения, к которой в начале Первой мировой войны присоединилась Франция, а именно, что война должна вестись не только против воюющей армии, но и против всего населения врага. Гражданин вражеского государства являлся врагом Англии. Его собственность была собственностью врага и могла быть захвачена английской государственной властью. Вследствие этого морская война была направлена не только против вооруженных сил, но и против мирных жителей воюющего противника. Эта цель была достигнута путем проведения Англией тотальной блокады. Гаагское соглашение не предусматривало тотальной блокады в той форме, в которой она проводилась со стороны Англии. Вследствие этой блокады у Германии была отнята возможность всякого снабжения через нейтральные страны.

При этих обстоятельствах нельзя поставить в вину Германии, что она применяла методы морской войны, используемые Англией, для ведения сухопутной войны.

Это положение дел приводит к следующему выводу:

Правила ведения сухопутной войны по своему духу относились к сухопутной войне. Там господствовал принцип защиты частной собственности. В противоположность этому, в морской войне частная собственность не защищена. Поэтому могут ли иметь силу правила ведения сухопутной войны с

⁵³³ «Что приносит пользу войне то законно» (лат.)

их ограничениями в комбинированной сухопутно-морской войне? Было бы справедливым, чтобы на море у одного отнимались ценности, в то время как он не имел бы права дотронуться до подобных же ценностей на суше, принадлежащих отнимавшему?

По существующему международному праву, как и прежде, имеет силу принцип, согласно которому частная собственность в войне остается неприкосновенной. Этот принцип нарушается только в случаях, когда Гаагские правила ведения сухопутной войны разрешают известное вторжение в область частной собственности. Поводом к такому вторжению может быть крайняя необходимость государства; вторжение оправданно в той мере, в какой кажется необходимым в интересах самосохранения государства. В этих рамках в войне разрешаются также действия, которые в принципе не соответствуют военному праву, то есть сами по себе противоречат международному праву.

Ввиду того, что вражеский способ ведения войны пренебрегал существующими правилами ведения морской войны, Германия оказалась в бедственном экономическом положении. Если бы враждебные государства уважали это право ведения морской войны, то Германия могла бы снабжать себя через нейтральные страны. Если бы не была проведена блокада Германии всеми мерами, не противоречащими международному праву, Германия не очутилась бы в бедственном экономическом положении во время войны. Если сами враждебные державы не выполняли существующих правил проведения блокады, разве они могут требовать от Германии, чтобы она ограничилась только положениями о реквизиции правил ведения сухопутной войны?

В результате такого образа действий враждебных держав Германия оказалась в бедственном положении. По существующим сейчас понятиям, предпосылкой бедственного положения, согласно международного права, является существующая или непосредственно предстоящая опасность для государства, которая не может быть предотвращена другим способом и которая непосредственно угрожает жизненным интересам, а также независимости и существованию государства.

Так, всякий раз где жизненные интересы государства поставлены под такую угрозу, что есть состояние крайней национальной необходимости, нельзя, по моему, считать, что государство нарушает международное право, если оно прибегает к методам, необходимым для предотвращения угрожающей опасности.

Вследствие образа действий вражеских держав экономическое положение Германии в ходе Второй мировой войны стало в высшей степени угрожающим. В результате тотальной блокады у Германии была полностью отнята возможность какой-либо связи с нейтральными странами; поэтому стало невозможно достаточное снабжение сырьем, необходимым для ведения войны, и питанием, необходимым для снабжения гражданского населения.

Вследствие этого Германия в целях поддержания своей собственной экономики, которая в противном случае потерпела бы крах, была вынуждена использовать в своих интересах находившиеся на оккупированной вражеской территории запасы сырья и продовольствия, а также предметы, необходимые для продолжения войны. Германия должна была также заботиться о находящемся на оккупированных территориях гражданском населении. При этом учитывались принципы, изложенные в преамбуле к соглашению относительно закона и правил ведения сухопутной войны от 18 октября 1907 г. в том виде, в каком они вытекали из обычаев, установленных цивилизованными народами, из законов человечности и из требований общественной совести. Отказ от использования вспомогательных источников в оккупированных областях означал бы отказ от независимости и существования, означал бы безусловное подчинение. Необходимость, которая заставляет подчиниться войне, является высшим и истинным бедствием в жизни государства.

Во всяком случае, путем ссылки на крайнюю необходимость прикрывались такие действия, которые были необходимы для устранения опасности, которая не могла быть устранена каким-либо другим способом. Естественно, что границы расплывчаты и поэтому в отдельном случае не всегда легко установить, имеется ли перед нами истинное действие, установленное бедственным положением. Здесь трибунал должен будет учесть в пользу подсудимого особые обстоятельства и условия военного времени, о которых трудно составить себе полное представление.

То, что подсудимый умышленно или по небрежности пренебрег границами, не доказано.

На исследование трибунала остается вопрос может ли подсудимый быть лично привлечен к ответственности за возможно преднамеренное или сделанное по небрежности нарушение, которое было совершено им исключительно как уполномоченным фюрера, или в таких случаях несет ответственность только государство — этот вопрос ставится на рассмотрение трибунала. Со своей стороны, мы считаем, что здесь имеет место только деликт против международного права, который не может служить основанием для личной ответственности.

Положение на восточном театре военных действий имело свои особенности, так как в России не было частной собственности, а имелось только государственное хозяйство, строго регулируемое центром. Здесь правовое положение было в общем таково, что собственность вражеского государства могла быть используема как военная добыча. Изложенные в «Зеленой папке» правила не имели целью грабеж или уничтожение населения, как об этом утверждало обвинение. Скорее, объектом ее была экономическая мобилизация и пуск хозяйства, охват и планомерное использование запасов, средств связи в областях, которые подлежали оккупации во время войны, причем в

особенности было оговорено, что следовало считаться с большими разрушениями, если учитывать отношение русских. В этой папке нигде не содержится приказа или указания, которое бы ложилось бременем на определенные группы народа, сверх той необходимости, которая обусловлена войной. Это положение, за которое подсудимый Геринг взял на себя полную ответственность, не дает повода к возражениям.

Нельзя не учитывать, что речь идет о войне, связанной с такими трудностями и такого размаха, такой продолжительности и такого тотального характера, о которых творцы Гаагских правил ведения сухопутной войны определенно не только не имели, но и не могли даже иметь хотя бы малейшего представления. Эта война была войной, во время которой борьба шла за существование или гибель народов. Это была война, во время которой переоценивались все ценности. Таким образом, подсудимый совершенно прав, сказав: «В конце концов, в борьбе не на жизнь, а на смерть нет никакой законности».

С точки зрения крайней необходимости может быть также оправдан и вывоз рабочих из оккупированных областей в Германию. Подсудимый подробно изложил, по каким причинам он считал эти мероприятия необходимыми. В остальном защитник подсудимого Заукеля доктор Серватиус подробно остановится на этом вопросе. Поэтому я могу отказаться от дальнейшего его рассмотрения.

Относительно обвинения в ограблении произведений искусства подсудимый дал подробные показания, оправдывающие его действия. Дополнительно следует заявить, что к охране произведений искусства в Польше он вообще не имел непосредственного отношения. Из этих произведений искусства он ничего не взял для своей коллекции. Тем самым в этом отношении никоим образом не возникает обвинения для подсудимого.

Во Франции по приказу фюрера произведения искусства, находившиеся во владении евреев, были временно конфискованы в пользу Рейха, причем здесь речь шла об имуществе, не имеющем хозяина, так как владельцы покинули страну. Из числа этих конфискованных произведений искусства Геринг получил небольшую часть с разрешения фюрера не лично для себя, а для галереи, которую он должен был создать и в которую он намеревался передать находившиеся в его владении произведения искусства. Он желал приобрести эти предметы по цене указанной французскими искусствоведами, доходы должны были распределить среди нуждавшихся французских жертв войны.

Юридическое положение было, таким образом, следующее:

Предметы были конфискованы на основании приказа фюрера в пользу Германского Рейха. Вследствие конфискации бывшие владельцы лишились своих прав владения; это право перешло к Рейху. Переданные ему предметы Геринг приобрел у Рейха как владельца этих предметов в настоящее время. Рейх,

очевидно, видел в этом одно из предварительных условий, вызванное развитием событий, к мирному договору, который должен был быть заключен после окончания войны и когда должен был произойти окончательный расчет. Положение было аналогично тому, которое создается сейчас в Германии из-за конфискации и отчуждения в счет будущего мирного договора.

Вопрос о том, имел ли Рейх юридическое право проводить эти конфискации и приобретал ли он эти предметы в собственность, остается открытым, приобретая эти предметы, Геринг думал, как он подчеркнул это в своих показаниях, что он имеет право на приобретение их, так как они были конфискованы на основании указа фюрера. Учитывая эти факты не может быть никакого вопроса грабежа.

Во всяком случае, совершенно законными являются покупки, произошедшие обычным деловым путем, предметов, которые были добровольно предложены подсудимому и которые были охотно проданы владельцами, так как они получили за них хорошую цену. То же самое относится к предметам, которые подсудимый приобрел путем добровольного обмена, во время которого партнер был полностью равноправен.

Теперь я хочу рассмотреть обвинение в расстреле 50 офицеров британских военно-воздушных сил, бежавших из лагеря военнопленных в Сагане.

В обвинительном заключении говорится: «В марте 1944 года 50 офицеров королевских военно-воздушных сил, бежавших из стационарного лагеря военнопленных «Авиация-3» в Сагане, были убиты после их поимки». Судя по более позднему представлению обвинением документов, речь идет здесь о следующем случае: В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. из лагеря военнопленных «шталаг авиации-3» в Сагане бежали 76 офицеров английских королевских военно-воздушных сил. 50 из этих офицеров были после их поимки расстреляны СД.

Следует установить, кто дал приказ о расстреле. Имел ли рейхсмаршал Геринг какое-либо отношение к этому случаю? В частности, содействовал ли он изданию приказа о расстреле этих 50 летчиков? Одобрял ли он эту меру, хотя она являлась грубым нарушением статьи 50 Женевской конвенции об обращении с военнопленными⁵³⁴?

Обвинение утверждает, что подсудимый Геринг содействовал изданию этого приказа. Оно ссылалось, в частности, на заявления генерал-майора Вестхофа⁵³⁵ и криминальрата Вилена⁵³⁶, составленные в английском плену. Однако

⁵³⁴ Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

⁵³⁵ Адольф Вестхоф (1899 – 1977) – генерал-майор Вермахта. В 1943-1944 начальник службы по делам военнопленных ОКВ.

⁵³⁶ Макс Вилен (1883 - ?) – Оберштурмбаннфюрер СС. Начальник Гестапо и Крипо в Бреслау. Британским трибуналом осуждён к пожизненному заключению. Освобожден в 1952.

допрос этих свидетелей в суде, а также дальнейшее представление доказательств показали, что первоначальные показания Вестхофа и Вилена были неточными как в отношении присутствия Геринга при обсуждении военной обстановки у Гитлера, так и в отношении его осведомленности о приказе относительно расстрела. Эти показания основывались на предположениях. Результаты доказательств были следующими:

На общем совещании 25 марта 1944 г. Гиммлер доложил фюреру о побеге 76 офицеров. По этому поводу Гитлер упрекал генерал-фельдмаршала Кейтеля; в побеге он усматривал значительную угрозу для общественной безопасности, так как бежавшие офицеры могли поддержать находящихся в Германии 6 миллионов иностранных рабочих при организации вооруженного восстания. Гитлер отдал затем приказ: «Военнопленных оставить у Гиммлера». Кейтель категорически отказался передать Гиммлеру 15 офицеров, которые уже были пойманы вооруженными силами и возвращены в лагерь; с этими офицерами ничего не случилось.

Приказ о том, что военнопленные, которые должны были остаться у Гиммлера, должны быть расстреляны, не был дан Гитлером на этом обсуждении положения в присутствии Кейтеля. Таких мер ни Кейтель, ни Йодль не ожидали. Йодль полагал, что бежавшие военнопленные будут на некоторое время заключены в концентрационный лагерь. Рейхсмаршал Геринг, как одинаково показали Кейтель и Йодль в качестве свидетелей, не присутствовал на этом совещании, поэтому невозможно, чтобы генерал-фельдмаршал Кейтель на совещании с генералом Вестгофом мог заявить, что рейхсмаршал Геринг во время обсуждения положения упрекал его за побег военнопленных.

Генерал Коллер показал в качестве свидетеля, что генерал Кортен во время телефонного разговора, приблизительно в конце марта или начале апреля 1944 г., заверил его в том, что военно-воздушные силы, а именно рейхсмаршал и он сам, Кортен, не принимали участия в издании этого приказа и узнали о нем лишь после. Далее, Коллер подтверждает, что рейхсмаршал был сильно возмущен этим расстрелом. Эти заявления полностью согласуются с изложением рейхсмаршала Геринга, который в момент обсуждения этого вопроса у Гитлера находился в отпуске. О факте побега ему доложил по телефону его адъютант. Лишь после своего возвращения из отпуска на пасху 1944 года он узнал от своего начальника генерального штаба Кортена о том, что военнопленные расстреляны. Этим последним сообщением рейхсмаршал Геринг был страшно возмущен, ибо он осуждал эту меру, как таковую, и, кроме того, опасался репрессалий по отношению к своим собственным летчикам. На запрос Гиммлер подтвердил рейхсмаршалу Герингу то, что расстрел был произведен им с обоснованием, что ему был дан соответствующий приказ Гитлера.

Благодаря этой беседе стало ясно, почему был возможен расстрел и

почему выполнение его могло быть сокрыто от вооруженных сил. Гитлер в отсутствие Кейтеля и Йодля отдал Гиммлеру приказ о расстреле, который затем, без ведома вооруженных сил, передал приказ главному имперскому управлению безопасности и, судя по показаниям Кальтенбруннера, - непосредственно Мюллеру и Небе.

Рейхсмаршал Геринг из-за этого события не только упрекал Гиммлера - так как он выполнил этот приказ, не посоветовавшись с Герингом - но и на более поздних совещаниях с Гитлером резко протестовал против этой меры. По этому поводу между Герингом и Гитлером имели место ссоры.

Так как Геринг осуждал такие случаи, он через короткое время после этого ходатайствовал о передаче лагерей военнопленных ОКВ. На вопросы генералу-фельдмаршалу Кейтелю в качестве свидетеля подтвердил, что через несколько недель после этого случая он получил письмо от генерал-квартирмейстера военно-воздушных сил, в котором военно-воздушные силы ходатайствовали о передаче своих лагерей ОКВ.

Этот результат представления доказательств, благодаря которому - как подчеркнуто - исправлены некоторые пункты первых отклоняющихся показаний свидетеля Вестхофа и Вилена, а также первого заявления Кейтеля от 10 ноября 1945 г., оправдывает констатацию, что рейхсмаршал Геринг никаким образом не было вовлечен в это дело, что он категорически осудил это, когда узнал об этом. В связи с этим он не может быть признан ответственным за этот, в высшей степени прискорбный приказ, воспрепятствовать которому было свыше его сил.

Далее обвинение говорит о суде Линча, который в отдельных случаях в 1944 году был осуществлен немецким населением по отношению к сбитым вражеским летчикам. За эти события ответственность возлагается на подсудимых, в частности, также на рейхсмаршала Геринга. Обвинение в том, что подсудимый Геринг или вооруженные силы каким-либо образом причастны к этим случаям, что они издали соответствующие приказы или распоряжения, или даже только одобряли такое поведение, оказывается совершенно неосновательным. В этом вопросе с помощью представления доказательств была создана полная ясность в пользу подсудимого.

Для подтверждения своих обвинений против рейхсмаршала Геринга обвинение в первую очередь ссылается на протокол от 19 мая 1944 г. (документ L-166) так называемое «Охотничье совещание», которое имело место 15 и 16 мая 1944 г. под руководством подсудимого.

В параграфе 20 этого протокола записаны высказывания Геринга о том, что он предложил фюреру дать указание расстреливать вражеских летчиков-террористов немедленно на месте совершения преступления. Подсудимый со всей решительностью оспаривает какое-либо подобное высказывание и отмечает следующие обстоятельства которые опровергают какое-либо подобное заявление:

Заседание продолжалось свыше двух дней. Обсуждались многочисленные технические организационные вопросы. Вопрос, затронутый в § 20, не имеет ни малейшего отношения к объекту обсуждения и, прежде всего, выходит за рамки цели совещания. Это замечание находится в тексте обсуждения темы, которая относилась к совершенно иным вещам и в этой связи совершенно непонятна. Кроме того, такой приказ Геринг - если бы он его одобрял и хотел - при известном отношении фюрера мог отдать непосредственно сам.

Решающим является то, что это заявление находится в полном противоречии с принципиальным отношением подсудимого. Он всегда придерживался того мнения, что сбитый вражеский летчик является товарищем и что с ним надо обращаться как с товарищем, на что мною указывалось также и в другой связи. Также и в вопросе обращения с летчиками-террористами он со всей откровенностью выступал против представляемого Гитлером мнения и не скрывал от Гитлера своего совершенно иного отношения.

При его всегда одинаковом отношении и последовательном поведении совершенно исключено, что вдруг неожиданно предложил Гитлеру издать вышеупомянутый приказ против летчиков-террористов - приказ, против которого он боролся со всей энергией и осуществлению которого он пытался воспрепятствовать всеми средствами, как только ему стало известно о нем. И ему удалось воспрепятствовать его осуществлению. Если на этом совещании действительно говорилось о летчиках-террористах, то это замечание могло быть сделано лишь в том смысле, что фюрер предложил такие меры.

Относительно этого протокола в принципе следует заметить также следующее: речь идет о сокращенной записи одного молодого офицера о двухдневном совещании, на котором говорилось очень много и на котором отдельные лица часто перебивали друг друга. Опыт, собранный во многих других случаях, учит, что такие записи часто являются очень ненадежными, а иногда совершенно извращенно передают содержание переговоров, так как автор записи, особенно если присутствуют многие участники, да к тому же перебивают друг друга, не может следить за ходом совещания и поэтому неправильно передает его содержание, и к тому же путает отдельных лиц. Этим объясняются многие фактические ошибки, а также неполнота и ненадежность таких протоколов. Этот протокол никогда не был представлен подсудимому. Таким образом, он не мог проверить его содержание и исправить ошибки.

Подобные записи, которые составляются в вышеописанной форме и не представляются участникам для просмотра и утверждения, не имеют ценности для представления доказательств. Сами по себе они не могут служить достаточным доказательством для обвинения подсудимого. Поэтому они могут

быть использованы против участников лишь в том случае, если спорные факты подтверждаются другими средствами доказательства, не содержащимися в этом протоколе. В данном случае иным путем не подтверждается, что Геринг действительно сделал высказывания, записанные в § 20, и говорил с Гитлером в этом направлении.

Заметка от 21 мая (документ PS-731) не может служить подтверждением этому утверждению. Замечание: «Генерал Кортен сообщает после доклада рейхсмаршала» по неопровержимым показаниям подсудимого не имеет того значения, что рейхсмаршал делал доклад Гитлеру об этом вопросе, а имеет лишь тот смысл, что Кортен сделал соответствующий доклад рейхсмаршалу, и Кортен действительно сообщил рейхсмаршалу о приказе фюрера.

Остальное представление доказательств ясно показало, что Геринг выступал против особого обращения со сбитыми вражескими летчиками-террористами и приказа Гитлера.

Свидетель полковник Бернд фон Браухич⁵³⁷ отмечал в своём допросе 12 марта 1946, что весной 1944 был резкий рост потерь среди гражданского населения в результате пулеметных атак вражеских летчиков. Эти атаки вражеских летчиков были направлены внутри Германии против гражданских работавших в полях, второстепенных железных дорог не имевших никакого военного значения и против пешеходов и велосипедистов. В этом случае имело место грубое нарушение Гаагских правил ведения сухопутной войны, согласно которым запрещаются всякие военные действия против мирного населения страны, всякое нападение и всякий обстрел незащищенных городов, деревень, населенных пунктов или зданий.

Это поведение, явно нарушающее международное право, по мнению свидетеля фон Браухича, побудило Гитлера предусмотреть наряду с приказами об обороне также приказы о мерах против самих летчиков. При этом Гитлер, насколько это известно свидетелю, выступая за самые строгие меры, должен был дать ход суду Линча.

Это отношение Гитлера к нарушениям международного права вражескими летчиками, однако, не встретило одобрения вооруженных сил, в частности, рейхсмаршала Геринга и его начальника генерального штаба генерала Кортена. Оба, правда, строжайше осуждали атаки вражеских летчиков, направленные исключительно против беззащитного гражданского населения. Однако, несмотря на это, они отбрасывали мысль о выдаче сбитых летчиков взбешенной толпе для совершения суда Линча и не считали, что эти меры являются подходящим средством для борьбы с этим нарушающим международное право поведением.

⁵³⁷ Бернд фон Браухич (1911 – 1974) – полковник Люфтваффе. В 1941 – 1945 адъютант Г. Геринга.

В том же смысле высказался свидетель, генерал Коллер. Генерал Кортен в начале июля 1944 г. сообщил этому свидетелю о том, что фюрер имеет намерение издать приказ о том, что летчиков-террористов следует обречь на суд толпы.

В неоднократных беседах свидетель Коллер и генерал Кортен единодушно пришли к заключению, что следует отклонить это намерение фюрера. Конечно, они считали жестокими непосредственные налеты вражеских летчиков дальнего действия на отдельных гражданских лиц, женщин и детей, группы гражданских лиц, находящихся на прогулке школьников и детей из детских садов, крестьян на полевых работах, а также нападения на пассажирские поезда гражданского сообщения и госпитали, однако оба не видели в намеченном приказе фюрера доступного пути решения этой трудной проблемы. Они считали, что такой приказ находился в противоречии с солдатскими принципами, военными правилами и международным правом, и что он может явиться причиной многочисленных случаев жестокости, вследствие которых могут потерпеть ущерб как вражеские, так и собственные экипажи. В конце концов, такой приказ в своих последствиях мог вредно подействовать также на мораль собственных экипажей.

Все эти причины побудили отклонить требования Гитлера и стремления вооруженных сил были направлены только на то, чтобы воспрепятствовать осуществлению неодобряемого намерения Гитлера. Свидетель фон Браухич сообщает очень достоверные сведения о том, что с этого момента вооруженные силы искали выход, который видели в том, чтобы высшим инстанциям проинсценировать осуществление мер, которые на самом деле не выполнялись.

Свидетель Браухич получил от рейхсмаршала Геринга поручение переговорить с ОКВ об ограничении понятия «летчик-террорист». В имевших место в связи с этим переговорах и переписке обсуждались случаи, которые представляли собой нарушение международного права и которые надо было рассматривать как преступные действия. С помощью такого установления хотели воспрепятствовать суду Линча. Переписка, продолжавшаяся длительное время, показывает тенденцию этих учреждений по возможности затянуть это дело.

С полным правом свидетель Колер подчеркивает, что эта переписка имеет все признаки «борьбы за время», т.е. участники или не желали никакого решения, или откладывали принятие его на возможно более долгий срок.

В частности, заметка на полях документа D-785: «От командующего военно-воздушными силами не получен ответ» допускает тот вывод, что

рейхсмаршал намеренно затягивал все дела. Кроме того, рейхсмаршал Геринг, как это ясно следует из письма от 19 июня 1944 г., встал на ту точку зрения, что в любом случае совершенно необходим судебный процесс против летчиков-террористов. Если в более позднем документе от 26 июня 1944 г. сказано: «... рейхсмаршал согласен с представленной формулировкой понятия летчик-террорист и предложенным образом действия», то согласие с образом действия относится исключительно к заключительному абзацу письма от 15 июня 1944 г., где полагается опубликовать сообщения о таких случаях, согласие на что и просили у рейхсмаршала Геринга. То, что рейхсмаршал до конца войны стоял на точке зрения старого летчика, по которой вражеского летчика, как только он сбит, следует рассматривать как товарища, и также обращаться с ним, категорически подтверждает не только свидетель генерал-фельдмаршал Мильх, но и подчеркивает генерал Коллер следующими словами:

«Независимо от имевших иногда место высказываниях неудовольствия, позиция рейхсмаршала всегда оставалась корректной и рыцарской соответственно его традиции, оставшейся с Первой мировой войны, которую он часто подчеркивал. Жесткие слова, произнесенные им в понятном раздражении в связи с величайшими трудностями противовоздушной обороны под давлением Гитлера, скоро забывались», - и свидетель не знает ни одного случая, «когда такое естественное неудовольствие не привело рейхсмаршала к некорректным или жестоким мерам против членов вражеских военно-воздушных сил».

Так и позиция всех военно-воздушных сил всегда была корректной и человечной. Борьбаться рыцарски было делом чести немецких летчиков. При этом мнения оставались военно-воздушные силы, а также подсудимый Геринг, хотя воздушные войска с большой горечью воспринимали нападение противника с использованием бортового оружия на немецких выпрыгнувших с парашютом летчиков, как это упоминает Коллер, и отдельные случаи использования таких же мер являлись актом расплаты.

Лучшим свидетельством образцового товарищеского отношения военновоздушных сил также и по отношению к врагу, который не соблюдал правила военного права, является описание свидетелем Коллером использования службы спасения на море военно-воздушных сил, которая в одинаковой степени оказывала помощь как немцам, так и врагам, и даже при нарушающих международное право нападениях со стороны противника не отказалась от своего стремления оказывать в нужде помощь врагу и другу.

Соответственно этому следует констатировать: вооруженные силы и подсудимый Геринг отклонили суд Линча, а также всякие иные меры против

летчиков-террористов, которые не согласовывались с юридическими постановлениями и не издали никаких приказов подчинявшимся им войскам; также ни в одном случае военно-воздушными силами или армией вражеские летчики не были расстреляны или переданы СД.

Обвинение ставит в вину подсудимому Герингу, что он незамедлительно после 30 января 1933 г., занимая пост прусского министра внутренних дел, а вскоре затем — прусского министра-президента, создал в Пруссии режим, при котором господствовал террор в целях подавления всякой оппозиции программе нацистов. Для осуществления своих планов он использовал прусскую полицию, которой уже в феврале 1933 года для защиты нового правительства он дал приказ действовать беспощадно против всех политических врагов, не считаясь с последствиями. Для обеспечения власти он создал страшную тайную государственную полицию (Гестапо) и уже весной 1933 года — концентрационные лагеря.

Относительно этих обвинений следует сказать следующее:

Само собой разумеется, что это не может быть поставлено в вину подсудимому, а, наоборот, означало бы тяжелое нарушение порученных подсудимому обязанностей, если бы он со всей силой не выступил на защиту нового правительства и не принял бы все мыслимые меры для того, чтобы с самого начала сделать невозможным любое нападение на это новое правительство. Для достижения этой цели в первую очередь использовались полицейские учреждения.

Расследовать нужно лишь вопрос о том, были ли недопустимыми средства, использование которых подсудимый считал необходимым. На этот вопрос надо ответить отрицательно по следующим соображениям.

Полиция в любом государстве является внутривластным инструментом власти; во всяком государстве она имеет своей задачей поддерживать правительство, защищать его во всех отношениях и, в случае необходимости, силой оружия обезвредить нарушителей порядка и права. Такие же задачи подсудимый поставил находившейся под его руководством полиции, которую он призывал в упомянутой обвинением речи действовать энергично и честно исполнять свой долг. Каким образом подобный призыв к выполнению долга может быть недопустимым, остается непонятным.

Во время допроса подсудимый Геринг подробно изложил, по каким причинам и на основании каких принципов он считал, что необходимо предпринять реорганизацию полиции. Эти причины никоим образом не могут быть подвергнуты сомнению.

В этой связи следует указать на то, что согласно существующим принципам международного права суверенные государства имеют право регулировать свои внутривластные отношения по своему усмотрению. Реформа полиции исключительно внутреннее дело. О нарушении общепризнанных правил международного права, следовательно не может идти и речи.

Политическая полиция существовала в Пруссии и до прихода Гитлера к власти. До 30 января 1933 г. это был отдел полиции 1«а», в круг задач которого входили наблюдение и борьба с политическими противниками - в частности, с национал-социалистами и коммунистами. Подобная полиция с аналогичным грузом задач была необходима также и после прихода к власти, чтобы обезопасить новое государство от нападений, которых можно было опасаться, особенно со стороны очень сильной коммунистической партии.

В объяснение того, что этот отдел полиции должен был заниматься исключительно защитой государства от его врагов, он получил название государственной тайной полиции. До тех пор пока полицией руководил подсудимый Геринг - фактически это имело место до 1934 года, так как с этого момента руководство было передано Гиммлеру - она удерживалась в рамках предначертанных задач, не превышала своих прав и не имели место какие-либо серьезные перегибы. Представление доказательств по этому времени не выдвинуло против подсудимого Геринга каких-либо обвинений. Если в более позднее время тайная государственная полиция превышала свои права и совершала незаконные действия, то подсудимый не знал о такой позиции и не одобрял ее. За возможные, неизвестные ему ошибки и преступления своих преемников он не может нести ответственности.

Здесь выступил один свидетель, представивший обвинение подсудимому: доктор Гизевиус. Подсудимый категорически отказывается заниматься этим свидетелем и его показаниями. Он хочет указать лишь на то, что показания во всех обвиняющих пунктах являются неверными. Доказательная сила показаний зависит от оценки достоверности показаний этого свидетеля. Мой коллега, доктор Нельте, подробно обсудит этот вопрос, так что я для избежания повторений не буду обсуждать его.

Захват власти национал-социалистической партией, естественно, натолкнулся на сопротивление, и прежде всего со стороны левых партий, которые не были согласны с положением, создавшимся вследствие этого прихода к власти. Противники вовсе не были слабыми ни в численном отношении, ни в отношении имевшихся в их распоряжении средств. По этой причине новые правители увидели серьезную опасность для своей власти в том, что эти враждебные им партии будут беспрепятственно продолжать свою деятельность, поэтому они должны были своевременно и заранее обезопасить себя от такой угрозы. Чтобы стабилизировать собственную власть и с самого начала в зародыше подавить всякую возможность волнений, подсудимый Геринг по соображениям государственной целесообразности считал необходимым одним разом арестовать вождей и деятелей коммунистической партии и смежных с нею организаций. О причинах таких действий подсудимый сам подробно рассказал. Для устранения опасности и для обеспечения безопасности государства принятые подсудимым меры вызывались государственной

необходимостью. Так как речь шла о превентивных мерах, то для ареста вовсе не было необходимой предпосылкой совершение наказуемого антигосударственного действия или наличие подготовки к совершению его. Для ареста было достаточно — так как речь шла о политическом акте государственной самозащиты — принадлежности к одной из упомянутых выше групп и активного участия в них.

Эти соображения вскоре после прихода к власти привели к созданию концентрационных лагерей, число которых в то время, когда подсудимый Геринг руководил полицией, составляло два. В этих лагерях должны были быть размещены политические ненадежные лица, угрожающие безопасности нового государства до тех пор, пока они или привыкнут к новым политическим условиям, или сила государства укрепитя настолько, что они уже не смогут быть опасны новому государству.

Свое юридическое обоснование эти лагеря нашли в распоряжении рейхспрезидента о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г. Это распоряжение было издано президентом фон Гинденбургом на основании статьи 48 § 2 конституции Рейха для обороны от коммунистических актов насилия, угрожающих государству; таким образом, оно было издано на основе конституции. Этим распоряжением определенные юридические принципы конституции до дальнейших распоряжений теряли силу и в числе других ограничений было объявлено допустимым ограничение личной свободы.

Создание и использование концентрационных лагерей, по тогдашнему убеждению подсудимого, основывалось на революционном убеждении победоносного движения в том, что только в нем находит свое выражение историческая истина, что только оно идет по правильному пути и что тем самым ложно все, что противопоставляется ему.

Не было никаких дискуссий о правильности политических убеждений на основании логических аргументов как в либерализме, нейтральном в отношении мировоззрения, а было лишь полное осуществление народного порядка, в который верили и который рассматривался как исторически необходимая истина.

То есть, всякий, кто не был захвачен этим движением и тем более выступал против него, был исключен, как враг истинного порядка. При таких предпосылках он не мог быть наказан с помощью традиционного юридического процесса за нарушение отдельных постановлений, а он ставил себя, по мнению национал-социалистического правительства, вне вновь обретенной общности народа, вне всяких принципов, на которых основывается сам юридический порядок. Поэтому он должен был быть исключен. Таким образом, речь шла не о мерах наказания, а о политическом акте чистки, основанном на нетерпимости в области мировоззрения. Как раз поэтому лицам, задетым такими мерами, отказывали в перепроверке полицейских актов

судом или административным процессом. Тот, кто ставит себя вне общности народа, не мог посягать на юридические гарантии, которые предоставлял народный порядок членам народа. Но членом народа был лишь тот, кто входит в подобную общность народа. В отношении обращения с врагами народа, наряду с юридическими принципами, имели силу соображения государственной необходимости.

Именно потому, что здесь речь шла о действии политической целесообразности, подсудимый Геринг мог в отдельных случаях на собственную ответственность решать, что необходимо для дальнейшего заключения не существует и выступить лично за освобождение отдельных лиц, которые не представляли собой опасности для государства. Здесь речь идет не о нарушении юридического принципа актом помилования, но и не о признании несправедливости, причиненной остальным таким же лицам, а о действиях, основанных на целесообразности, которая от случая к случаю могла обусловить другое решение.

Эти принципы в отношении обращения с такими элементами, которые не могли примириться с общим политическим порядком, ни в коем случае не свойственны только национал-социализму, они полностью господствуют также в политике держав-победителей по отношению к побежденному немецкому населению. Тот, кто не соглашается со вновь оживающим демократическим порядком в Германии, даже тот, от которого на основании его прежнего укоренения в национал-социализме можно ожидать принципиального отрицательного отношения к демократии, интернирован. Если, как нам показывает Обвинение, при начале войны в нацистской Германии в концентрационных лагерях было заключено 21 000 человек, то после опубликования различных законов оккупирующих держав в настоящее время только в зоне США в лагерях интернированных находится свыше 300 000 национал-социалистов и милитаристов.

Это обстоятельство показывает ясно, что при создании политического порядка целесообразность, а не право имеет решающее значение, поскольку господствует не общая терпимость; а провозглашается определенное политическое устройство как единственно законное.

Доказательством того, что при подобных мерах политической чистки речь идет не о юридических, а о политических актах, является недавно принятое решение Ландрата в американской оккупационной зоне. Согласно этому решению трудовые лагеря, в которых находятся нацисты, осужденные на принудительные работы - за принадлежность к партии, должны быть специально переданы в подчинение юридическим органам, так как речь идет об учреждениях, которые обычно рассматриваются как чуждые юстиции.

Эти соображения вскоре после прихода национал-социалистов к власти

привели к созданию концентрационных лагерей. Подсудимый Геринг руководствовался мотивами такого же характера, когда он в 1933 году создал концентрационные лагеря и издал законы относительно тайной государственной полиции. Они представляли собой средства для чистки и укрепления молодой германской нации в таком плане, в каком он это себе рисовал. При этом он не стремился к окончательному уничтожению политических противников, а после определенного испытательного срока великодушно выступал за их освобождение и отпустил на свободу на рождество в 1934 году около 5000, а в сентябре - около 2000 заключенных.

Он энергично боролся против неизбежных недостатков и ошибок, которые он признавал в своей, предназначенной для английской общественности, книге «Создание нации». Так, например, он разрешил вождю коммунистов Тельману⁵³⁸ лично передать свои жалобы из концентрационного лагеря и сам позаботился об устранении указанных ошибок. Он распустил так называемые дикие лагеря в Штетине и Бреслау, наказал гауляйтера в Померании, который создал этот лагерь без его ведома и против его воли и приказал предать суду за перегибы провинившихся служащих из диких концентрационных лагерей.

Когда обвинение утверждает, что здесь речь идет об осуществлении заговора, ставившего себе целью преступления против человечности, то оно, высказывая эту точку зрения, не учитывает действительную политическую жизнь тех лет. Такой заговор не существовал, у подсудимого не было намерения совершить преступление против принципов человечности и он не совершил этих преступлений. В качестве одного из политических уполномоченных германского правительства он чувствовал себя обязанным защищать последнее от опасных нарушителей и тем самым способствовать дальнейшему существованию национал-социалистического жизненного порядка. Будучи далеким от того, чтобы видеть преступления в этих мероприятиях, он считал их, напротив, неизбежными средствами, необходимыми для того, чтобы укрепить политический порядок как основу всякого права.

В 1936 году руководство полицией и тем самым концентрационными лагерями перешло от подсудимого к рейхсфюреру Генриху Гиммлеру. Нельзя приписать подсудимому вину за то, что стало впоследствии с концентрационными лагерями, за то, что они, особенно после начала войны, превратились в отвратительнейшее место страданий и уничтожения людей, за то, что они — отчасти намеренно, отчасти в результате хаоса, вызываемого военными условиями, — привели к уничтожению бесконечного числа людей, чтобы в конце концов в последние дни Германии перед окончанием войны стать кладбищем.

⁵³⁸ Эрнст Тельман (1886 — 1944) — лидер немецких коммунистов. Депутат Рейхстага в 1925—1933 годах. Один из главных политических оппонентов Гитлера. Расстрелян по приказу Гитлера.

Конечно, он знал, что существовали концентрационные лагеря, что число заключенных увеличивалось в результате напряженной военной обстановки и что это число в результате расширения масштабов войны по всей Европе включало и иностранцев, но ужасающие эксцессы, вскрытые на этом процессе, не были известны. Он не знал о безответственных экспериментах, которые проводились над заключенными, об экспериментах, являвшихся профанацией истинной науки. Показания свидетеля фельдмаршала Мильха показали, что Люфтваффе было незаинтересовано в этих экспериментах и что лично подсудимый ничего не знал об этом деле.

Создание концентрационных лагерей как таковых не имело ничего общего с последующим уничтожением евреев, идея которого, несомненно, возникла в головах Гейдриха и Гимmlера и которое мастерски скрывалось и лишь после окончания войны было разоблачено в виде ужасов в Освенциме и Майданеке.

Это приводит меня к вопросу о преследовании евреев. Свою точку зрения по еврейскому вопросу подсудимый Геринг подробно изложил во время своего допроса в качестве свидетеля. Затем он во всех деталях перечислил причины, заставившие национал-социалистическую партию, а после прихода к власти, и государство занять позицию, враждебную евреям.

Подсудимого упрекают в том, что он в 1935 году провозгласил «Нюрнбергские законы», которые должны были иметь целью сохранение чистоты расы и что он с 1938 по 1939 год, будучи генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану, издал постановления, которые были направлены на устранение евреев из экономической жизни. Затем ему вменяется в вину издание целого ряда законов, которые означали определенно направленное, серьезное ограничение прав евреев.

Туманной является юридическая мотивировка этого обвинения, лишенного всякого обоснования. Ибо здесь речь идет о чисто государственной проблеме - а именно о правовом положении некоторых подданных государства; такую проблему Германский Рейх, как суверенное государство, могла урегулировать свободно, в соответствии с признанными международными мировыми принципами. Если эти меры и были суровыми, а ограничения гражданских прав чрезвычайно большими, они ни в коем случае не являлись преступлениями против человечности.

Подобные законы, ограничивающие определенную расу или определенный круг граждан в их правах, принимались и другими государствами, не вызывая недовольства против подобных мероприятий и не побуждая другие государства к вмешательству. Рейхсмаршал Геринг всегда отвергал любое противозаконное насильственное мероприятие, направленное против евреев. Об этом ясно свидетельствует его отношение к организованному Геббельсом мероприятию, которое проводилось с 9 на 10 ноября 1938 г. и о котором

он узнал лишь после того, как оно имело место. Он самым резким образом осуждал его, сделав Геббельсу и Гитлеру соответствующее представление. Об этом имеются точные показания свидетелей Боденшаца и Кёрнера. О том, как резко Геринг осуждал это мероприятие, свидетельствует показание доктора Юбиррейтера⁵³⁹. Через несколько недель после этого происшествия подсудимый вызвал в Берлин всех гауляйтеров и в произнесенной им речи в резких выражениях порицал связанное с насилием мероприятие, которое было недостойно чести нации и повредило престижу Германии за границей. То, что подсудимый не являлся фанатическим приверженцем расовой теории, повсюду было известно благодаря его высказыванию: «Я решаю, кто является евреем». То, что он помогал многим евреям, установлено с достаточной ясностью.

О биологическом истреблении евреев он узнал лишь к концу войны. Такое мероприятие он никогда бы не одобрил и со всей силой противился бы ему, так как у него было достаточно политического чутья, чтобы распознать всю чудовищную опасность и бессмысленный риск, которые должны были неизбежно возникнуть для германского народа в результате такой жестокой и отвратительной акции уничтожения. Геринг уже дал ясно понять в вышеуказанной речи перед гауляйтерами, что он не желал падать в грязь лицом перед мировой публикой и мировым мнением, из-за обращения с евреями. Следовательно, не может быть и речи о том, что Геринг должен был одобрять подобное мероприятие или принимал в нем участие каким-либо образом, хотя естественно, что подсудимого обвиняют в том, что он как второе лицо в государстве должен был быть осведомлен об этих ужасных мероприятиях.

Заявление подсудимого о том, что он не знал о таких злодеяниях, воспринимается с некоторым недоверием. Несмотря на высказываемые сомнения, подсудимый, однако, настаивает на том, что до него не дошли сведения о подобных деяниях.

Эта неосведомленность подсудимого, которая может быть полностью понятна лишь только тем, кто знаком с германскими условиями, можно объяснить тем, что Гиммлер, как подчеркнул также и генерал-полковник Йодль во время своего допроса в качестве свидетеля, и только в этом заключается решение загадки, мастерски умел скрывать свои действия, замечать следы своих злодеяний и вводить в заблуждение свое окружение и ближайшее окружение Гитлера. В связи с этим я также ссылаюсь на показания свидетеля Хёсса⁵⁴⁰, который подтверждает указание Гиммлера об абсолютной секретности в

⁵³⁹ Зигфрид Юбиррейтер (1908 – 1984) – австрийский нацистский политик. Гауляйтер Штирии в 1938 – 1945. С 1941 года начальник гражданской администрации Нижней Штирии (оккупированной части Югославии). В 1947 скрылся в Аргентине.

⁵⁴⁰ Рудольф Хёсс (1900 — 1947) — комендант концентрационного лагеря Освенцим (4 мая 1940 — 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943 — 1945), заместитель главного инспектора концентрационных лагерей в Главном административно-хозяйственном управлении СС, оберштурмбаннфюрер СС (18 июля 1942). Казнён по приговору польского суда.

отношении любого.

В таком случае напрашивается следующий вопрос: разве подсудимый не был лицом, обязанным расследовать и выяснить, где действительно находятся якобы эвакуированные евреи и какова их судьба? Какой юридический вывод можно сделать в связи с тем, что он по халатности нарушил вытекающую из его положения правовую обязанность, заключающуюся в том, чтобы вмешаться в это дело? От решения этого чрезвычайно сложного вопроса о должном и сущем можно отказаться, потому что Геринг, хотя он и являлся вторым человеком в государстве, не обладал властью помешать осуществлению вышеупомянутых мероприятий, если их проводил Гиммлер или если они были приказаны, или во всяком случае одобрялись Гитлером.

Господин председатель! Вчера я уже сказал, что я хотел бы осветить также и Катынское дело, и я сейчас, прежде чем перейти к заключению, хотел именно остановиться на Катыни. К сожалению, для меня было совершенно невозможно подготовить перевод, так как представление доказательств состоялось в самые последние дни. Доклад не очень велик, у переводчиков имеются копии, так что я думаю, что могу сейчас начать.

В подробном рассмотрении нуждается также и Катынское дело, по которому несколько дней назад было закончено представление доказательств. Русское обвинение опиралось на результаты исследования, изложенные в документе СССР-54. В этом документе на основании материала сделано следующее заключение:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска, оставались там и после вступления немцев в Смоленск до сентября 1941 года включительно.

2. В Катынском лесу германские оккупационные власти осенью 1941 года произвели массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей.

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу были произведены германской воинской частью, сокрытой под ложным именем «штаб 537-го строительного батальона», во главе которого стоял подполковник Аренс и его сотрудники: старший лейтенант Рекс и лейтенант Ходт.

Спрашивается, доказало ли обвинение свое утверждение? На этот вопрос следует ответить отрицательно. На основании документа нельзя констатировать этого. Обвинение направлено против определенной воинской части и против определенных, названных по именам, офицеров. В качестве времени совершения преступления указывается осень, сентябрь 1941 года. В качестве места указывается Катынский лес. При столь точных указаниях на обстоятельства дела задачей защиты было лишь установить, выдержат ли эти констатации проверку.

Сперва следует указать о круге лиц. Полковник Аренс, офицер,

имеющийся в виду как подполковник Аренс, уже потому исключается в качестве лица, совершившего преступление, что деяние это якобы было совершено осенью 1941 года, тогда как Аренс стал командиром 537-го полка лишь в конце ноября 1941 года. Лишь в это время он прибыл в Катынь, ранее же он никогда не бывал на Восточном театре военных действий. До Аренса полком командовал полковник Беденк, который со штабом своего полка в августе 1941 года прибыл в Катынь. Еще до Беденка старший лейтенант Ходт, непосредственно после взятия Смоленска, а именно в июле 1941 года прибыл на дачу на Днепре с передовым отрядом 537-го полка и пробыл там до прибытия штаба полка, к которому он тогда еще не принадлежал. В штаб полка он был переведен лишь в сентябре 1941 года и с этого момента постоянно жил на даче.

Особые факты, которые могли бы доказать вину Ходта или Беденка, не явствуют из представленного документа, а другие документы об этом не были представлены. Тем самым не доказано, что Беденк и Ходт могут быть лицами, совершившими преступление.

Польские военнопленные, как указывалось, попали в руки немцев в трех лагерях западнее Смоленска. Таким образом они стали бы немецкими военнопленными. О захвате их в плен необходимо было бы доложить группе армий «Центр». Такого сообщения, согласно показаниям свидетеля Эйхборна, не поступало. То, что при таком большом количестве военнопленных донесение по недосмотру могло быть не сделано, совершенно исключается. Кроме того, захват в плен 11 000 польских офицеров ни в коем случае не мог остаться неизвестным группе армий. Но в группе армий, как это вытекает из показаний генерала Оберхойзера, никогда не получали об этом сообщения.

Из показаний, данных обоими свидетелями — Эйхборном и Оберхойзером, следует, что ко времени занятия Смоленска немцами польские офицеры уже не могли находиться в этих лагерях. Свидетели, которые утверждали бы, что они видели этих офицеров после этого в лагерях, не были допрошены русской комиссией. Допрошенный по этому вопросу служащий железной дороги ничего не знает из своих собственных наблюдений.

Утверждают, что 11 000 военнопленных были направлены из этих лагерей в Катынь. переброска такого большого количества польских военнопленных не могла остаться скрытой от русского населения, даже если бы эта переброска производилась по возможности незаметно и тайно. Расстрел в таких больших масштабах также не мог остаться незамеченным для русского населения.

Если даже лесок был оцеплен, то ведь на расстоянии 200 м находилось общедоступное шоссе, которое было без ограничений предоставлено для движения. По нему также передвигалось много русского гражданского населения. То, что происходило в Катынском лесу, можно было наблюдать с шоссе.

В непосредственной, близости от днепровской дачи находились

крестьянские дворы, в которых во время оккупации находились жители и которые все время поддерживали контакт со штабом полка. Но ни в отношении переброски, ни в отношении наблюдения расстрелов нет надежных данных и показаний. Никогда с немецкой стороны для такой массовой экзекуции не было бы избрано такое место, как то, где были обнаружены могилы. Это место вследствие того, что оно находилось между шоссе и расположением полка, было совершенно не приспособлено для таких дел. Как уже было сказано, большое движение имело место не только на проходящем вблизи шоссе, но и непосредственно рядом с могилами по дороге к штабу полка. Таким образом, даже солдаты, не участвующие в этой операции, должны были бы иметь возможность наблюдать и знать о ней. Также и избранный для проведения операции род войск был крайне неблагоприятен, так как технические войска, к которым относился полк связи, меньше всего были приспособлены для выполнения таких задач.

Правда, свидетели Оберхойзер и Эйхборн лишь 20 сентября 1941 г. поселились вблизи от места действий. Поэтому они могут говорить о своих наблюдениях только начиная с этого момента, в то время как уже с конца июля на даче сначала находилась команда квартирьера, а с августа — штаб полка. В этот период времени, охватывающий приблизительно шесть недель, такие действия не могли быть приведены в исполнение. Это совершенно исключается. Те немногие люди, которые были в распоряжении полка, были загружены работой и не могли в такой короткий промежуток времени расстрелять 11 000 пленных и, кроме того, убрать их трупы.

Правда, по утверждению русского обвинения, русские военнопленные помогали убирать трупы, но это не доказано, и в данном случае никто из русских жителей не видел таких пленных. Ни в коем случае нельзя так быстро устранить следы этого действия и замаскировать место действия так, чтобы свидетели Оберхойзер и Эйхборн, проезжая часто к даче, не могли заметить подозрительных признаков.

Заявлений допрошенных здесь свидетелей совершенно недостаточно: «Он из рассказов некоего Меньшагина, которого теперь уже нельзя найти, слышал о таких расстрелах. Сам он этого не видел. Он сам не видел поляков. Студенты сказали ему, что они видели поляков, но количества они не знали и не узнали также того, где они содержались». Показания, не полные во всех отношениях, цены не имеют. Заслушанные здесь показания двух врачей не являются достаточными для оценки данных событий в духе обвинения.

В рамках допущенного трибуналом представления доказательств было бы невозможно произвести полнейшее расследование всех медицинских вопросов, которые имели бы решающее значение для экспертов при вынесении ими решения. Поэтому защита отказалась выставить здесь медицинского эксперта для оправдания подсудимых.

Но не следует забывать следующего. Экспертиза была произведена по инициативе германского правительства комиссией из 12 членов из числа видных представителей высших европейских судебно-медицинских учреждений, в то время как представленная русским обвинением экспертиза была составлена исключительно русскими экспертами. Первая экспертиза заслуживает предпочтения, поскольку она составлена аполитичными экспертами.

Свидетель профессор Марков во время своего допроса отказался от того, что было им самим написано в протоколе от 30 апреля 1943 г. Он утверждает, что уже тогда на основании вскрытия им трупа он считал неправильными данные о том, что расстрел был произведен в марте—апреле 1940 г. Эти показания вызывают большое сомнение. Свидетель сам не мог дать никакого точного разъяснения, почему он при таком своем отношении ко всему этому делу не выступил немедленно против формулировки протокола от 30 апреля 1943 г. или не отказался от своей подписи, не говоря о том, что он позднее...

Председатель: [*Прерывая*] Доктор Штамер, вы конечно понимаете, что вы не приобщили в качестве доказательства доклад этой германской комиссии. Вы прямо воздержались, как я понимаю, от приобщения доклада германской комиссии. И вы...

Штамер: Господин председатель, это ошибка. Я не воздержался от этого. Мне не разрешили предъявить «Белую книгу», но мне разрешили предъявить доклад от 30 апреля 1943. Однако, я не смог предъявить его сразу, ибо он содержался в «Белой книге» и мне нужно было сделать копии. Эти копии были подготовлены и предъявлены. Я использовал некоторые фрагменты из протокола с прямого одобрения высокого трибунала.

Председатель: Я знаю, и конечно если вы хотите приобщить его, не будет никакого возражения, чтобы вы это приобщили, но разумеется я понял, что вы приобщили в качестве доказательств те части которые вы читали свидетелю. Так, думаю вам сказали во время вашего перекрёстного допроса свидетелей вызванных обвинением.

Вот, что я понял, но если вы говорите, что ваша интерпретация отличалась и что вы хотите приобщить весь доклад, тогда вопрос будет рассмотрен трибуналом, если трибунал это еще не рассматривал.

Вы говорите, что трибунал уже позволил приобщить в качестве доказательства весь доклад?

Штамер: Господин председатель, к сожалению книга...

Председатель: Доктор Штамер, что вы желаете приобщить в качестве доказательства это вывод из доклада или протокол или как бы это ни называлось, правильно? Я понимаю, что это не очень длинный документ?

Штамер: Нет, господин председатель. Могу я снова объяснить. Я извиняюсь, но я не получил расшифровку заседания. Поэтому я не знаю, что содержалось в этом протоколе, но я помню — и один из моих коллег сейчас мне это подтвердил — что

тогда мне разрешили предъявить весь так называемый доклад комиссии, и я процитировал определенные отрывки не только из вывода, но и из всего доклада, и с разрешения высокого трибунала я предложил предъявить весь доклад позднее.

Председатель: Что же, я не знаю, что вы имеете в виду под всем докладом или что вы имеете в виду под протоколом.

Штамер: Господин председатель, можно мне снова это описать.

Это был довольно объемный протокол который описывал результаты расследования. Он содержал все факты о деле и завершался совместным экспертным мнением. Он состоял, как я говорил, из фактов и причин. Прежде всего, он содержит объемное заявление в котором факты как они показались экспертам описаны индивидуально. Например, что они допрашивали русское население на месте, проверяли места захоронений, проводили посмертное вскрытие – все эти вещи были представлены мной из протокола с разрешения высокого трибунала.

Господин председатель, разрешите мне ещё одно замечание, чтобы внести ясность в эти вопросы? Я помню этот инцидент, довольно отчетливо, потому что, вы, господин председатель, сперва сказали об этом, и спросили о том имею ли я еще одну копию протокола. Я ответил: «Нет, я имею только «Белую книгу». Затем это предъявили свидетелю, потом я предложил, чтобы был вызван еще один свидетель для того, чтобы между тем я мог сделать копию этого протокола. Затем, вы, господин председатель, подумали, что лучше не надо, и что я должен взять книгу и предъявить её копию потом.

Председатель: Что же, трибунал изучит запись, чтобы понять, что именно произошло.

Штамер: Как я сказал, я сам не видел расшифровку. Если это так не записали, тогда запись неполная. Однако, я помню совершенно ясно, что так было дело.

Председатель: Мы продолжим.

Штамер: Заявление свидетеля подлежит серьезному сомнению. Свидетель не смог дать никакого правдоподобного объяснения, почему, ввиду своего отношения к форме протокола от 30 апреля 1943, он не заявил немедленный протест, не отказался подписать этот протокол, также почему в последующем никогда не говорил, по крайней мере, остальным экспертам, которые участвовали в этом, о своем действительном научном заключении.

Из-за этого заявления германская экспертиза не теряет своего значения, тем более что все остальные 11 экспертов полностью и очевидно одобрили содержащиеся в данной экспертизе утверждения.

При таком положении вещей вовсе не будет необходимым излагать отдельные причины во всех деталях, которые говорят за правильность содержащегося в «Белой книге» заключения от 30 апреля 1943 г.

Установленный русскими экспертами момент расстрела, а именно осень 1941 года, определен совершенно произвольно и не может быть ни при каких

обстоятельствах верным, поскольку трупы были одеты в зимнюю одежду, как это установил также свидетель Марков на трупе, который он сам вскрывал. Тот факт, что в могилах обнаружены револьверные патроны германского изготовления, не допускает вывода, что расстрел был произведен немцами. В германской «Белой книге» указано на то, что германский завод, который производил эти патроны, в очень большом количестве поставлял их в другие страны и больше всего на Восток.

В заключение следует сказать, что задача данного процесса состоит исключительно в том, чтобы установить были ли 11000 польских офицеров расстреляны после захвата Смоленска немцами, другими словами, что это деяние совершили немцы. Обвинению не удалось доказать данный факт и поэтому данное обвинение должно быть исключено из обвинительного заключения.

Господин председатель, я перехожу к своим заключительным фразам, своему заключению. Я представляю, что это займет немного больше 10 минут и думаю, что было бы лучше если бы это заключение не прерывалось. Либо я буду выступать до часа, или если мне позволят внести предложение, трибунал может объявить перерыв.

Мне продолжать?

Председатель: Если вы можете закончить за 10 минут, мы продолжим до вашего завершения, доктор Штамер.

Штамер: Я не закончу за 10 минут, и я бы хотел особо отметить, что я не хочу, чтобы меня прерывали в моих заключительных замечаниях.

Председатель: Вероятно, если вам так будет более удобно – мы сделаем как вы хотите, мы сейчас прервемся если вы хотите. Это очень жаркий день и мы прервемся если вы хотите.

Штамер: Я бы предпочел прерваться сейчас. Я чувствую, что сегодня немного жарко, господин председатель.

Председатель: Очень хорошо.

[Объявлен перерыв до 14 часов]

Вечернее заседание

Штамер: Перехожу к заключению.

Если в свете всего сказанного рассматривать личность и жизнь подсудимого Геринга, то решающими для оценки его действий окажутся следующие моменты.

В семье родителей была заложена хорошая основа для дальнейшего формирования его характера и приобретения знаний; личность его определилась окончательно во время Первой мировой войны, когда он,

молодой офицер, летчик-истребитель, за исключительные заслуги получил высшую военную награду - орден «За заслуги». Он пережил военное поражение Германии, которое он считал следствием предательства внутри страны.

После того как империя кайзера была свергнута, немецкий народ хотел создать новую конституцию на демократической основе, надеясь, что в дальнейшем он сможет подняться путем прилежания и терпения. При этом большую роль играло доверие к дальновидности тогдашних держав-победительниц, в частности к 14 пунктам Вильсона⁵⁴¹. После горького разочарования, принесенного Версальским договором, Веймарская демократия вступила в период жестокого кризиса, от которого ей не суждено было оправиться. Этот кризис вместе с наступившим позднее мировым экономическим кризисом, бесспорно, послужил предпосылкой захвата власти Гитлером.

Борьба против Версаля в первую очередь сделала возможным его взлет в качестве руководителя партии. В своих свидетельских показаниях Геринг говорил о том, что с первой встречи его объединяло с Гитлером их общее убеждение в том, что путем бумажных протестов ничего достигнуть нельзя.

Беспомощность германской демократии тогда стала видна всему миру. Геринг, как и Гитлер, был убежден в том, что Германия неизбежно станет жертвой мирового революционного большевизма, если не удастся пробудить в ней достаточную энергию к сопротивлению путем возрождения веры в свои силы. Было件нятно, что эти силы следовало решительно направить на борьбу с державами, подписавшими Версальский договор. При этом Гитлер, безусловно, исходил из того, что Германия в основном составляет с Западом единое целое в культурном, экономическом и политическом отношении. Он считал, что большевистская опасность, направленная в первую очередь против Германии, угрожает также и западным странам. Поэтому он надеялся, что, объявив идеологическую борьбу против Востока, сумеет постепенно добиться их признания.

Только в свете этого основного положения должна рассматриваться вся его политика в целом вплоть до фактического крушения. Сейчас можно справедливо осуждать ее как ошибочную с самого начала, но все же нельзя игнорировать того, что тогда в процессе ее развития многое, казалось, говорило о ее правильности. Этим объясняется тот факт, что Гитлеру удалось превратить в своих приверженцев все большее количество немцев.

Геринг твердо верил в то, что спасение может принести только Гитлер. Он видел в нем прирожденного народного вождя, который умел влиять на народ и руководить им и удивительная сила воли которого не отступала ни перед какими

⁵⁴¹ Четырнадцать пунктов Вильсона — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918 года. Включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций).

препятствиями. Он понимал, что при демократической конституции выдвинутся мог лишь такой человек, обладавший поистине дьявольскими демагогическими способностями. Поэтому он примкнул к нему.

Поскольку Геринг был немцем, проникнутым искренней любовью к отечеству, он не думал о том, чтобы использовать Гитлера лишь как орудие для своего собственного возвышения. Напротив, он с самого начала признал его «фюрером» — человеком, которому принадлежало решающее слово; сам он решил довольствоваться подчиненной ролью. Поэтому он, знаменитый летчик, кавалер ордена «За заслуги», без колебаний принес еще неизвестному Гитлеру присягу на верность, присягу, которую он не должен был нарушить и в действительности не нарушил в течение всей жизни. Трагично, что такая борьба, какую вел Геринг вместе с Гитлером, могла быть понята в самой своей основе таким образом, что ее уже с самого начала рассматривают как заговор, направленный на совершение преступлений.

Целью борьбы являлось прежде всего освобождение Германии от цепей Версальского договора. Правда, веймарское правительство неоднократно принимало попытки к избавлению от особенно обременительных условий этого договора, но они успеха не имели. Не создавалось ли впечатление, что международное право является лишь орудием в руках версальских победителей, постоянно используемым для того, чтобы все время не дать Германии подняться? Не одержала ли снова сила верх над правом, и могли ли немцы достичь чего-либо иначе, чем набравшись мужества, с силой ударить кулаком по столу?

Такие размышления были вполне понятными в свете тогдашнего положения. Считать их доказательством заговора, о котором говорит обвинение, — это значит совершенно не понимать их. Действительно, развитие событий после 1933 года, казалось, полностью подтверждало правоту Гитлера. Он, играючи, достигал власти во много раз больше, чем веймарское правительство, опиравшееся на принцип добровольности.

Из готовности, с которой иностранные государства не только заключали с Гитлером договоры, например, Морское соглашение 1935 года⁵⁴², Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года, но и до последнего времени принимали участие в партийных съездах Рейха, немецкий народ мог лишь заключить, что Гитлер избрал правильный путь для достижения взаимопонимания между народами. Такое впечатление и такой вывод были вполне верными вплоть до осени 1938 года. Если бы Гитлер в дальнейшем лояльно придерживался Мюнхенского соглашения, он лишил бы силы аргументы политики торможения, которая велась против него. Не только был бы сохранен мир, но Гитлер спокойно смог бы собрать плоды своей всеми державами признанной внутренней и внешней политики.

⁵⁴² Англо-германское морское соглашение 1935 года — договор о соотношении военно-морских сил, заключённый между Великобританией и нацистской Германией в июне 1935 года.

Те, кто выдвигает это обвинение, неправы потому, что они делают выводы теперь и на основании печального опыта, оглядываясь назад, конструируют такую закономерность, которая должна была бы свести на нет всякую веру, не только в свободу, но и в человеческий разум. Разумеется, и сам Гитлер не желал такого конца. Он достаточно часто открыто заявлял о том, что не стремится к военным лаврам, а хотел бы посвятить остаток своей жизни мирному строительству. Если сохранять полную объективность, то его можно упрекнуть лишь в том, что он не наметил определенных границ своим целям, когда понял, что не может рассчитывать на достижение их с помощью одних лишь мирных и гуманных средств.

Если под такими средствами понимать лишь те средства, которые вообще исключают всякое применение силы в любой форме, то ему бы не понадобилось идти своим собственным путем и искать новых решений. Надо признать за Гитлером, что вначале он лишь играл своей силой, до тех пор, пока не началось вырождение. Когда началось это вырождение, можно определить лишь по результатам, за отсутствием других отправных пунктов. Конечно, он не предвидел и не желал дурных последствий. Однако надо его считать виновным в том, что он никогда не извлекал уроков из неудач и не имел чувства меры. Какую же часть этой вины можно и нужно возложить на приближенных к нему лиц?

Тому, кто не отвергал с самого начала методов Гитлера как незаконных, было очень трудно определить, где кончались политические стремления Гитлера найти оправдание своим мероприятиям и где его политика становилась преступлением. При этом, с точки зрения чисто немецкого правосознания, эта граница существенно отличается от понимания других народов и даже всего человечества, потому что все они едва ли интересовались сохранением Веймарской конституции и основных правовых принципов, установленных ею для каждого немца. Поэтому нарушение ее, вплоть до Второй мировой войны, никогда не побуждало другие государства к вмешательству. Напротив, после начала войны, немцы оказались вынужденными пренебрегать немецкими интересами из сочувствия к подданным других государств, в том числе враждебных государств. Каждый из них считал вполне достаточным в пределах своей компетенции заботиться о том, чтобы не допускать ненужных жестокостей. Сопротивление приказам, исходившим от высших немецких инстанций, было совершенно, не только бессмысленно и бесперспективно, но и рассматривалось до самого последнего времени как нарушение закона и уголовно-наказуемое преступление. Поэтому обвинение в том, что такое сопротивление не оказывалось, могло бы быть предъявлено лишь в том случае, если бы можно было вменить в обязанность нарушение закона без учета непосредственного практического результата, лишь во имя принципа, т.е.

поведения революционера.

Такая постановка вопроса неправильна и не может быть серьезно обоснованна. До сих пор международное право основывалось, прежде всего, на принципе неограниченного суверенитета государства. Ни одно государство не соглашалось подчиняться чьему-либо решению в жизненно важных для себя вопросах, будь то решение большинства или же решение независимо действующего суда. В этом же случае другие народы или же человечество в целом не только предоставили бы право каждому отдельному гражданину такого суверенного государства противопоставить себя законному аппарату власти своего собственного государства, но и вменили бы ему это в обязанность, на том основании, что эта власть нарушает человеческие права. Такое положение само говорит против себя, в особенности, если ему придавать обратную силу. Таким путем свобода отдельного индивидуума была бы поставлена выше, чем суверенитет государства. Это не только означало бы бесконечную переоценку значения каждой отдельной личности, но и привело бы к окончательному нарушению порядка, т.е. к анархии.

Геринг олицетворял собой полярную противоположность такому образу мышления. Подобно тому, как иные шли на войну, чтобы побороть саму войну, так он стал революционером, для того, чтобы снова возвысить идеал верности. Поэтому он оставался на стороне однажды избранного им фюрера, даже после того, когда утратил его доверие и даже тогда, когда был приговорен им к смерти. И тогда, и до сих пор он остается ему верным, снова и снова находя для Гитлера оправдания. Пусть многим это покажется непонятным, пусть некоторые усмотрят в этом скорее слабость, чем силу. Но в этой верности человек проявляется полностью. Геринга между прочим описали как тип человека эпохи Возрождения. Это в известной степени правильно. Обладая высоко развитым интеллектом, он, тем не менее, руководствовался в своих действиях не столько рассудком, сколько движениями своего горячего сердца.

Такой человек неизбежно проявляет себя, главным образом, субъективно. Свое окружение и других людей он не воспринимает со спокойной рассудительностью лишь как постоянные величины, с которыми надо считаться. Напротив, он, прежде всего, исходит из того, как они действуют на него самого и вызывают ли с его стороны положительное или отрицательное ощущение; таким образом, свою личную реакцию он, в конце концов, делает основой своего общего суждения.

При всем этом, как видно из показаний генералоберштабсрихтера Лемана⁵⁴³, он всегда старался быть справедливым и прислушиваться к

⁵⁴³ Рудольф Леман (1890 – 1955) — немецкий военный юрист, начальник правового управления Верховного главнокомандования Вермахта, генералоберштабсрихтер. Осуждён американским трибуналом к 7 годам лишения

разумным доводам. По-солдатски прямо он старался найти самое верное решение в каждом отдельном случае. Его решения, убедительные, как судебные приговоры, и его социальная установка, о которой, между прочим, говорил свидетель, генерал Боденшац, показывают сознание им серьезной моральной ответственности. Его отношение ко всяким преступлениям, затрагивающим женскую честь, свидетельствует о его рыцарстве. Однако решающим во всем этом для него являлась не какая-либо догма, а непосредственное чувство, т.е. не рассудок, а жизнь. Из нее он черпал свои идеи и определяющие их ценности.

Поэтому фюрер и принесенная ему клятва в верности означали для него все и определяли сущность его жизни. Посол Гендерсон правильно характеризовал Геринга, написав о нем:

«Он был совершенным слугой своего господина, и я никогда не встречал большей верности и преданности, чем у него по отношению к Гитлеру. Он был, по общему признанию, вторым человеком в государстве и всегда давал мне понять, что является естественным преемником Гитлера как фюрера. Люди, занимающие второе место, часто бывают склонны подчеркивать свою собственную значительность. Во всех откровенных беседах, которые происходили между мною и Герингом, он никогда не говорил о себе или о той большой роли, какую он сыграл в нацистской революции: все сделал Гитлер, все доверие было доверием к Гитлеру, каждое решение принадлежало Гитлеру, сам он был ничто».

Эта оценка сохраняет свою силу и теперь. Но его верность оказалась для него роковой. Его мир превращен в развалины. Правда, он признал некоторые ошибки прошлого, но он не проявил раскаяния, которое многие хотели бы в нем обнаружить. Этим он сохраняет также верность самому себе. Это завершает его облик.

В эпоху, которой все еще угрожает хаос, когда снова ведутся поиски твердых жизненных принципов, нельзя не признавать положительную ценность такой верности.

Председатель: Доктор Зейдль, я понимаю, что вы не перевели свою речь ни на один из языков. Это так?

Зейдль: Господин председатель, я вчера сказал генеральному секретарю о причинах которые не позволили перевести речь. Я отдал в языковой отдел текст на немецком языке, и мне сказали, что немецкий текст был бы большой помощью для перевода как можно быстрее и точнее.

Председатель: Что же, трибунал уже отмечал вам, много дней назад, что ему весьма неудобно не иметь у себя копию речи. Если вы предлагаете произносить речь, он

как можно лучше постарается её оценить. Это будет гораздо сложнее и гораздо менее удобно не иметь переведенную речь.

Зейдль: Я постараюсь, чтобы перевод для подсудимого Франка сделали как можно быстрее.

Председатель: Очень хорошо, продолжайте.

Зейдль: Немецкая армия после более чем четырехлетней героической борьбы сложила оружие, она поступила так, доверяя заверениям президента Вильсона, который неоднократно делал их в 1918 году. В своей речи в конгрессе 8 января 1918 г. президент Соединенных Штатов Америки требовал в 14 пунктах...

Председатель: *[Прерывая]* Доктор Зейдль, трибунал уже намекал, как вы должны знать, что вопрос о 14 пунктах и вопрос о справедливости Версальского договора не относятся к делу. Он не предлагает слушать об этом. Вам говорили об этом раньше, и во многих документах которые рассматривали эту тему отказали.

Зейдль: Господин председатель, я не намерен комментировать вопрос о том справедлив или нет Версальский договор. Дело вот в чем: обвинение представило Версальский договор в качестве доказательства. Оно сделало Версальский договор главным пунктом обвинительного заключения, что касается пункта первого обвинительного заключения.

Моё исследование направлено на следующее: во-первых, был ли Версальский договор законно составлен? Во-вторых...

Председатель: Я говорил только о несправедливости Версальского договора. Но это ещё больше не относится к делу, является ли Версальский договор законным документом или нет. Мы не предлагаем слушать ваши утверждения о том, что Версальский договор незаконный документ. Есть много вопросов которые являются материальными для вашего клиента, которые вам необходимо обсудить перед нами, но это не один из них.

Зейдль: Господин председатель, я не могу оставить трибунал в неведении о том, что Версальский договор и его последствия, особенно в отношении захвата власти национал-социализмом, формирует значительную часть моего выступления и это будет...

Председатель: Доктор Зейдль, я сказал вам, что трибунал не будет слушать ваше утверждение о том, что Версальский договор был незаконным документом или о том, что он был каким-то образом несправедливым. Об этих темах мы не предлагаем вас слушать.

Зейдль: Тогда я должен принять отношение трибунала как означающее, что мне не разрешают говорить о последствиях Версальского договора, и в частности связи этих последствий с восхождением национал-социалистической партии и с захватом власти Адольфом Гитлером и соподсудимыми.

Председатель: Смотрите. Версальский договор, конечно, исторический факт, и трибунал не может помешать вам ссылаться на него как исторический факт. Но что

касается справедливости и законности договора, договора подписанного Германией, вас слушать не будут.

Так как вы не предоставили нам речь, мы не знаем, что вы будете говорить. Но мы не будем слушать от вас подобную аргументацию.

Зейдль: Тогда я начну со страницы 6 немецкой рукописи, второй абзац.

Таким образом борьба за пересмотр мирного «диктата» Версаля началась в тот момент, когда он был подписан. В программе национал-социалистической рабочей партии Адольфа Гитлера, эта борьба против версальского мирного «диктата» и за его пересмотр занимала место превосходящее все другие требования и соображения. Это была ведущая мысль которая направляла всю внутривнутриполитическую деятельность партии и которая, после захвата власти, должна была сформировать базу для всех внешнеполитических соображений и решений.

Одним из первых товарищей Адольфа Гитлера был подсудимый Рудольф Гесс. Как и Гитлер, он тоже был фронтовиком в Первую мировую войну. Добровольцем он пошел в начале войны и был повышен до звания лейтенанта пехоты, когда он был ранен в Румынии. Негодный к пехоте в результате этого ранения, он записался в воздушный корпус.

После перемирия он сражался в различных добровольческих корпусах. Но в 1919, после заключения Версальского мирного договора, он осознал, что победители на самом деле не желали мира основанного на справедливости и соответствующего учета интересов. Как можно было ожидать, условия Версальского мирного договора, и особенно бремя репараций уже серьезно повлияли на германскую экономику вынужденную...

Председатель: Доктор Зейдль, вам может быть трудно сокращать в вашей речи различные ссылки на темы о которых я говорил, но вы должны любезно попытаться сделать это. Ибо если вы продолжите ссылаться на темы о которых я говорил, а именно справедливость и законность Версальского договора, трибунал остановит ваше выступление и продолжит с какими-либо другими подсудимыми.

Зейдль: Господин председатель, тема которую я рассматриваю не была вопросом справедливости или законности, а вопросом последствий и ссылалась на выяснение обыкновенной связи. Если обвинение, за недели представления доказательств, показало то как возникла национал-социалистическая партия и как увеличилось количество мандатов...

Председатель: Доктор Зейдль, все это факты которые обвинение совершенно вправе доказывать. То на что вы ссылаетесь в аргументации, это то, что определенные условия Версальского договора были несправедливыми. И это та аргументация которую трибунал не готов заслушивать. Это не заявление о факте, это аргументация.

Зейдль: Конечно, это аргументация...

Председатель: Я сказал, что это аргументация которую мы не будем слушать. Если

вы не понимаете о чем я говорю, вам нужно прекратить продолжать свое выступление. Вы понимаете?

Зейдль: Тогда страница 8, если вам угодно.

Когда в 1925 году партия была восстановлена, Рудольф Гесс был одним из первых...

Господин председатель, мне невозможно продолжать своё выступление, потому что все следующие заявления касаются вопроса: что делал подсудимый Гесс до захвата власти? И я должен сказать и говорил о том, что главная движущая сила его деятельности в партии и немецком народе состояла в достижении пересмотра Версальского договора и его самых невыносимых условий. Это тот самый вопрос всего национал-социалистического движения до 1933.

Председатель: Если вы ограничите себя заявлениями о том, что делал подсудимый Гесс, то этому вовсе не будет никакого возражения. Но как я сказал, если вы будете высказывать аргументацию о том, что Версальский договор был незаконным или несправедливым, трибунал не будет вас заслушивать.

Зейдль: Я продолжу, и попрошу вас, господин председатель, поскольку я не знаю точные рамки которые я не могу пересекать, прерывать меня если я снова затрону тему которая по мнению трибунала ссылается на справедливость Версальского договора и...

Председатель: Доктор Зейдль, вам прекрасно известны рамки которые изложены трибуналом много недель назад о вопросе справедливости или несправедливости Версальского договора. Было много документов в которых отказали на том основании, что они рассматривали справедливость или несправедливость Версальского договора, и вы должны прекрасно знать об этом.

Зейдль: Тогда я прошу трибунал сказать, разрешено ли мне делать заявления об экономическом ущербе, особенно большой безработице, возникших в результате условий репараций по Версальскому договору и отказе держав-победительниц 1919 изменить политику репараций.

Председатель: Вы разумеется можете говорить о том каким было положение Германии. Это факт.

Зейдль: Тогда я снова начну на странице 8.

Когда в 1925 году партия была восстановлена...

Председатель: Доктор Зейдль, трибуналу прекрасно известна подобная аргументация, я имею в виду, что мы не потеряем из виду аргумент. Нам все известно об аргументе, мы не хотим об этом слушать. Мы думаем, что это совершенно не относится к делу.

Вы не могли бы перейти к другим отрывкам своей речи, которые важны для подсудимого Гесса? Как я сказал, есть много вопросов которые представило обвинение и на которые отвечала защита, и по этим вопросам мы желаем вас выслушать.

Зейдль: Тогда я начну со страницы 10, второй абзац.

Во время выборов в Рейхстаг 14 сентября 1930 г. национал-социалистическая партия добилась серьезной победы и получила в новом Рейхстаге 107 мест. Этот факт не в последнюю очередь является результатом экономического кризиса того времени, большой безработицы и, следовательно, непосредственно результатом репарационных поставок, противоречащих здравому экономическому смыслу, результатом отказа держав-победительниц, несмотря на настойчивые предупреждения, от изменения существующего порядка. Правда...

Председатель: [*Прерывая*] Доктор Зейдль, вам известно, что это снова аргументационное заявление, что Версальский договор был нечестным и что державы-победительницы не смогли признать справедливость германской идеи или нечто подобное. Если вы не можете сформировать свою речь в том виде как я изложил, мы попросим вас переработать всю речь.

Зейдль: Тогда я перехожу к странице 12, второй абзац. Нет, я перехожу к странице 12.

Когда германский народ в порядке выполнения Версальского мирного договора разоружился, он по праву мог ожидать, что и страны-победительницы...

Председатель: [*Прерывая*] Минуточку, доктор Зейдль, так как вы кажется не способны переработать свою речь в соответствии с указанием трибунала, трибунал не будет заслушивать вас на данном этапе. Он продолжит с делом следующего подсудимого. Вы будете иметь возможность переработать свою речь, и вы представите свою речь на перевод перед её представлением, и я объясняю, что в этом заключается причина почему трибунал не предлагает заслушивать вас. Это не относится к вопросам которые рассматривает трибунал. Если они каким-то образом относятся к обвинениям предъявленным подсудимым в обвинительном заключении, трибунал конечно их заслушает, но это, по мнению трибунала, никоим образом не относится к обвинениям предъявленным подсудимым и поэтому трибунал предлагает их не заслушивать. Справедливость Версальского договора не имеет никакого отношения к тому была или нет агрессивной война которую вела Германия. Это не имеет никакого отношения к военным преступлениям в которых обвиняют подсудимых поэтому не относится к делу и по этой причине мы не предлагаем заслушивать это. Как я сказал, вы видимо неспособны переработать свою речь, и вам будет предоставлена возможность переработать её в частном порядке, и затем вы представите её для перевода и можете выступить с ней. А теперь мы продолжим с делом подсудимого Риббентропа. Доктор Хорн вы готовы продолжить, не так ли?

Хорн: Господин председатель, я только сейчас узнал, что переводы доставили. Вероятно я могу подождать пока сюда не принесут перевод?

Председатель: Думаю можно продолжать. Мы можем слышать, что вы говорите и записывать это.

Хорн: Господин председатель, господа судьи! «Все великие потрясения в мировой истории, и в особенности в современной Европе, являлись одновременно войнами и революциями».

Мы сейчас переживаем как раз период таких потрясений. Этот период ни в коей мере не закончен. Вырвать из общей связи отдельные события для того, чтобы давать им юридическую оценку, не только невозможно, но и связано с опасностью скороспелого приговора. Не будем обманывать себя: мы рассматриваем вопрос не о каком-то локальном кризисе, причины возникновения которого ограничиваются определенной частью Европы. Мы должны представить себе ту катастрофу, которая затронула глубочайшие корни нашей цивилизации.

Обвинение применило строгий критерий при оценке определенных государственных событий и явлений, имевших место в отношениях между отдельными государствами. Германия полностью заинтересована в развитии идеи права, если последняя, будучи повсюду воплощенной в жизнь, приведет к совершенствованию международной морали. Перед настоящим судом стоит благородная задача, заключающаяся не только в том, чтобы вынести решение относительно отдельных подсудимых и вскрыть причины происшедшей катастрофы, но также и в том, чтобы одновременно создать нормы, которые должны стать обязательными повсюду.

Недопустимо, чтобы создавалось право, которое будет применяться лишь в отношении слабых. В противном случае возникнет опасность, что все усилия государств будут опять направлены на то, чтобы усилить сопротивление, придав ему всеобщий характер, и тем самым сделать войну еще более ожесточенной, чем та, которая является здесь предметом обсуждения.

Исходя из вышеизложенной основы я представляю трибуналу на рассмотрение мои соображения и выводы.

Господин фон Риббентроп считается лицом, несущим среди заговорщиков главную ответственность за внешнеполитическую, дипломатическую сторону мнимого заговора, который якобы ставил себе целью подготовку и ведение агрессивных войн. Прежде всего моя задача заключается в том, чтобы, базируясь на результатах представления доказательств, установить, когда, с точки зрения международного права, и в каких случаях велась агрессивная война.

Понятие агрессивной войны не исчерпывается тем формально-юридическим определением, которое предложено главными обвинителями от США и Великобритании. Оно имеет прежде всего реальные предпосылки.

Лишь знание этих предпосылок допускает точку зрения, которая может служить основой для решения суда. Поэтому я откладываю обсуждение понятия агрессии и агрессивной войны до тех пор, пока не представлю суду соответствующий материал, изложив германскую внешнюю политику и участие в ней Риббентропа.

Трибунал намеревался рассмотреть положение вещей с точки зрения уголовного права. В соответствии с этим я особо остановлюсь на вопросе о том, насколько тормозящим или поддерживающим было влияние Риббентропа на внешнеполитические решения во время его политической деятельности.

Успешным был первый шаг господина фон Риббентропа в примирении интересов, а следовательно, и в ослаблении борьбы международных сил, когда он в 1935 году добился заключения Морского соглашения между Германией и Англией. Обстоятельства, сопутствовавшие подписанию этого соглашения, столь же показательны для политических проблем тех лет, как и характерны для самого фон Риббентропа и дальнейшего развития его политической деятельности. Это соглашение было заключено через голову официальной германской дипломатии. Посвященные круги знали об этом. Тогдашний германский посол в Лондоне фон Хеш⁵⁴⁴ и Вильгельмштрассе отнеслись к проекту этого соглашения с огромнейшим скептицизмом. И Хеш, и Вильгельмштрассе не верили в то, что Англия склонна к заключению такого договора, который нарушал положения части V Версальского договора и который противоречил предыдущей позиции Англии на различных конференциях по разоружению. Они не верили в то, что такое соглашение может быть заключено через несколько недель после того, как ассамблея Лиги наций назвала восстановление германского военного суверенитета нарушением германских обязательств, и после того, как представители Англии, Франции и Италии собрались в Стрезе⁵⁴⁵, чтобы ответить на этот шаг Германии. Они совсем уже не верили в то, что такому стоящему в стороне от дел человеку, как господин фон Риббентроп, удастся заключить договор, имевший колоссальное принципиальное значение.

Последствия подписания этого договора были столь же очевидными, как и важными. Престиж господина фон Риббентропа, вышедшего из рядов национал-социалистической партии, поднялся в глазах Гитлера. Отношения между Риббентропом и консервативной дипломатией все более обострились. Все сильнее росло недоверие к этому титулованному послу, который сумел завоевать доверие Гитлера, избежав того, чтобы его деятельность подвергалась контролю со стороны министерства иностранных дел.

После заключения Морского соглашения Гитлер стал видеть в Риббентропе человека, который может эффективно помочь ему осуществить свое заветное желание — можно вполне сказать также и желание германского народа — заключить с Англией политический союз. Склонность реализовать эти намерения имела как практические так и идеалистические мотивы.

⁵⁴⁴ Леопольд фон Хеш (1881 – 1936) – немецкий дипломат. Посол Германии в Великобритании в 1932-1936.

⁵⁴⁵ Стрезская конференция — международная конференция, состоявшаяся в апреле 1935 года в небольшом городке Стреза на западном берегу озера Лаго-Маджоре (Италия) с участием премьер-министра Великобритании Джеймса Макдональда, министра иностранных дел Франции Пьера Лаваля и лидера Италии Бенито Муссолини. На конференции были сделаны заявления относительно гарантий независимости Австрии

Практические мотивы можно сжато изложить в коротком заявлении о том, что неудача нашей нации и всей Европы в том, что Германия и Англия так и не смогли понять друг друга, несмотря на самые честные попытки со стороны обеих стран в течение прошедших 50 лет. Идеалистические мотивы основывались на бесспорном предпочтении Гитлером многих внутренних институтов Британской империи.

В политическом отношении Морское соглашение представляло собой первую значительную брешь в политике Версаля, что санкционировалось Англией при последующем одобрении со стороны Франции. Таким образом, после многих лет безрезультатных переговоров было достигнуто первое соглашение об ограничении вооружений, имеющее практическое значение.

Одновременно создавалась благоприятная общая политическая атмосфера. Морское соглашение и его последствия явилась, видимо, основанием того, что после смерти Хеша Гитлер на следующий год назначил фон Риббентропа послом в Лондоне.

Насколько неожиданно быстро удалось господину фон Риббентропу добиться морского соглашения, настолько же мал был успех его предложения о заключении общего союза с Англией. Была в этом повинна дипломатия фон Риббентропа или причина заключалась в абсолютном расхождении интересов Германии и Англии, трудно сказать.

Кто знаком с психологией англосаксов, тот знает, что не рекомендуется сразу осаждать этих людей предложениями и просьбами. Если немцам удалось в первый момент установить нечто общее с англичанами, то при более близком ознакомлении с их политикой выяснилось, что имеются глубоко идущие расхождения. Корни обеих наций произрастают из разной почвы. Их духовное наследие имеет разные источники. Чем глубже проникаешь в немцев и британцев, тем сильнее видна разница в их вере и менталитете. Чем глубже британец и француз проникают в характер друг друга, тем больше общего они находят. Эта гармония между британцами и французами еще сильнее укрепилась за прошедшие 50 лет в результате схождения их политических интересов.

На протяжении современной истории Англия постоянно испытывала потребность в союзе с какой-либо континентальной военной державой и, учитывая свои интересы, в зависимости от преследовавшихся ею целей, она искала и находила себе союзнике либо в Вене, либо в Берлине, а с начала XX столетия — в Париже. Интересы Англии и во время деятельности фон Риббентропа не допускали отклонения от этой линии. К этому присоединялась принципиальная точка зрения Великобритании, состоявшая в том, что она не желала укрепляться на континенте. С берегов Темзы наблюдали за осложнениями, намечавшимися на континенте. Руководящие лица в английском министерстве иностранных дел еще слишком сильно придерживались политики конца XIX и начала XX столетия, заключавшейся

во французской ориентации.

Голоса тех, кто выступал за более тесную связь с Германией, были незначительными в своем политическом весе, они уступали оппозиции. Кроме того, существовали трудности, возникшие в связи с участием Германии в комитете по невмешательству⁵⁴⁶, который заседал в Лондоне, решая вопрос об изоляции держав от участия в гражданской войне в Испании.

Обвинение затронуло вопрос о том, как фон Риббентроп оценивал германо-британские отношения, когда он покидал пост посла в Лондоне. Ответ даст нам лучше всего документ ТС-75, который содержит точку зрения Риббентропа на международное положение Германии в тот период и на то, как в будущем могут сложиться германо-британские отношения.

В нём, господин фон Риббентроп исходил из той предпосылки, что Германия не желает связывать себя существующим в Европе положением. Он был убежден, что осуществление поставленных целей неизбежно приведет Германию и Англию в «разные лагеря». Он советовал создать систему союзов с державами, интересы которых совпадают с интересами Германии (Италия и Япония). Такой политикой он надеялся, с одной стороны, связать Англии руки, ставя под угрозу наиболее слабые места Британской империи, а с другой стороны, сохранить за ней возможность установления взаимопонимания с Германией.

Затем господин фон Риббентроп перешел к австрийскому и судетскому вопросам. По его тогдашнему убеждению, Англия не должна была согласиться на изменение статус-кво по этим двум вопросам, но под давлением обстоятельств ей пришлось бы допустить их разрешение.

Напротив, изменение статус-кво на Востоке, затронув жизненно важные интересы Франции, превратит Англию в противника Германии. Этой точки зрения Риббентроп придерживался не только в 1938 году, когда был написан этот документ, но и в течение всего периода вплоть до начала Второй мировой войны. Вопреки утверждениям обвинения, он предупреждал Гитлера об этой опасности.

Из приведенного документа не следует, что Риббентроп изображал Гитлеру англичан, как здесь утверждалось, вырождающимся народом; он ясно заявил, что Англия станет суровым и упорным противником, если Германия будет продолжать преследовать свои цели в Центральной Европе.

Эта изложенная в документе ТС-75 точка зрения относительно международного положения Германии в тот период, очевидно, совпадала с точкой зрения Гитлера, поскольку фон Риббентроп в связи с кризисом, связанным с фамилией Фрича, стал во главе министерства иностранных дел вместо ушедшего в

⁵⁴⁶ Комитет по невмешательству в испанские дела, Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании, международный орган, созданный в августе 1936 для наблюдения за выполнением соглашения 27 европейских стран (все европейские страны, кроме Швейцарии) о запрещении экспорта и транзита оружия в Испанию, где 17—18 июля 1936 против республики развернули военные действия испанские фашистские мятежники, а позже — итало-германские интервенты.

отставку фон Нейрата.

Согласно показаниям Риббентропа, когда он вступал на свой пост, Гитлер просил его, чтобы он помог решить четыре проблемы. Речь шла об австрийском, судето-немецком, Мемельском вопросах, а также вопросе о Данциге и Польском коридоре. Как выяснилось из представления доказательств, это не было тайной договоренностью двух государственных деятелей.

Программа национал-социалистической партии в § 3 содержит требование ревизии мирных договоров 1919 года. Гитлер в ряде своих речей всякий раз указывал на необходимость удовлетворения этих германских претензий. Рейхсмаршал Геринг показал здесь, что в ноябре 1937 года он разъяснил лорду Галифаксу необходимость решения этих вопросов, заявив, что они представляют собой неотъемлемую составную часть германской внешней политики. Так же открыто он изложил эти цели и французскому министру Бонне⁵⁴⁷. Таким образом, фон Риббентроп, исходя из своего убеждения, помогал достижению целей, о которых было известно и которые неизбежно вытекали из динамики обстановки в Центральной Европе, обстановки, обусловленной усилением Рейха. Вопрос о том, насколько широко пользовался Риббентроп свободой действий или насколько он был лишен ее в качестве министра, когда решались вышеупомянутые проблемы, я изложу в связи с рассмотрением вопроса об участии подсудимого в заговоре, которое инкриминируется ему. Пока нужно лишь упомянуть, что, как следует из представления доказательств, вместе с отставкой барона фон Нейрата решение проблем внешней политики полностью сосредоточилось в руках Гитлера. Фон Нейрат был последним министром иностранных дел, который при режиме национал-социализма сохранил в области внешней политики значительное влияние, утрачивая его по мере усиления упомянутого режима и уступая тоталитарным устремлениям Гитлера.

С назначением фон Риббентропа министром иностранных дел появился наконец человек, которого Гитлер избрал по своему вкусу. Несомненно, наряду с различными формами государственного права и компетенцией различных государственных органов важным элементом управления государством являются чисто личные взаимоотношения правящих лиц. Рассматривая некоторые действия и исторические события с этой точки зрения, стоит коснуться вопроса об отношении Гитлера к Риббентропу.

Господин фон Риббентроп как состоятельный человек, принадлежавший к лагерю националистов, видел в Гитлере и его партии выразителей тех стремлений, которые отвечали его взглядам и чувствам. Мнения Риббентропа относительно тех стран, в которых он побывал, вызывали у Гитлера интерес. Личность Гитлера и его политические воззрения превратили фон Риббентропа в его приверженца, корни

⁵⁴⁷ Жорж-Этьен Бонне (1889 —1973) — французский политический деятель, правый радикал. Министр иностранных дел Франции в 1938-1939.

чего, в конечном итоге, надо искать в воздействии силы внушения и гипноза Гитлера.

Мы не должны скрывать от себя того факта, что жертвой этого воздействия стал не только фон Риббентроп, но и огромное количество людей в Германии и за ее пределами. То, что в этом зале суда следует рассматривать исходя из правовых стандартов, в конце концов находит своё окончательное объяснение только с точки массового внушения и психологии, ничего не говорит о патологических формах этого феномена.

Как адвокат, и исключительно в качестве такового, я должен остановиться на рассмотрении результатов представленных доказательств. С разрешения трибунала я перейду к вопросу о роли Риббентропа в так называемом заговоре, целью которого было планирование агрессивных войн и других актов агрессии, осуществлявшихся в нарушение существующих договоров, соглашений и заверений.

Прошло менее 10 дней со времени назначения господина фон Риббентропа на пост министра иностранных дел, как Гитлер пригласил его участвовать в состоявшихся в Берхтесгадене 12 и 13 февраля 1938 г. переговорах с австрийским канцлером и австрийским министром иностранных дел. Представленные доказательства устанавливают, что вопросы, связанные с Австрией, входили исключительно в компетенцию Гитлера. Тогдашний посол фон Папен представлял свои доклады непосредственно главе государства. Риббентроп не оказывал никакого влияния на деятельность национал-социалистической партии в Австрии, как и вообще в юго-восточных странах. Мой подзащитный утверждает, что он лишь изредка и неофициальным путем узнавал о той деятельности, которую партия там проводила.

Бывший австрийский министр иностранных дел доктор Гвидо Шмидт⁵⁴⁸, вызванный сюда в качестве свидетеля, показал, что Риббентроп не участвовал в наиболее важных переговорах, происходивших между Гитлером и Шушником в Берхтесгадене. Во время остальных переговоров он вел себя иначе, чем того требовал тогдашний стиль Гитлера, и у свидетеля создалось впечатление, что он не располагал необходимой информацией, так как до этого он находился в Лондоне и лишь совсем недавно был назначен на пост министра иностранных дел. Из этого безупречного поведения Риббентропа обвинение делает вывод, что оно было маневром, заранее условленным между ним и Гитлером. Вообще обвинение видит в поведении Риббентропа типичный признак того, что оно представляло собой двойную игру. Разве неоспоримые даты и факты, относящиеся к личности Риббентропа, впечатление, вызванное им у свидетеля Шмидта, мои доводы относительно позиции, которую занимал Риббентроп в качестве министра, его

---

⁵⁴⁸ Гвидо Шмидт (1901 — 1957) — австрийский дипломат и политик, министр иностранных дел Австрии с 1936 по 1938 год.

осведомленность о давно составленных планах, касавшихся Норвегии и Дании, а также другие доказанные факты не заставляют нас поставить такой вопрос: не принимал ли Риббентроп в решении внешнеполитических вопросов несравненно меньшее участие, чем это утверждает обвинение?

Во всяком случае в вопросе аншлюса, как решительно показывают доказательства, он не играл решающей роли. Для него Австрия была страной измученной Сен-Жерменским договором, который на твердых принципах вряд ли мог заменить однажды общую судьбу в истории великой Германии. Национал-социалисты не были первыми кто пробудил у Австрии мысль о союзе с Германией. Эту мысль вынашивал немецкий элемент габсбургской монархии с момента революции 1848, которая была направлена на демократическую великую Германию. После падения монархии, социал-демократы продолжили бороться за это по идеологическим и материальным причинам. Фактически, они видели в Веймарском государстве своего духовного потомка. Экономическое бедствие возникшее в результате разрушения Дунайского района как экономической единицы питало мысль о союзе с Рейхом, который находился в более хорошем экономическом положении. В этой богатой почве национал-социалисты смогли взрастить идею аншлюса. В любом случае предпосылки для аншлюсса с Германией возникли, когда прекратилась поддержка Австрии Италией, ввиду сближения последней с Германией на фоне абиссинского конфликта. Дальнейшие причины которые внесли вклад в аншлюсс и его обоснование будут полностью представлены моим коллегой доктором Штейнбауэром.

Рейхсмаршал Геринг показал, что аншлюс в его первоначальной форме, как он был сформулирован в законе о воссоединении от 13 марта 1938 г., подписанном также Риббентропом, не только отвечал даже первоначальным намерениям Геринга, но был им осуществлен.

В качестве дальнейшего нарушения договоров в отношении австрийского вопроса обвинение приводит нарушение статьи 80 Версальского договора и соответствующую статью Сен-Жерменского договора, а также нарушение договора между Австрией и Германией от 11 июля 1936.

Председатель: Думаю, перевод дошедший до меня был: «...союз даже не соответствовал намерениям Гитлера, но был осуществлен самим Герингом».

Хорн: Да, я забыл.

Председатель: Продолжайте.

Хорн: В обоснование этих нарушений можно отметить, что соответствующие статьи составляли нарушение права на самоопределение, на котором были основаны мирные договоры. Исход голосования после аннексии во всяком случае ясно подтверждает отношение австрийцев в то время.

*Clausula rebus sic stantibus*⁵⁴⁹ можно считать ещё одним обоснованием

⁵⁴⁹ «Оговорка о вещах, остающихся в том же положении» (лат.) - условие договора, подразумеваемое или прямо

данного нарушения. Можно сослаться на заявление заместителя государственного секретаря Батлера⁵⁵⁰ в Палате общин, который в ответ на вопрос после аншлюса, заявил о том, что Англия не давала никакой особой гарантии независимости Австрии как излагалось в Сен-Жерменском договоре.

Эти правовые оценки вряд ли будут служить оправданием фактам. Статутное право всегда отстает от идеального права. Это относится не только к внутреннему праву, но и к международному. События показывают, что если договоры не способны приспособиться к переменам, время и события обходят их для того, чтобы перестроить их исходя из новой основы. Вопрос о том можно ли дать этому правовую оценку является весьма спорным. Я позднее сошлюсь на общие аспекты адаптации права к силе голых фактов.

Однажды англичанин сказал: «Мы имеем упорный факт, что Центральная Европа почти монолитный блок из 80 миллионов человек которые весьма одарены, весьма организованы и которые в высшей мере сознательны в этих достижениях. Большинство этих людей имеют сильное и очевидно невероятное желание объединиться в одном государстве».

Аншлюс Австрии и националистические теории национал-социализма привели в действие этот искусственно расколотый блок созданный мирными договорами 1919. Ни один внимательный наблюдатель не мог не заметить влияние аншлюса на соседние государства.

Я не намерен занимать время трибунала характеризуя последующие усилия различных групп немцев в соседних государствах ради присоединения к Рейху. Факты которые уже стали историей и так хорошо известны. Моя задача заключается в том, чтобы исследовать являются ли эти события результатами умысла одного лица или группы лиц, или же довольно старая и искусственно подавляемая сила была инструментом осуществления задач которые Гитлер поручил господину фон Риббентропу в момент его назначения.

Аншлюс Австрии послужил для партии судетских немцев сигналом к тому, чтобы форсировать свое присоединение к Германии.

Обвинение вменяет Риббентропу в вину то, что он, будучи министром иностранных дел, занимался инсценировкой трудностей. Его обвиняют в том, что он подстрекал Партию судетских немцев⁵⁵¹ к тому, чтобы она вместо вступления в чехословацкое правительство шаг за шагом расширяла свои требования, мешая тем самым общему решению вопроса, причем внешне германское правительство должно было оставаться совершенно в стороне.

оговорённое, согласно которому договор остается в силе до тех пор, пока остаются неизменными обстоятельства, обусловившие его заключение и действие.

⁵⁵⁰ Ричард Батлер (1902 — 1982) — британский государственный деятель, политик-консерватор, более известный как «Рэб» (Rab), поскольку сокращал так своё имя R.A. Butler. На протяжении своей жизни в разные периоды возглавлял министерства труда, финансов, иностранных дел и внутренних дел Великобритании.

⁵⁵¹ Судето-немецкая партия — партия немецкого меньшинства в Чехословакии. Она постепенно попала под влияние НСДАП и стала пятой колонной Третьего Рейха в Чехословакии.

Представленный обвинением документ PS-3060 доказывает обратное. Правда, Риббентропу было известно, что партия поощряла стремление судетских немцев присоединиться к Германии. Однако он не имел подробных сведений об этой партийной политике и не оказывал на нее влияния. На основании трудностей с чехословацким правительством, возникших в результате сепаратистских стремлений судетских немцев и их частично бесконтрольной политики, Риббентроп считал себя вынужденным позаботиться о достижении целей судетских немцев предоставленными ему политическими средствами.

Председатель: Доктор Хорн, не будет ли удобно прерваться?

[Объявлен перерыв]

Хорн: Мюнхенское соглашение внесло временное успокоение в международную обстановку. Она осложнилась снова в результате совершенно неожиданного для Риббентропа шага Гитлера, заключавшегося в посещении Берлина Гаха, и связанных с этим событий. Как показал Геринг, Гитлер наперекор всем предостережениям после разрешения словацкого вопроса решил создать Протекторат Богемия и Моравия. Трудно на основании имеющегося материала определить конечные причины этого шага Гитлера. По словам подсудимого Геринга, корни их надо искать в постоянном опасении Гитлера, что чешский офицерский корпус примкнет к России и этим создаст новое осложнение на юго-востоке. Видимо, эти и вытекающие отсюда стратегические и исторические соображения побудили Гитлера к шагу, сделанному им 13 марта 1939 г. и явившемуся неожиданностью также и для господина фон Риббентропа.

Это решение, объяснимое склонностью Гитлера к внезапным решениям, принесло с собой полное изменение внешнеполитического положения Германии. Риббентроп предостерегал Гитлера, указывая ему на ту реакцию, какую он вызовет со стороны западных держав, и в частности Англии.

Последствия сказались на вопросах Данцига и Польского коридора, поставленных еще в октябре 1938 года. Если до этого поляки не отказывались от переговоров по этим вопросам, основываясь на политике Германии, которую последняя вела с 1934 года, и на том факте, что Тешинская область⁵⁵² снова перешла к ним, то в конце марта дала о себе знать реакция на образование Протектората. Англия видела в создании Протектората нарушение Мюнхенского соглашения и начала консультации с рядом государств. В то же время министр Бек⁵⁵³, вместо того чтобы еще раз приехать в Берлин, отправился в Лондон и возвратился оттуда с

⁵⁵² Тешинская Силезия — исторический регион юго-восточной Силезии, расположенный в междуречье Вислы и Одры. В ночь на 1 октября 1938 польские войска перешли границу Чехословакии и оккупировали часть Тешинской области. Она была присоединена к Польше в качестве Западно-Тешинского повета Автономного Силезского воеводства.

⁵⁵³ Юзеф Бек (1894 — 1944) — польский государственный деятель, министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.

заверением, что Англия будет выступать против всякого изменения существующего положения на Востоке. Это же заявление было сделано в Палате общин после предварительной консультации с французским правительством.

26 марта 1939 г. на Вильгельмштрассе явился польский посол Липски и заявил господину фон Риббентропу, что дальнейшие стремления к ревизии в отношении Польши, в частности в вопросе о передаче Данцига Рейху, означает войну.

Таким образом, польский вопрос стал вопросом европейским. Риббентроп заявил тогда польскому послу, что Германия не может удовлетвориться таким решением. Только полное присоединение Данцига к Рейху и экстерриториальная связь с Восточной Пруссией могут привести к окончательному решению проблемы.

Я сделал трибуналу обзор польского кризиса в форме представления документальных доказательств. Поэтому я могу считать, что фактический ход событий, в том числе и присоединение Мемельской области, которая по договору с Литвой отошла к Рейху, всем известен.

Чтобы зря не занимать времени трибунала, я ограничусь тем, что выделю только те факты, которые помогут выяснить роль Риббентропа.

Господину фон Риббентропу предъявляется обвинение в том, что в период судетского кризиса и во время образования Протектората Богемия и Моравия он усыпил Польшу, разыгрывая перед ней дружеские чувства. В опровержение этого утверждения я должен указать на то, что со времени соглашения в 1934 году⁵⁵⁴ отношения между Германией и Польшей были хорошими и даже дружественными и что факт передачи Польше Тешинской области, которым она обязана внешней политике Германии, оказал на них еще более благоприятное влияние.

Таким образом, Польша имела все основания к выражению дружественных чувств по отношению к Германии, для этого не нужно было никакого фальшивого поведения Риббентропа. Как показали представленные здесь доказательства, Риббентроп продолжал придерживаться дружественной политики по отношению к Польше и после раздела Чехословакии, так как не было никакой причины отказываться от этой политики.

Риббентропу предъявляется далее обвинение в том, что он знал, что уже весной 1939 года Гитлер принял решение воевать с Польшей, и что Данциг послужил только поводом к этому конфликту. Такой вывод делается на основании документов USA-27 и USA-30, в которых говорится об известных речах Гитлера от 23 мая и 22 августа 1939 г. Я должен обратить ваше внимание на то, что Риббентроп не присутствовал на этих совещаниях, участниками которых были только военные лица.

⁵⁵⁴ «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» (называемая также Договор о ненападении между Германией и Польшей, Пакт Пилсудского — Гитлера) — совместная декларация, подписанная Германией и Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

Здесь подробно говорилось о целом ряде документов. Я назову только самые известные, например документ Хосбаха⁵⁵⁵, оба документа Шмундта⁵⁵⁶, записи вышеупомянутых речей Гитлера. Довольно много заявлений об этих документах приобщили в качестве доказательств. Люди которые хорошо знали Гитлера заявили о том, что они привыкли к тому, что он раскрывал свои экстравагантные идеи во внезапных речах, в которых он часто повторялся, и они не воспринимали их всерьез в виду его странности.

Этим документам можно противопоставить ряд речей, в которых Гитлер утверждал обратное. Тут возразят, что в таких случаях Гитлер преследовал определенную цель, так как эти речи произносились для всех. Это, конечно, верно. Но также верно и то, что даже те немногие основные документы, представленные в доказательство того, что война была агрессивной, содержат в себе так много противоречий, что только критики, оценивающие все события прошлого, могут усмотреть в них эти планы. Кстати говоря, содержание этих документов было известно только тем, кто принимал участие в совещаниях, как того и требовали строгие правила сохранения тайны. Я могу объяснить почему господин фон Риббентроп впервые узнал о них здесь, в зале суда.

Руководящие принципы в отношении внешней политики которые Гитлер изложил ему в то время охватывали просто воссоединение с Данцигом и создание экстерриториальной дороги через Коридор, для того, чтобы открыть прямой путь к Восточной Пруссии.

Как помнит трибунал, Гитлер сказал господину фон Риббентропу уже во время назначения его министром иностранным дел, что было бы желательно достигнуть этих целей. Это требование было настолько же исторически обоснованным как и какое-то решение в случае более ранних присоединений районов населенных немцами, которое стало неизбежным.

Статус чисто немецкого города Данциг, который был создан Версальским договором в ходе учреждения польского государства, всегда являлся причиной трений между Германией и Польшей. Польша получила это решение в Версальском договоре в результате аргументации о необходимости выхода к морю. По этой же причине коридор был создан вопреки всем этнографическим потребностям. Клемансо⁵⁵⁷ в своём меморандуме уже ссылался на это искусственное порождение как источник угрозы, особенно ввиду того, что людей проживавших в этом районе

⁵⁵⁵ Протокол Хоссбаха — протокол заседания, состоявшегося 5 ноября 1937 года с участием Адольфа Гитлера, а также военного и внешнеполитического руководства нацистской Германии, на котором Гитлер изложил свои экспансионистские планы в Европе. Своё название протокол получил по имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера полковника графа Фридриха Хоссбаха;

⁵⁵⁶ Рудольф Шмундт (1896 — 1944) — генерал пехоты Вермахта, участник Первой и Второй мировых войн. Главный адъютант А. Гитлера в 1938-1944. Умер от ран после покушения на Гитлера 20 июля 1944. Речь идет о т.н. «папках Шмундта» содержащих документы о планировании Германией военных операций.

⁵⁵⁷ Жорж Клемансо (1841 — 1929) — французский политический и государственный деятель, журналист, премьер-министр Франции в 1906-1909, 1917-1920.

на долгие годы разделяли с помощью многих лет ожесточенности. Не трудно предвидеть, что в результате этого Лига наций и Международный суд в Гааге постоянно были заняты польскими нарушениями договоренностей о меньшинствах. Тоже самое относится к масштабной конфискации до миллиона гектаров немецких поместий за 20 лет. Не без повода лорд д.Абернон⁵⁵⁸ говорил о проблеме Данциг-коридора как о «пороховом погребе Европы». Когда наконец решение данного вопроса было найдено признанием польского требования на сохранение выхода к морю, подобное стремление казалось и чувствительным и исторически оправданным.

В ходе представления доказательств не было представлено никаких данных, свидетельствующих о том, что в этом вопросе был хоть один повод, который должен был быть известен господину фон Риббентропу. Суду не было представлено доказательств того, что Риббентроп знал о целях Гитлера, которые значительно превышали бы требования, сформулированные Гитлером при его назначении. Также мало доказано утверждение обвинения о том, что еще до 1 сентября 1939 г. Риббентроп сделал все, что только мог, чтобы нарушить мир с Польшей, хотя он знал, что война с Польшей вовлечет в конфликт Великобританию и Францию. Утверждая это, обвинение базируется на документе ТС-73, представляющем собой отчет польского посла в Берлине Липски министру иностранных дел Польши. Но документ вообще не содержит ничего, что могло бы служить обоснованием этого утверждения.

Кроме того, я не думаю, что после представленных доказательств Липски может считаться особенно хорошим свидетелем. Я должен напомнить о том, что именно Липски был тем человеком, который на решительной стадии переговоров, до начала войны, говорил, что у него нет ни малейшего повода интересоваться предложениями и нотами со стороны Германии. Он говорил, что за пять с половиной лет, в течение которых он был послом в Германии, он хорошо изучил положение там и убежден, что в случае возникновения войны в Германии начнутся беспорядки, и польская армия победоносно двинется на Берлин.

По показаниям свидетеля Далеруса, во время решающего совещания в польском посольстве именно Липски вызвал у шведов такое впечатление, что Польша саботирует всякую возможность начать переговоры.

Против вышеуказанного утверждения обвинения говорят и другие выводы из представленных доказательств, например, тот факт, что Риббентроп, узнав о подписании англо-польского договора о гарантиях, добился от Гитлера отмены данного войскам приказа о наступлении, потому что, по его мнению, в конфликт с Польшей были вовлечены западные державы. Это мнение совпадает с теми выводами по оценке положения в Европе, которые Риббентроп высказал уже в рассмотренном документе ТС-75.

⁵⁵⁸ Эдгар д.Абернон (1857 – 1941) – британский политик и дипломат. В 1920 член межсоюзной комиссии в Польше.

Посланник Шмидт сообщил здесь, что как раз Риббентроп послал его 25 августа 1939 г., то есть после встречи Гитлера с сэром Невилем Гендерсоном, к последнему с вербальным коммюнике (документ ТС-72), в котором кратко были изложены предложения Гитлера. Риббентроп настоятельно просил немедленно и лично передать правительству Великобритании эти предложения Гитлера. Согласно английской «Синей книге»⁵⁵⁹ сэр Невилл Гендерсон не мог не квалифицировать эти предложения, а также предложения, представленные позже, как исключительно разумные и чистосердечные. Это были непривычно гитлеровские предложения, а чисто предложения в духе Лиги наций.

Тот, кто изучал переговоры последующих решающих дней, не сможет отрицать, что со стороны Германии было сделано все, чтобы по крайней мере начать переговоры и провести их на приемлемой основе. Но другая сторона сорвала их, потому что она твердо решила на этот раз действовать. Добрая услуга Англии на этот раз окончилась прекращением всяких переговоров; представители Польши так и не сели за стол, за которым эти переговоры должны были бы вестись.

Против Риббентропа выдвинуто обвинение в том, что практически он сорвал последние решающие переговоры с английским послом Гендерсоном, зачитав предложения, которые Германия делала Польше в такой форме, которая противоречила всем дипломатическим правилам и нормам международного этикета, и так быстро, что сэр Невилл Гендерсон не мог их понять и, стало быть, не мог передать. На этой решающей встрече присутствовал переводчик-посланник Шмидт. Здесь под присягой он показал, что это утверждение неверно. Можно считать неумным приказ Гитлера сообщить сэру Невилу Гендерсону только суть меморандума. Но факт остается фактом: Риббентроп не только прочел английскому послу вслух нормальным темпом все содержание, но и благодаря присутствию переводчика предоставил сэру Невилу Гендерсону возможность полностью познакомиться с содержанием меморандума и просить пояснения. Впрочем, по инициативе рейхсмаршала Геринга в ту же ночь меморандум был передан по телефону советнику британского посольства Форбсу. Таким образом, правительство Великобритании было в состоянии выполнить им же самой предложенную услугу по организации переговоров на основе позитивных предложений Германии.

На основании описанных фактов можно, пожалуй, усомниться в верности того утверждения, что подсудимый сделал все, чтобы избежать мира с Польшей.

В начале своей защитительной речи я подчеркнул, что невозможно рассматривать агрессивную войну с юридической точки зрения, не зная предпосылок, которые привели к ее началу. Прежде чем перейти к юридической оценке конфликта с Польшей, я просил бы разрешения коротко остановиться на тех причинах, которые привели к нему.

Период между обеими мировыми войнами характеризуется реакцией

⁵⁵⁹ «Синяя книга» - издававшийся в Великобритании сборник документов кануна Второй мировой войны.

удовлетворенных стран на поведение неудовлетворенных и наоборот. По-видимому, существует закон, по которому после крупных военных потрясений страны-победительницы стремятся к восстановлению довоенного состояния как в материальной, так и в духовной жизни, в то время как побежденные страны, прибегая к новым средствам, и методам, вынуждены искать выхода из положения, явившегося следствием поражения. Так, после войны Наполеона возник «Священный союз»⁵⁶⁰, который под руководством Меттерниха⁵⁶¹ пытался игнорировать последствия Французской революции, действуя под знаком законности.

Чего не достиг «Священный союз», того не добились и Лига наций.

Созданная в минуту горячей веры в человеческий прогресс, она быстро превратилась в орудие удовлетворенных государств. Каждая попытка «укрепить» Лигу наций означала возведение нового барьера для сохранения статус-кво. Под утонченными выражениями юридических форм продолжалась политика сильных. Идея безопасности, овладевшая всеми, вскоре лишила недавно созданный орган всяких следов свежести и жизненности.

Таким образом, конечно, невозможно было найти разрешения проблем, возникших в результате Первой мировой войны. В международной жизни к все большему столкновению приходили интересы консервативных стран, которые были довольны статус-кво, и революционных стран, пытавшихся изменить существующее положение вещей. В этих условиях переход политической инициативы в руки неудовлетворенных стран был вопросом времени. Создание фронтов зависело исключительно от силы революционного духа, созревшего в противовес политическому самодовольству и тоске по прошлому. На этой почве выросли доктрины национал-социализма, фашизма и большевизма, программы которых содержали много мракобесных, эластичных, а иногда и противоречащих друг другу пунктов. Эти направления вербовали себе приверженцев не своими программами. Их сила состояла в том, что они предлагали что-то новое и не требовали от своих приверженцев поклонения старым политическим идеалам, оказавшимся в прошлом несостоятельными.

Послевоенный экономический кризис, разногласия о репарациях и оккупация Рура, бессилие демократических правительств добиться чего-либо для своего терпящего бедствие народа от других демократий, неизбежно вели к испытанию доктрин которые ещё не испробовали. Практический результат этой революции, как мы ощущали его в Германии после 1933, мог, помимо социальной программы, состоят лишь в отмене мирного урегулирования 1919, которое образует

⁵⁶⁰ Священный союз — консервативный союз России, Пруссии и Австрии, созданный с целью поддержания установленного на Венском конгрессе (1815) международного порядка.

⁵⁶¹ Клеменс Венцель фон Меттерних-Виннебург цу Байльштайн (1773 — 1859) — австрийский дипломат из рода Меттернихов, министр иностранных дел в 1809—1848 годах, главный организатор Венского конгресса 1815 года. Руководил политическим переустройством Европы после Наполеоновских войн.

классический образец неспособности понять революционный характер всемирного кризиса. Для этой революции эти задачи были не правовыми вопросами, а доктринами, точно также как задолго до этого они стали доктриной удовлетворенных государств поддерживать статус-кво любой ценой, даже за счет новой мировой войны.

Только тот кто не прячет глаза от этих тенденций может судить о политическом кризисе прошлого десятилетия.

У каждой революции есть только две возможности: или она встречает настолько незначительное сопротивление, что со временем появляются консервативные тенденции и создается амальгама со старым порядком, или контрсилы настолько велики, что революция разбивается в конце концов о свои же собственные чересчур заостренные средства и методы.

Национал-социализм пошел вторым путем, начав с мирного развития и поддержания традиций. Но и он не мог противостоять исторической закономерности развития. Цели, поставленные им перед собой, были слишком велики, чтобы их могло достичь одно поколение, его революционная эссенция была слишком крепкой. Первые успехи произвели ошеломляющее действие. Они заставляли умолкать критику, направленную против его методов и целей. Очень вероятно, что процесс воссоединения всех крупных групп немецкого населения в центре Европы — я имею в виду создание Протектората Богемия и Моравия и разрешение вопроса о Данцигском коридоре — окончился бы удачно, если бы под конец на основании прежних успехов не были бы слишком уже превышены революционные темпы и методы. Ни один трезвомыслящий человек не будет оспаривать необходимость решения вопроса Данцига-коридора, настолько деликатно насколько возможно.

Обвинение утверждает, что в действительности Данциг был просто предложением, глядя на это по положению дел в 1939 это вряд можно опровергнуть. Однако, очевидно, что противоположная сторона была заинтересована сохранением статуса-кво на Востоке. Национал-социализм, и вместе с ним, вновь обретший силу, Германский Рейх, стал такой угрозой в глазах других, что после Праги они решили устроить любому дальнейшему немецкому продвижению «стресс-тест», где бы это не произошло.

Я уже сказал о том, что революционный протест в Центральной Европе был в основном результатом экономических причин вызванных Версалем, где на Германию возложили мирный договор условия которого не могли быть выполнены побежденным.

Председатель: Доктор Хорн, трибунал думает, что эта фраза, во всяком случае, весьма спорная на том основании о котором я уже говорил.

Хорн: Господин председатель, я не хотел подчеркивать то как возник Версальский договор, я лишь хотел снова подчеркнуть определенные необходимые последствия,

которые являются общеизвестными. Но я закончил эту часть и мне больше нечего сказать об этом.

Председатель: Продолжайте, доктор Хорн.

Хорн: Здесь говорили о выражении «жизненное пространство». Я уверен, что это понятие никогда бы не стало политической программой, если бы после Первой мировой войны вместо того, чтобы экономически душить Германию, ей предоставили бы возможность вновь выступать на мировых рынках. Систематическое отстранение Германии от сырьевых баз мира якобы в интересах безопасности, усиливало стремление к автаркии и поискам выхода из экономической блокады. При создавшемся тяжелом экономическом положении крик о жизненном пространстве пал на плодородную почву.

Сталин прав, когда он говорит:

«Было бы неправильно думать, что Вторая мировая война возникла случайно или в результате ошибок тех или иных государственных деятелей, хотя ошибки безусловно имели место. На самом деле война возникла как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма».

Профессор Яррейс уже полностью объяснил, в своей основной аргументации о правовом и фактическом значении Пакта Келлога, что тот смысл который придает обвинение этому проекту не может быть признан защитой⁵⁶².

Раньше война рассматривалась как международное преступление. Это отметила, в частности, восьмая ассамблея Лиги наций в 1927 году. Однако, как мне представляется, преступление надо понимать не в юридическом конкретном смысле этого слова, а как выражение пожелания избежать в будущем катастроф в масштабах Первой мировой войны. Более того, ни Соединенные Штаты ни Россия не приняли участия в резолюции Лиги наций.

Как должен был признать господин представитель обвинения от Великобритании, все иные попытки заклеить войну, попытки, имевшие место в период с Первой по Вторую мировую войну, остались проектами, потому что практическая политика не могла следовать этим моральным постулатам.

Из всех этих попыток — а их было немало — ясно, что трудность юридического определения агрессивной войны заключается в том, что невозможно охватить политические события, включающие в себя целый ряд компонентов, юридическим понятием, которое могло бы соответствовать многогранной жизни.

⁵⁶² Господин судья Джексон пытается в этой связи сослаться на статью 4 Веймарской Конституции от 1919 года, по которой общепризнанные нормы международного права входят обязательной составной частью в право Германского Рейха. Пакт Келлога расценивается великими державами по-разному, но то толкование, которое дает ему обвинение, нельзя рассматривать. Аншюц. «Конституция Германского Рейха». 10-е изд. С. 58 и следовательно как германское право. Ср.: Решения Верховного суда Рейха суда по гражданским делам. Т. 103. С. 276. — прим. по IMT, том. XVII, стр. 571.

Неудачи в формулировке приемлемого определения агрессора привели к тому, что вместо выработки общих признаков, применимых в каждом отдельном случае, эту задачу перепоручили органу, стоящему над заинтересованными сторонами. Таким образом, встал вопрос определения агрессора: «*Quis iudicavit?*», то есть – «кого считать агрессором?» Возникла новая трудность в этой проблеме: что предпринимать против агрессора?

До попытки определить общее понятие агрессии и санкций против агрессора, политические союзы определяли обязательства сторон вести войну. Для того, чтобы улучшить эту неудовлетворительную анархическую ситуацию, Соединенные Штаты, заместитель государственного секретаря Брайан...

Председатель: [*Прерывая*] Разве это не выступление по тем же вопросам о которых уже выступал доктор Яррейс?

Хорн: Господин председатель, я постарался опустить темы изложенные профессором Яррейсом. Профессор Яррейс ограничил своё выступление в основном Пактом Келлога. Я рассматриваю только вопросы относящиеся к правовому аспекту агрессивных войн.

Председатель: Да, но трибунал предоставил право дополнительному защитнику рассмотреть общие правовые вопросы для того, чтобы другие защитники не рассматривали такие же правовые вопросы. Конечно, вы не используете слова доктора Яррейса – я бы не ожидал от вас этого – но вы выступаете по тем же самым темам.

Хорн: Господин председатель, первоначально было согласовано, так как профессор как эксперт заявил, что каждый защитник вправе занять другое отношение к проблеме по которой он выступал. Профессор Яррейс в основном сконцентрировался на Пакте Келлога и его последствиях. Лично я обращаю внимание на агрессивную войну, и как вы, господин председатель, подчеркнули...

Председатель: Минуточку. Тогда получается, что трибунал будет заслушивать 20 выступлений по общеправовым вопросам, и разумеется вряд ли защитники думали, что трибунал предлагал заслушивать 20 выступлений по общеправовым вопросам, а также заслушивать доктора Яррейса. Единственная цель заслушивания защитника заключалась в том, чтобы один защитник рассмотрел общеправовые вопросы и чтобы другие не выступали по этому поводу.

Хорн: Господин председатель, могу я еще раз подчеркнуть...

Председатель: Минуточку. Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

Дикс: Милорд, можно попросить трибунал принять короткое объяснение по вопросу который затронул внимание трибунала и который для большинства защитников имеет основное и фундаментальное значение. Я бы хотел напомнить

вам о том, что предложение и инициатива рассмотреть определенные правовые темы и чтобы их рассмотрел профессор Яррейс исходила от защиты, и что это предложение было внесено по единственной причине выполнить пожелание трибунала ускорить процесс. Я должен честно попросить трибунал защитить нас от того, чтобы это предложение, внесенное и одобренное трибуналом, стало нашей ловушкой в такой интерпретации которая окажется слишком строгой. У меня нет с собой распоряжения, и я не намерен рассматривать и обсуждать его, но я бы хотел сказать вот что: профессор Яррейс выступил и выступил только по двум темам, которые, вправду имеют общий характер: то есть, (а) наказание индивидуальных лиц за агрессивную войну, другими словами, *nulla poena sine lege* и (б) юридическая природа указов фюрера. Доктор Яррейс должен был рассмотреть только две проблемы и эти две темы он на самом деле рассмотрел. Но кроме этого, этот процесс порождает серию правовых проблем которые имеют общий характер и более-менее влияют на каждого подсудимого. Я напоминаю вам только толкование обвинений в заговоре, различные вопросы о международном праве, вопрос заложников и принудительного труда, и юридический вопрос о бедствии на море в результате морской войны, и другие общие вопросы. Есть костяк общих вопросов, прежде всего вопрос на котором остановился мой коллега, доктор Хорн: «Что есть агрессивная война?». Имеется существенная разница между военной агрессией, политической агрессией и юридической агрессивной войной, и т.д, о которых доктор Яррейс ни сказал ни слова, и не должен был говорить. И пожалуйста – я доверяю тому, что вы имели это в виду, но так я понял доктора Хорна – что это действительно основа в его аргументации.

Я не намерен выдвигать юридические аргументы, и ссылаться на решение трибунала. Я прошу трибунал не ставить нас в такое положение, при котором мы, желая сослужить службу делу, желая сэкономить время, передали профессору Яррейсу комплекс правовых вопросов и теперь не можем нести за это ответственность, так как будем лишены возможности высказаться на темы, имеющие очень важное юридическое значение для подсудимых, но совершенно не затронутое профессором Яррейсом.

Всего одно-два слова. Мне кажется трибунал согласится со мной в том, что можно иметь совершенно другое мнение по предмету который рассматривал доктор Яррейс. У меня нет, и я не буду противоречить доктору Яррейсу. Но с чисто теоретической точки зрения такое может быть. Если такое случится, просто потому, что выступавший рассмотрел этот вопрос, хотя бы в смысле который тот или иной защитник считает совершенно неподобающим и вредным для его дела, этот защитник должен промолчать? Это не может быть намерением трибунала. Что же, все что я хотел сказать, это выступление Яррейса служило цели ускорения процесса. Ну да, ладно. Но мы спрашиваем – я думаю можно сказать «мы», кажется, что никто из моих коллег не имеет другого мнения – мы просим, чтобы это не

интерпретировалось слишком формально, и если один из нас по какой-то хорошей причине говорит: «Мне нужно обсудить это, это важно по той или иной причине», дать нам возможность всякий раз, когда Яррейс рассматривал тему в смысле который мы не одобряем, и не мешать обсуждать какой-то общеправовой вопрос если он будет затронут кем-то из защитников.

Председатель: Трибунал рассмотрел данный вопрос и он, конечно, полностью знаком с трудностями которые могут возникнуть если имеются разногласия в мнениях защитников о вопросах рассмотренных доктором Яррейсом. Он ожидал принимая распоряжение которое определяет доктора Яррейса как выступающего по правовым вопросам вытекающим из обвинительного заключения и устава, которые являются общими для всех подсудимых – это слова распоряжения – что он рассмотрит все вопросы общие для всех подсудимых, и при отсутствии каких-то разногласий, остальные защитники примут эту аргументацию, но трибунал считает, что правовые вопросы могут быть в некоторой степени разнообразными и сложными и что единственное правило которое возможно установить для них на данном этапе заключается в том, что не должно быть никакого реального повторения защитников. Трибунал понимает, что подсудимые поймут необходимость такого правила как это. В интересах ускоренного порядка судопроизводства нельзя, чтобы аргументацию повторяли снова и снова, и трибунал желает отметить защитникам, что подобное повторение общих вопросов направлено лишь на отвлечение внимания трибунала от реальной защиты своих клиентов которых они представляют, и поэтому трибунал надеется, что подсудимые постараются взаимодействовать в этом вопросе и ограничат подобную правовую аргументацию той которую они думают правильно представить трибуналу, а не аргументацию которая была представлена предыдущим защитником – как доктором Яррейсом или каким-то другим защитником. Это все, что необходимо сказать, думаю, на данном этапе, и уже 5 часов и трибунал откладывается.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 8 июля 1946]

День сто семьдесят третий

Понедельник, 8 июля 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала, подсудимый Фриче отсутствует.

Хорн: С разрешения высокого трибунала, я продолжу свою заключительную речь, начав со страницы 34. Номера английских страниц соответствуют номерам немецких страниц.

До того как предприняли попытку разработать определение понятия агрессии и те меры, которые должны быть применены в отношении агрессора, решающим в обязательствах отдельных стран не прибегать к войне было образование политических союзов. Чтобы улучшить неудовлетворительное анархическое положение, Соединенные Штаты в ряде договоров, заключенных при государственном секретаре Брайане, взяли на себя инициативу установления сроков «перемирия». Эти сроки должны были оттянуть возможные конфликты и утихомирить страсти.

Статут Лиги наций использовал эту точку зрения, но пошел в этом отношении дальше, установив, что следует провести расследование, в результате которого было бы определено, допустима или недопустима война. Это решение должно было установить, разрешена или не разрешена война по статуту Лиги наций. Целью этого упорядоченного расследования было ударить по нарушителю международного порядка. Однако понятие «нарушитель» не должно было обязательно означать понятие «агрессор». То государство, которое начинало войну, сообразуясь с решением органов Лиги наций, действовало дозволенным образом, причем даже в том случае, если оно первым начинало военные действия и таким образом превращалось в агрессивную сторону с военной точки зрения.

Следовательно, выяснилось, что разграничение таких понятий, как «агрессор» и «подвергающийся агрессии», было еще недостаточно для того, чтобы справедливо упорядочить международные отношения.

Несмотря на то, что эти положения устава, а также и то расследование,

которое было проведено на основании этих положений, показали, что такие уравнивания, как справедливо — несправедливо, дозволено — не дозволено, нападающий (агрессор) — подвергающийся агрессии, решить невозможно, в дальнейшем старались заклеить нарушителя международного порядка таким понятием, как «агрессор». Так как ввиду только что упомянутых трудностей фактического определения создать было невозможно, попытались сделать из юридического понятия, которое нельзя было сформулировать, политическое решение тех органов Лиги наций, которые были призваны охранять международный порядок. Так это и было сделано в проекте договора о взаимопомощи, который был разработан в 1923 году по поручению ассамблеи Лиги наций. Женевский протокол, который должен был дополнить то, что недоставало в статуте по вопросу о разрешении конфликтов, также передавал совету Лиги наций право принимать решение относительно того, кто нарушил договор и является таким образом агрессором.

Попытки заклеить войну и уладить конфликты, упомянутые здесь господином главным обвинителем от Великобритании, остались лишь проектами, за исключением одного только пакта Бриана — Келлога.

Этому факту следует приписать и то, что на Конференции по разоружению еще раз обсуждался вопрос о юридическом определении понятия агрессора. В 1933 году комитет по вопросам безопасности при генеральной конференции по разоружению под руководством грека Политиса⁵⁶³ выработал такое определение. Ввиду того что Конференция по разоружению не увенчалась успехом, это определение в том же самом году на Лондонском совещании вошло а целый ряд договоров. Из великих держав только один Советский Союз принял участие в этих договорах. Обсуждение определения этого понятия на Конференции по разоружению состоялось по инициативе Советского Союза. Этим определением воспользовался и господин главный обвинитель от Соединенных Штатов, построив на нем обвинение а совершении преступлений против мира на данном процессе. Оно является не чем иным, как предложением обвинения в рамках устава, который не говорит ничего более точного относительно понятия агрессивной войны. Необходимо подчеркнуть, что господин судья Джексон при этом не может сослаться на общепризнанные нормы международного права.

Определение агрессии от 1933 года не стало предметом общего договора, как это было предусмотрено, а напротив, только некоторые государства заключили между собой соглашения, которые были обязательными только для участников. Практически здесь имела место договоренность между некоторыми государствами, сгруппировавшимися вокруг Советского Союза, и самим Советским Союзом. Ни одна другая великая держава не приняла этого определения. В особенности же Великобритания держалась в стороне, несмотря на то, что эти соглашения были

⁵⁶³ Николаос Политис (1872 — 1942) — греческий юрист, дипломат, трижды был министром иностранных дел Греции.

заключены именно в Лондоне. Для того чтобы создать норму международного права, которая имеет такое большое значение, было бы по крайней мере необходимо, чтобы все великие державы приняли в этом участие.

Независимо от этих чисто юридических соображений высказывания главного обвинителя от Великобритании и главного обвинителя от Соединенных Штатов показывают, что и с фактической стороны это предложение неудовлетворительно. В важном вопросе четвертого пункта этого определения британское обвинение отклоняется от американского обвинения. Старое противоречие в интересах, а именно противоречие между принципом открытого и закрытого моря, в обвинении привело к тому, что сэр Хартли Шоукросс не упомянул о морской блокаде побережья и портов какого-либо государства как об агрессивных действиях.

Если это определение 1933 года и содержит некоторые ценные предложения для установления того, кто является агрессором, все же нельзя обойти тот факт, что формально-юридическое определение не дает возможности удовлетворить все требования политической действительности.

Пытаясь по-новому организовать мир, устав Объединенных Наций учитывает этот факт и, очевидно, возвращается к идее разрешения этой проблемы через международный орган. Устав о мире в Сан-Франциско говорит в статье 39 главы VII:

«Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

В 1939 году не было общепризнанного определения такого понятия, как «агрессор», ни органа, который был бы призван решать вопрос о том, кто является агрессором.

Лига наций как орган устранения конфликтов совершенно не оправдала себя. Внешне это выразилось и в том, что три великие державы ушли из Лиги наций. Насколько мало прислушивались к голосу почти что распавшейся Лиги наций, показывает поведение Советского Союза в финском вопросе. Он не посчитался с решением Лиги наций относительно этого конфликта, а, напротив, преследовал свои собственные интересы в Финляндии.

И если я, после этих рассуждений, сделаю трибуналу предложение относительно того, что следует понимать под понятием «агрессия» в пункте ба устава, то эта квалификация не может быть присоединена к тому определению, которое было принято в международном праве. Не остается ничего другого, как исходить из того условия, которое всегда связывалось с этим в практике государств и в традициях дипломатии.

Согласно существовавшей в 1939 году традиции, начало войны с правовой

точки зрения не расценивалось как преступление независимо от того, чем оно было обусловлено. Пакт Бриана — Келлога и последовавшие вслед за ним переговоры не могли устранить этого факта, который сложился в результате развития, продолжавшегося столетия. Об этом приходится искренне сожалеть, но нельзя пройти мимо него. То, что эта точка зрения находилась в соответствии с принципами международного права по вопросу о начале войны, которые разделялись державами, подписавшими устав, явствует из того факта, что признанные во всем мире специалисты по международному праву придерживались того мнения, что если пакт Бриана — Келлога и коллективная система безопасности оказались несостоятельными, то в силе остается традиционное правовое восприятие войны⁵⁶⁴.

Разве господин фон Риббентроп в 1939 году должен был предвидеть, что его действия, рассмотренные под углом зрения обычной дипломатической игры, будут расценены как международно-наказуемое преступление?

Я уже указывал на то, что господин фон Риббентроп тогдашнюю границу на Востоке считал неустойчивой. Поэтому-то он придерживался мнения, что ее надо изменить. С помощью и в рамках европейской системы пактов нельзя было добиться гарантии этих границ. В рамках Локарнских договоров ввиду противоречивых интересов участвовавших в них держав не было создано гарантии восточной границы, которая была установлена Версальским договором, в то время как для западных границ оказалось возможным создание подобной гарантии. Все, что было создано в результате бесконечных усилий, — это связанные с Локарнской системой договоры о третейских судах между Германией и Польшей и Германией и Чехословакией. В этих договорах не было никаких гарантий границ. В них была лишь предусмотрена процедура урегулирования возможных конфликтов. Я буду о них говорить при рассмотрении тех нарушений договоров, которые вменяются в вину Риббентропу.

После того как Гитлер, уйдя из Лиги наций и с Конференции по разоружению, выразил таким образом свое недоверие к коллективной безопасности, он перешел к системе двусторонних соглашений. При этом на предварительных переговорах, которые велись перед заключением соглашения между Польшей и Германией в 1934 году, было ясно высказано, что данными двумя государствами эта проблема должна быть разрешена в духе предстоящего договора. И не следует здесь забывать, что для разрешения этой проблемы были предусмотрены лишь мирные средства, что имела также место договоренность о заключении пакта о ненападении, который должен был действовать в течение 10 лет. Для оценки поведения Риббентропа сейчас не имеет значения, верил ли Гитлер в возможность такого разрешения этой проблемы или он надеялся путем эволюции добиться изменения

⁵⁶⁴ Оппенгейм-Лаутерпахт. Международное право. 5-е изд. С. 154.

положения на Востоке. Он не брал на себя инициативы в этом вопросе, он просто столкнулся с этой договоренностью как с уже свершившимся фактом.

Опыт уравнивания государственных интересов показывает, что соглашения являются только тогда устойчивыми, когда они соответствуют политической действительности. Если этого нет, то сама сила фактов побеждает первоначальное устремление держав, заключивших этот договор. Великий государственный деятель XIX столетия выразил эту истину следующими словами: «Для письменных договоров элемент политических интересов является необходимой подкладкой».

Таким образом, восточный вопрос не был снят с повестки дня в результате заключенного в 1934 году договора, напротив, он продолжал тормозить развитие международных отношений. Как показало представление доказательств, в ходе политического развития все яснее и яснее становилось то, что рано или поздно должно прийти к какому-либо решению. Противоречащий этнологической, культурной и экономической действительности устав свободного города Данцига, а также и изоляция Восточной Пруссии путем создания Коридора дали пищу конфликтам, необходимость разрешения которых вызывала опасение у некоторых государственных деятелей еще в Версале.

Данные Англией гарантии Польше 31 марта 1939 г., которые привели к заключению пакта о взаимопомощи 25 августа 1939 г., способствовали бы в случае возникновения конфликтов с этим государством с самого начала отрицательному отношению поляков к любому пересмотру, причем даже к пересмотру в самом ограниченном размере.

Эти гарантии опять-таки показали, какие значительные выводы сделала Великобритания из наблюдения за реальными политическими событиями, которые позволили ей установить распад системы коллективной безопасности; эти гарантии показали, как мало доверяла она практическому значению морального осуждения войны в пакте Бриана — Келлога.

Следовательно, господин фон Риббентроп должен был на основании позиции Великобритании сделать вывод, что польское правительство, от которого Германия могла ожидать взаимопонимания, не изменит ни в чем своей неуступчивой позиции. Развитие событий в последующие месяцы показало, что это предположение оправдалось.

То, что надвигающаяся опасность будет развиваться в рамках обычных принципов политики, направленной на реализацию интересов собственного государства, особенно ярко показало вступление Советского Союза в этот конфликт. И он, таким образом, расстался с основами, на которых зиждилась система коллективной безопасности. Он рассматривал надвигающийся конфликт только с точки зрения русских интересов. Учитывая положение вещей, господин фон Риббентроп старался в случае неизбежности конфликта по крайней мере

локализовать его. Он с полным правом мог надеяться на то, что эти его устремления увенчаются успехом, ибо две державы — Советский Союз и Германия, в первую очередь заинтересованные в Восточной Европе, заключили между собой перед началом вооруженного столкновения не только пакт о ненападении, но и пакт о дружбе. Одновременно путем заключения тайного договора они пришли к соглашению о будущей судьбе польской территории и прибалтийских государств.

Но несмотря на все это, весь механизм пактов о ненападении был выключен; это привело к тому, что локальный конфликт в Восточной Европе превратился в мировой пожар. Если обвинение хочет создать правовой масштаб для этих событий, то нельзя не учитывать соучастия Советского Союза.

Конфликт в Восточной Европе превратился в европейский конфликт, который в свою очередь неизбежно вызвал впоследствии мировой конфликт, и все это благодаря тому, что Великобритания и Франция приняли в этом участие. Вступление этих держав в войну последовало в форме, предусмотренной Третьим гаагским соглашением относительно начала военных действий, а именно в форме ультиматума с обусловленным объявлением войны.

Господин судья Джексон на заседании 9 марта 1946 г. уточнил обвинение в том направлении, что расширение театра войны западными державами не являлось наказуемым а связи с агрессивными действиями Германии. Эта точка зрения соответствует его общим заявлениям, сделанным при определении понятия агрессии. Если бы он (судья Джексон) захотел быть последовательным, то он должен был бы объявить Великобританию и Францию агрессорами по отношению к Германии, ибо они привели к состоянию войны с помощью ультиматума.

Мне кажется, что никакого противоречия между мной и обвинением не возникнет, если я и здесь выскажу предположение, что такой результат не соответствует истинному мнению обвинения. Обвинение исключает такие доказательства, которые касаются политико-исторического фона войны. Обвинение, следовательно, ограничилось формально-юридическим определением и не стало опираться на отдельные критерии этого определения. Тем самым оно подтвердило мой окончательный вывод, который я уже высказал перед трибуналом, а именно то, что определение, предложенное обвинением, не представляет подходящей базы для квалификации неопределенного понятия агрессии.

Я хочу обратить внимание на результаты событий, имевших место перед началом войны.

Пакт Бриана — Келлога и понятие агрессии, то есть столпы обвинения, не могут удержать этого обвинения. Пакт Бриана — Келлога не имел такого содержания, которое можно было бы признать юридической нормой; он не содержал угрозы наказания для государства, как не содержал ее и для отдельных лиц. Попытка придать ему жизненность с помощью формального понятия агрессии разбилась о политическую действительность.

В распространении конфликта на Скандинавию Риббентроп участвовал в такой незначительной степени, что это действие нельзя вменить ему в вину как отдельное законченное преступление.

Как показали допросы Рёдера и Кейтеля, Риббентроп был предупрежден об этом мероприятии лишь за 36 часов до начала его проведения. Его соучастие состояло лишь в том, что он составил ноты, которые по форме и содержанию были ему заранее предписаны.

Относительно фактической стороны, а именно о предстоящем нарушении скандинавского нейтралитета западными державами, сведения он черпал из получаемой им информации. Как показало представление доказательств и как позднее покажу я при рассмотрении правовой стороны вопроса, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, не имел полномочий для проверки этой информации и никаких необходимых для этого вспомогательных средств. Если считать, что эта информация была правильной, то он с полным правом мог предположить, что Германский Рейх, намереваясь провести подобное мероприятие, действовал в соответствии с международным правом. Более точное освещение этих правовых вопросов я предоставляю моему коллеге доктору Симерсу, подзащитный которого Рёдер предоставлял Гитлеру информацию о намерениях противника и выступил перед последним с предложением оккупировать Скандинавию.

Что касается Бельгии и Нидерландов, то в ходе представления доказательств было выявлено, что эти державы не могли обеспечить соблюдения нейтралитета бельгийско-нидерландской территории. Еще до войны между генеральными штабами западных держав и генеральными штабами этих двух нейтральных государств имелись соглашения; между ними происходил также постоянный обмен мнениями по вопросу об оккупации в случае конфликта с Германией и о позиции, которую должны занять данные государства в случае конфликта. Детальные выступления и построенные под руководством офицеров западных держав системы укреплений должны были подготовить принятие союзных воинских частей. Эти планы распространялись не только на сотрудничество участвовавших армий, но и на включение определенных гражданских учреждений для обеспечения снабжения и успешного продвижения союзных армий.

Существенным моментом в этих приготовлениях является тот факт, что они были задуманы не только для обороны, но и для наступления. По этой причине Бельгия и Нидерланды не хотели или не могли воспрепятствовать постоянным перелетам британских боевых авиасоединений, которые ставили своей ближайшей целью разрушение Рурской области, ахиллесовой пяты германской военной промышленности. Эта область в случае наступления на суше явилась бы основной целью союзников.

Эти намерения, а также и интенсивная подготовка наступательных действий со стороны западных держав были точно установлены всевозможными

источниками информации. В результате группировка наступательных сил привела к тому, что бельгийско-нидерландская территория была включена в область военных действий. Эти сообщения, как уже говорилось при описании предшествовавшего конфликта, все время доводились до сведения Риббентропа самим Гитлером или его уполномоченными. И здесь Риббентроп должен был доверять правильности этих сообщений, не имея права и не считая возможным проверять их. И он на основании этих сообщений пришел к выводу, что для предотвращения смертельной опасности, то есть для предотвращения наступления союзников на Рурскую область, необходимо принять контрмеры. Исходя из этих соображений и учитывая масштабы современных военных операций, нельзя было исключить Люксембург.

Обвинение в связи с этими мероприятиями вменяет в вину германской внешней политике и, таким образом, Риббентропу ввод войск на территорию Бельгии и Голландии, что противоречит Пятой гаагской конвенции относительно прав и обязанностей нейтральных держав и нейтральных лиц в случае войны.

Обвинение не учитывает при этом, что этот договор не имеет отношения к вовлечению в войну нейтрального государства, в войну, которая ведется другими государствами, и что договор существует лишь для установления прав и обязанностей нейтральных государств и государств, ведущих войну, до того момента, пока нейтралитет существует. Обвинение сделало ошибку, используя свою, как я уже показал, неправильную интерпретацию пакта Бриана — Келлога, распространив его положения на соглашение, которое было заключено двадцатью годами ранее. Все соглашения относительно прав во время войны и в особенности относительно порядка ведения сухопутной войны, а также соглашение о нейтралитете в области сухопутной и морской войны строились исходя из того, что военное положение как бы существует. Это установление уничтожает ссылку обвинения на Пятую гаагскую конвенцию о запрещении расширять театр военных действий за счет нейтральных государств, которые ратифицировали это соглашение.

Далее вообще сомнительно, можно ли, как это делает обвинение, упоминать Локарнский договор в связи с включением Бельгии в войну. Локарнская система после отказа от нее Германии в 1935 году совсем развалилась, как это покажет защитник фон Нейрата. Все попытки добиться нового соглашения, которое должно было встать на место этой системы, исходили из того факта, что созданное Германией действительное положение должно послужить исходной точкой нового соглашения. Об этом особенно свидетельствуют британские и французские планы, составленные в связи с предусмотренным новым соглашением. Соглашения добиться не удалось. Однако длительные и детальные переговоры показали со всей ясностью, что Локарнский договор ни одним из участников не рассматривался как действующий. Напротив, западные державы перешли к обсуждению вопроса о том, каковы будут последствия обстоятельств, гарантирующих западные границы. Остается признать, что система договоров, таким образом, стала устаревшей. В 1940

году, следовательно, у Германии не было тех обязательств, которые имелись у нее по западному пакту от 1925 года.

О соглашениях относительно третейских судов и о так называемых дополнительных соглашениях, которые связаны с Локарнским договором и которые были заключены с Бельгией, Польшей и Чехословакией, я буду говорить позднее, когда буду рассматривать обязательства Германского Рейха относительно мирного разрешения конфликтов.

Что касается Люксембурга, то само обвинение не ссылалось на нейтралитет этой страны. Очевидно оно исходит из соображения, что Версальский договор принудил Германию отказаться от прав предоставленных Лондонским соглашением 1863.

Югославия. Когда 24 марта 1941 г. югославское правительство заявило о своем присоединении к Пакту трех держав⁵⁶⁵, Риббентроп не мог предполагать на основании всех имеющихся в его распоряжении сведений, что через несколько дней после этого присоединения в силу политических причин необходимо будет военное вмешательство Германии на Балканах. Эта обстановка была создана в результате насильственной смены правительства в Белграде. Реакция на присоединение правительства Стоядиновича⁵⁶⁶ к Пакту трех держав имела своим последствием то, что в Югославии произошел новый политический переворот под руководством Симовича⁵⁶⁷, цель которого заключалась в установлении тесного сотрудничества с западными державами против идеи Пакта трех держав.

Учитывая эту неясную обстановку внутри Югославии, которая усугубилась в результате мобилизации югославской армии и развертывания ее вдоль германской границы, Гитлер внезапно принял решение о военных операциях на Балканах. Он принял это решение без ведома Риббентропа, думая, что устранил серьезную опасность, угрожавшую итальянскому союзнику.

Допрос подсудимого Йодля с очевидностью показал, что Риббентроп после принятия решения Гитлером и после путча Симовича прилагал серьезные усилия для того, чтобы до начала военных операций попытаться исчерпать дипломатические возможности. Йодль здесь подтвердил, что эти усилия Риббентропа были отвергнуты так резко, что, учитывая характер Гитлера и господствовавшие методы, было невозможно оказать на него влияние.

В виду того, что уже с 4 марта 1941 сильные британские силы продвигались на север из южной Греции, дальнейшая локализация итало-греческого

⁵⁶⁵ Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет. Берлинский пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

⁵⁶⁶ Милан Стоядинович (1888 — 1961) — сербский и югославский политический деятель, известный экономист. С 1935 по 1939 год он занимал пост премьер-министра Королевства Югославии.

⁵⁶⁷ Душан Симович (1882 — 1962) — югославский военачальник, премьер-министр Югославии (27 марта 1941 — 12 января 1942; с апреля 1941 в изгнании)

конфликта была невозможной. При том, что эта война началась осенью 1940 вопреки желанию, Гитлер в виду общей обстановки разумеется не мог допустить неминуемое поражение своего итальянского союзника.

После того как 23 августа 1939 г. Риббентроп подписал в Москве заключенный между Германией и Советским Союзом договор о ненападении, включая тайное соглашение о разделе Польши и передаче прибалтийских государств России, на ближайший период идеологические противоречия между национал-социализмом и большевизмом, которые временами были очень резкими, были исключены как элемент опасности из международной сферы. Эта система договоров, которая в течение последовавших месяцев была дополнена, оказала благоприятное влияние на оценку внешней политики Гитлера со стороны широких слоев германского народа, обеспокоенных противоречиями в мировоззрении.

С того времени, как Бисмарк⁵⁶⁸ заключил с Россией договор о взаимных гарантиях⁵⁶⁹, в Германии все были убеждены, что сохранение дружественных отношений с Россией всегда должно быть целью нашей внешней политики. Господин Риббентроп тогда, исходя из только что упомянутых традиционных соображений, видел в этих договорах прочную опору германской внешней политики. Следуя своим убеждениям, он зимой 1940 г. дважды приглашал народного комиссара иностранных дел Советского Союза Молотова в Берлин, чтобы разрешить возникавшие в то время вопросы. К сожалению, вторая беседа не привела к желаемым результатам.

У Гитлера результаты этих переговоров и тайные сообщения вызывали большие опасения относительно позиции Советского Союза по отношению к Германии. В частности, Гитлер рассматривал образ действий России в прибалтийских странах, а также вступление советских войск в Бессарабию и Буковину как акты, которые представляли угрозу германским интересам в пограничных государствах на побережье Балтийского моря и в румынских нефтеносных районах. Кроме того, он видел в политике СССР возможность приобретения влияния на Болгарию. Он мог усмотреть подтверждение своего подозрения в заключении 5 апреля 1941 г. Советским Союзом пакта о дружбе с Югославией, который был подписан в тот момент, когда Югославия после смены правительства угрожала перейти в лагерь западных держав.

Несмотря на то, что Гитлер неоднократно высказывался перед господином фон Риббентропом о своих опасениях, подсудимый все же пытался разрядить создавшуюся атмосферу. Суд разрешил мне предъявить показания, которые подтверждают, что господин фон Риббентроп еще в декабре 1940 г. пытался во

⁵⁶⁸ Отто фон Бисмарк (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути и прозванный «железным канцлером».

⁵⁶⁹ Договор о перестраховке 1887 года — обиходное (в дипломатических кругах Германии и России) название тайного договора между Россией и Германией, подписанного в Берлине 6 (18) июня 1887 года канцлером Бисмарком и русским послом П. А. Шуваловым, в том же месяце ратифицирован обеими сторонами.

время одной подобной беседы с Гитлером склонить последнего дать ему полномочия для осуществления присоединения России к Пакту трех держав. Это доказательство подтверждает, что господин фон Риббентроп после этой беседы придерживался мнения, что данный шаг он мог осуществить только с согласия Гитлера. В последующее время у Гитлера эти опасения появлялись все чаще и чаще; они подкреплялись исходящими от его тайной разведки секретными данными о военной подготовке, имевшей место по ту сторону восточной границы. Весной 1941 г. господин фон Риббентроп пытался привезти тогдашнего посла в Москве и одного из его помощников к Гитлеру в Берхтесгаден. Оба дипломата к Гитлеру допущены не были. Этим при существующем режиме все возможности господина фон Риббентропа, в рамках его должности, были исчерпаны. Он не видел возможности и дальше не признавать доведенных до его сведения данных.

Как сообщил генерал-полковник Йодль, у него, как и у всех командующих, принимавших участие в первых операциях похода на Россию, сложилось впечатление, будто немецкие войска застали русских в самый разгар их сосредоточения для ведения наступательных операций. Это же, между прочим, доказывают и найденные карты с обозначением пространства по нашу сторону от русско-германской границы. Разве можно предположить, что такое поведение Советского Союза находилось в соответствии с положениями Пакта о ненападении?

К этому времени симптомы превращения европейской войны в войну мировую стали весьма заметными. Соединенные Штаты вступили в войну с законом о нейтралитете, подчинившись заранее твердо установленным правилам на случай возможной войны. Закон о нейтралитете вступил в силу после оглашения его президентом. Закон указал на зоны опасности, находясь в черте которых американские суда не могут рассчитывать на помощь со стороны своего правительства.

Эта позиция в начале войны подтверждает, что инициаторы пакта Бриана — Келлога (Соединенные Штаты) не придерживались того мнения, что исконное право нейтралитета в какой-либо мере было бы этим поколеблено.

По мере расширения театра военных действий и обострения методов ведения войны в Европе Соединенные Штаты все больше и больше отказывались от своих прежних позиций по отношению к Германии, несмотря на то, что со стороны Германии не было сделано ничего такого, что могло бы привести к конфликту.

Опыт Первой мировой войны вызвал у всех немцев, а также и у Риббентропа решимость всеми силами противиться вмешательству со стороны США. Со времени речи Рузвельта о «карантине» в 1937 году стали особенно заметны сильные разногласия в идеолого-политическом мышлении мировой общественности. Ситуация еще больше обострилась из-за событий, имевших место в 1938 году в Германии, которые затем послужили причиной, по которой посол Соединенных Штатов в Берлине был вызван в Вашингтон для отчета и затем не

вернулся обратно на свой пост.

Поскольку Соединенные Штаты продолжали придерживаться политики нейтралитета, что нашло свое выражение в законодательных актах, вступивших в силу в начале войны, Риббентроп мог сделать вывод, что разногласия во мнениях по вопросу внутривнутриполитического устройства государства не нарушат нейтралитета Соединенных Штатов по отношению к Германии. Руководствуясь этим, Германия в начале войны отклоняла все, что могло бы послужить во вред Соединенным Штатам. Кроме того, даже целый ряд действий со стороны Соединенных Штатов, направленных на ослабление Германии и не вяжущихся с нейтралитетом Соединенных Штатов в отношении Германии, был оставлен германским правительством без внимания.

В августе 1941 года Соединенные Штаты стали прокламировать Атлантическую хартию⁵⁷⁰ в качестве программы нового порядка сосуществования народов и мировая общественность узнала о том, что политические цели нейтральной Америки и ведущей войну Великобритании общие. Атлантическая хартия носила явно враждебный характер по отношению к странам Оси, не оставляя больше сомнений в том, что Соединенные Штаты выступают на стороне общих противников.

Следуют инциденты на море, которые, как показали предъявленные доказательства, свидетельствовали о том, что США оказывают материальную помощь Великобритании.

Занятием Исландии, Гренландии летом и осенью 1941 года Соединенные Штаты взяли на себя охрану важнейших коммуникаций для находившейся в тяжелом положении Великобритании. Таким образом, здесь имела место военная интервенция еще до начала официально объявленной войны. Так называемый «приказ стрелять» президента привел к опасной ситуации которая однажды могла привести к началу вооруженного конфликта. Еще за несколько месяцев до 11 декабря 1941 г. США приняли меры, которые обычно проводятся только во время войны. Начало войны было лишь звеном — и то не самым главным — в целой цепи следовавших один за другим событий. Война началась нападением японцев на Перл-Харбор, которое, как было доказано на процессе путем представления доказательств, Германия не могла предвидеть и которое она ничем не провоцировала.

Согласно формальному определению агрессии факт объявления войны является одним из критериев для определения агрессора, но, как я уже говорил в

⁵⁷⁰ Атлантическая хартия — один из основных программных документов антигитлеровской коалиции. Обсуждалась и была принята на Атлантической конференции «Riviera» британским премьером У. Черчиллем и Президентом США Ф. Д. Рузвельтом, на военно-морской базе Арджентия на Ньюфаундленде, о чём было заявлено 14 августа 1941 года. Позже, 24 сентября 1941 года, к хартии присоединились СССР и другие страны. Атлантическая хартия была призвана определить устройство мира после победы союзников во Второй мировой войне, несмотря на то, что Соединённые Штаты в войну ещё не вступили. Послужила основой создания Организации Объединённых Наций, а также основой будущего политического и экономического миропорядка в целом.

связи с развитием войны в Европе, один этот критерий без учета сути дела не является единственной уликой, определяющей агрессора. В ответ на многочисленные нарушения нейтралитета со стороны Соединенных Штатов, которые могли быть приравнены к военным действиям, Германия давно была вправе ответить на это такими же военными действиями. Было ли это право ответа на подобные действия использовано до объявления войны или после объявления войны, не играет роли.

До сих пор я освещал события, рассматриваемые обвинением как агрессивные действия с начала польской кампании до вступления в войну Соединенных Штатов. Остается еще осветить с юридической точки зрения нарушения заключенных Германией договоров, предусматривающих мирное разрешение политических конфликтов.

Господину фон Риббентропу ставится в вину не только то, что он принимал участие в агрессивных действиях, но, оказывается, и то, что он был обязан привести в действие механизм этих договоров прежде, чем дело дошло до вооруженных конфликтов. Обвинение считает, что предусмотренные в договорах пути мирного урегулирования не были использованы и это упущение Риббентропа может считаться уголовным преступлением. Такое мнение является ошибочным с юридической точки зрения.

Если мы станем на точку зрения обвинения, то увидим, что сделанные им выводы не могут быть состоятельными, несмотря на фундамент, на котором они зиждятся. Если отдельный министр будет нести уголовную ответственность за невыполнение договора, то обвинение должно спросить, был ли вообще в состоянии этот министр своей деятельностью достичь значительного влияния на развитие событий. Согласно присущему природе уголовной системы основному положению обвиняемый может быть наказан за свое упущение лишь в том случае, если он фактически был в состоянии и был обязан действовать с юридической точки зрения. Насколько незначительны были реальные возможности Риббентропа оказывать влияние я укажу, когда буду говорить о заговоре. Решающим при этом является то, что он юридически не был в состоянии делать обязательные заявления иностранным державам от лица Германского Рейха, если он не был уполномочен на это главой государства. Гитлер как глава государства является представителем Германского Рейха на международной арене. Только он мог делать обязательные заявления внешнему миру. Все остальные лица могли это делать лишь на основании полномочий, полученных от главы государства.

Не только для германского государства фюрера характерно то, что министр иностранных дел не может самостоятельно давать обязательства иностранным державам. Скорее, общий принцип международных отношений заключается в том, что только орган уполномоченный представлять государство способен сделать это. Разница между немецкими условиями и условиями

демократических конституций лишь в том, что во втором случае министр иностранных дел обычно имел более сильное влияние на намерения главы государства. Подсудимый, следовательно не мог бы получить никаких легитимных результатов если бы пытался вопреки воле фюрера, искать возможности урегулирования конфликта предусмотренные многочисленными договорами об арбитраже и примирении. Никто кроме Гитлера не мог использовать такой порядок. Подсудимый мог бы сделать это только по приказу Гитлера. Он даже не имел права быть выслушанным если Гитлер решал игнорировать его совет.

Эти точки зрения применимы для примера к следующим договорам перечисленным обвинениям: Конвенция о мирном урегулировании международных споров от 1899 и 1907 и договор об арбитраже между Германией и Люксембургом. Более того, эти договоренности никоим образом не предусматривали обязательного урегулирования политических споров.

Что касается договоров об арбитраже и примирению с Польшей, Чехословакией и Бельгией, заключенных в связи с Локарнским договором, применяется ещё одно положение, помимо названной юридической аргументации, о том, что они и Западный пакт составляют политическое единство. Даже внешним образом, это выражено в том, что эти соглашения и Локарнский пакт прилагаются к генеральному заключительному протоколу держав принимавших участие в Локарнской конференции. Следовательно возникает вопрос следуют ли договоры об арбитраже судьбе принципиального договора, то есть, Западного пакта.

Я бы хотел особо отметить, что процедура изложенная в этих договорах завершалась в случае неурегулирования с советом Лиги наций, в котором, во время Западного пакта четыре принявшие участие великие державы имели или же – это относится к Германии – должны были иметь, постоянные места. Выход Италии и Германии из этого политического органа сильно повлиял на политическую основу на которой основывались договоры об урегулировании. Больше того, перегруппировка держав в 1939 зашла настолько далеко со стороны великих держав Локарно, а именно Великобритания и Франция, в результате соглашений с Польшей, уже заняли стороны в случае возможного конфликта.

По поводу договоров об арбитраже и примирении с Данией и Нидерландами от 1926, я могу отметить, что процедуры предусмотренные в них вообще не могли применяться, так как не было никаких конфликтов между Германией и вышеуказанными странами, совсем наоборот, Германия предприняла шаги которые были направлены в отношении противников которых желала опередить в оккупации этих стран.

Обвинение далее говорит о заверениях, которые Гитлер и Риббентроп давали некоторым государствам, с которыми впоследствии Германия вступила в войну. Следует учесть, что Риббентроп давал их не от своего имени, и, поскольку речь шла о передаче высказываний фюрера, вопрос о его соучастии мог бы

возникнуть лишь в том случае, если бы он давал Гитлеру в этом направлении советы. Никаких доказательств этому в процессе предъявления последних представлено не было. Большая часть этих заверений содержалась в речах, с которыми Гитлер выступал перед немецким народом как на митингах, так и в Рейхстаге. Сомнительно, чтобы такие заверения, поскольку они выражались в первую очередь перед германской общественностью, давали бы основание для обязательных действий в части международных взаимоотношений.

До сих пор я говорил об актах, относящихся к развязыванию войны и ее ведению, сейчас же я перехожу ко второму большому разделу обвинительного заключения, разбирающему преступления во время войны.

Пункт «b» статьи 6 устава объявляет наказуемым нарушение законов и обычаев войны. Он определяет это понятие путем перечисления ряда примеров, таких, как депортация, расстрел заложников и т.д. Эти примеры, однако, не исчерпывают полностью перечня военных преступлений и преступлений против человечности. Мы также, как это указано в статье 6, должны представить суду соображения о квалификации, которая может стать основой для его решения.

Я согласен с предложенным французским обвинителем методом. Он заявил, что ему не возбраняется дополнять исчерпываемый перечень преступлений, перечисленных в уставе. Что для обвинения правильно, то справедливо и для защиты.

Употребление выражения «законы и обычаи войны», так же как и перечисленные примеры, заставляет предполагать, что устав хочет уничтожить классическое военное право. Отдельные факты, которые подпадают под совокупное понятие военных преступлений, должны каждый раз в отдельности расследоваться для установления, предусмотрены ли они как таковые традиционными правилами ведения войны между государствами. В то время как классическое международное право делает ответственным лишь государство в целом, военное право испокон веков являлось исключением, допускающим ответственность отдельных действующих лиц. Насколько эта ответственность отдельных лиц может после войны привести к уголовному преследованию, сделалось предметом многочисленных обсуждений. Можно считать установившейся государственной практикой такой порядок, когда воюющая страна, против которой были совершены военные преступления, может после войны привлечь к ответственности виновника. Если многие государства, воевавшие бок о бок, устроят единый суд над военными преступниками побежденного противника, то они воссоединят в себе компетенцию всех государств, принимавших участие в создании трибунала, и государств, примкнувших к его уставу.

Когда говорят о наказуемости отдельных лиц за преступления, совершенные по отношению к противнику во время войны, то в первую очередь имеют в виду лиц, принадлежавших ранее к составу вооруженных сил. Уже в

Версале возникли трудности при рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности военных командующих. Мысль о привлечении к уголовной ответственности министра еще никогда не возникала. И в Версале комиссия по военным преступлениям занималась вопросом привлечения к ответственности невоенных лиц только с политической точки зрения. Она делала ясное различие между виновностью в военных преступлениях, за которые приговор должен быть вынесен союзническим трибуналом, и виновностью за начало войны, для расследования и осуждения которой должен был быть создан особый политический международный трибунал.

Таким образом, существующих предпосылок недостаточно для того, чтобы возложить ответственность за нарушение военного права на министра-специалиста. Обвинение достигло такого результата лишь обходным путем, выставив обвинение в заговоре. Если следовать этому истолкованию понятия, то рейхсминистр иностранных дел должен нести ответственность за уничтожение деревни Орадур⁵⁷¹, то есть он должен страдать за действия, которые не имеют ни малейшего отношения к внешней политике Рейха и представляют собой лишь отдельные действия каких-либо инстанций.

Как показало представление доказательств, рейхсминистр иностранных дел не только не ведал ведением войны, но и фактически не имел ни малейшей возможности оказывать сдерживающее или какое-либо иное влияние на военные мероприятия.

Если хотят рассматривать отдельных специальных министров как группу заговорщиков также и в отношении совершения военных преступлений, то надо доказать, что военные инстанции, призванные вести войну, действовали с согласия, по крайней мере с ведома, этих министров.

Воссоединение военных командных инстанций и министров в одно целое, которое было направлено на совершение уголовных действий, внушающих омерзение всякому порядочному человеку, является чуждой действительности конструкцией обвинения, воздвигнутой задним числом. Это целое, не существовавшее во время совершения этих действий, получает свое определение как понятие лишь сейчас. Факты приводятся в соответствие с этим понятием задним числом. Ясно, что уголовный процесс не может строиться на таком методе.

Таким образом, Риббентроп не может быть наказан без разбора за все военные преступления, которые в течение последней войны были совершены германской стороной. На него может возлагаться ответственность за отдельные действия лишь в том случае, если он сам принимал участие в определенных конкретных действиях.

Риббентропу ставится в вину, что он, согласно показаниям генерала

⁵⁷¹ Орадур-сюр-Глан — коммуна (посёлок) во Франции в департаменте Верхняя Вьенна (Новая Аквитания). 10 июня 1944 был уничтожен отрядом СС в наказание за казнь эсэсовца.

Лахузена⁵⁷², давал адмиралу Квнарису «указания» сжигать украинские деревни и уничтожать живущих там евреев. В первую очередь я констатирую, что министр иностранных дел не мог давать военному учреждению никаких указаний. Больше того, было бы полной бессмыслицей давать такие указания о сожжении украинских деревень. Украинцы поддерживали борьбу Германии против поляков. Таким образом вряд ли кто-то поверит, что господин фон Риббентроп в то время советовал уничтожать собственных союзников. Мой клиент далее категорически настаивает, что ни одного слова об убийстве евреев на этом конкретном совещании не было, не говоря о том, что для этого вообще не было причины.

Я прошу суд при вынесении решения о военных преступлениях и преступлениях против человечности, в которых обвиняется Риббентроп, взять за основу общую позицию подсудимого в вопросе гуманности. Как без сомнения доказано, господин фон Риббентроп спас жизни 10000 союзных военнопленных в результате решительного личного вмешательства. Как я покажу дальше, в рамках заговора он был находчив при освобождении британских военнопленных и использовал своё влияние для соблюдения норм Женевской конвенции. Он возражал клеймению русских военнопленных. Это примеры которыми может руководствоваться трибунал в отношении вопроса гуманности.

Это может быть подходящим критерием общего поведения обвиняемого в вопросах гуманности в тех проблемах которые его напрямую не касались.

Далее, господину фон Риббентропу в качестве военного преступления инкриминируется его участие в преступном обращении с летчиками-террористами.

Мой подзащитный, так же как и подсудимый Геринг, оспаривает, что упоминаемое в документе PS-735 совещание во дворце Клесхейм действительно состоялось. Я хотел бы подчеркнуть, что генерал Варлимонт, сделавший записи об этом совещании, сам не принимал участия в нем. Приписываемые в документе Риббентропу высказывания вообще противоречат его обычной позиции в этом вопросе. Государственный секретарь фон Штеенграхт⁵⁷³ дал здесь показания о том, что господин фон Риббентроп, после публикации печально известной статьи о линчевании в «Das Reich», сразу решительно протестовал этому.

Дальнейшее представление доказательств по вопросу о летчиках-террористах в ходе допроса генерал-полковника Йодля и фельдмаршала Кейтеля показало, что не только министерство иностранных дел, но и господин фон Риббентроп лично в принципе выступали за то, чтобы придерживаться положений Женевской конвенции, и что Риббентроп вместе с другими руководящими лицами выступал перед Гитлером даже в самое жестокое время его правления за сохранение

⁵⁷² Эрвин Лахузен (1897 — 1955) — австрийский военачальник. В 1939-1944 занимал ряд руководящих постов в военной разведке Германии.

⁵⁷³ Адольф Штеенграхт фон Мойланд (1902 — 1969) — дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии, государственный секретарь МИДа (31 марта 1943 года — май 1945 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

человеческих принципов. Несмотря на все случившееся, то что вследствие этих шагов не была денонсирована Женевская конвенция нужно назвать успехом. Особенно в отношении летчиков-террористов нельзя упускать из вида, что террористические атаки в форме воздушных бомбардировок бесспорно образуют военное преступление если они предпринимаются умышленно по городам, а не только целям военным и военной промышленности. Нужно учитывать, что в реакции по всей Германии в отношении ведения воздушной войны западными державами, согласно установленным и традиционным концепциям вооруженного конфликта между нациями, атаки на гражданское население запрещены. Эта мысль высказана не только в Гаагской конвенции о сухопутной войне, но и составляет обязательную норму международного права, обязательную для всех а не только для сухопутного театра военных действий. Признавая это, Гаагские правила воздушной войны 1923, хотя и допускают воздушные атаки на военные объекты в необороняемых городах, не допускают бомбардировок жилищ гражданского населения. Хотя Гаагские правила не были ратифицированы, на практике им следовали все воюющие стороны и признавали как обязательный закон.

Эти меры стали особенно острыми после того как союзники овладели воздушным превосходством и когда возникли постоянные атаки с малой высоты на гражданское население. Именно эти события впервые привели к обсуждению о том, была ли какая-то польза от Женевской конвенции перед лицом войны которая бесспорно нарушала международное право. Эти соображения и соответствующие отображения привели к разработке документов которые стали доказательством на данном процессе и которые составляют, проекты, а не решения по данному вопросу. Поэтому они не могут формировать базу для приговора, поскольку разумеется государство вправе запрашивать у компетентных властей мнение по данному вопросу.

С разрешения трибунала я изложил, какова была роль господина фон Риббентропа до войны, в начале войны и во время войны.

Наряду с этим обвинение возлагает ответственность на всех подсудимых за все преступления, о которых на процессе шла речь. Для обоснования этого своего общего утверждения оно использует понятие заговора. Если делать логические выводы из такого неограниченного обвинения, тогда каждый защитник должен рассматривать все детали представленные обвинением. Я должен ограничиться разбором вопроса об участии в заговоре только с точки зрения фактического и юридического положения министра иностранных дел «Третьего Рейха».

По уставу и обвинительному заключению под заговором понимается определенная форма соучастия в уголовно-наказуемых действиях. Такой род преступлений до сих пор не был известен германскому и континентальному праву. Он существовал только в англосаксонском праве. В этом праве под заговором понимается соучастие в наказуемом действии, для доказательства которого в

качестве минимального признака необходимо объединение для совершения преступления. Дальнейшей предпосылкой является то, что общий план должен повлечь за собой осуществление определенно наказуемого действия.

Из этой формы соучастия в преступлении исходит также устав, устанавливая наказание за все уголовные действия, перечисленные в статье 6, предполагая наличие заговора или общего плана, как специальной формы соучастия в этих преступлениях. Устав затем предусматривает в параграфе 6(a), еще одну специальную форму заговора объявляя наказуемым соучастие в общем плане или заговоре для ведения агрессивных войн или войн в нарушение международных договоров.

Под концепцией «общий план», устав и обвинительное заключение очевидно понимают нечто, что выходит за рамки заговора: господин судья Джексон сам признал, что это выходит за рамки наказуемых фактов заговора согласно англосаксонского права и соответственно создана концепция которая пока юридически не сформулирована. Оба понятия заговора образуют ответственность за все деяния совершенные любым лицом при осуществлении этих обеих форм заговора.

Чтобы представить участников якобы существовавшего заговора как какое-то единое целое, обвинение пользуется примером пиратства. Все заговорщики находятся на пиратском корабле, который в нарушение всех законов и прав наций отправляется на разбой и поэтому совершенно свободен. Всякий, кто наказывает экипаж данного корабля, вносит свою лепту в дело восстановления права.

На первый взгляд эта картина подкупает. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что здесь мы имеем дело с метким словом, которое пытается перенести наличие единых целей у экипажа пиратского корабля, связанного со своим судном в горе и радости, на несравненно более сложные условия, существующие в современной государственной организации. Борьба с пиратами в открытом море по традиционному общепризнанному и неоспоримому воззрению имеют право корабли всех наций, встретившие пиратское судно. В уголовном праве почти всех наций существуют положения о борьбе с ними. Своеобразие данного правонарушения в отличие от других деяний наказуемых в каждой стране, совершается ли оно в отношении местных граждан или иностранцев – например акты о траффике белых рабов, подделка монет, и так далее – лежит в том, что подсудность осуществляется в открытом море. Поэтому может возникнуть ошибочная мысль, что преступление это касается преступления в области международного права. Однако это не так. Пиратство обычное правонарушение, преследование которого согласно международному праву, допускается не только в прибрежных водах, но и в открытом море принадлежащем всем нациям. Основа этой концепции изложена в Соединенных Штатах в начале прошлого века председателем суда Маршаллом⁵⁷⁴.

⁵⁷⁴ Джон Маршалл (1755 —1835) — председатель Верховного Суда США в 1801—1835 годах, один из

Действия, которые вменяются в вину господину фон Риббентропу, были совершены в то время, когда Германский Рейх и его противники выступили друг против друга на международной арене сначала в мирное, а затем и в военное время. Таким образом, пример из сферы внутригосударственного общего уголовного права не подходит для того, чтобы создать ясное представление о заговоре всего государственного аппарата. В первую очередь, идея государства, которое согласно концепции традиционного международного права единственный носитель прав и обязанностей, систематически уничтожалась для того, чтобы лицо стоящее за ним и действующее от его имени можно было отделить от уголовного преследования. Поскольку как правило лишь несколько лиц выступали непосредственно как соучастники во вменяемых деяниях, множественность этих лиц снова сжата в искусственное целое, для того, чтобы признать их ответственными за те деяния которые ими не совершались.

Отсюда можно начать юридическую критику. Согласно нашему восприятию права и восприятию всех цивилизованных наций уголовная ответственность связана с основными правилами за несколькими отклонениями. Таким образом, согласно континентальному праву, ответственным за наказуемое деяние может быть признан тот, кто умышленно или по небрежности внес вклад в конкретное деяние. Согласно единогласному умыслу исполнитель преступления, поэтому должен знать о плане в который он вносит вклад, предвидя деяния совершенные при его исполнении и одобряя их.

Соучастие в форме заговора было известно как правонарушение только ограниченному правовому кругу. Поэтому оно знакомо только той части юридических систем которые представляют нации которые ведут или объединились на нынешнем процессе. Это было полностью неизвестно германской концепции права и поэтому господину фон Риббентропу в период его политической деятельности. Форма вины отмечает гораздо более широкий охват деяний как преступный нежели мог ожидать господин фон Риббентроп во время его деятельности в области внешней политики.

Ни официальный пост министра иностранных дел, который занимал Риббентроп, ни отдельные действия, которые он совершал во время этой деятельности, не могут представить его членом какого-либо заговора.

Дело фон Риббентропа особенно показывает, как в результате введения концепции заговора, ответственности переплетаются, принимая во внимание официальное положение и полномочия, а также личное отношение индивидуальных заговорщиков, не имевших ничего общего друг с другом.

Обвинение, однако, для того, чтобы добиться этой цели сжимает в единое целое ряд деяний и отдельных лиц, выбранных случайно, которые не имели друг к другу никакого отношения. Если следовать за уставом и обвинением, то

напрашивается вывод, совершенно чуждый действительности и праву, что Риббентроп, хотя он, как это доказано представлением доказательств, лично и в деловом отношении не имел никакого влияния на оккупированные восточные области, должен нести ответственность за все совершенные там военные преступления и преступления против человечности, в то время как, например, подсудимый Штрайхер хотя он возглавлял своё конкретное ведомство отвечал бы за внешнюю политику.

Если дать положительный ответ на вопрос о существовании заговора для совершения преступлений против человечности и военных преступлений, то на практике это приведет к тому, что, например, Риббентроп и министерство иностранных дел были ответственны за военные преступления, преступления (против человечности, хотя из представления доказательств ясно, что именно это ведомство постоянно старалось соблюдать предписанные международным правом правила ведения войны и выступало за соблюдение Женевской конвенции даже, когда это приводило к жесткой борьбе с Гитлером.

Заговор по совершению военных преступлений и преступлений против человечности может относиться только к фактическим правонарушениям против правил войны, либо отдельным деяниям, как, например, казнь бежавших офицеров британских военно-воздушных сил или определенные меры несовместимые с правилами войны. В любом случае, единство заговорщиков должно относиться к конкретному деянию или конкретной группе деяний одинакового характера. Невозможно признать подсудимого ответственным за деяния не одобренные им или которые он стремился предотвратить.

При этом, я думаю, обвинение будет согласно, если констатировать, что заговора для нарушения законов и обычаев войны, по меньшей мере, не могло существовать. Ибо это понятие настолько спорно и настолько мало ограничено в государственной практике и международном праве, что отдельные действия, которые во время войны могут быть рассматриваемы как военные преступления, вовсе не могли быть включены заговорщиками в их план. При этом нельзя не учитывать того, что вследствие развития боевых средств и методов изменяется содержание понятия военного преступления. Таким образом, существует лишь заговор для совершения определенных или подобных военных преступлений. Тем самым нельзя на каждого, из так называемых заговорщиков, возлагать ответственность за все действия, которые при объективном рассмотрении после войны следует назвать военными преступлениями. В частности, это не будет соответствовать идее о наказании виновных, если только на основании общего неестественного понятия заговора подсудимые будут наказаны за те военные преступления, воспрепятствовать которым они стремились всеми средствами.

Председатель: Трибунал прервется.

[Объявлен перерыв]

Хорн: С разрешения трибунала, я продолжу на странице 79 моей заключительной речи.

Точка зрения о которой было сказано особенно характерна в отношении господина фон Риббентропа. Не только ведение войны не имело ничего общего с его ведомством, а, он, как доказано, был прямо исключен из этого постоянными приказами Гитлера. Его ведомство затрагивали военные преступления постольку поскольку они вели к переговорам с зарубежными державами. Больше того, фактом является то, что после ужасного налета на Дрезден в результате вмешательства господина фон Риббентропа перед Гитлером была предотвращена казнь 10000 союзных военнопленных, что доказывает, что как только он узнавал о военных преступлениях, он делал все в своей власти в рамках своей компетенции. Эти аргументы и результат доказательств показывают насколько несправедливо было бы разделять точку зрения обвинения о том, что министр иностранных дел с ограниченными полномочиями ответственен за военные преступления и преступления против человечности, при том, что еще сильнее доказано, что он был исключен из какого-либо влияния на ведение войны.

С разрешения суда я хочу перейти к рассмотрению заговора, который якобы имеет отношение к планированию и подготовке агрессивных войн и нарушению договоров. В рамках этого заговора подсудимый должен как министр иностранных дел, а также как лицо, занимавшее дипломатические посты до этого времени, нести ответственность.

Такого рода заговор имеет, очевидно, что-то общее со всеми действиями и планами, которые находятся в какой-либо связи с войной: подготовкой, началом и ходом ее. Так как эти отдельные действия, которые охватываются этим необычайным комплексным понятием, сами по себе не относятся к делу с точки зрения уголовного права и до сих пор никогда не охватывались с точки зрения уголовного преступления — «развязывания войны», то такая разновидность заговора не содержит в себе того состава преступлений, который охватывался бы средствами какой-либо уголовно-правовой системы мира. Поэтому мне не остается ничего другого, как рассмотреть этот комплекс с точки зрения положения Риббентропа как министра и его отношения к Германскому Рейху, который вел отдельные войны.

Господин фон Риббентроп с 4 февраля 1938 г. занимал пост министра иностранных дел Германского Рейха. Как показали результаты представления доказательств, Риббентроп был назначен на этот пост в то время, когда фактическое руководство внешней политикой перешло уже к Гитлеру, занимавшему

одновременно в то время два поста: рейхсканцлера и главы государства. Гитлер в своей речи от 17 июля 1940 г., произнесенной в Кроль-опера, подчеркнул (я предъявил эту речь в качестве документального доказательства), что фон Риббентроп уже тогда и в течение последующих лет должен был проводить внешнюю политику согласно директивам Гитлера. Таким образом, фон Риббентроп не занимал такого положения министра, которое обычно связывается с этим понятием в современных конституционных государствах. Он не занимал такого положения ни фактически, как об этом говорится в только что упомянутой мной речи, ни юридически.

В соответствии с конституционным правом, как оно развивалось в современных государствах в течение девятнадцатого и в начале двадцатого века, ведомство министра иностранных дел относится к исполнительным ведомствам. Министр иностранных дел должен разделять ответственность премьер-министра за ведение внешней политики. В парламентской демократии это включает ответственность в отношении народных представителей; при монархической или президентской конституции ответственность перед главой государства. Подобная ответственность на самом деле имеет только политическое значение и приводит к отставке министра с должности, когда он больше не пользуется доверием парламента или главы государства. Большинство конституций предусматривают обвинение министра народными представителями в случае нарушения служебных обязанностей. Но даже будучи осужден конституционным судом, в результате некоего рода уголовной процедуры, министра не наказывают, но его поведение просто объявляют неправильным.

Обе возможности призвать министров к ответу предусматривались германской конституцией Веймарской республики. Однако до обвинения министра никогда не доходило на практике.

Государственное право Третьего Рейха полностью поменяло дело. Вскоре после прихода Гитлера к власти, парламент попросили в связи с существовавшими внутренними трудностями, дать согласие на указ о чрезвычайных полномочиях. Немецкий народ и его представители ожидали в то время, что это разрешение будет использоваться временно и просто для устранения подлинного бедствия. Однако, этот закон стал фундаментом полной перестройки конституции.

Возможность парламентской ответственности больше не существовала. Она превратилась в ответственность перед фюрером и рейхсканцлером, в чьем лице осталась власть отнятая у парламента. Теперь осталась единственная возможность: ответственность перед главой государства. Начавшись с этого разрешения парламента все функции вытекающие из государственной власти все больше и больше концентрировались лично в Гитлере. Традиционное разделение власти, результат борьбы за конституционные права длившейся больше века, стало, ввиду смешения всех видов власти, пустышкой и соответственно устаревшим. Всевластие

было сконцентрировано в руках фюрера, который использовал его по-отдельности через своих представителей. Конституционная юриспруденция Третьего Рейха обозначала это как переход от фактического к функциональному разделению власти.

Отдельный министр, после того как состоялся этот переход, больше не выступал под свою собственную ответственность, а только по приказу который он получал от главы государства. То, что относится к отдельному лицу относится и к бывшему рейхскабинету. Он больше не имел никакого влияния на руководство государством, а просто составлял коллективный термин для различных отраслей администрации которые были технически разделены. Так как политические задачи больше не существовали которыми министры как группа – то есть кабинет – должны были заниматься, задачи совета министров автоматически решались фактической обстановкой. Следовательно, как показало заслушивание свидетелей, он никогда не собирался в период пребывания фон Риббентропа в должности.

Даже обозначение «министр» больше не обозначало главу правительственного ведомства, а стало просто выражением ранга.

Вследствие этого преобразования министр иностранных дел также не имел уже больше права определять основную линию внешней политики. Во время представления доказательств этот факт был также освещен с помощью речей и высказываний Гитлера, в одной из которых, например, Гитлер после занятия Рейнской области и присоединения Австрии заявил, что он добился этих «великих решений», как он их называл, вопреки воле своих советников, по собственному почину, сославшись на свою ответственность перед германским народом и историей. Если смотреть на это с государственно-правовой точки зрения, то это значит, что ни один министр не имел возможности воспрепятствовать вынесению тех или иных решений. С государственно-правовой точки зрения это также значит, что он не имел полномочий проверять законность решения фюрера. Так как только что описанное объединение всех функций государственной власти в лице Гитлера имело своим последствием то, что в его руках находились как законодательные полномочия, так и руководство исполнительной властью. Какая-либо форма законодательного акта в Третьем Рейхе не была предусмотрена. Точно также не было никакого масштаба для определения того, действовал ли он как законодатель или как лицо, имеющее в своих руках исполнительную власть. Понятие материального закона, которое существовало в Германии, как и в других континентальных государствах, до взятия власти Гитлером, потеряло полностью свое содержание. Даже отдельные указания Гитлера производились также в форме закона.

В конституциях всех государств, инстанциям, которым поручено применение законов, запрещено контролировать содержание законов. Это

относится даже к судопроизводству, в значительно большей степени к административным инстанциям. Ни одна государственная инстанция не может отказаться от применения закона, изданного надлежащим, предусмотренным конституцией порядком. Проверка их далее со стороны суда ограничивается проверкой того, был ли соблюден предусмотренный конституцией порядок. Тоже самое имеет место в Великобритании и Соединенных Штатах, где декреты исполнительной власти подлежат проверке (т.е. их содержание подлежит проверке), однако такой проверке не подлежат законы, вынесенные парламентом.

Согласно государственному праву Третьего Рейха, лишь одна инстанция была компетентна на все проявления государственной воли - фюрер. В качестве кого он действовал, часто распознать было нельзя вследствие упразднения государственно-правовых понятий. Государственно-правовая теория Третьего Рейха опустилась поэтому до теологии откровений фюрера. Старые отличия полностью испарились из министерского мышления. Единственный вопрос, который еще мог всплыть в государственном праве Третьего Рейха, заключается в следующем: была ли воля фюрера выражена в такой конкретной форме, что она содержала в себе государственную волю.

В основании этой конституционной практики находился перенос псевдвоенного мышления на политический сектор, причем в весьма значительной степени. Понятия «послушание» и «дисциплина» были перенесены на ту область, где они не имели никакого права существования.

В процессе упразднения обычного распределения сфер властей следует указать еще на один факт, который так же характерен для «*despotia sui generis*⁵⁷⁵», как и показателен для отрицания возможности существования заговора или общего плана. Во время представления доказательств было ясно показано, что при главе государства не было никаких совещательных или контрольных органов. Ни кабинет, ни совет обороны Рейха, ни какое-либо другое совещательное учреждение не имели на Гитлера никакого влияния в деле вынесения решений. Важнейшие документы и показания свидетелей являются лишь монологами перед все возрастающим кругом лиц. Все, что имело вид совещаний, в действительности являлось передачей приказов. На основании представленных доказательств ясно видно, что попытки оказать влияние на Гитлера приводили лишь к реакциям, которых нельзя предвидеть.

Господин фон Риббентроп и другие подсудимые, несомненно, обладали значительной властью в их собственной, интересующей Гитлера сфере. От участия в вынесении решений о войне и мире они были устранены.

На посту министра иностранных дел, каким был Риббентроп, не нужен был самостоятельный человек. Риббентроп чувствовал это, как об этом показал

⁵⁷⁵ «Своеобразное самовластие» (лат.)

здесь государственный секретарь Штеенграхт. Он высказался следующим образом: «Гитлеру нужен был самое большое секретарь по внешнеполитическим вопросам, но не министр иностранных дел».

Такое развитие на практике конституции и правительства вряд ли можно совместить с мыслью об общем плане или заговоре. Заговор требует, как мы видели, единогласие или соответствие целей в которых соучастники свободно формируют свою волю. Политическая практика Третьего Рейха знала только шумное одобрение.

До сих пор моё исследование основывалось на нормах действующего уголовного права изложенных в статье 6. Я бы не хотел завершать своё выступление не обратив внимание суда на соотношение между политикой и правом.

Основная сущность политики суверенных государств заключается и будет заключаться в сохранении интересов собственного народа. Чтобы такая точка зрения в отношении политики не привела к полной беспринципности, жизнь народов между собой создала понятия выравнивания интересов, которые представляются дипломатией. Как раз последняя явилась той, которая приняла участие в определении принципов международного права. Соседство многих государств, которые находились в равном положении друг с другом, обуславливает несовершенство международного порядка; его «ахиллесовой пятой» было отсутствие верховной власти, которая была бы в состоянии обеспечить оценку правопорядка таким же образом, как это делает государственная власть в своей сфере господства. Вследствие этого с давних пор свободной игре сил в международной сфере было предоставлено несоразмерно большое пространство. Государственные деятели обязаны соблюдать интересы своих народов. Если их политика приносит неудачи, то государства, за которые они действуют, несут ответственность. Над ними же самими история творит суд. В правовом отношении за действие, которое со стороны других государств квалифицируется как международный деликт, они несут лишь внутригосударственную ответственность. Другое государство, которому данное действие принесло ущерб, в принципе не могло поднять руку на отдельное лицо, вызвавшее своими действиями такие последствия. Завеса, которая была создана международным правом, в уважение государственного суверенитета между отдельными действующими лицами и чужими державами устранялась лишь в исключительном случае, а именно в случае с военными преступниками, о которых я говорил. Во всяком случае, к началу Второй мировой войны это, несмотря на все противоположные попытки, было несокрушимым положением международного права.

Господин главный обвинитель от Франции обосновал вмешательство в вопрос относительно руководящих деятелей прошедшего режима тем, что германского правительства, к юрисдикции которого это могло бы принадлежать, больше не существует. При всем уважении к этому отточенному

представлению доказательств от критического наблюдателя не ускользнет, что эта острая логика разбилась об ошибочные заключения.

С полной победой над германскими вооруженными силами и занятием всего германского государственного пространства, со стороны союзников всякое организованное сопротивление под руководством государства было закончено. Четыре главных державы-победительницы, которые также образуют данный трибунал, с помощью фактической силы приобрели международно-правовой титул для определения судьбы германских государственных территорий. Они могли бы разделить Германию. Они же выбрали иной путь. В Берлинской декларации от 05.06.1945 г. говорится о том, что они взяли на себя высшую власть в Германии, включая все полномочия германского правительства, верховного командования вооруженными силами и всех государственных и местных правительств и инстанций. На этом определение исчерпывалось. Декларация ясно подчеркивает, что переход этих полномочий не означает аннексии Германии. Отправление взятых на себя прав было передано Контрольному совету, который состоит из командующих 4-мя оккупированными зонами.

С момента Берлинской декларации, Германия является временным государством которое и сейчас существует. На Потсдамской конференции состоявшейся 5 июля 1945 четыре державы договорились между собой о том, о чем нам сообщило коммюнике от 2 августа 1945. Потсдамское соглашение о создании совета министров иностранных дел передает указанному совету подготовку мирного урегулирования, которое должно быть принято германским правительством «когда будет организовано правительство соответствующее данной задаче». Второе соглашение предусматривает нормы о Германии под союзным контролем.

Эта формулировка дает понять, что Германия остается национальным государством, переданным под союзный контроль, и что планируется создание германского правительства. Это правительство затем примет условия мира. Это включает правительство которое в состоянии вступить в обязательства перед зарубежными державами в качестве партнера признаваемого международным правом.

Победители соответственно решили реализовать право предоставленное им завоеванием таким образом при котором германское государство не будет разрушено. В течение этого переходного периода они самостоятельно осуществляют функции временно несуществующего германского правительства. Следовательно, мы вправе взять Потсдамскую декларацию в качестве контура для юридической оценки положения Германии.

Германское государство, таким образом, не погибло. С юридической точки зрения было бы неправильным (нас бы, кроме того, обвинили в недостаточном понимании истории), если бы стали рассматривать государство,

создание правительства которого было обещано, как нечто совершенно новое. Германия обременяется обязательствами, которые возникли из прошлого. Это же возможно только в том случае, если государство, обязательства которого основываются на его поведении, и государство, которое должно отвечать (ручаться) за это, рассматриваются как равное юридическое лицо. Германское государство в настоящий момент не может действовать через свои органы в международно-правовом масштабе, но оно также не исчезло из сферы международного правопорядка.

Предпосылка господина де Ментона является состоятельной, но его выводов принять нельзя. Юрисдикция держав-победительниц над германскими гражданами вследствие их действий, связанных с политикой, не может быть, таким образом, обоснована на существовавшем до нынешнего времени международном праве. Поэтому устав отходит от международного правопорядка. Кроме того, он ставит себя в противоречие с основными уголовно-правовыми принципами. Если господин главный обвинитель от Франции придерживается той точки зрения, что трибунал сохраняет уголовную власть не существующего в настоящий момент, по его мнению, германского государства, то он логически должен отнести к существующему в Германии уголовному праву принцип «*nullum crimen sine lege*». За отдельные действие можно лишь тогда выносить наказание, если оно согласно германскому праву было наказуемым в момент его совершения. Это не относится как к личной уголовно-правовой ответственности за нарушение международных договоров и заверений, так и к форме участия в заговоре или общем плане.

Контрольный Совет в Германии в своем постановлении № 3, основываясь на этом правильном убеждении, распорядился о введении двух государственно-правовых принципов в систему германского уголовного права, от которых гитлеровский режим уклонился в свое время: запрет обратного действия и аналогии.

Уголовно-политические понятия устава создают новые нормы правовых принципов, которые следует рассматривать как зародыш правового порядка. В то время, когда разыгрывались инкриминируемые события, у господина фон Риббентропа отсутствовало сознание, что подобного рода мировой порядок существует.

В немногих случаях можно будет отказаться от требования предыдущего нормирования уголовного деяния, если в данных случаях нечеловечный характер этого действия настолько очевиден, что не может быть никаких сомнений относительно наказуемости данного действия. Это могло бы относиться к тем действиям, которые вследствие аморальности определенных мероприятий гитлеровского режима не были наказаны в Германии в последние годы.

До сих пор при обсуждении результатов представления доказательств я ссылался на существующее международное право и устав, которые вы, господин председатель, охарактеризовали на заседании 20 июня 1946 г. как основу правосудия на этом процессе. До сих пор международный правопорядок не мог разрешить проблемы, которые должны быть разрешены здесь. По причинам этой несостоятельности возникла Вторая мировая война.

Нельзя охватить сегодня всех последствий катастрофы, которую этот правопорядок не мог предотвратить. Предотвращение подобной катастрофы в будущем является величайшей целью всего человечества, которая лежит в основе Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. Что это не могло быть еще достигнуто, показывает с ужасающей ясностью тот факт, что в тот день, когда устав данного трибунала был провозглашен миру как новое право, между Советским Союзом и Японией началась война. Советский Союз обещал это союзникам уже полгода назад. В качестве обоснования наряду с другими причинами было приведено то, что Россия должна свести с этой страной старые счеты. Таким образом, здесь имел место типичный случай неспровоцированного нападения.

Я говорил о том, что невозможно дать общее определение агрессора и агрессии, которое охватило бы все события действительности. Только международная инстанция может заклеить то или иное государство как агрессора. Эта верховная инстанция человечества должна иметь не только фактический, но и моральный авторитет. Должно быть внушено общее доверие к ее беспристрастной оценке. Должен быть создан ареопаг, который возвышается над всеми партиями и у которого спорящие партии должны искать правосудия, а не сидеть в качестве судей в нем.

Сейчас мы находимся в переходном периоде от старого права, при господстве которого мир покрылся развалинами, к новому мировому праву, контуры которого начинают проявляться, но которое еще не укреплено достаточно в моральном отношении.

В этот период становления нового порядка и отмирания прошлого очень трудной, почти превышающей человеческие возможности задачей является взвесить и оценить с уголовной точки зрения действия, совершенные бывшим министром иностранных дел господином фон Риббентропом, его участие в происшедшем, его несостоятельность и его личную вину.

Председатель: Мы вызываем доктора Нельте, защитника подсудимого Кейтеля.

Нельте:

«Мы должны подойти к своей задаче так рассудительно и с такой духовной неподкупностью, чтобы когда-нибудь в будущем этот процесс выглядел как исполнение мечты человека о справедливости».

Эти слова из обвинительной речи судьи Джексона должны быть

лейтмотивом для всех тех, кому выпала задача помочь установить истину на данном процессе. То, что эта истина не может быть абсолютной, высказали уже обвинители судья Джексон и господин Дюбост. Цель обвинительного заключения не установить исторический аспект, не говоря об историческом развитии этого короткого, но такого трагически важного периода, но вместо этого выяснить принимали ли и в какой мере подсудимые сидящие не скамье участие в событиях которые повлияли на весь мир своими последствиями и которые привели его к такой неопишуемой трагедии, не говоря о немецком народе.

На данном процессе обвинение однажды сказало в лице одного из своих опытных выступающих, что их задача заключается в том, чтобы представить материал который будет инкриминировать подсудимых и представлять только такие инкриминирующие доказательства. Таким образом, в отличие от принципа объективного обвинения который преобладает в немецком уголовном процессе, они четко выразили свой односторонний обвинительный уклон который обязывает защиту...

Председатель: [*Прерывая*] Я уже поправлял это неправильное утверждение которое вы сделали в вашем выступлении, рассматривая одну из других речей защиты. Обвинение не практикует сокрытие любых доказательств которые выступают в пользу обвиняемых.

Нельте: Боюсь я не слышу.

Председатель: Я сказал, что я уже поправлял ошибочный взгляд, который высказан в параграфе вашего выступления, что обвинение не имеет практики скрывать, что-либо о том, что ему известно, что может выступать в пользу обвиняемого.

Нельте: На этом самом месте господин судья Джексон заявил: «Нельзя быть слугой двух господ», отвечая на заявление о том, что согласно германскому уголовному праву обвинение должно было бы также представить материал в пользу подсудимых. То о чем я говорю, сказано не для того, чтобы предъявить какое-то обвинение. Наоборот, с той точки зрения на которой оно стоит оно сделало все возможное. Я лишь хотел внести ясность в мою точку зрения как защитника и сказать почему...

Председатель: Единственная причина, почему я прервал вас, потому что фраза в вашем выступлении: «выявило свою чисто одностороннюю позицию обвинения». Во втором абзаце, вторая фраза этого абзаца, вы говорите:

«Тем самым оно, в противоположность принципу объективного обвинения, господствующему в германском уголовном судопроизводстве» - то есть, обвинение четко выразило – «свою чисто одностороннюю позицию обвинения...»

Нельте: Я сказал «одностороннюю» - что в отличие от руководящего принципа германского уголовного процесса, которые заключается в объективном обвинении, оно выявило свою чисто одностороннюю позицию обвинения, которая

обязывает защиту доложить обо всех обстоятельствах и соображениях, необходимых для объективного оправдания..

Председатель: Продолжайте. Может быть перевод разный.

Нельте: В этих целях сначала необходимо выяснить определенные понятия, которые имеют значение для представления об ответственности и вине. Поскольку здесь идет речь о понятиях международного и государственного права, то эти понятия исследованы и доложены профессором Яррейсом.

Мне хотелось бы изложить несколько принципиальных мыслей по вопросам, касающимся солдата. Здесь неоднократно упоминались понятия «солдатство», «послушание», «верность», «выполнение долга» и «любовь к Родине». Мне кажется, что эти понятия всеми людьми признаются как положительные. Но можно ведь также сказать, что все эти понятия неопределенны. Так, например, противостоят понятия: «высшая честь солдата» и «милитаризм», «само собою разумеющееся повиновение» и «достойная презрения покорность трупа». «Категорический императив выполнения долга» и «преувеличенное чувство ответственности», «глубокая любовь» к Родине» и «шовинизм».

Мы видим, что все эти понятия могут пройти всю школу доброго и злого. Происхождение и ядро этих понятий повсюду одни и те же, однако их оформление благодаря традиции и воспитанию, а тем самым и их последствия совершенно различны.

Мы живем в мире, вековое стремление которого направлено на создание порядка. Правда, порядок является также относительным понятием, но повсюду он является установлением взаимоотношений между людьми, которые бы обеспечили при учете особенности каждой страны наилучшую совместную жизнь.

Это относится к внутригосударственной жизни и к взаимоотношениям между народами. Кто же в этом порядке должен определять, что является правым и что является неправым? Масштаб для этого по сегодняшним понятиям должен быть только государственным, т.е. национальным. Сближение государств в развитии международной связи и общая цивилизация повлекли за собой выравнивание различных национальных представлений, несмотря на некоторую их дифференциацию. Следует признать, что это уравнивание потерпело от известных национал-социалистических учений и их методов непоправимый удар. Тем не менее, принцип остается неприкосновенным, что масштаб того, что является правым и, что неправым, должен быть обусловлен национальностью, если мы не хотим нарушать порядка. Можно стремиться только к одному: уравнивать нации и национальные фундаментальные понятия между собой, к чему сейчас стремится организация безопасности.

Если до сих пор национальный масштаб, т.е. национальная оценка добра и зла, права и несправедливости, во всяком случае, оставался неизменным, то понятия никогда не теряли своей относительности и, в частности, тогда, когда возникали национальные противоречия по другим причинам. Убедительным примером для этого является оценка движения сопротивления.

Всеми странами превозносится как высшая любовь к родине, если кто-либо отдает свою жизнь родине при наибольшей опасности. Но по Гаагским правилам ведения сухопутной войны такое движение сопротивления запрещается. Здесь мы имеем ясный пример противоречий между этической и правовой оценкой. Это доказывает отсутствие абсолютных понятий добра и зла, права и несправедливости. Это доказывает, что над всем писаным правом существуют неписанные законы, оправдывающие виновного, так как он подчинялся высшим законам. Но эти высшие законы обусловлены субъективно и национально - т.е. коллективно-субъективно. Если люди что-то считают хорошим или правильным, то эта мысль может возникнуть: из действительного высшего права, из действительной высшей идеи, но она может также возникнуть из заблуждения, из ошибочной идеи. Кто хочет, или кто может судить о том, была ли мысль или идея правильной или неправильной? Правильной в большинстве случаев признавалась успешная идея, потому что в известной степени это суд божий. Всегда ли это правильно, я судить не хочу. Но здесь важно то, действовали ли люди, о вине которых здесь должен быть вынесен приговор, от чистого сердца, по такой идее, по такой вере. Если суд божий признал эту веру неправильной, тогда остается открытым вопрос, имели ли люди право верить по понятным или объяснимым причинам, что эта идея была хороша.

Этот вопрос является проблемой, касающейся не только подсудимого Кейтеля, но и всего германского народа. Согласно докладу французского обвинения действительно виновными являются не только подсудимые на этом процессе, но и весь немецкий народ. Этот тезис имеет чрезвычайное значение. Если суд, рассматривая основные моменты, придет к решению, что виновен весь немецкий народ, то тогда каждый немец будет заклеен на продолжительное время клеймом Каина⁵⁷⁶, что в конечном итоге приведет к уничтожению этого народа, к его растворению.

Было высказано мнение, что намерения уничтожить весь германский народ не существует. Вследствие безусловной капитуляции, мы отданы на милость или немилость держав-победительниц. Однако было сказано, что приговор этого суда будет справедливым. Здесь, на этом месте, лейтмотивом

---

⁵⁷⁶ Каин — в Библии старший сын Адама и Евы (Быт. 4). Первый рождённый на Земле человек (Быт. 4:1—2), а также первый убийца.

не должна быть милость или немилость, а должна быть справедливость. Справедливость не означает мягкости. Однако справедливым приговор может быть только в том случае, если он примет во внимание все обстоятельства, анализирующие образ действия и поведение подсудимого. Для того, что произошло и что составляет объект этого обвинения, не может быть извинения. Я хочу только попытаться дать ему анализ.

Горе, несчастье, постигшее все человечество, так велики, что их нельзя выговорить словами. Немецкий народ после того, как он узнал, какая катастрофа разразилась над народами Запада и Востока и над евреями, чувствует сострадание к жертвам, сострадание, полное ужаса. Немецкому народу известно, что значит это несчастье, так как он разбит, как никакой другой народ, не только в военном отношении, но и вследствие ужасных воздушных налетов, миллионных потерь в рядах своей молодежи, оставшейся навсегда на поле битвы, вследствие эвакуации, бегства в мороз и стужу. Итак, мы знаем, что такое несчастье, мы знаем, что значит страдать. Но в то время, как другие народы могут рассматривать все эти ужасы и несчастье как страницу своего прошлого и под защитой государственного порядка питают надежду возвратиться к упорядоченному существованию и к счастливому будущему, над немецким народом довлеет еще тьма безнадежности. Приговор трибунала, если бы он подтвердил вину немецкого народа, увековечил бы эту безнадежность. Немецкий народ не ждет оправдания. Он не ожидает, чтобы надо всем, что произошло, было распростерто покрывало христианской любви к ближнему и забвения. Немецкий народ готов нести на себе тяжесть последствий. Он хочет согласиться с этим, как со своей судьбой, и сделать все возможное для устранения последствий. Но он надеется также, что души и сердца остальных людей не так заостенели, что существующие напряженные отношения останутся и в дальнейшем, он надеется, что ненависть остального человечества к нему тоже не будет существовать вечно.

Ваша задача, господа судьи, чрезвычайно трудна. Мы не только говорим на различных языках, но и каждый из нас душой болеет за свою родину. Многие из того, что произошло в этой стране, покажется вам непонятным. Чувства немецкого народа в их различных проявлениях не являются вашими чувствами. Одним из самых основных пунктов, в особенности в случаях с солдатами, кажется мне, стала оценка того, что является свободой. В этой стране также провозглашался идеал свободы. Всем нам известно, что самым крайним понятием свободы является анархия. Ни одно из государств не хочет анархии, так как она означает его отказ от самого себя. Итак, если все государства имеют единое убеждение в том, что никогда абсолютное понятие свободы не может быть желательным и не может найти одобрения, то поневоле вытекает относительность понятия свободы. Никаким понятием не злоупотребляли так много, как понятием свободы, и все же, каждая политическая система заявляет,

что свобода является высшим из всех благ.

Я ни в коем случае не хочу этим сказать, что понятие свободы в этой форме, в какой ее провозглашал национал-социализм, было правильным решением. Я хочу только сказать, что национал-социализму было известно понятие свободы, и он, путем пропаганды, объяснял народу, что его понятие свободы является правильным. При этом ему помогало то обстоятельство, что Германия под действием Версальского договора фактически не могла претендовать на истинную свободу для себя. Ограничения ее суверенности были так сильны и так очевидны, что национал-социализму было легко вести борьбу за провозглашение свободы родины.

Постольку, поскольку мир признал родину высшим земным благом, необходимо понять стремления сохранить это благо, а противная сторона никогда не может не одобрить этого. Можно быть различного мнения о методах осуществления этих стремлений и способах достижения свободы. Это решает не индивидуум, а тот или те люди, которые имеют власть в государстве.

Каждый человек хочет иметь в жизни опору, он должен ее иметь, если он не хочет отчаяться или погибнуть в анархии. Государственный порядок - наряду с моральным порядком - является твердой основой и поддержкой его существования, которая обеспечивает ему чувство уверенности в жизни и в работе. В органах государства находит свое высшее претворение глубокая тоска всех цивилизованных людей по порядку. Напротив того, гражданин государства должен чувствовать доверие к государству за то, что оно, т.е. его органы блюдет порядок и право. При этом нельзя придавать значение тому, какая партия дает хранителей этих неприкосновенных принципов. Как раз в этом и выражается доверие народа как целого, что оно поручает руководство над собой соответствующему по обстоятельствам большинству. Не оставляет сомнения, что национал-социализм стремился и добился того, что широкие круги немецкого народа поверили, что его стремления поддерживаются большинством народа. Благодаря этому он обеспечил себе алиби законности.

Руководство вооруженными силами, далекое от всех политических соображений, верило, как здесь засвидетельствовали все генералы и адмиралы, в законность правительства Гитлера. Оно рассматривало себя как инструмент законного правительства, как оно делало это, когда кайзер, Эберт и фон Гинденбург были представителями Германии.

Так же, как все задатки, все формы выражения чувства, чувство любви к родине и отношение солдата к ней несут в себе тенденцию обострения, а следовательно, и выражения, если внешние обстоятельства создают для этого актуальные предпосылки. Мы пережили превращение

здоровой мысли о родине в национальный шовинизм, оглядываясь назад, мы можем констатировать, как здоровая солдатская мысль вследствие чужеродных влияний возросла до милитаристской формы выражения. Все это развитие не скачкообразно, благодаря чему его легко распознать и урегулировать. Однако для тех, кого это касается, движущие силы в большинстве случаев незаметны, но действие их однажды находит свое ужасное проявление. Излишне особо обосновывать такое явление, что часть солдатских и милитаристских людей, настроенных на возможную войну, является суровостью, и в своем развитии вперед превращается в жестокость. Среди известных, не только немецких, полководцев встречаешься с той точкой зрения, что жестокая война чаще всего является самой мягкой, если она приводит к быстрой победе. Этого окончания, естественно, хочет каждый полководец. Если же война устранила препятствие мирного характера, то остается жестокость. Здесь обнаруживается причина тотальной войны и источник ужасного несчастья, который из этого возник.

Задача защиты на данном процессе трудна. Немецкий народ относится к Нюрнбергскому процессу по-разному. Одни относятся к задаче защиты скептически и частично враждебно, так как считают защиту подсудимых поблажкой людям, которых они рассматривают как военных преступников, и думают, что защитники хотят увести подсудимых от справедливой кары. Другие называют этот процесс зрелищем, на котором защитники выступают в роли статистов, чтобы придать процессу видимость правосудия. В глазах этих немцев мы оказываемся виновными в покровительстве врагу.

У нас нет повода оправдываться, так как мы, будучи верными заповеди нашей профессии, путем участия в этом процессе выполняем задачу, значение которой не нуждается в оправдании. Она состоит в выяснении истины, значение и последствия которой для нашего народа сейчас еще нельзя оценить, она состоит в обосновании причин и в ответе на вопросы в той мере, в какой это понадобится.

Только ясное понимание причин, сил и людей, приведших к разразившемуся над миром несчастью, обеспечит нашему народу возможность в будущем вновь найти путь к остальному миру.

Задача трибунала состоит не в обосновании политических, экономических и метафизических причин Второй мировой войны, не в изучении течения событий, а скорее только в решении вопроса о том, принимали ли подсудимые участие, и если да, то какое в том, что державы-победительницы сделали объектом данного процесса.

Задача защиты в рамках ее участия в установлении истины должна состоять в изучении вопроса о том, можно ли доложить о фактических и правовых точках зрения, и о каких именно, в пользу представляемых подсудимых. Документ играет первую роль в предъявлении доказательств этому

трибуналу. В противоположность этому свидетели отступают на задний план. Тем более велико значение изучения этих документов с точки зрения возможности их использования и их доказательной ценности.

Председатель: Кажется вы возвращаетесь к дальнейшим нападкам на то как рассматривалось это дело и это не то, что вы должны здесь делать. Вы здесь для того, чтобы представлять дело в интересах подсудимого Кейтеля.

Я вижу, что дальше вы жалуетесь на предполагаемое не доведение до вас различных документов и вы ссылаетесь на дискуссию которая состоялась еще в феврале 1946. В связи с этим я выразил взгляд трибунала, что французское обвинение может надлежащим образом показать вам или предоставить вам возможность посмотреть свои документы. С этого дня и до сего дня, то есть с февраля до июля, вы не заявили трибуналу никакого ходатайства и не заявили трибуналу никакой жалобы по поводу того, что было сделано, и теперь, в своей заключительной речи, вы жалуетесь на то, что вам не позволили посмотреть документы несмотря на то, что в феврале я высказал от имени трибунала, мнение о том, что вы можете увидеть подобные документы.

Что же, мне это кажется тратой времени, тратой нашего времени жалобами после того как прошли все эти месяцы, не говоря о том, что вы уже потратили время читая 11 страниц вашей речи не дойдя ни до чего, что на самом деле влияет на подсудимого Кейтеля.

Нельте: Господин председатель, согласно записи, кажется в феврале вы сказали обвинению, что оно должно предоставить документы в моё распоряжение. К сожалению, обвинение не предоставило документы в моё распоряжение.

Председатель: Почему вы не обратились к трибуналу? Вам хорошо известно, что я высказал своё мнение от имени трибунала, и если было на что жаловаться, вы имели полный доступ к трибуналу с февраля по сей день. Мне кажется, что это легкомысленно жаловаться сейчас.

Нельте: Надеюсь, господин председатель, что несмотря на это, факты изложенные в моей рукописи будут учтены трибуналом. Вы заметите, что я сошлюсь на эту тему позднее. Этот вопрос возник на заседании 1 февраля, и 11 февраля я пошел к французской делегации.

Председатель: Я об этом и сказал, доктор Нельте. Я уже отметил вам это.

Нельте: И французская делегация не дала мне это.

Председатель: Почему вы не обратились к трибуналу если у вас была жалоба? Я сказал – повторяю – думаю, что жаловаться сейчас, после того как вы не сделали это за все эти месяцы, это легкомысленно и попытка создать предубеждение, и я буду рад вашему объяснению.

Нельте: Господин председатель, это просто попытка показать вам, что я не желал жаловаться на обвинение, признав этим, что обвинение не захотело мне помогать. Я никогда не был склонен подавать жалобы высшим властям и не хочу делать это и в

данном случае.

Председатель: Доктор Нельте, думаю это самая несправедливая и самая неподобающая вещь так говорить ответственному защитнику. Думаю упоминание подобной жалобы, как я сказал, просто попытка создать предубеждение против французского обвинения и против честного проведения данного процесса.

Нельте: Господин председатель, на мой взгляд это просто предназначалось, чтобы показать как нам было сложно искать материал в пользу наших клиентов.

Председатель: Что же, наверное вы постараетесь и перейдете к тому, что на самом деле материально для рассмотрения трибунала.

Нельте: Могу я попросить вас перейти к странице 15, где под цифрой 3, я рассматриваю документы.

Документ играет первую роль в предъявлении доказательств этому трибуналу. В противоположность этому свидетели отступают на задний план. Тем более велико значение изучения этих документов с точки зрения возможности их использования и их доказательной ценности.

Обвинение при предъявлении доказательств представило трибуналу большое количество официальных отчетов, допущенных на основании ст. 21 устава в качестве доказательства. Я намеривался на основании ряда этих документов дать оценку условной доказательной силе таких сообщений. Однако я ограничусь несколькими принципиальными заявлениями, веря в то, что вы, господа судьи, при повторном изучении характера этих доказательств примете во внимание эту мою оценку.

Эти официальные отчеты, предъявленные здесь в таком большом количестве, содержат данные, основывающиеся в большинстве случаев на показаниях свидетелей. Эти свидетельские показания не всегда изложены в форме протоколов, а даны в качестве обобщающих сообщений. Я не хочу оспаривать, что эти свидетельские показания сделаны таким образом, как они изложены в отчетах. Но я не поступлю несправедливо ни с одним свидетелем, который не известен трибуналу или которого трудно проверить ввиду отсутствия личного впечатления, если я скажу, что здесь часто речь идет об очень субъективных заявлениях. Имеется ряд документов, в которых это выступает совершенно отчетливо и даже высказывается, имеются даже такие документы, в которых не прикрыто выражена ненависть. Мне понятна ненависть этих тяжело пострадавших людей. Страдания, пережитые ими, были так велики, что от них нельзя ожидать объективности. Однако я могу сказать, что такие личные чувства делают показания этих испытавших несчастье людей неподходящими для установления действительной истины. Я имею в виду произносимое здесь так часто свидетелями клятвенное заверение: «Клянись, что вы будете говорить без ненависти или страха... Однако эти официальные отчеты часто содержат не только фактические данные, но и выводы и

суждения. Поэтому доказательная сила этих официальных отчетов не должна быть признана. Частично эти суждения заходят так далеко, что они, выходя за рамки непосредственных участников, делают упреки учреждениям, например: ОКВ и Кейтелю, причем из самого документа нельзя заключить, на чем основан такой вывод. Поскольку речь идет об обвинении отдельного лица, как, например, подсудимого Кейтеля, от документа следует требовать, чтобы он сам давал конкретные факты ответственности, или, по меньшей мере, на основании него можно было бы установить причинную связь. Для того, чтобы считать доказанной ответственность подсудимого Кейтеля, нельзя удовлетвориться, прежде всего, тем, что в таких сообщениях говорится о преступлениях солдат и офицеров армии или вооруженных сил, чтобы из одного этого факта сделать заключение об ответственности подсудимого Кейтеля, так как он был начальником штаба ОКВ.

Сверх того, в таких отчетах часто бывает ошибочно названным и перепутанным военное учреждение, так, например, когда говорят о подсудимом Кейтеле, как о «главнокомандующем вооруженными силами», а «ОКВ» заменяет понятие «ОКХ». Не всегда можно решить, идет ли здесь речь об ошибочном представлении обвинения или о неправильном переводе. С тем, чтобы выяснить отношения подчинения и компетенции таким образом, чтобы это не оставляло никакого сомнения для выяснения ответственности подсудимого Кейтеля, я передал трибуналу два аффидевита: а) «Отношения подчинения на востоке» (документальная книга 2, Кейтель-10) б) «Внутреннее положение во Франции за 1940—45 г.г. и военная компетенция» (документальная книга 2, Кейтель-13). Последний названный аффидевит подписан также подсудимым Йодлем. Я ссылаюсь на эти письменные показания и делаю их частью своей аргументации не читая из них.

Наконец я бы хотел обратить внимание трибунала на другие обстоятельства которые могут весьма снизить доказательственную ценность документов которые предъявило обвинение и вы приняли - например, когда документы не имеют никаких подписей, и невозможно решить вопрос копии ли это документов которые на самом деле издавали. В качестве примера я сошлюсь на документ PS-081, который был предъявлен обвинением для инкриминирования Кейтеля в вопросе обращения с военнопленными. Что касается содержания это сказочный документ. Кейтель даже не помнит, чтобы когда-либо видел данный доклад или когда-либо узнал о деталях содержащихся в нем. По внешнему виду следует считать данный документ проектом доклада который не приняли, ибо:

а) он не имеет ни подписи ни инициала как обычно на копиях;

б) если это письмо отправили, оно бы имело пустой регистрационный номер и

в) письмо не было найдено у адресата. В таких случаях простое знание

адресата - в данном случае подсудимого Кейтеля - и последующее признание его вины в принятии мер по изменению условий не могут считаться доказанными.

Я перехожу к обвинению в отношении фельдмаршала Кейтеля. Я сокращаю чтение страниц 19 и 21. Чтение общего обвинительного заключения и индивидуального обвинительного заключения в судебном обзоре можно опустить, поскольку за исключением еврейской проблемы и преследования церкви, нет такой части обвинительного заключения которая не была бы предъявлена в отношении подсудимого Кейтеля.

Я только хотел бы отметить, что изначальное общее обвинительное заключение вменяет Кейтелю только период после 1938 и во-вторых, что в начале обвинительного заключения, Кейтель описан как начальник командования сухопутных войск. Согласно доказательствам предъявленным обвинением, Кейтелю также вменяется период после 1933, хотя американское, британское и французское обвинение отказались от утверждения, что Кейтель был начальником командования сухопутных войск. Обвинение против Кейтеля распадается на два периода: с 1933 года по 4 февраля 1938 г. и с 4 февраля 1938 г. до конца войны.

Я продолжаю на странице 21, последний абзац.

Поэтому подсудимый обвиняется не только как соучастник заговора, но и за личное участие во всех преступлениях. Этому обширному обвинению соответствует также место, отведенное подсудимому Кейтелю в выступлениях обвинителей. Ни одна фамилия подсудимых не называлась обвинением так часто, как фамилия Кейтеля. Все время мы слышим: «приказ Кейтеля», «указания Кейтеля» и «приказ ОКВ», «директивы ОКВ» и т.д., причем это связывается с именем Кейтеля как «начальника ОКВ» с 4 февраля 1938 г.

В этом самая суть обвинительного заключения, а именно, положение подсудимого Кейтеля после 4 февраля 1938. Но из этого вытекает также возможность его оправдания. При этом не должны играть роль отдельные обстоятельства, которые могли возникнуть в конечном итоге в связи с так называемыми «приказами Кейтеля» или «распоряжениями ОКВ», нельзя рассматривать эти обстоятельства с точки зрения участия подсудимого в них, а нужно их рассматривать с точки зрения того положения, которое он занимал, и того, какое участие он принимал в планировании и осуществлении этих приказов и распоряжений, и, наконец, и главным образом, в выяснении того, является ли его участие причинным и виновным в смысле права, которое до сих пор находило свое применение.

Председатель: Не будет ли удобно прерваться?

[Объявлен перерыв до 14 часов]

Вечернее заседание

Нельте: Подсудимый заявил, что он принимает как доказанное объективное, т.е. фактическое положение дел общего обвинения (следовательно не отдельных случаев), причем он учитывает господствующее на этом процессе право ведения судопроизводства. Было бы бессмысленным предпринимать попытку нанести удар всему обвинению, когда имеется возможность опровергнуть многие документы или отдельные факты. Поэтому я, главным образом, ограничусь вопросом субъективного положения дела и вопросом заговора и рассмотрю лишь отдельные случаи, которые в связи с особым значением для защиты подсудимого Кейтеля лично требуют этого упоминания.

Несоответствие между событиями и судьбой подсудимого так разительно, что подсудимый Кейтель, если он уже не сделал этого по настоянию своей совести, он должен пожелать этого на основании соображения о том, что такая позиция подтверждает его подозрение, что он хочет бороться за свою жизнь. Однако подсудимый пояснил уже предъявлением своих доказательств, что он борется не за свою голову, а за свое лицо.

Подсудимый относится к числу людей, которые в связи со смертью Гитлера попали под свет рампы общественности. С 1938 года он находился в непосредственном окружении Гитлера, был почти что постоянным его спутником. Ясно, какое значение это имеет для данного процесса. Обвинение неоднократно утверждало, что подсудимые, указывая на мертвых, хотят свалить на них собственную вину. Если целью данного процесса является установление правдивой картины всех событий и их связи между собой, то необходимое упоминание тех мертвых, которые, как известно обвинению, являются главными преступниками, не должно служить основанием для недоверия к тем, кто делает это. Это непосредственно относится к подсудимому Кейтелю, положение, влияние и действия которого невозможно правильно оценить, не осветив личности Гитлера и его отношения к Кейтелю.

Из выступления господина Джексона видно, что здесь речь идет об обвинении всей национал-социалистической системы. Обвинение является всеобъемлющим, но фактически выражается в 21 отдельном обвинительном акте. Некоторые подсудимые являются в известной степени символическими фигурами сфер власти государства, в котором господствовала эта система — национал-социалистическая партия, правительство и вооруженные силы. Если я правильно понимаю господина судью Джексона, он идет ещё дальше говоря:

«За ними стоят безымянные и безличные силы, столкновение которых составляет большую часть истории человечества...Каковы же истинные силы, столкнувшиеся здесь перед вами?»

Следовательно, здесь выдвинута проблема, которая, господа судьи, не может остаться не упомянутой на этом процессе, проблема, на которую также указал господин де Ментон: значение и влияние сил судьбы. Судьба и вина не являются двумя полюсами, сферы действия которых исключают одна другую; это есть сферы действия, пересекающие друг друга, так что имеются области жизни и действия, в которых эффективными являются обе движущие миром силы. Словами здесь можно выразить только то, какие силы действуют объективно на судьбу, т.е. какие моменты у отдельных подсудимых можно рассматривать как несознательные и невольные: принадлежность к народу, исторические события, традиционно-закоренелые взгляды и жизненная среда. Вследствие этого я должен буду остановиться на этих основах в той степени, в какой это относится к подсудимому Кейтелю, как к человеку и типу одной из групп, находящихся под обвинением, так как Вам только таким образом можно представить возможность получить правильную картину участия подсудимого Кейтеля в произошедшем.

Мне хотелось бы так же заявить, что все, о чем я буду докладывать, происходит с полного согласия подсудимого Кейтеля и, поскольку здесь будет доложено о точках зрения и фактах, которые смогут оправдать подсудимого Кейтеля, это следует рассматривать как вклад в выяснение событий и в ответ на вопрос, как это могло случиться. Он не хочет, чтобы его положение и роль, которую он играл в этой драме, были приуменьшены, но он хотел бы предотвратить искажение картины его характера. Подсудимый уже заявил со свидетельского места, что он благодарен тому, что благодаря этому процессу он имеет возможность дать перед мировой общественностью и немецким народом отчет о проделанном им и о том, почему он это делал. Он хочет помочь установить историческую истину произошедшего.

Я считаю обязанным объявить об этой позиции подсудимого Кейтеля, так как такая и таким образом обоснованная позиция значительно облегчает мне ведение защиты. Подсудимому Кейтелю, как и всем, было известно: если вспомнить об ужасных последствиях и обо всем чудовищном, что, несомненно, не ставя здесь вопрос о виновности, совершено немцами и что неоспоримо, следует отнести за счет приказов и распоряжений, с которыми Кейтель в той или иной форме соприкасался, что чувствуешь себя виновным не размышляя о том, идет ли здесь речь о виновности в правовом смысле или о трагичном чувстве связанности судьбою с причинами, а следовательно, и со следствиями.

Обвинение утверждало, что:

«Все подсудимые в какой-то период времени объединились с нацистской партией для осуществления плана, который, как это было им известно, мог быть осуществлен только путем развязывания войны в Европе».

Относительно подсудимого Кейтеля было сказано, что он с 1933 года активно участвовал в заговоре.

В доказательство данного тезиса обвинение высказало следующее:

- а) национал-социалистическая программа сама по себе, то есть согласно ее точному тексту и смыслу, могла быть реализована только с применением насилия;
- б) подсудимый Кейтель понимал это или должен был понимать;
- с) зная это, он вместе с другими, в частности с некоторыми подсудимыми, участвовал в планировании и подготовке агрессивных войн.

В отношении этих заявлений, я бы хотел обратить внимание трибунала, прежде всего, на принципиальное заявление господина судьи Джексона в котором он рассматривает партийную программу, о которой он говорит:

«Все это, конечно, были бы законные цели».

В другом месте он говорит:

«Я не критикую эту политику и, безусловно, желал бы, чтобы она была всеобщей. Естественно такому признанию сопутствует одно ограничение: до тех пор пока эти цели не должны были достигнуть с помощью агрессивной войны».

Судя по этому, обвинение само не признает, что текст и смысл партийной программы может дать понять нормальному человеку, что эти партийно-политические цели могли быть осуществлены только с применением насилия. Я не хочу повторять того, что говорили здесь отдельные подсудимые во время дачи показаний, особенно убедительным мне показалось то, о чем сообщил доктор Шахт. Он заключает свою критическую оценку существенных пунктов партийной программы следующими словами:

«Я не способен увидеть в партийной программе как таковой какой-нибудь признак преступных намерений».

Я привожу как раз это показание, так как оно показывает, как действовала эта программа и ее легко узнаваемая целеустановка на человека, который охарактеризован как умный, реально мыслящий, свободный от порывов чувства в политике, человек широкого хозяйственного кругозора и правильного суждения.

Кейтель был кадровым офицером. В качестве такового он не мог быть членом партии. Офицерам запрещалась всякая политическая и партийно-политическая деятельность. Руководство вооруженных сил заботилось о том, чтобы не допустить влияния политики партии на вооруженные силы. Это относилось как к периоду до 1938 года, так и к позднему периоду. Гитлер сам подтвердил этот принцип, ясно сознавая, что не пришло еще время приобщать офицерский корпус к политике, не говоря уже о генералитете. Высшие офицеры по традиции и по профессии были «настроены националистически», как было принято говорить, и приветствовали выдвинутые Гитлером на первый план националистические пункты

программы. Они рады были участию армии в осуществлении этой программы и без колебаний встали на сторону руководимого Гитлером правительства, когда оно объявило борьбу с Версальским договором и, в частности, с военно-политическими формулировками. Не было согласия, которое бы выходило за рамки этих целей, или даже общности политической целеустановки. Генералы, а среди них и Кейтель, не думали иначе, чем миллионы немцев, которые не были ни членами партии, ни ее противниками, но считали националистические цели само собой разумеющимися.

Итак, нельзя не заметить, что вообще то имеет разницу если миллионы немцев, которые не имели никакого влияния, поддерживали часть программы относящуюся к национальным целям, или если старшие офицеры, которые возглавляли вооруженные силы, поддерживали это. Нельзя не учесть и того, что осуществление национальных целей несло в себе опасность войны. Однако мне кажется, что дело обстоит таким образом, что генералы усматривали опасность не в том, что Гитлер хотел добиться национальных целей путем агрессивной войны, а скорее в том, что осуществление их привело бы к санкциям со стороны бывших «держав-противников». Генералы ввиду их вынужденного абсолютного военного бессилия были далеки от мысли о подготовке агрессивной войны. Я остановлюсь более подробно на этой проблеме, тесно связанной с перевооружением, несколько позднее. Сейчас важно отметить, что круги, к которым принадлежал подсудимый Кейтель (я добавляю в период между 1933—1938 гг.):

- 1) не соприкасались с партийной программой,
- 2) не имели связи с партийными кругами,
- 3) симпатизировали одной части партийной программы, которая соответствовала их национальной позиции,
- 4) не думали об осуществлении национальных пунктов программы путем агрессивной войны, так как с военной точки зрения это не имело бы перспективы.

Можно было бы возразить, что если даже сами генералы и не думали об агрессивной войне, то они все-таки поняли или должны были бы понять, что Гитлер намеревается, если не сейчас, то в ближайшем будущем вести агрессивную войну.

Обвинение считает возможным утверждать, что подсудимый Кейтель сознавал это с 1933 года. Утверждение обвинения следует считать опровергнутым. То же самое относится и к утверждению о том, что он знал об этих целях из книги «Mein Kampf», даже если считать, что она имелась у подсудимого. Поэтому здесь речь может идти только о том, знал ли Кейтель из других источников об агрессивных намерениях Гитлера. Что касается периода, предшествовавшего 1938 году, то получение таких сведений от самого Гитлера исключается, так как Кейтель говорил с ним первый раз только в конце января 1938 года. Речи, произносимые Гитлером, так же как и прочими партийными руководителями, до этого периода были недвусмысленно направлены на сохранение мира. Оглядываясь назад, сейчас

это можно назвать пропагандистской маскировкой противоположного намерения. Если это было так, тогда такая маскировка успешно ввела в заблуждение не только миллионы немцев, но также и иностранные государства, настроенные по отношению к национал-социализму частично критически, частично враждебно.

Кейтель верил в мирные заверения. Он видел, что их правдивость подтверждается официальными предложениями о разоружении и договорами с Англией и Польшей. Он верил в это тем более, что, как уже было сказано, агрессивная война казалась ему невозможной.

Подсудимый фон Нейрат также неоднократно заявлял, что все, что он знал о политике Гитлера до 5 ноября 1937 г., оправдывало его глубокое убеждение в том, что Гитлер, осуществляя свои политические цели, не хотел прибегать ни к насилию, ни к агрессивным войнам. Это убеждение фон Нейрата было поколеблено только выступлением Гитлера от 5 ноября 1937 г.

При предъявлении доказательств защиты доктора Шахта, на которые я ссылался, было доложено о фактах, вскрывавших противоречия между прежней позицией держав-победительниц, и тем тезисом, который представляется в этом вопросе обвинением.

Державы-победительницы путем их официальной связи и, сверх того, выражали, что они, несмотря на понимание всех обстоятельств, которые здесь поставлены в вину обвиняемым, не верили в намерения Гитлера или не признавали его намерения осуществить эти цели путем агрессивной войны.

Обвинение ставит подсудимому в вину то, что он знал о таком намерении Гитлера или должен был знать о нем. Это звучит неубедительно, и я предоставляю трибуналу решить вопрос, учитывая все обстоятельства, имел ли он возможность быть в курсе дела относительно истинных намерений Гитлера. Мне кажется, что подсудимый Кейтель имеет право претендовать на добрую веру в его неведение, если даже из других источников вытекает такая осведомленность или даже участие его в подготовке войны.

В качестве других источников в период с 1933 по 1935 год может быть принята во внимание деятельность Кейтеля в связи с вооружением и в комитете по вопросам обороны Рейха. Обвинение в незаконном вооружении охватывает два момента, которые были объединены обвинением:

Первое — тайное вооружение в нарушение Версальского договора;

Второе — вооружение в целях ведения агрессивных войн.

Однако для рассмотрения с точки зрения характеристики, эти две составные части должны быть строго разграничены; ибо по своей причине и своим последствиям они различны и поэтому и в юридическом отношении должны быть рассматриваемы с различных точек зрения.

Время с 1933 до 1938 год является периодом развития и реорганизации. Боролись силы прежнего порядка с новыми силами, еще не

принявшими постоянной формы. Все находилось в брожении. Цель и установка оставалась не ясной. Она подменялась принятием существующих национальных тенденций. С помощью ловкого пропагандистского использования этих тенденций создавалась психологическая основа для достижения целей, преследуемых новыми правителями, причем те, кого это касалось - ничего не замечали. В этом заключается проблема руководства вооруженными силами и подсудимого Кейтеля в этот период, которую я сейчас рассмотрю.

Эта проблема не разрешима, если в достаточной степени в военном отношении не учесть положения Германии. Для характеристики тогдашнего полковника Кейтеля важно также: каким образом это положение отражалось в той специальной сфере, к которой он принадлежал? Кейтель воспринимал Версальский договор и особенно его военные формулировки как унижение Германии. Он считал долгом по отношению к своей стране содействовать устранению такого положения. Он был убежден в том, что Версальский договор вследствие невыносимых в военном и территориальном отношении положений должен быть когда-либо пересмотрен. Подобный пересмотр казался ему императивом, в интересах справедливости и здравого смысла, если нужно было сохранить длительный мир. На основании этого убеждения он, как немец и солдат, считал себя вправе на том служебном посту, который занимал в то время, рассматривать военные положения Версальского договора как невыносимые, то есть необеспечивающие эффективную оборону и ограничивающие возможности ее развития. Не будучи сам к этому причастен, он при существующем положении вещей не считал несправедливым то, что Германия строила в Финляндии подводные лодки не для себя, а с целью приобретения опыта и обучения специалистов, что она финансировала конструкторское бюро в Амстердаме для того, чтобы следить за прогрессом в области авиации и воспользоваться новшествами, не строя самолетов. Характерным для того, что думала демократическая Германия того времени, без различия сословия и партии, было заявление доктора Брюнинга, которое 15 февраля 1932 г. распространялось всеми радиостанциями США по случаю собрания Конференции по разоружению. Я процитирую из него несколько предложений:

«Внутриполитическая борьба в Германии в своих внешних формах очень остра; эта острота, однако, не должна заслонять того, что несмотря на наличие различных тенденций, существует неоспоримая общность. В обоих решающих внешнеполитических вопросах современности, в вопросе о разоружении и вопросе о репарациях, в германском народе господствует единое мнение. Требование равноправия и равной безопасности разделяется всем немецким народом. Всякое немецкое правительство должно будет представлять эти требования. То, что спор между партиями о тех

путях, по которым должна идти наша политика, происходит сейчас в Германии может быть в более острой форме, чем в некоторых других странах, является следствием тяжелой нужды, которая давит Германию и глубоко затрагивает психику народа».

В отношении этого я ссылаюсь также на показания соподсудимого фон Нейрата от 22 июня 1946. Слова Брюнинга доказывают, что это было требованием, которое независимо от партий поддерживалось всем народом: требование равноправия и равной безопасности. Возражение: требование, даже если оно представляется всем народом, еще не дает право нарушать или обходить договорные обязательства. В принципе это верно. Однако в этом случае положение вещей было не столь просто. Я не хочу апеллировать к «основному праву» всех государств, по которому всякий народ должен иметь право создать для себя известные предпосылки для обороны. Но если даже такое «основное право» не признается, то, может быть, поймут то затруднительное положение, которое фактически существует, если какое-либо государство в своем военном потенциале настолько сильно ограничено, что оно должно не только беззащитным встречать всякое нападение соседа, но и в политическом отношении обречено на бессилие.

Трибунал в ходе представления доказательств имел возможность прийти к выводу, что это соответствует действительности в отношении положения германского государства в 1933 году. Я обращаю ваше внимание на следующую фразу из представленного трибуналу доклада Маршалла. Следующие фразы этого выдающегося солдата резюмируют опыт патриотической и военной жизни в отношении того, что называется здесь словом «переворужение»:

«Природа склонна уничтожать слабость. Закон о том, что только сильные остаются в живых, повсюду признается...».

Цитирую дальше:

«Мир не воспринимает серьезно желание слабых. Слабость является слишком большим искушением для сильных...».

И наконец я цитирую:

«Мне кажется, прежде всего, мы должны устранить трагическое недоразумение, заключающееся в том, что мы считаем, что политика безопасности является военной политикой».

Лучшим свидетелем в этом, столь важном для подсудимого Кейтеля вопросе, является книга английского генерал-майора А.К. Темперли⁵⁷⁷ «Шепчущие своды Европы», к которой английский министр иностранных дел во время Второй мировой войны Энтони Иден⁵⁷⁸ написал очень дружественное

⁵⁷⁷ Артур Темперли (1877 – 1940) – генерал-майор Великобритании. Автор военных исследований.

⁵⁷⁸ Энтони Иден (1897 —1977) — британский государственный деятель, член консервативной партии

одобрительное предисловие.

Председатель: Доктор Нельте, не могли бы вы пропустить чтение этих фрагментов из книги генерал-майора Темперли? Трибунал примет их к сведению. Здесь довольно много цитат из книги.

Нельте: Я планировал спросить трибунал не будет ли он любезен вынести судебное уведомление об этих фрагментах.

Эта книга особенно важна, так как Темперли описывает и судит обо всем с точки зрения 1938 года.

Описания Темперли, который принимал участие в Конференции по разоружению, в официальных переговорах и в переговорах за кулисами, являются потрясающими, так как они раскрывают трагический, - я должен опять употребить здесь это слово - обусловленный судьбой первичный конфликт: обусловленный судьбой, так как тезисы, представленные представителями разных стран, основанные на национальных данных и ограниченные традициями предоставляемых, оказались несовместимыми и явились причиной разногласий, окончательные последствия которых мы пережили. У Темперли сказано:

1. (стр. 50) «Французы значительно основательнее изучили вопрос о разоружении, чем любая другая нация и многие лучшие головы их генерального штаба и военно-морского штаба месяцами изучали эту проблему...Чтобы в общем охарактеризовать эту проблему, достаточно сказать, что их целью было по возможности меньше разоружаться самим, хотя они были сильнейшей державой в мире, но одновременно держать Германию вплоть до точки над «и» в рамках нори о разоружении соответственно условиям мирного договора...».

(стр. 71) «В представленном докладе я не щадил ни французов, ни нас. Мы сделали большие ошибки, но я пришел тогда к убеждению, что французы в действительности никогда не думали вообще разоружаться...Поль-Бонкур⁵⁷⁹ без сомнения был честен и интенсивно трудился для того, чтобы реализовать свой замысел однако давление французского генерального штаба на правительство было слишком сильным».

Великобритании. В 1935—1938 (кабинет Болдуина), в 1940—1945 (военное правительство Черчилля) и в 1951—1955 — министр иностранных дел, в 1951—1955 — заместитель премьер-министра, в 1955—1957 — премьер-министр Великобритании.

⁵⁷⁹ Жозеф Поль-Бонкур (1873 — 1972) — французский государственный и политический деятель периода Третьей республики. Дипломат. Министр труда и социального обеспечения Франции со 2 марта по 26 ноября 1911. Военный министр Франции с 3 июня по 18 декабря 1932. Премьер-министр Франции с 18 декабря 1932 по 31 января 1933. Министр иностранных дел Франции с 18 декабря 1932 по 30 января 1934. Министр национальной обороны и военный с 4 по 9 февраля 1934. Государственный министр, постоянный делегат в Женеве с 24 января по 4 июня 1936. Министр иностранных дел Франции с 13 марта по 10 апреля 1938.

2. (стр. 126) «Господин Штреземан лучше всего знал свой народ. Это была гонка на время. Сколько он сможет держать свой народ в атмосфере уступчивости не имея какого-либо ощутимого успеха в форме уступок со стороны союзников? Должны ли были союзные правительства давать быстрее и охотнее то, что они были готовы дать? Предотвратил бы этот жест катастрофу?... Без сомнения, история даст ответ. Я не знаю каким будет ответ, но мне точно кажется, что самый важный период, когда Германия свернула с мирного пути, относится к периоду сотрудничества между 1929 и 1930... Предотвратила бы гитлеризм и его последствия менее медлительная политика в отношении списания долгов, восстановления экономики, и уступки в договорах? Кто знает?... В своём «Обзоре международного положения», 1930, профессор Арнольд Тойнби⁵⁸⁰ пишет: «Для стороннего наблюдателя, который посещал Германию в то время было ужасной и странной драмой видеть весь народ – одну из самых великих и цивилизованных наций мира – находящимся в героической борьбе с судьбой, уже наполовину парализованного титанической битвой, движимый убеждением, что его шаги уже неодолимо привели на путь разрушения.

(стр. 128 и 129) «Немецкий народ потерял надежду... Французы всегда заявляли, что Германия будет сохранять видимость скромности до тех пор, пока будет оккупирована Рейнская область, а когда это закончиться, то станет видна истинная окраска... Это оказалось хорошим предсказанием, но скорее это было стечением обстоятельств и выражением настроения народа, находящегося при смерти, чем заранее составленным планом...».

3. (стр. 151) «Я присутствовал на заседании и был потрясен отношением французской делегации и Малой Антанты⁵⁸¹. Они считали, что в финансовом отношении они схватили теперь Германию за горло и что ее полное разорение является вопросом нескольких недель. Наше министерство иностранных дел поняло положение. Но после разговора с Гендерсоном я спрашиваю себя - действительно ли он увидел ту пропасть, которая зияет перед нами...».

Наверное, отдельный отрывок представляет интерес на странице 38, под номером 4:

⁵⁸⁰ Арнольд Тойнби (1889 — 1975) — британо-английский историк, социолог, философ истории и культуролог.

⁵⁸¹ Малая Антанта — альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920—1921 годах. Целью союза было сдерживание венгерских территориальных претензий, а также предотвращение воссоздания монархии Габсбургов в Австрии или Венгрии.

«Я называю также генеральные штабы, так как не существует большей иллюзии, как та, что они, в общем и целом, настроены милитаристски. Я хорошо знаю генеральные штабы многих стран, и я не знал ни одного, который окружал бы войну ореолом и хотел бы ее. Они слишком хорошо ее знают. Если они выступают за то, чтобы быть сильными, то лишь потому, что они верят в то, что вооруженная сила может удержать от войны.

В противоположность кровожадным пацифистам, которые отрицают современное оружие, но немедленно желают его появления на полях битвы, если дело идет о том, чтобы противостоять нападению... Это приводит к тому заключению, что не вооружение является основой войны. История 1926-1931 г.г. представляет собой не гонку ревооружения, а постепенно развивающееся ухудшение международного положения на основе экономического и политического хаоса, который в свое время делал невозможным разоружение и неизбежным вооружение...».

(стр. 223) «Немцы фактически повторяют свою успешную тактику по обходу договоров, которые они применяли во времена Наполеона и, однако, удивляются, какая другая благомыслящая нация в равных условиях не пошла бы на крайние меры для того, чтобы обойти договор, который был навязан ей штыком...».

(стр. 232) «Следующие шесть месяцев принесли с собой возвращение Германии, неудачу планов Гувера⁵⁸² и французских планов и полное изменение атмосферы вследствие прихода Гитлера к власти. Как ни ужасно это было для мира во всем мире - другие державы и, прежде всего, Франция могут взять на себя вину за создание такого положения...мы должны были оказывать на французов большее давление, должны были сделать большее усилие для того, что бы удержать у руля Германии более умеренное правительство...».

(стр. 256) «...они чувствовали, что с ними все еще будут обращаться, как с отверженными...».

Я прошу по достоинству оценить мнение британского генерала, которое, как я уже сказал, получило одобрение бывшего министра иностранных дел Энтони Идена. В этой связи я ссылаюсь также на предоставленные защитой доктора Шахта (документальная книга Шахта номер 3, экземпляр Шахт-12) по такой же теме и принятые трибуналом высказывания следующих государственных деятелей: Поля-Бонкура, Гендерсона,

---

⁵⁸² Герберт Гувер (1874 — 1964) — американский политический и государственный деятель, акционер и предприниматель, 31-й президент США (1929—1933) от Республиканской партии.

*Бриана, Сесила*⁵⁸³, а также книгу виконта Ротермира⁵⁸⁴ «Предостережения и пророчества».

Трибунал должен проверить и решить, действительно ли подсудимый Кейтель преступным образом нарушал военные статьи Версальского договора в духе предъявленного ему обвинения. Во всяком случае, обвинение не предъявило ему конкретных фактов в связи с данным пунктом.

Бесспорно то, что с 1933 года в Рейхе началось вооружение. Подсудимый Кейтель признал это и заявил, что на постах, которые он занимал до 30 сентября 1934 г. и с 1 октября 1935, он соответственно своим функциям участвовал в вооружении. Как и всё, что делают немцы, вооружение проводилось продуманно и организовано. Обвинение, собрав относящиеся к этому документы, в частности, представило документ PS-2353, протоколы заседаний комитета обороны Рейха.

Однако в ходе представления доказательств общая картина периода с 1933 по 1938 год не была ясно обрисована. Обвинение представило доказательства ретроспективно и на основании последствий войны сделало заключение о мотивах вооружения. Одновременно на основании того неоспоримого факта, что это вооружение не могло быть осуществлено одним человеком, заключило, что здесь имело место общее планирование в целях ведения агрессивных войн.

В чем же заключается решающий признак вооружения или какой-либо другой подготовки на случай войны, на основании которого можно заключить, что эти мероприятия носят агрессивный характер, то есть направлены на подготовку и ведение агрессивной войны? Само вооружение не дает еще права заключить, что существовало такое намерение. Наоборот, вооружение может и даже должно при подготовке к обороне и обеспечению безопасности выглядеть точно так же, как и в случае подготовки к агрессивной войне. Поэтому, если намерение о перевооружении с целью заговора должно быть установлено, нужно провести разграничение между:

(а) вооружение и подготовку мер, которые должны быть приняты в случае необходимости будущей мобилизации, ради готовности к обороне в любой момент;

(б) вооружение и проведение мер, которые настолько в количественном или качественном отношении превышают потребности для указанных в пункте «а» задач, что из этого можно в отношении того, кого это касается, заключить о наличии намерения политического руководства начать войну, причем политический вопрос - является ли эта война агрессивной, оборонительной или превентивной - может не рассматриваться. В конце концов

⁵⁸³ Эдгар Гаскойн-Сесил (1864 — 1958) — британский юрист, парламентский, общественный и государственный деятель, активный сотрудник и идеолог Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира 1937 года, врученной ему за заслуги перед Лигой наций.

⁵⁸⁴ Гарольд Хэрмсфорт, лорд Ротемир (1868 – 1940) – крупный английский издатель. Основоположник популярной журналистики.

важно установить, было ли в связи с названными мерами высказано намерение о планировании агрессивной войны или же убеждение в подготовке к агрессивной войне основывается на оценке характера и объема проводившихся мероприятий.

Если оглянуться назад, то события кажутся логической цепью планомерно подготовленного развития. В действительности, фактическому развитию событий, которые кажутся объективно связанными известной причинностью, подчиняются не только далеко идущие намерения и планы Гитлера, но и знания и одобрительная поддержка круга сотрудников. Нельзя оспаривать, что производственная мощь страны, которую в ее общности следует рассматривать как вооружение на случай войны, когда-то придет к такому моменту, который нужно рассматривать как решающий в вопросе, когда вооружение, т.е. состояние всей военной промышленности, превысит мощь оборонительного вооружения.

В связи с этим нужно, особенно в отношении подсудимого Кейтеля, как военного, учитывать то, что до вступления на пост начальника ОКВ 4 февраля 1938 г. он не занимал решающих постов.

Какую роль играл подсудимый Кейтель в это время?

а) в области служебного и личного ревооружения;

б) в области административного и, как утверждает обвинение, военно-политического ревооружения, которое рассматривает как комплекс «совет обороны Рейха».

Я пропущу страницы 43-46, поскольку они содержат историческое развитие организационных принципов и прошу трибунал, если эта информация принесет ему пользу, учитывать это при вынесении приговора. Я продолжаю на странице 47.

Когда подсудимый Кейтель 1 октября 1931 г. стал начальником отдела вооруженных сил при военном рейхсминистре фон Бломберге, там же существовал военно-экономический отдел под руководством полковника Томаса: Полковник Томас был назначен на должность Бломбергом и был его деловым советником.

Этот «отдел военной экономики» - позже военно-экономический штаб должен был, как министерская инстанция, представлять военного рейхсминистра в руководящих и ответственных учреждениях экономики, а позже, с 1935 года, при генеральном уполномоченном по экономике. Военный министр фон Бломберг в то время, когда фельдмаршал Кейтель был начальником отдела вооруженных сил, как правило, имел непосредственную связь с Томасом.

Для выяснения участия Кейтеля в организационном развитии ревооружения в этот период, я представляю следующее:

I. Исходное положение в 1933 году (на период 1933-1938 г.г.) было

следующим: Отсутствие всякой основы для производства вследствие разрушения военной промышленности согласно Версальскому договору.

Последствия: Отсутствие производственных мощностей, отсутствие машинного парка, отсутствие конструкторских бюро, отсутствие опыта.

Поэтому первой стадией вооружения было: восстановление производственных основ: создание и реорганизация заводов.

II. Основные факторы для получения вооружения:

а) Рода вооруженных сил через свои отделы вооружения, как распределителей заказов и заказчиков у фирм, ограничивались бюджетными средствами и их связанностью с бюджетным годом.

Последствия: субсидирование фирмам вследствие отсутствия долгосрочных заказов и возможностей прикидок.

б) Военно-экономическое управление ОКВ, как центральный организатор и представитель возможностей производства (фирм) через военно-экономические инспекции (позже - инспекции по вооружению), как локальная средняя инстанция в военных округах; для обслуживания родов вооруженных сил, как исполнительная инстанция:

1) Получать информацию и рекомендовать фирмы родам вооруженных сил.

2) Согласовывать заказы родов вооруженных сил и мощностей.

3) Заботиться о распределении сырья, машин и рабочей силы.

4) Поддерживать строительство и увеличение мощности предприятий.

5) Защищать предприятия от плохих капиталовложений, угрозы с воздуха, шпионажа и так далее.

с) Генеральный уполномоченный по экономике с осени 1935 года как организатор всего германского хозяйства для его использования в случае войны и руководства во время войны.

Задачи в мирное время (только подготовительного характера):

1. Статистический учет отдельных отраслей промышленности и экономики (мощности по производству вооружения вместе с ОКВ и военно-экономическим отделом под руководством Томаса).

2. Снабжение и размещение сырья, которое можно получить только путем импорта.

3. Приобретение валюты для импорта.

4. Финансирование производства вооружения внутри страны.

5. Планирование реорганизации соответственно военным нуждам всей экономики и увеличение специальной промышленности вооружения.

6. Задачи, изложенные в пункте «b», 3, 4, вместе с военно-

экономическим управлением ОКВ. К этому следует добавить предусмотренное лишь на случай мобилизации подчинение следующих министерств: а). министерство экономики, б). министерство продовольствия, с). министерство труда, d). министерство финансов (покупка валюты, сырья), е). министерство лесного хозяйства.

В связи с этим участие для получения информации заместителя генерального уполномоченного по экономике в комитете обороны Рейха с декабря 1935 г.

После ухода доктора Шахта с поста министра экономики, генеральный уполномоченный по экономике стал фикцией, так как полномочия перешли к 4-х летнему плану (Геринг).

Лишь с расширением прав министерства вооружения и боеприпасов в августе 1943 г. и превращения его в министерство вооружения и военной промышленности вновь, приблизительно, было воссоздано первоначально запланированное положение генерального уполномоченного по экономике и восстановлены его права во время войны при организационном подчинении четырехлетнему плану, а в действительности - фюреру (вследствие краха четырехлетнего плана).

III. В сотрудничестве генерального уполномоченного по экономике и военно-экономического отдела с ОКВ под руководством генерала Томаса был создан «план мобилизации вооружения». Этот «план мобилизации вооружения» предусматривался - для вооруженных сил и генерального уполномоченного по экономике, который представлял сведения о предприятиях, которые должны быть исключены из общего производства для перехода на производство вооружения во время войны. Это должно было удовлетворять:

а). потребность в рабочей силе, б). потребность в сырье, и с). машинный парк. (специальные машины для производства оружия и так далее.)

Современная война имеет своей предпосылкой не столько использование и организацию людей какой-либо страны в военное формирование, а в очень ясной форме представляет собой проблему промышленных мощностей и их целесообразного использования для производства всех необходимых видов сырья. Этот процесс, безусловно, должен предшествовать всякому вооружению и требует расхода денег и еще больше времени на создание станочного парка. Германия, когда она заявила о своем оправдании в военных вопросах, не обладала вспомогательными средствами для материального вооружения, которые были отобраны проведенным и признанным разоружением. Но только для того, чтобы снабдить армию мирного времени, о которой было сообщено миру в заявлении 1935 года, в материальном отношении всем до того запрещенным современным оружием и аппаратами, в частности, также боеприпасами, требовалось и были придуманы

10, а позже 7-8 лет, как это подтверждалось здесь, на процессе, различными сторонами. Это понятно, если вспомнить, что даже США со своими неограниченными и неподвергнутыми последствиям войны средствами затратили для необходимого переустройства и вооружения в этой войне 4-5 лет. Из этого следует, что вооружение, если оно предусмотрено для того, чтобы перейти границы оборонительного вооружения в государствах, которые, как Германия 1934 года, не располагают собственной промышленностью, может быть осуществлено лишь постепенно.

1 Стадия: создание промышленных и сырьевых предпосылок (мощностей) для покрытия военных нужд.

2 Стадия: Распределение заказов промышленности и вооружения для первичного оснащения мирного состава вооруженных сил и выполнения этих задач в рамках ежегодных бюджетных средств.

3 Стадия: Производство запасов боеприпасов и оружия для оснащения создаваемой на основе постоянного мирного состава и в случае войны мобилизуемой армии, соответственно личным качествам народа, включая необходимое замещение во время войны.

Если вспомнить, что Германия 1934 года не имела в своем распоряжении современного оружия, подводных лодок и современных самолетов, то кажется вероятным, что всякий солдат, способный вынести заключение, должен был полагать, что при существующих условиях нельзя думать о войне, не говоря уж об агрессивной.

Соответственно с этим следует рассматривать те задачи, которые были поручены подсудимому Кейтелю как начальнику отдела штаба вооруженных сил, как чисто подготовительно-организационные. Конечно, Кейтель несет ответственность за действия генерала Томаса как начальника управления военной экономики и вооружения ОКВ. Технические подробности и объем его деятельности вытекают из документа PS-2353, который в основном правилен, хотя Томас в заявлении, подшитом к историческому документу, хочет теперь изложить дело так, что он якобы, опасаясь ареста, изменил свои первоначальные записи в более благоприятном с точки зрения Гитлера направлении, то есть в сторону преувеличения. Это не соответствует фактам. То, что писал Томас, доказывает, по мнению подсудимого Кейтеля, что «вооружение для войны» при мобилизации промышленных мощностей и их переоборудовании для нужд военной экономики началось лишь в начале октября 1939 г. Далее это доказывает, что то, что показали здесь допрошенные подсудимые, насколько они имели отношение к этому перевооружению, в частности, доктор Шахт до 1937 года, совпадает с этим в том, что в этот момент агрессивных войн никто не хотел и, в соответствии с состоянием вооружения в то время, они казались невозможными.

Но перевооружение в личном составе показывает ту же самую картину в течение этого периода. В ходе предъявления доказательств выяснилось, что до начала 1938 года с трудом было вооружено только 27 дивизий мирного времени, а 10—12 резервных дивизий подготавливались; запасов вооружения и боеприпасов кроме этого в распоряжении вооруженных сил тогда не было. Однако если все же удалось до осени 1938 года создать армию почти из 40 дивизий для нападения на Чехословакию без проведения мобилизации при одновременной незначительной охране границ на западе, то отсюда вытекает, что это был наивысший возможный для того времени военный потенциал.

При таких обстоятельствах, зная состояние вооружения и военный потенциал соседних государств, связанных между собой союзами и пактами о взаимопомощи, ни один из генералов старой школы не мог думать о том, чтобы развязать войну. Тот факт, что уже годом позже — в 1939 году состояние германского вооружения было значительно лучше, объясняется в первую очередь оккупацией Чехословакии. В заключение следует указать на то, что в этот период не планировалась стратегическая агрессия. Генерал Йодль заявил во время дачи показаний, что, когда в 1935 он принял управление вооруженных сил, не существовало никакого плана, кроме того, что предусматривался для внутренних волнений. Занятие демилитаризованной зоны в Рейнской области не было запланировано. Это была импровизация со стороны Гитлера. «Директивы о наступлении и ведении боя» от июля 1937 года являются общими наставлениями на случай возможных военных осложнений.

Для полноты картины я должен указать также и на документ ЕС-194. Это приказ главнокомандующего вооруженными силами фон Бломберга, говорящий об авиаразведке и наблюдениях за передвижениями подводных лодок во время оккупации Рейнской области. Кейтель подписал приказ и препроводил его дальше. Это единственный документ, относящийся к тому периоду.

Рейхсвер состоял из 100 тысяч человек, что было установлено Версальским договором. Неоспоримо, что это количество, учитывая размеры Рейха, его незащищенные границы и обособленное положение Восточной Пруссии, было абсолютно недостаточным для того, чтобы вызвать называемые основным правом каждой страны и народа чувства безопасности внутри страны и возможности обороны против нападения извне. При таком неудовлетворительном положении, созданном военными условиями Версальского договора, обсуждались (еще до 1933 года) возможности его улучшения без использования, собственно, солдат. Было проверено и установлено, что ряд задач в случае мобилизации может выполняться гражданскими министерствами. Здесь речь идет о задачах чисто оборонительного характера, которые не могут быть рассмотрены как агрессивные, о задачах обороны страны и причем,

главным образом, о следующих:

- (1) Пограничная охрана с помощью укрепления таможенной службы*
- (2) Почтовая безопасность ведомств рейхспочты (пересыльные отделения)*
- (3) Охрана железных дорог личным составом Рейхсбана.*
- (4) Укладка кабелей вместо поверхностных телеграфных линий.*
- (5) Строительство железнодорожных виадуков и ликвидация пересечений на главных автодорогах.*
- (6) Строительство пограничных укреплений на Востоке, линия Одер-Варта, Померанская линия, линия Одера (изъятие земель).*
- (7) Улучшение военно-морских перевозок с Восточной Пруссией и железнодорожный транзит через Коридор.*
- (8) Укрепления в Восточной Пруссии.*
- (9) Укрепление пограничной охраны в Восточной Пруссии*
- (10) Предоставление Рейхсбаном передвижных железнодорожных платформ для погрузки.*
- (11) Укрепление береговой таможенной службы*
- (12) Развитие рейхспочтой радиосети (усиление передатчиков и приемников)*
- (13) Пополнение личного состава связи Рейхсвера сотрудниками рейхспочты.*
- (14) Освобождение Рейхсвера от исполнения обязанностей которые могут осуществляться гражданским персоналом.*
- (15) Охрана пограничных переходов местными властями*
- (16) Учет автомобилей, и т.д.*

Органом, который должен был давать советы о проведении этих задач, до 1933 года был комитет референтов. Он состоял из референтов отдельных гражданских министерств, которые, с согласия министерства внутренних дел (до конца 1933 года Зеверинг⁵⁸⁵), собирались на заседания в рейхсминистрстве обороны. Рейхсминистр обороны дал тогда полковнику Кейтелю поручение руководить этими заседаниями. Они заключались в том, что референты принимали и рассматривали пожелания рейхсминистерства обороны в отношении уже упомянутых задач, исполнение которых в случае мобилизации могли взять на себя отдельные министры. Это сотрудничество при министре Зеверинге происходило безо всяких трений и в духе возможного удовлетворения желаний рейхсминистерства; такое же положение оставалось и после 30 января 1933 г. Круг задач и состав остались теми же. Когда 4 апреля 1933 г. решением нового правительства Гитлера был создан совет по

⁵⁸⁵ Карл Зеверинг (1875-1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Пруссии.

обороне Рейха, комитет остался, он лишь изменил название: из комитета референтов он превратился в комитет обороны Рейха, однако не изменил своего круга задач и не получил новых прав. Только объем возрастал с прогрессирующим развитием, особенно с момента введения всеобщей воинской повинности. Как и прежде, комитет обороны Рейха оставался учреждением, которое должно было обсуждать те задачи обороны страны, которые затрагивали гражданский сектор и должны были быть подготовлены гражданскими министерствами, а частично также выполнены ими. В отношении этого пункта обвинения должно быть совершенно ясно, что и после 4 апреля 1938 г. положение Кейтеля не изменилось, что он, в частности, не стал членом совета обороны Рейха.

Совет обороны Рейха, которому в докладах обвинения уделяется столь много места, фактически, судя по результатам представления доказательств, не существовал - ко времени после 1938 года я вернусь позже - во всяком случае обвинение не смогло доказать, что в течение этого периода имело место заседание совета обороны Рейха. Представленные протоколы все без исключения относятся к заседаниям комитета обороны Рейха, члены которого докладывали своим соответствующим министрам, которые, опять-таки, имели возможность в рамках кабинета придать твердую форму предложениям, обсуждавшимся в комитете обороны Рейха. Именно поэтому дело не доходило до заседаний формально-юридически существующего совета обороны Рейха, так что свидетели с полным правом могли сказать, что совет обороны Рейха существовал только на бумаге.

Кейтель до 30 сентября 1933 г. находился в военном ведомстве в качестве полковника и руководителя отдела, а с октября 1935 года, будучи генерал-майором и начальником отдела вооруженных сил военного рейхсминистерства, являлся членом комитета обороны Рейха. Таким образом, с 30 сентября 1933 г. по 1 октября 1935 г. он не был в военном министерстве и тем самым не имел тех функций, которые подходят под пункт обвинения его по должности; в этот период он не участвовал в заседаниях совета обороны Рейха, протоколы заседаний которого были представлены обвинением как имеющее большую доказательственную ценность. Заседание от 22 мая 1933 описанное как второе заседание рабочего комитета референтов, было последним заседанием в котором Кейтель принял участие до перевода на службу в войска. Первое заседание после его перевода в военное рейхсминистерство состоялось 6 сентября 1935. Оно указано как 11-е заседание комитета обороны Рейха. Хотя при исследовании ответственности Кейтеля нужно исключать работу проделанную комитетом обороны Рейха в течение двух лет между заседаниями 3 и 10, я между тем сделаю это предметом своего выступления, так как из этих самых стенограмм можно понять, что делал комитет обороны Рейха.

Знакомство с этими протоколами объясняет, почему учреждение,

существующее в той или иной форме во всех государствах и служащее признанной всеми государствами законной цели обороны страны, было выставлено в качестве важного аргумента при представлении доказательств об агрессивных планах и приготовлениях.

Протоколы заседаний комитета обороны Рейха за 1933, 1934 и 1935 годы показывают характер работы как подготовки на случай войны. Но также ясно, что здесь речь идет о предварительных работах, которые должны были обеспечить лучшее состояние обороны страны на случай мобилизации. Если два раза упоминается «политическое положение», то эти упоминания показывают боязнь военных санкций со стороны соседних государств (указывается на случай с Абиссинией, который привел к санкциям против Италии). Вся деятельность исходила из мысли о том, чтобы преодолеть состояние военного бессилия, которое отнимало всякую возможность обеспечивать безопасность открытых границ Рейха.

Постоянно упоминаемые обязательства секретности при учете тогдашней ситуации могут быть рассмотрены лишь как опасение, что разглашение этих мер, хотя они носили чисто оборонительный характер, вызовет превентивные меры со стороны держав-победительниц.

То, что эти опасения были обоснованны, явствует из непримиримой позиции известных государств в духе полного разоружения Германии. Этот вопрос важен для позиции Кейтеля, так как он утверждает, что сделанный из предписаний о секретности вывод о том, что содержание в секрете доказывает нечистую совесть, а нечистая совесть, - знание нарушения права, - ошибочен.

Комитет обороны Рейха никогда не принимал решений. Это было совещательное учреждение для целей обороны страны, поскольку мобилизацией затрагивался гражданский сектор. Он никогда не проводил совещаний, касавшихся личного или материального ревооружения или планирования агрессии.

Я не желаю читать несколько следующих фраз. Здесь речь идет о хорошо известном событии об освобождении реки Рейн для движения, вопрос который обозначал техническое освобождение реки Рейн. Это было в показаниях Геринга.

Оно указывало на протокол заседания комитета обороны Рейха от 26 июня 1934 г., в котором речь идет «об участии в подготовке к мобилизации». В этом протоколе сказано в абзаце «С»: «Подготовка к освобождению Рейна». На основании этого обвинение сделало вывод, что комитет совета обороны Рейха уже 26 июня 1934 г. занимался вопросом «освобождения Рейнской области». Свидетель рейхсмаршал Геринг при своем допросе указал на то, что в немецком тексте недвусмысленно речь идет о техническом очищении Рейна, а не о стратегическом и политическом мероприятии. Я упоминаю эту очевидную ошибку обвинения, которая могла возникнуть лишь вследствие

крупной ошибки в переводе, потому что она привела к ложному предположению обвинения о правах комитета обороны Рейха. Здесь речь идет о единственном случае, который был представлен в отношении этого комплекса.

Истинный характер деятельности комитета обороны Рейха ясен из «руководства по мобилизации», документы PS-1639 и PS-1639a для гражданской администрации. Речь идет о результате совещания всех референтов в комитете обороны Рейха, и этот документ является приложением к плану мобилизации вооруженных сил и к плану мобилизации промышленности.

Эти три плана мобилизации в своей общности представляют собой основы для вашего решения. Из них вы можете видеть, верно ли утверждение обвинения - общий план с целью ведения агрессивной войны - или же был прав подсудимый Кейтель, когда он при своем допросе сказал::

«То, что обсуждалось и планировалось здесь является тем же самым, что вправе делать любая страна и что должны делать ответственные учреждения, если они не хотят нарушить свой высший долг, а именно обеспечить оборону всей страны».

Решения от 4 февраля 1938 г. оказались роковыми для генерала Кейтеля и для германских вооруженных сил: для Кейтеля потому, что он не мог еще оценить должным образом вновь созданную инстанцию «главнокомандование вооруженных сил» (ОКВ), вооруженных сил которые в тот день утратили свою относительную самостоятельность.

Гитлер устранил последний барьер между собой и вооруженными силами — народом под ружьем путем устранения фигуры главнокомандующего вооруженными силами и военного рейхсминистра, который по конституции должен был быть ответственным лицом за вооруженные силы. Такое судьбоносное решение стало для Кейтеля и для всего германского народа роковым, причем в момент вынесения решения причастные к этому лица даже не подозревали этого. Сейчас, оглядываясь назад, легко сказать, что такая непроницательность была преступной.

В тогдашний момент каждый, кто не был скептиком или пессимистом, при своей оценке отдельных вещей должен был быть зависимым от развития событий и от силы и значения участвующих в них личностей. 4 февраля 1938 г. нельзя было достаточно ясно предвидеть и распознать ни того, ни другого.

Для подсудимого Кейтеля, который в то время лично не знал Гитлера и впервые познакомился с ним во время предварительных переговоров по поводу данного решения, это не было его собственным решением. Гитлер назначил Кейтеля на вновь созданную должность начальника ОКВ. Кейтель принял ее. Если мы оставим без внимания человеческие чувства, то и тогда для начальника военного управления в военном рейхсминистерстве не было никакого основания отклонять

данное предложение, тем более что оно было сделано фон Бломбергом. Какое значение придавал Гитлер этой должности, Кейтелю было не известно. Я перехожу к следующей странице.

Декрет преподнес Кейтелю чудесное должностное именование: «Начальник главнокомандования вооруженных сил». Исторически основанием послужило устранение верховной власти над всеми вооруженными силами, которая до 4 февраля 1938 г. находилась в руках фельдмаршала фон Бломберга и которая в этот день перешла к самому Гитлеру. Одновременно Гитлер ликвидировал ответственное военное министерство, которое до сих пор управлялось также фельдмаршалом фон Бломбергом. Доктор Ламмерс о возникновении декрета фюрера от 4 февраля 1938 г. показал следующее:

Фюрер проинформировал меня о том, что военный министр фон Бломберг собирался покинуть свой пост, и что в связи с этим он хотел провести определённые перестановки в составе германского правительства и в частности, чтобы министр иностранных дел фон Нейрат ушёл в отставку и там тоже произошла замена, кроме того, в высшем командовании армии, тоже следовало провести перемены. Соответственно, фюрер отдал мне приказ подготовить указ о руководстве Вермахта. Я должен был взаимодействовать с управлением Вермахта в военном министерстве. В качестве руководящего принципа фюрер для меня следующие указания:

«В будущем я не хочу военного рейхсминистра, и в будущем я не хочу главнокомандующего Вермахтом который стоит между мною как верховным главнокомандующим и главнокомандующими родами войск Вермахта».

Соответственно был разработан указ, в котором, сначала, высшее командование вооруженных сил стало военным штабом который должен был находиться в прямом подчинении фюрера. Фюрер желал, чтобы там не было самостоятельной власти, которая бы находилась между ним и главнокомандующими родами войск Вермахта. Соответственно, назначенный тогда начальником ОКВ, генерал артиллерии Кейтель не имел никаких непосредственных командных полномочий над родами войск Вермахта. Такие командные полномочия исключались хотя бы по причине авторитета.

Фельдмаршал фон Бломберг заявляет в своих письменных показаниях которые я представил на вопрос 24:

«На нашей последней дискуссии Гитлер отметил, что вероятно он не будет замещать мою должность, и что соответственно он сам станет реальным верховным главнокомандующим германской армии....»

«Он потребовал кандидата на пост «начальника бюро», который должен был вести дела под его начальством».

Я назвал Кейтеля, который в моём подчинении руководил управлением очень способно».

В ответе на вопрос 27:

«Я предложил Кейтеля на должность «начальника бюро», и мне казалось, что он был на своем месте....»

На таком посту он бы не был военным советником Гитлера. Как и насколько Гитлер вообще просил его совета, я не знаю. Даже если так, отсюда не может быть установлена ответственность Кейтеля».

Вопрос 29:

«Не входило ли в намерения Гитлера создать с помощью личности Кейтеля инструмент, организаторские способности и работоспособность которого казались ему очень ценными для превращения их в исполнительный орган своих решений и приказов?».

Ответ: «Я со всей категоричностью даю положительный ответ на этот вопрос, если я сейчас возвращусь к просьбе Гитлера в день моей отставки рекомендовать ему кого-нибудь и к моему ответу на его просьбу. В первоначальные намерения Гитлера входило совершенно точно следующее: иметь в своем распоряжении надежный орган, но, ни в коем случае, ни советника обличенного ответственностью».

Декрет о руководстве вооруженных сил от 4 февраля 1938 г. известен трибуналу. Поэтому мне не нужно оглашать его здесь. Положение подсудимого Кейтеля, круг его компетенции и ответственность ясно вытекают как из этого, так и из целого ряда других документов.

(1) Гитлер не хотел иметь ответственное военное рейхсминистерство. Он не хотел также, чтобы кто-нибудь другой, кроме него, имел верховную власть над всеми вооруженными силами. В своем лице он объединил оба института, заявив по поводу верховной власти: отныне он лично и непосредственно будет осуществлять верховную власть и функции военного рейхсминистерства, которым должен по его поручению управлять Кейтель.

(2) Таким образом, Гитлер создал военный штаб для осуществления своей военной и технической программы. Штаб назывался «главнокомандование вооруженных сил» (ОКВ) и был не чем иным, как военной канцелярией фюрера и верховного главнокомандующего. Такие канцелярии уже существовали в виде рейхсканцелярии, президентской канцелярии и партийной канцелярии. Начальником военной канцелярии был назначен подсудимый Кейтель, его называли «начальником штаба главнокомандования вооруженных сил» (начальник ОКВ).

Из этого следует, что ОКВ не должно было быть промежуточной инстанцией между верховным главнокомандующим вооруженными силами и тремя видами вооруженных сил. Противоположная точка зрения обвинения, выраженная в графическом изображении, покоится на ошибочной оценке.

Между верховным главнокомандующим и тремя главнокомандующими — главнокомандующим сухопутными войсками, главнокомандующим военноморскими силами и главнокомандующим военно-воздушными силами — не существовало промежуточной инстанции со своими собственными полномочиями, как это имело место до 4 февраля 1938 г. ОКВ не было самостоятельным военным учреждением или ведомством. Оно было лишь военно-техническим штабом Гитлера и его военным министерским ведомством. ОКВ не имело никаких самостоятельных полномочий. Поэтому ОКВ не могло издавать собственные приказы. Больше того, все распоряжения, декреты, директивы или приказы, которые поступали из ОКВ, были выражением воли верховного главнокомандующего вооруженными силами. Главнокомандующие тремя видами вооруженных сил всегда сознавали, что между ними и верховным главнокомандующим не существует никакой промежуточной инстанции. Они никогда не рассматривали и не признавали ОКВ такой промежуточной инстанцией. Это было подтверждено письменными показаниями подсудимых Дёница и Рёдера, так же как и показаниями Геринга и доктора Ламмерса.

Мнение, что ОКВ или подсудимый Кейтель как начальник ОКВ были полномочны издавать собственные распоряжения или приказы, неправильно. Всякое устное или письменное служебное общение с другими военными учреждениями, выходящее за рамки обмена мнений, зависело от решения верховного главнокомандующего. ОКВ являлось всего-навсего рабочим штабом верховного главнокомандующего.

(4) Поэтому если на документах, которые исходили от верховного главнокомандующего или ОКВ, имеется подпись или инициалы подсудимого Кейтеля (или какого-нибудь начальника управления или отдела ОКВ), то из этого еще нельзя сделать вывода о том, что ОКВ имело полномочия издавать самостоятельно приказы. В каждом отдельном случае дело заключается лишь в ознакомлении, препровождении или передаче приказов верховного главнокомандующего. Учитывая, что Гитлер был очень занят на постах главы государства, рейхсканцлера, руководителя партии и верховного главнокомандующего вооруженными силами, понятно, что было невозможно получать от него во всех случаях собственноручную подпись, даже если дело подчас касалось особо важных или имеющих принципиальное значение вопросов. Следует, однако, обратить внимание и на то, что во всех случаях необходимо было иметь решение или согласие Гитлера.

Если обвинение при таком положении вещей придерживается той точки

зрения, что подписи или инициалы Кейтеля на документах дают основание считать его ответственным и за деловое содержание данных документов, то такая точка зрения не может быть одобрена. Было бы юридической формальностью считать подсудимого Кейтеля как начальника военной канцелярии ответственным за приказы, распоряжения и т.д., которые он подписывал и препровождал дальнейшим инстанциям. Мне кажется, что ответственным за это может быть только тот, кто имел соответствующие полномочия издавать и разрешать издавать подобные приказы.

Подсудимый Кейтель должен был бы нести персональную ответственность только в случае, если было бы доказано, что он по доброй воле участвовал в издании этих приказов и распоряжений и являлся их инициатором.

Председатель: Доктор Нельте, не будет ли удобно прерваться?

[Объявлен перерыв]

Дюбост: Господа, защита представила французскому обвинению просьбу довести до нее определенные документы. Эта просьба делится на две части.

Первая часть касается инцидента Скапини⁵⁸⁶, который вытекает из оглашения документа в ходе моего выступления. Я смог сообщить защите ответ который французское правительство дало на эту просьбу.

Французское правительство обнаружило в архивах оставленных германскими властями ответ который был дан на протест заявленный об убийстве французских пленных. Это кстати, весьма запоздалый ответ. Германские власти ответили, что комиссия по перемирию⁵⁸⁷ некомпетентна, что ответ должен быть дан посольством Скапини. Я вручил этот документ защите и думаю инцидент исчерпан.

Вторая часть запроса защитника касается заявления сделанного моим коллегой господином Эдгаром Фором который в начале своего выступления заявил трибуналу о том, что он изучил примерно 2500 документов, из которых он оставил только 200. Я, конечно не могу отвечать за господина Эдгара Фора. Я лишь знаю, что французская делегация имеет всего 800 документов в своих архивах, и все они предъявлены трибуналу и защите. Поэтому я думаю, что это просто ораторская гипербола и что мой коллега желал сослаться на сопроводительные письма которые не имели никакого значения. В любом случае я уже сообщил защитнику доктору Нельте, что для него открыты все документы нашей делегации, и что он сможет проверить, что у нас нет других документов кроме тех, что огласили.

⁵⁸⁶ Жорж Скапини (1893 – 1976) - французский юрист и политик. Представитель Франции в Германии по делам военнопленных в ранге посла.

⁵⁸⁷ Второе комьенское перемирие (или Комьенское перемирие 1940 года) — перемирие, заключённое 22 июня 1940 года в Комьенском лесу между нацистской Германией и Францией и завершившее успешную кампанию немецких войск во Франции (май—июнь 1940 года). В целях взаимодействия по различным вопросам Франция и Германия создали совместную комиссию по вопросам перемирия.

Нельте: Господин председатель, я благодарен французской делегации за пояснение по поводу жалобы которую я высказал этим утром. Если бы я получил это объяснение несколько раньше, то, что произошло этим утром не случилось бы. Я крайне об этом сожалею.

Я продолжаю на странице 64 про то, что Кейтель содействовал подготовке приказов. Для того, чтобы как можно сильнее внести ясность, я бы хотел дальше отметить следующее:

«Указания», которые, имели принципиальное значение для планирования военных операций или являлись оперативными приказами, отдавал верховный главнокомандующий главнокомандующим видами вооруженных сил. Прежде чем дать указания, Гитлер совещался о военно-технической стороне приказа с компетентными референтами из ОКВ, а также и с подсудимым Кейтелем. Главнокомандующие тремя видами вооруженных сил издавали приказы для осуществления того, что содержалось в основном указании верховного главнокомандующего. В этой связи я не буду ссылаться на положение устава трибунала, согласно которому выполнение приказа не рассматривается как причина, исключая уголовную ответственность, так как препровождение приказа не является приказом ОКВ отдельным видам вооруженных сил, но является лишь передачей воли верховного главнокомандующего, нашедшей свое выражение в приказе. Следует предположить, что обвинение неправильно оценило положение Кейтеля и что на точку зрения обвинения в данном случае оказал влияние фельдмаршальский ранг подсудимого. Этот ранг не имел никакого отношения к командным полномочиям подсудимого. Можно представить, что фельдмаршал это военный командир. Однако, как мы видели подсудимый Кейтель не имел никаких командных полномочий.

Фельдмаршал фон Бломберг, письменные показания которого были представлены трибуналу Обвинением, охарактеризовал положение подсудимого Кейтеля как начальника бюро. Эта характеристика по своей сущности является правильной. Начальник бюро должен заботиться о том, чтобы бюро, начальником которого он является, работало надлежащим образом, чтобы соответствующие референты правильно и в срок делали свои дела. Но он не принимал никакого участия в окончательном оформлении волевого акта, который его начальник, в данном случае верховный главнокомандующий вооруженными силами, считает правильным. Если это вообще является правильным, то особенно правильным оно является в данном частном случае. Известно, что Гитлер не позволял давать себе советов при вынесении военных решений. Это было доказано во время представления доказательств, в частности, с помощью показаний генерал-полковника Йодля.

Подсудимый Кейтель в письменных показаниях номер 8, озаглавленных «Координирование в государстве и вооруженных силах», очень ясно описал

деятельность ОКВ и свою деятельность. Письменные показания дают ясную картину тяжелой и неблагодарной работы подсудимого Кейтеля. В основном она состояла в координации желаний и потребностей отдельных частей вооруженных сил. Она также состояла в выравнивании и устранении появляющихся разногласий и в борьбе против стремлений Гитлера мешать отдельным ведомствам разрешать должным образом соответствующий круг вопросов.

Каждая отдельная часть вооруженных сил имеет интересы, которые отличаются от интересов других частей вооруженных сил, которые во всей своей совокупности не могут быть удовлетворены, которые иной раз противоречат интересам других частей вооруженных сил. Это относится в особенности к вопросу замены кадров, снабжения всем тем, что необходимо для специального ведения войны.

Точкой пересечения всех этих личных и деловых разногласий во мнениях было ОКВ.

Если правильно расценивать неоспоримый факт, что подсудимый Кейтель имел почти повсюду врагов и получал плохую личную оценку, то тогда нужно будет констатировать, что этот факт явился произвольным следствием перекрещивания деловых противоречий и личных разногласий во мнениях, которые Кейтель пытался устранить координированием и посредничеством, т.е. почти во всех случаях путем обоюдных уступок. Не нужно быть особенно опытным в жизни человеком, чтобы знать, что беспристрастный посредник всегда пожинает неблагодарность с обеих сторон. Та же самая картина наблюдается во взаимоотношениях с многочисленными инстанциями, облеченными официальными особыми полномочиями или пользовавшихся особым доверием и симпатиями Гитлера, что основано на чисто личных началах или что может быть связано с отношением к партии. Нужно представить себе эти противоречия и это перекрещивание интересов, чтобы правильно расценить ту трудовую нагрузку и тяжесть, которые обуславливались занимаемой Кейтелем должностью.

Понимание особых взаимоотношений, существовавших между руководством вооруженными силами и политическим сектором, осложнялось тем обстоятельством, что Гитлер соединял в своем лице функции верховного главнокомандующего вооруженными силами, военного рейхсминистра и главы государства с 4 февраля 1938 г. Поэтому с 4 февраля 1938 г. политическое руководство вооруженными силами согласовывалось с помощью наличия одного и того же руководящего лица.

Можно считать — а обвинение это так и делает, — что начальник военного управления Гитлера был тесно связан со своим начальником — Гитлером и что он должен нести ответственность за весь комплекс проводившихся им мероприятий

если не как виновник, то в какой-либо другой форме, предусматриваемой статьей 6 устава. Это предположение является ошибочным.

Не нужно заниматься рассмотрением существовавшей иерархии в государстве и обязательного характера приказа фюрера. Военная иерархия более стара, чем национал-социалистическая идеология. Однако несмотря на все это следует сказать, и вы должны обратить соответствующее внимание, что введение абсолютного принципа фюрерства в армии означает окончательное исключение всех стремлений, которые можно было бы рассматривать как демократические в определенном смысле, во всяком случае как стремления, тормозящие диктаторские прихоти Гитлера. В связи с этим, я ссылаюсь на письменные показания Кейтеля, документальная книга 2, номер 9 «ОКВ и генеральный штаб». Жесткое применение фюрер-принципа, в ретроспективном суждении постепенно привело к превращению здорового принципа военного подчинения в неумеренный милитаризм. Это нашло, между прочим, выражение в запрещении всякой критики снизу вверх, в запрещении генералам подавать прошения о выходе а отставку и, наконец, в устранении фигуры главнокомандующего вооруженными силами и военного министра. Я обращаю ваше внимание на речь Гитлера в Кроль-опера в 1937 или 1936, также критическую пометку на полях – заявление генерала Винтера⁵⁸⁸ – в указе запрещающем заявления об увольнении со стороны генералов в 1938, и наконец устранение верховного главнокомандующего вооруженными силами и военного министра.

Нельзя и не следует оспаривать того, что подсудимый Кейтель был ярким приверженцем принципа фюрерства в руководстве вооруженными силами и что работу «Основы организации германских вооруженных сил» (документ L-211) следует рассматривать как изложение точки зрения Кейтеля относительно руководства в будущей войне, хотя в тот момент не рассчитывали на какую-либо войну и не это было поводом для написания работы.

Что означает это для подсудимого Кейтеля? Тот, кто признает правильность принципа фюрерства с военной точки зрения, должен действовать в соответствии с данным принципом. Профессор Яррейс говорил уже, что принцип фюрерства, как и всякая другая политическая система, не является абсолютно хорошим или дурным, он говорил также, что все зависит от характера проведения данного принципа в жизнь и от метода его претворения в действительность.

Кейтель происходит из военной среды и одобряет принцип фюрерства в армии, согласно которому вся ответственность ложится на того, кто уполномочен издавать приказы. В то время, как принцип фюрерства в гражданской сфере, в которой он также действовал, исчерпывался в большинстве случаев формальностями и фактически не внес почти никаких изменений, в военной сфере

⁵⁸⁸ Август Винтер (1897 – 1979) – генерал горных войск Вермахта. В декабре 1944 – мае 1945 заместитель начальника оперативного штаба Вермахта.

этот принцип должен был оказать более сильное влияние, особенно он должен был отразиться на взаимоотношениях командующих и начальников их генеральных штабов.

Раньше начальники генеральных штабов несли материальную ответственность за издание приказов, в последующее время они были лишь оперативными помощниками командующих, они были «сотрудниками», советниками по оперативно-стратегическим вопросам, по которым эти офицеры были особенно хорошо обучены. Кейтель, как установлено, не был ни командующим, ни начальником генерального штаба, он был начальником военной канцелярии Гитлера, солдатом и управляющим по всем военно-министерским вопросам, то есть «министром», как здесь говорит обвинение.

На этом процессе не следует ссылаться на различия, которые являются чисто формальными, если фактическое распределение функций выглядит совсем иначе. Это особенно важно для дела Кейтеля, так как следует установить, чем он был в действительности, как он в действительности действовал.

Созданное указом от 4 февраля 1938 г. двойственное положение привело к ошибочному восприятию функций Кейтеля. Следует исходить из того (показание Ламмерса, Кейтеля), что Гитлер ликвидировал военное рейхсминистерство, так как он не хотел иметь больше военного министра; хотя 4 февраля 1938 г. значительный круг компетенции бывшего военного министерства был передан отдельным частям вооруженных сил, целый ряд функций остался в ОКВ, и ОКВ должно было управлять этим кругом вопросов.

Чтобы правильно расценить строгий охват воедино всех функций, которые относятся к руководству войной (такой строгий охват был желанным), следует сказать, что Кейтель не мог в силу своей власти, и по собственному усмотрению, осуществлять эти функции. Он должен был докладывать обо всех нуждах и требованиях военно-вооруженных сил и согласовывать их с задачами остальных министров.

Нельзя и не следует отрицать, что такая концентрация задач в лице Гитлера практически не могла быть осуществленной. Военный рабочий штаб Гитлера, начальником которого был Кейтель, должен был проводить большую предварительную работу и подготовку, необходимую для выполнения указанных задач. В соответствии с этим на него ложится и часть ответственности, но она не относится к важным, имеющим принципиальное значение вопросам. Конечно, вопрос о том, следует ли считать те или иные дела важными и следует ли о них докладывать Гитлеру, решал Кейтель. Но доказательства показывают, что Кейтель при возникновении у него сомнений был более склонен докладывать о таких вопросах после тщательной проверки их, чем самому заниматься их разрешением.

При невидимых источниках информации, которые находились в распоряжении Гитлера, Кейтель никогда не мог знать, узнавал ли последний о том, что ему казалось важным, через своих адъютантов, Гиммлера, Бормана или каким-нибудь другим образом. Чтобы предотвратить неизбежные объяснения с Гитлером, который вследствие своего недоверия ко всем предполагал, что от него преднамеренно утаиваются те или иные вещи, Кейтель мучительно старался делать все для того, чтобы не заслужить упрека в неисполнительности. Очень показательным примером является случай массового бегства 80 английских королевских офицеров военно-воздушного флота из лагеря Саган.

Важно установить, что Кейтель, будучи руководителем осуществления военно-материальных задач, возникавших в ОКВ, все же не был министром. И здесь тоже он выступал как начальник бюро, глава военной канцелярии, пост который также занимал глава канцелярии министерства, или даже государственный секретарь. Я желаю снова сослаться в связи с этим на заявление доктора Ламмерса, и письменные показания адмиралов Рёдера и Дёница, которые я уже постоянно упоминал.

То, что Гитлер также хотел придать этому совершенно ясное выражение, вытекает из текста указа фюрера от 4 февраля 1938 г. Если бы Гитлер не имел совершенно определенное намерение исключить третье лицо от всякого ответственного и порой неудобного для него положения в высшем военном секторе, то тогда он, по крайней мере, предоставил бы Кейтелю полномочия принимать участие на заседаниях кабинета. Правда, декретом Гитлера главнокомандующим сухопутными войсками и военно-морскими силами, точно так же как и Кейтелю, был предоставлен ранг рейхсминистра, но это сделано для того, чтобы оба главнокомандующих имели право принимать участие в заседаниях кабинета. Тот факт, что об этом распорядились одновременно убедительный аргумент обратного. Это доказывает, что Гитлер не желал предоставлять своему начальнику штаба ОКВ возможность представлять свои мнения и возможные сомнения кабинету. То, что Гитлер дал подсудимому Кейтелю ранг рейхсминистра, имело целью предоставить последнему возможность вести непосредственные переговоры с министрами. Если бы Кейтель не имел ранга министра, то ему пришлось бы ограничиваться переговорами с государственными секретарями и подобными лицами, что повлекло бы за собой определенные трудности в деле выполнения заданий фюрера.

Поэтому обвинение совершает ошибку, когда оно характеризует Кейтеля как рейхсминистра, хотя и «без портфеля». Он не был ни министром, ни членом правительства Рейха. Государственный секретарь Штуккарт⁵⁸⁹ в документе

⁵⁸⁹ Вильгельм Штуккарт (1902 — 1953) — государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства науки, искусств и народного образования (3 июля 1934 года — 14 ноября 1934 года),

предъявленном обвинении перечислил всех членов правительства. Кейтеля среди них нет. Он значился в списке лишь как лицо, занимавшее высшую должность.

Итак, обвинение не ограничило термин правительство членством в рейхскабинете, но и посчитало другие комитеты частью правительства. Получается так, что обвинение рассматривает правовую структуру, согласно германскому праву, как не имеющую значения и не относящуюся к делу. В соответствии с приложением В к общему обвинительному заключению, правительство в смысле обвинительного заключения состояло из:

(I) Членов обычного кабинета после 30 января 1933 г., даты, когда Гитлер стал канцлером Германской республики. Термин «обычный кабинет», употребленный здесь, означает рейхсминистров, то есть глав ведомств центрального правительства; рейхсминистров без портфеля; государственных министров, исполнявших обязанности рейхсминистров, и других должностных лиц, имевших право принимать участие в заседаниях этого кабинета.

(II) Членов совета министров по обороне Германии.

(III) Членов тайного кабинета.

Не затрагивая индивидуальной ответственности каждого подсудимого, трибунал должен проверить, является ли правильным понятие «правительства Рейха» в изложении обвинения, т.е. на практике это значит, что следует проверить, справедливо ли соединение групп, сделанное обвинением, под понятием «правительства Рейха». Во всяком случае, является совершенно недостаточным в данном случае предположить, что утверждение обвинения по данному вопросу является правильным.

Я полагаю, что мой коллега доктор Кубушок разъяснит это в ходе своего дела.

Председатель: Трибуналу кажется, что вы заняли слишком много времени вопросом о том в чем заключалось положение Кейтеля.

Нельте: Господин председатель, мне кажется, что обвинение тоже потратило много времени, чтобы выяснить какое по его мнению положение занимал Кейтель. Здесь он не как фельдмаршал, а как начальник ОКВ.

Председатель: Что же, если так, должен признаться, что я забыл. Мне и трибуналу в целом кажется, что вы заняли слишком много времени этой темой. У вас есть много других тем которые имеют гораздо больше значения для подсудимого, и вы уже выступаете несколько часов, и вы заняли много страниц тем, что пытаетесь установить и определить в чем заключалось положение Кейтеля. Я думал, вы могли это сократить.

Нельте: Я постараюсь.

государственный секретарь министерств внутренних дел Рейха и Пруссии (30 июня 1936 года — 30 апреля 1945 года), исполняющий обязанности рейхсминистра внутренних дел и рейхсминистра науки, воспитания и народного образования (3 мая — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), Американским трибуналом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

Уже было изложено, что подсудимый Кейтель не принадлежал к первой группе.

Он не являлся руководителем ведомства центрального правительства, он также не был рейхсминистром без портфеля, он также не был государственным министром с функциями рейхсминистра, он также не был чиновником, который имел бы право принимать участие в заседаниях кабинета.

В процессе представления доказательств (показания рейхсмаршала Геринга, доктора Ламмерса, фон Нейрата, Кейтеля, Редера, Деница) было показано, что, несмотря на указ фюрера от 4 февраля 1938 г., тайный совет министров никогда не существовал, что такой совет никогда не был учрежден, что он не созвал никогда ни одного совещания и что никто из его участников не получил никаких должностей. Этим показывается, что подсудимый никогда не был членом тайного совета министров.

Правильным же является то, что Кейтель был членом совета министров по обороне Рейха. Доктор Ламмерс, выступая в качестве свидетеля, подтвердил, что после того, как Кейтель стал членом совета министров по обороне Рейха, его должностное положение не подверглось никаким изменениям, и что, в частности, он после этого не стал министром. Подсудимый доктор Фрик в своих письменных показаниях от 25 ноября 1945 г. говорит, что Кейтель в совете министров по обороне Рейха был «связным».

Хотя Кейтель и не был назван среди членов правительства Рейха, обвинение упоминало здесь должность Кейтеля как члена так называемой коллегии трех и как члена совета обороны Рейха. Мне кажется, что здесь я могу сослаться на результаты представления доказательств. Выяснилось, что коллегия трех как правительственный институт никогда не существовала, и что совет обороны Рейха, созданный согласно неопубликованному закону об обороне Рейха от 1938 года, никогда не собирался. То есть никогда не проводил никаких совещаний и не выносил решений.

Для выяснения ответственности и круга компетенций подсудимого Кейтеля необходимо проанализировать понятие ОКВ. Я прошу не рассматривать это как теоретическое и поэтому излишнее разъяснение. Принципиальное утверждение обвинения и правовая проверка...

Председатель: Доктор Нельте, можно спросить, что вы делали если не анализировали концепцию ОКВ.

Нельте: До сих пор я объяснял положение Кейтеля как начальника ОКВ. В заявлениях на странице 74 и следующих страницах, я хотел объяснить вам, что обвинение и другие, говорили об ОКВ: и «ОКВ» это слово которое имеет три разных значения.

Господин председатель, если вы будете достаточно любезны позволить

мне изложить это в письменной форме, и если вы посчитаете предъявленным суду, тогда я готов оставить страницы, вплоть до 77 и представить их вам. В любом случае, мне кажется это важная часть пояснения о интерпретации слова «ОКВ» и то, что это не тождественно Кейтелю особенно важно.

Можно это сделать.

[Председатель утвердительно кивает]

Нельте: В таком случае, я продолжу на странице 77.

Для выяснения ответственности и круга компетенций подсудимого Кейтеля необходимо проанализировать понятие ОКВ. Я прошу не рассматривать это как теоретическое и поэтому излишнее разъяснение. Принципиальное утверждение обвинения и правовая проверка, предпринятая французским обвинением в том вопросе, какую должность занимал каждый отдельный подсудимый в связи с отдельными вменяемыми ему в вину пунктами обвинения, заставляют меня заняться рассмотрением данной ошибки обвинения. Эта ошибка может быть легко прощена, поскольку не только за граница, но и широкие круги в самой Германии, даже в самих вооруженных силах, не знали, что означает ОКВ. ОКВ стало популярным собирательным понятием для верховного руководства вооруженными силами, но никто не постарался проверить, что кроется за этими тремя словами «верховное командование вооруженных сил». Это соответствует закоренелой привычке, почти болезненному стремлению людей сокращать обозначение военных инстанций. Так как публикуемые ежедневно отчеты верховного командования и все сводки, которые относились к военным действиям, начинались словами: «Верховное командование вооруженных сил сообщает», то эти слова ясно запечатлелись, они не только запечатлелись, они привели к тому, что создалось впечатление, что «верховное командование вооруженных сил является высшей военной командной инстанцией. Представление было бы правильным, если бы ОКВ переводилось не как верховное командование вооруженных сил, а как верховный главнокомандующий вооруженными силами. Только в Гитлере лично, как в верховном главнокомандующем вооруженными силами, соединялось то, что себе мир представлял под ОКВ, т.е. центральная военная инстанция, планирующая и издающая приказы, таким образом, верховное руководство и исполнительная инстанция всех военных вопросов. В этом отношении ОКВ было равнозначно Гитлеру как верховному главнокомандующему вооруженными силами, как гласило его официальное наименование.

Если обобщать соответствующее господствовавшему принципу фюрерства наименование верховного главнокомандующего вооруженными

силами и охарактеризовать инстанцию верховного главнокомандующего, то она будет называться «верховное главнокомандование вооруженных сил». Эта инстанция охватывает самого верховного главнокомандующего, т.е. Гитлера и его помощников, т.е. его штаб.

Декрет фюрера от 4 февраля 1938 г., который носит заголовок «Декрет о руководстве вооруженными силами», из-за своей злосчастной и неясной формулировки для подсудимого Кейтеля имел своим последствием роковую ошибку, т.е. убеждение, что упомянутый в процитированном мной декрете от 4 февраля 1938 г. начальник ОКВ является одновременно начальником, руководителем главнокомандования вооруженных сил. Из декрета вытекает, что начальник ОКВ должен означать «начальник штаба ОКВ», т.е. начальник канцелярии верховного главнокомандующего вооруженными силами. Но с тех пор, как только заходила речь или заходит теперь об ОКВ, то каждый непременно думает о Кейтеле, не проверяя, что подразумевается под этим: ОКВ - верховный главнокомандующий вооруженными силами, или ОКВ - инстанция верховного главнокомандующего вооруженными силами, или ОКВ - штаб данной инстанции верховного главнокомандующего вооруженными силами.

Обвинение не делает никакого различия, так же, как и германские инстанции, которые точно не знали всех этих различий или не обращали внимания на них. Они, так же, как сегодня обвинение, считали, что к ОКВ относится все, что связано с вооруженными силами или служащими вооруженных сил, что за все это отвечает ОКВ. От такой точки зрения до обвинения Кейтеля в индивидуальной ответственности за все эти вопросы на основании его наименования начальника ОКВ всего один шаг. Для немцев и иностранцев при оценке его положения, которая не базировалась на государственно-правовом исследовании, определенную роль играл опыт Первой мировой войны. Отношения между Гитлером и Кейтелем напрашивались на сравнение между отношениями кайзера и Гинденбурга. Это сравнение имело для подсудимого Кейтеля последствия, которые дают о себе знать на этом процессе. Не раздумывая над принципиальным различием между положением Гинденбурга, как начальника Большого генерального штаба, который существовал до 1918 года, и положением Кейтеля, как начальника военного рабочего штаба Гитлера, и не зная каков был круг компетенций Кейтеля и каковы были возможности его сотрудничества по разработке планов и мероприятий Гитлера на основании переданных ему функций, делали сравнения, которые превратились в нападки на Кейтеля. Когда же после свершившейся катастрофы Кейтель вновь должен был выступить в роли внешнего представителя вооруженных сил, когда он, согласно указаниям, должен был подписать безоговорочную капитуляцию, то сравнение это с

событиями прошлой мировой войны не явилось благоприятным для Кейтеля. Люди не спрашивают, когда дело идет плохо, кто компетентен за тот или иной вопрос, они ищут всегда виновного, и этого виновного они определяют по внешнему виду. Напрашивается высказывание, что большое внимание, которое уделяется на данном процессе личности Кейтеля, следует в значительной степени объяснять наличием того факта, что после смерти Гитлера Кейтель выступил на общественную арену.

Чтобы ясно понять, какую роль Кейтель играл в действительности, и какая часть всего происшедшего выпадет на долю его личной ответственности, я после исследования предоставленного ему законом круга его компетенций хотел бы теперь заняться вопросом, какое фактическое влияние оказывал Кейтель на развитие и проведение мероприятий, которые составляют основные разбираемые на данном процессе вопросы. Мы, из опыта нашей повседневной жизни знаем, что самым важным является не то обстоятельство, чем должен быть тот или иной человек на определенной должности, самым важным является то, что он сделал с этой должностью в силу свойственных его личности качеств. Мне кажется, что я имею право сказать, что на этом процессе личность ни одного из подсудимых не получала таких различных и противоречивых оценок, как личность подсудимого Кейтеля.

Основным в вопросе об уголовной ответственности Кейтеля является его действительная позиция в той игре сил, которую вел Гитлер, его эффективное влияние на эту группу, и таким образом на те обстоятельства в целом которые могли бы повлиять на работу ставки Гитлера в военной области.

Я рассмотрю эту принципиальную тему рассмотрев обвинения предъявленные Кейтелю и другим подсудимым в виду перекрёстного допроса доктора Гизевиуса, другими словами, после завершения представления доказательств по делу Кейтеля.

Показания свидетеля Гизевиуса приобрели для подсудимого Кейтеля решающее значение ввиду характера постановки вопросов господином Джексоном и ответов Гизевиуса. Если бы то, что Гизевиус показал о Кейтеле, было правдой, то есть то, что он а своих показаниях облек в форму в основном осуждающего констатирования, то значит, подсудимый Кейтель, не сказал правды в своих показаниях. Смысл этого обстоятельства становится ясным, если учесть, что отрицательное решение по поводу достоверности должно нарушить защиту Кейтеля, которая основывается, в сущности, на субъективных фактах. Это обстоятельство и значение, которые показания свидетеля Гизевиуса имеют и для других подсудимых, обязывают меня испробовать все возможное для выяснения противоречивости между показаниями Кейтеля и свидетеля Гизевиуса.

Эмпирическим фактом является то, что лучшими свидетелями являются мертвые, так как дача ими так называемых показаний не может быть непосредственно опровергнута. Другим видом почти неопровержимых доказательств являются показания свидетелей, данные на основании информации. В показаниях Гизевиуса скомбинированы обе эти возможности, так как он дает показания на основании информации, полученной в большинстве своем от уже мертвых свидетелей. Судья Джексон использовал доктора Гизевиуса как главного свидетеля в своих нападках на подсудимого Кейтеля; по окончании предъявления доказательств против Кейтеля он остановился не только на отдельных фактических обстоятельствах, но коснулся всего обвинения и дал оценку показаниям Кейтеля.

Приведение доказательств от обратного строится на том, чтобы по возможности объективно доказать неправильность информации, основанной на фактах, переданных определенными лицами, а затем на доказательстве неопровержимости информации. Я напоминаю о словах, сказанных подсудимым Кейтелем в заключение данных им под присягой свидетельских показаний:

«Меня можно обвинить в наличии ошибок, и также в наличии слабости перед фюрером, Адольфом Гитлером, но никто не скажет, что я был трусливым, непорядочным и неверным».

Я, по возможности коротко, резюмирую те выводы, которые сделало обвинение из показаний Гизевиуса:

- 1) Для того чтобы Гитлер не имел правильного представления о действительности, Кейтель создал вокруг Гитлера непроницаемое кольцо.
- 2) Кейтель не передавал Гитлеру доклады, представляемые ему Канарисом, если в них говорилось о зверствах, преступлениях и т.п., или же он давал распоряжение внести в них изменения.
- 3) Кейтель оказывал большое влияние на ОКВ и на армию.
- 4) Кейтель грозил своим подчиненным, если они высказывались по политическим вопросам, что он их не будет защищать, и даже обещал передать в Гестапо.

Доктор Гизевиус говорит в одном месте своих показаний, что Кейтель якобы не имел никакого влияния на Гитлера. Он оправдывает Гитлера, заявляя, что Кейтель создал вокруг него кольцо, чтобы последний ни о чем не знал. Английские и американские обвинители изобразили Кейтеля податливым созданием Гитлера, немецкие генералы называли его поддакивающим, не могущим ни на чем настоять, и теперь по показаниям Гизевиуса, фигура Кейтеля превращается в советчика Гитлера, скрывающего от него все планы и докладывающего только то, что ему, Кейтелю, выгодно, и не допускающего к Гитлеру ни одного человека.

Утверждать, что Кейтель закрыл доступ к Гитлеру, может только тот, кто

не знает обстановки, окружавшей Гитлера. Перед войной местом службы Кейтеля в Берлине была Бендлерштрассе, Гитлер же находился в рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе. Не чаще одного раза в неделю Кейтель являлся на доклад или специально вызывался. Ввиду расположения кабинета оказать влияние на доступ к фюреру вообще было невозможно. Невозможно это было и тогда, когда Гитлер неделями проживал в Берхтесгадене, в то время как Кейтель жил в Берлине.

В начале операций Кейтель с Йодлем и штабом оперативного командования находился в ставке главнокомандующего. Здесь также существовало расстояние в расположении их квартир. Кейтель помещался не в приемной Гитлера, а в другом здании, вроде бараков. Иногда и он, с генерал-полковником Йодлем, являлся на совещания, на которых, однако, кроме Гитлера принимали участие 15-20 офицеров всех трех родов Вермахта; кроме этих совещаний какой бы то ни было связи между ними не было. Если Гитлер хотел чего-либо от Кейтеля, он его вызывал. Гитлер ближе всего соприкасался со своими адъютантами, начальником партийной канцелярии, начальником президентской канцелярии, начальником рейхсканцелярии в Берлине. Кейтель не только не мог регламентировать доступ к Гитлеру, но не имел возможности даже помешать тому, чтобы кто-либо приходил к Гитлеру.

Источником информации для Гитлера были начальники соответствующих учреждений. Отчасти, как я уже говорил, эти источники информации были невидимыми, и было неизвестно, откуда Гитлер получает сообщения. Гизевиус не знал об этом. Он сам никогда не был около Кейтеля, никогда не встречался с ним, не разговаривал и не знал его фамилии. И если он здесь высказал свое суждение, то это он сделал на основании сообщений, полученных от Канариса, Томаса и Остера⁵⁹⁰.

По этому вопросу был заслушан генерал-полковник Йодль. Последний, конечно, является лучшим свидетелем по этому вопросу, так как он, так же как и Кейтель, находился в непосредственной близости от Гитлера и может иметь свое суждение. Он высказался об этом так:

«К сожалению, было невозможно скрыть вещи от Гитлера. Много каналов информации шли напрямую к Гитлеру».

На заданный мной вопрос Йодль - по предложению трибунала - утверждал, что показания Кейтеля совершенно правильны, а то, что показал свидетель Гизевиус в этом направлении, основывается на слухах.

Подсудимые gross-адмиралы Рёдер и Дёниц подтвердили, что убеждение свидетеля Гизевиуса о том, что Кейтель стремился держать главнокомандующих родов войск вдали от Гитлера - неправильно. Если это не так, значит, дорога из Вермахта к Гитлеру была бы всегда свободна. В

⁵⁹⁰ Ханс Остер (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, генерал-майор (1942), участник заговора против Гитлера. Казнён в концентрационном лагере Флоссенбюрг.

результате заслушивания свидетелей, также установлено, что, кроме Йодля — начальника оперативного штаба вооруженных сил, только Канарис мог иметь личный доступ к Гитлеру. Это доказывает, что показания Гизевиуса о том, что Кейтель создал вокруг Гитлера кольцо, являются ошибочными.

Свидетель Гизевиус показал, что Канарис представлял доклады об ужасах в связи с переселением, изгнанием и истреблением евреев, о концентрационных лагерях, преследовании церкви и убийствах душевнобольных через Кейтеля. Они через Кейтеля шли к Гитлеру. Доклады генерала Томаса, начальника управления военной экономики и вооружения ОКВ, ставившие Гитлера в известность о военном потенциале противника, также поступали через Кейтеля.

Что касается докладов адмирала Канариса, то нужно сказать, что этот начальник абвера все время представлял доклады относительно ведения войны, включая сюда и военно-экономические вопросы. Здесь подтверждается, что доклады представлялись по областям, не относящимся ни к ведомству контрразведки, ни к ОКВ. Доказано, что Гитлер строго следил за тем, чтобы каждый работник не выходил из круга своей деятельности и особенно запрещалось военным учреждениям заниматься вопросами политики.

Кейтель показал, что о всех ужасах, и особенно об изгнании евреев и о концентрационных лагерях, а также об уничтожении евреев, ему ничего не было известно. Это противоречит утверждению свидетеля Гизевиуса о том, что Канарис представлял подсудимому Кейтелю доклады по указанным вопросам.

Можно считать установленным, что доклады всякого рода передавались Кейтелю без опасения, что последует отставка. Особенно это возможно, если не нужно опасаться, что эти доклады будут обнаружены. Ведь если они не переданы, то отыскаться они не могут. Теперь, Гизевиус показал, что он собирал сначала документы, содержащие обвиняющий материал. При таких обстоятельствах разве не удивительно, что до сих пор не представлен ни один доклад? Поскольку они имелись в ОКВ, они являются противоречием обвинению и предъявлению доказательств. При таком положении может ли быть достаточным, если один свидетель покажет, что от третьего лица он знает, что такие доклады Кейтелю представлялись?

В результате своего особого положения, которое заставляло Канариса по специальным секретным поручениям Гитлера бывать за границей, он во всякое время имел доступ к Гитлеру. Значит, он имел возможность осведомить непосредственно Гитлера о своих тяжелых сомнениях, как это показал Гизевиус. Почему же он этого не сделал?

Так, Гизевиус, высказавший осуждающие показания, к счастью для Кейтеля, сделал в одном единственном месте положительные выводы, что показала объективная перепроверка. Я цитирую:

«Мне кажется, что я должен упомянуть здесь о двух особенно ярких

примерах. Во-первых, всеми средствами пытались побудить фельдмаршала Кейтеля, чтобы он предостерег Гитлера от вступления в Голландию и Бельгию и сообщил ему, что представленная им информация относительно мнимого нарушения нейтралитета Бельгией и Голландией является ложной. Эти изобличающие сведения о Бельгии и Голландии должно было изготавить управление разведки и контрразведки. Адмирал Канарис отказывался тогда подписать эти отчеты. Я прошу проверить правильность моих слов. Он неоднократно говорил Кейтелю, что этот якобы изготавленный ОКВ отчет является ложным. Это один пример, когда господин Кейтель не сообщил Гитлеру того, что он должен был сообщить».

Я предъявил генералу Йодлю здесь на месте свидетеля, документ PS-790, который ссылается на случай «Белой книги» о нарушениях нейтралитета Голландией и Бельгией. Йодль свидетельствовал буквально и я цитирую:

«Я понимаю вопрос, и я хотел бы кратко установить здесь факты и сказать как это было на самом деле если смогу не задохнуться от отвращения.

Я присутствовал, когда Канарис прибыл в рейхсканцелярию с этим докладом фельдмаршалу Кейтелю и представил ему проект «Белой книги» министерства иностранных дел. Фельдмаршал Кейтель затем просмотрел книгу и внимательно выслушал существенные замечания сделанные Канарисом по желанию министерства иностранных дел, о том, что разведывательные данные требуют вероятно какого-то улучшения, что он должен был подтвердить, что военная акция против Голландии и Бельгии была абсолютно необходимой, и что, как сказано здесь, и не доставало последнего реально грубого нарушения нейтралитета. Прежде чем Канарис сказал следующее слово, фельдмаршал Кейтель бросил книгу на стол и сказал: «Я не настаиваю на этом. Как я могу взять ответственность за политическое решение? В этой «Белой книге», слово в слово, доклады, которые вы сами – Канарис – давали мне».

Потом Канарис сказал: «У меня точно такое же мнение. Я считаю, совершенно лишнее подписывать этот документ Вермахтом и докладов, которые мы здесь имеем, в целом, совершенно достаточно, чтобы установить нарушения нейтралитета, которые происходят в Голландии и Бельгии». И он рекомендовал фельдмаршалу Кейтелю не подписывать это.

Так это происходило. Фельдмаршал взял книгу с собой, и мне неизвестно, что случилось потом...».

Кейтель не подписывал «Белую книгу». Следовательно в единственном

проверяемом случае получено явное доказательство неправильности показаний Гизевиуса.

Кейтель, по показаниям свидетеля Гизевиуса, оказывал огромное влияние на ОКВ и армию. Эти слова, без предъявления конкретных фактов, являются ничего не значащей фразой в устах человека, который не имел с Кейтелем никакого соприкосновения. Они опровергаются показаниями Геринга, Дёница и Рёдера. Йодль обрисовал это заявление как пустую фразу.

Поскольку свидетель говорит о сильном влиянии на ОКВ, возникает вопрос, что свидетель вообще под этим подразумевает? Кейтель, будучи начальником ОКВ, безусловно, мог оказывать влияние, что я уже обсуждал. Его положение в отношении подчиненных будет рассмотрено позднее. Но важно другое — оказывал ли Кейтель какое-либо преступное влияние на ход событий? Даже Гизевиус подтвердил, что Кейтель не оказывал решающего влияния на руководство вооруженных сил. Это установлено и доказательствами.

Особенно оскорбительным обвинением против подсудимого Кейтеля было то, что он «вместо того, чтобы стать во главе подчиненных ему офицеров и их защищать, угрожал им отдачей их в руки Гестапо».

Однако установлено, что до 1944 года ни один начальник какого-либо управления ОКВ не был уволен, что до 20 июля 1944 г., то есть до покушения на Гитлера и перехода юрисдикции к Гиммлеру, ни один офицер ОКВ не был передан в руки полиции. Адмирал Дёниц подтвердил, что рода войск и ОКВ очень тщательно поддерживали привилегии вооруженных сил в отношении полиции.

Суд также слышал о том, что говорил генерал-полковник Йодль в своем отношении к подсудимому Кейтелю. Я считаю, что это замечание имеет особо важное значение не только потому, что Кейтель был с подчиненным ему по службе генерал-полковником Йодлем в течение долгих лет совместной службы связан дружескими отношениями. Каким бы это ни казалось невероятным, но если подумать это было именно так, Йодль несмотря на свою служебную зависимость в действительности все больше и больше становился единственным советником Гитлера по вопросам стратегии, а какое значение это имело при обсуждении оперативных задач в войне, это было здесь убедительно доложено генерал-полковником Йодлем.

Если Кейтель без ревности и с безграничной признательностью признавал превосходство своего подчиненного Йодля в этой области, значит, это выявляет такую черту характера у Кейтеля, которая доказывает неправильность информации, данной свидетелем Гизевиусом, взятой из темных источников.

Несовместимым с показаниями свидетеля Гизевиуса является и тот доказанный факт, что Кейтель с подчиненным ему начальником управления

Канарисом был в приятельских и дружеских отношениях.

В этой связи нужно указать и на удостоверенный Йодлем факт, который был им приведен по собственной инициативе и без согласия Кейтеля о том, что Кейтель после ареста Канариса всячески поддерживал и помогал его семье. На это я указываю для того, чтобы опровергнуть, может быть, самое тяжкое личное обвинение против Кейтеля в том, что он, будучи начальником, непорядочно относился к своим подчиненным и злоупотреблял своим служебным положением в военной сфере, где у него была особая власть, опускаясь до насилия и угроз.

Как показал Гизевиус, адмирал Канарис вел двойную игру не только на службе, но и в личных отношениях с Кейтелем: используя его дружбу, он старался показать, что придерживается тех же взглядов, в то время как за глаза в кругу своих людей он со злобой отзывался о Кейтеле.

В заключение в этой связи нужно еще указать на показания свидетеля фон Буттлара-Бранденфельса⁵⁹¹, из которых видно, что Кейтель всегда относился к офицерам главного штаба вооруженных сил доброжелательно.

Свидетель упоминает об одном споре между Гиммлером, им самим и подполковником Цирфогелем⁵⁹², в котором Кейтель, которому доложили об этом споре, тотчас же энергично встал на защиту своих подчиненных против Гиммлера, изложив свой протест в письменной форме.

Показания, данные под присягой начальником отдела из управления Канариса, адмиралом Бюркнером⁵⁹³, в равной мере свидетельствуют о доброжелательном отношении Кейтеля к своим подчиненным. Во всяком случае, для ясности нужно сказать, что Кейтель иногда имел причину быть по отношению к своим начальникам управлений и отделов требовательным.

Д-р Гизевиус сам высказал здесь, что офицерам было строго запрещено заниматься политикой. Подсудимый Кейтель также сказал здесь, что Гитлер многократно со всей решительностью высказывал, что политики не должны заниматься военными вопросами, ибо они нечего в этом не понимают, равно как генералы не должны заниматься политикой, ибо ничего не понимают в вопросах политики.

Принципиальные утверждения Гитлера по этому вопросу ясно отражены в его распоряжении от 1936 или зимы 1936-37 годов, в котором он запрещает направлять всякие отчеты по политическим вопросам в адрес вооруженных сил.

⁵⁹¹ Хорст Буттлар-Бранденфельс (1900 – 1990) – немецкий генерал. Сотрудник оперативного штаба вооруженных сил Германии в 1942 по 1945.

⁵⁹² Гельмут Цирфогель (1909 - ?) – подполковник Вермахта. В августе 1943 – октябре 1944 сотрудник оперативного отдела сухопутных войск оперативного штаба Вермахта.

⁵⁹³ Леопольд Бюркнер (1894-1975) – немецкий вице-адмирал. В 1944-1945 начальник зарубежного отдела ОКВ.

Гитлер желал последовательным проведением приказа фюрера № 1 не только абсолютного разграничения областей работы, но и чтобы работа, проводимая одним ведомством, не была известна другому. Было известно также, что Гитлер строжайше запретил офицерам всяческое обсуждение политических вопросов, и что обвиняемый Кейтель, исполняя этот приказ, считал правильным по данной причине своим офицерам запрещать подобные обсуждения.

Само собой разумеется, что под этим имелись в виду не академические обсуждения политических проблем, а все более заметное отрицательное отношение к той позиции, которую занимал верховный главнокомандующий вооруженными силами. Пока все проходило успешно, этого не было. Но со времен Сталинграда стали слышны высказывания, которые тогда Кейтелем квалифицировались как высказывания малодушных.

Соответственно своим убеждениям в том, что солдат на войне должен быть беззаветно предан своему народу и отечеству, представленному главой государства и верховным главнокомандующим, и что это особо остро должно проявляться в то время, когда наступает пора ухищрения. Кейтель действительно был беспощаден в обсуждении таких высказываний. Он не хотел оставлять даже малейшего луча сомнения в том, что он придерживается не того мнения, которого придерживается его начальник, и что он имеет какие-либо личные опасения.

Теперь я продолжаю внизу страницы 19:

Кейтель выражал это «словами». Это не должно означать, что это была маскировка, не соответствующая его убеждениям. Это не должно обозначать и того, что резкая и острая форма, в которой Кейтель обращался к своим офицерам, может быть, иногда и приводила к тому, что тот или иной офицер получал наказание или взыскание.

Очевидно, таким образом, доктор Гизевиус хотел показать, что в моральном отношении Кейтель дурно обращался со своими подчиненными по ОКВ.

Он не был лично знаком с подсудимым Кейтелем, и поэтому говорит не на основании собственных сведений, а со слов тех офицеров, которые находились с ним в непримиримом внутреннем противоречии, хотя это противоречие внешне никогда не проявлялось. К Кейтелю никогда не обращались с предложением присоединиться к заговору. Это и понятно, потому что заговорщики не могли рассчитывать на успех, зная характер и солдатскую правоту Кейтеля. С другой стороны, Кейтель совершенно ни о чем не подозревал; это не нуждается в доказательствах, поэтому создается следующая картина.

Кейтель ничего не знал о заговорщической деятельности; то, что до

него доходило, носило форму деловых соображений или личных замечаний, которые Кейтель рассматривал по долгу службы, причем как снисходительный начальник, который, как у нас говорят: «бранится только для виду», и о котором его подчиненные говорили, что он лает, но не кусается. Наоборот, так называемые заговорщики должны были видеть врага в лице всякого, кто не разделял их целей. Всякое действие и всякое слово взвешивалось на весах и критически рассматривалось сквозь лупу. Поскольку каждый заговорщик надеется на успех своей деятельности, направленной на достижение переворота, он должен собирать материал для будущего «расчета». Это является ближайшей задачей, в особенности, будущего министра внутренних дел и полиции.

Поэтому, при объективной оценке фактов, установленных представленными доказательствами, надо признать, что обвинения, вытекающие из свидетельских показаний Гизевиуса, являются неправильными. Однако картина осталась бы незавершенной, если бы не осветить личность свидетеля Гизевиуса, исходя из его собственных показаний. Данное суждение основано на двух факторах:

- 1) Карьера и пост свидетеля.
- 2) Достоверность его информации.

На странице 92 моего текста я подробно рассказал о функциях которые осуществлял доктор Гизевиус. Я не подчеркнул ничего, что может упрекнуть его за показания которые он дал, которые все вы слышали. Я лишь бесстрастно подтвердил следующее:

(а) Он получил от Остера подложные документы, с помощью которых он уклонился от воинской повинности.

(б) С 1933 года он жил в Германии совершенно свободно и состоял на службе до 20 июля 1944 г.

(в) Он был чиновником Рейха и получал все время жалованье, за исключением отпуска, которым пользовался с середины 1937 года до начала 1939 года.

(г) С 1943 года он был вице-консулом Рейха в Швейцарии при генеральном консульстве Рейха в Цюрихе, куда он был назначен с помощью Канариса и где был одновременно агентом-информатором. Разумеется, ему за это платили. Одновременно он был связан с вражеской службой разведки.

(д) С 1933 года он работал в Гестапо и подробно знал о всех ужасах и последствиях, которые они могли иметь для всего немецкого народа.

(е) Особым обстоятельством, характеризующим свидетеля доктора Гизевиуса, является тот совет, который он дал опытнейшему специалисту в банковских делах банкиру доктору Шахту, — довести дело до инфляции для того, чтобы взять все дела в свои руки. Такой совет он мог дать лишь в двух случаях: в

случае полного незнания экономического значения и социальных последствий инфляции или абсолютной беспринципности и полного безразличия к судьбе служащих и рабочих, на которых инфляция отразится в первую очередь. Сознательно осуществленная инфляция должна рассматриваться только как преступление против общества. Шахт описал это как катастрофу. Шахт ответил ему, согласно записи: «Вы хотите катастрофы, я хочу ее избежать».

Для того, чтобы судить о надежности заявлений свидетеля Гизевиуса перед трибуналом, я должен сослаться на книгу представленную свидетелем в качестве доказательства: «До горького конца». Эта книга тоже «заявление» свидетеля Гизевиуса.

Человеку свойственно ошибаться, но если в 1945 году, после крушения Германии, появляется книга, в которой излагаются факты и события, имеющие не только историческое, но для их участников также моральное и даже уголовно-правовое значение, причем недостоверность их стала к этому времени уже очевидной, в этом случае ошибка непростительна и ссылка на неправильную информацию не может служить извинением.

Из многих неверных утверждений, содержащихся в этой книге, я лишь вкратце укажу на те, которые были установлены здесь в суде доктором Кубушоком во время перекрестного допроса.

(1) Доктор Гизевиус утверждает в своей книге, что фон Папен, несмотря на события от 30 июня, не вышел в отставку. Установлено, что фон Папен подал заявление об отставке и лишь опубликование этого факта было отложено на некоторое время.

(2) Далее доктор Гизевиус утверждает, что фон Папен принимал участие в заседании кабинета, которое он описывает во всех мельчайших подробностях, и на котором было решено издать закон, устанавливающий, что мероприятия от 30.06.1934 г. вызывались государственной необходимостью.

(3) Доктор Гизевиус наконец утверждал, что фон Папен пошел на встречу с фон Гинденбургом, но не заявил достаточный протест против мер. На самом деле случилось то, что попытки фон Папена посетить фон Гинденбурга оказались неудачными, поэтому он не смог увидеть его.

(4) Утверждение в книге доктора Гизевиуса о том, что фон Папен принимал участие в заседании Рейхстага на котором были одобрены меры 30 июня, должно также считаться неправильной информацией.

Не будет несправедливым упреком назвать такое изложение фактов недостоверным, а такого автора - не заслуживающим доверия. Мне, как немецкому адвокату, трудно оставаться бесстрастным в этом вопросе. Показания Гизевиуса раскрывают трагедию немецкого народа. Для меня они являются подтверждением слабости и вырождения определенных немецких кругов,

которые играли идеей путча и государственной измены, не будучи внутренне заинтересованными в удовлетворении нужд народа. Это была верхушка, состоявшая из будущих министров и генералов, не имевшая поддержки широких масс нашего народа и рабочего класса, как показал здесь рейхсминистр Зеверинг.

Господин Джексон упомянул в связи с допросом свидетеля Гизевиуса о «движении сопротивления». На протяжении этого процесса мы часто слышали о бесстрашных, отважных мужчинах и женщинах, которые боролись, страдали и умирали за свое отечество. Они были нашими врагами. Но никто, оставаясь объективными, не откажет им в признании их героизма. Где же этот героизм у группы Гизевиуса? Прочитав его книгу «До горького конца» и выслушав здесь его самого, мы напрасно стали бы искать среди них человека, готового принести жертву. Даже запоздалое действие Штауффенберга⁵⁹⁴ лишено героизма, потому что у него отсутствовала решимость к самопожертвованию. Описывая период до 1938 года, т.е. время, когда еще возможно было с успехом повернуть колесо истории, Гизевиус все время говорит о переговорах, обсуждениях, однако все эти люди хотели, чтобы действовали другие, т.е. генералы. Если вспомнить обо всех тех фактах, которые были известны Гизевиусу как члену Гестапо, а также всем его друзьям, если учесть ту большую опасность, какой подвергался народ, то для патриотов, каковыми претендуют называться члены этой группы, не могло оставаться никакого сомнения в необходимости решительных действий. Что же они сделали? Встретившись с нерешительностью или отказом со стороны руководителей армии, они и не подумали действовать сами, а обратились к загранице.

Можно найти оправдание для тех из немцев, которые подвергались невероятному обращению, которых правительство изгоняло, и которые, не имея к тому путей и средств, не вступали на путь открытого действия. Но группа Гизевиуса располагала такими средствами и возможностями. В нее входили влиятельнейшие люди, занимавшие самые центральные посты, члены ОКВ, лица, принадлежавшие к ближайшему окружению Гитлера. Люди, имевшие доступ к Гитлеру и самым плохим его советчикам. Ни один из них не нашел в себе мужества для необходимого действия, когда наступило время. Что они сделали вместо этого? Они остались на своих должностях, они деятельно помогали тому, чтобы могли совершаться те преступления, которые рассматриваются сейчас в этом процессе.

Я хочу, чтобы не оставалось никакого сомнения в том, что факт заговора сам по себе имеет значение для рассматриваемого здесь вопроса о том, заслуживают ли доверия эти люди. Тот, кто является заговорщиком по честным мотивам, тот, кто,

⁵⁹⁴ Клаус фон Штауффенберг (1907 — 1944) — полковник вермахта, один из основных участников Заговора 20 июля, осуществивший покушение на жизнь Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян.

сознавая опасность, грозящую его стране, ставит на карту свою жизнь, не только действует честно, но и заслуживает благодарности отечества.

Если бы Гизевиус и его друзья, знавшие в силу своего положения о всех тех ужасах, о которых большинство немцев узнало лишь по процессу, служили бы самоотверженно своей стране, то мы и весь мир, возможно, были бы избавлены от многих несчастий и страданий.

Гросс-адмирал Дениц, хорошо знавший адмирала Канариса, сказал:

«Адмирал Канарис, в то время, когда он служил в военно-морском флоте, был офицером, которому мало доверяли. Он был совсем другим человеком, чем все мы. Мы говорили, что у него семь душ в груди».

Господа, но, что же говорит доктор Гизевиус о Канарисе на странице 319 книги «До горького конца»?

«Преемником стал Канарис, бывший в то время капитаном I ранга, человек довольно умный и более хитрый, чем Гиммлер и Гейдрих вместе взятые»

На следующих страницах я проанализировал тех личностей которых цитировал Гизевиус как основные источники информации. Я не желаю вдаваться в это подробнее. Мы говорим о персонах Канариса, Небе и Томаса.

Что касается страниц 96-103, я коротко суммирую. В отношении Канариса, я лишь хочу сказать, что он жил тесном контакте и был очень дружен с Гиммлером, Гейдрихом и Гестапо, хотя должен был быть их заклятым врагом. Томас, который якобы тоже был членом их группы с самого начала, был превосходным офицером генерального штаба, и он был образцовым организатором и неутомимым сотрудником штаба экономики армии в подчинении Кейтеля, а потом в штабе экономики вооружений армии в главкомандовании армии, вам известна его публикация PS-2353. Этот человек был духом и движущей силой перевооружения, которое он, также как и Кейтель и другие, считал необходимым в такой мере, что решительно преследовал. Он тот же самый человек который организовал «План Барбаросса-Ольденбург» и которые позднее, в подчинении четырехлетнего плана, стал главой экономического штаба плана Ольденбург. Результаты этого плана не нужно здесь объяснять.

Это генерал Томас, который согласно самому убедительному внешнему образу, использовал всю свою власть в экономическом руководстве войной, и который, после ухода от Шпеера, не был уволен, а был назначен Кейтелем на работу с архивным отделом для того, чтобы он смог написать книгу которая формирует главный пункт обвинительного заключения в отношении перевооружения. Если то, что сказал Гизевиус о Томасе правда, тогда с 1933 он вел двойную игру, и был оппортунистом, а не человеком от которого можно ожидать бесстрастной информации.

Фигура Канариса является почти мистической. Такими и должны быть люди, занимающиеся делами, которые не терпят дневного света. Занимаемая им должность имела большое значение для всего ведения войны. Ясно, что такие люди должны пользоваться величайшим доверием руководства, как в вопросах политики, так и в вопросах ведения войны. Степенью оказываемого кому-либо доверия измеряется его надежность. Он пользовался также доверием подсудимого Кейтеля, с которым, как это доказано, он находился в товарищеских и даже дружеских отношениях, следовательно, общался не только как подчиненный с начальником. Йодль говорил о том, что Кейтель был излишне доверчив. Правдоподобно ли, что такие отношения могли продолжаться годами, если бы Кейтель был осведомлен о так называемых отчетах Канариса в той мере, как говорил об этом здесь свидетель Гизевиус, а тем более, если бы последний получил от Кейтеля приказ об убийстве генералов Вейгана⁵⁹⁵ и Жиро⁵⁹⁶, как уверял Лахузен?

Итак, если Канарис пользовался таким большим доверием Гитлера и Кейтеля, и одновременно был тесно связан с группой Гизевиуса, личность эта должна рассматриваться не только как двойственная, но и как не заслуживающая доверия. Можно найти извинения для человека, который временно проявляет такую двойственность во имя высшей цели, для того, чтобы принести пользу своему отечеству, чтобы освободить его от тирана. Здесь же мы напрасно стали бы искать такую твердо намеченную цель, такое деяние, которое освещает высшее незаконное действие светом высшего морального права.

Канарис считал, что он исполняет свой революционный долг тем что в кругу единомышленников высказывает сомнения и резкую критику. Он, как и другие, ожидал, что действовать будут генералы (он, как адмирал, видимо, не причислял себя к этому кругу), сам же он будет и дальше пользоваться доверием Гитлера и Кейтеля. Он мирился с тем, что его единомышленники установили связь с заграницей. Это вытекает из показаний свидетеля Гизевиуса.

Когда Канарис говорит правду? Он по необходимости погряз во лжи. Не приходилось ли ему говорить своим единомышленникам кое-что такое, что соответствовало настроению группы? И в то же самое время, не должен ли он был также передавать кое-что о том, что он якобы говорил Кейтелю? Он представляет собой типичный образец утонченного, высокоинтеллигентного салонного заговорщика, которого защищал сам род его

⁵⁹⁵ Максим Вейган (1867 — 1965) — французский военный деятель. Командующий французскими войсками в Северной Африке.

⁵⁹⁶ Анри Жиро (1879 — 1949) — французский военачальник, армейский генерал, участник двух мировых войн.

темной, почти бесконтрольной деятельности, но у которого отсутствовала воля к действию.

Кейтель питал к Канарису такое доверие и такую склонность, что пренебрегал неоднократными предостережениями Йодля и продолжал доверять Канарису даже после 20-го июля 1944 г.

Хотя Канарис был злейшим врагом Гестапо, он тесно и удивительно дружественно сотрудничал с Гиммлером и Гейдрихом, хотя, конечно, не по убеждению. Между ними существовала известная конкуренция. Гиммлер имел центральное управление разведки, которое вначале ведало внутренней информацией, но затем, шаг за шагом, распространило свою деятельность за границей. Об этом говорил подсудимый Кальтенбруннер. Эта конкуренция таила в себе возможность трений, которые, ввиду известного Канарису стремления Гиммлера к власти, могли привести к тому, что отдел «разведки» полностью перешел бы к главному управлению безопасности Рейха. Канарис видел в этом угрозу для себя лично и для всех заговорщиков. Вследствие этого он поступил очень хитро: он организовал сотрудничество, в результате которого он прикрывался Гиммлером в различных сомнительных случаях. Совместная работа шла хорошо долгое время, до тех пор, пока операции «Остер» и «Анкара» не дали повода созданной за это время Кальтенбруннером службе «иностранный разведки» при главном управлении безопасности Рейха так сильно скомпрометировать разведку ОКВ, что Гитлер распорядился о смене руководства управления разведки. Во всем этом важным является факт тесного сотрудничества между Гиммлером и Канарисом, из которого неизбежно вытекает логический вывод, что Канарис никогда не мог бы представить такого доклада, в котором против Гиммлера и его организации выдвигались бы серьезные обвинения. Потому что, если бы Канарис представил такой письменный доклад Кейтелю, последний должен был бы либо передать его Гитлеру, либо обратиться с запросом к Гиммлеру, т.е. в главное управление безопасности Рейха. В обоих случаях Гиммлер узнал бы об этом. Последствия ясны: сотрудничество превратилось бы во вражду, а вражда с Гиммлером означала величайшую опасность для Канариса и его группы. Мне кажется, что эта железная логика сильнее, чем репортаж свидетеля Гизевиса, основанный на мнимых заявлениях Канариса.

Таков, в основном, облик этого человека, о котором можно судить различно, но который не был заговорщиком и не может претендовать на доверие.

Для суждения о личности генерала Томаса, а тем самым, для оценки достоверности его показаний представляют значение следующие документы: документ PS-2358 (зеленая папка), документ ЕС-270, документ ЕС-271.

1. Документ PS-2358, озаглавленный «Раздел А - работы, проводившееся в области военной экономики и экономики вооружений - до начала мобилизации в 1939 г.», предоставлен обвинением, как доказательство проводившегося вооружения. Действительно, в нем содержатся такие доказательства, и подсудимый Кейтель этого не оспаривает.

2. Генерал Томас, будучи взятым в плен, дал показания по поводу этого своего труда. В нем говорится, что после 20-го июля 1944 г. он настолько переработал свою памятную записку относительно развития германской военной экономики, что в случае нужды, т.е. если его будет судить немецкий суд, она сможет быть использована для его защиты.

Его показание приложено к документу PS-2358. Отсюда возникает альтернатива: если документ PS-2358 не является той настоящей памятной запиской, он не может представляться обвинением в качестве доказательства. Если же это тот подлинный документ, тогда следует взять под сомнение правдивость этого свидетеля, служившего источником информации для доктора Гизевиуса.

Памятная записка в основном соответствует действительности. Однако верно и то, что Томас со всем рвением работал не только по вооружению, но и в организации «Ольденбург», т.е. участвовал в ведении экономической войны против СССР. Я ссылаюсь на документ USA-141 (обсуждение от 29 апреля 1941 г.).

Цель этого совещания: начало организационного построения экономического сектора предприятия «Барбаросса-Ольденбург». В записи говорится:

«Последний (рейхсмаршал) поручил эту задачу экономическому оперативному штабу под руководством начальника управления по экономическому вооружению».

Тем самым генерал Томас поступил в распоряжение Геринга, руководившего всем предприятием в целом. Томас руководил всем организационным построением и подготовкой этого предприятия, как это изложено в письменных показаниях Кейтеля.

Совместимо ли все это с утверждением Гизевиуса, а теперь и Томаса, о том, что они были принципиальными противниками войны и расходились в убеждениях с Гитлером? Томас принял на себя выполнение и руководство совершенно ясной и определенной, не совместимой с существующим международным правом задачи. Он ни разу не заявил протеста против того, что ему поручало руководство этим учреждением.

Совместимо ли все это с утверждением Гизевиуса, а теперь и Томаса, о том, что они были принципиальными противниками войны и расходились в убеждениях с Гитлером? Томас принял на себя выполнение и

руководство совершенно ясной и определенной, не совместимой с существующим международным правом задачи. Он ни разу не заявил протеста против того, что ему поручало руководство этим учреждением. Позиция генерала Томаса подтверждается со всей ясностью документом ЕС-270, представленным 6 мая 1946 г. обвинением. Это проект письма штаба военной экономики (начальник - генерал Томас) от 27 апреля 1938 г. отделу «Л» (отдел обороны при оперативном штабе руководства верховного командования вооруженных сил), не подписанного подсудимым Кейтелем. Речь идет о борьбе за власть, происходившей между генеральным уполномоченным по военной экономике Функом и Герингом, как руководителем управления по четырехлетнему плану. Из документа ЕС-271 явствует, что генерал Томас преследовал цель подчинения ОКВ, т.е. руководимому им военно-экономическому штабу всей военной экономики. Под предлогом истолкования указа от 4 февраля 1938 г. «О руководстве вооруженными силами» он хотел воспрепятствовать тому, чтобы Функ был подчинен Герингу, как руководителю управления по четырехлетнему плану, но одновременно хотел помешать и тому, чтобы генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики был бы самостоятельным. Он хотел, чтобы «Было установлено, что главный уполномоченный по военной экономике должен выполнять указания ОКВ по всем вопросам, касающимся снабжения вооруженных сил».

Провести этот план не удалось, да и Кейтель был с ним не согласен. Однако из документа ЕС-270 видно, что генерал Томас стремился к тому, чтобы превратить свое ведомство в орган, генерального штаба экономики ОКВ. К проведению этого плана он стремился годами, наперекор Кейтелю и Йодлю. На документе ЕС-270, в конце, имеются инициалы генерала Томаса. Таков человек, претендующий на то, что он боролся против войны и тех методов, которые он называет преступными и противоречащими международному праву; это оппортунист, который вел двойную игру. Подсудимый Кейтель согласился, что Томас делал отчеты, указывающие на тяжелое положение с сырьем, он выражал опасения, будет ли у нас достаточно вооружения для того, чтобы продолжать войну. Это опасение разделяли и генералы, и в частности, Кейтель. Генерал-полковник Йодль подтвердил, что эти отчеты Томаса представлялись Гитлеру, так что и в этом пункте данные, о которых сообщил здесь доктор Гизевиус, опровергнуты.

Но хуже всего обстоит дело с другом Нёбе. Свидетель Гизевиус описывал Нёбе как одного из своих самых близких друзей который имел такие же взгляды как и он. С 1933 года Небе состоял в тесной дружбе с доктором Гизевиусом, как об этом сам показал последний. Он хорошо был осведомлен о взглядах свидетеля. В главном управлении безопасности Рейха, о котором здесь уже

много говорили, он оставался до 20 июля 1944 г., а в 1944 году ведал специальной службой по охране военнопленных. Это следует из документа СССР-413, представленного здесь обвинением, и приложения к нему: показания выступавшего здесь свидетеля Вилена.

Для характеристики этого свидетеля, о котором доктор Гизевиус после своего ухода из Гестапо якобы систематически получал сведения, следует указать, что с 1933 по 1944 год (июль) Небе служил в главном управлении безопасности Рейха и, очевидно, его начальники Гиммлер, Гейдрих и Кальтенбрунер были им довольны, ибо в противном случае он не был бы так долго на этой работе и не стал бы генералом полиции и группенфюрером СС.

Таким образом, он в течение 11 лет выполнял задачи по службе, пользуясь известными методами подчиненного Гимлеру Гестапо, а затем уголовной полиции, а доктор Гизевиус выставляет его как своего друга и товарища по убеждению. Можно было бы подумать, что он, работая на своей должности, не допускал несчастий или даже не давал хода выполнению некоторых приказов. Но Небе не делал этого, он работал как настоящий генерал полиции Гиммлера. Это следует из уже упомянутого документа СССР-413. В своем скромном показании Вилен обрисовал отвратительный случай с 50-ю бежавшими летчиками, в котором принимал участие генерал полиции и друг доктора Гизевиуса Небе.

Вилен заявляет следующее в связи с этим:

«Однажды в полдень я получил телеграфное указание от генерала Небё немедленно прибыть в Берлин для информирования о секретном приказе. Когда, тем вечером я прибыл в Берлин, я встретил генерала Небё в его ведомстве на Вердешер маркт 5/7. Я представил ему короткий, сжатый доклад о состоянии дела. Затем он показал мне приказ по телетайпу подписанный доктором Кальтенбруннером, в котором говорилось о том, что по прямым личным приказам фюрера, более половины офицеров сбежавших из Сагана должны были быть расстреляны после их поимки. Ответственные офицеры из управления IV, группенфюрер Мюллер, получил соответствующие приказы и дал указания государственной полиции. Проинформировали военные ведомства. Генерал Небё сам был шокирован этим приказом. Он был сильно подавлен. Потом мне говорили о том, что ночью он не пошёл спать, а провёл ночь в кабинете. Я тоже был возмущен ужасным шагом который должны были предпринять и возражал его исполнению. Я сказал о том, что это противоречило законам войны, и это обязательно приведёт к репрессалиям против наших собственных офицеров которые были военнопленными в английских лагерях, и что я абсолютно отказываюсь принимать какую-либо ответственность.

Генерал Небё ответил, что в этом конкретном случае, я на самом деле вообще не имел ответственности, потому что государственная полиция будет действовать полностью самостоятельно, и что, в конце концов приказы фюрера нужно выполнять без сомнения».

Затем Небё добавил, что я, со своей стороны, конечно находился под обязательством соблюдать абсолютную секретность, и что после демонстрации подлинного приказа у меня не должно было быть никаких трудностей с государственной полицией».

Всякие комментарии излишни. Личность Небе охарактеризована здесь достаточно. То, насколько можно верить человеку, является неделимой частью всей его личности. Сообщения такого человека, как Небе, который более 10 лет играл столь гнусную двойную роль, не могут претендовать на то, чтобы в них верили.

Я думаю, что анализ показаний свидетеля доктора Гизевиуса и лиц его группы дает мне право сказать, что сведения, которые должны были служить в отягощение вины подсудимого Кейтеля, не могут быть основой доказательств, представленных здесь со стороны обвинения, а именно, что подсудимый Кейтель:

- (1) сформировал кольцо вокруг Гитлера;
- (2) имел огромное влияние на ОКВ и вооруженные силы;
- (3) не передавал доклады о жестокостях и преступлениях Гитлеру и
- (4) не защищал своих подчиненных, а даже угрожал им Гестапо.

В противоположность этому, надо сказать, что Кейтель при своем положении, каким бы замечательным оно внешне ни казалось, не имел решающего влияния на происходящее, а также на принципиальные и важные решения Гитлера, он не был их источником. Будет справедливо сказать, что фактическое значение работы Кейтеля было громадным, потому что она превышала все фактические и духовные силы человека, потому что она систематически ставила подсудимого перед дилеммой: солдатское мировоззрение или непреклонная воля Гитлера, которому он был предан, слишком предан. Эта работа была физически громадной, потому что она была бесконечной, она не имела точного и четкого содержания, а состояла из вечного примирения всех разногласий, в передаче личных чувств, в борьбе с нарушениями отдельных учреждений в отношении друг с другом и с ОКВ (вопросы личной ответственности), в лавировании в тех случаях, когда Гитлер, в ответ на неприятное известие вспыхивал и собирался издавать невероятные приказы, в разрешении всех неприятных вещей, которые Гитлер не хотел разрешать сам (например: отказы на заявления и жалобы, которые попадали к нему непосредственно через его адъютантов, объявление выговоров, устранение от работы и т.д.).

Это была чудовищно неблагодарная работа, мизерным вознаграждением за которую было блестящее положение в непосредственной близости от главы государства. Декоративное участие во всех событиях, которые называются «вершение мировой истории», в представительном обращении «фельдмаршал».

Эта аргументация не производит впечатления убедительной, если на основании ее делается вывод, что Кейтель также активно участвовал в политических переговорах.

Если подсудимый Кейтель принимал участие в официальных поездках государственных деятелей за границу и в переговорах с иностранными государственными деятелями, то он не участвовал в переговорах, а присутствовал на них. Гитлеру нравилось, когда Кейтель появлялся в его окружении в качестве представителя вооруженных сил. Так, например, Кейтель присутствовал также в Годесберге, когда туда приехал премьер-министр Чемберлен, а также в Мюнхене 30 сентября 1938 г. и во время визита Молотова в ноябре 1940 г. Он также присутствовал при встречах Гитлера с маршалом Петэном, с генералом Франко⁵⁹⁷, царем Борисом⁵⁹⁸, с регентом Хорти⁵⁹⁹ и с Муссолини. Этой функции Кейтеля, однако, недостаточно, чтобы сделать подсудимого Кейтеля генералом, который играл руководящую роль в ведении политики.

Насколько мало оправданно такое утверждение, вытекает из факта, о котором дал показания адмирал Бюркнер, что Кейтель строго придерживался принципа невмешательства в дела министерства иностранных дел и дал своим офицерам приказ не заниматься внешнеполитическими проблемами (например, военным атташе). Во внутренней политике изоляция начальника ОКВ вытекала из уже рассматривавшегося здесь факта ликвидации военного рейхсминистерства и тем самым намеченной и проведенной в жизнь ликвидации политического представительства вооруженных сил в кабинете министров.

Само собой разумеется, и уже рассматривалось то, что положение подсудимого здесь в качестве начальника ОКВ принесло с собой, и особенно должно было принести с собой во время войны то, что он входил в соприкосновение со всеми министерствами и высшими инстанциями и вел переговоры в качестве представителя ОКВ, т.е. Гитлера.

Тем самым Кейтель, однако, не стал политическим деятелем, т.е. человеком, который давал советы при составлении планов правительства и

⁵⁹⁷ Франсиско Франко (1892 — 1975) — испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939—1975 годах. Генералиссимус.

⁵⁹⁸ Борис III (30 января 1894 — 28 августа 1943) — царь Болгарии с 1918 по 1943 годы из Саксен-Кобург-Готской династии.

⁵⁹⁹ Миклош Хорти (1868 — 1957) — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920—1944 годах, вице-адмирал.

имел бы на него влияние. Он работал на своем высоком посту, естественно, также и над осуществлением этих планов и в этом отношении несет ответственность, однако, не как политический генерал.

Господин председатель, я начинаю длинную главу. Вы хотите, что я начал?

Председатель: Продолжайте читать до 5 часов.

Нельте: Кейтель относился отрицательно к мысли о войне с Россией. Это нашло свое явное выражение в меморандуме, составленном фельдмаршалом Кейтелем, обсужденном им с фон Риббентропом и переданным Гитлеру. Причины этого, о которых он заявил в своих показаниях под присягой, заключились в следующем:

- а) военные соображения,
- б) пакт о ненападении с Советским Союзом от 23.08.1939 г.

Несмотря на личное представление Кейтеля, меморандум не имел успеха. Гитлер, как и всегда в отношении вопросов стратегического характера, отклонял соображения Кейтеля, как неубедительные.

В этой связи и вследствие резкого ответа Гитлера, Кейтель ходатайствовал об освобождении его от должности и об отправке на фронт. Этот факт рейхсмаршал Геринг подтвердил во время своего допроса. Гитлер отклонил его ходатайство и при этом самым резким образом критиковал поведение генералов, просящих об увольнении с должности или отставке, если он (Гитлер) не соглашается с их мнениями или предложениями.

Таким образом, вопрос для Кейтеля был решен: он остался на своем посту, исполнял свои служебные обязанности и выполнял свой долг, выполняя те задачи, которые выпали на его долю, по дальнейшей подготовке к войне. И в этом случае Кейтель, как это соответствовало пониманию служебного долга, не выражал больше своего принципиального отрицательного отношения к войне с Россией после того, как Гитлер принял решение.

Этот случай с различных точек зрения типичен для Кейтеля и его оценки со стороны других. Мы знаем - это показало предъявление доказательств - что и другие генералы были против войны с Советским Союзом. И их сомнения рассеивались Гитлером или отвергались. Они также принимали к сведению решение верховного главнокомандующего вооруженных сил, продолжали служить и выполняли даваемые им приказы. Однако существовала одна принципиальная разница: эти другие генералы возвращались после беседы в свой штаб. Там они говорили в кругу офицеров о решении, принятом Гитлером. Естественно, оно подвергалось дискуссии, однако выполнялось.

Так как фельдмаршал Кейтель, исходя из уже изложенных военных соображений, не высказывал своего - также отличного мнения - генералам, когда они собирались в ставке фюрера на совещании, естественно, создавалось

впечатление, что фельдмаршал Кейтель якобы вполне согласен с Гитлером и не разделяет сомнений родов вооруженных сил.

Председатель: Доктор Нельте, думаю вы можете сейчас остановиться.

[Судебное разбирательство отложено до 10 часов 9 июля 1946]

Мирошниченко, Сергей Александрович

Юрист, переводчик и составитель полнотекстовых сборников стенограммы Нюрнбергского процесса.

Профиль автора на портале «Возмездие»:
<https://vozmezdie.su/@iss/a/860/71295/>

